

MIESIĘCZNIK
POŁOCKI.

№ 9(65), 2022

Т о м I.
R o k 1818.

*«Вестник Полоцкого государственного университета»
продолжает традиции первого в Беларуси литературно-
научного журнала «Месячник Полоцкий».*

ВЕСТНИК ПОЛОЦКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия А. Гуманитарные науки

В серии А научно-теоретического журнала публикуются статьи, прошедшие рецензирование, содержащие новые научные результаты в области истории, литературоведения и языкознания.

ВЕСНІК ПОЛАЦКАГА ДЗЯРЖАУНАГА УНІВЕРСІТЭТА
Серыя А. Гуманітарныя навукі

У серыі А навукова-тэарэтычнага часопіса друкуюцца артыкулы, якія прайшлі рэцэнзаваанне і змяшчаюць новыя навуковыя вынікі ў галіне гісторыі, літаратуразнаўства і мовазнаўства.

HERALD OF POLOTSK STATE UNIVERSITY
Series A. Humanity sciences

Series A includes reviewed articles which contain novelty in research and its results in history, literary studies and linguistics.

Журнал входит в Российский индекс научного цитирования.

Адрес редакции:
Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой,
ул. Блохина, 29, г. Новополоцк, 211440, Беларусь
тел. + 375 (214) 59 95 41, e-mail: vestnik@psu.by

Отв. за выпуск В.Е. Овсейчик.
Редактор И.Н. Чапкевич.

Подписано к печати 26.08.2022. Бумага офсетная 80 г/м². Формат 60×84¹/₈. Ризография.
Усл. печ. л. 20,45. Уч.-изд. л. 24,67. Тираж 100 экз. Заказ 502.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 94(477)"1941-1944"

**ОПЕРАТИВНЫЙ ШТАБ РЕЙХСЛЯЙТЕРА РОЗЕНБЕРГА И ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
В ОТНОШЕНИИ МУЗЕЙНЫХ, КНИЖНЫХ И АРХИВНЫХ ФОНДОВ БЕЛАРУСИ (1941–1944 гг.)****Ю.А. ГЕНИНА***(Витебский государственный университет имени П.М. Машерова)*

На основе привлечения широкого круга источников, в том числе впервые введенных в научный оборот архивных документов, рассмотрена деятельность Оперативного штаба рейхсляйтера Розенберга в отношении культурных ценностей на оккупированных белорусских территориях в годы Великой Отечественной войны. В частности, выделены и обоснованы основные направления и этапы в работе штаба с музейными, книжными, архивными собраниями и коллекциями на территории Беларуси. Автором вводится значительный пласт данных, позволяющих расширить и уточнить представление о функционировании структурных подразделений Оперативного штаба рейхсляйтера Розенберга в Беларуси в 1941–1944 гг.

Ключевые слова: *Оперативный штаб рейхсляйтера Розенберга, культурные ценности, Беларусь, немецкая оккупация, нацистская идеология, музеи, архивы, библиотеки.*

Введение. Белорусским музеям, библиотекам и архивам, отражающим своеобразие национальной культуры, в годы Великой Отечественной войны был нанесен значительный урон. И сегодня, спустя 77 лет со дня Победы, вопрос о реальных масштабах культурных потерь Беларуси является открытым. В данном контексте крайне важным видится изучение деятельности Оперативного штаба рейхсляйтера Розенберга (ОШР, штаб) – одной из ключевых нацистских структур, призванных реализовать политику Германии в отношении культурных ценностей оккупированных стран, включая Беларусь. Проблема перемещенных и утраченных культурных ценностей до сегодняшнего дня остается одним из наиболее острых вопросов в сфере культурного сотрудничества между европейскими странами, особую значимость она приобретает в ракурсе реституционных процессов.

Цель статьи – раскрыть сущность и особенности деятельности Оперативного штаба рейхсляйтера Розенберга в отношении музейных, книжных и архивных фондов в годы немецкой оккупации Беларуси.

Отечественная историография (как в советский период, так и на современном этапе) характеризуется отсутствием исследований, посвященных деятельности Оперативного штаба рейхсляйтера Розенберга на территории Беларуси в 1941–1944 гг. Однако следует отметить публикации, посвященные проблеме утраченных белорусских ценностей и размещенные в сборниках, издаваемых общественной комиссией «Вяртанне» при Белорусском фонде культуры с 1992 года. Так, изданный в 1997 г. сборник был полностью посвящен вопросам реституции культурных ценностей и их совместного использования¹. Вместе с тем, определенные аспекты, касающиеся деятельности штаба, находили освещение внутри более широких тем, связанных с историей музеев, архивов, библиотек, научных учреждений и учебных заведений Беларуси [1–5]. Без преувеличения знаковым событием можно назвать издание в 2004 г. работы А.А. Гужаловского «Музеі Беларусі (1941–1991 гг.)», в которой исследователь затрагивает деятельность ОШР в контексте истории отдельных музеев и их коллекций в годы немецкой оккупации белорусских территорий [6]. Зарубежные исследователи неоднократно обращались в своих работах к различным вопросам, касающимся деятельности Оперативного штаба рейхсляйтера Розенберга (преимущественно на территории России и Украины) [7–9]. Как правило, вопросы функционирования штаба на территории Беларуси в них не затрагивались.

Данное исследование проведено на основе документального комплекса Оперативного штаба рейхсляйтера Розенберга, оцифрованного и размещенного в свободном доступе на сайтах Центрального государственного архива высших органов власти и управления Украины и Федерального архива Германии. Методологической основой работы являются научные принципы объективности и историзма. Для проведения исследования были использованы две группы методов: общенаучные – анализ и синтез, индукция и дедукция, и специально-исторические – историко-описательный, историко-сравнительный, историко-системный, позволившие исследователю всесторонне посмотреть на изучаемый объект.

Основная часть. Поскольку в начале Великой Отечественной войны эвакуация не была произведена должным образом, подавляющее большинство культурных ценностей оказались в зоне немецкой оккупации. Сложившаяся ситуация открывала широкие возможности для деятельности Оперативного штаба рейхсляйтера Розенберга. Одним из ключевых направлений в его работе на начальном этапе стало обследование архивов, музеев, библиотек и иных подобных учреждений с целью учета всех имеющихся материалов и их последующего

¹ Рэстаўцыя культурных каштоўнасцей: праблемы вяртання і сумеснага выкарыстання (юрыдычныя, навуковыя і маральныя аспекты) : матэрыялы Міжнар. навук. канф., якая адбылася ў Мінску пад эгідай UNESCO 19–20 чэрв. 1997 г. / Нац. навук.-асвет. цэнтр ; рэдкал.: А. Мальдзіс (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 1997. – 336 с.

использования в интересах рейха. Подобные обследования производились с августа 1941 г., что подтверждают учетные карточки объектов, составление которых при проведении осмотров было обязательным. Первым стационарным структурным подразделением, развернувшим свою работу на территории Беларуси, стала Рабочая группа (РГ) «Беларусь», входившая наряду с рабочими группами «Латвия», «Литва» и «Эстония» в состав созданной в августе 1941 г. Главной рабочей группы (ГРГ) «Остланд» с центром в Риге. В 1943 г. руководством ОШР было принято решение о создании еще одной главной рабочей группы на оккупированных восточных территориях. С 1 мая 1943 г. по приказу Г. Утикаля была создана ГРГ «Центр», целью которой была «проработка проблем и вопросов, встречающихся в этом пространстве и существенно отличающихся от таких же в ГРГ “Остланд” <...> которые оказались более значительными, чем могло показаться и казалось раньше» [7, с. 267].

Порядок работы Оперативного штаба рейхслайтера Розенберга в Беларуси основывался на опыте функционирования данной структуры на территории захваченных ранее европейских стран и был выстроен в целях решения ключевых задач организации. Определенную специфику деятельности штаба в Беларуси придавало её разделение и включение в разные территориально-административные единицы. Была охвачена преимущественно территория генерального округа Беларусь, в меньшей степени – тыловой район группы армий «Центр» и территория округа Белосток (Гродно). Структурные подразделения штаба в Беларуси, осуществлявшие свою деятельность на постоянной основе (Главная рабочая группа «Центр», Рабочая группа «Беларусь»), создавались по территориальному принципу. Оперативные команды, в свою очередь, формировались как для стационарной деятельности в отдельных городах (Могилев, Горки), так и для выполнения конкретных задач на короткий срок (Витебск). Создаваемые по тематическому принципу зондерштабы также выполняли определенные задания на белорусских территориях посредством краткосрочного командирования в Беларусь своих представителей. Контроль деятельности всех структурных подразделений на оккупированных территориях возлагался на Управление штаба. Изменения в структуре и работе штаба, происходившие в 1941–1944 гг., были вызваны главным образом складывающейся военной обстановкой.

Отметим, что перед началом Великой Отечественной войны музейная сеть БССР охватывала 26 музеев, в безопасные районы удалось вывезти лишь часть коллекций из Витебска и Гомеля. Значительная часть музейных ценностей пострадала еще до начала деятельности ОШР. Так, разграбление Государственной художественной галереи в Минске было связано, прежде всего, с именем Г. Гиммлера. Во время своего визита в галерею 16 августа 1941 г. он произвел отбор заинтересовавших его произведений искусства [5, с. 30]. В первые месяцы оккупации, наряду с фондами государственных музеев, разграблению подверглись и коллекции учебных и научных заведений – Зоологический музей, геолого-минералогический и историко-археологический кабинеты при Белорусском государственном университете, геологический музей при Академии наук БССР. Один из документов штаба, датированный мартом 1944 г., содержит сведения об остатках коллекции Зоологического музея, которые вместе с материалами историко-археологического кабинета при БГУ (занимали 1/2 комнаты) находились в здании еврейского педагогического техникума². Сотрудниками штаба собрание оценивалось как малоценное и не представлявшее особой значимости. Тем не менее, около двух третей экспонатов Зоологического музея, включая коллекцию охотничьих трофеев Радзивиллов из Несвижского замка, в годы оккупации были вывезены в Германию [5, с. 31–32]. Из Академии наук БССР в марте 1942 г. сотрудниками штаба были обнаружены и изъяты богатый фольклорный материал, обширная археологическая коллекция (200 ящиков), большое количество письменных и фотоматериалов, 150 картин из Музея революции.

С 1942 г. к работе с белорусскими музейными коллекциями постепенно стали подключаться и представители зондерштабов, прежде всего, «Древняя и ранняя история» и «Изобразительное искусство». В течение 1942 г. представителями Зондерштаба «Древняя и ранняя история» были обследованы отдельные музеи в Минске, Могилеве, Витебске и Полоцке: «В музее в Минске, полностью разрушенном в результате военных действий, был по возможности наведен порядок, а также организована защита фондов, фотографии и документы упорядочены и подписаны. С помощью белорусского переводчика была собрана литература, сортируются каталоги, находки заново подписаны»³. Побывав в 1942 г. в Могилеве и Полоцке, сотрудники Зондерштаба «Древняя и ранняя история» отмечали, что местные музеи «были настолько повреждены, что их восстановление невозможно. Пришлось только собрать их жалкие остатки» [7, с. 505].

Документальный массив Оперативного штаба рейхслайтера Розенберга содержит еще несколько документов, касающихся предметов искусства из Могилева. Например, в донесении для Управления штаба сказано следующее: «Подожженная евреями, часть центра города с музеем и Братской церковью разрушены, оставшиеся произведения искусства спасены»⁴. Из рабочей переписки структурных подразделений ОШР следует, что предметы искусства в Могилеве (369 отдельных предметов, которые упакованы в четыре больших ящика) были изъяты вермахтом и переданы СД, но в последующем предназначались для передачи Рабочей группе «Беларусь»⁵. К сожалению, подтвердить факт передачи указанных ценностей штабу и проследить их дальнейшую судьбу не удалось. Вероятно, речь идет о ценностях из фондов Могилевского краеведческого музея, среди которых находилась и главная святыня белорусского народа – Крест Ефросиньи Полоцкой. Это, в свою очередь, ставит под

² Bundesarchiv (BArch), NS 30/183/249. URL: <https://invenio.bundesarchiv.de/invenio/direktlink/e94ecc06-d63e-49be-8146-5967cc35e34c/>.

³ Центральний державний архів вищих органів влади та управління України (ЦДАВО України). – Ф. 3676. Оп. 1. Спр. 211. Л. 200. URL: <http://err.tsdavo.gov.ua/acts/226/>.

⁴ ЦДАВО України. – Ф. 3676. Оп. 1. Спр. 118. Л. 38. URL: <http://err.tsdavo.gov.ua/acts/128/>.

⁵ ЦДАВО України. – Ф. 3676. Оп. 1. Спр. 138. Л. 130. URL: <http://err.tsdavo.gov.ua/acts/148/>.

сомнение версию о том, что ценности из Могилевского музея были эвакуированы в Москву перед тем, как город заняли оккупанты [4, с. 12–21].

Из Витебска в Куйбышев (а позднее – в Саратов) была эвакуирована часть коллекций Витебского областного социально-исторического музея (около половины фондового собрания) и произведения из Художественной галереи Ю.М. Пэна. Однако в городе остались около 15 тысяч предметов коллекций областного музея и собрание антирелигиозного музея [5, с. 28–29]. Сотрудники Зондерштаба «Древняя и ранняя история», побывав в Витебске в 1942 г., отмечали: «Собрание в Витебске претерпело значительные повреждения. Сохранившиеся фонды были собраны с помощью белорусского бургомистра и взяты под охрану, а также упорядочены» [7, с. 505]. Направленная в Витебск в октябре 1943 г. Оперативная команда в своем отчете отметила, что музейные коллекции, хранившиеся в четырех комнатах на верхнем этаже городской библиотеки, были разграблены. Оставшиеся музейные экспонаты (преимущественно керамика, образцы оружия и обмундирования) были упакованы вместе с музейной библиотекой (около 5 тыс. томов) в 46 ящиков и отправлены в Ригу⁶.

Коллекции Гомельского областного исторического музея, размещавшегося во дворце Румянцевых-Паскевичей, удалось эвакуировать лишь частично. На момент оккупации города немецкими войсками во дворце оставалось значительное количество ценнейших экспонатов. В Докладе Гомельской областной комиссии содействия в работе ЧГК СССР зафиксировано, что здание дворца Румянцевых-Паскевичей было подожжено оккупантами, а дорогостоящее имущество исторического и религиозного музеев, размещавшихся в нем, разграблено⁷. Сотрудники Оперативного штаба рейхслайтера Розенберга, побывав в Гомеле 14 октября 1941 г., в учетной карточке отметили следующее: «сгорел, часть экспонатов, по некоторым сведениям, эвакуирована в Саратов» (допущена ошибка, так как фонды Гомельского областного исторического музея были вывезены в Сталинград, а затем – в Камышин, Сталинградской области) [7, с. 218]. Очевидно, что ни к уничтожению музея, ни к вывозу из него ценностей Оперативный штаб рейхслайтера Розенберга отношения не имел.

Прямых свидетельств причастности Оперативного штаба рейхслайтера Розенберга к разграблению Гродненского историко-археологического музея выявить не удалось. Известно, что в годы оккупации из него была вывезена значительная часть музейных экспонатов сначала в Белосток, а затем – в Германию [5, с. 32]. Однако часть сотрудников штаба в декабре 1943 г. выехали именно в Белосток, туда же в конце 1943 – начале 1944 гг. стали вывозить книги и периодику из белорусских библиотек.

Коллекция музея в Барановичах сотрудниками штаба изначально была оценена как не превышающая уровня местного значения [8, с. 225]. В июне 1942 г. отсюда были изъяты несколько небольших образцов «большевистского творчества» и «картина одного слонимского еврея» [8, с. 225]. Тем не менее, из Барановичского областного художественного музея в годы оккупации были вывезены работы Я. Матейко, около 60 миниатюр западноевропейских художников, белорусские иконы и деревянная скульптура XVII–XVIII вв., французские гобелены XIV в., коллекция японских ваз, около 150 фарфоровых статуэток производства западноевропейских заводов, более 200 картин современных художников, а также библиотека по истории искусства [5, с. 32].

На сегодняшний день достаточно хорошо известны обстоятельства вывоза коллекции Краеведческого музея из Минска. В середине марта 1944 г. директором музея В. Гронау была достигнута договоренность о размещении ценностей в г. Инстербург (Восточная Пруссия). Однако по каким-то причинам было принято решение о замене Инстербурга на Гехштадт в Баварии, ответственной за отправку была назначена представительница Зондерштаба «Древняя и ранняя история» Эмма Хаупт. Коллекция музея в 4 вагонах была отправлена в Гехштадт через Инстербург⁸. 24 апреля 1944 г. руководитель ГРГ «Центр» Г. Лангкопф получил подтверждение, что музейные ценности прибыли в Гехштадт в 3-х вагонах (вместо отправленных 4-х)⁹. В скором времени туда же были вывезены и остальные ценности из музея, последний вагон был отправлен 11 мая 1944 г. После завершения работ по вывозу фондов Краеведческого музея Э. Хаупт было поручено заняться отправкой ценностей из краеведческого музея в Слониме. Под её руководством оттуда были вывезены ценные нумизматические и этнографические коллекции.

Подсчеты относительно вывезенных культурных ценностей крайне проблематичным вопросом. К сожалению, среди сохранившегося документального массива Оперативного штаба рейхслайтера Розенберга практически нет перечней или документов, содержащих подробные сведения о вывезенных музейных экспонатах. В той или иной мере разграблению подверглись музеи в Минске, Могилеве, Витебске, Полоцке, Гомеле, Гродно, Барановичах, Пинске, Волковыске, Слониме, а также музейные собрания Академии наук БССР, Белорусского государственного университета и ряда других учреждений. Судьба большей части вывезенных из Беларуси музейных ценностей до сих пор является загадкой. Из акта Белорусской республиканской комиссии содействия работе Чрезвычайной государственной комиссии по выявлению и расследованию преступлений немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненных ими убытков гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (ЧГК) следует, что в период германской оккупации с 1941 по 1944 гг. в БССР было разграблено 11 музеев¹⁰. Выявленная в ходе исследования информация позволяет утверждать, что данные относительно количества пострадавших музеев занижены.

⁶ ВArch, NS 30/187/23. URL: <https://invenio.bundesarchiv.de/invenio/direktlink/5b9a1325-d053-4f80-b6eb-1171668a554e/>.

⁷ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 7021. Оп. 85. Д. 413. Л. 27.

⁸ ВArch, NS 30/185/219. URL: <https://invenio.bundesarchiv.de/invenio/direktlink/0b290737-187c-449b-9614-225aac075e20/>.

⁹ ВArch, NS 30/160/177,179. URL: <https://invenio.bundesarchiv.de/invenio/direktlink/4c111f7c-eddd-4a28-9bc2-10d4e4150b3a/>.

¹⁰ Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 790. Оп. 1. Д. 3. Л. 32.

Общий довоенный книжный фонд Беларуси оценивался в 10 млн ед., только фонд Государственной библиотеки БССР имени В.И. Ленина составлял порядка 2 млн ед. [1, с. 113]. Ряд библиотек Беларуси с целью учета и установления значимости их книжных собраний были обследованы представителями Оперативного штаба рейхслайтера Розенберга еще летом 1941 г. В последующем данная работа приобрела широкий размах: обследованию и учету подлежали не только фонды библиотек, но и книжные собрания музеев, научных учреждений, учебных заведений и иных организаций в различных городах Беларуси. Зачастую во время подобных осмотров сотрудникам ОШР приходилось лишь констатировать факты полного уничтожения книжных собраний. Так, в результате поездки в Молодечно в период с 8 по 13 июня 1942 г. было установлено, что библиотеки города полностью уничтожены, поскольку зимой книги были использованы на растопку. Подобную ситуацию представители штаба зафиксировали и в Лиде – в результате пожаров сгорел весь книжный фонд библиотек города [8, с. 224–226]. В последующем производилась обработка и сортировка книжных собраний, определялась целесообразность их изъятия и последующего вывоза за пределы Беларуси.

Важным направлением в работе ОШР также являлось составление и упорядочение библиографии по различным вопросам истории и культуры. Зимой 1941 г. в Риге была начата работа по комплектованию Восточной библиотеки, которая создавалась с целью сбора литературы, позволяющей получить представление о большевизме и различных сторонах советской действительности – политической, экономической, культурной, идеологической и т.д. Для этого из Минска в Ригу регулярно предоставлялись сведения для составления картотеки Восточной библиотеки. В мае 1942 г. было принято решение о перемещении основного фонда в Берлин и о создании вспомогательных хранилищ в Киеве, Риге и Минске. К октябрю 1942 г. были отобраны первые 50 тыс. книг для комплектования Восточной библиотеки. Отправка книг производилась систематически на протяжении всего периода деятельности ОШР в Беларуси.

Распоряжением Управления штаба от 12 октября 1942 г. Минск был определен как один из важнейших пунктов учета книжных фондов на Востоке¹¹. С книжными собраниями на территории Беларуси тесно связана деятельность Зондерштаба «Библиотеки» или «Центральная библиотека Высшей школы» (ЦБВШ), основной задачей которого был отбор литературы для создания фондов ЦБВШ. Зондерштабом был разработан целый ряд специальных инструкций и памяток по работе с книжными собраниями на оккупированных восточных территориях¹². В период с 23 по 28 февраля 1942 г. руководитель Зондерштаба Г. Ней лично посетил Минск и побывал в Государственной библиотеке БССР имени В.И. Ленина, библиотеке Академии наук БССР, библиотеке Партийной школы (именно там в большом количестве была обнаружена литература, представлявшая интерес для ЦБВШ) и других библиотеках города. Впоследствии Г. Ней неоднократно присылал запросы, касающиеся отправки литературы из Беларуси для комплектования фондов ЦБВШ.

Наряду с комплектованием Восточной библиотеки и Центральной библиотеки Высшей школы, в Беларуси производился отбор литературы для Института изучения еврейского вопроса во Франфурте-на-Майне. В данном случае речь шла, прежде всего, о гебраике (книги, написанные еврейским алфавитом) и иудаике (литература об иудаизме и евреях, написанная другими алфавитами). К октябрю 1942 г. в Минске было собрано 21,086 томов, включая школьные учебники, художественную литературу, научные издания, беллетристику, раббинику XVII – XX вв., караимскую литературу, еврейские рукописи, а также Мидраш, Талмуд, Мишну, Каббалу. В отчете РГ от 13 октября 1942 г. отмечалось, что указанная литература, упакованная в 104 ящика, в ближайшее время должна была отправиться из Минска прямым путем во Франкфурт-на-Майне [9, с. 112–113]. Сотрудниками Оперативного штаба рейхслайтера Розенберга в Беларуси также производился отбор литературы по запросам различных нацистских структур и ведомств. Книги для этих целей изымались из публичных библиотек, учебных заведений, научных учреждений и других организаций. В целом же, в течение 1942 г. из-за дефицита упаковочного материала существовали трудности с вывозом книжных собраний за пределы Беларуси, полномасштабная отправка книг и других печатных материалов началась лишь к началу 1943 г.

Следует подчеркнуть, что политика нацистов в области культурных ценностей на оккупированных территориях подразумевала в том числе и уничтожение тех материалов, которые не были отобраны: книг, периодических изданий, архивных документов, музейных экспонатов. Например, только в период с 14 по 31 декабря 1942 г. количество книг, отобранных в макулатуру в Минске составило 7 грузовых машин, в 1942 г. эта цифра составила 800 т¹³. 10 февраля 1943 г. генеральным комиссарам в Ригу, Ревель, Каунас и Минск были направлены письма идентичного содержания, касающиеся уничтожения «вредной литературы»¹⁴. Немного позднее, 16 февраля 1943 г., в Минск была направлена подробная инструкция, касающаяся работы с литературой. Все книжные собрания в Беларуси необходимо было разделить на две большие группы – изданные до 1917 г. и после. Литературу, изданную до 1917 г., позволялось оставлять в местных библиотеках. Практически вся большевистская литература должна была быть изъята из библиотек за исключением книг по естествознанию, техническим наукам, медицине и искусству, литературы религиозного содержания. В инструкции также подчеркивалось, что уничтожение не подлежащих хранению книжных собраний является прерогативой Оперативного штаба рейхслайтера Розенберга.

¹¹ ЦДАВО України. – Ф. 3676. Оп. 1. Стр. 58. Л. 392 – 394. URL: <http://err.tsdavo.gov.ua/acts/66/>.

¹² ЦДАВО України. – Ф. 3676. Оп. 1. Стр. 136. Л. 222–234, 433–434. URL: <http://err.tsdavo.gov.ua/acts/146/>.

¹³ VArch, NS 30/149/273–277. URL: <https://invenio.bundesarchiv.de/invenio/main.xhtml>.

¹⁴ ЦДАВО України. – Ф. 3676. Оп. 1. Стр. 151. Л. 218. URL: <http://err.tsdavo.gov.ua/acts/161/>.

В годы немецкой оккупации книги из белорусских библиотек не только вывозились за пределы Беларуси, но и постоянно перемещались внутри нее. В течение 1942 г. для хранения книг в Минске и его пригородах было сформировано не менее 5 книжных лагерей. Регулярный характер носила передача литературы по различным вопросам (включая школьные учебники) Генеральному комиссариату Беларуси. С весны 1943 г. активно велись работы по сортировке книг в Государственной библиотеке БССР имени В.И. Ленина (порядка 83% её фондов подверглись разграблению), Минской городской библиотеке имени А.С. Пушкина, библиотеке Дома Красной Армии и ряде других. К работе с книжными собраниями были привлечены местные жители, их работа оплачивалась Генеральным комиссариатом Беларуси. Часть отобранных в библиотеках книг хранились в самом здании РГ «Беларусь». Из книжных собраний, хранящихся в здании офиса РГ «Беларусь», в марте 1943 г. 13 тыс. томов было вывезено в Ригу и 9,5 тыс. – в Берлин¹⁵. Значительный урон был нанесен библиотеке Академии наук БССР, книжный фонд которой перед началом Великой Отечественной войны составлял порядка 345 тыс. ед. (включая так называемую «Разивилловскую библиотеку», из 20 тыс. томов которой сегодня осталось лишь 4,5 тыс.) [1, с. 112].

В марте 1943 г. Управлением штаба был подготовлен проект создания краевых библиотек на оккупированных территориях, а также в Берлине. Планировалось, что Белорусская краевая библиотека в Минске будет содержать материалы на различных языках, в данном случае речь шла главным образом о дублетах книг¹⁶. Основой для её создания должен был послужить белорусский отдел при РГ «Беларусь» (в целом же, при РГ «Беларусь» было сформировано несколько отделов – отдел дублетов, отдел журналов, отдел музыки, отдел фильмов и др.). В связи с поставленной задачей работа по отбору книг для комплектования белорусского отдела при РГ «Беларусь» была существенно ускорена.

Отбор книг для отправки в Германию параллельно производился и в других населенных пунктах Беларуси. Начиная с февраля 1943 г. Оперативной командой «Могилев» активно проводилась работа по сортировке книжных собраний в библиотеках города, к марту 1943 г. был отобран ряд церковных книг для вывоза в Берлин¹⁷. В апреле 1943 г. силами Оперативной команды «Горки» была отобрана и упакована в два больших ящика литература экономического, географического, статистического содержания для отправки в Минск, откуда в конце апреля 1943 г. была вывезена в Ригу для дальнейшей обработки. Во время проходившего в июне 1943 года в Минске совещания руководителей и сотрудников главных рабочих групп (ГРГ) «Остланд», «Центр», «Украина» значительное внимание было уделено обсуждению рабочего плана пополнения Восточной библиотеки, утвержденного Управлением штаба в Берлине 2 июня 1943 г. В первой половине июля 1943 г. из Минска в Берлин были вывезены 14 ящиков книг, отобранных для Восточной библиотеки. В этот же период более полутора тысяч экземпляров книг из Минска и 10 ящиков с литературой из Горок были отправлены в Ригу¹⁸. В сентябре 1943 г. из Управления штаба в Берлине в Минск снова было направлено письмо с требованием ускорить отбор книг из библиотек, находящихся в зоне действия ГРГ «Центр», для создания Восточной библиотеки, и обеспечить их своевременную отставку в Ригу или Ратибор¹⁹. В октябре-ноябре 1943 г. туда было вывезено не менее 8 вагонов литературы из Государственной библиотеки БССР имени В.И. Ленина и библиотеки Академии наук БССР, включая собрания Радзивиллов. Осенью 1943 г. был продолжен вывоз книг и печатных изданий из Витебска и Могилева в Ригу, Вильно и Ратибор. Так, с 09 по 14 октября 1943 г. в Могилеве находились два сотрудника ОШР, которые занимались организацией вывоза полутора вагонов с книгами из городской библиотеки и церковных книг из ЗАГСа²⁰. Во время работы Оперативной команды «Витебск» с 16 октября по 20 ноября 1943 г. из библиотек города в Ригу было вывезено 11 тыс. томов в 32 ящиках²¹. Поскольку в декабре 1943 г. был осуществлен перевод части сотрудников ГРГ «Центр» и местных библиотечарей в Белосток, часть книжных собраний стали отправлять туда. В Белосток было вывезено из Минска не менее трех вагонов с периодикой (28 января, 4 февраля и 8 апреля 1944 г.)²². К лету 1944 г. указанная литература была перевезена в Ратибор и Плесс.

В феврале – марте 1944 г. ускоренно осуществлялась отправка остатков книг Государственной библиотеки БССР имени В.И. Ленина (11 вагонов были отправлены в Ратибор), библиотеки Академии наук БССР (3 и 4 февраля 1944 г. два вагона книг отправились в Ратибор), литература из книжных лагерей на Рыночной площади, в Холодной (Большой) синагоге и др.²³. В общей сложности в феврале-марте 1944 г. из Беларуси было вывезено около 20 вагонов с литературой. 6 апреля 1944 г. состоялась передача книжных собраний, оставшихся на тот момент в Минске (около 1 млн 50 тыс. книг), Белорусской центральной раде²⁴. Указанные книжные фонды, не

¹⁵ ВArch, NS 30/148/401. URL: <https://invenio.bundesarchiv.de/invenio/direktlink/c3b038e4-9f4a-440f-a6d6-e6237d1f1807/>.

¹⁶ ЦДАВО України. – Ф. 3676. Оп. 1. Спр. 31. Л. 336. URL: <http://err.tsdavo.gov.ua/acts/37/>.

¹⁷ ВArch, NS 30/158/465. URL: <https://invenio.bundesarchiv.de/invenio/direktlink/1f2ac8df-548f-46cb-b78a-94f5d0b6a986/>.

¹⁸ ЦДАВО України. – Ф. 3676. Оп. 1. Спр. 144. Л. 340, 353 – 357. URL: <http://err.tsdavo.gov.ua/acts/154/>.

¹⁹ ЦДАВО України. – Ф. 3676. Оп. 1. Спр. 119. Л. 300. URL: <http://err.tsdavo.gov.ua/acts/129/>.

²⁰ ЦДАВО України. – Ф. 3676. Оп. 1. Спр. 171. Л. 367. URL: <http://err.tsdavo.gov.ua/acts/181/>.

²¹ ВArch, NS 30/187/23. URL: <https://invenio.bundesarchiv.de/invenio/direktlink/5b9a1325-d053-4f80-b6eb-1171668a554e/>.

²² ВArch, NS 30/197/9. URL: <https://invenio.bundesarchiv.de/invenio/direktlink/3f1027b6-27aa-4e93-bc5a-25b9357793f1/>.

²³ ВArch, NS 30/204/7, 9, 23, 25, 27, 29. URL: <https://invenio.bundesarchiv.de/invenio/direktlink/3da03386-1086-49a7-b734-be98e84421a9/>.

²⁴ ВArch, NS 30/167/19. URL: <https://invenio.bundesarchiv.de/invenio/direktlink/cdf675e7-49cd-4390-b0e0-a148f068b26e/>.

представлявшие интереса для ОШР, передавались Белорусской центральной раде с целью последующего создания Белорусской краевой библиотеки. С апреля 1944 г. вывоз книг из белорусских библиотек замедлился, однако в меньших объемах продолжался вплоть до начала июля 1944 г.

Пробелы в отчетной документации Оперативного штаба рейхслайтера Розенберга, как и частое отсутствие в обнаруженных документах точных данных о количестве книг (указывались в томах, пачках, ящиках, грузовых машинах, вагонах или отсылок к количеству книг вовсе не было) и их принадлежности к той или иной библиотеке, существенно затрудняют подсчеты объемов вывезенной штабом литературы. Письмо руководителя ГРГ «Центр» Г. Лангкопфа от 24 марта 1944 г. является одним из наиболее ценных источников, подтверждающих масштабы разграбления книжных собраний Беларуси. По его сведениям, на территории Беларуси в 1941–1944 гг. штабом были взяты под контроль около 3 млн книг, брошюр и журналов, из которых приблизительно 2 млн вывезено, предоставлено различным службам или макулировано. Подводя итоги проделанной работы Г. Лангкопф отметил: «Таким образом, все имеющиеся в Минске советские книжные запасы вывезены. Осталось всего несколько тысяч томов большевистской литературы, которые перевезены в офис и используются здесь в качестве домашней библиотеки. Общие запасы книг, которые все еще существуют, составляют около 1 миллиона томов царского времени» [9, с. 115]. Таким образом, по самым грубым подсчетам около 20% книжного фонда Беларуси было уничтожено или вывезено при участии сотрудников Оперативного штаба рейхслайтера Розенберга.

В годы Великой Отечественной войны печальная участь постигла и архивные собрания Беларуси. Как отмечает белорусский исследователь М.Ф. Шумейко, на Восток был эвакуирован лишь 1% от довоенного Государственного архивного фонда БССР [2, с. 112]. Архивные собрания на оккупированной территории Беларуси представляли значительный интерес для Оперативного штаба рейхслайтера Розенберга, прежде всего, как ценный источник информации для ведения пропаганды. Сведения, полученные из архивных документов, приобретали идеологическую окраску и активно использовались в информационной войне как «имеющие особое значение для познания большевистской действительности» [8, с. 543]. Работа с архивными материалами осуществлялась главным образом в контексте выполнения задач, поставленных перед зондерштабами «Архивы» (отбор источников для исследования большевизма как основного врага национал-социализма) и «Генеалогия» (поиск и изъятие церковных книг и других генеалогических и демографических источников).

С августа 1941 г. производилось обследование архивов в Минске²⁵. В свете задач, поставленных перед Зондерштабом «Генеалогия», с осени 1941 г. было начато обследование архивов записи актов гражданского состояния (ЗАГС) в Могилеве, Витебске и других белорусских городах [8, с. 218, 226, 227]. В годы германской оккупации Беларуси здесь неоднократно бывал государственный архивный советник Вольфганг Артур Моммзен (с апреля 1943 г. являлся сотрудником Зондерштаба «Архивы» при Оперативном штабе рейхслайтера Розенберга). Деятельность В.-А. Моммзена была направлена, прежде всего, на так называемую «защиту» архивных собраний в тыловых областях групп армий «Север» и «Центр». Во время пребывания в Минске 13–14 марта 1942 г. В.-А. Моммзен отмечал: «Государственный архив в Минске, по сравнению с тем, что я видел в советских российских архивах, производит относительно упорядоченное впечатление. Не похоже, что собирали все без разбора»²⁶. По всей вероятности, речь шла о Государственном архиве Минской области, который размещался по ул. Бакунина, 4 в здании бернардинского монастыря (современная улица Кирилла и Мефодия). Весной 1942 г. Государственный архив Минской области возглавил польский архивист профессор В. Студницкий. Документы советского периода еще до его приезда в Минск были выброшены по указанию священника В. Финьковского на улицу. Вскоре их перенесли в один из подвалов и назвали «красным архивом» [3, с. 163–164]. В дальнейшем архивное собрание неоднократно перебрасывалось с места на место.

Во время своей командировки в Минск в марте 1942 г. В.-А. Моммзен посетил Академию наук БССР. В многочисленных залах, помимо научных материалов самой академии, на тот момент хранились фонды государственных архивов Вильно и Гродно, а также ценнейший архив Радзивиллов из Несвижа. Он отмечал: «Несмотря на существующий запрет входа в эти частично запертые и заколоченные комнаты, солдаты неоднократно врываются сюда, о чем свидетельствуют находки, например, в одной из комнат Радзивилловского архива, которую я посетил. Некоторые документы были вынуты из ящиков, книги и документы валялись повсюду на полу, а между ними лежали пустые пачки от сигарет немецкого происхождения»²⁷. Незадолго до приезда В.-А. Моммзена в Минск немецкие солдаты ворвались в комнату, где находилась языковая картотека, сожгли все полки и ящики с папками, а тысячи оставшихся клочков бумаги, которые были вырваны из контекста, собирались сжечь. Сотрудникам штаба удалось предпринять меры по спасению документальной массы, находящейся в полнейшем беспорядке. В начале 1943 г. часть документов из коллекции Радзивиллов была перевезена из Академии наук БССР в здание по улице Танковой, 6. В одном из отчетов штаба описывается положение, находившихся здесь документов по состоянию на 1 марта 1944 г.: «Исторические дела сложены на полках в два ряда, площадь здания составляет 973 квадратных метра. Остальные файлы лежат на полу в проходах. Часть Радзивилловского архива в беспорядке валяется на полу»²⁸. Вопрос о вывозе архивных документов из коллекции Радзивиллов остро встал в апреле 1944 г. Руководство ГРГ «Центр» ходатайствовало перед Управлением штаба о выделении минимум 7–8 вагонов для вывоза

²⁵ ЦДАВО України. – Ф. 3676. Оп. 1. Спр. 136. Л. 44, 181–185. URL: <http://err.tsdavo.gov.ua/acts/146/>.

²⁶ Там же. – Л. 145.

²⁷ Там же. – Л. 146–147.

²⁸ BArch, NS 30/183/253. URL: <https://invenio.bundesarchiv.de/invenio/direktlink/e94eec06-d63e-49be-8146-5967cc35e34c/>.

«церковных книг, дворянского архива и Радзивилловского архива» в Минске²⁹. Однако в июне 1944 года из Минска в Троппау были отправлены всего 3 вагона (вместо 7). Вместе с архивом из Несвижа в них были погружены около 10 тысяч документов из Государственного архива Минской области [3, с. 163–164].

Виленский архив, хранившийся при Академии наук БССР, был детально обследован В.-А. Моммзеном в мае 1942 г. Отметим, что вопрос о вывозе архивных документов, перевезенных в АН БССР из Вильнюса и Гродно в довоенные годы, неоднократно поднимался сотрудниками штаба с начала 1942 г. 6 июля 1942 г. первый вагон с документами Виленского архива отправился в Вильнюс, к началу 1943 г. документы были окончательно перевезены (всего около 20 вагонов)³⁰. В Минске осталась лишь небольшая часть архивных документов, отобранных В. Студницким и имевших отношение к Минской губернии. Руководством Оперативного штаба рейхслайтера Розенберга данная работа была преподнесена следующим образом: «Виленский государственный архив, который по содержанию и объему входит в число крупнейших исторических архивов в Восточной Европе, вернулся на свое законное местонахождение. Город Вильно снова позаботился об этих архивных материалах, часть из которых относятся к XV–XVIII векам и показывает богатое прошлое литовского, польского и белорусского народов, их политическую, экономическую и культурную жизнь и обычаи. Таким образом лидер германского рейха Адольф Гитлер и гражданская администрация защищают старые литовско-белорусские культурные ценности от большевистской деструктивности и культурного позора»³¹.

Перед началом войны значительная часть архивного фонда БССР была сосредоточена в Могилеве. Особую значимость представляли документы Центрального государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства БССР (ЦГАОР), Центрального государственного исторического архива БССР (ЦГИА) и Государственного архива Могилевской области. Сотрудники ОШР в 1941–1942 гг. неоднократно бывали в Могилеве с целью обследования находившихся в городе архивных собраний. Часть материалов ЦГАОР БССР хранились в Братской церкви, однако с приходом немцев большинство из них сгорели (включая все документы отдела секретных фондов, древние грамоты XV–XVI вв.) или подверглись расхищению. Как известно, в начале войны документы Государственного архива Могилевской области хранились в Станиславовском костеле, сюда же были свезены частично сохранившиеся документы ЦГИА БССР и ЦГАОР БССР. Зимой 1941–1942 гг. немецким командованием было принято решение о передаче костела верующим, по этой причине архивные материалы были вывезены оттуда в сарай и клуб швейников по ул. Ленина. Однако отведенные помещения не обеспечивали сохранность документальных материалов, дела складывались в общую кучу, документы находились в хаотическом состоянии, намокали.

Весной 1943 г. была начата сортировка архивных документов в Могилеве с целью их последующей отправки в Ригу, к работе были привлечены местные учителя. В декабре 1943 г. вывоз документов (главным образом из Государственного архива Могилевской области) осуществлялся силами сотрудников Оперативной команды «Могилев». 23 января 1944 г. в Белосток прибыли 60 ящиков архивных материалов, которые впоследствии было решено перевезти в Ратибор³². Большая часть документов все же была отправлена в Ригу, где хранилась в здании Центрального государственного архива Латвийской ССР. Вместе с архивом уехал и его директор, В.В. Наронович [3, с. 163–164]. В Риге силами сотрудников ГРГ «Остланд» была продолжена сортировка материалов с целью отбора наиболее ценных документов для их последующей отправки в Германию.

Первые сведения об обследовании архивных собраний в Витебске сотрудниками Оперативного штаба рейхслайтера Розенберга датируются 7 октября 1941 г., в этот день была составлена карточка осмотра «Центрального исторического архива» (по всей вероятности, под таким названием был обозначен Государственный архив Витебской области) [8, с. 216]. В.-А. Моммзен, находясь в городе в октябре 1942 г., высказал обеспокоенность неудовлетворительным состоянием крыши здания Государственного архива Витебской области, что создавало угрозу сохранности архивных собраний³³. Процесс вывоза документов из Государственного архива Витебской области был начат весной 1943 года. Здание архива к тому моменту находилось в аварийном состоянии, а большая часть документов были пропитаны влагой. Отбор документов для отправки осуществлял лично В.-А. Моммзеном, он пробыл в Витебске с 31 марта по 4 апреля 1943 г. Отправленные материалы, по его мнению, составляли около 5% архивных фондов Государственного архива Витебской области. В октябре 1943 г. в условиях приближения советских войск для вывоза оставшихся книжных и архивных собраний была создана Оперативная команда «Витебск». Оперативной командой «Витебск» с 16 октября по 20 ноября 1943 г. было вывезено не менее 23 вагонов архивных документов. В заключительном отчете о работе команды отмечено, что «архив полностью очищен»³⁴. В Вильнюсе документы долгое время находились под открытым небом, расхищались, гнили (было утрачено порядка двух вагонов документов). После освобождения Витебска уцелевшая часть архива в количестве 832 тыс. дел (из более 1 млн) была обнаружена в женском монастыре по улице Игнатовского [3, с. 163–165]. В общей сложности за годы оккупации из Витебска было вывезено около 40 вагонов с архивными документами, после войны из Вильнюса удалось вернуть 32 вагона.

²⁹ BArch, NS 30/185/265. URL: <https://invenio.bundesarchiv.de/invenio/direktlink/0b290737-187c-449b-9614-225aac075e20/>.

³⁰ BArch, NS 30/149/159. URL: <https://invenio.bundesarchiv.de/invenio/main.xhtml>.

³¹ BArch, NS 30/165/597. URL: <https://invenio.bundesarchiv.de/invenio/direktlink/5e3dd967-80bf-4b7b-82bf-1964af083e67/>.

³² BArch, NS 30/197/5. URL: <https://invenio.bundesarchiv.de/invenio/direktlink/3f1027b6-27aa-4e93-bc5a-25b9357793f1/>.

³³ ЦДАВО України. – Ф. 3676. Оп. 1. Спр. 136. Л. 45. URL: <http://err.tsdavo.gov.ua/acts/146/>.

³⁴ BArch, NS 30/187/23. URL: <https://invenio.bundesarchiv.de/invenio/direktlink/5b9a1325-d053-4f80-b6eb-1171668a554e/>.

В июне 1942 г. состоялся ряд поездок сотрудников РГ «Беларусь» в Западную Беларусь. Были обследованы такие города, как Молодечно, Вилейка, Лида, Слоним, Барановичи, Новогрудок. 12 апреля 1943 г. в Гомель прибыл В.-А. Моммзен, цель его визита была определена как «осмотр местного государственного архива и меры по обеспечению его сохранности»³⁵. К этому времени документы Государственного архива Гомельской области размещались в 3 небольших зданиях, их ожидала печальная участь. Немецкие солдаты превратили документы в хаотическое состояние, сожгли массу документов в печах, выбросили часть архива (включая Вотчинный архив князя Паскевича) на улицу, а в архивохранилищах устроили уборную. Наиболее пострадали документы послереволюционного периода, три вагона архивных дел оккупанты отправили на спичечную фабрику в Злынку [3, с. 163–165]. Вместе с тем, документов, которые бы свидетельствовали о вывозе Оперативным штабом рейхслайтера Розенберга архивных материалов из указанных городов, не выявлено.

Таким образом, вывоз документов Оперативным штабом рейхслайтера Розенберга производился из архивов, размещавшихся на территории генерального округа Беларусь и в тыловом районе группы армий «Центр». В качестве исключения следует назвать лишь архивные собрания в Пинске. Руководитель ГРГ «Центр», находясь в Ратиборе, 25 июля 1944 г. направил в Троппау письмо следующего содержания: «Среди некоторых фондов, которые нам удалось привезти из Пинска в последние дни, есть также 45 церковных книг пинской католической церкви с 1870 по 1895 годы и 14 церковных книг православной церкви в Пинске. Я распорядился, чтобы эти книги, не представляющие для нас интереса, были отправлены Вам. Я просил бы Вас пока сохранить их и связаться с соответствующим отделом Восточного министерства, который ценит такие материалы»³⁶. После освобождения города удалось обнаружить подготовленную сотрудниками штаба к вывозу, но не отправленную часть Государственного архива Пинской области.

По последним оценкам, за годы германской оккупации Беларуси было утрачено 15,5 млн документов (с учетом документов, хранившихся в районных и ведомственных архивах, озвучивается цифра в 87 млн), 12 зданий архивов были уничтожены еще в первые дни военных действий [3, с. 158, 160]. После окончания Великой Отечественной войны лишь около 1 млн дел удалось отыскать и вернуть обратно.

Заключение. Проведенное исследование позволило сделать ряд выводов:

1. Деятельность Оперативного штаба рейхслайтера Розенберга на территории Беларуси протекала в русле политики национал-социализма и являлась составной частью нацистского оккупационного режима. Она характеризовалась стремлением произвести полный осмотр и учет собраний и коллекций архивов, музеев, библиотек, учебных заведений и научных учреждений независимо от их происхождения и принадлежности. В дальнейшем проводился планомерный отбор культурных ценностей для их вывоза из Беларуси под видом обеспечения сохранности на время военных действий или возвращения в Германию предметов культуры и искусства немецкого происхождения. С крахом операции «Барбаросса» пропагандируемая идея заботы о культурных ценностях на оккупированных белорусских территориях окончательно уступила место тотальному грабежу.

2. В 1941–1944 гг. параллельно производился отбор и отправка книг из белорусских библиотек в целях комплектования фондов Восточной библиотеки, Центральной библиотеки Высшей школы, библиотеки Института исследования еврейского вопроса, а также по отдельным запросам от других нацистских ведомств и структур. Всего на территории Беларуси в 1941–1944 гг. штабом было взято под контроль около 3 млн книг, брошюр и журналов, из которых приблизительно 2 млн было вывезено, предоставлено различным службам или макулировано. Отбор и вывоз архивных собраний из Беларуси были обусловлены, прежде всего, выполнением задач, поставленных перед зондерштабами «Архивы» и «Генеалогия». В общей сложности Оперативным штабом рейхслайтера Розенберга за годы оккупации Беларуси было вывезено за ее пределы не менее 80 вагонов архивных материалов. Выявленная в ходе исследования информация доказывает, что выводы ЧГК СССР относительно количества пострадавших в годы оккупации белорусских музеев занижено. В той или иной мере разграблению подверглись музеи в Минске (Минский социально-исторический музей, Государственная художественная галерея), Могилеве, Витебске, Полоцке, Гомеле, Гродно, Барановичах, Пинске, Волковыске, Слониме, а также музейные собрания Академии наук БССР и Белорусского государственного университета.

3. Исходя из особенностей деятельности ОШР в Беларуси можно выделить следующие ее этапы: 1) август 1941 г. – октябрь 1941 г.; 2) ноябрь 1941 г. – апрель 1943 г.; 3) май 1943 г. – ноябрь 1943 г.; 4) декабрь 1943 г. – июнь 1944 г.

Основанием для выделения первого этапа послужили факты обследования отдельных белорусских музеев и архивов, осуществляемые в ходе командирования представителей Оперативного штаба рейхслайтера Розенберга в Беларусь. Характерной особенностью второго этапа стало удаленное управление деятельностью стационарных подразделений штаба в Беларуси из Риги, где размещалось руководство ГРГ «Остланд». В этот период были обследованы и взяты под контроль собрания белорусских музеев, библиотек, архивов, научных учреждений; осуществлялись учет, каталогизация культурных ценностей и их отбор для последующей отправки в Германию, вывоз производился в относительно небольших объемах. Верхнюю границу третьего этапа предопределило

³⁵ ЦДАВО України. – Ф. 3676. Оп. 1. Спр. 136. Л. 45. URL: <http://err.tsdavo.gov.ua/acts/146/>.

³⁶ BArch, NS 30/160/303. URL: <https://inventio.bundesarchiv.de/inventio/direktlink/4c111f7c-eddd-4a28-9bc2-10d4e4150b3a/>.

создание 1 мая 1943 г. Главной рабочей группы «Центр», с выделением которой существенно увеличились объемы работы на оккупированных белорусских территориях. В данный период деятельность Оперативного штаба рейхсляйтера Розенберга в Беларуси достигла наибольших размахов и ознаменовалась, прежде всего, массовым вывозом культурных ценностей. Начало четвертого этапа ознаменовал перевод части сотрудников ГРГ «Центр» из Минска в Белосток. В указанный период деятельность штаба в Беларуси можно охарактеризовать как активизацию усилий по вывозу оставшихся культурных ценностей, представлявших интерес для Германии. Этот этап являлся завершающим, поскольку в конце июня 1944 г. последние сотрудники ОШР покинули Минск, что означало полное прекращение деятельности штаба на территории Беларуси.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мотульский, Р.С. Библиотеки Беларуси. Из прошлого в будущее, 1917–1991 / Р.С. Мотульский. – Минск : Беларус. энцыкл., 2018. – 302 с.
2. Шумейко, М.Ф. Белорусские архивы в годы Второй мировой войны / М.Ф. Шумейко // История и арх. – 2020. – № 3. – С. 112–132.
3. Шумейко, М.Ф. Архивоведение Беларуси : учеб. пособие : в 2 ч. / М.Ф. Шумейко, К.И. Козак, В.Д. Селеменов. – Минск : Издат. центр Респ. ин-та высш. шк. Беларус. гос. ун-та, 1998. – Ч. 1: История и организация архивного дела. – 214 с.
4. Мальдис, А. Белорусские сокровища за рубежом / А. Мальдис. – Минск : ЛіМ, 2009. – 205 с.
5. Гужаловский, А.А. Белорусские музеи в период Великой Отечественной войны / А. А. Гужаловский // Вопр. музеологии. – 2018. – Т. 9, вып. 1. – С. 27–38.
6. Гужалоўскі, А. Музеі Беларусі (1941–1991 гг.) / А. Гужалоўскі ; навук. рэд. У.М. Міхнюк. – Мінск : Нац. арх. Рэсп. Беларусь, 2004. – 192 с.
7. Кашеварова, Н. Діяльність Оперативного штабу Розенберга з вивчення нацистами «східного простору» (1940–1945) : у 2 ч. / Н. Кашеварова. – Київ : Ін-т історії України, 2014. – Ч. 2: Документи. – 991 с.
8. Бойцов, М.А. Картотека «Z» Оперативного штаба «Рейхсляйтер Розенберг»: ценности культуры на оккупированных территориях России, Украины и Белоруссии, 1941–1942 / М.А. Бойцов, Т.А. Васильева. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1998. – 351 с. (Труды исторического факультета МГУ ; вып. 5).
9. Hartung, U. Das Vorgehen deutscher Reichsbehörden gegen die Kultur in den besetzten Gebieten der Sowjetunion. 1941–1944 / U. Hartung // Verschleppt und verschollen: eine Dokumentation deutscher, sowjetischer und amerikanischer Akten zum NS-Kunstraub in der Sowjetunion (1941–1948) / U. Hartung. – Bremen, 2000. – S. 25–48.

Поступила 16.05.2022

THE REICHSLEITER ROSENBERG TASKFORCE AND ITS ACTIVITIES IN RELATION TO THE MUSEUM, BOOK AND ARCHIVAL FUNDS OF BELARUS (1941–1944)

Y. HENINA

In this article, based on the involvement of a wide range of sources, including archival documents first introduced into scientific circulation, the activities of the Reichsleiter Rosenberg Taskforce in relation to cultural values in the occupied Belarusian territories during the Great Patriotic War are considered. In particular, the main directions and stages in the work of the headquarters with museum, book, archival collections and collections on the territory of Belarus are identified and substantiated. The author introduces a significant layer of data that allows expanding and clarifying the understanding of the functioning of the structural units of the Reichsleiter Rosenberg Taskforce in Belarus in 1941–1944.

Keywords: Reichsleiter Rosenberg Taskforce, cultural values, Belarus, German occupation, Nazi ideology, museums, archives, libraries.

УДК 392.2(476)

КУЛЬТУРА ПАМ'ЯЦІ БЕЛАРУСАЎ У ПАЧАТКУ ХХ ст.: МЕМАРЫЯЛЬНЫ ЛАНДШАФТ

канд. гіст. навук С.У. ГРУНТОЎ

(Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі, Мінск)

ORCID <https://orcid.org/0000-0001-5316-1180>

Артыкул дае агляд стану беларускага мемарыяльнага ландшафта ў пачатку ХХ ст. і асноўных тэндэнцый яго развіцця да 1917 г. Гэтыя тэндэнцыі аказвалі істотны ўплыў на культуру памяці беларусаў не толькі ў свой час, але і цягам усяго ХХ ст. У першай частцы разглядаецца імклівы рост гістарызацыі жылой прасторы гарадоў і мястэчак з дапамогай помнікаў палітычным дзеячам і гістарычным падзеям. Другая частка прысвечана разгляду прыдарожных крыжоў і капліц як мемарыяльных аб'ектаў. У трэцяй частцы разглядаюцца асноўныя тэндэнцыі ў развіцці беларускіх могілак, якія аказвалі ўплыў на культуру памяці: пашырэнне эпітафій на драўляных помніках, рост папулярнасці помнікаў з бетону, актыўная будоўля новых капліц пахавален і склепаў, з'яўленне моды на выкарыстанне фатаграфіі ў дэкоры помнікаў.

Ключавыя словы: культура памяці, мемарыяльны ландшафт, могілкі, помнікі, прыдарожныя капліцы, крыжы, капліцы-пахавальні, мемарыялізацыя, юбілеі.

Уводзіны. Мемарыяльны ландшафт, – сукупнасць усіх тых элементаў прасторы, якія былі створаны для захавання памяці пра асобнага чалавека, групу людзей ці пэўную падзею, – ад года да года перажывае змены, якія ўключаюць не толькі ўзнікненне новых элементаў, але і разбурэнне старых. Дзеля таго, каб уявіць, як выглядаў мемарыяльны ландшафт, напрыклад, пяцьдзесят ці сто год таму, будзе недастаткова проста паглядзець на яго аб'екты, што засталіся ад таго часу. Мала таго, што частка з іх не захавалася да нашых дзён, а частка істотна змянілася; не менш важна тое, што змяніўся кантэкст існавання мемарыяльнага ландшафту, грамадства, якое яго стварала і падтрымлівала, змяніліся павязаныя з ім мемарыяльныя практыкі і нават сістэма ўяўленняў пра свет.

Рэканструкцыя мемарыяльнага ландшафту ў тым выглядзе, як ён існаваў у пачатку ХХ ст., калі мы толькі не жадаем стварыць просты каталог тых ці іншых архітэктурных аб'ектаў, прадстаўляецца складанай задачай, якая можа быць выканана толькі з пэўнай меры дакладнасці. Але без выканання гэтай задачы не абыйсціся для разумення таго, як функцыянала культура захавання і трансляцыі памяці ў беларусаў у пачатку ХХ ст., якія былі яе асноўныя формы і стратэгіі. Прапанаваны артыкул накіраваны на вырашэнне гэтай задачы.

Мемарыяльны ландшафт пачатку ХХ ст. амаль ва ўсім адрозніваецца ад таго, што мы можам бачыць сёння, хоць і складаецца з вельмі падобных структурных элементаў. Тым не менш, у розных яго праявах і формах можна заўважыць элементы, якія змяніўшыся захаваліся да цяперашняга дня. Зварот да гэтага гістарычнага пласта ўжо больш як стогадовай даўніны, такім чынам, дазваляе нам выбудоўваць культурныя генеалогіі. Прапанаваны артыкул намячае лініі іх рэканструкцыі, але важна памятаць, што яны ніколі не былі прамымі. Цягам ХХ ст. мемарыяльны ландшафт Беларусі не раз зазнаваў імклівыя змены, таму ніякая культурная генеалогія тут не можа быць апісана па схеме “была – стала” без той меры спрашчэння, якая пазбаўляла б сэнсу саму яе пабудову.

Помнікі ў жылым асяроддзі гарадоў і мястэчак. Сёння нашыя населеныя пункты насычаны і перанасычаны знакамі памяці – помнікамі, мемарыяльнымі шыльдамі, памятнымі знакамі. Іх так шмат, што большасць з іх мы прамінаем, не звяртаючы на іх увагу. Гэты феномен “нябачнасці помнікаў”, пра які пісалі многія аўтары, пачынаючы, верагодна, з Роберта Музіля [1, с. 64], быў невядомы жыхарам беларускіх земляў у пачатку ХХ ст. проста таму, што такія аб'екты ў гэты час з'яўляліся рэдкасцю і толькі пачыналі заваёўваць гарадскую прастору.

Стагоддзі перад тым гістарычныя падзеі амаль не пакідалі непасрэднай памяці пра сябе ў жылым асяроддзі. Дакладней, ні сучаснікі, ні нашчадкі не дужа клапаціліся пра тое, каб стварыць спецыяльныя знакі памяці, якія б пра гэтыя падзеі нагадвалі. Рэдкія выключэнні можна знайсці ў інтэр'ерах храмаў: у наваградскай Фары ёсць надмагілле з барэльефам, прысвечаным Хоцінскай бітве; ёй жа прысвечаны барэльеф алтара св. Станіслава Косткі ў гарадзенскім касцёле св. Францішка Ксаверыя; у Мсціславе фрэскі бернардынскага касцёла распавядаюць пра штурм горада маскоўскімі войскамі ў 1654 г. [2, с. 56; 3, с. 30–31; 4, с. 157]. Вельмі доўга любыя знакі памяці пра гістарычныя падзеі былі формай і зместам павязаныя з аб'ектамі сакральнай архітэктуры. Яскравы прыклад гэтага – калоны ў гонар канстытуцыі 3 мая, якія ўзводзіліся ў канцы XVIII ст [5]. Па форме ўсе яны працягвалі традыцыю мураваных прыдарожных капліц, змяшчаючы крыж ці фігуру святога ў завяршэнні даха. Больш таго, частка гэтых калон была ўзведзена не ў гонар палітычнай падзеі, а менавіта як капліцы, што прывяло да пазнейшай блытаніны ў іх вызначэнні.

Тая ж сувязь сакральнага і палітычнага ў форме і змесце, як можна меркаваць, стала прычынай маруднага распаўсюджвання фігуратывых помнікаў у гарадской прасторы. Асноўнай формай палітычнага выказвання ўлад у прасторы горада, асабліва пасля 1863 – 1864 гг., застаецца пабудова мураванага праваслаўнага храма. Праўда, асобныя ініцыятывы па пабудове помнікаў маглі паходзіць і “знізу”, але такіх прыкладаў да пачатку ХХ ст. мы знаходзім вельмі няшмат. Так, Ірэніюш Храптовіч пабудаваў у Бешанковічах невысокую калону на пастаменце ў памяць перабывання ў горадзе Аляксандра I ў 1821 г. [6, с. 71]. Жыхары Мазыра ў 1895 г. хацелі паставіць

помнік Аляксандру III за дапамогу ў зборы сродкаў на адбудову горада пасля пажару 1892 г., але губернскаму архітэктар адхіліў праект, бо “яго чарцёж у мастацкіх адносінах не вытрымлівае ніякай крытыкі” [7, арк. 4].

Гістарызм быў адным з вядучых эстэтычных напрамкаў другой паловы XIX ст. і дасягнуў свайго піку ў пачатку XX ст. Найбольш яркавы след у гарадской прасторы ён пакінуў у выглядзе неагатычных касцёлаў і цэркваў у рэтраспектыўна-рускім стылі, а таксама спрычыніўся да ўзнікнення моды на юбілеі, якая апанавала Расійскую Імперыю ў пачатку XX ст. Так, у 1901 г. адзначалі 40-я ўгодкі адмены прыгоннага права, у выніку чаго ўва многіх буйных гарадах былі пастаўлены помнікі Аляксандру II. У Менску помнік быў урачыста адкрыты 7 студзеня 1901 г. (25 снежня 1900 г. па новым стылі). “Мінскія епархіяльныя ведамасці” пісалі пра гэту падзею так: “Нельзя с отрадным чувством не приветствовать совершившегося события: это первый памятник, которым украсился наш г. Минск, и вместе с тем памятник Монарху, окончательно возродившему и укрепившему православие и русскую народность в нашем Северо-Западном крае” [8, с. 35]. У гэтым пасажы ясна вымаўлены даволі відавочны факт: помнікі пачатку XX ст. былі спосабам ідэалагічнага засваення прасторы і важным інструментам рэалізацыі дзяржаўнай палітыкі памяці. Уласна, гэта іх функцыя ніколі пасля не знікала – змяняліся толькі помнікі, але фарміравалася яна менавіта ў пачатку мінулага стагоддзя. Логіка юбілеяў дазваляла аднавіць сляды гістарычных падзей, пра якія не надта дбалі іх сучаснікі, рэтраспектыўна стварыць мемарыяльную прастору, надаўшы ёй ідэалагічна карэктны змест. Важнейшай падзеяй у гэтых адносінах стала святкаванне стагадовага юбілея вайны 1812 г. Першыя спробы мемарыялізацыі гэтай падзеі былі зроблены яшчэ ў 1835 г. – напярэдадні 25-гадовага юбілея [9, с. 51–68]. Аднак з запланаваных помнікаў у Беларусі быў пастаўлены толькі адзін, у Полацку, і тое толькі ў 1850 г. [9, с. 64]. Больш паспяховай была кампанія падрыхтоўкі да юбілею вайны ў 1912 г. Былі пастаўлены абеліск у Віцебску, помнік з арлом і гарматамі ў Кобрыне, капліца ў в. Салтанаўка і шэраг драбнейшых помнікаў [9, с. 69–96]. Па выніках да канца існавання Расійскай Імперыі вайна 1812 г. стала самай мемарыялізаванай падзеяй у гісторыі Беларусі.

Аднак яшчэ большы размах, пра што, аднак сёння амаль не засталася памяці, набыла кампанія па святкаванні 50-гадовага юбілея з нагоды адмены прыгоннага права. У гэты час, дзякуючы нізавым ініцыятывам, у Беларусі (як і ў іншых рэгіёнах Расійскай Імперыі) з’явіліся дзясяткі помнікаў Аляксандру II. Звычайна яны вырабляліся па стандартнай адліўцы, крыху адрозніваліся толькі пастаментамі, і ўсталёўваліся на гарадскіх плошчах і ў скверах. Большасць бюстаў цара была выканана пецябургскім прадпрымальнікам Эдуардам Навіцкім. Кошт помніка, дзякуючы масавай вытворчасці, быў зусім невысокім – 150 рублёў. Попыт на помнікі і мода на такі спосаб дэманстрацыі лаяльнасці ўладам быў такі высокі, што вырабляўшая іх фабрыка выйшла ўрэшце на вытворчасць 25 штук у суткі, пры тым што займалася вырабам альтэрнатыўнай прадукцыі і драбнейшых прадпрыемстваў [6, с. 113]. Аднак, само ўсталяванне помніка, разам з узвядзеннем пастамента і добраўпарадкаваннем тэрыторыі, абыходзілася ў значна большыя сумы. Напрыклад, паўнароствы помнік Аляксандру II абышоўся жыхарам Турава ў 3500 рублёў [10, арк. 5]. Гэтыя і іншыя царскія помнікі пераважна былі ўсталяваныя ў 1911–1913 гг., але неўзабаве зніклі гэтак жа хутка, як з’явіліся. Іх дэмантавалі самі ўлады ў 1915 г. перад наступленнем кайзераўскіх войск, баючыся, што тыя будуць апаганены і пераплаўлены. Менавіта гэты лёс напаткаў іх у “эвакуацыі” пасля перамогі Кастрычніцкай рэвалюцыі.

Такім чынам, у пачатку XX ст. адбылася першая спроба засваення гарадоў і мястэчак Беларусі як мемарыяльнай прасторы. Улады ініцыявалі мемарыялізацыю ў публічнай прасторы гістарычных дзеячоў і падзей, якія няшмат значылі для мясцовага насельніцтва. Любыя мемарыяльныя практыкі, якія маглі ўзнікаць вакол іх, не абавязваліся ні на мясцовыя традыцыі, ні на памяць лакальнай супольнасці. Іх арганізатарам і сімвалічным бенефіцыярам маглі быць толькі ўлады – гэты прынцып будзе захоўвацца і з прыходам савецкай улады, якая часта выкарыстоўвала пастаменты царскіх помнікаў для новых манументаў. Верагодна, адзінай спробай неяк змяніць гэту сітуацыю ў апошнія гады існавання Расійскай Імперыі, была ініцыятыва праваслаўнай царквы па пашырэнні шанавання мясцовых святых. У 1913 г. епіскам Мінскі і Слуцкі Мітрафан выдаў спецыяльнае распараджэнне “аб растлумачанні духавенствам прыхаджанам неабходнасці шанавання мясцовых святых Кірыла і Лаўрэнція Тураўскіх, пакутніка Гаўрыіла ды іншых” [11]. У тым жа годзе быў утвораны камітэт па збору сродкаў на пабудову храма-помніка Кірыле Тураўскаму ў Тураве [12], але рэалізаваць гэты праект так і не паспелі.

Прыдарожныя крыжы і капліцы. Усталяванне помнікаў цывільнымі ці свецкімі ўладамі было спробай рэтраспектыўнага стварэння месцаў памяці, якія належалі вялікаму, агульнаімперскаму гістарычнаму наратыву, транслявалі і зацвярджалі яго ў прасторы. Але паралельна з імі ў публічнай прасторы пачатку XX ст. існавалі тысячы іншых мемарыяльных аб’ектаў, якія захоўвалі сваё значэнне амаль выключна ў камунікатыўнай памяці 3–4 пакаленняў прадстаўнікоў той ці іншай лакальнай супольнасці. Такімі аб’ектамі былі, у першую чаргу, прыдарожныя крыжы і капліцы, усталяванне якіх часцей за ўсё мела ватыўны характар і было павязана з той ці іншай падзеяй. Пасля памяць пра гэта сціралася і крыж ці капліца далей існавалі проста як сакральныя аб’екты, працягваючы выконваць апатрапейныя функцыі. Больш таго, для чалавека, не знаёмага з лакальнай гісторыяй, напрыклад, для падарожніка, яны толькі такімі і былі (малюнак 1). І наадварот, паглыбленне ў лакальныя наратывы, чым у другой палове XIX – пачатку XX ст. актыўна пачалі займацца этнографы, фалькларысты і аматары старажытнасцей, раскрывала такія аб’екты як знакі памяці.

Толькі ў рэдкіх прыкладах прыдарожныя крыжы і капліцы мелі адпаведныя подпісы, якія маглі патлумачыць прычыну іх пастаноўкі для чалавека не з гэтай мясцовасці, ды і тое, інфармацыя часцей пакідала месца для здагадак.

Так, паміж вёскамі Радута і Палхуны Пастаўскага раёна стаіць трохметровы крыж вішнеўскага ліцця, адзін з самых ранніх свайго кшталту, з надпісам “Ojciec | z Synem za Familią | Rytmottow | Proszą o trzy zdro | was Marya. | R. 1854. Lutego | 1 dnia”. Паводле інфармацыі М. Раманюка, гэта месца дарожнага здарэння, дзе загінулі бацька з сынам, але сама інскрыпцыя на крыжы дазваляе толькі здагадацца пра вернасць гэтай інфармацыі [13, с. 176–177].

Малюнак 1. – Мураваная капліца на ўскрайку Пінска. Фота каля 1936 г.

Няпэўнасць нагоды ўсталявання крыжа ці пабудовы капліцы выклікалі заклапочанасць улад, якія глядзелі на любыя каталіцкія сакральныя месцы як на інструмент распаўсюду палітычна недабранадзейнай канфесіі ў краі. Тым большымі рабіліся падазрэнні, калі на такіх крыжах ці капліцах з’яўляліся надпісы, якія пакідалі неадназначную трактоўку. У 1895 г. Эдуард Наркевіч-Ёдка паставіў пры дарозе ў сваім маёнтку Ануфрова Ігуменскага павету каменную чатырохгранную калону вышыняю каля 2,3 м на месцы, дзе раней знаходзіўся драўляны крыж. Прынамсі, так яе апісвае ігуменскі павятовы іспраўнік, які паспяшаўся напісаць пра гэта рапарт у Мінскае губернскае праўленне, хоць можна меркаваць, што размова ішла пра звычайную мураваную капліцу [14]. Асаблівую заклапочанасць выклікаў надпіс на ёй: “1864–1895” без аніякіх каментароў. На зпыт улад уладальнік маёнтка патлумачыў, што 1864 – гэта год ягонага завяршэння навучання ва ўніверсітэце і пачатку гаспадарання маёнткам, а 1895 – год пабудовы калоны. Па гэтай справе мінскаму губернатару, князю Мікалаю Трубяцкому, давалося звяртацца ў Міністэрства ўнутраных спраў за пародай, што варта рабіць у такой сітуацыі. Па выніках, паколькі калона была пабудавана на прыватнай зямлі Наркевіча-Ёдкі, ніякай фармальнай нагоды для забароны яе існавання не знайшлося.

Значэнне прыдарожных капліц і крыжоў як мемарыяльных аб’ектаў не проста можа зацірацца ў часе – у больш шырокай перспектыве можна казаць пра зменлівасць як яго неад’емную ўласцівасць. Змяняюцца пакаленні, скажаецца і паступова знікае памяць пра падзеі, павязаныя з пэўным месцам, час можа змяніць і канфесійную прыналежнасць сакральных аб’ектаў і нават імёны святых, шанаванню якіх яны прызначаны. Яскравым прыкладам гэтага служыць справа 1913 г. з в. Прылепы Мінскага павету. Пераведзены на служэнне ў мясцовую царкву ў 1909 г. святар Іаан Пашын быў здзіўлены мясцовым культам Яна Хрысціцеля. Каля вёскі знаходзілася гара пад назвай “Замак”, а пад ёю стаяла каплічка ў выглядзе чатырох слупоў з пакладзеным зверху дахам. Усярэдзіне знаходзілася статуя святога, якога мясцовае насельніцтва называла святым Янам. Кожны год 24 чэрвеня да яе адбываўся праваслаўны хрэстны ход, вельмі папулярны сярод насельніцтва, якое збіралася з вакольных вёсак, каб пакланіцца святому і асвяціць лекавыя зёлкі. Традыцыі гэтай не менш як трыццаць-сорак год, як высвятліў святар – перад тым статуя стаяла крыху ў іншым месцы, пры злучэнні дарог з Мінску і Астрашыцкага Гарадка. Ён даведаўся, што “по заявлению стариков – статую перенесли потому что яе пугались лошади и, кроме того, она подвергалась оскорблению со стороны проходящих и проезжавших евреев” [15, арк. 6]. Шанаванне каталіцкай статуі святога праваслаўнымі вернікамі пры ўдзеле царквы, у даход якой ішлі ўсе сабраныя ў гэты час ахвяраванні, яго бянэжыла. Мала таго, добра разгледзіўшы статую, ён зразумеў, што “святые Ян” зусім не з’яўляецца Янам Хрысціцелем, і што гэта “некое католическое духовное лицо – в сутане, тиаре, с капюшоном на спине, – ныне крайне обветшала” [15, арк. 6 адв.]. З апісання з вялікай доляй упэненасці можна казаць, што статуя прадстаўляла святога Яна Няпомука, мала вядомага мясцоваму сялянству. З часам розніца пазабылася і яго статуя шанавалася як папулярнага Яна Хрысціцеля.

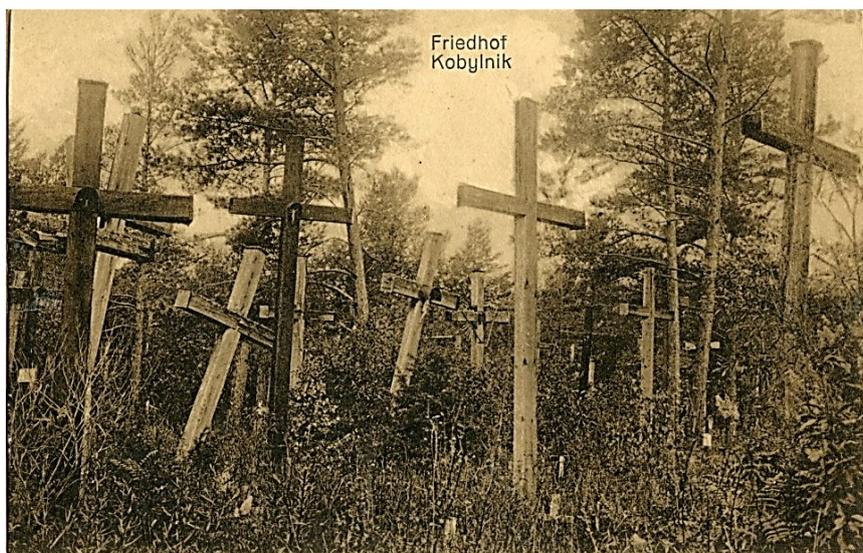
Новы прылепаўскі святар набыў вялікі праваслаўны абраз святога Яна Хрысціцеля і паставіў яго ў каплічку на наступнае 24 чэрвеня, каб прывучыць насельніцтва шанаванню правільнага святога, але сутыкнуўся з тым, што людзей як раней цікавіла толькі статуя. Каб спыніць усталяваўшыся культ ён хацеў паставіць на самой гары капліцу ў гонар Яна Хрысціцеля, а статую прыбраць у царкву ці проста спаліць [15, арк. 6 адв.]. Аднак і памешчык,

на зямлі якога знаходзілася капліца, і сам ён баяліся такіх рашучых дзеянняў, якія маглі справакаваць сялян на бунт. Па выніках і статуу, у якой да таго моманту ўжо была адваліўшаяся рука, і капліцу вырашылі пакінуць на ранейшым месцы, зважаючы на іх вельмі кепскі стан, і чакаць, пакуль яны разваліцца самастойна.

Гэты сюжэт добра ілюструе не толькі згаданыя вышэй скажэнні памяці, але яе глыбіню ў лакальнай супольнасці. Святар здолеў даведацца гісторыю гэтай статуі прыблізна за 30-40 год ад таго моманту, як яна стаяла на іншым месцы. Аднак падзея, якая прывяла да яе з’яўлення, таксама, як і сапраўднае імя святога, былі ўжо для яго недасяжнымі. Змяніўшы канфесію, імя і месца размяшчэння, гэты аб’ект цалкам страціў мемарыяльныя функцыі і стаў проста сакральным аб’ектам, важным для лакальнай супольнасці і яе традыцый шанавання святога Яна. Узнікшы ў Прылепах казус дазволіў застацца ў архіўных матэрыялах інфармацыі пра мінулае адной капліцы, ад якой да нашага часу не засталася і сляда. Аднак, тысячы іншых у пачатку ХХ ст. працягвалі сваё існаванне, не заўважаныя ўладамі, проста як сакральныя аб’екты, не павязаныя ні з якім канкрэтным сюжэтам. Іх гісторыя ў лепшым выпадку становілася фальклорнымі сюжэтамі, нешматлікую частку каторых атрымалася зафіксаваць этнографам і фалькларыстам перад масавым знішчэннем гэтых аб’ектаў цягам ХХ ст.

Могілкі. Асноўным аб’ектам мемарыяльнага ландшафта беларусаў ў пачатку ХХ ст. заставаліся могілкі – колькасна яны ў разы перавышалі помнікі ў жылым асяроддзі, прыдарожныя крыжы і капліцы, а калі ўлічыць паасобныя надмагіллі, то розніца была ў некалькі парадкаў. Менавіта на могілках разгортваліся ўсе асноўныя мемарыяльныя практыкі свайго часу. І могілкі, і згаданыя практыкі маглі даволі істотна адрознівацца ў залежнасці ад таго, размяшчаліся яны ў вёсцы ці ў горадзе, пераважалі сярод памерлых сяляне ці шляхта, а таксама ад многіх іншых фактараў. Магчыма вылучыць дзеля метадалагічных патрэб чыстыя тыпы могілак, напрыклад, вясковыя і гарадскія, але насамрэч у такім рафінаваным выглядзе яны сустракаліся даволі рэдка і элементы адных лёгка траплялі на іншыя. Калі паспрабаваць апісаць могілкі як частку мемарыяльнага краявіду на самы пачатак ХХ ст. і зрабіць гэта толькі ў некалькіх абзацах, то атрымаецца наступнае.

Могілкі размяшчаліся за межамі населеных пунктаў, хоць гарады хутка скарачалі гэтыя адлегласці. Вясковыя могілкі знаходзіліся пры дарогах паміж населенымі пунктамі, нярэдка да іх вяла асобная дарога; да гарадскіх могілак прыводзілі вуліцы на ўскраінах, звычайна названыя “Могілкавая”, “Ціхая” ці падобным чынам. Большасць надмагільных помнікаў над сялянскімі пахаваннямі была драўлянай, хоць у паўночных рэгіёнах былі пашыраны і каменныя надмагіллі. Можна меркаваць, што яны часцей існавалі разам з драўляным крыжом, які пасля паражнеў, а каменны помнік, пастаўлены ў час “прыкладзінаў” заставаўся адзіным надмагіллем. Асноўным тыпам драўлянага надмагілля быў крыж, які меў вышыню ад некалькіх дзясяткаў сантыметраў над дзіцячымі пахаваннямі да 5-6 метраў у іншых выпадках. Акрамя таго, пашыранымі былі “архаічныя” формы драўляных надмагілляў – калоды і зрубы пад дашкамі, вядомы таксама як прыклады і нарубы [13, с. 72–87], якія прыцягваюць увагу этнографу ад ХІХ ст. да нашых дзён [16; 17]. Драўляныя помнікі заставаліся вельмі частымі таксама на местачковых і гарадскіх могілках, хоць колькасць іх заўважна скарацілася да пачатку ХХ ст. Замаўлялі іх не толькі сяляне (якіх нярэдка маглі хаваць у мястэчках і гарадах, калі там знаходзіліся іх парафіяльныя могілкі), але таксама мяшчане і бяднейшая шляхта (малюнак 2) У двух апошніх выпадках крыжы, маглі адрознівацца тым, што былі пафарбаванымі, але пра гэта мы маем мала інфармацыі.

Малюнак 2. – Могілкі ў мястэчку Кабыльнік (зараз – Нарач), каля 1915 г. Са збору аўтара

Даражэйшыя помнікі з каменя ці меаталу замаўлялі ў лакальных майстэрнях ці, у выпадку наяўнасці дастатковых сродкаў, у Вільні, Варшаве, Рызе, Кіеве ці Маскве. На могілках помнікі часта групаваліся па сямейным прынцеце, пры гэтым у каталікоў былі папулярныя даволі вялікія склепы, якія маглі змяшчаць каля 6-8 трунаў

і болей. Пахаванні найбольш заможных сем'яў звычайна фарміравалі цэнтральную рэпрэзентацыйную частку могілак – паабпал цэнтральнай алеі і вакол могілкавай капліцы пры яе наяўнасці. У асобных выпадках гэта дасягалася дзякуючы ўвядзенню спецыяльных коштаў за права правесці пахаванне на больш ці менш прэстыжных участках могілак. Узвядзенне ўсё больш каштоўных помнікаў, пашырэнне дарагіх металічных вялкоў зрабіла неабходным пабудову дамоў вартаўніка на могілках вялікіх гарадоў. Акрамя таго, на могілках будавалі храмы, філіяльныя да парафіяльных цэркваў і касцёлаў, капліцы-пахавальні асобных сем'яў, а таксама капліцы для часовага размяшчэння нябожчыкаў – у санітарных мэтах. Могілкі служылі не толькі важнейшым месцам памяці для асобных сем'яў і лакальных супольнасцей, але і выкарыстоўваліся для выключэння з памяці тых ці іншых людзей. Самагубцы, тапельцы, прапойцы, часам, людзі якіх лічылі чараўнікамі, павінны былі быць пахаваны за межамі могілкавай агароджы і звычайна іх магілы не адзначаліся помнікамі. Такім чынам, могілкі давалі форму для памяці і права на яе, якое, аднак, было даступным не для ўсіх.

Такімі застаў беларускія хрысціянскія могілкі пачатак ХХ ст. Яны, аднак, не заставаліся ў нязменным стане і да пачатку Першай сусветнай вайны тут паспеў выразна развіцца цэлы шэраг тэндэнцый, запачаткаваных яшчэ ў ХІХ ст. Змены закранулі нават тую частку надмагільных помнікаў, якія падаваліся сучаснікам найбольш кансерватыўнымі – драўляныя надмагіллі. Традыцыйна, большасць іх не мела ніякіх надпісаў – проста таму, што пераважная большасць беларусаў да пачатку ХХ ст. заставалася непісьменнай. Аднак, з паступовым ростам пісьменнасці і жаданнем адпавядаць больш дарагім каменным помнікам з прафесійных майстэрняў, на драўляных крыжах усё часцей з'яўляюцца эпітафіі. Часта яны выразаліся размашыстымі літарамі, якія па форме паўтаралі рукапісныя, і запаўнялі сабою ва ўсю даўжыню і асаванне крыжа і перакладзіну, так што дзве часткі эпітафіі былі павернуты адна да адной пад вуглом у 90°. Такія крыжы з канца ХІХ – першай паловы ХХ ст. дагэтуль можна ўбачыць у былым мястэчку Гожа (Гродзенскі р-н) і ў в. Дабраволя (Свіслацкі р-н) на Гарадзеншчыне, а таксама ў шэрагу іншых месцаў рэгіёна [18].

Змянялася і форма драўляных надмагілляў. Усё часцей яны імітавалі каменныя стэлы з невысокім крыжом зверху – тып помніка, які ў бетонным выкананні стаў адным з самых масавых у ХХ ст. Такія помнікі абавязкова мелі эпітафію, вырабляліся з трывалых парод дрэва, часта дуба, а таму ўсё яшчэ працягваюць фіксавацца ў экспедыцыях на могілкі паўночнага захаду Беларусі.

Важнейшай навацыяй стала ўсё больш частае выкарыстанне бетону ў вырабе надмагільных помнікаў. Гэты матэрыял, які фактычна з'яўляўся сурогатам каменя, атрымаў пашырэнне ў вырабе помнікаў яшчэ ў апошняю чвэрць ХІХ ст., але сапраўдны пік яго папулярнасці прыйшоўся на ХХ ст. Гэтая мода мела некалькі важных наступстваў як для развіцця могілак, так і для мемарыяльнай культуры ў цэлым. Бетонныя помнікі былі параўнальна таннымі – у пачатку ХХ ст. іх замаўлялі мяшчане і нават больш заможныя сяляне. Год за годам бетонныя помнікі выцясняюць драўляныя – спярша ў гарадах і мястэчках, пазней – у вёсках. Гэта прывяло да паступовага змянення могілкавага ландшафту. Раней на месцы спарохнелых драўляных крыжоў рабілі новыя пахаванні і ставілі новыя крыжы, “могілкі раслі ўглыб”, па выразу Філіпа Ар'еса. Цяпер, з-за з'яўлення больш трывалых і параўнальна танных помнікаў яны пачалі актыўна “расці ўшырыню”, патрабуючы ўсё большага павелічэння плошчаў, што неўзабаве стане заўважнай праблемай для ўсіх вялікіх гарадоў. Акрамя таго, бетонныя помнікі практычна без выключэнняў змяшчалі эпітафіі, што дазволіла істотна павялічыцца глыбіні памяці пакаленняў, якую захоўвае прастора могілак. Гэта асабліва добра бачна пры параўнанні з пачаткам ХІХ ст., перыядам, ад якога засталіся да нашага часу толькі нешматлікія помнікі, што павязана не столькі з актыўнасцю вандалаў, колькі з тым, што абсалютная большасць помнікаў была драўлянай і не мела шансаў захавацца да нашых дзён.

Адсутнасць помнікаў продкаў усведамлялася многімі прадстаўнікамі шляхта як пэўная праблема ўжо ў пачатку ХХ ст. Немагчымасць ушанаваць іх магілы і тым яшчэ раз падкрэсліць спадчыннасць уласных землеўладанняў і сацыяльных статусаў прыводзіла да жадання зрабіць гэта рэтраспектыўна – гэтак жа сама, як рабілі ўлады з ушанаваннем падзей вайны 1812 г. і ў іншых падобных выпадках. Пабудоваўшы сабе новы (бетонны) склеп на могілках мястэчка Краснае каля Маладзечна, сям'я Тышынскіх усталявала ў яго агароджы два каменныя помнікі з наступнымі эпітафіямі: 1) *S.P. Teresa z Sartinich Tyszyńska Zm. 26 Marca 1863 r. w Wieku lat 76 i Syn jej S.P. Kazimierz Tyszyński Zm. 22 Stycznia 1855 r. w Wieku lat 48 Oboje pochowani jako fundatorowie w dawnym Kościele Krasnosielskim. Wieczny odpoczynek racz im dać Panie!*; 2) *S.P. Antoni Sartini i małżonka jego Anna z Dąbrowskich Sfrtinowa. Zm. Około 1830 r. Oboje pochowani na byłym Cmentarzu Unickim w Miasocie Wieczny odpoczynek racz im dać Panie!* Пахаванні згаданых у гэтых эпітафіях асоб не захаваліся, а адносна апошняй нельга было аднавіць нават дакладны год смерці. Тым не менш, сімвалічна яны далучаліся да новага пакалення памерлых, якіх хавалі ў склепе, і тым самым выбудоўвалі генеалогію яго ўладальнікаў у некалькіх пакаленнях. Тыя ж сінтэнцы хаваліся за ўвядзеннем дзясяткаў новых капліц-пахавален, якія ставілі на могілках і проста пры маёнтках. Такія капліцы служылі месцам памяці сям'і, знакам яе прысутнасці на пэўнай тэрыторыі ў некалькіх пакаленнях. Лібералізацыя ў сферы канфесійнай палітыкі спрыяла іх пашырэнню. Месцамі памяці ў асобных выпадках становіліся і новыя парафіяльныя касцёлы. Варта ўзгадаць, напрыклад, багата дэкараваную мазаікамі крыпту Умястоўскіх пад касцёлам святога Уладзіслава ў Суботніках Іўеўскага раёна, пабудаванага ў 1904 – 1907 гг. Закранула гэтая мода не толькі каталікоў, але і праваслаўных. Самы вядомы прыклад яе – капліца-пахавальня Святаполк-Мірскіх у мястэчку Мір Карэліцкага раёна (1904 – 1910 гг.) [19]. Разам з ёю некалькі дзясяткаў іншых праваслаўных капліц-пахавален былі ўзведзены па ўсёй краіне, але толькі невялікая частка захавалася да нашых дзён.

Яшчэ адной важнай тэндэнцыяй пачатку XX ст. стала выкарыстанне фотаздымкаў на надмагільных помніках. Першыя фота былі ўжыты ў аздабленні помнікаў яшчэ ў 70-я гг. XIX ст. у Гародні. Але па-сапраўднаму мода на фотаздымкі стала пашырацца толькі з канца XIX – пачатку XX ст. Да Кастрычніцкай рэвалюцыі фотаздымкі ўсё яшчэ былі параўнальна рэдкімі і выкарыстоўваліся на некаторых даражэйшых надмагіллях. Толькі невялікая іх частка захавалася на беларускіх могілках да нашых дзён. Адзін з ранніх прыкладаў можна знайсці на надмагіллі Пятра і Анастасіі Далецкіх (+1907 і 1906) з мястэчка Слабодка Браслаўскага раёна [20, с. 232, 431]. Надмагіллі з фотаздымкамі задавалі новы стандарт захавання памяці пра блізкага чалавека, які да канца XX ст. стане амаль абавязковым, а фотаздымкі пачнуць дамінаваць у семантычнай кампазіцыі помніка.

Гэта толькі асноўныя змены, якія закранулі могілкі як частку мемарыяльнага ландшафту ў пачатку XX ст, і кожная з іх аказала свой уплыў на іх далейшае развіццё на дзесяцігоддзі наперад, змяняючы зместы і стратэгіі ўнутры культуры памяці беларусаў.

Заклучэнне. Прастора, як добра было паказна ў працах Пола Конэртана, з’яўляецца важнейшым медыятарам памяці, які дапамагае ўтрымліваць, захоўваць і трансляваць успаміны. У мемарыяльнай прасторы гэтыя функцыі дамінуюць над усімі астатнімі, таму без яе разгляду не можа абйсціся ніякае вывучэнне асобнай культуры памяці. У пачатку XX ст. мемарыяльная прастора беларусаў перажывала змены, якія шмат у чым будуць вызначальнымі для яе развіцця на працягу ўсяго наступнага стагоддзя.

Распачатая “эпоха юбілеяў” напоўніла скверы і плошчы гарадоў помнікамі гістарычным дзеячам (пераважна, Аляксандру II) і гістарычным падзеям. Яны рэдка мелі дачыненне да лакальнай гісторыі і служылі інструментам рэалізацыі гістрычнай палітыкі расійскіх улад. Пасля гэта мадэль адміністравання месцаў памяці ў публічнай прасторы гарадоў будзе перанята савецкай уладай і стане вызначальнай для ўсяго XX ст.

Важнай часткай мемарыяльнага ландшафту заставаліся прыдарожныя крыжы і капліцы. Яны часцей апісваюцца ў кантэксце вывучэння народнага хрысціянства як сакральныя аб’екты, што верна, але пры гэтым у ценю застаецца іх мемарыяльны складнік, які належаў камунікатыўнай памяці лакальнай супольнасці і з часам страчваў значэнне. Тым не менш, для людзей яны былі значным інструментам захавання памяці пра важныя падзеі лакальнай гісторыі – дарожныя здарэнні, эпідэміі, пажары і г.д. Самым масавым аб’ектам мемарыяльнага ландшафту ў пачатку XX ст. заставаліся могілкі. У гэты перыяд тут ўсё больш пашыранай практыкай стала нанясенне эпітафій на драўляныя помнікі, што было павязана з павышэннем пісьменнасці насельніцтва. Усё большае пашырэнне атрымлівалі помнікі, зробленыя з бетону. Абедзве гэтыя змены спрыялі ўсталяванню доўгай, даўжэйшай за камунікатыўную, памяці пра памерлых, якая раней была пераважна прывілеем заможных і адукаваных слаёў насельніцтва. Асабліва ўвага надавалася фарміраванню памяці сям’і і рода – будаваліся новыя капліцы-пахавальні і склепы, ставіліся помнікі, якія ўзгадвалі памерлых продкаў рэтраспектыўна, за адсутнасцю магіл. З’явілася мода на выкарыстанне фатаграфіі на надмагільных помніках, якая выкарыстоўвалася толькі на нешматлікіх даражэйшых помніках, але гэта тэндэнцыя стане адной з важнейшых у культуры памяці беларусаў XX ст.

ЛІТАРАТУРА

1. Musil, R. Posthumous Papers of a Living Author / R. Musil. – London : Penguin Books, 1995. – 179 p.
2. Kałamajska-Seed, M. Katedra w Grodnie / M. Kałamajska-Seed // Kościoły i klasztory rzymskokatolickie dawnego województwa trockiego. – Kraków : Międzynarodowy centrum kultury w Krakowie, 2015. – Т. 2. – 228 s.
3. Kałamajska-Seed, M. Kościół rektoralny p.w. Przemienienia Pańskiego (dawna fara) i dom zakonny SS. Nazaretanek p.w. Chrystusa Króla / M. Kałamajska-Seed // Kościoły i klasztory rzymskokatolickie dawnego województwa nowogrodzkiego. – Kraków : Międzynarodowy centrum kultury w Krakowie, 2017. – Т. 5. – S. 15–68.
4. Габрусь, Т.В. Мураваны харалы: сакральная архітэктурна беларускага барока / Т.В. Габрусь. – Мінск : “Ураджай”, 2001. – 287 с.
5. Інеўская, Э. Калоны Славы ў гонар Канстытуцыі 3 Траўня: каталог / Эльжбета Інеўска. – Мінск : Галіяфы, 2019. – 83 с.
6. Сокол, К.Г. Монументальныя помнікі Російскай імперыі: каталог / К.Г. Сокол. – М. : Вагрыус Плюс, 2006. – 429 с.
7. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Ф. 299, Воп. 5, Спр. 1164. Аб узвядзенні ў г. Мазыр калоны ў памяць імператара Аляксандра III. (1895).
8. Открытие и освящение в г. Минске памятника Императору Александру II // Минские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. – №2/1901. – С. 34–36.
9. Лукашевич, А.М. Памятники и памятные места 1812 года в Беларуси / А.М. Лукашевич. – Мінск : Харвест, 2012. – 287 с.
10. НГАБ. – Ф. 295, Воп. 1, Спр. 8253. Аб узвядзенні помніка Аляксандру II у Мазыры. (1913-14).
11. НГАБ. – Ф. 136, Воп. 1, Спр. 37635. Справа па распараджэнню епіскапа Мітрафана аб вытлумачэнні духавенствам прыхаджанам неабходнасці шанавання мясцовых святых Кірыла і Лаўрэнція Тураўскіх, пакутніка Гаўрыла і інш. (1913).
12. НГАБ. – Ф. 295, Воп. 1, Спр. 8259. Аб стварэнні камітэту па зборы ахвяраванняў на помнік епіскапу Тураўскаму ў м. Тураў (1913 – 16).
13. Раманюк, М. Беларускія народныя крыжы / Міхась Раманюк. – Вільнюс : Наша Ніва, Дзяніс Раманюк, 2000. – 221 с.
14. НГАБ. – Ф. 299, Воп. 5, Спр. 1165. Аб пастаўленні калоны пры дарозе памешчыкам маёнтку Ануфраву Эдуардам Наркевічам-Йодка. (1895–96).
15. НГАБ. – Ф. 136, Воп. 1, Спр. 38351. Справа па рапарту святара Прылепскай царквы Мінскага пав. I. Пашына аб узбуджэнні хадайніцтва пра знос статуі Яна Хрысціцеля, якая разбураецца, на зямлі памешчыка Папова і пабудове на гэтым месцы капліцы. (1914).
16. Гайдучик, В.Н. Дубовые колоды на полесских некрополях: к вопросу об ареале бытования традиции / В.Н. Гайдучик // Таинственная Беларусь V : материалы конференции, Минск, 2 февраля 2019 г. / Уфоком. – Мінск : Регистр, 2019. – С. 38–103.

17. Лабачэўская, В.А. Вясковыя могілкі: зрубныя надмагіллі (па матэрыялах усходніх раёнаў Віцебскай вобласці і Магілёўскага Падняпроўя Беларусі) / В.А. Лабачэўская // Беларускае Падзвінне: вопыт, методика і вынікі палявых даследаванняў: зб. навук. прац рэсп. навук.-практ. семінара, Полацк, 20–21 ліст. 2008 г. – Наваполацк : ПДУ, 2009. – С. 195–204.
18. Грунтоў, С.У. Драўляныя імітацыі каменных помнікаў на каталіцкіх могілках Гродзеншчыны канца XIX — сярэдзіны XX ст. / Грунтоў С.У. // Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі. – 2017. – Вып. 22. – С. 289–295.
19. Шымелевіч, Г.Г. Капліца-пахавальня Святаполк-Мірскіх у Міры – помнік архітэктуры гістарызму пачатку XX ст. / Г.Г. Шымелевіч // Мірскі замак як культурна-гістарычны феномен XV–XX стагоддзяў: новыя даследаванні : матэрыялы навук.-практ. канф. – Мінск : ТАА “Белпрынт”, 2004. – С. 186–189.
20. Lewkowska, A. Zabytkowe cmentarze na Kresach Wschodnich Drugiej Rzeczypospolitej: województwo wileńskie na obszarze Republiki Białoruś / A. Lewkowska, J. Lewkowski, W. Walczak. – Warszawa : Wydawn. DiG, 2007. – 512 s.

Паступіў 17.05.2022

КУЛЬТУРА ПАМ'ЯТІ БЕЛОРУСОВ В НАЧАЛЕ XX в.: МЕМОРИАЛЬНЫЙ ЛАНДШАФТ

С.В. ГРУНТОВ

Статья даёт обзор состояния белорусского мемориального ландшафта в начале XX в. и основных тенденций его развития до 1917 г. Эти тенденции оказывали существенное влияние на культуру памяти белорусов не только в своё время, но и на протяжении всего XX в. В первой части рассматривается быстрый рост историзации жилого пространства городов и местечек с помощью памятников политическим деятелям и историческим событиям. Вторая часть посвящена рассмотрению придорожных крестов и часовен как мемориальных объектов. В третьей части рассматриваются основные тенденции развития белорусских кладбищ, которые оказывали влияние на культуру памяти: распространение эпитафий на деревянных памятниках, рост популярности памятников из бетона, активное строительство новых часовен-усыпальниц и склепов, появление моды на использование фотографии в декоре памятников.

Ключевые слова: культура памяти, мемориальный ландшафт, кладбища, памятники, придорожные часовни, кресты, часовни-усыпальницы, мемориализация, юбилеи.

CULTURE OF MEMORY OF BELARUSIANS IN THE EARLY XX CENTURY: MEMORIAL LANDSCAPE

S. HRUNTOU

The article gives an overview of the state of the Belarusian memorial landscape at the beginning of the 20th century and the main trends in its development until 1917. These trends had a significant impact on the development of the culture of memory of Belarusians not only in their time, but throughout the entire 20th century. The first part examines the rapid growth of the historicization of the living space of cities and towns with the help of monuments to political figures and historical events. The second part is devoted to the consideration of roadside crosses and chapels as memorial objects. The third part examines the main trends in the development of Belarusian cemeteries that influenced the culture of memory: the spread of epitaphs on wooden monuments, the growing popularity of concrete monuments, the active construction of new burial chapels and crypts, the emergence of a fashion for the use of photography in the decoration of monuments.

Keywords: culture of memory, memorial landscape, cemeteries, monuments, roadside chapels, crosses, burial chapels, memorialization, anniversaries.

УДК 94(476)

**РАЗВИТИЕ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ФОРМ ПОДГОТОВКИ НАУЧНЫХ КАДРОВ
В АН БССР (СЕРЕДИНА 1940-х – СЕРЕДИНА 1960-х гг.)****С.А. ЖУК***(Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина)*

В статье предпринимается попытка проследить развитие организационных форм подготовки научных кадров на примере академической науки в БССР в послевоенный период. Показано развитие государственного регулирования аспирантуры. Прослежена динамика прикомандирования аспирантов к научным учреждениям АН СССР, определены причины недостаточного использования этого механизма подготовки научных кадров. Проанализирована динамика восстановления и развития докторантуры во второй половине 1940-х – середине 1950-х гг., рассмотрены инструменты стимулирования подготовки докторских диссертаций работниками АН БССР. Типологизированы формы повышения квалификации исследователей через институт «соискательства».

Ключевые слова: *система подготовки научных кадров, аспирантура, соискательство, докторантура, экстернат, нормативно-правовое регулирование науки.*

Введение. Развитие науки обеспечивается, в значительной степени, квалифицированным научным персоналом, обладающим не только профессиональными компетентностями, но и имеющим способности к научно-организационной деятельности. Соответственно, эффективно функционирующая система подготовки научных кадров является необходимым условием роста и трансформации профессионально-квалификационной структуры ученых, инструментом привлечения талантливой молодежи к исследованиям и, соответственно, залогом смены поколений в науке. В статье акцентируется внимание на развитии форм подготовки научных кадров в АН БССР в середине 1940-х – середине 1960-х гг. в контексте эволюции государственного регулирования этой институциональной среды организации науки. Решение задач восстановления научного потенциала в середине 1940-х – начале 1950-х гг. и переход к управляемому научно-техническому прогрессу в середине 1950-х гг. детерминировали поиск оптимальных институциональных форм обучения научных кадров.

Исследование советского опыта создания и модернизации институциональной среды обучения исследователей позволяет не только осуществлять социально-историческую рефлексию исторического опыта управления наукой, но и разрабатывать рекомендации по улучшению качества послевузовского образования в Республике Беларусь. Таким образом, исследование несет не только научно-теоретическую, но и социально-политическую значимость.

В советской модели организации науки академические институты занимали центральное место в разработке теоретических и методологических проблем науки, что закрепляло их ведущую роль относительно вузов и отраслевых научно-исследовательских учреждений (НИУ), определяло их статус как крупных центров подготовки научных кадров. Важность задач обеспечения роста кадрового потенциала актуализировала интерес к осмыслению советскими исследователями истории развития организационных форм обучения научного персонала. Правовое регулирование стало предметом исследовательского интереса в работах Б.Д. Лебина «Подбор, подготовка и аттестация научных кадров в СССР: вопросы истории и правового регулирования», Г.И. Федькина «Правовые вопросы организации научной работы в СССР», диссертационном исследовании В.Н. Толкуновой «Вопросы правового регулирования труда научных работников советской высшей школы» [1–3]. Названные исследования способствовали гармонизации подзаконных нормативных правовых актов в соответствии с решениями высших директивных органов власти, позволили устранить ряд правовых коллизий. Одновременно учеными был разработан ряд практических рекомендаций по повышению эффективности обучения аспирантов. Так, Б.Д. Лебин подчеркивал необходимость формализации института соискательства путем принятия соответствующих нормативно-правовых актов на уровне партийно-государственного решения [1, с. 92]. Организационно-политические аспекты подготовки научных кадров рассматривались в работе Е.В. Чуткерашвили «Кадры для науки» [4]. Советскими учеными часто предпринимались попытки историко-компартивного анализа этой институциональной подсистемы в СССР, странах «народной демократии» и «капиталистических странах». Разумеется, делались односторонние выводы о тотальном превосходстве плановой государственной модели [2, с. 1, 3, 10; 4, с. 5, 18].

Некоторые аспекты подготовки молодой смены ученых схематично рассматривались в работах С.В. Кафтанова и В.П. Елютина [5; 6]. Характерно, что исследования, подготовленные в период работы на должности профильного союзного министра, отличается, с одной стороны, богатая эмпирическая база, а с другой – наиболее апологетические оценки советской действительности. Так, работа С.В. Кафтанова, написания в лучших традициях позднего сталинизма сводит все успехи к деятельности и указаниям «гениального товарища Сталина». По мере развития политической системы СССР оценки роли архитекторов системы подготовки научных кадров смещались в сторону «безликих институтов», что, например, ярко проявилось в работе В.В. Украинцева «КПСС – организатор революционного преобразования высшей школы» [7].

Особое внимание функционированию системы подготовки научных кадров в академических учреждениях уделено в работах по истории АН СССР. В книге Г.А. Князева и А.В. Кольцова «Краткий очерк истории Академии

наук СССР» рассматривается история создания аспирантуры в АН СССР, показывается её роль в формировании советских научных элит [8]. В двухтомном издании «Академия наук СССР» больше внимания уделяется роли Академии наук как «штаба советской науки», её участию в подготовке высококвалифицированных кадров для союзных республик [9]. Отметим, что и в современных исследованиях по истории Российской академии наук фактически сохраняются оценки АН СССР как научно-методического центра для Академий наук союзных республик. Закономерно, что теоретико-методологические установки не позволили авторам выявить и распознать ряд кризисных явлений в советской модели организации подготовки научной смены: из фокуса внимания выпадали региональные научно-технологические комплексы, имевшие ряд особенностей относительно центральных вузов и НИУ.

В отечественной науке исследование динамики организационных форм подготовки научных кадров в 1970-е – 1990-е гг. связано, прежде всего, с исследованиями Н.И. Галенчика, Н.К. Соколова и Г.В. Корзенко [10–12]. Государственная политика по обучению исследователей через призму развития исторической науки рассматривалась в диссертационных исследованиях Л.П. Храпко и В.Т. Леонова [13–14]. Особенности развития системы подготовки научных кадров в Академии наук анализировались в юбилейных изданиях «Академия наук БССР», а также монографии Н.В. Токарева [15–17].

Таким образом, целью статьи является определение тенденций развития форм подготовки научных кадров в АН БССР в послевоенный период. Для её достижения необходимо решить следующие задачи:

1. Проследить динамику развития аспирантуры как ведущей формы обучения исследователей;
2. Определить тренды подготовки научных кадров через институт «соискательства»;
3. Раскрыть развитие организационных форм подготовки докторов наук.

За пределами внимания остается заключительный этап подготовки – аттестация научных кадров высшей квалификации, требующий специального исследования. Термин «институт» рассматривается в двух значениях. В узком значении под ним понимаются формальные механизмы для подготовки научных кадров (аспирантура, докторантура, годичная аспирантура), функционировавшие в соответствии с действующими нормативными правовыми актами. В широком значении «институт» определяется как любые устойчивые, значимые и воспроизводимые формы поведения в социальном поле научной интеллигенции, устойчивость которых обусловлена признанием их легитимности в сфере сознания акторов.

Основная часть. Организационное развитие аспирантуры в АН БССР. Необходимость восстановления научного потенциала БССР в период Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы детерминировала использование всех доступных форм подготовки научных кадров. Неслучайно, в 1943 г. на уровне органов управления Академией поднимался вопрос о необходимости повышения квалификации кадров. В отчете о работе Академии наук за 1943 г. отмечалось, что Президиум ведет постоянную работу по возобновлению подготовки кадров через аспирантуру [15]. В июле и октябре 1944 г. на уровне ЦК КП(б)Б были приняты решения о восстановлении аспирантуры [18], которые, правда, не создали достаточных организационно-правовых оснований для проведения приемной кампании осенью 1944 г. После всех необходимых согласований в январе 1945 г. Президиум АН БССР распределил квоты приема аспирантов между НИУ [19; 20, с. 60; 21, л. 25]. Большинство авторов (В.Ф. Купрович, Г.В. Корзенко, Н.В. Токарев, Н.И. Красовский, Н.К. Соколов) сходятся во мнении, что академическая аспирантура была восстановлена в 1945 г. Исключение составляет Л.П. Храпко, которая в издании к 80-летию Института истории по непонятным причинам относит это событие к 1946 г. [22, с. 50]. Многочисленные документальные архивные источники подтверждают общепринятую позицию. Единственно стоит отметить, что решения республиканских директивных органов о восстановлении этой формы подготовки научных кадров в 1944 г. принимались дважды. Пока не выявлено решений союзного центра (Всесоюзный комитет по делам высшей школы (ВКВШ), Государственная штатная комиссия, Совет Министров), утверждавших это решение и санкционировавших возобновление аспирантуры. Экстраполируя процедуры принятия решений можно с некоторой долей уверенности предположить, что оно могло быть принято в период с середины ноября 1944 г. до начала января 1945 г. В первые послевоенные годы аспирантура с отрывом от производства являлась единственной институциональной формой подготовки кандидатов наук в Академии. На её базе повышали свою научную квалификацию преподаватели вузов, работники НИИ отраслевой науки и советские служащие.

Восстановление научного потенциала Академии наук детерминировало расширение форм обучения научных работников высшей квалификации. 3 мая 1948 г. Президиум Академии инициировал организацию кандидатской аспирантуры без отрыва от производства [23, с. 78]. 12 мая на имя председателя Совета Министров БССР П.К. Пономаренко направляется докладная с просьбой возбудить перед Союзным Совмином ходатайство о восстановлении аспирантуры без отрыва от производства [24, л. 44; 25, л. 31]. Не позднее начала сентября союзные директивные органы санкционировали расширение форм подготовки научных кадров, уменьшив, правда, плана набора с 50 до 25 человек [26]. Оперативность принятия решения, по-видимому, могла быть связана с дополнительным вниманием к делу подготовки молодых исследователей после принятия 22 мая 1948 г. партийно-государственного постановления «О подготовке научно-педагогических и научных кадров через аспирантуру». Таким образом, с осени 1948 г. в БССР функционировали все формы академической аспирантуры.

Следует отметить, что в отечественной науке тема восстановления заочной аспирантуры фактически обойдена вниманием. Так, Н.И. Галенчик пишет об этом, не очерчивая временные рамки, эту же позицию повторяют и авторы юбилейной «Академии наук БССР» [10, с. 14, 21]. В диссертационном исследовании «Развитие

исторической науки в БССР (1945 – конец 50-х годов)» Л.П. Храпко пишет о восстановлении этой формы обучения в мае 1948 г., ссылаясь на решение Президиума [13, с. 19]. Эту же позицию исследовательница высказывает и в издании «Институт истории НАН Беларуси, 1929–2009» (2009 г.) [22, с. 50]. В монографии «Академия наук Белорусской ССР: годы восстановления и развития (1945–1991)» Н.В. Токарев по непонятным причинам приходит к выводу об организации заочной аспирантуры в 1949 г. [17, с. 25]. С другой стороны, все исследователи соглашались, что возобновление работы этой формы подготовки научных кадров сыграло положительную роль в восстановлении и развитии научного потенциала АН БССР.

Развитие аспирантуры без отрыва от производства позволило расширить возможности Академии наук по подготовке научных кадров (аспирантам-заочникам не требовалось рабочее место, контроль их работы был минимален) и шире привлекать в аспирантуру специалистов с производства и государственной службы. В системе академической аспирантуры в БССР проявлялось большинство негативных особенностей советской системы подготовки научных кадров, таких как низкая эффективность исследовательской работы аспирантов-заочников или сложности с подбором кандидатур для обучения по приоритетным направлениям научно-технического прогресса, что наиболее ярко проявлялось в регионах СССР.

Аспирантура без отрыва от производства, как свидетельствуют выступления руководства Академии в конце 1940-х – начале 1950-х гг., должна была стать, в известной степени, основной формой обучения кадров высшей квалификации. Однако в связи с объективными трудностями в подборе кадров и невозможностью обеспечить результативность подготовки аспирантов к середине 1950-х гг. ресурсы АН БССР вновь начинают концентрироваться на аспирантуре с отрывом от производства. Новый всплеск внимания к заочной форме обучения наблюдается в начале 1960-х гг. в условиях развития концепции НТП после серии партийно-государственных актов управления, в которых обращалось внимание на интенсификацию проведения научных и опытно-конструкторских работ без отрыва от основной деятельности.

Поиски оптимальных форм подготовки научных кадров в середине 1950-х – середине 1960-х гг. не затрагивали системообразующие элементы организации работы аспирантуры. Например, согласно совместному постановлению ЦК КПСС и СМ СССР «О мерах по улучшению подготовки и аттестации научных и педагогических кадров» (август 1956 г.) налагался запрет на поступление в аспирантуру выпускников вузов за исключением ряда теоретических специальностей. Эта дискриминационная норма была отменена только в первой половине 1960-х гг. во время новой реформы сферы послевузовского образования. Также несколько менялась и конечная цель обучения в аспирантуре. Так, согласно положению «Об аспирантуре» (1939 г.) выпускник аспирантуры должен был представить квалификационную работу – кандидатскую диссертацию. Эта практика, согласно уже упомянутому постановлению 1956 г., заменялась довольно расплывчатой формулировкой о необходимости глубокого овладения избранной специальностью, сдаче кандидатских экзаменов и выполнения научной работы, которая «должна быть доложена на ученом совете или научной конференции». По-видимому, негативные последствия этого смягчения требований вызвали возвращение старой практики в начале 1960-х гг. [27].

Наряду с развитием аспирантуры в АН БССР функционировали и механизмы прикомандирования к Академии наук СССР. Теоретической основой этой практики стала норма Устава союзной Академии, возлагающая на неё ведущую роль в подготовке научных кадров. Отмечу, что большинство практик в области подготовки научных кадров (создание профильных кафедр, продление сроков обучения аспирантов до одного года и др.), принятых в АН СССР, экстраполировались на республиканские Академии, принимавшие, в свою очередь, решения и локальные нормативные правовые акты во исполнение и в соответствии. Роль центральной советской научной организации в координации системы подготовки научных кадров в академической науке аналогична значению ВКВШ (с 1946 г. – Минвуза СССР) для вузовской науки, за исключением того, что на него возлагались функции по координации планирования работы аспирантуры (в 1961 г. переданы Государственному комитету СМ СССР по координации научно-исследовательских работ). Право АН СССР по приему прикомандированных закреплялось в Положении «Об аспирантуре Академии наук СССР» (1939, 1950, 1957, 1963 гг.), а порядок утверждался Инструкцией «О порядке зачисления аспирантов из Академий наук союзных республик в научные учреждения АН СССР» (рисунки). Прикомандирование было возможно только по тем специальностям, по которым в республиканских Академиях не было возможности вести подготовку (не имелось кандидатур для научного руководства, отсутствовала лабораторная и опытно-экспериментальная база).

Согласно Инструкции до 1 сентября Академии наук союзных республик предоставляли в АН СССР документы поступающих. Во второй половине сентября они держали вступительные испытания в тех научных учреждениях, куда планировалось их направить. Во время обучения эта категория молодых исследователей обладала всеми правами и обязанностями аспирантов Академии наук СССР: обучающиеся обеспечивались общежитием (при наличии мест), однако все финансовые затраты (стипендия, оплата труда научного руководителя и официальных оппонентов, печатание диссертации и автореферата) несло направившее учреждение. Тема диссертационного исследования должна была быть частью плановой темы, разрабатываемой республиканской Академией или научным учреждением АН СССР. По итогам обучения выпускник направлялся в распоряжение направившей его Академии [28, лл. 18–21].

В Академии наук БССР возможностью прикомандирования возобновили пользоваться во второй половине 1940-х гг. Динамика прикомандированных аспирантов за 1947–1965 гг. представлена в таблице.

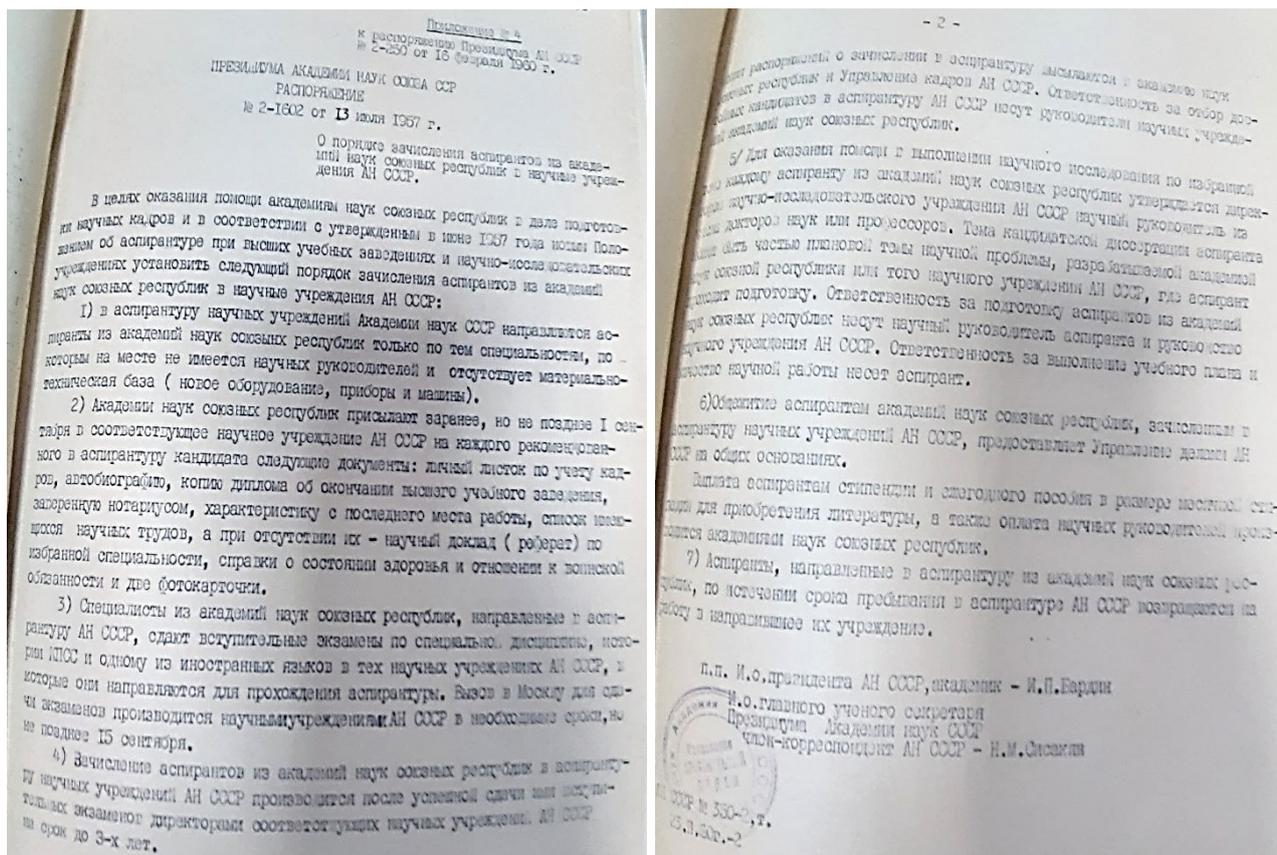

Рисунок. – Инструкция о порядке прикомандирования к аспирантуре АН СССР (1957 г.)¹

Таблица. – Динамика прикомандирования белорусских аспирантов к АН СССР

Год	Всего	Из них:				
		физика	технические науки	естественные науки	социально-гуманитарные науки	математика
1947	1	0	0	0	1	0
1948	1	0	0	0	1	0
1949	2	0	2	0	0	0
1950	2	0	1	0	1	0
1951	4	0	2	2	0	0
1952	3	1	2	0	0	0
1953	2	1	1	0	0	0
1954	4	2	0	1	0	1
1955	4	1	1	1	1	0
1956	3	0	0	1	0	2
1957	3	1	1	1	0	0
1958	2	0	1	0	0	1
1959	3	1	0	1	0	1
1960	4	1	1	2	0	0
1961	4	1	0	1	0	2
1962	5	2	1	1	0	1
1963	6	2	0	2	0	2
1964	5	1	0	2	1	1
1965	6	3	0	1	0	2
Всего	64	17 (26,6%)	13 (20,3%)	16 (25%)	5 (7,8%)	13 (20,3%)

Примечания. Подсчеты осуществлены на основании решений Президиума АН БССР и, следовательно, не обязательно соотносятся с количеством прикомандированных к НИУ АН СССР. По причине значительной роли физики в НТП и, следовательно, её приоритетного развития в АН БССР с середины 1950-х гг., эта область знания для наглядности выделена в отдельный столбец.

¹ Центральный научный архив НАН Беларуси. – Ф. 1. Д. 972. Л. 18, 19.

Возможности прикомандирования к учреждениям Академия наук использовала не в полной мере. На 10–15 ежегодно выделяемых мест направлялось не более 5–6 человек. Среди основных факторов стоит выделить: трудности с комплектованием аспирантуры АН БССР (вторая половина 1940-х, конец 1950-х – середина 1960-х гг.); нежелание руководства ряда НИИ направлять молодые кадры в Москву. Несмотря на то, что прикомандированные были обязаны вернуться в учреждения, систематически часть из них находила правовые возможности остаться в центральных НИИ. Например, в 1961 г. директор Института физико-органической химии Б.В. Ерофеев поднимал вопрос о предоставлении жестких гарантий возвращения прикомандированных. Академик отмечал, что из 6 направленных в конце 1950-х гг. в Москву химиков (выпускников БГУ) вернулось только 2 человека [29, л. 95].

Наиболее системно этот институциональный механизм использовался для подготовки исследователей в области ядерной и теоретической физики, нефтехимии, электроники и полупроводников, биофизики и микробиологии, электродинамики и кибернетики. В области социальных и гуманитарных наук для повышения научной квалификации направлялись специалисты в области истории искусства, диалектического и исторического материализма, философских проблем естественных наук, славистики. Также стоит отметить, что уровень академической компетентности кандидатов, в особенности направляемых для обучения в области новых научных направлений, оставался недостаточно высоким, что не позволяло Президиуму рекомендовать их для обучения в АН СССР. Еще одним немаловажным фактором, затруднявшим оптимальное использование механизма прикомандирования, являлось обязательное согласование кандидатур с парткомом АН БССР.

Усиление координации НИР в условиях научно-технического прогресса в СССР способствовало расширению научной коммуникации, в том числе и в сфере подготовки кадров. Возможности прикомандирования расширяло постановление «О мерах по дальнейшему улучшению подбора и подготовки научных кадров» (май 1962 г.), создававшее для аспирантов и молодых ученых возможности организации стажировок не только в ведущих союзных научных центрах, но и за рубежом. Это решение союзного правительства было продублировано и на республиканском уровне постановлением Совмина [30, лл. 6–11]. В БССР в первые годы после его принятия эта практика не получила значительного распространения и количество направленных для прохождения стажировок ежегодно составляло не более 5–7 человек из числа молодежи из Институты физики, тепло- и массообмена, физико-органической химии, ядерной физики, физики твердого тела и полупроводников, технической кибернетики, лаборатории электроники и отдела механики полимеров².

Организационные основы института соискательства. Потребность в научных кадрах высшей квалификации в АН БССР превосходили возможности аспирантуры и прикомандирования к АН СССР. Значительное число диссертаций готовилось сотрудниками Академии без отрыва от производства в рамках выполнения плановых тем и заданий. В научной литературе такой механизм систематически называют «соискательством». В широком смысле под соискателем необходимо понимать любое лицо, готовящее диссертацию на соискание ученой степени. В практике делопроизводства в рассматриваемый период обычно термин «соискатель» заключали в кавычки, когда имелся в виду работник, готовящий диссертацию без обучения в аспирантуре и докторантуре, без кавычек – как определение лица, представившего диссертационное исследование. Упорядочение эта форма подготовки научных работников получила только в 1968 г. после утверждения Государственным комитетом Совета Министров СССР по науке и технике Положения «О соискателях степеней, работающих над диссертациями вне аспирантуры», которое определяло их правовой статус, права и обязанности.

Соответственно, до этого времени контроль за ними практически не осуществлялся, статистической отчетности не велось, научное руководство часто официально не закреплялось до этапа защиты диссертационного исследования. Например, Президент АН БССР В.Ф. Купревич отмечал: «По сравнению с соискателями контроль за работой аспирантов-заочников осуществляется у нас на достаточном уровне» [31, л. 36]. Отмечу, что многочисленные проверки академической аспирантуры, проводимые Президиумом, бюро Отделений, ЦК компартии, специальными комиссиями АН СССР, традиционно оценивали состояние работы с заочниками как «бардак». В 1953 г. В.А. Леонов на заседании, организованном отделом науки и вузов ЦК КПБ, отмечал, что «вызывает затруднения подсчет общего количества “соискателей”», так как «... они нигде не учитываются» [32; 33, л. 221]. Для характеристики этой формы обучения в середине 1940-х – середине 1960-х гг. целесообразно использовать следующие термины: «институт соискательства»; «институт экстерната»; «подготовка диссертационных исследований без обучения в аспирантуре и (или) докторантуре».

Попытки ведения статистики по соискателям начали предприниматься в начале 1960-х гг., однако их учет был упорядочен только после принятия Положения 1968 г. Таким образом, документы государственной статистики не позволяют проследить динамику общего количества и распределения соискателей по различным областям научного знания. В 1954 г. руководством Академии наук их количество оценивалось в 120 человек, в 1958 г. – в 227 [34, л. 104; 35, л. 139]. В начале 1960-х гг. их общее количество достигло 280–300 человек. Эта категория составляла значительную долю, в некоторые годы достигавшую 40–45%, от общего числа лиц, готовящих диссертационные исследования.

«Генеральную совокупность» соискателей целесообразно разделить на две группы: работники Академии наук, готовившие диссертационные исследования без отрыва от производства; лица, работавшие в сторонних организациях и прикрепленные к НИУ АН БССР.

² Названия научных учреждений приведены на 31 декабря 1965 г.

Первая категория являлась более многочисленной, через неё проходило абсолютное большинство научного (младшие научные сотрудники, исследователи-стажеры (с 1962 г.), и. о. старшего научного сотрудника (вторая половина 1940-х гг.)) и научно-вспомогательного (старшие лаборанты, техники, инженеры) персонала, не продолжившего обучения в аспирантуре и изъявившего желание проводить диссертационные исследования. Обычно через несколько лет работы сотрудникам предлагалось повысить свои знания в области марксистско-ленинской философии и иностранного языка. По-видимому, начало посещения занятий по этим курсам можно считать формализацией подготовки диссертационного исследования в рамках академического соискательства. До середины 1950-х гг. они посещали занятия вместе с аспирантами. В 1954 г. создавались специальные группы соискателей, которые формировались в соответствии с уровнем знаний в предметных областях [36, л. 118]. Работу над диссертациями академические соискатели вели в основном на базе отделов и лабораторий НИУ Академии наук под руководством её сотрудников. Довольно часто в планах и отчетах о НИР защита диссертации фиксировалась как итог исследовательской работы, ответственность за неё несли соискатель и руководитель структурного подразделения.

В АН БССР институт экстерната использовался достаточно активно. Во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. соискатели внесли вклад в восстановление кадрового потенциала Академии наук. По мере развития концепции НТП и её внедрения в деятельность научных организаций всё активнее для подготовки диссертаций привлекалась молодежь, которая в связи с организацией новых научных учреждений и расширением штатов активно привлекалась для работы в Академии наук. Дополнительным импульсом для расширения этой практики стала серия постановлений ЦК КПСС и СМ СССР в начале 1960-х гг. об эффективности системы подготовки научных кадров, в которых призывалось расширить практику подготовки и представления диссертаций без отрыва от основной деятельности. В партийно-государственном постановлении «Об улучшении подготовки научных и научно-педагогических кадров» (1967 г.) говорилось о «создании специалистам необходимых условий для самостоятельной работы над диссертациями» [12, с. 97]. Значительно меньше была распространена практика прикрепления работников сторонних организаций для повышения научной квалификации в стенах АН БССР с целью сдачи кандидатских экзаменов и подготовки диссертационных исследований.

Академия наук в первые послевоенные годы была одним из немногих учреждений, в котором читались курсы иностранного языка и диалектического и исторического материализма для аспирантов, что способствовало расширению практики прикрепления. По мере расширения аспирантуры, в вузах она значительно сократилась. Широко использовался потенциал АН БССР по прикреплению для сдачи кандидатских экзаменов среди исследовательских учреждений отраслевой науки. Так, после «выведения» из состава АН БССР НИИ сельскохозяйственного профиля в 1956–1957 гг. и передачи в министерское подчинение ряда институтов, в 1963 г. аспиранты этих исследовательских центров продолжили изучение предметов кандидатского минимума на базе Академии [37, л. 14]. Также названным механизмом пользовались работники органов государственной власти и партийных организаций, которые прикреплялись решениями Президиума либо его бюро (ежегодно не более 5–7 человек).

Привлечение работников сторонних организаций в рамках института соискательства получило гораздо меньшее распространение по сравнению с заочной аспирантурой. В начале 1960-х гг., как свидетельствуют архивные документы, ежегодно к научным учреждениям прикреплялось не более 10 человек, что несопоставимо с масштабами обучения аспирантов. В условиях поиска эффективных форм подготовки научных кадров в начале 1960-х гг. при Республиканском совете научно-технических обществ работала «аспирантура на общественных началах» («общественная аспирантура»), в которой принимали участие академики Г.К. Горанский, Н.Н. Сирота, Ф.П. Винокуров, А.Н. Севченко, Б.В. Ерофеев. Её целью было оказание научно-методической помощи в выборе тем диссертаций и проведении исследований квалифицированным рабочим, инженерно-техническому персоналу, служащим [38, с. 76]. Следует отметить, что нормативно-правовая база по соискательству была разработана более подробно для высших учебных заведений, чем для академической науки, поэтому Академия наук БССР в соответствии с практикой союзной Академии в порядке «социалистической инициативы» применяла министерские нормативы, по-видимому, аргументируя это статусом профильного союзного министерства как организации, координирующей подготовку научных кадров. Например, в основе прикрепления для сдачи кандидатских экзаменов лежали нормативы МВО СССР, разработанные в 1954 г., в частности инструктивно-методическое письмо № 727 от 12 мая. Традиционно возраст соискателей на 3–5 лет превышал возраст аспирантов, на соискателей не распространялись меры социальной поддержки аспирантов (стипендия, оплачиваемые отпуска и один рабочий день в неделю для проведения исследований), до принятия Положения 1968 г. они не могли систематически пользоваться научным руководством, а также в приоритетном порядке публиковать результаты своих исследований. С другой стороны, в рассматриваемый период не существовало правовых механизмов контроля исследовательской работы соискателей: не устанавливались сроки предоставления диссертационных исследований, их отчеты традиционно не заслушивались на заседаниях ученых советов НИУ.

Институциональные формы подготовки докторов наук. Значимым фактором успешного «производства знаний» является участие в НИР ученых, обладающих широким спектром знаний в определенной научной области, значимыми для науки и экономики результатами научных разработок. Формирование страты докторов наук, среди которых хотя бы небольшую часть составляли специалисты с хорошими организаторскими способностями, являлось залогом успешного развития ведущего научного учреждения БССР, увеличения его роли в разработке теоретических и прикладных проблем научного прогресса.

Наряду с подготовкой диссертационных исследований без отрыва от основной работы у советских ученых имелась возможность повысить свою квалификацию через институт докторантуры. В научной литературе существуют разночтения по поводу наименования этой формы подготовки научных кадров. Большинство исследователей (Е.В. Чуткерашвили, Б.Д. Лебин, В.В. Украинцев, Г.И. Федькин, Н.В. Токарев, Г.В. Корзенко) называют её «докторантура». Вместе с тем в документах делопроизводства она часто определяется как «докторская аспирантура» или «докторантская аспирантура», последнее из наименований используется в «Положении об аспирантуре Академии наук СССР» (1948 г.) [39, с. 317].

Преодоление кризиса первой половины 1940-х гг. не представлялось возможным без усиления роли этой категории ученых в профессионально-квалификационной структуре кадров. Поэтому неслучайно, что в 1944 г. Президиум Академии наук инициировал восстановление докторантуры. 31 октября бюро ЦК КП(б)Б в постановлении «О мероприятиях по возобновлению работы АН БССР» принимает решение «возобновить подготовку высококвалифицированных специалистов (научных кадров докторов наук) через докторантскую аспирантуру» [18; 33]. Это же решение предполагало, начиная с 1945 г., ежегодно зачислять по 10 человек. Однако, несмотря на решение институтов государственной власти, в 1945 г. конкурсный отбор в докторантуру не проводился по причине отсутствия кандидатов [40]. В следующем году ситуация повторилась [41, л. 194]. Институт докторантуры в АН БССР в первые послевоенные годы так и не начал функционировать. 4 ноября 1947 г. принимается постановление СМ СССР, согласно которому докторантская аспирантура должна была сконцентрироваться в Академии наук [9, с. 208]. Правда, уже в следующем году происходит некоторая децентрализация за счет санкционирования её восстановления в МГУ, ЛГУ и МФТИ. До середины 1950-х гг. докторантура появилась еще в нескольких центральных вузах. На первом совещании по подготовке научных кадров в Академиях наук союзных республик, проведенном в рамках Совета по координации научной деятельности Академий наук союзных республик, академик АН СССР А.В. Топчиев отмечал, что «концентрация докторантуры в нашей Академии... позволит эффективно готовить квалифицированные кадры для республиканских Академий... Она содействует научному росту молодых советских ученых» [42, л. 4].

Таким образом, в 1947 г. докторантская аспирантура в АН БССР ликвидировалась, так и не успев заработать. Вместо этого начал формироваться институт прикомандирования к докторантуре Академии наук СССР. В середине 1950-х гг. их общее количество составляло не более 12–15 человек. Понятно, что такие объемы обучения явно не соответствовали потребностям белорусской Академии. Например, только по перспективному плану на 1946–1950 гг. планировалось «провести» через эту форму повышения квалификации 70 человек в области исторических, сельскохозяйственных, химических, экономических, физико-математических, технических и геологических наук [43, лл. 12–15]. Несмотря на возможности прикомандирования к докторантуре союзной Академии, руководство АН БССР не оставляло надежды возобновить подготовку кадров докторов наук на своей базе. Например, в 1953 г. во время проверки деятельности Академии со стороны Совета по изучению производительных сил (СОПС) АН СССР («комиссия академика В.С. Немчинова») В.Ф. Купрович и И.С. Лупинович предлагали обсудить вопрос об организации докторской аспирантуры [44, лл. 154–155]. В условиях форсированного восстановления Академии наук во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. руководство Академии недостаточно фокусировалось на повышении квалификации кандидатов наук. Большая часть внимания сосредотачивалась на не всегда успешных попытках концентрации в Минске академиков и членов-корреспондентов и привлечении для работы в АН БССР известных советских ученых.

Срок прикомандирования в докторантуру составлял не более 4 лет, однако сотрудников АН БССР обычно направляли для повышения квалификации на 2 года. Большинство докторантов, обучаясь с отрывом от производства, продолжали работать в Академии, причем часто занимали должности, требующие научно-организационной работы (заведующие лабораториями, секторами, отделами, входили в состав дирекции НИИ). Успешно окончившими докторантскую аспирантуру считались лица, защитившие диссертацию на ученую степень доктора наук. Кстати, согласно упомянутому положению докторант должен был уметь пользоваться литературой по специальности на трех западноевропейских языках. Прикомандированные докторанты подчинялись не только ученым советам НИУ АН СССР, но и были подотчетны Академии наук БССР: бюро Отделений и Президиуму.

В августе 1956 г. партийно-государственное постановление «О мерах по улучшению подготовки и аттестации научных и педагогических кадров» ликвидировало докторантуру как «не соответствовавшую требованиям дальнейшего развития науки и задачам технического прогресса... и не отвечающую современным требованиям подготовки научных кадров высшей квалификации» [39]. Ликвидация академической докторантуры была проведена во второй половине года. Те докторанты, срок обучения которых завершился в 1956 г., могли завершить обучение, остальные же до 1 декабря отчислялись и направлялись в распоряжение учреждений, которые их направили, для дальнейшей работы [45, л. 1].

Научные работники готовили диссертационные исследования в рамках плановых годовых и «переходящих» исследовательских тем. В начале 1960-х гг. по аналогии с механизмом предоставления творческих отпусков и института старших научных сотрудников кафедр для производственников и научно-педагогических работников устанавливался 6-месячный срок освобождения от основной работы для завершения работы над докторскими диссертациями. Примечательно, что в первые послевоенные годы в АН БССР функционировал механизм освобождения научных работников от основных обязанностей для оформления диссертаций. Также для повышения квалификации кандидатов наук использовалась практика командировок в центральные НИИ сроком до 1 года. В начале 1960-х гг. в этой программе ежегодно принимало участие до 20 кандидатов наук.

Заключение. Развитие организационных форм подготовки научных кадров в АН БССР (середина 1940-х – середина 1960-х гг.), таким образом, характеризуется рядом особенностей, что позволяет нам сделать следующие выводы:

1. Аспирантура являлась одной из основных форм подготовки научных кадров – кандидатов наук – и позволяла при грамотном её комплектовании и эффективной организации образовательного процесса и исследовательской работы в короткие сроки успешно готовить значительное число квалифицированных научных работников. Основными организационными формами были: аспирантура с отрывом от производства (восстановлена в 1945 г.) и аспирантура без отрыва от производства (восстановлена в 1948 г.). Аспирантура сыграла положительную роль в формировании научных кадров в области новых направлений естественных наук (ядерная, теоретическая физика, физика твердого тела, тепло- и массообмен, биофизика, биохимия, генетика, цитология, электроника), точных и технических наук. По субъективным и объективным причинам не удалось в полной мере использовать механизмы прикомандирования аспирантов к научным учреждениям АН СССР.

2. До конца 1960-х гг. институт соискательства не был формализован, и в связи с этим проследить динамику развития этой формы подготовки научных кадров не представляется возможным. Для научно-исследовательских заведений широкое распространение практики ведения научных исследований в рамках плановых тем и заданий под руководством квалифицированных ученых и представления по их результатам диссертационных работ является целиком логичным и оправданным. Она была значимым фактором роста профессионально-квалификационной структуры научных кадров. Однако слабость механизмов контроля и отсутствие определенных сроков предоставления диссертаций снижали её эффективность. В отличие от соискателей, работавших в вузах, советских учреждениях, а также в реальном секторе экономики, академические соискатели находились в более выигрышном положении за счет возможности совпадения плановой НИР и темы диссертационного исследования, что, в свою очередь, способствовало повышению результативности в деле защиты диссертации. При должном внимании к «соискателям», их активной работе над плановыми темами, дающими возможности для теоретических выводов и обобщений, институт «соискательства» становился значимым источником пополнения кадров высшей квалификации.

3. Необходимость восстановления и ускоренной модернизации Академии наук детерминировало организацию инфраструктуры для подготовки кадров докторов наук. Попытки восстановления докторантуры, хотя и выглядели чрезвычайно амбициозно, не увенчались успехом, чему способствовало отсутствие надлежащих условий для проведения исследований. Поэтому основной формой подготовки этой категории исследователей стало прикомандирование к АН СССР, что позволяло вести исследовательскую работу на базе центральных НИИ. Ликвидация докторантуры в 1956 г. негативно сказалась на росте квалификации научных работников АН БССР во второй половине 1950-х гг. Вместе с тем успешная реализация научных проектов НИУ Академии и разработка перспективных направлений НТП способствовала расширению концептуализации результатов исследований в виде докторских диссертаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лебин, Б.Д. Подбор, подготовка и аттестация научных кадров в СССР : вопросы истории и правового регулирования / Б.Д. Лебин. – Л. : Наука, 1966. – 288 с.
2. Фельдкин, Г.И. Правовые вопросы организации научной работы в СССР / Г.И. Фельдкин. – М. : Госуд. из-во юрид. л-ры, 1958. – 261 с.
3. Толкунова, В.Н. Вопросы правового регулирования труда научных работников советской высшей школы : автореф. дис ... канд. юрид. наук / В.Н. Толкунова / Моск. юрид. ин-т. – М., 1953. – 18 с.
4. Чуткерашвили, Е.В. Кадры для науки (специалисты высшей квалификации высшей квалификации и в капиталистических странах) / Е.В. Чуткерашвили. – М. : Высш. шк., 1968. – 293 с.
5. Кафтанов, С.В. Высшее образование в СССР / С. В. Кафтанов. – М. : Мол. гвардия, 1950. – 119 с.
6. Елютин, В. П. Высшая школа страны социализма / В.П. Елютин. – М. : Соцэкгиз, 1959. – 100 с.
7. Украинцев, В.В. КПСС – организатор революционного преобразования высшей школы / В.В. Украинцев. – М., 1963. – 255 с.
8. Князев, Г.А. Краткий очерк истории Академии наук СССР / Г.А. Князев, А.В. Кольцов ; под ред. акад. К.В. Островитянова. – М. : Наука, 1964. – 227 с.
9. Комков, Г.Д. Академия наук СССР : в 2 т. / Г.Д. Комков, Б.В. Левшин, Л.К. Семенов. – М., 1977. – Т. 2 : 1917 – 1976. – 455 с.
10. Галенчик, Н.И. Подготовка научных кадров в Белорусской ССР и их творческий вклад в развитие науки 1943 – 1965 гг. : дис.... канд. ист. наук / Акад. наук Белорус.ССР, Ин-т истории. – Мн., 1970. – 241 с.
11. Соколов, Н.К. Партийное руководство подготовкой и воспитанием научно-педагогических кадров. 1936 – 1961 гг. (на материалах БССР) : дис. ... д-ра ист. наук / Н.К. Соколов. – Минск, 1988. – 449 с.
12. Корзенко, Г.В. Научные кадры Белоруссии: проблемы формирования и развития (1944 – 1990 гг.) : дис. ... д-ра ист. наук / Г.В. Корзенко. – Минск, 1996. – 453 с.
13. Храпко, Л.П. Развитие исторической науки в БССР (1945- конец 50-х годов) : дис.... канд. ист. наук / Акад. наук Белорус. ССР, Ин-т истории. – Минск, 1989. – 239 с.
14. Леоновец, В.Т. Организация и развитие исторической науки в БССР (1961 – 1970 гг.) : дис. ... канд. ист. наук / АН БССР, Ин-т истории. – Минск, 1987. – 226 с.
15. Академия наук БССР / Н.А. Борисевич [и др.] ; под ред. Н.А. Борисевича. – Минск. : Наука и техника, 1989. – 234 с.
16. Академия наук БССР / Н.А. Борисевич [и др.] ; под ред. Н.А. Борисевича. – Минск : Белорус. сов. энцикл., 1979. – 598 с.

17. Токарев, Н.В. Академия наук Белорусской ССР: годы восстановления и развития (1945–1991) / Н.В. Токарев. – Минск : Беларус. навука, 2016. – 247 с.
18. Национальная академия наук Беларуси: историко-документальная летопись, 1928—2008 гг. – Минск : Беларус. навука, 2008. – 603 с.
19. Кузьменко, В.И. Политика немецко-фашистских оккупационных властей в отношении научной интеллигенции Беларуси (1941–1944 гг.) / В.И. Кузьменко, Н.В. Токарев. – Минск : Беларус. навука, 2008. – 132 с.
20. Жук, С.А. Восстановление аспирантуры АН БССР (1944–1946 гг.) / С.А. Жук // Весн. Гродзен. дзярж. ун-та імя Я. Купалы. Сер. 1. Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. – 2021. – № 2. – С. 58–69.
21. Центральный научный архив НАН Беларуси (далее – ЦНА НАНБ). – Ф. 1. Д. 502. Л. 264.
22. Институт истории НАН Беларуси (1929-2009) / А.А. Коваленя (рук.) [и др.]. – Минск : Беларус. навука, 2009. – 628 с.
23. Хроніка // Весці Акадэміі навук Беларускай ССР. – 1948. – № 2. – С. 78–82.
24. ЦНА НАНБ. – Ф. 16. Д. 37. Л. 44.
25. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Д. 558. Л. 331.
26. ЦНА НАНБ. – Ф. 16. Д. 39. Л. 11.
27. КПСС о культуре, просвещении и науки : сб. док-в. – М. : Политиздат, 1963. – 552 с.
28. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Д. 972. Л. 173.
29. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Д. 1052. Л. 267.
30. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Д. 1125. Л. 224.
31. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Д. 1054. Л. 297.
32. Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). – Ф. 4п. Оп. 73. Д. 49. Л. 420.
33. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 61. Д. 72. Л. 263.
34. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Д. 844. Л. 115.
35. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Д. 660. Л. 226.
36. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Д. 722. Л. 318.
37. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 73. Д. 175. Л. 151.
38. Корзенко, Г.В. Подготовка научных кадров в Беларуси. Взгляд сквозь годы / Г.В. Корзенко. – Минск : Беларус. изд. товарищество «Хата», 1998. – 166 с.
39. Научные кадры в СССР : сб. док-в и справ. материалов / ред. А.В. Топчиев. – М. : Изд-во АН СССР, 1959. – 374 с.
40. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Д. 107. Б/н.
41. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Д. 126. Л. 209.
42. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Д. 455. Л. 133.
43. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Д. 124. Л. 68.
44. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Д. 693. Т. 3. Л. 372.
45. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Д. 799. Л. 112.

Поступила 07.04.2022

DEVELOPMENT OF ORGANIZATIONAL FORMS OF TRAINING OF SCIENTIFIC PERSONNEL IN THE ACADEMY OF SCIENCES OF THE BSSR (MID-1940s – MID-1960s)

S. ZHUK

The article attempts to trace the development of organizational forms of training of scientific personnel on the example of academic science in the BSSR in the post-war period. The development of state regulation of postgraduate studies is shown. The dynamics of the secondment of graduate students to scientific institutions of the USSR Academy of Sciences is traced, the reasons for the insufficient use of this mechanism of training scientific personnel are determined. The dynamics of the restoration and development of doctoral studies in the second half of the 1940s – mid-1950s is analyzed, tools for stimulating the preparation of doctoral dissertations by employees of the Academy of Sciences of the BSSR are considered. The forms of advanced training of researchers through the institute of job seekers are typologized.

Keywords: *system of training of scientific personnel, postgraduate studies, competition, doctoral studies, external studies, regulatory and legal regulation of science.*

УДК 94(476)+502.1

**ЭКАЛАГІЧНЫЯ ПРАБЛЕМЫ ЛЯСНОЙ ЗОНЫ АСІПОВІЦКАГА РАЁНА БССР (1985 – 1991 гг.):
НА АСНОВЕ МАТЭРЫЯЛАЎ РАЁННАЙ ГАЗЕТЫ «ЗАПАВЕТЫ ЛЕНІНА»****Я.І. ЗАВАЦКІ***(Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск)*

У працы разглядаюцца праблемы карыстання ляснымі рэсурсамі Асіповіцкага раёна БССР (1985 – 1991 гг.), у кантэксце чаго звяртаецца ўвага на мерапрыемствы па ахове зялёнай паласы вакол горада і лясных масіваў раёна, ахову рэдкіх і знікаючых відаў жывёл і раслін, барацьбу з пажарамі і браканьёрствам, экалагічнае выхаванне насельніцтва. Адзначаецца, што праведзеныя мерапрыемствы так і не вырашылі экалагічныя праблемы разглядаемага раёна да канца існавання СССР.

Ключавыя словы: экалагічныя праблемы, лясныя рэсурсы, зялёная паласа, браканьёрства, Асіповіцкі раён.

Уводзіны. Да сярэдзіны 1980-х гг. сур'ёзныя экалагічныя праблемы ў БССР забаранялася абмяркоўваць у прэсе. Аднак дзякуючы палітыцы галоснасці, абвешчанай у 1987 г., набалелыя пытанні, датычныя аховы навакольнага асяроддзя, сталі актыўна прыцягваць не толькі адказных органаў ці асоб, але і шырокія колы грамадскасці. Такую трансфармацыю ўвагі да экалогіі можна прасачыць на старонках раённай газеты Асіповіцкага раёна «Запаветы Леніна».

Актуальнасць тэмы даследавання абумоўлена тым, што антрапагенны ўплыў на экасістэму з'яўляўся адной з найбольш вострых праблем у жыцці савецкага грамадства. Рост гарадоў, урбанізацыя, асабліва ў пасляваенны перыяд, прывялі да забруджвання навакольнага асяроддзя ў БССР, у тым ліку і Асіповіцкага раёна – аднаго з буйнейшых прамысловых цэнтраў Магілёўскай вобласці са значнымі па плошчы ляснымі масівамі (55%) і разнастайнымі відамі жывёл. У склаўшыхся ўмовах узрасла роля лесу як фактару, стабілізуючага ўздзеянне на навакольнае асяроддзе – гідралагічнага, глебаабарончага, кліматарэгулюючага, санітарна-гігіенічнага [1, с. 7]. Аб мэтазгоднасці выбару аб'екта даследавання сведчыць сцвярджэнне карэспандэнта раённай газеты Асіповіцкага раёна «Запаветы Леніна» А. Малахавай аб тым, што ў 1980-я гг. разглядаемы раён займаў першае месца ў Магілёўскай вобласці па пытаннях аховы навакольнага асяроддзя [2, с. 3].

Мэта даследавання – прааналізаваць экалагічныя праблемы ў Асіповіцкім раёне БССР у 1985–1991 гг.

У адпаведнасць з мэтай неабходна вылучыць наступныя задачы:

- раскрыць праблему забруджвання лясной паласы вакол Асіповічаў;
- прааналізаваць экалагічную палітыку Асіповіцкага раёна ў азначаны перыяд.

Крынічнай базай даследавання паслужылі артыкулы і лісты чытачоў, якія былі надрукаваны ў раённай газеце «Запаветы Леніна». У цэлым, аналіз артыкулаў і лістоў чытачоў раёнкі дазволіў вылучыць комплекс праблем карыстання ляснымі рэсурсамі Асіповічыны, які ўключае мерапрыемствы па ахове зялёнай паласы вакол горада і лясных масіваў раёна, ахову рэдкіх і знікаючых відаў жывёл і раслін, барацьбу з пажарамі і браканьёрствам, экалагічнае выхаванне насельніцтва. У аснову метадалагічнай базы даследавання былі пакладзены гісторыка-генетычны і гісторыка-сістэмны метады, а таксама аналіз і сінтэз.

Асноўная частка. У сярэдзіне 1980-х гг. з мэтай захавання рэжыму ўтрымання зялёнай паласы ўсе прыгарадныя лясы Асіповічаў замацоўваліся за прамысловымі прадпрыемствамі, што праводзілі іх ачыстку і добраўпарадкаванне. На працягу 1985 г. было высаджана 1130 дрэў і больш за 10 тыс. хмызнякоў, а на гарадскіх кветніках – больш за 120 тыс. кветак. Азеляненне, пасадка дрэў, хмызнякоў і кветак праводзіліся таксама на прамысловых прадпрыемствах, ва ўстановах і школах горада [3, с. 4]. Становішча зялёнай паласы абцяжарвалася яе засмечанасцю, што разглядалася летам 1987 г. на «круглым stole» кіраўнікоў прадпрыемстваў, арганізацый, устаноў горада і раёна, старшынь калгасаў, дырэктараў саўгасаў Асіповіцкага раёна. Па гэтым пытанні былі заслуханы дырэктар камбіната хлебапрадуктаў В. Алёхін і галоўны інжынер масларобчага камбіната У. Гняцько. Яны паведамілі, што прадпрыемствы займаюцца ліквідацыяй звалак і правядзеннем суботнікаў па ўборцы лесу [2, с. 4].

Аднак вышэйзгаданых захадаў аказалася недастаткова. Таму пытанне забруджвання зялёнай паласы стала прадметам разгляду летам 1988 г. на паседжанні гарадскога камітэта народнага кантролю. Удзельнікі паседжання адзначылі, што з-за бескантрольнасці з боку лясгаса, раённай санэпідстанцыі і іншых кантралюючых служб было дапушчана забруджванне ў многіх месцах зялёнай лясной зоны вакол горада. А праведзеная праверка паказала, што вывозка і скідванне ў лесе смецця, розных адходаў прамысловасці не спынілася. Так, у кварталах № 56 і № 57 Асіповіцкага лясніцтва, а таксама ў лесе, які знаходзіўся пад адказнасцю калгасу «Авангард», выкідваліся прамысловыя адходы заводам аўтамабільных агрэгатаў і кардонна-руберайдавым заводам імя XXV з'езда КПСС. Дадзеныя прамысловыя прадпрыемствы працягвалі карыстацца звалкай, нягледзячы на тое, што тэрмін як карыстання быў вычарпаны. Тэрмін, у сваю чаргу, быў засведчаны ў прадпісаннях галоўнага ўрача санэпідстанцыі і раённага інспектара па ахове прыроды, якія, тым не менш, не выконваліся. Шматлікія ўчасткі ляснога масіва вакол Асіповічаў былі завалены кучамі смецця, якое ўпотаі вывозілася з некаторых іншых прадпрыемстваў і арганізацый. У выніку гарадскі камітэт народнага кантролю патрабаваў ад галоўнага інжынера кардонна-

руберайдавага завода імя ХХV з'езда КПСС В. Васілёнка, іншых пасадовых асоб прадпрыемстваў і арганізацый навадзнення парадку ў зялёнай зоне горада і недапушчэння ў будучыні падобных з'яў. Дырэктар лясгаса М. Новікаў і галоўны ўрач санэпідстанцыі М. Цвырко абавязваліся прыняць рашучыя захады да парушальнікаў з мэтай папярэджання забруджвання навакольнага асяроддзя і ўтрымлівання зялёнай зоны горада ў належным стане [4, с. 3].

Важны характар насілі лесааднаўленчыя працы ў раёне. Летам 1986 г. Асіповіцкі райвыканкам арганізаваў «круглы стол», на якім абмяркоўвалася пытанне аб рэалізацыі ў раёне праграмы па ўзмацненні аховы прыроды і рацыянальным выкарыстанні яе рэсурсаў. Падчас правядзення «круглага стала» галоўны ляснічы Асіповіцкага лясгаса А. Аўсяннікаў паведаміў прысутным аб ходзе выканання працы па ўзмацненні догляду за лесам. Паводле яго слоў, штогод лясгас высаджваў лес на 440–450 гектарах, у той час як лесапрамгас высаікаў яго на плошчы 500–600 гектараў. З высечаных гектараў 100–115 пакідаліся для натуральнага ўзнаўлення. Гэта былі месцы з лішняй вільготнасцю, у выніку чаго атрымліваліся лясы кшталту багульнікаў ці лясцоў-сфагнум. Астатнія ўчасткі лясгас засаджаў сасной, елкай, дубам [5, с. 3]. Аднак суцэльныя высечкі лесу не заўсёды правільна ажыццяўляліся, што прывяло ў выніку да знікнення чарамшы (мядзведжай цыбулі) на ўчастку, які ахоўваўся Асіповіцкім лясгасам у раёне 109 кіламетра дарогі Мінск–Бабруйск Брыцалавіцкага лясніцтва. Пры гэтым планаванне высечак не ўзгаднялася з органамі аховы прыроды, што прыводзіла да частага парушэння прыродаахоўнага заканадаўства, суцэльнай вырубкі лесу ў водаахоўных зонах рэк і г.д. [6, с. 3]

Аналіз экалагічнай палітыкі Асіповіцкага раёна на працягу апошніх гадоў перабудовы паказаў, што адказнасць за забруджванне лясных масіваў, як і астатнія перашкоды ў ажыццяўленні прыродаахоўных мерапрыемстваў у раёне ляжала не столькі на прадпрыемствах і асобных грамадзянах, колькі на лясной ахове і мясцовай вертыкалі ўлады. Гэта думка пацвярджаецца працай восьмай сесіі раённага Савета народных дэпутатаў ХХ склікання. У ходзе правядзення паседжання сесіі вясной 1989 г. канстатавалася, што лясная ахова не забяспечвала абарону лясцоў Асіповіцкага, Цэльскага і Кастрычніцкага лясніцтваў, размешчаных каля населеных пунктаў, ад забруджвання вытворчымі і бытавымі адходамі. А лясгас, у сваю чаргу, не выкарыстоўваў сваіх правоў і паўнамоцтваў па прымяненні штрафных санкцый у дачыненні да парушальнікаў ляснога парадку [7, с. 2].

Злабадзёнай з'яўлялася тэма аховы рэдкіх і знікаючых відаў дзікіх раслін і жывёл. Так, да 1928 г. на тэрыторыі раёна былі цалкам знішчаны алень, лось, бабёр, рысь. Амаль зусім зніклі кабаны, казулі, мядзведзі. Вельмі рэдка сустракаліся выдра і норка. Але, дзякуючы прыродаахоўным заходам, да канца перабудовы з'явіліся бабры, рэакліматызаваўся высакародны алень, павялічылася колькасць норкі і г.д. [8, с. 2]. У 1986 г. рашэннем райвыканкама «Аб ахове рэдкіх і знікаючых відаў раслін на тэрыторыі раёна» пад ахову Асіповіцкага лясгаса былі перададзены ўчасткі гайніку цёмна-чырвонага і пылкагалоўніка даўгаліставага ў квартале № 68 Дараганаўскага лясніцтва на месцы старых вапняных кар'ераў, а таксама эталоннага сасновага дрэвастою ў квартале № 29 Брыцалавіцкага лясніцтва плошчай 8,1 гектары. У сваю чаргу, пад аховай Жорнаўскага лясгаса аказваўся дэндропарк плошчай 1,3 гектары ў вёсцы Дуброва і ўчастак распаўсюджвання мядзведжай цыбулі ў Лапіцкім лясніцтве. На помнікі рэспубліканскага значэння – два векавыя дубы – завялі карткі і аформілі з Асіповіцкім лясгасам ахоўны абавязачальства. Аднак прынятыя абавязачальствы і рашэнні райвыканкама не заўсёды выконваліся кіраўнікамі лясгасаў. Па-першае, не праводзілася штогадовая інвентарызацыя рэдкіх і знікаючых відаў раслін і жывёл, узятых пад ахову. Па-другое, у многіх месцах адсутнічалі аншлагі з указаннем абмежаванняў дзейнасці чалавека на гэтых участках. Па-трэцяе, да ляснічых не заўсёды даводзіліся звесткі аб наяўнасці на тэрыторыях іх лясніцтваў участкаў з рэдкімі відамі раслін, а з адказнымі асобамі не праводзіўся адпаведны інструктаж. Як вынік, у 1987 г. былі знішчаны лебедзі-шыпуны, якіх павінен быў ахоўваць калектыў рыбгаса «Свіслач» [6, с. 3].

На ўзгаданай вышэй восьмай сесіі раённага Савета народных дэпутатаў ХХ склікання, якая адбылася напачатку 1989 г., адзначалася, што асноўнымі фактарамі зніжэння колькасці жывёл і птушак з'яўляліся прымяненне пестыцыдаў і мінеральных угнаенняў, правядзенне меліярацыйных работ, вырубка лясцоў, браканьерства. Аднак парушэнняў магло б быць значна менш, калі б выканкамы мясцовых Саветаў цалкам выконвалі свае паўнамоцтвы, былі б актыўней і самі дэпутаты. Паказальна, што за ўвесь 1988 г. не было накладзена ніводнага штрафа за парушэнні прыродаахоўнага заканадаўства на адміністрацыйных камісіях пры выканкамах мясцовых Саветаў. У цэлым, не выконваліся рашэнні сесій і выканкамаў не толькі мясцовых Саветаў, а і раённага таксама [7, с. 2]. Хутчэй за ўсё, такое стаўленне ўлад на месцах тлумачыцца неразумнем усёй важнасці страт, якія наносіліся навакольнаму асяроддзю, і, мажліва, пакрываўніцтвам імі крыўднікаў прыроды.

З мэтай захавання рэдкіх і знікаючых відаў раслін і жывёл, занесеных у Чырвоную кнігу БССР, абласны савет Беларускага таварыства па ахове прыроды, вытворчае лесагаспадарчае аб'яднанне, абласны аграпрамысловы камітэт, абласны савет Беларускага таварыства паляўнічых і рыбалоўаў, абласная інспекцыя «Белрыбвода» аб'явілі конкурс «Чырвоная кніга». Ён прадугледжваў выяўленне, улік і арганізацыю эфектыўнай аховы месцаў росту раслін і пражывання жывёл і птушак. У конкурсе маглі прымаць удзел спецыялісты сельскай, лясной і паляўнічай гаспадарак, студэнты вышэйшых навучальных устаноў, шматлікія аматары прыроды. Яго ўдзельнікі за распрацоўку мерапрыемстваў па ахове рэдкіх і знікаючых відаў раслін, а таксама месцаў пражывання дзікіх жывёл, узнагароджваліся дыпламамі і грашовымі прэміямі ў памеры ад 10 да 50 рублёў [9, с. 3]. Каб з'явіліся спрыяльныя ўмовы размнажэння карысных дзікіх жывёл і птушак, а таксама палепшылася ахова лесу і тарфяных месцанараджэнняў ад пажараў, Беларускае таварыства паляўнічых і рыбалоўаў штогод аб'яўляла месячнік цішыні вясной і летам. Падчас правядзення месячніка паляўнічыя, сябры прыроды павінны былі растлумачваць вясковым жыхарам важнасць мерапрыемства і тое, каб яны не наведвалі ў гэты час лясныя масівы без моцнай

патрэбы. Забаранялася адлоўліваць і забіраць з паляўнічых угоддзяў маладняк дзікіх жывёл і птушак, разбураць іх гнёзды, норы, хаткі. Механізатары і школьнікі заклікаліся аказваць дапамогу ў справе стварэння цішыні для дзічыны, у яе ахове і памнажэнні. Работнікі лясной гаспадаркі павінны былі прадумаць сваю работу такім чынам, каб абмежаваць нарыхтоўку драўніны, догляд лесу, асабліва ў месцах з'яўлення маладняку дзікіх жывёл. Ама-тараў адпачынку ў лесе прасілі ўстрымацца ад выезду на прыроду на працягу месяца цішыні [10, с. 3].

Балючай праблемай у пытання аховы навакольнага асяроддзя ў раёне з'яўляўся рост браканьерства. Калі ў 1986 г. было выяўлена 9 парушэнняў правіл палявання і ніводнага грубага, то ў 1987 г. было здзейснена 32 парушэнні, у т. л. 9 грубых, і затрымана 40 парушальнікаў. Грубыя парушэнні ўключалі ў сабе незаконную здабычу 2 ласёў, 3 казуль; адстрэл 2 лебедзяў-шыпуноў, занесеных у Чырвоную кнігу БССР. Усяго за 1987 г. было спагнана 7000 рублёў штрафаў, у т. л. лясгасам – 3815 рублёў. Па трох парушэннях была ўзбуджана крымінальная справа. 12 паляўнічых згубілі членства ў Беларускім таварыстве паляўнічых і рыбаловаў, а ў больш чым дзесяці парушальнікаў канфіскавалі стрэльбы. Аднак гэтыя захады аказалі недастатковае ўздзеянне, таму што напачатку 1988 г. было зафіксавана 20 выпадкаў парушэння правіл палявання, у т. л. 4 грубыя. Па двух з іх узбудзілі крымінальныя справы [11, с. 3].

Прыродаахоўная дзейнасць ускладнялася выпадкамі лясных пажараў. Асноўнай прычынай іх з'яўлення было неасцярожнае, а часам і няўмелае абыходжанне з агнём наведвальнікаў лесу. Так, 27 красавіка 1986 г. ад забавы дзяцей з агнём у лесе ўзнік пажар на значнай плошчы ў квартале 58 Асіповіцкага лясніцтва. Аднак дзякуючы ўдзелу жыхароў пасёлка Савецкі і работнікаў пажарнай аховы завода аўтамабільных агрэгатаў і лясной аховы ён быў ліквідаваны. У 1984–1986 гг., калі небяспека лясных пажараў была асабліва высокай, рашэннем раённага Савета народных дэпутатаў прыходзілася забараняць наведванне лясоў [12, с. 3].

Вынікі прыродаахоўнай работы па Асіповіцкім раёне за 1989 г. сталі прадметам разгляду 21 лютага 1990 г. у Магілёве падчас правядзення калегіі абласнога камітэта па ахове прыроды. На ёй адзначалася, што Асіповіцкі лясгас не прымаў дастаткова захадаў па ўтрыманні лясоў у чысціні. Іх захламленне часта з'яўлялася прычынай пажараў. За 1989 г. было зафіксавана 68 такіх выпадкаў, што прынесла страты на 2,7 тыс. рублёў. Да таго ж лясгас не ўстанавіў аншлагі ў месцах росту рэдкіх і знікаючых відаў раслін, занесеных у Чырвоную кнігу БССР і ўзятых ім пад ахову. Здараліся выпадкі парушэння аховы жывёльнага свету. Паколькі па лесапаляўнічай гаспадарцы не праводзіўся ўлік капітных жывёл, праводзіўся адстрэл асобных відаў з колькасцю пагалоўня ніжэй аптымальнага. Значную шкоду жывёльнаму свету наносіла браканьерства. За справаздачны 21 чалавек быў аштрафаваны на 670 руб. за парушэнне правіл палявання і прад'яўляліся іскі на 2,7 тыс. руб. [13, с. 3].

З мэтай паглыблення аховы навакольнага асяроддзя і рацыянальнага прыродакарыстання важнае значэнне надавалася фарміраванню экалагічнай культуры насельніцтва раёна. Аб яго выніках стала вядома ў снежні 1989 г. у ходзе арганізацыі раённай справаздачна-выбарнай канферэнцыі райгасавата Беларускага таварыства па ахове прыроды. На ёй была заслухана справаздачна-адказнага сакратара таварыства А. Дацэнкі. Докладчык адзначыў, што за 1988–1989 гг. у раёне было прачытана каля 600 лекцый, арганізавана 8 выступаў па мясцовым радыё, праводзіліся «круглыя сталы» ў гаррайвыканкамах, у школах было падрыхтавана 40 тэматычных вечароў. Пры кардонна-руберайдавым заводзе імя XXV з'езда КПСС працаваў народны ўніверсітэт «Чалавек і прырода», дзе ў 1988 г. навучалася 40 слухачоў, а ў 1989 г. – 50 чалавек. Пры Жорнаўскай леса-даследчай станцыі функцыянавалі музей прыроды і школа юнага экалага, у Жорнаўскім лясніцтве быў выдзелены пад мікразаказнік участак унікальнай 200-гадовай дубровы плошчай амаль у 20 гектараў. Комплекснае экалагічнае выхаванне вучняў праводзіла Дараганаўская санаторна-лясная школа, дзе таксама быў арганізаваны мікразаказнік на 14 гектарах і была пракладзена экалагічная сцяжынка адлегласцю 1,6 км. У Дараганаўскай сярэдняй школе быў створаны краязнаўчы музей з кутком прыроды. Пры райгасаватце працавала лектарская група пад кіраўніцтвам старшага навуковага супрацоўніка Жорнаўскай леса-даследчай станцыі У. Гуліка. Сярод моладзі дзейнічалі «зьялёныя» і «блакітныя» патрулі, школьныя лясніцтвы, зборшчыкі лекавых раслін. Тым не менш, экалагічнае выхаванне ажыццяўлялася далёка не ва ўсіх школах, а для прапаганды ведаў не выкарыстоўвалася багацейшая прырода беларускага лесу, асабліва ў Жорнаўскай і Вязскай сярэдніх школах [14, с. 2].

Заклучэнне. Аналіз матэрыялаў «Запаветаў Леніна» за гады перабудовы паказаў, што экалагічныя праблемы Асіповіцкага раёна, звязаныя з карыстаннем ляснымі рэсурсамі, да канца існавання СССР так і не былі пераадолены. Кіраўніцтва Асіповіцкага раёна меркавала, што для вырашэння назапашаных праблем дастаткова ажыццявіць шэраг тэхнічных мерапрыемстваў, а таксама накіраваць загады і папярэджанні на месцы. У пэўнай ступені таксама сваю лепту ўносіла захаваная з дэперабудовачных часоў боязь раскрыцця ўсёй сур'ёзнасці наступстваў безадказных адносін чалавека да прыроды. Падобная палітыка не магла перадужаць неахайнае стаўленне значнай колькасці грамадзян да экалогіі, што тлумачыць не надта дзейсную палітыку мясцовых органаў улады ў сярэдзіне 1980-х гг.

У гэтай сувязі напрыканцы перабудовы адносіны раённай улады, як і рэспублікі ў цэлым, да прыродаахоўных мерапрыемстваў пачалі змяняцца. Для выпраўлення складанай абстаноўкі акцэнт быў зроблены не толькі на карэктыроўку працы раённых прадпрыемстваў і арганізацый, але і на павышэнне ў цэлым невысокай на той момант экалагічнай культуры насельніцтва. Пастанова Савета Міністраў БССР ад 14 сакавіка 1991 г. № 85 «Аб Рэспубліканскай праграме па адукацыі ў вобласці навакольнага асяроддзя на 1991–1995 гады» павінна была служыць вышэйадзначанай мэце. Распрацаваная праграма прадугледжвала выпрацоўку ва ўсяго насельніцтва навыкаў рацыянальнага прыродакарыстання¹.

¹ URL: <http://levonevski.net/pravo/razdel5/num2/5d23307.html>.

ЛІТАРАТУРА

1. Романов, В.С. Современное состояние и перспективы использования лесных ресурсов Белорусской ССР / В.С. Романов, В.Е. Ермаков. – Минск : Правление общества «Знание» БССР, 1987. – 20 с.
2. Малахава, А. Быць гаспадаром / А. Малахава // Запаветы Леніна. – 1987. – 2 ліпеня. – С. 3–4.
3. Гулік, К. Адказнасць за захаванне прыроды / К. Гулік // Запаветы Леніна. – 1986. – 6 сакавіка. – С. 4.
4. Ратаваць зялёную зону // Запаветы Леніна. – 1988. – 30 чэрвеня. – С. 3.
5. Дзячэнка, А. Гэта наша багацце / А. Дзячэнка // Запаветы Леніна. – 1986. – 24 чэрвеня. – С. 3.
6. Пчалінцаў, У. Зберагчы для наступных пакаленняў / У. Пчалінцаў // Запаветы Леніна. – 1988. – 4 чэрвеня. – С. 3.
7. Ахова прыроды – справа ўсіх і кожнага // Запаветы Леніна. – 1989. – 25 сакавіка. – С. 2.
8. Саўчанка, У. Мы і прырода за 60 гадоў / У. Саўчанка // Запаветы Леніна. – 1988. – 6 жніўня. – С. 2.
9. Пчалінцаў, У. Увага: конкурс! / У. Пчалінцаў // Запаветы Леніна. – 1989. – 15 ліпеня. – С. 3.
10. Ведам, К. Месячнік цішыні / К. Ведам // Запаветы Леніна. – 1986. – 15 мая. – С. 3.
11. Пчалінцаў, У. Замах прагавітых / У. Пчалінцаў // Запаветы Леніна. – 1988. – 29 сакавіка. – С. 3.
12. Дамарад, В. Агонь не даруе бестурботнасці / В. Дамарад // Запаветы Леніна. – 1986. – 15 мая. – С. 3.
13. Разуваеў, А. Вынікі і задачы / А. Разуваеў // Запаветы Леніна. – 1990. – 24 сакавіка. – С. 3.
14. Цімінскі, А. Пакуль словы. А патрэбны справы / А. Цімінскі // Запаветы Леніна. – 1989. – 16 снежня. – С. 2.

Паступіў 20.10.2021

**ECOLOGICAL PROBLEMS OF THE FOREST ZONE OF THE ASIPOVICHY DISTRICT
OF THE BSSR (1985–1991): BASED ON THE MATERIALS OF THE REGIONAL NEWSPAPER
«LENIN'S PRECEPTS»**

Y. ZAVATSKI

The paper discusses problems of forest resource use Asipowicz district, BSSR (1985–1991), in the context of which focuses on the protection of the green band around the city and woodland area, the protection of rare and endangered species of animals and plants, fire fighting and poaching, the environmental education of the population. It is noted that the activities carried out did not solve the environmental problems of the area under consideration until the end of the USSR.

Keywords: *environmental problems, forest resources, green belt, poaching, forest fires, Asipovichy district.*

УДК 592/599(470)(091)+562/569(470)(091)+903(476):930

СТАНОВЛЕНИЕ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ АРХЕОЗООЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ
ФАУНИСТИЧЕСКИХ ОСТАТКОВ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ

А.В. ЗЫЛЬ

(Белорусский государственный университет, Минск)

ORCID <https://orcid.org/0000-0001-9066-406X>

В статье рассматривается процесс становления археозоологического изучения фаунистических остатков на территории Беларуси. Необходимость их определения появилась ещё в 1930-е гг. Первыми исследователями, которые начали этим заниматься, были советские палеонтологи и зоологи В.И. Громов, В.И. Цалкин, В.Е. Гарутт, И.Г. Пронина. Лишь со второй половины XX в. стали работать белорусские специалисты В.В. Щеглова, Н.П. Александрович, О.А. Блашко, А.А. Разлуцкая, которые помогли отечественным археологам ввести в научный оборот остеологический материал археологических памятников Беларуси разных эпох. Исследователи занимались изучением и определением остеологических коллекций основываясь на методиках советских и зарубежных палеонтологов, зоологов. В настоящий момент в Беларуси нет практикующих специалистов-археозоологов, и как результат – нет специальных публикаций, посвящённых определению и анализу фаунистических остатков.

Ключевые слова: археология, археозоология, историография, территория Беларуси, охота, животноводство, определение остеологического материала, фаунистические остатки.

Введение. При раскопках исследователи часто сталкиваются с костными остатками животных. Несмотря на значительное количество изученных памятников на территории Беларуси, в отношении большинства из них отсутствует глубокий и детальный анализ остеологических материалов. Между тем, статистическая обработка и определение остеологических коллекций позволяет осветить важные стороны хозяйственной деятельности древнего населения: объектов и способов охоты, состояния развития животноводства, а также получить новые сведения по климатической и экологической ситуации. Видовое определение и дальнейший анализ остеологического материала позволяет осветить базовые характеристики хозяйственной деятельности и реконструировать социально-экономическую жизнь древних обществ. Специальные исследования костных остатков также дают материал для изучения развития объектов охоты и животноводства и, шире – реконструкции хозяйственного уклада, среды проживания и моделей взаимодействия человека с экологическими системами [1, с. 5; 2–6].

Наиболее распространенными методами в археозоологии являются математический и статистический. Сначала исследователь должен описать биологические характеристики костных остатков. Описание состоит из нескольких основных параметров: анатомическая, видовая, половая принадлежности кости, возраст (при возможности его определения), патологии и т.д. При наличии целых костей исследователь проводит их промеры по выбранным схемам [7, с. 293–342]. Для видовой идентификации необходимо определить элемент скелета, к которому относится кость или её фрагмент, после чего исследователь проводит таксономическую идентификацию, используя эталонные коллекции, таксономические атласы и определители [5, с. 100; 8–6]. После получения биологических характеристик исследователь должен их проанализировать и применить необходимые количественные оценки для статистического анализа биологических параметров костных остатков, сделать выборку. Не менее важными являются два количественных показателя: абсолютное число определимых до вида костей и минимальное число особей каждого вида [5, с. 105]. Остеологический материал делится на разные категории остатков, некоторые из которых требуют новых методов исследования, равно, как и оценочных параметров. Учитывая, что остеологические коллекции с разных археологических памятников могут иметь свою специфику (степень раздробленности, количество целых костей, общее количество костных остатков, расположение и т.д.), то первоначально исследователь должен определиться с методикой археозоологического исследования, наиболее подходящим для конкретной коллекции. Разумеется, очень важно знать контекст археологического памятника, ведь только объединив результаты археолого-исторических данных и фаунистического анализа костных остатков можно воссоздать наиболее вероятную картину хозяйственного уклада древнего населения. Это позволяет узнать не только видовой состав стада, численность, распространение, пол и возраст животных, но и проследить, как со временем менялась динамика этих показателей. Не менее интересна информация о том, каким же образом эксплуатировались популяции животных того или иного вида и каково было взаимное влияние человека, животных, с которыми он взаимодействовал, и окружающей среды [11, с. 110–111].

Целью представленной публикации является определение основных направлений археозоологических исследований на территории Беларуси. Были поставлены задачи проследить, с чего начиналось археозоологическое изучение остеологических материалов с археологических памятников на территории Беларуси, охарактеризовать современное состояние обработки фаунистических остатков, а также обозначить дальнейшие перспективы развития археозоологии в нашей стране. В литературе редко встречаются обзоры работ археозоологов. Необходимость подобных статей заключается в выявлении существенных черт, закономерностей научного процесса, уже доступных методов изучения и интерпретации. Чтобы продолжать развивать белорусскую археозоологию, необходимо учитывать работы предшественников и проследить путь развития фаунистических исследований. Стоит выделить дальнейшие перспективы и способы усовершенствования научной деятельности в этой сфере.

Основная часть. Первым исследователем, который взялся за определения остеологического материала с территории Беларуси, стал В.И. Громов. Опытный специалист в области палеонтологии и геологии четвертичного периода на тот момент являлся сотрудником Института археологической технологии Государственной Академии истории материальной культуры [12, с. 147–149]. Он был приглашён в Минск в январе 1928 г. для обработки остеологического материала Бердыжской палеолитической стоянки, открытой в 1926 году К.М. Поликарповичем [13, с. 7]. В.И. Громов проделал кропотливую работу, определив костные остатки по анатомии кости и виду животного. Вместе с подробным описанием исследователем проводились тщательные промеры каждой кости. Также В.И. Громов определял и некоторые другие костные остатки с археологических памятников территории Беларуси, например, из Черкасовского городища под Оршей [14, с. 78], а также ряда других городищ БССР [15, с. 213–217]. Последующие годы репрессий и войны негативно отразились на всех сферах жизни, в том числе и на науке, в связи с чем публикаций на археозоологическую тематику на территории Беларуси не было вплоть до начала 1950-х гг.

После окончания Великой Отечественной войны знаменитый советский зоолог, морфолог-систематик, доктор биологических наук В.И. Цалкин начал работать в тесном контакте с археологами как высококвалифицированный специалист, которого пригласили для определения и описания остатков фауны из археологических памятников. Исследователь, изучая кухонные остатки, начал всё более интересоваться зоогеографическими и археолого-историческими вопросами [3, с. 5]. В.И. Цалкин не просто занялся определением костей, но и углубился в зоотехническую и историческую проблематику, занялся промерами и сопоставлением скелетов древних животных с их современными сородичами, начиная со средневековья и дойдя до неолита. Научные изыскания учёного носили весьма разносторонний характер: вопросы происхождения домашних животных, история охоты и животноводства, история производящего хозяйства. В.И. Цалкин изучал остеологический материал с территории Восточной Европы, Прибалтики, Поднестровья, на Кавказе и в Средней Азии [16, с. 5]. Можно сказать, что именно В.И. Цалкин стал одним из основателей советской науки на стыке биологии и археологии, которая, собственно, и стала называться археозоологией или зооархеологией [3, с. 6].

В 1954 г. выходит статья В.И. Цалкина, посвящённая фауне из раскопок Замковой горы в Гродно в 1937–1939 гг. и в 1949 г. [17, с. 22, 25]. Учёный подходил к изучению остеологического материала раскопок скрупулёзно, явно прослеживается зоологическая составляющая исследования с точными промерами, возможностью восстановления по отдельным костям скелета размеров животных и их породных особенностей, анализами, описанием и сравнениями остатков средневековой фауны с современной. Учёным было определено 35 645 экземпляров костных остатков. Из них максимально точные данные были получены для 18 283 экземпляров. Это было обусловлено тем, что преобладающая часть остеологического материала являлась кухонными остатками, а значит была сильно повреждена и фрагментирована. Также некоторое количество остеологического материала было повреждено внешними факторами и неблагоприятными условиями залегания в грунте. Было установлено, что костные остатки, обнаруженные на данном памятнике, принадлежали 19 видам животных. В.И. Цалкин отмечал отличие остеологического материала из Гродно от других городов Древней Руси, указывая на то, что дикие животные преобладали над домашними. Остеологический материал был обработан исследователем и поделен на отдельные группы, соответствующие стратиграфическим зонам. Исследователь составил сравнительные таблицы соотношений видов животных по периодам, а также подробно описал костный материал по отдельным видам. Подробные измерения и анализ костей скелета крупного рогатого скота, позволили составить представления о размерах представителей фауны данной группы в древнем Гродно. То же самое можно сказать и о большинстве видов животных, обнаруженных во время раскопок данного памятника. На основе полученных данных В.И. Цалкин смог установить, мясо каких животных преобладало в рационе жителей города, как менялся характер хозяйства на протяжении нескольких веков, какие животные пользовались популярностью в охоте, и какие домашние животные составляли основу животноводства [18, с. 211–236].

В 1950-х гг. исследовались археозоологические материалы железного века. Определением остеологического материала с городищ средней Беларуси Лабенщина, Кимия и Новоселки занялись сотрудники Зоологического Института Академии Наук СССР: палеонтологи В.Е. Гарутт и И.Г. Пронина [19, с. 45]. Исследователи проводили определение костей на сравнительном материале эталонных коллекций остеологической и орнитологической лабораторий своего института. Несмотря на высокую степень раздробленности костных остатков, в следствии которой было невозможно провести все необходимые измерения костей, исследователям удалось определить их принадлежность к видам животных. Всего было определено 14 видов домашних и диких животных. В.Е. Гарутт и И.Г. Пронина провели измерение уцелевших костей, составили таблицы промеров (по схеме В.И. Громовой [7, с. 293–342]), а также сделали ряд фото. Помимо этого, в данной статье по каждому из определённых видов, исследователями была дана информация об ареале обитания того или иного животного и иные примечания, дополняющие общую картину археозоологического исследования [20, с. 165–181].

В 1960-х гг. существенный вклад в археозоологические исследования на территории Беларуси внесла первая ученица В.И. Громовой, кандидат биологических наук, палеонтолог В.В. Щеглова. С 1959 г. она определяла остеологический материал из археологических памятников на территории Беларуси всех эпох, сотрудничая со многими известными археологами, такими как Я.Г. Зверуго, Л.Д. Поболь, Э.М. Загоруйский, П.Ф. Лысенко, М.М. Чернявский, Г.В. Штыхов, В.Ф. Исаенко и др. В.В. Щеглова исследовала остатки фауны с 25 памятников средневековых белорусских городов. Через неё прошло более 20 тыс. экземпляров фаунистических остатков [21,

с. 418; 22. с. 7–8]. В.В. Щеглова определяла видовой состав фауны, количество особей, обнаруженных при раскопках средневековых белорусских городов, их половую принадлежность, проводила сравнения средневековых животных с современными сородичами того же вида. Исследователь также проводила измерения целых костей, применив коэффициенты В.И. Цалкина и другого советского зоолога А.А. Браунера [23–26 и др.]. Работы В.В. Щегловой послужили подспорьем для исследований других учёных, которые начали заниматься археозоологическими изысканиями. Исследователи основывались на определениях и выводах палеонтолога и продолжали работы с остеологическими материалами, часть из которых В.В. Щеглова обработала ранее [27–29].

С середины следующего десятилетия археозоологическим изучением археологических памятников на территории Беларуси занялась кандидат биологических наук, на тот момент младший научный сотрудник отдела средневековой археологии Института истории НАН Беларуси, Н.П. Александрович [30–32 и др.]. Археозоология, остеология, история охоты и животноводства населения средневековой Беларуси являлись главными научными интересами учёной. Н.П. Александрович составила основу эталонной коллекции остеологических остатков из археологических памятников Беларуси. Она сотрудничала с такими археологами, как В.И. Шадыро, А.А. Егорейченко и др. [33, с. 33; 34, с. 52–55]. В работах этих исследователей встречаются таблицы определений, составленные Н.П. Александрович, на основе которых археологи делали выводы о характере охоты и животноводства изучаемых памятников. В своих исследованиях Н.П. Александрович применяла схемы, формулы, индексы, определители зарубежных специалистов, что положительно сказывалось на качестве проводимых изысканий [8–10; 35–37 и др.]. Итоги многолетней практики исследователь отразила в своей монографии 2014 года, посвящённой археозоологическому анализу охотничьей териофауны средневековой Беларуси. Эта монография на данный момент является единственной крупной работой по белорусской археозоологии. Н.П. Александрович провела полный анализ 4496 костных остатков из 11 средневековых городов, выявила временные периоды повышенного охотничьего промысла на определённые виды животных, сравнила размеры средневековых особей с современными, придя к выводу, что некоторые дикие животные имели более крупные параметры нежели их современные сородичи. Кроме того, Н.П. Александрович проводила анализ письменных источников, связанных со средневековой охотой на территории белорусских земель [2].

В конце 1990-х – начале 2000-х гг. появляются новые исследователи, которые занимались непосредственно изучением остеологического материала. Одной из них является выпускница исторического факультета БГУ, археолог А.А. Разлуцкая. Будучи младшим научным сотрудником отдела археологии каменного и бронзового веков Института Истории НАН Беларуси, она занималась определением остеологического материала с памятников разных периодов, преимущественно, от неолита до железного века, по большей части, с территории Северной Беларуси, изучала охоту и развитие животноводства древнего населения [21, с. 278]. Работала с В.И. Шадыро, А.А. Егорейченко и др. [33, с. 33–34, 95; 38, с. 43]. Консультировалась у В.В. Щегловой и Н.П. Александрович [22, с. 8; 39, с. 300]. У А.А. Разлуцкой есть как статьи, посвящённые определению остеологической фауны памятников, так и работы, посвящённые охоте на отдельные виды животных, где автор реконструирует некоторые приёмы охоты, подробно описывает и анализирует характерные следы воздействия человека на костные остатки [40–42 и др.]. Исследователь ведёт статистику определимых и неопределимых фрагментов костей, определяет примерный возраст и половую принадлежность особи, предоставляет отдельные таблицы анатомических костных остатков. Стоит отметить статьи, посвящённые отдельным видам животных. Основываясь на полученных данных, А.А. Разлуцкая даёт характеристику ареала обитания вида, его взаимодействия с человеком, которое заключается не только в добыче мяса или пушнины, но и, возможно, имеет некий ритуальный подтекст, а также в использовании костей животного для различных заготовок изделий [27; 43]. А.А. Разлуцкая, продолжила определение остеологического материала с памятников, где часть остатков была определена и интерпретирована В.В. Щегловой [44]. Несмотря на то, что А.А. Разлуцкая изначально получила историческое образование, она приложила много усилий для того, чтобы на высоком профессиональном уровне обрабатывать остеологический материал, накапливая как теоретические, так и практические знания. Консультируясь с коллегами, имеющими биологическое образование, А.А. Разлуцкая за годы упорной работы приобрела научный опыт и достигла необходимого профессионализма.

В 2000-х появляются археозоологические заметки и статьи биолога, старшего лаборанта отдела археологии средневекового периода и отдела издательской и информационно-аналитической работы Института истории НАН Беларуси О.А. Блашко [21, с. 345]. Научным интересом исследователя было изучение животноводства по фаунистическим остаткам средневековых археологических памятников Беларуси как на основании своих определений ещё не изученного остеологического материала, так и основываясь на определениях В.В. Щегловой. Так, например, О.А. Блашко установила, что на посаде средневекового Пинска преобладало разведение крупного рогатого скота, который использовался не только для получения продовольственных продуктов и ремесленных материалов, но и в качестве тягловой силы [28]. О.А. Блашко определяла также костные остатки слоёв конца I тыс. до н.э. – первой половины I тыс. н.э. [45–47]. Изучив остеологический материал городища “Городец” Кричева, ученая делит фаунистические остатки по стратиграфическим слоям, даёт подробную характеристику каждого из них, отмечая ведущую роль животноводства на территории памятника, начиная с железного века, и стабильную статистику популярности видов домашних животных у населения городища, сравнивает эти показатели с данными других археологических памятников. О.А. Блашко даёт характеристику животноводства памятника, но также уделяет внимание охоте, отмечая тенденцию к снижению в XI – XIII вв. охоты на крупных животных [28]. Она обрабатывала и небольшие коллекции, например, с раскопок 2001 г. на городище у г. Глубокое, где было

обнаружено всего 98 костей, из которых можно было определить только 75. Однако исследователь смогла сделать вывод о предположительном характере животноводства [45]. В статьях, посвящённых археологическому памятнику Никольцы, О.А. Блашко даёт характеристику каждому виду животного, остатки которого были обнаружены при раскопках, производит промеры, делает выводы о преобладании животноводства и выделяет преобладающие виды животных для охотничьего промысла [46–47].

После 2014 г. полноценных публикаций, связанных с определением фаунистических остатков, на территории Беларуси не выходило. Из-за отсутствия практикующих археозоологов, белорусские археологи обращаются либо к уже определённым остеологическим коллекциям, либо просят определить костные остатки иностранных специалистов, как правило, в своих работах ограничиваясь таблицами с определением вида животного, количеством костей и особей [48]. Но в подавляющем большинстве случаев остеологические материалы с археологических памятников просто накапливаются с каждым полевым сезоном и требуют определения и интерпретации.

Заключение. Первыми весомый вклад в археозоологические исследования в 1930-е и 1950-е гг. внесли советские учёные, имеющие биологическое образование, но ставшие в истоках зарождения смежной дисциплины, положившие начало тесному сотрудничеству зоологов и археологов (В.И. Цалкин, В.И. Громов, В.Е. Гарутт, И.Г. Пронина). С 1960-х гг. белорусский палеонтолог В.В. Щеглова занялась определением фаунистических остатков, используя коэффициенты, предложенные В.И. Цалкиным. Середина 1970-х – 2000-е гг. были самым активным периодом археозоологических исследований на территории Беларуси. Н.П. Александрович заложила основу эталонной коллекции остеологических остатков, активно применяла опыт и методики зарубежных коллег, что способствовало улучшению качества описания фаунистических остатков. В конце 1990-х – начале 2000-х определением остеологического материала археологических памятников Беларуси занялась А.А. Разлуцкая. В это же время работала и биолог О.А. Блашко, которая определяла фаунистические остатки археологических памятников и изучала по ним животноводство. На данный момент практикующие археозоологи в Беларуси отсутствуют.

Большинство исследователей, которые занимались археозоологией, являлись зоологами, палеонтологами. Археологам и историкам по образованию приходилось постигать зоологию с нуля, но чтобы как можно более достоверно интерпретировать данные с археологических памятников, нужно вписать остеологические исследования в историко-археологический процесс.

Специалисты-археозоологи необходимы для работы над остеологическими коллекциями памятников. Это кропотливый и длительный процесс, требующий специальных знаний и навыков. Для точной таксономической идентификации кроме специализированных атласов и определителей актуально собрать обширную базу эталонных сравнительных коллекций скелетов современных животных с известной видовой принадлежностью, возрастом и полом. К каждой коллекции необходимо подобрать индивидуальную методику археозоологического исследования в зависимости от состояния остеологического материала и археологического контекста всего памятника, обработать и ввести в научный оборот.

ЛИТЕРАТУРА

1. Цалкин, В.И. Материалы для истории скотоводства и охоты в древней Руси / В.И. Цалкин. – М.: Наука, 1956. – 183 с. – (Материалы и исследования по археологии СССР; № 51).
2. Александрович, Н.П. Археозоологический анализ охотничьей териофауны средневековой Беларуси / Н. Александрович. – Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. – 232 с.
3. Антипина, Е.Е. Столетие со дня рождения В.И. Цалкина / Е.Е. Антипина, Е.Н. Черных // Новейшие археозоологические исследования в России: К столетию со дня рождения В.И. Цалкина : сб. ст. / Языки славянской культуры ; отв. ред. Е.Е. Антипина, Е.Н. Черных. – М., 2004. – С. 5–6.
4. Антипина, Е.Е. Птицы в жизни древнего Ярославля: хозяйственные и социальные аспекты (по археозоологическим данным) / Е.Е. Антипина, С.О. Двуреченская, А.В. Энговатова // Краткие сообщения института археологии. – 2021. – Вып. 265. – С. 342–358.
5. Антипина, Е.Е. Современная археозоология: задачи и методы исследования / Е.Е. Антипина // Междисциплинарная интеграция в археологии (по материалам лекций для аспирантов и молодых сотрудников) / Отв. ред.: Е.Н. Черных, Т.Н. Мишина. – Москва, 2016. – С. 96–117.
6. Lasota-Moskalewska, A. Podstawy archeozoologii. Szczątki ssaków / A. Lasota-Moskalewska. – Warszawa : Wydawnictwo Naukowe PWN, 1997. – 231 s.
7. Громова, В.И. Первобытный бык, или тур (*Bos primigenius* Woj) в СССР / В.И. Громова // Ежегодник Зоологического музея Российской академии наук. – СПб., 1931. – Т. 32. – № 3. – С. 293–342.
8. Громова, В. Определитель млекопитающих СССР по костям скелета. Выпуск 1. Определитель по крупным трубчатым костям. Ч. А. / В. Громова // Тр. комиссии по изучению четвертичного периода: Акад. наук СССР. – М.-Л., 1950 (а). – Т. 9. – 241 с.
9. Громова, В. Определитель млекопитающих СССР по костям скелета. Выпуск 1. Определитель по крупным трубчатым костям. Ч. Б. Альбом рисунков / В. Громова // Тр. комиссии по изучению четвертичного периода: Акад. наук СССР. – М.-Л., 1950 (б). – Т. 9. – 107 с.
10. Громова, В. Определитель млекопитающих СССР по костям скелета. Выпуск 2. Определитель по крупным костям заплюсны / В. Громова // Тр. комиссии по изучению четвертичного периода: Акад. наук СССР. – М., 1960. – Т. 16. – 118 с.
11. Изотопный анализ как метод таксономической идентификации археозоологического материала / Е.Н. Горлова [и др.] // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2015. – Т. 43, № 1. – С. 110–121.
12. Валериан Иннокентьевич Громов (1896 – 1978) / М.Н. Алексеев [и др.] // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода : сб. ст. / редкол.: Г.И. Горецкий [и др.]. – М., 1979. – № 49. – С. 147–149.

13. Громаў, В.І. Фауна Бердыжскай палеалітычнай стаянкі (па раскопках 1926–1927 гг.) / В.І. Громаў // Працы археалагічнай камісіі. – Менск, 1930. – Т. 2. – С. 7–31.
14. Дубінскі, С.А. Чаркасаўскае гарадзішча пад Воршай / С.А. Дубінскі // Працы археалагічнай камісіі. – Менск, 1930. – Т. 2. – С. 71–79.
15. Громаў, В.І. Аб фауне гарадзішч БССР і Смаленскай губ. / В.І. Громаў // Працы археалагічнай камісіі. – Менск, 1930. – Т. 2. – С. 213–217.
16. Цалкин, В.И. Древнейшие домашние животные Восточной Европы / В.И. Цалкин. – М. : Наука, 1970. – 280 с. – (Материалы и исследования по археологии СССР; № 161).
17. Воронин, Н.Н. Древнее Гродно (по материалам археологических раскопок 1932—1949 гг.) / Н.Н. Воронин. – М. : Наука, 1954. – 238 с. – (Материалы и исследования по археологии СССР; № 41 / Материалы и исследования по археологии древнерусских городов: Т. 3).
18. Цалкин, В.И. Фауна из раскопок в Гродно / В.И. Цалкин // Древнее Гродно (по материалам археологических раскопок 1932–1949 гг.). (Материалы и исследования по археологии СССР; № 41 / Материалы и исследования по археологии древнерусских городов: Т. 3). – М., 1954. – С. 211–236.
19. Митрофанов, А.Г. Железный век средней Белоруссии (VII–VI вв. до н. э. – VIII в. н. э.) / А.Г. Митрофанов. – Минск : «Наука и техника», 1978. – 160 с.
20. Пронина, И.Г. Остатки животных из поселений III в. до н.э. – V в. н.э. Минской области БССР / И.Г. Пронина, В.Е. Гарутт // Материалы по археологии БССР : сб. ст. / ред.: Е.И. Корнейчик, К.М. Поликарпович. – Минск, 1957. – Т. 1. – С. 165–181.
21. Віцязь, С.П. Даследчыкі археалагічных старажытнасцей Беларусі : бібл. дав-к / С.П. Віцязь, В.У. Мядзведзева, Л.У. Дучыц. – Минск : Беларуская навука, 2020 – 504 с.
22. Шадыро, В.И. Жизнь и судьба в науке / В.И. Шадыро, А.А. Разлуцкая // Гіст.-археал. зб. – 2004. – № 19. – С. 7–11.
23. Щеглова, В.В. Роль охоты в снабжении мясом населения на территории Беларуси в X–XIV вв. / В.В. Щеглова // Сярэдневяковыя старажытнасці Беларусі: новыя матэрыялы і даследаванні / АН Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск : «Навука і тэхніка», 1993. – С. 74–82.
24. Щеглова, В.В. К вопросу о животноводстве и охоте в Белоруссии в средние века / В.В. Щеглова // Древности Белоруссии: доклады к конференции по археологии Белоруссии, март 1969 г. / ред.: В.Д. Будько [и др.]. – Минск : [б. и.], 1969. – С. 406–426.
25. Щеглова, В.В. Фауна поселения Камень / В.В. Щеглова // Беларускія старажытнасці: матэрыялы канферэнцыі па археалогіі БССР і сумежных тэрыторый / рэдкал.: Л.Д. Побаль (адказ. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 1972. – С. 69–79.
26. Щеглова, В.В. О видовом составе и соотношении между домашними и дикими животными на городищах эпохи раннего железа севера Белоруссии (предварительное сообщение) / В.В. Щеглова // Тезисы докладов к конференции по археологии Белоруссии, февраль 1970 г. / ред.: Я.Г. Зверуго, В.Ф. Исаенко. – Минск : [б. и.], 1969. – С. 106–109.
27. Разлуцкая, А.А. Промысел медведя в позднем неолите и ранней бронзе Северной Беларуси (по материалам стоянки Асавец-2) / А.А. Разлуцкая // Гістарычна-археалагічны зборнік. – Мінск, 2001. – № 16. – С. 86–88.
28. Блашко, О.А. Новые данные о животноводстве средневекового Пинска (по материалам 17–18 веков) / О.А. Блашко // Материалы по археологии Беларуси. – 2001. – № 3. – С. 255–258.
29. Блашко, О.А. Остеологический материал городища “Городец” Кричева / О.А. Блашко // Материалы по археологии Беларуси. – 2002. – № 5. – С. 25–32.
30. Александровіч, Н.П. Структурны аналіз калекцый касткавых рэшткаў з раскопак Верхняга замку ў Слуцку (XII–XIII стст.) / Н.П. Александровіч // Весці АН БССР. Сер. Грамадск. навук. – 1991. – № 4. – С. 74–78.
31. Александровіч, Н.П. Письмовыя сведчання аб паляванні на Беларусі ў сярэдняй вякі / Н.П. Александровіч // 3 глыбі вякоў. Наш край : гіст.-культуралаг. зб. – Мінск : Крок уперад, 1992. – С. 149–158.
32. Александровіч, Н.П. Аб знаходках рэштак тура (*Bos primigenius* Vojanus, 1827) на тэрыторыі Беларусі / Н.П. Александровіч // Весці Бел. дзярж. пед. ун-та імя М. Танка. – 1999. – № 1. – С. 117–121.
33. Шадыра, В.І. Беларускае Падзвінне (I тысячагоддзе н.э.) / В.І. Шадыра. – Мінск : Ін-т гісторыі НАН Беларусі, 2006. – 150 с.
34. Егорейченко, А.А. Древнейшие городища Белорусского Полесья (VII–VI вв. до н.э. – II в. н.э.) / А.А. Егорейченко. – Минск, 1996. – 149 с.
35. Песенко, Ю.А. Принципы и методы количественного анализа в фаунистических исследованиях / Ю.А. Песенко. – М., 1982. – 287 с.
36. Шостак, С.В. Определение возраста европейского благородного оленя / С.В. Шостак. – Минск : Ураджай, 1988. – 62 с.
37. Marciniak, A. Archeologia i jej źródła Materiały faunistyczne w praktyce badawczej archeologii / A. Marciniak. – Warszawa-Poznań: PWN, 1996. – 160 s.
38. Егорейченко, А.А. Культуры штрихованой керамики / А.А. Егорейченко. – Минск : БГУ, 2006. – 207 с.
39. Разлуцкая, А.А. Новые данные по охоте и животноводству из раскопок Кривинского торфяника / А.А. Разлуцкая // Материалы по археологии Беларуси. – Минск, 2010. – Вып. 18. – С. 299–313.
40. Разлуцкая, А. Паляванні старажытных браслаўчан / А. Разлуцкая // Браслаўскія чытанні: матэрыялы V-й навукова-краязнаўчай канферэнцыі прысвечанай 935 годдзю згадкі Браслава ў пісьмовых крыніцах, Браслаў, 27–28 крас. 2001 г. ; рэда. рада: К. Шыдлоўскі [і інш.]. – Браслаў, 2001. – С. 83–84.
41. Разлуцкая, А.А. Некаторыя дадзеныя аб паляванні і жывёлагадоўлі на селішчы пражскай культуры Снядзін-2 / А.А. Разлуцкая // Материалы по археологии Беларуси. – Минск, 2002. – № 5. – С. 192–197.
42. Разлуцкая, А.А. Новыя даныя аб ахвярных жывёлах з курганоў Полацкай зямлі / А.А. Разлуцкая // Материалы по археологии Беларуси. – Минск, 2011. – Вып. 21. – С. 212–219.
43. Разлуцкая, А.А. Речной бобр стоянки Осовец-2 / А.А. Разлуцкая // Гіст.-археал. зб. – 1999. – № 14. – С. 98–103.
44. Разлуцкая А. Охота и скотоводство обитателей городища Большие Споры в Поозёрье (железный век) / А. Разлуцкая // Музейны веснік. – 2005. – Вып. 2. – С. 48–57.
45. Блашко, О.А. Фауна из городища Глубокое (материалы 2001 года) / О.А. Блашко // Материалы по археологии Беларуси. – Минск, 2002. – № 5. – С. 110–112.
46. Блашко, О.А. Некоторые данные о фауне селища Никольцы (по данным раскопок 1981–1982 г.) / О.А. Блашко // Материалы по археологии Беларуси. – Минск, 2003. – № 6. – С. 101–102.

47. Блашко, О.А. Остеологический материал селища Никольцы (по данным раскопок 1983 г.) / О.А. Блашко // Материалы по археологии Беларуси. – Минск, 2003. – № 7. – С. 111–113.
48. Ильянская Гута и ее место в истории гутного промысла Восточной Европы (предварительные результаты комплексного исследования) / П.С. Курлович [и др.] // Ежегодник НИИ фундаментальных и прикладных исследований за 2017 г. – Брянск, 2017. – С. 95–105.

Поступила 15.04.2022

BECOMING AND CURRENT STATE OF ARCHAEOZOOLOGICAL STUDY OF FAUNISTIC REMAINS ON THE TERRITORY OF BELARUS

A. ZYL

The article discusses the process of becoming of the archaeozoological study of faunal remains on the territory of Belarus. The need to determine them appeared in the 1930s. The first researchers who started doing this were Soviet paleontologists and zoologists - V.I. Gromov, V.I. Tsalkin, V.E. Garutt, I.G. Pronina. Only in the second half of the 20th century Belarusian specialists began to appear - V.V. Shcheglova, N.P. Aleksandrovich, O.A. Blashko, A.A. Razlutsкая, who helped local archaeologists to put into scientific circulation the osteological material of the archaeological sites of Belarus of different eras. The researchers studied and identified osteological collections based on the methods of Soviet and foreign paleontologists and zoologists. At the moment there are no practicing archeozoologists in Belarus. And as a result, there are no special publications devoted to the identification and analysis of faunal remains.

Keywords: archeology, archaeozoology, historiography, territory of Belarus, hunting, animal husbandry, identification of osteological material, faunistic remains.

УДК [94(476):26-784]“1920/1939”

**САЦЫЯЛЬНА-ПОБЫТАВЫЯ ЁМОВЫ ДЗЕЙНАСЦІ РАБІНАЎ І РЭЗНІКАЎ
У БЕЛАРУСКОЙ ССР У 1920-я – 1930-я гг.**

канд. гіст. навук К.Р. КАРПЕКІН
(Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці)
ORCID <https://orcid.org/0000-0002-8054-3122>

Даследаванне прысвечана сацыяльна-побытавым умовам дзейнасці рабінаў і рэзнікаў у Беларускай ССР у 1920-я – 1930-я гг. У якасці крыніцазнаўчай базы выкарыстаны дакументы Дзяржаўнага архіва Віцебскай вобласці, Дзяржаўнага архіва Мінскай вобласці, Дзяржаўнага архіва грамадскіх аб'яднанняў Магілёўскай вобласці, Занальнага Дзяржаўнага архіва ў г. Оршы, Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь.

Вывучаныя архіўныя матэрыялы сведчаць пра тое, што на працягу 1920-х – 1930-х гг. сацыяльна-побытавыя ўмовы дзейнасці рабінаў і рэзнікаў у БССР былі дастаткова складанымі. У цэлым іх можна ахарактарызаваць узростаннем адмоўных тэндэнцый, звязаных са скарачэннем колькасці рэлігійных служыцеляў і не менш імклівай ліквідацыяй абшчын. Выкананне абавязкаў рабінамі і рэзнікамі ўскладнялася ўзроставымі фактарам: найбольш шматлікай узроставай групай з'яўляліся асобы, старэйшыя за 50 гадоў. Матэрыяльным даход рэлігійных служыцеляў, як правіла, быў невысокім, і асноўная яго частка затрачвалася на ўтрыманне дома і сям'і, без магчымасці зрабіць якіясьці назапашванні. Улічваючы дадзеныя ўмовы, узмоцненыя савецкай антырэлігійнай палітыкай, цалкам заканамерным з'яўляецца працэс паступовага аслаблення пераемнасці ў дадзенай прафесіі: дзеці рабінаў і рэзнікаў імкнуліся атрымаць свецкую адукацыю і перасяліцца з мястэчак.

Ключавыя словы: *Беларуская ССР, дынастыя, жыллёвыя ўмовы, матэрыяльныя даходы, падаткі, рабін, рэзнік, сям'я, сацыяльна-побытавыя ўмовы.*

Уводзіны. У 1920-я – 1930-я гг., нягледзячы на антырэлігійную палітыку савецкага ўрада, пэўная частка яўрэйскага насельніцтва працягвала прытрымлівацца рэлігійных абрадаў і традыцый. Такая сітуацыя ў значнай ступені была характэрна і для Беларускай ССР, насельніцтва якой да 1925 г. амаль на 11% складалася з яўрэяў. У асяроддзі прыхільнікаў рэлігійных традыцый натуральным з'яўлялася наяўнасць пэўнай групы, прадстаўнікі якой нясуць адказнасць за правільнасць выканання дадзеных традыцый, і для яўрэйскай рэлігійнай супольнасці такімі варта лічыць рабінаў і рэзнікаў (шойхетаў).

Праблема прававога становішча лідараў іўдзейскіх абшчын ва ўмовах савецкай атэістычнай прапаганды і рэпрэсіўнай палітыкі прааналізавана дастаткова падрабязна [1; 2]. Акрамя таго, гісторыкамі вывучаны біяграфіі найбольш выбітных рабінаў, асноўныя накірункі іх дзейнасці па абароне інтарэсаў рэлігійных абшчын [3; 4].

У 1920-я – 1930-я гг. значныя намаганні рабінаў і рэзнікаў былі скіраваны супраць такіх антырэлігійных мерапрыемстваў савецкай улады, як канфіскацыя каштоўнасцей з малітоўных будынкаў, закрыццё хедараў і ешыў, барацьба з рэлігійнымі традыцыямі. Такая грамадская і рэлігійная дзейнасць з'яўляецца знешнім, бачным аспектам іх жыцця. У той жа час ступень грамадскай актыўнасці ў пэўнай ступені залежыць ад сацыяльна-побытавых умоў існавання. Аналізу згаданай праблемы і прысвечана дадзенае даследаванне. У сваю чаргу для комплекснага аналізу побыту рабінаў і рэзнікаў Беларускай ССР у 1920-я – 1930-я гг. неабходна ахарактарызаваць колькасны і ўзроставы склад вывучаемай сацыяльнай групы, вывучыць памер і склад сямей рабінаў і рэзнікаў, жыллёвыя ўмовы іх існавання, памеры матэрыяльных даходаў і затрат, а таксама выявіць асаблівасці працэсу адмаўлення рэлігійных служыцеляў ад сваіх абавязкаў.

Асноўная частка. Адным з паказчыкаў, з дапамогай якога варта ахарактарызаваць побыт рабінаў і рэзнікаў, з'яўляецца іх колькасць, паколькі менавіта ад яе залежала, якую тэрыторыю яны павінны былі ахапіць сваёй дзейнасцю. У некаторых выпадках скарачэнне ліку рэлігійных служыцеляў прыводзіла да росту і запатрабаванасці, у іншых выпадках наяўнасць дастаткова вялікай колькасці (у прыватнасці, рэзнікаў) прыводзіла да канкурэнцыі паміж імі. Неабходна адзначыць, што перыяд 1920-х – 1930-х гг. ахарактарызаваўся мадэрнізацыяй грамадскай свядомасці, якая праявілася ў разнастайных адносінах яўрэйскага насельніцтва да рэлігійных традыцый. Частка яўрэяў ўспрыняла атэістычныя каштоўнасці, другая частка захавала прыхільнасць да іўдаізму, а таксама сфарміраваўся пэўны слой насельніцтва з дваістай пазіцыяй [5, с. 267–268]. Указаны працэс аказваў непасрэдны ўплыў на змяненне попыту на паслугі рабінаў і рэзнікаў з боку яўрэяў.

Напярэдадні Кастрычніцкай рэвалюцыі 1917 г. на тэрыторыі беларускіх губерняў налічвалася 271 рабін [6, арк. 253], звестак жа пра колькасць рэзнікаў не выяўлена. Згодна з вынікамі перапісу насельніцтва 1926 г., у БССР мелася 196 рабінаў [7, с. 191]. З улікам таго, што беларускія губерні Расійскай імперыі па сваёй плошчы значна пераўзыходзілі БССР у межах 1926 г., згаданыя паказчыкі не варта трактаваць, як рэзкае скарачэнне колькасці рабінаў. Вызначыць колькасць яўрэйскіх рэлігійных служыцеляў у канкрэтных населеных пунктах магчыма на падставе рэгістрацыйных спісаў абшчын, а таксама з дапамогай спісаў асоб, пазбаўленых выбарчых правоў. На працягу 1920-х гг. значная колькасць рэлігійных служыцеляў мелася ў Мінску: у лютым 1927 г. у сталіцы БССР было 28 рабінаў і 13 рэзнікаў [8, арк. 2–12]. Неабходна заўважыць, што Мінск з'яўляўся адзіным беларускім

горадам з такой колькасцю рэлігійных служыцеляў. Як правіла, у акруговых цэнтрах налічвалася ад 3 да 5 рабінаў і да 10 рэзнікаў. У пераважнай жа большасці гарадоў і мястэчак БССР у гэты перыяд меліся 1–2 рабіны і ад 1 да 5 рэзнікаў [9, арк. 7, 94, 95, 137; 10, арк. 122адв.; 11, арк. 46; 12, с. 32–34; 13, арк. бадв., 29–30]. Такім чынам, можна меркаваць, што чым буйней быў населены пункт, тым большая колькасць вернікаў карысталася паслугамі аднаго рэлігійнага служыцеля, тым больш часу ён павінен быў аддаваць духоўнай працы з абшчынай.

На працягу даследуемага перыяду нагрузка на рабінаў і рэзнікаў пастаянна ўзрастала, што з’яўлялася прамым наступствам скарачэння іх колькасці. Апошнія ў сваю чаргу было абумоўлена савецкай антырэлігійнай палітыкай і адмаўленнем ад сваіх рэлігійных абавязкаў часткі рабінаў і рэзнікаў. У канцы 1920-х – 1930-я гг. адзін рэлігійны служыцель нярэдка сумяшчаў дзве пасады, абслугоўваў некалькі мястэчак у межах раёна. Пры гэтым ён быў вымушаны траціць час на пераезды, што таксама не лепшым чынам адбівалася на ажыццяўленні духоўных абавязкаў [14, арк. 150–151]. Да 1939 г. агульны лік яўрэйскіх рэлігійных служыцеляў у БССР скараціўся да 58 чал. [7, с. 191]. Гэта азначала ўзмацненне складанасцей у сферы аказання рэлігійных паслуг веруючаму насельніцтву, паколькі яўрэі працягвалі пражываць у кожным горадзе і мястэчку рэспублікі, і пэўная іх частка ў кожным населеным пункце захавала прыхільнасць да ўдаізму. На канкурэнцыю ў асяроддзі рэлігійных служыцеляў аказвалі ўздзеянне і эканамічныя фактары. З пункту погляду шойхетаў найбольш спрыяльным перыядам з’яўляўся пачатак 1920-х гг., калі распаўсюджанай практыкай была занятасць рэзнікаў на дзяржаўных скатабойнях, адпаведна яны маглі прымаць заказы як ад кааператывных таварыстваў, так і ад яўрэйскіх абшчын. На такіх скатабойнях маглі адначасова працаваць і мяснікі, якія не мелі ніякіх адносін да рэлігіі, і група рэзнікаў.

З 1923 г. заробкі гарадскіх шойхетаў у БССР зменшыліся праз тое, што гандляры мясам, якія займаліся адпраўкай прадукцыі ў такія буйныя гарады, як Петраград, сталі ажыццяўляць забой у месцах куплі жывёлы (галоўным чынам – у невялікіх мястэчках, якія з’яўляліся чыгуначнымі станцыямі) [15, арк. 4]. З 1926 г. у аднолькава ўшчэмленим становішчы апынуліся як гарадскія, так і месцічковыя рэзнікі: ім было забаронена займацца рэзкай “казёнага тавару”, іншымі словамі, цяпер сфера іх дзейнасці значна звужалася і распаўсюджвалася толькі на абслугоўванне прыватных асоб [16, арк. 14]. У такіх умовах сітуацыя пагаршалася ў сувязі з наяўнасцю канкурэнцыі: у прыватнасці, у 1928 г. на Мінскай гарадской бойні адначасова працавала 6 рэзнікаў [17, арк. 42].

У сувязі з пазначанымі абставінамі ў 1920-я – 1930-я гг. аб’ёмы працы размяркоўваліся нераўнамерна. Напрыклад, аднаму з віцебскіх рэзнікаў за 6 месяцаў 1926 г. было прыведзена на забой 111 галоў дробнай і буйной жывёлы [18, арк. 11], гэта значыць ён быў заняты далёка не кожны дзень. У той жа час у сярэдзіне 1920-х гг. некаторыя рэзнікі, якія працавалі ў пары, на працягу тыдня забівалі каля 35 кароў паводле заказаў дзяржаўных прадпрыемстваў, і больш за 35 – паводле заказаў прыватных асоб [15, арк. 4, 19], гэта значыць кожны з іх у сярэднім штодня забіваў каля 5 жывёлін. Пры скарачэнні забой буйной рагатай жывёлы шойхеты вымушаны былі займацца пераважна рэзкай курэй, якая асабліва зімой уяўляла сабой нязначныя аб’ёмы працы (ад 10 да 25 птушак у тыдзень на аднаго рэзніка) [19, арк. 7].

Яшчэ адным фактарам, які ўплывае на актыўнасць і інтэнсіўнасць дзейнасці асобы, з’яўляецца ўзрост. У многім ад узросту залежыць здароўе чалавека, а ад яго ў сваю чаргу – і здольнасць да актыўнай працы. Паколькі большасць выяўленых архіўных дакументаў, якія дазваляюць меркаваць пра ўзрост рабінаў і рэзнікаў, адносіцца да сярэдзіны 1920-х гг., мэтазгодна прывесці статыстычныя дадзеныя менавіта за гэты перыяд, а менавіта – за 1926 г. Звестак пра рабінаў, маладзейшых за 40 гадоў, не выяўлена, рабіны ва ўзросце ад 40 да 49 гадоў складалі 20% ад агульнай колькасці, ад 50 да 59 гадоў – 40%, ад 60 да 69 – 20%, старэйшыя за 70 гадоў – таксама 20%. У адрозненне ад такой катэгорыі яўрэйскіх рэлігійных служыцеляў, як рабіны, у асяроддзі рэзнікаў былі асобы больш маладога ўзросту. У прыватнасці, у тым жа 1926 г. шойхеты ва ўзросце ад 30 да 39 гадоў складалі каля 11%, ва ўзросце ад 40 да 49 гадоў – 16%, ад 50 да 59 гадоў – 31%, ад 60 да 69 гадоў – таксама 31%, старэйшыя за 70 гадоў – 11%. Такім чынам, узростава катэгорыя ад 50 да 59 гадоў таксама ўваходзіла ў лік найбольш шматлікіх. Варта адзначыць, што згодна з вынікамі перапісу насельніцтва 1926 г., у БССР яўрэі ва ўзросце 30–39 гадоў складалі 11% ад усёй колькасці яўрэйскага насельніцтва, 40–49 – таксама 11%, 50–59 гадоў – 7%, 60–69 гадоў – 6%, а 70–79 гадоў – 2% [20, с. 66, 68]. З дадзеных паказчыкаў бачна, што больш сталыя ўзроставаыя групы складалі меншую долю ў агульнай колькасці яўрэйскага насельніцтва. Таксама параўнанне ўзросту рэлігійных служыцеляў з агульнай узроставай структурай яўрэйскага насельніцтва Беларускай ССР дазваляе зрабіць выснову пра тое, што перавагу рэлігійнай дзейнасці аддавалі, як правіла, прадстаўнікі больш сталага ўзросту, а моладзь імкнулася атрымаць іншую прафесію.

Акрамя выканання сваіх рэлігійных абавязкаў і абароны інтарэсаў абшчыны рабіны і рэзнікі павінны былі клапаціцца пра свае ўласныя сем’і. Каля 20% сямей рэлігійных служыцеляў складаліся ўсяго з 2 чалавек (главы сям’і і яго жонкі) – такі тып быў характэрны для сталых людзей, дзеці якіх жылі асобна ад бацькоў [21, арк. 2]. Найбольш шматлікім тыпам з’яўляліся сем’і, якія складаліся з бацькоў і дзяцей (каля 60% ад агульнага ліку). Як правіла, у такіх сем’ях налічвалася ад 1 да 6 дзяцей, якія жылі з бацькамі, пры гэтым колькасць сямей з 1–2 дзецьмі і сямей, у якіх выходзіла больш за двух дзяцей, была прыкладна аднолькавай. У пераважнай большасці выпадкаў з бацькамі жылі дзеці дашкольнага і школьнага ўзросту, а таксама працуючая моладзь, якая яшчэ не стварыла сваіх сямей. Апроч таго мелі месца нешматлікія выпадкі, калі з бацькамі заставалася жыць дарослая дачка (старэйшая за 30 гадоў) [22, арк. 2]. Сем’і, у якіх акрамя гаспадара, яго жонкі і дзяцей пражывалі іншыя сваякі, былі адносна рэдкімі (да 20% ад агульнай колькасці). Звычайна такімі сваякамі з’яўляліся састарэлая маці

альбо цешча главы сям'і [23, арк. 3]. Такім чынам, сем'і рабінаў і рэзнікаў з'яўляліся цалкам тыповымі для дадзенага гістарычнага перыяду. Згодна з дадзенымі на 1939 г., у СССР найбольш распаўсюджанымі былі сем'і з 3 і 4 чалавек (23% і 22%, адпаведна), значную долю таксама складалі сем'і з 2 асоб (20%). Крыху менш распаўсюджанымі з'яўляліся сем'і з 5 членаў (16% ад агульнай колькасці) і з 6 членаў (10%) [24, с. 92].

Параўноўваючы ўзрост бацькоў і самых старшых дзяцей у сям'і, можна зрабіць выснову пра тое, што рабіны і рэзнікі ўступалі ў шлюб пераважна ва ўзросце 20–23 гадоў. На карысць такога сцверджання кажа і той факт, што як правіла, узрост самых старшых дзяцей, якія пражывалі разам з бацькамі, не перавышаў 23 гадоў [16, арк. 19 адв.]. Узрост мужа і жонкі мог быць прыкладна аднолькавым ці з нязначнай розніцай, альбо муж мог быць старэйшым за жонку на 4–5 гадоў. У большасці выпадкаў у 1920-я – 1930-я гг. жонкі рабінаў і рэзнікаў з'яўляліся хатнімі гаспадынямі, зрэдку займаліся гандлем. Пазначаны шлюбны ўзрост адлюстроўвае агульную тэндэнцыю паступовага яго павелічэння на працягу XIX – XX стст.: калі ў другой палове XIX ст. юнакі ўступалі ў шлюб пераважна ў 18 гадоў, а дзяўчыны – у 16, то ў другой палове XX ст. гэты ўзрост стаў складаць 25–30 гадоў [25, с. 429].

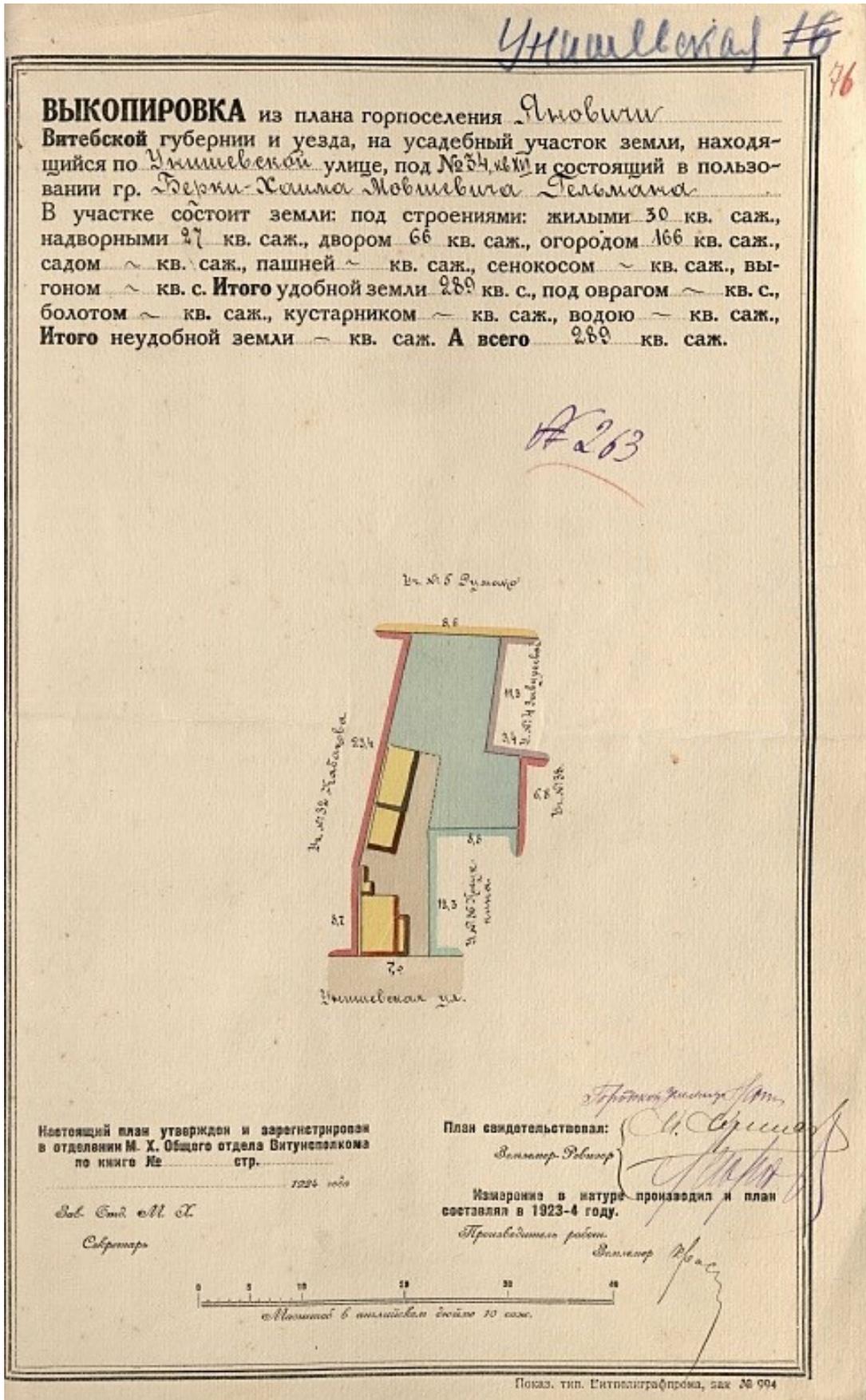
Як ужо адзначалася вышэй, першыя дзеці з'яўляліся, калі бацькам было ад 20 да 23 гадоў. У сем'ях яўрэйскіх рэлігійных служыцеляў розніца ва ўзросце дзяцей складала звычайна 2–4 гады. Са звестак, якія ўтрымліваюцца ў архіўных крыніцах, вынікае, што дзеці рабінаў і рэзнікаў звычайна імкнуліся атрымаць свецкую адукацыю і ўладкавацца на прэстыжную працу (у прыватнасці, у сферы адукацыі і медыцыны). Нярэдка яны заставаліся жыць і працаваць у тых жа населеных пунктах, дзе пражывалі іх бацькі, а таксама былі выпадкі пераезду ў буйныя гарады, за межы БССР – пераважна ў РСФСР [26, арк. 10; 27, арк. 105]. Паўналетнія непрацуючыя члены сямей рабінаў і рэзнікаў былі пазбаўлены выбарчых правоў і разам з імі знаходзіліся ва ўшчэмленим становішчы [28, арк. 2, 9 адв., 124].

Наяўнасць дынастый рэлігійных служыцеляў у яўрэйскім асяроддзі ў 1920-я – 1930-я гг. у БССР не была вельмі распаўсюджанай з'явай. Выпадкі, калі ў мястэчку бацька і сын з'яўляліся рэзнікамі, былі адзінакавымі. Таксама ў некаторых гарадах і мястэчках рэзніцкай дзейнасцю займаліся прадстаўнікі аднаго і таго ж рода, але не блізкія сваякі. Разам з тым, як правіла, гэта не было манаполіяй: адначасова з імі ў населеным пункце былі і рэзнікі – прадстаўнікі іншых родаў. Напрыклад, у 1928 г. у м. Лёзна Віцебскай акругі рэзнікамі былі бацька і сын: Гершэн Израілевіч Глазаў 1853 г. нар. і Глазаў Іцка Гершэнавіч 1888 г. нар. Акрамя таго, у дадзеным мястэчку шхітой займаўся і Гейша Герцавіч Глазаў 1871 г. нар. (не выключана, што ён належаў да гэтага ж роду) [29, арк. 108]. Адзначым, што сярод рабінаў з'ява дынастый таксама не была дастаткова распаўсюджанай. Найбольш актыўныя рабіны (у прыватнасці, прадстаўнікі дынастыі Шнеерсонаў) былі вымушаны пакінуць не толькі межы БССР, але і ў цэлым СССР.

Важным складнікам побыту з'яўляюцца жыллёвыя ўмовы. Звычайна ў мястэчках рабіны і рэзнікі жылі ва ўласных дамах, а ў гарадах – у асобных кватэрах. У сярэднестатыстычнага яўрэйскага рэлігійнага служыцеля жыллё складалася з 1–2 пакояў, у больш заможных – з 3, 4 ці нават 5. У сярэднім жылая плошча аднаго пакоя раўнялася 15 м², у той жа час самыя сціплыя пакоі маглі мець плошчу ўсяго 9 м², а найбольш шыкоўныя – да 23 м² [16, арк. 19 адв.; 30, арк. 12]. У буйных гарадах некаторыя рабіны пражывалі ў двухпавярховых дамах, займалі з сям'ёй некалькі пакояў і кухню, а адзін пакой здавалі кватарантам [18, арк. 2]. Аснову абстаноўкі жылля сярэднестатыстычнага рэлігійнага служыцеля, які жыў у 2-пакаёвай кватэры, складалі канапа, адзежная шафа, некалькі крэслаў і сталаў [15, арк. 2]. У рабінаў і рэзнікаў, якія пражывалі ў мястэчках і ў прыватных гарадскіх дамах, акрамя жылога дома ў распараджэнні быў двор з разнастайнымі гаспадарчымі пабудовамі, агародам і г.д. (малюнак 1). У мястэчках агульная плошча ўчастка звычайна складала 700–1300 м², з якіх каля 70 м² займаў жылы дом, у сярэднім 100 м² – усемагчымыя гаспадарчыя збудаванні, 200–300 м² – двор, ад 300 да 700 м² – агарод і сад [31, арк. 81; 32, арк. 76]. Наяўнасць гаспадарчых пабудоў і прысядзібнага ўчастка сведчыць пра пошук дадатковых крыніц даходу, акрамя рэлігійнай дзейнасці. Што тычыцца кошту на жыллё, то ў 1923 г. у горадзе двухпакаёвы драўляны дом мог каштаваць каля 600 руб. [15, арк. 2], а ў 1926 г. драўляны аднапавярховы дом у мястэчку можна было набыць за 750 руб. [33, арк. 27]. З улікам таго, што ў 1923 г. рэзнікі ў горадзе зараблялі ад 65 да 240 руб. штогод [15, арк. 4; 30, арк. 4], патраціўшы на розныя патрэбы палову заробку, назбіраць сродкі для набыцця такога дома яны маглі ў лепшым выпадку на працягу 5, а ў горшым – 20 гадоў.

Жыллёвыя ўмовы рабінаў і рэзнікаў у даследуемы перыяд можна лічыць стабільнымі, паколькі ў пераважнай большасці выпадкаў яны вялі аседлы лад жыцця. На працягу 1920-х – 1930-х гг. яны жылі ў тых жа населеных пунктах, што і адразу пасля Кастрычніцкай рэвалюцыі 1917 г. Калі яны ўсё ж перасяляліся, то, як правіла, у межах адной адміністрацыйна-тэрытарыяльнай адзінкі [30, арк. 19а]. Прычынамі перасялення маглі стаць ваенныя дзеянні, і ў прыватнасці – падзеі Першай сусветнай вайны, у выніку якой некаторыя рабіны і рэзнікі былі вымушаны эвакуіравацца з Прыбалтыкі на ўсход у беларускія губерні. Праз некаторы час пасля завяршэння ваенных дзеянняў яны прадпрымалі спробы вярнуцца на радзіму, але гэтыя захады не заўсёды былі паспяховымі. У прыватнасці, Б.Г. Рабіновіч да 1915 г. пражываў у м. Таўроген Ковенскай губерні, затым з'яўляўся духоўным рабінам Віцебска. У ліпені 1920 г. ён напісаў хадайніцтва пра вяртанне ў родныя мясціны, але нават яшчэ ў 1923 г. пражываў у Віцебску [27, арк. 105; 34, арк. 93].

Натуральна, грашовыя даходы яўрэйскіх рэлігійных служыцеляў залежалі ад аб'ёмаў аказаных паслуг і ўстаноўленых тарыфаў. Так, у сярэдзіне 1920-х гг. забой рагатай жывёлы паводле заказаў дзяржаўных прадпрыемстваў ацэньваліся рэзнікамі на 30% танней, чым заказы ад прыватных асоб, а рэзка птушкі каштавала ў 5–10 разоў танней, чым забой каровы [15, арк. 19].

Малюнок 1. – План зямельнага ўчастка Гельмана Беркі-Хаіма Моўшавіча – рабіна м. Янавічы Віцебскай акругі, 1926 г. [32, арк. 76]

У сваю чаргу рабіны і рэзнікі паважнага ўзросту нярэдка знаходзіліся на практычна поўным утрыманні дзяцей [35, арк. 90], і такая матэрыяльная дапамога нярэдка была вельмі значнай. Напрыклад, на працягу кастрычніка 1928 – верасня 1929 г. адзін з шойхетаў м. Лёзна Віцебскай акругі атрымаў ад сына, які жыў у Маскве, 480 руб. – суму, якой было амаль дастаткова, каб на працягу таго ж перыяду аплочваць атапленне, асвятленне і рамонт дома, падаходны падатак, набываць адзенне і харчаванне [26, арк. 10]. Матэрыяльная дапамога паступала таксама і з дальняга замежжа, у прыватнасці, з Германіі і Палестыны [36, арк. 97]. У цэлым, даходы яўрэйскіх рэлігійных служыцеляў БССР у 1920-я – 1930-я гг. ніяк нельга лічыць высокімі. Напрыклад, у канцы 1920-х гг. затраты на побытавыя патрэбы гарадскіх рабінаў размяркоўваліся наступным чынам: 8,5% даходу яны аддавалі за ацяпленне і асвятленне жылля, 3,5% – за іншыя камунальныя паслугі, 75% – на харчаванне, адзенне і да т.п., 8,5% – на навучанне дзяцей. Такім чынам, на астатнія віды расходаў заставалася ўсяго 4,5% заробку [37, арк. 14–14 адв.].

Фактарам, які адмоўна ўпываў на матэрыяльнае становішча рабінаў і рэзнікаў, з’яўляліся падаткі і звязаныя з імі канфіскацыі маёмасці. Так, у першыя паслярэвалюцыйныя гады мелі месца выпадкі выняцця ў рабінаў кніг рэлігійнага зместу [38, арк. 76], што безумоўна, стварала перашкоды для ажыццяўлення імі сваіх абавязкаў перад абшчынай. Падатак, які спаганяўся мясцовымі фінансавымі органамі з рэлігійных служыцеляў, складаў прыкладна 8% ад памеру іх сумарнага гадовага даходу [39, арк. 3]. Тым не менш, частай з’явай былі разнагалоссі паміж падатковымі інспекцыямі і рэлігійнымі служыцелямі наконт памераў даходаў і ўстаноўленых падаткаў. Рабіны і рэзнікі сцвярджалі, што падаткі празмерна завышаны (часам – да 60% заробку), але паколькі яны не маглі прадаставіць ніякіх дакументаў, якія б пацвярджалі іх рэальны заробак, падаткі, як правіла, не адмяняліся. Звычайнымі аргументамі яўрэйскіх рэлігійных служыцеляў было тое, што абшчына скарацілася, і што яны жывуць выключна за кошт добраахвотных ахвяраванняў нешматлікіх вернікаў [37, арк. 1–1 адв.]. Больш за тое, за нявыплату падатку назначаўся штраф, і калі ў асобы не хапала наяўных грошаў, то такі штраф спаганяўся каштоўнымі рэчамі. Напрыклад, калі ў 1929 г. рабін г. Віцебска А.І. Нямойцін не заплаціў падатак, то былі арыштаваны яго грошы на суму 164 руб., аблігацыі ўнутранага 10%-га займа 1927 г. выпуску, пасведчанне асобы (малюнак 2), а таксама жаночы залаты гадзіннік з ланцужком. Усе гэтыя каштоўнасці былі запячатаны ў канверт і пакінуты ў доме даўжніка. У сваю чаргу ён даў пісьмовае абавязацельства не ўскрываць яго да моманту аплаты доўга [21, арк. 9, 11]. Натуральна, мэтай падатковых органаў было атрымаць больш грашовых сродкаў, а рэлігійныя служыцелі наадварот былі зацікаўлены ў заніжэнні сваіх даходаў, пазначаных у дэкларацыях.

Акрамя грашовых, мясцовыя ўлады абкладалі насельніцтва натуральнымі падаткамі – “даводзілі цвёрдае заданне”. Напрыклад, у красавіку 1931 г. рэзніка м. Чарэя абавязалі здаць 350 літраў малака і 3 курыцы. Пасля скаргі ў раённую пракуратуру яму дазволілі вывесці куранят да восені і здаць іх пазней [40, арк. 497–498].

Вывучаемы перыяд з’яўляўся дастаткова нестабільным у палітычных адносінах, што ў сваю чаргу пацягнула за сабой і сацыяльныя трансфармацыі. Рэлігійныя дзеячы вымушаны былі адчуць на сабе змену сацыяльнага статусу. Выпадкі адмовы рабінаў і рэзнікаў ад культывавай дзейнасці асабліва пачасціліся з канца 1920-х гг. Некаторыя з іх уладкоўваліся на некваліфікаваную працу, але пры гэтым змена сацыяльнага стану не заўсёды азначала адмову ад прыхільнасці да іўдаізму: былыя рэлігійныя служыцелі працягвалі займаць актыўную грамадскую пазіцыю [41, арк. 29].

Малюнак 2. – Пасведчанне асобы Аўсея Ёселевіча Нямойціна – рабіна г. Віцебска, 1929 г. [21, арк. 14 адв.]

Як правіла, адмова рабінаў і рэзнікаў ад сваёй дзейнасці была вымушанай, і пры гэтым яны павінны былі заявіць пра гэта публічна – праз паведамленні ў мясцовых перыядычных выданнях (як правіла, у акруговых і гарадскіх газетах) [15, арк. 35]. Можна меркаваць, што гэтае дзеянне ў асаблівай ступені з'яўлялася прыніжальным для рабінаў, паколькі яны, як асобы з найбольш высокім статусам у абшчыне, павінны былі заявіць пра зняцце з сябе сваіх абшчынных паўнамоцтваў. Дадзеныя працэсы з'яўляліся складовай часткай агульнай рэпрэсіўнай палітыкі савецкай улады, накіраванай супраць рэлігіі. Толькі за перыяд 1930 – 1938 гг. органамі АДПУ–НКУС БССР было праведзена следства па справах 12 гэтак званых контррэвалюцыйных арганізацый, членамі якіх нібыта з'яўляліся служыцелі разнастайных рэлігійных культаў. Арганізатарамі дзвюх арганізацый былі прызнаны рабіны Мінска, Віцебска, Бабруйска і Оршы [42, с. 307–308]. Акрамя таго, некаторыя рабіны адмаўляліся ад сваіх пасадаў праз паважны ўзрост і стан здароўя. [22, арк. 8]. Мелі месца выпадкі, калі яны заяўлялі, што колькасць веруючых яўрэяў у горадзе ці мястэчку значна скарацілася, і абшчына адмовілася ад іх паслуг, і па гэтай прычыне яны больш не займаюцца рэлігійнай дзейнасцю [37, арк. 1–1адв.]. Ёсць падставы не лічыць такія паведамленні цалкам праўдзівымі, паколькі яны маглі ажыццяўляцца з мэтай скарачэння спаганяемых падаткаў. Часта пасля адмовы ад пасады рабіны і рэзнікі выбіралі сабе прафесіі ўсё ж якімсьці чынам звязаныя з яўрэйскай рэлігіяй (навучалі дзяцей у хедарах, уладкоўваліся вартунікамі ў сінагогах) альбо займаліся гандлем, скупкай сельскагаспадарчай прадукцыі, станавіліся беспрацоўнымі [43, арк. 19; 44, арк. 233адв.]. Некаторыя рэзнікі працягвалі займацца сваім рамяством у крыху трансфармаваным выглядзе, у прыватнасці, уладкоўваліся на працу звячэйнымі мяснікамі, наладжвалі вытворчасць кашэрных каўбас і да т.п. [16, арк. 23].

Заклучэнне. Такім чынам, на працягу даследуемага перыяду сацыяльна-побытавыя ўмовы дзейнасці рабінаў і рэзнікаў у БССР былі дастаткова складанымі. У цэлым іх можна ахарактарызаваць нарастаннем негатывных тэндэнцый, звязаных са скарачэннем колькасці рэлігійных служыцеляў і менш імклівай ліквідацыяй абшчын. Выкананне абавязкаў рабінамі і рэзнікамі ўскладнялася ўзроставымі фактарамі: найбольш шматлікай узроставай групай з'яўляліся асобы, старэйшыя за 50 гадоў. Матэрыяльны даход рэлігійных служыцеляў, як правіла, быў невысокім, і асноўная яго частка затрачвалася на ўтрыманне жылля і сям'і, без магчымасці зрабіць зберажэнні. Улічваючы існыя ўмовы, пагоршаныя савецкай антырэлігійнай палітыкай, цалкам заканамерным з'яўляўся працэс паступовага аслаблення пераемнасці ў дадзенай прафесіі: дзеці рабінаў і рэзнікаў імкнуліся атрымаць спецыяльную адукацыю і перасяліцца з мястэчак.

ЛІТАРАТУРА

1. Герасимова, И. Противостояние белорусских раввинов антиклерикальной политике советской власти в 1920–30-е гг. / И. Герасимова // Репрессивная политика советской власти в Белоруссии : сб. науч. работ / Междунар. ист.-просвет., правозащ. и благотвор. общество «Мемориал». – Минск, 2007. – Вып. 2. – С. 230–252.
2. Фишман, Д.Э. Религиозные лидеры советского еврейства (1917–1934 гг.) / Д.Э. Фишман // Исторические судьбы евреев в России и СССР: начало диалога : сб. ст. / Свободный Еврейский Университет в Москве ; отв. ред. И. Крупник. – М., 1992. – С. 189–199.
3. Васильев, И. Династия Медалье / И. Васильев. – М. : Еврейский музей и центр толерантности, 2014. – 120 с.
4. Еврейские лидеры. Со времен Мишны и до наших дней / сост. А. Кац [и др.] ; отв. ред. Ц. Вассерман. – Иерусалим : Швут Ами, 2007. – 641 с.
5. Зельцер, А. Евреи советской провинции: Витебск и местечки 1917–1941 / А. Зельцер. – М. : РОССПЭН, 2006. – 478 с.
6. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 4-п. Воп. 1. Спр. 11834.
7. Константинов, В. Еврейское население бывшего СССР в XX веке (социально-демографический анализ) / В. Константинов. – Иерусалим : ЛИРА, 2007. – 307 с.
8. Дзяржаўны архіў Мінскай вобласці (ДАМн). – Ф. 3. Воп. 1. Спр. 315.
9. Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці (ДАВц). – Ф. 56. Воп. 6. Спр. 96.
10. ДАМн. – Ф. 3. Воп. 1. Спр. 39.
11. ДАМн. – Ф. 5. Воп. 1. Спр. 41.
12. Зингер, Л.Г. Еврейское население СССР / Л.Г. Зингер. – М. : Издание ЦК ОРТ, 1927. – 43 с.
13. Занальны Дзяржаўны архіў у г. Оршы (ЗДАОрш). – Ф. 1358. Воп. 1. Спр. 17.
14. Дзяржаўны архіў грамадскіх аб'яднанняў Магілёўскай вобласці. – Ф. 6577. Воп. 1. Спр. 271.
15. ДАВц. – Ф. 123. Воп. 4. Спр. 732.
16. ДАВц. – Ф. 449. Воп. 4. Спр. 763.
17. НАРБ. – Ф. 4-п. Воп. 1. Спр. 2424.
18. ДАВц. – Ф. 449. Воп. 4. Спр. 1785.
19. ДАВц. – Ф. 735. Воп. 1. Спр. 119.
20. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. X.: Белорусская Советская Социалистическая Республика. Отдел 1. Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. – М. : Издательство ЦСУ СССР, 1928. – 289 с.
21. ДАВц. – Ф. 449. Воп. 5. Спр. 1913.
22. ДАВц. – Ф. 123. Воп. 3. Спр. 740.
23. ДАВц. – Ф. 449. Воп. 4. Спр. 27.
24. Волков, А.Г. Брак и семья / А.Г. Волков // Население СССР. Справочник / под общ. ред. Л.М. Володарского. – М., 1983. – С. 79–101.
25. Кто живет в Беларуси / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы ; А.В. Гурко [и др.]. – Минск : Беларуская навука, 2012. – 799 с.
26. ДАВц. – Ф. 449. Воп. 4. Спр. 1487.

27. ДАВц. – Ф. 1821. Воп. 1. Спр. 96.
28. ЗДАОрш. – Ф. 162. Воп. 11. Спр. 58.
29. ДАВц. – Ф. 449. Воп. 1. Спр. 2639.
30. ДАВц. – Ф. 449. Воп. 4. Спр. 1101.
31. ДАВц. – Ф. 1016. Воп. 1. Спр. 4.
32. ДАВц. – Ф. 1016. Воп. 1. Спр. 20.
33. ДАВц. – Ф. 543. Воп. 1. Спр. 41.
34. ДАВц. – Ф. 1734. Воп. 1. Спр. 191.
35. ДАВц. – Ф. 123. Воп. 1. Спр. 1313.
36. НАРБ. – Ф. 4-п. Воп. 1. Спр. 11852.
37. ДАВц. – Ф. 449. Воп. 5. Спр. 1588.
38. ДАВц. – Ф. 144. Воп. 1. Спр. 5.
39. ДАВц. – Ф. 449. Воп. 5. Спр. 1534.
40. ДАВц. – Ф. 811. Воп. 1. Спр. 68.
41. НАРБ. – Ф. 4-п. Воп. 1. Спр. 11867.
42. Протько, Т.С. Становление советской тоталитарной системы в Беларуси (1917–1941 гг.) / Т.С. Протько. – Минск : Тесей, 2002. – 688 с.
43. ДАВц. – Ф. 118. Воп. 4. Спр. 18.
44. ДАВц. – Ф. 118. Воп. 4. Спр. 43.

Пастуніў 07.04.2022

СОЦИАЛЬНО-БЫТОВЫЕ УСЛОВИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РАВВИНОВ И РЕЗНИКОВ В БЕЛОРУССКОЙ ССР В 1920-е – 1930-е гг.

К.Г. КАРПЕКИН

Исследование посвящено социально-бытовым условиям деятельности раввинов и резников в Белорусской ССР в 1920-е – 1930-е гг. В качестве источниковой базы использованы документы Государственного архива Витебской области, Государственного архива Минской области, Государственного архива общественных объединений Могилевской области, Зонального государственного архива в г. Орше, Национального архива Республики Беларусь.

Изученные архивные материалы свидетельствуют, что на протяжении 1920-х – 1930-х гг. социально-бытовые условия деятельности раввинов и резников в БССР были достаточно сложными. В целом их можно охарактеризовать ростом отрицательных тенденций, связанных с сокращением количества религиозных служителей и не менее стремительной ликвидацией общин. Исполнение обязанностей раввинами и резниками осложнялось возрастным фактором: наиболее многочисленной группой были лица старше 50 лет. Материальный доход религиозных служителей, как правило, был невысоким, и основная его часть тратилась на содержание дома и семьи, без возможности сделать какие-либо накопления. Учитывая такие условия, усиленные советской антирелигиозной политикой, целиком закономерным является процесс постепенного ослабления преемственности в данной профессии: дети раввинов и резников стремились получить светское образование и переселиться из местечек.

Ключевые слова: Белорусская ССР, династия, жилищные условия, материальный доход, налоги, раввин, резник, семья, социально-бытовые условия.

THE SOCIAL AND EVERYDAY CONDITIONS OF THE ACTIVITIES OF RABBIS AND CARVERS IN THE BYELORUSSIAN SSR IN THE 1920s – 1930s

K. KARPEKIN

The study is devoted to the social and everyday conditions of rabbis and carvers in the Byelorussian SSR in the 1920s–1930s. Documents stored in the State Archive of the Vitebsk Region, the State Archive of the Minsk Region, the State Archive of Public Associations of the Mogilev Region, the Zonal State Archive in Orsha, the National Archives of the Republic Belarus.

The studied archival materials indicate that during the 1920s–1930s. the social and everyday conditions of the activities of rabbis and carvers in the BSSR were quite difficult. In general, they can be characterized by increasing tensions related to the reduction in the number of religious ministers and the simultaneous preservation of communities. The performance of duties by rabbis and carvers was complicated by the age factor: the largest age group were people over 50 years old. The material income of religious ministers, as a rule, was low, and most of it was spent on the maintenance of the house and family, without the ability to make any savings. Given the prevailing conditions, aggravated by Soviet anti-religious policies, the process of gradually weakening continuity in this profession is quite logical: the children of rabbis and carvers sought to gain a secular profession and move from places.

Keywords: Belarusian SSR, carver, dynasty, family, housing conditions, material income, rabbi, social and living conditions, taxes.

УДК 930.2:003.74(0.032)+316.772.4+94(47).043“1180/1227”

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ МЕЖДУ ПРАВИТЕЛЯМИ В «ХРОНИКЕ ЛИВОНИИ»

канд. ист. наук, доц. Ю.Н. КЕЖА

(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)

e-mail: j.kezha@psu.by

В статье анализируются случаи политической коммуникаций между правителями, зафиксированные в латинском источнике начала XIII в., известном как «Хроника Ливонии» Генриха Латвийского (лат. *Heinrici Cronicon Lyvonie*). На основании изучения контактов между основными действующими лицами, фигурирующими в «Хронике», основное внимание обращено на титулатуру правителей, а также формы, способы, ожидаемые результаты и итоги политической коммуникации между ними. Анализ титулатуры, используемый в «Хронике Ливонии» показывает, что автор, одинаково часто употребляет европейский королевский титул «король» («rex», «rege») к христианским правителям Западной и Восточной Европы. Данное обстоятельство подчёркивает высокий статус древнерусских князей как равноправных участников политического диалога.

При рассмотрении контактов между правителями можно условно выделить два вида политической коммуникаций: между древнерусскими князьями и крестоносцами, а также между древнерусскими князьями и вождями прибалтийских племенных объединений. В сообщениях, где упоминаются контакты между крестоносцами и древнерусскими князьями, основными целями и результатами политического диалога являются заключение мирных соглашений и предотвращение нападений, договоры о вступлении некоторых князей в вассальную зависимость от рижского епископа, а также перераспределение сфер влияния. При анализе сообщений о коммуникациях между вождями прибалтийских племенных объединений и древнерусскими князьями в качестве основных целей контактов выступают: заключение мира и военного союза; совместные военные действия против немецких колонистов; просьба о военной защите против крестоносцев. Центральным эпизодом большинства случаев контактов между правителями является вручение даров заинтересованной стороной. Таким образом, рассмотрение контактов, соглашений и договоров между основными политическими фигурами «Хроники Ливонии» даёт возможность исследовать средневековое восприятие образа правителя в коммуникативном аспекте.

Ключевые слова: «Хроника Ливонии», князья Рюриковичи, немецкие епископы, крестоносцы, ливы, литовцы, эсты.

Введение. Категория политической власти представляет одну из ключевых основ любого сообщества. В раскрытии её образов проявляются представления современников об окружающем мире и его структуре. При изучении средневековой потестарной имагологии¹, на первый план выступает коммуникативный аспект, направленный на исследование форм и способов коммуникации, между субъектами властных отношений [10]. При раскрытии подобного рода контактов, которые осуществляются, как правило, символическими средствами, подтверждается или оспаривается существующий порядок, проявляются ожидания или опасения различных категорий населения: от правящей элиты до подвластного большинства [3].

При рассмотрении образов правителей, наше внимание будет направлено, в первую очередь, на способы и формы ведения политического диалога и заключения соглашений между правителями, так как средневековая власть существовала в первую очередь в коммуникативном поле. Её носитель должен был вести себя в соответствии со своим статусом, подкреплённым особыми ритуалами [1, с. 29].

Источником нашего исследования является «Хроника Ливонии» – манускрипт, написанный латинским священником Генрихом в первой трети XIII в.² Информация, содержащаяся в «Хронике Ливонии», подробно описывает процесс распространения латинского христианства и немецкой колонизации Прибалтийских земель в конце XII – начале XIII в. Помимо описания важнейших событий носящих уникальных характер, сообщения «Хроники» содержат информацию об отношениях между древнерусскими князьями, немецкими колонистами и балтийскими объединениями. В этой информации, передаваемой через титулатуру, описания столкновений, встреч и соглашений между правителями, проявляется восприятие латинским книжником статуса основных действующих лиц, фигурирующих в «Хронике»: князей Рюриковичей, немецких епископов и крестоносцев, западноевропейских монархов, вождей прибалтийских племён.

Титулатура правителей. Для понимания контактов между правителями особое значение имеет титулатура. К светским правителям, которые фигурируют в «Хронике», Генрих применяет титулы «король» («rex», «rege»), «старейшина» («senior»), «князь» («princeps»), «вождь» («dux»). К правителям Священной Римской Империи Оттону IV и Фридриху II употребляется титул «император» («imperatoris»).

¹ В русскоязычной историографии данное понятие одним из первых ввёл в научный оборот М.А. Бойцов. Под потестарной имагологией понимается направление исторических исследований, предметом которого является изучение образов власти [5, с. 5–37].

² «Хроника Ливонии» цитируется по русскому переводу С.А. Аннинского: Генрих Латвийский. Хроника Ливонии / редкол.: С.А. Аннинский [и др.]. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. – 608 с.

Термин «король» («rex», «rege») применяется как к западноевропейским монархам, так и древнерусским князьям. Королями Генрих называет полоцкого правителя Владимира, правителя Герцике Всеволода, правителя Кукенойса Вячко, новгородского князя Мстислава Мстиславича Удатного, его брата – Владимира Мстиславича псковского, киевского князя Мстислава Романовича. Также, данный титул используется по отношению к галицкому, смоленскому и владими́ро-суздальскому князьям³. Титул «великий король» Генрих употребляет к новгородскому князю Мстиславу Мстиславичу («rex magnus Nogardie Mystislawe»), полоцкому князю Владимиру («regi magno Woldemago») и киевскому князю Мстиславу Романовичу («magnus Mistoslawe de Kywa»).

Из прибалтийских правителей титул «король» единственный раз применяется к ливскому вождю Каупо⁴. В отличие от остальных правителей прибалтийских объединений, титулы которых в «Хронике» передаются как «старейшина(ны)» («senior», «seniors»), князь («princeps», «principe») или вождь («dux»), Каупо назван «королём или старейшиной ливов» («rex et senior Livonum») [6, с. 85]. Применение к Каупо титула «король» можно объяснить его лояльностью к немецким колонистам и приверженностью к христианству. Из всех племенных правителей Ливонии Каупо был единственным, кто был принят главой латинской церкви в Риме⁵.

Титул «князь» («dux») Генрих применяет в отношении славянского правителя Вацлава, который принимал участие в войне с эстами на стороне датского короля⁶. Таким же латинским титулом он обозначает саксонского герцога Альберта («dux Saxonie Albertus») [6, с. 203].

Помимо титулатуры, которая играет важную роль при освящении образов правителей, не менее важное значение имеет ряд символических действий, сопровождающий коммуникацию между ними.

Контакты между древнерусскими князьями и немецкими епископами. В самом начале немецкой колонизации бассейна Нижней Двины (1184 г.) латинский миссионер Мейнард получает согласие у полоцкого князя Владимира на распространение христианства среди прибалтийского племени ливов: *«Так вот получив позволение, а вместе и дары от короля полоцкого, Владимира, которому ливы, еще язычники, платили дань, названный священник смело приступил к божьему делу, начал проповедовать ливам и строить церковь в деревне Икесколе»* [6, с. 71]. Показательным выглядит акт вручения даров Мейнарду от полоцкого князя, что объясняется заинтересованностью Владимира в деятельности латинских миссионеров, которые, по всей видимости, рассматривались полоцким князем в качестве потенциальных вассалов, способных наладить инфраструктуру, постоянное присутствие и фискальный сбор с местного прибалтийского населения.

В 1206 г. Генрих сообщает о посольстве от рижского епископа Альберта в Полоцк: *«В начале восьмого года господин епископ, желая снискать дружбу и расположение Владимира, короля полоцкого, какие тот проявлял к его предшественнику, епископу Мейнарду, послал ему через аббата Теодериха боевого коня с вооружением, но по дороге литовцы-разбойники ограбили аббата. И он и спутники его потеряли все, что у них было, но сами остались здоровы и невредимы и прибыли к королю»* [6, с. 94]. Непосредственным началом политического диалога должны были стать престижные дары – «боевой конь с вооружением», которые так и не удалось доставить по назначению. Главная цель отправки посольства и даров – обезопасить рижские владения от нападения полоцкого войска, и, вероятно, заручиться поддержкой полоцкого князя против ливов, что по всей видимости, не имело успеха, так как полоцкий князь в этот период выступал в военных походах на стороне последних, оказывая им покровительство, как своим данникам [9, с. 120].

В 1210 г. происходят переговоры между полоцким князем и посланцами рижского епископа⁷. Результатом переговоров стало заключение мира между Полоцком и Ригой с сохранением ливской дани за Полоцком. Вероятно, территория Нижнего Подвинья в этот период ещё рассматривалась как территория, подконтрольная Полоцку. Колонизации прибалтийских земель крестоносцами и миссионерская деятельность рижского епископа

³ Практически во всех средневековых латинских источниках князья домонгольской Руси именовались «rex», что свидетельствует о восприятии латинскими книжниками Рюриковичей как правителей, не уступающих по объёмам власти и статусу западноевропейским монархам [11, с. 200, 208].

⁴ *«После того, как брат Теодорих, отправляясь в Тевтонию с пилигримами, в тот год воевавшими в Ливонии, как божьи крестоносцы, взял с собой одного лива из Торейды по имени Каупо, бывшего как бы королём или старейшиной ливов»* (Тут и далее выделено мной – Ю.К.) [6, с. 85].

⁵ *«Папа принял его весьма милостиво, поцеловал, много спрашивал о положении народов, живущих по Ливонии, и усердно благодарил бога за обращение ливонского народа. По истечении нескольких дней достопочтенный папа Иннокентий вручил упомянутому Каупо в подарок сто золотых, и когда тот пожелал вернуться в Тевтонию, простился с ним чрезвычайно ласково, благословил его, а епископу ливонскому через брата Теодериха послал библию, писанную рукой святого Григория папы»* [6, с. 85].

⁶ *«Поднялся в то время и король датский с большим войском, и пришли с ним достопочтенный архиепископ лундской церкви Андрей, епископ Николай и третий епископ, королевский канцлер, а также эстонский епископ Теодерих, ранее посвященный в Риге и оставивший ливонскую церковь, чтобы примкнуть к королю, и, наконец, Виццлав, князь славов, со своими»* [6, с. 195–196].

⁷ *«Арнольд, брат-рыцарь, послан был с товарищами к королю полоцкому узнать, не согласится ли он на мир и не откроет ли рижским купцам доступ в свои владения. Тот принял их с выражением благоволения и, высказав (правда, из хитрости) радость по поводу мира и успокоения, послал с ними Лудольфа, разумного и богатого человека из Смоленска, чтобы, по прибытии в Ригу, обсудить дела мира и справедливости. Когда они прибыли в Ригу и изложили желание короля, рижане согласились, и тогда в первый раз был заключен вечный мир между ними и королем, с тем однако, чтобы королю ежегодно платилась должная дань ливами или за них епископом. И рады были все, что теперь безопаснее могут воевать с эстами и другими языческими племенами. Так и оказалось»* [6, с. 136].

формально происходит во «владениях полоцкого короля». Проявлением политического диалога является «обмен посольствами» двух правителей и договорённость о «вечном мире». Спустя два года вновь состоялись переговоры между Владимиром Полоцким и Альбертом. Причина переговоров – обсуждение ливской дани. Встреча происходит у замка Герцике, который к 1212 г. являлся приграничной территорией между Полоцким княжеством и владениями рижского епископа. Альберт отправляется на встречу с Владимиром Полоцким с большим представительством: *«Епископ, взяв с собой своих людей и короля Владимира (бывшего псковского князя Владимира Мстиславича – Ю.К.), с братьями-рыцарями и старейшинами ливов и лэттов, отправился навстречу королю. С ним шли и купцы на своих кораблях»* [6, с. 152]. В свите Альберта находились вожди ливов и лэттов, что было призвано показать власть епископа над данными прибалтийскими племенами. Согласно средневековым представлениям, появление на переговорах сеньора в окружении слуг, которые могли занимать значительное место в социальной иерархии, придавала высокое социальное значение господину, было дополнительной возможностью убедительно продемонстрировать свою власть [2, с. 217]. Присутствием вождей ливов в свите Альберта демонстрируется вассальная зависимость бывших данников полоцкого князя от рижского епископа, что было призвано подкрепить отказ Владимиру Полоцкому в возвращении ливской дани.

Ещё одним русским князем, который одним из первых в 1205 г. пошёл на соглашение с рижским епископом Альбертом был правитель Куkenойса Вячко⁸. Среди русских городов Нижнего Подвинья замок (castrum) Куkenойс вместе с замком Герцике, где правил князь Всеволод неоднократно упоминается в контексте политических событий и войн на территории Ливонии. По мнению белорусских исследователей, создание и развитие Куkenойса и Герцике являлось проявлением княжеской колонизации земель в низовьях Западной Двины [13, с. 62], а князя Вячко и Всеволод до активной экспансии крестоносцев в Прибалтике находились в вассальной зависимости от Полоцка [7, с. 227]. Также в белорусской историографии прочно утвердилось мнение, что борьба этих городов-замков была проявлением общего сопротивления экспансии крестоносцев. Главным центром данного сопротивления выступал Полоцк под властью князя Владимира – верховного сюзерена подвинских городов [7, с. 227; 8, с. 228–229, 9, с. 123]. Однако даже самый поверхностный анализ сообщения о первых контактах князя Вячко с епископом Альбертом позволяет оспорить данный вывод. В сообщении 1205 г. князь Куkenойса выступает как независимый от Владимира правитель, который добровольно принимает решение о вступлении в вассальную зависимость от рижского епископа: *«После рукопожатий и взаимных приветствий он тут же заключил с тевтонами прочный мир»* [6, с. 93]. Интересующими нас символическими действиями, подчёркивающими заключение соглашения, являются рукопожатия и взаимные приветствия, что вероятно, предусматривало произнесение неких этикетных формул. В 1206 г. Вячко отдаёт Альберту половину своих владений и становится вассалом епископа в надежде обезопасить свои владения от нападения литовцев. С целью подкрепления договорённости о предоставлении защиты, Альберт вручает Вячко дары и князь Куkenойса возвращается в свой город⁹.

В следующий раз дары от епископа Альберта Вячко получает в 1208 г. Одаривание правителя Куkenойса осуществляется с целью примирения его с рыцарем Даниилом из Левенвардена. В ходе конфликта с Даниилом Вячко был изгнан из своих владений. В результате переговоров, инициированных епископом Альбертом, прежние владения были Вячко возвращены. Итогом приглашения епископа и вручения даров стало примирение двух вассалов Альберта и обеспечение преданности Вячко епископу, которая, впрочем, продлилась не долго¹⁰.

В 1209 г. в зависимость от рижского епископа попадает правитель Герцике Всеволод. Этому предшествовало столкновение и осада крестоносцами Герцике, в результате чего Всеволод бежал из крепости, а сам город был разграблен войском крестоносцев. Супруга Всеволода, которая Генрихом названа «королевой» («regina»), была захвачена и представлена епископу. Всеволод приезжает в Ригу и соглашается на условия мира: *«Явившись, тот просил простить его проступки, называл епископа отцом, а всех латинян братьями по христианству и умолял забыть прошлое зло, заключить с ним мир, вернуть ему жену и пленных»* [6, с. 127]. Всеволод обязался прекратить контакты с языческими племенами Ливонии. Отдельно оговаривалось, что правитель Герцике не будет «вместе с литовцами разорять земли русских христиан» [6, с. 127]. После данного Всеволодом обязательства ему было возвращено его владение: *«Передав свое королевство той же церкви, он получил его вновь из рук епископа через торжественное вручение трех знамен, признал епископа отцом и утверждал, что впредь будет открывать ему все злые замыслы русских и литовцев»* [6, с. 127].

⁸ *«Когда король Вячко из Куkenойса услышал, что пришли латинские пилигримы и поселились по соседству всего в трех милях от него, с тевтонами он, добыв через гонца пропуск от епископа, отправился к нему на корабле вниз по реке. После рукопожатий и взаимных приветствий он тут же заключил с тевтонами прочный мир, который, впрочем, недолго продолжался. По заключении мира, простившись со всеми, он радостно возвратился к себе»* [6, с. 92–93].

⁹ *«Когда король Куkenойса Вячко услышал о прибытии епископа и пилигримов, он вместе со своими людьми, вышел им навстречу и по прибытии в Ригу был принят всеми с почетом. Проведя в самой дружественной обстановке в доме епископа много дней, он наконец попросил епископа помочь ему против нападений литовцев, предлагая за это половину своей земли и своего замка. Это было принято, епископ почтил короля многими дарами, обещал ему помощь людьми и оружием, и король с радостью вернулся домой»* [6, с. 107–108].

¹⁰ *«Епископ вместе со всеми своими был очень огорчен и не одобрил сделанного, велел вернуть короля в его замок и возвратить ему все имущество, затем, пригласив короля к себе, с почетом принял его, подарил ему коней и много пар драгоценной одежды; во время праздника пасхи самым ласковым образом угощал его и всех его людей и, усыпив всякую вражду между ним и Даниилом, с радостью отпустил его домой»* [6, с. 114].

По своим символическим действиям, данная церемония напоминает присягу, которую произносит вассал своему сюзеру вступая под его покровительство. Также в действиях, которые описаны Генрихом, можно увидеть символическое проявление смирения светского правителя перед церковным иерархом, которое неоднократно имело место в истории средневековья [14, с. 173–188]. Три знамени, про которые говорит Генрих, в данном случае символизируют власть над Герцике и его округой («королевством Всеволода»). Показательно выглядят символические действия: сначала Всеволод передаёт «своё королевство церкви», а затем получает его обратно из рук епископа в виде «трёх знамён».

Одним из условий вассальной зависимости Всеволода от рижского епископа было посещение князем своего сюзерена. Отказ от посещения епископа стал одной из причин похода на Герцике и разорения замка крестоносцами: *«Между тем рыцари из Куkenойса, Мейнард, Иоанн, Нападение Иордан и другие обвиняли короля Герцике Всеволода в том, что он уже много лет не является к отцу своему епископу, после того как получил от него свое королевство, а в то же время постоянно помогает литовцам и советом и делом»* [6, с. 164].

Анализируя контакты и символические действия, которые велись князьями Куkenойса и Герцике с рижским епископом, можно заключить, что Вячко и Всеволод до вступления в зависимость от Альберта выступали как самостоятельные правители, заинтересованные в сохранении своей власти. Наибольшую активность на начальном этапе контактов с крестоносцами проявил Вячко, выказав в 1205 г. желание в заключении соглашения с епископом. В 1209 г. в покровительство к Альберту после военного поражения от рижан вступает Всеволод. О самостоятельности Всеволода до этого времени свидетельствует упоминание, что он вместе с литовцами разорял «русские земли», и, следовательно, не зависел от соседнего Полоцка. В самом начале XIII в. во время походов Владимира Полоцкого на Икскюль (1203) и Ригу (1206) Вячко и Всеволод проигнорировали военные мероприятия полоцкого князя и не могли находиться в вассальной зависимости от него [4, с. 11]. Как независимые правители Вячко и Всеволод проявляют себя и после разрыва соглашений с Ригой. В 1208 г. Вячко приказывает уничтожить немецкий гарнизон Куkenойса, после чего отправляет посольство к полоцкому князю Владимиру с целью заключения союза против рижан: *«После этого тот же король (Вячко – Ю.К.) послал великому королю Владимиру лучших тевтонских коней, баллисты, панцири и тому подобное, а вместе с тем просил и советовал собрать войско как можно скорее и идти брать Ригу, где, сообщил он, осталось мало народу, причем лучшие убиты им, а прочие ушли с епископом»* [6, с. 115]. При дипломатическом контакте Вячко с полоцким князем основой коммуникации между правителями являются дары. Вячко преподносит полоцкому князю «лучших тевтонских коней, баллисты, панцири и тому подобное», тем самым демонстрируя захваченные тевтонские трофеи и удостоверяя его в слабости ливонских сил. Итогом этих событий стал поджог войском Вячко замка Куkenойс и его уход к новгородцам. В дальнейшем он получает в управление крепость Юрьев (Дерпт), где правит до своей гибели в 1224 г.

В «Хронике Ливонии» зафиксированы случаи контактов между князем Владимиром Мстиславичем и епископом Альбертом. Согласно «Хронике», в 1211 г. Владимир Мстиславич был изгнан из Пскова и, после недолгих скитаний, нашёл прибежище у рижского епископа. До своего ухода из Пскова между Владимиром и Альбертом был заключён матримониальный союз – дочь Владимира была выдана замуж за Теодориха – младшего брата епископа Альберта. Таким образом, рижский епископ рассматривался Владимиром как важный, и, возможно, на тот момент единственный союзник. Под 1212 г. Генрих сообщает о торжественной встрече Альберта в Риге, в которой принимал участие Владимир Мстиславич: *«Настал от воплощения господня 1212 год, епископства же четырнадцатый, и вновь церковь ливонская радовалась прибытию епископа с пилигримами. Все вышли навстречу ему, вместе с королем Владимиром, и приняли его, вознося хвалы богу. И дал епископ благословение королю и щедро одарил его всем, что привез из Тевтонии, и велел в знак уважения снабжать его всем вдоволь»* [6, с. 151]. Несмотря на то, что Владимир Мстиславич был лишён псковского княжения и не обладал фактической властью на землях Руси, Генрих называет его «королём» («*rege Woldemarо*») наряду с другими древнерусскими князьями, которые фигурируют в «Хронике». Епископ принимает покровительство над бывшим псковским князем, о чём может свидетельствовать его благословение и дары, которые он вручает Владимиру. Помимо этого, Альберт брал Владимира на содержание («*велел в знак уважения снабжать его всем вдоволь*»), что также ставило князя в зависимость от епископа. Позже Владимир получил от Альберта должность судьи в области Идумея, которую он занимал в период отсутствия своего зятя Теодориха [6, с. 160].

Контакты между древнерусскими князьями и прибалтийскими вождями. В процессе немецкой и датской колонизации земель Ливонии экспансия крестоносцев и их попытки христианизации местного населения вызывали ответное сопротивление. В ряде случаев для борьбы с крестоносцами местные вожди обращались за военной помощью к древнерусским князьям. В «Хронике Ливонии» под 1213 г. зафиксировано обращение литовского правителя Даугерутэ к новгородскому князю Мстиславу Мстиславичу: *«В это время Даугерутэ, отец жены короля Всеволода (правителя Герцике – Ю.К.), с большими дарами отправился к великому королю новгородскому и заключил с ним мирный союз»* [6, с. 161]. Как и в большинстве сообщений о контактах между правителями, одной из ключевых форм начала политического диалога является вручение даров. Определённую роль в данном случае играют матримониальные связи Даугерутэ с князем Герцике Всеволодом, который приходился зятем литовского вождя, и, несмотря на клятвы в верности рижскому епископу, оказывал помощь литовцам в набегах на ливонские земли [6, с. 164].

В 1217 г. старейшины эстов вручают дары древнерусским князьям с целью осуществления совместного похода на Ливонию¹¹. Основным адресатом даров был приглашённый новгородцами из Смоленска Святослав

¹¹ *«После того как он (епископ Альберт – Ю.К.) прибыл в Ригу, эсты отправили русским много даров, прося прийти с войском, чтобы разрушить ливонскую церковь. Но великий король Новгородца Мстислав в то время был в походе против короля Венгрии,*

Мстиславич, сын киевского князя Мстислава Романовича [12, с. 102]. Ответными действиями новгородского князя на дары была отправка посольства к эстам с обещанием в короткие сроки собрать войско и выступить на помощь. Новгородский князь назначил время сбора войска на р. Пале 6 сентября, однако новгородское войско к эстам так и не пришло. Битва с крестоносцами при Вильянди 21 сентября 1217 г. закончилась разгромом эстов и гибелью их вождя Лембита [6, с. 186].

Невыполнение Святославом обещания объясняется тем, что князь, который недавно занял новгородский стол, до конца не понимал особенность политической системы Новгорода, когда приоритет в принятии политических решений находился у горожан [12, с. 103]. Однако показательно, что при дипломатической коммуникации с посольством эстов, Святослав после принятия даров даёт согласие на военную помощь, что объясняется заинтересованностью князя в совместном военном мероприятии против крестоносцев Ливонии.

В 1223 г. русским князьям вручаются дары от старейшин из эстонской области Саккалы. Как и в предыдущем случае, основная цель вручения даров – организация масштабного военного похода в Ливонию: «*Между тем старейшины из Саккалы посланы были в Руссию с деньгами и многими дарами попытаться, не удастся ли призвать королей русских на помощь против тевтонов и всех латинян. И послал король суздальский своего брата, а с ним много войска в помощь новгородцам; и шли с ним новгородцы и король псковский со своими горожанами, а было всего в войске около двадцати тысяч человек*» [6, с. 231]. Конкретные адресаты посольства эстонских старейшин Генрихом не указаны. На призыв старейшин Саккалы откликнулся владими́ро-суздальский князь Юрий Всеволодович, который отправил своего брата Ярослава на помощь новгородцам, а также псковский князь Владимир Мстиславич.

Князь Ярослав Всеволодович вступил в Унгавию под Дерпт (Юрьев). Жители крепости прислали князю дары, прося о помощи против ливонских рыцарей: «*Пришли они в Унгавию под Дорпат и прислали им жители Дорпата большие дары, передали в руки короля братьев-рыцарей и тевтонов, которых держали в плену, коней, баллисты и многое другое, прося помощи против латинян. И поставил король в замке своих людей, чтобы иметь господство в Унгавии и во всей Эстонии. И ушел в Одемэ, где поступил также*» [6, с. 232]. Ответными действиями Ярослава на дары от жителей Унгавии было принятие князем покровительства над Дерптом, а также крупным центром угандийских эстов – крепостью Оденпе (Медвежья голова).

Заключение. В соответствии с анализом сообщений «Хроники Ливонии», где упоминаются контакты между различными правителями, было обращено особое внимание на несколько ключевых аспектов: титулатуру правителей; формы, способы и ожидаемые результаты политических контактов между немецкими колонистами и древнерусскими князьями; формы, способы и цели коммуникации между древнерусскими князьями и вождями прибалтийских объединений. Исходя из анализа титулатуры, используемой Генрихом, можно сделать заключение, что хронист одинаково часто употребляет европейский королевский титул к христианским правителям Западной и Восточной Европы. Данное обстоятельство подчёркивает высокий статус древнерусских правителей как равноправных участников политического диалога. Применительно к правителям ступом ниже короля, которыми в «Хрониках» выступают языческие вожди прибалтийских племён, а также христианские аристократы, сражающиеся на стороне немецких и датских пилигримов, Генрих употребляет западноевропейские титулы «*princesps*», «*senior*», «*dux*».

В сообщениях, где упоминаются коммуникации между крестоносцами и древнерусскими князьями, основными целями и результатами контактов являются: 1) заключение мирных соглашений и предотвращение нападения¹²; 2) договоры, предусматривающие вступление некоторых князей в вассальную зависимость от рижского епископа¹³ или сохранение данной зависимости¹⁴; 3) перераспределение сфер влияния.¹⁵ При анализе сообщений о коммуникациях между вождями прибалтийских племенных объединений и древнерусскими князьями, основными целями контактов были: 1) заключение мира и военного союза¹⁶; 2) совместные военные действия против немецких колонистов¹⁷; 3) просьба о военной защите против крестоносцев¹⁸.

Центральным эпизодом большинства случаев контактов между правителями является вручение даров заинтересованной стороной. Преподнесение даров при переговорах производилось в нескольких случаях. Дары могли вручаться при обстоятельствах, когда принимающий подарки признавал зависимость от дарящего. Подобные казусы описаны Генрихом под 1206 г. при вручении даров рижского епископа Альберта князю Кукенойсе

готовясь биться за Галицкое королевство, а на престоле своем в Новгороде оставил нового короля. Этот же, отправив послов в Эстонию, обещал притти с большим войском вместе с королем Владимиром и множеством других королей. И обрадовались эсты и послали людей по всей Эстонии и собрали весьма большое и сильное войско и стали у Палы в Саккале. Их князь и старейшина, Лембит, созвал людей из всех областей, и явились к ним и роталицы, и гарионцы, и виронцы, и ревелицы, и гервенцы, и люди из Саккалы. Было их шесть тысяч и ждали все пятнадцать дней в Саккале прибытия русских королей» [6, с. 185].

¹² Посольство рижского епископа в Полоцк 1206 г., переговоры между Владимиром Полоцким и посланцами рижского епископа в 1210 г.

¹³ Договор князя Кукенойсе Вячко и епископа Альберта в 1206 г., договор Альберта с князем Герцике Всеволода в 1209 г., соглашение между Альбертом и Владимиром Мстиславичем в 1212 г.

¹⁴ Соглашение Вячко и епископа Альберта в 1208 г.

¹⁵ Переговоры между епископом Альбертом и Владимиром Полоцким в 1212 г.

Отдельно стоит упомянуть про контакты между Владимиром Полоцким и князем Кукенойсе Вячко инициированные последним в 1208 г. с целью совместного нападения на Ригу.

¹⁶ Дары литовского правителя Даугерутэ новгородскому князю для заключения мира в 1213 г.

¹⁷ Отправка даров эстами новгородскому князю Святославу Мстиславичу в 1217 г. с целью осуществления совместного похода на Ливонию, дары от старейшин из эстонской области Саккалы русским князьям в 1223 г.

¹⁸ Дары жителей Дерпта (Юрьева) Ярославу Всеволодовичу в 1223 г.

Вячко, под 1208 г., когда Альберт как покровитель Вячко вручает ему дары с целью его примирения с Даниилом из Левенвардена. В 1212 г. Альберт вручает дары бывшему псковскому князю Владимиру Мстиславичу и принимает его под своё покровительство. Вручение даров господином своим вассалам призвано было, с одной стороны, стать залогом их верности, с другой – обозначало зависимость принимающего подарка от дарителя.

Преподнесение даров осуществлялось с целью заключения мирного соглашения или союза, а также получения военной помощи. Подобные случаи встречаются в сообщениях Генриха под 1206 г. при описании посольства рижского епископа к полоцкому князю Владимиру, под 1208 г., когда Вячко отправляет дары Владимиру для осуществления похода на Ригу. В 1213 г. дары новгородскому князю Мстиславу Мстиславичу вручает литовский вождь Даугерутэ для заключения мира. В 1217 г. дары русским князьям преподносят старейшины эстов с целью осуществления совместного похода в Ливонию. Под 1223 г. сообщается о вручении даров древнерусским князьям старейшинами эстонской области Саккала.

Таким образом, рассмотрение контактов, соглашений и договоров между основными политическими фигурами «Хроники Ливонии», даёт возможность исследовать средневековое восприятие образа правителя в коммуникативном аспекте. В дальнейшем подобного рода исследования могут иметь перспективу в понимании характера политических процессов, особенностей политического символизма и коммуникации в средневековой Восточной Европе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беспальчикова, Я. Дары в дипломатической практике Теодориха Великого / Я. Беспальчикова // *Vox medii aevi*. – 2018. – Vol. 1(2). – С. 29–45.
2. Блок, М. Феодальное общество / М. Блок. – М.: Изд. им. Сабашниковых, 2003. – 504 с.
3. Бойцов, М.А. Потестарная имагология Средневековья как область междисциплинарных исследований [Электронный ресурс] / М.А. Бойцов. – Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/Labs/UkrBel/bojcov.htm>. – Дата доступа: 20.11.2021.
4. Бохан, Ю. Полацкае княства і пачатак крыжацкай агрэсіі ў Прыбалтыцы / Ю. Бохан // *ARCHE*. – 2010. – № 10. – С. 8–16.
5. Власть и образ: Очерки потестарной имагологии / Отв. ред. М.А. Бойцов, Ф.Б. Успенский. – СПб.: Алетейя, 2010. – 384 с.
6. Генрих Латвийский. Хроника Ливонии / редкол.: С.А. Аннинский [и др.]. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. – 608 с.
7. Гісторыя Беларусі : У 6 т. / Рэдкал: М. Касцюк (гал. рэд.) і інш. – Мінск : “Экаперспектыва”, 2000. – Т. 1 Старажытная Беларусь: Ад першапачатковага засялення да сярэдзіны XIII ст. – 351 с.
8. Ермаловіч, М. Старажытная Беларусь: Полацк і новагарод. Перыяды / М. Ермаловіч. – Мінск : Маст. Літ., 2001. – 366 с.
9. Рьер, Я.А. Правитель и общество на белорусских землях в XIII – первой трети XV в.: основные механизмы политогенеза, легитимизации и сакрализации власти / Я.А. Рьер. – Могилёв: МГУ им. А.А. Кулешова, 2020. – 256 с.
10. Санников, С.В. Потестарная имагология и семиотика: «образ власти» как междисциплинарный феномен / С.В. Санников // *Universum: филология и искусствоведение: электрон. научн. журн.* – 2017. – № 2(36).
11. Федосов, А.В. Королевство Русь. Древняя Русь глазами западных историков. / А.В. Федосов, К. Раффенспергер. – М.: Центрполиграф, 2021. – 254 с.
12. Хрусталёв, Д.Г. Северные крестоносцы. Русь в борьбе за сферы влияния в Восточной Прибалтике XII–XIII вв. / Д.Г. Хрусталёв. – СПб.: Евразия, 2019. – 624 с.
13. Штыхов, Г.В. Киев и города Полоцкой земли / Г.В. Штыхов // *Киев и западные земли Руси в IX–XIII вв.* – Минск, 1982. – С. 45–80.
14. Althoff, G. Rules and Rituals in Medieval Power Games. A German Perspective. / G. Althoff. – Leiden–Boston : Brill., 2019. – 282 p.

Поступила 30.06.2022

POLITICAL COMMUNICATION BETWEEN RULERS IN THE "LIVONIAN CHRONICLE"

Y. KEZHA

The article analyzes the cases of political communications between the rulers recorded in a Latin source known as the “Livonian Chronicle” by Henry of Latvia (Latin Heinrici Cronicon Lyvoniae) at the beginning of the 13th century. Based on the study of contacts between the main characters who appear in the “Chronicle”, the main attention is paid to the titles of the rulers, as well as the forms, methods, expected results and results of political communication between them. The analysis of the titles used in the “Livonian Chronicle” shows that the author equally often uses the European royal title (“rex”, “rege”) regarding the Christian rulers of Western and Eastern Europe. This circumstance emphasizes the high status of the Russian princes as equal participants in the political dialogue.

When considering contacts between rulers, two types of political communications can be conditionally distinguished: between Russian princes and crusaders, as well as between Russian princes and leaders of the Baltic tribal associations. In reports that mention contacts between the crusaders and the Russian princes, the main goals and results of the political dialogue are peace agreements and non-aggression pact, agreements on the entry of some Russian princes into vassal dependence on the Riga bishop, as well as the redistribution of spheres of influence. When analyzing messages about communications between the leaders of the Baltic tribal associations and Russian princes, the main goals of contacts are the peace agreements and military alliances; joint military operations against German colonists; a request for military protection against the crusaders. The central episode of most contacts between rulers is the giving of gifts by the interested party. Thus, consideration of contacts, agreements and treaties between the main political figures of the “Livonian Chronicle” makes it possible to explore the medieval perception of the image of the ruler in a communicative aspect.

Keywords: “Livonian Chronicle”, Rurikovich princes, German bishops, crusaders, Livs, Lithuanians, Estonians.

УДК 902:736.3«10/12»

**СВІНЦОВЫЯ ПЛОМБЫ XI – XIII стст. З ВЫЯВАМІ СВЯТЫХ
(У ЗБОРЫ НАЦЫЯНАЛЬНАГА ПОЛАЦКАГА ГІСТОРЫКА-КУЛЬТУРНАГА МУЗЕЯ-
ЗАПВЕДНІКА)¹**

Л.Р. КАЛБЕКА

(Нацыянальны Полацкі гісторыка-культурны музей-запаведнік)

e-mail: kalbeka.lubou@gmail.comORCID <https://orcid.org/0000-0002-1024-1874>

Артыкул прысвечаны тэме свінцовых пломб XI – XIII стст. з фондаў Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка. Разгледжаны чатырнаццаць пломб з выявамі святых. Артэфекты часткова знаходзяць з гістарычных раёнаў Полацка (Запалоцкага пасада (4 прадметы), Верхняга і Ніжняга замкаў (па адным прадмеце), а часткова з’яўляюцца выпадковымі знаходкамі. З васьмі пломб, знойдзеных па-за раскопамі, 4 артэфекта выяўлены на Запалоцкім пасадзе Полацка. Месяца знаходкі астатніх чатырох пломб невядома. Памеры і вага пломб з выявамі святых адпавядаюць пломбам з іншымі выявамі.

Размеркаванне полацкіх пломб з выявамі святых паводле класіфікацыі С.В. Бялецкага выявіла наяўнасць новага разрада «святы – кропка ў акружнасцях». Гэта дае падставу для пашырэння класіфікацыі і не выключае выяўлення новых класаў і разрадаў пры апрацоўцы калекцый з іншых гарадоў Беларусі.

Ключавыя словы: свінцовыя пломбы, сфрагістыка, Полацк.

Уводзіны. Свінцовыя пломбы – невялікія па памерах кавалкі свінца з адціснутымі на іх з двух бакоў выявамі – адна з найбольш не раскрытых у айчыннай гістарыяграфіі катэгорый археалагічных артэфектаў. У адрозненне ад свінцовых актавых пячатак, прызначэнне якіх дакладна вызначана па захаваных да нашага часу дакументах, пломбы дайшлі да нас у адарванасці ад прадметаў, якія падцвярджалі або захоўвалі ад ускрыцця. Таму пытанне іх практычнага прызначэння з’яўляецца дыскусійным. Да сённяшняга часу дакладна не распрацаваны падыходы да вывучэння пломб, у поўнай меры не раскрыты іх патэнцыял як гістарычнай крыніцы. Першым крокам у іх вывучэнні павінна стаць выяўленне і публікацыя пломб з музейных збораў. Артыкул прысвечаны ўвядзенню ў навуковы зварот свінцовых пломб з выявамі святых, якія былі знойдзены на тэрыторыі Полацка і захоўваюцца ў зборы Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка (НПГКМЗ).

Асноўная частка. У літаратуры свінцовыя пломбы XI – XIII стст. атрымалі назву «драгічынскіх», або «пломб драгічынскага тыпу» (па назве польскага горада Драгічын, дзе выяўлены вялікі масіў артэфектаў). Такія пломбы часта знаходзяць і на тэрыторыі іншых гарадоў – Ноўгарада, Пскова, Кіева, Полацка, Старой Ладагі і інш. [2, с. 72].

Існуе некалькі версій наконт прызначэння пломб. Згодна з імі пломбы маглі выкарыстоўвацца ў якасці сведчанняў мытнай аплаты, знакаў вытворчасці, пасведчання грашовай ролі скурак пушных звяроў (так званых «футравых грошай»). Некаторыя пломбы маглі прывешвацца і да дакументаў, выконваючы ролю невялікіх віс-лых пячатак [2, с. 74]. Аднак гэтае пытанне застаецца дыскусійным.

Знешне пломбы нагадваюць мініяцюрныя актавыя пячаткі. Трэба меркаваць, што тэхналогія вырабу пломб і пячатак была тоеснай і выглядала наступным чынам. Спачатку праз скразную адтуліну ў свінцовай нарыхтоўцы прапускаўся шнур. Потым з дапамогай інструмента нарыхтоўка сціскалася і фіксавала шнур. Інструмент для вырабу пломб, верагодна, быў канструктыўна падобны да булатырыя – прылады для вырабу актавых пячатак – і ўяўляў абцугі з матрыцамі [2, с. 14]. Пасля сціскання булатырыя пакідаў на сплюсчанай свінцовай нарыхтоўцы адбіткі-выявы з абодвух бакоў.

Пломбы пераважна меншыя па памерах за пячаткі, але бываюць выключэнні. Прынцыповым адрозненнем пломбы ад пячаткі з’яўляецца меншы памер адбітка, а не памер самога артэфекта. Свінцовая нарыхтоўка для пломбы магла быць і большай за матрыцу з выявамі, але адбітак на пломбах часцей за ўсё не перавышае 15 мм [2, с. 72].

Матэрыялы і метады. З улікам універсальнай тэхналогіі вырабу найбольш прыдатнай асновай для класіфікацыі гэтай катэгорыі прадметаў з’яўляюцца не тэхналагічныя параметры, а выявы на пломбах. Распрацоўка такой класіфікацыі звязана з імем археолага С.В. Бялецкага. Паводле яго, пломбы і пячаткі можна падзяліць на класы і разрады. Крытэрыем вылучэння класаў служаць катэгорыі выяў на аверсе. Унутры кожнага класа вылучаюцца разрады, крытэрыем падзелу на якія выступаюць катэгорыі выяў на рэверсе прадмета. На сфрагістычным матэрыяле Пскова, Ноўгарада, Старой Ладагі С.В. Бялецкім было вылучана адзінаццаць класаў і сорак разрадаў. Дадзеная класіфікацыя пазней была дапоўнена новымі разрадамі, уведзенымі пасля апрацоўкі пломб з Курска. Даследчык зрабіў выснову аб магчымасці пашырэння класіфікацыі з улікам новых палявых матэрыялаў [3, с. 156]. Гэта класіфікацыя выкарыстана намі пры апрацоўцы пломб з фондаў НПГКМЗ.

¹ Артыкул падрыхтаваны ў межах Дзяржаўнай праграмы навуковых даследаванняў «Грамадства і гуманітарная бяспека беларускай дзяржавы» на 2021–2025 гг. (падпраграма «Гісторыя», заданне «Археалагічная спадчына як фактар забеспячэння гуманітарнай бяспекі беларускага грамадства», праект «Гаспадарка, культурныя традыцыі і насельніцтва Полацка і Полацкага Падзвіння ў эпоху станаўлення і развіцця гістарычных форм беларускай дзяржаўнасці ў IX–XVIII стст.»).

У фондах НППКМЗ захоўваецца 74 свінцовыя пломбы XI – XIII стст. З іх выявы святых маюцца на чатырнаццаці артэфектах, якія і паслужылі крынічнай базай нашага даследавання. Большасць з іх (8 прадметаў) адносіцца да выпадковых знаходак з тэрыторыі Полацка, перададзеных у музей краязнаўцамі С. Міхейкам і А. Бельчыкавым. Пры гэтым месцы выяўлення чатырох артэфектаў невядомы, паколькі яны паступілі ў музей пасля смерці С. Міхейкі без суправаджальнай інфармацыі. Астатнія чатыры пломбы знойдзены на тэрыторыі Ніжняга замка. Шэсць прадметаў паходзяць з археалагічных раскопак Г.В. Штыхава, Д.У. Дука, А.Л. Коца. Пры гэтым у раскопах на тэрыторыі Верхняга і Ніжняга замкаў Полацка выяўлена па адным артэфекце; у раскопак на Запалоцкім пасадзе – 4 пломбы [4, с. 37]. Адзначым, што распачатыя ў 2019 г. маштабныя археалагічныя раскопкі і наглядныя за будаўнічымі і землянымі работамі на тэрыторыі Верхняга замка значна павялічаць як увогуле калекцыю свінцовых пломб з тэрыторыі Полацка, так і колькасць пломб з выявамі святых [5]. Дыяметр пломб з выявамі святых, што захоўваюцца ў зборы НППКМЗ, вагаецца ад 10 да 18 мм (для прадметаў, форма якіх адрозніваецца ад круглай, за дыяметр прымаўся найбольшы памер). Мінімальна вага артэфектаў з вывучанай калекцыі складае 0,9 г, максімальная – 4,5 г. Па памерах і вазе пломбы з выявамі святых не адрозніваюцца ад пломб з іншымі выявамі.

Каталог пломб з выявамі святых. Апішам свінцовыя пломбы з выявамі святых больш падрабязна, выкарыстаўшы класіфікацыю С.В. Бялецкага.

Разрад II/2. Крыж – святы

1. (мал. 1, 1). Ав.: выява чатырохканцовага працвіўшага крыжа. Rev.: выява святога. Памер: 12×14×4 мм. Вага: 3,3 г. Знойдзена: Верхні замак, 1967 г. Захоўваецца: НППКМЗ КП 002720/163.

2. (мал. 1, 2). Ав.: выява працвіўшага крыжа. Rev.: выява святога. Памер: 11×14×3 мм. Вага: 2,5 г. Знойдзена: Запалоцкі пасад, 1994 г. Захоўваецца: НППКМЗ КП 013017.

3. (мал. 1, 3). Ав.: выява працвіўшага крыжа. Rev.: выява святога. Памер: 14×15×4 мм. Вага: 4,5 г. Знойдзена: з калекцыі выпадковых знаходак С. Міхейкі. Захоўваецца: НППКМЗ КП 027206.

4. (мал. 1, 4). Ав.: выява чатырохканцовага працвіўшага крыжа. Rev.: выява святога. Памер: 10×12×3 мм. Вага: 1,6 г. Знойдзена: з калекцыі выпадковых знаходак С. Міхейкі. Захоўваецца: НППКМЗ КП 027207.

5. (мал. 1, 5). Ав.: выява чатырохканцовага працвіўшага крыжа. Rev.: выява святога. Памер: 11×12×3 мм. Вага: 2,1 г. Знойдзена: з калекцыі выпадковых знаходак С. Міхейкі. Захоўваецца: НППКМЗ КП 027208.

6. (мал. 1, 6). Ав.: выява чатырохканцовага працвіўшага крыжа. Rev.: паясная выява святога. Памер: 15×13×3 мм. Вага: 1,83 г. Знойдзена: Запалоцкі пасад, 2012 г. Захоўваецца: НППКМЗ КП 039917.

7. (мал. 1, 7). Ав.: выява чатырохканцовага працвіўшага крыжа ў лінейным абадку. Rev.: паясная выява святога ў лінейным абадку, лік сапсаваны вострым прадметам. Памер: 10×11×4 мм. Вага: 1,96 г. Знойдзена: Запалоцкі пасад, 2012 г. Захоўваецца: НППКМЗ КП 039918.

8. (мал. 1, 8). Ав.: выява шасціканцовага крыжа. Rev.: выява святога з вусамі, у кропкавым абадку. Памер: 13×16×3 мм. Вага: 2,22 г. Знойдзена: Запалоцкі пасад, 2013 г. Захоўваецца: НППКМЗ КП 039949.

Разрад VI/1. Святы – святы

9. (мал. 1, 9). Ав.: выява святога. Rev.: выява святога. Памер: 13×14×3 мм. Вага: 1,8 г. Знойдзена: Запалоцкі пасад, 2011 г. Захоўваецца: НППКМЗ КП 031436.

10. (мал. 1, 10). Ав.: выява святога. Rev.: выява святога. Памер: 10×13×2 мм. Вага: 0,9 г. Знойдзена: Запалоцкі пасад, 2012 г. Захоўваецца: НППКМЗ НД 008119.

Разрад VI/3. Святы – літара.

11. (мал. 1, 11). Ав.: выява святога. Rev.: выява літары. Памер: 12×13×2 мм. Вага: 1,5 г. Знойдзена: з калекцыі выпадковых знаходак С. Міхейкі. Захоўваецца: НППКМЗ КП 027202.

12. (мал. 1, 12). Ав.: выява святога. Rev.: выява літары. Памер: 15×18×4 мм. Вага: 3,3 г. Знойдзена: Запалоцкі пасад, 2010 г. Захоўваецца: НППКМЗ КП 030239.

Без разрада. Святы – кропка ў акружнасцях

13. (мал. 1, 13). Ав.: выява святога. Rev.: выява кропкі ў дзвюх акружнасцях. Памер: 12×14×4 мм. Вага: 2,4 г. Знойдзена: Запалоцкі пасад, 2010 г. Захоўваецца: НППКМЗ КП 030240.

Аналогіі у класіфікацыі С.В. Бялецкага выяве “кропка ў акружнасцях” няма. Адпаведна, мы маем справу з новым разрадам.

Дэфектная пломба

14. (мал. 1, 14). Ав.: паясная выява святога з крыжом пакутніка у лінейным абадку. Rev.: выява неразборлівая. Памер: 12×12×3 мм. Вага: 2,04 г. Знойдзена: Ніжні замак, 2014 г. Захоўваецца: НППКМЗ КП 039505.

Выявы на пломбах. Адбіткі булатырыя з абодвух бакоў бачны на трынаццаці прадметах з разглядаемых чатырнаццаці. Дзве пломбы маюць выявы святых з абодвух бакоў (№№ 9-10). На васьмі пломбах на адным баку змешчаны адбітак крыжа, на другім – святога (№№ 1-8). Выявы святога і літары на розных баках сустракаюцца на двух артэфектах (№№ 11-12). На адной пломбе выяўлены кропка ў дзвюх акружнасцях і святы (№ 13). На адным артэфекце выява захавалася толькі з аднаго боку (№ 14).

Малюнак 1. – Свінцовыя пломбы з выявамі святых XI – XIII стст. з фондаў Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка

Усяго на аверсах і рэверсах пломб маецца 27 адбіткаў. Шаснаццаць з іх прадстаўлены выявамі святых, 8 – выявамі крыжа, 2 – выявамі літар, 1 уяўляе сабой выяву кропкі ў акружнасцях. Стан захаванасці прадметаў і якасць большасці адбіткаў святых не дазваляюць убачыць дробныя дэталі выяў. Добрай захаванасцю, выразнасцю адбіткаў і высокай дэталізацыяй выяў вылучаюцца 5 пломб (№№ 2, 8-9, 13-14, мал. 1). Выявы на іх маюць заўважныя дробныя дэталі. Адбіткі святых прадстаўлены паяснымі выявамі (6 пломб, №№ 2-3, 6, 9 – аверс і рэверс, 12, 14), пагруднымі выявамі (4 пломбы, №№ 1, 10 – аверс і рэверс, 11, 13), толькі лікамі святых (4 пломбы, №№ 4-5, 7-8). Выявы святых, змешчаныя на абодвух баках пломб, маюць аднолькавы «фармат»: паясны на пломбе 9 і пагрудны на пломбе 10.

На ўсіх выявах святых прысутнічае німб, пераважна ў выглядзе лініі. У двух выпадках ён мае выгляд ланцужка з кропак (№№ 8, 9-аверс). Стан выявы святога на трох прадметах (№№ 5–7) не дазваляе вызначыць ніякіх асаблівасцей іканаграфіі. У астатніх выпадках можна казаць пра пэўныя прыкметы. У адным выпадку складкамі вопраткі перадаецца наяўнасць святарскага адзення (№ 9). На пломбах №№ 2 і 13 змешчаны адпаведна паясная і пагрудная выявы святых у галаўных уборах, што нагадваюць княскія шапкі. Гэты атрыбут з’яўляецца іканаграфічнай прыкметай святых князёў. Не выключана, што мы маем справу з выявамі святога Барыса і/або святога Глеба. На выяве святога з пломбы № 8 валасы абазначаны кропкамі. Не выключана, што такім чынам пазначана курчавасць валасоў. Святы мае доўгія вусы і баряду. У сукупнасці гэта можа ўказваць на святога Фёдара Страцілата, які маляваўся з аналагічнымі асаблівасцямі.

З васьмі адбіткаў крыжоў восем выяў прадстаўлены чатырохканцовымі, адна (№ 8) – шасціканцовым крыжам. З чатырохканцовых крыжоў адзін з’яўляецца звычайным, сем – працвіўшымі, ад аснавання якіх у два бакі і ўверх адыходзяць лініі. Лініі сімвалізуюць вінаградныя лозы, што з’яўляюцца велікодным сімвалам, шырока распаўсюджаным у Візантыі і Старажытнай Русі.

Адносна невялікая выбарка свінцовых пломб з выявамі святых, якая захоўваецца ў фондах НППГКМЗ, характарызуецца адноснай разнастайнасцю выяў. Разам з тым, можна казаць аб наяўнасці некаторых асаблівасцей (выявы святых, як правіла, маюць німб у выглядзе лініі; камбінуюцца з крыжам на адваротным боку; пераважаюць чатырохканцовыя працвіўшыя крыжы). Не выключана, што вывучэнне выяў на пломбах і іх камбінацый выявіць наяўнасць іншых статыстычных заканамернасцей. Пацвердзіць ці абвергнуць гэта дазволіць разгляд адбіткаў на вялікай выбарцы артэфактаў. Перспектыўнай бачыцца распрацоўка фармалізаванага апісання выяў і камбінацый выяў на свінцовых пломбах (і пячатках) з наступнай іх статыстычнай апрацоўкай.

Заклучэнне. Такім чынам, чатырнаццаць свінцовых пломб з фондаў Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка маюць выявы святых. Артэфакты часткова паходзяць з раскопак на Запалоцкім пасадзе (4 прадметы), Верхнім і Ніжнім замках (па адным прадмеце), а часткова з’яўляюцца выпадковымі знаходкамі. З васьмі пломб, знойдзеных па-за раскопамі, 4 артэфакты выяўлены на Запалоцкім пасадзе Полацка. Месца знаходкі астатніх чатырох пломб невядома. Памеры і вага пломб з выявамі святых адпавядаюць пломбам з іншымі выявамі.

Адбіткі характарызуюцца разнастайнасцю, але заўважны некаторыя тэндэнцыі. Так, выявы святых пераважна камбінуюцца з адбіткамі крыжа на адваротным баку, прычым пераважаюць чатырохканцовыя працвіўшыя крыжы. Не выключана, што на двух пломбах выяўлены святых Барыс і/або Глеб і Фёдар Страцілат. Размеркаванне полацкіх пломб з выявамі святых паводле класіфікацыі С.В. Бялецкага, выявіла наяўнасць новага, раней не апісанага разрада «святых – кропка ў акружнасцях». Гэта дае падставу для пашырэння класіфікацыі і не выключае выяўлення новых класаў і разрадаў пры апрацоўцы калекцыі з іншых гарадоў Беларусі.

Перспектыўным бачыцца параўнанне ўсяго масіва свінцовых пломб, якія паходзяць з Полацкай зямлі і захоўваюцца ў музейных зборах і навуковых фондах, па стандартызаванай праграме з фармалізаваным апісаннем выяў і наступнай статыстычнай апрацоўкай вынікаў.

ЛІТАРАТУРА

1. Археалагічныя знаходкі з асабістай калекцыі С.Л. Міхайкі. Каталог / уклад. Н.Г. Лугіна. – Полацк : НППГКМЗ, 2010. – 174 с.
2. Белецкий, С.В. Введение в русскую допетровскую сфрагистику: учеб. пособие / С.В. Белецкий. – СПб. : Б.и., 2001. – 192 с.
3. Белецкий, С.В. Свинцовые пломбы из раскопок в Курске в 2016 г. / С.В. Белецкий, Р.С. Веретюшкин, К.В. Горлов // Записки Института истории материальной культуры. – 2017. – № 16. – С. 146–159.
4. Дук, Д.У. Старажытны Полацк: новыя даныя па выніках раскопак на тэрыторыі Ніжняга замка ў 2014 годзе / Д.У. Дук, А.Л. Коц // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – Мінск : Беларуская навука, 2016. – Вып. 27 : Вынікі даследавання першабытных і сярэднявечных старажытнасцей Беларусі ў 2013–2014 гадах / навук. рэд. В.М. Ляўко. – С. 31–41.
5. Левко, О.Н. Начальный этап новых исследований Верхнего замка Полоцка (2018–2020 гг.) / О.Н. Левко, И.В. Магалинский, П.М. Кенько, А.Л. Коц, В.В. Черевко, А.А. Соловьев, Л.Г. Калбеко // Беларуская Падзвінне: вопыт, метадыка і вынікі палявых і міждысцыплінарных даследаванняў : зб. арт. V міжнар. навук. канф., Полацк, 15–16 крас. 2021 г. / Полац. дзярж. ун-т ; пад агульн. рэд. А.І. Корсак (адк. рэд.), В.У. Чараўко, У.Я. Аўсейчыка. – Наваполацк : Полац. дзярж. ун-т, 2021. – С. 48.

Паступіў 30.06.2022

**СВИНЦОВЫЕ ПЛОМБЫ XI – XIII вв. С ИЗОБРАЖЕНИЯМИ СВЯТЫХ
(В СОБРАНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ПОЛОЦКОГО ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО
МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА)**

Л.Г. КАЛБЕКО

Статья посвящена теме свинцовых пломб XI – XIII вв. из фондов Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника. Рассмотрено четырнадцать пломб с изображениями святых. Часть артефактов найдена в исторических районах Полоцка (Заполоцкий посад (4 экз.), Верхний и Нижний замки (по 1 экз.)), часть является случайными находками. Место находки остальных четырех пломб неизвестно. Размер и вес пломб с изображениями святых соответствуют пломбам с другими изображениями.

Распределение полоцких пломб с изображениями святых в соответствии с классификацией С.В. Белецкого выявило наличие нового разряда «святая – точка в окружности». Это дает основание для расширения классификации и не исключает открытия новых классов и разрядов при обработке коллекций из других городов Беларуси.

Ключевые слова: свинцовые пломбы, сфрагистика, Полоцк.

**LEAD SEALS OF THE 11th–13th CENTURIES WITH IMAGES OF THE SAINTS
(FROM THE COLLECTION OF THE POLOTSK NATIONAL HISTORICAL
AND CULTURAL MUSEUM-RESERVE)**

L. KALBEKA

The article is devoted to the lead seals of the 11th–13th centuries from the funds of the National Polotsk Historical and Cultural Museum-Reserve. Fourteen seals with images of saints were considered. Some of the artifacts were found in the historical districts of Polotsk (Zapolotsky Posad (4), Upper and Lower Castles (1 each)), some are random finds. The location of the other four seals is unknown. The size and weight of seals with images of saints correspond to seals with other images.

Distribution of Polotsk seals with images of saints according to the classification of S.V. Beletsky revealed the presence of a new category «saint – a point in a circle». This gives grounds for expanding the classification and does not exclude the discovery of new classes and categories when processing collections from other cities of Belarus.

Keywords: lead seals, sigillography, Polotsk.

УДК 94(47+57)“1941/1945”.001.5

**МЕСТА ЗАХОРОНЕНИЙ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ:
К ВОПРОСУ ОБ УВЕКОВЕЧЕНИИ ПАМЯТИ¹***канд. ист. наук, доц. А.И. КОРСАК**(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)*

В статье рассматривается проблема, связанная с местами захоронений советских военнопленных периода Великой Отечественной войны на территории Беларуси и процессом их увековечения в советский период времени и на современном этапе. Исследование основано на документах Государственного архива Российской Федерации, Национального архива Республики Беларусь и государственных областных архивов. Многие из документов введены в научный оборот впервые.

Для анализа и верификации документов использованы методы компаративного и перекрестного анализа, математической статистики.

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, места захоронений, увековечение памяти, архивные исследования.*

Введение. Советские военнопленные и увековечение их памяти – особая проблема, требующая тщательно проработанного подхода в своём решении. Согласно белорусскому законодательству в сфере увековечения памяти о погибших при защите Отечества и сохранения памяти о жертвах войн «военнопленные, не утратившие своей чести и достоинства, не изменившие Родине», относятся к категории погибших при защите Отечества², а значит места их захоронений подлежат выявлению, учёту и мемориализации.

На территории Беларуси, согласно подсчетам белорусских историков, на протяжении всего периода военных действий 1941 – 1944 гг. функционировало 53 лагеря для военнопленных, из них 12 армейских сборных пунктов, 23 пересыльных лагеря (dulag – нем.), 16 стационарных лагерей (stalag – нем.) и 2 лагеря для офицерского состава (oflag – нем.), а также 87 дополнительных лагерей и их временных филиалов для содержания военнопленных, и выполнения ими работ на железнодорожных станциях. Более того, выявлен 121 лагерь с неустановленными классификационными признаками [20, с. 93 – 157; 24, с. 101], основанием для этого явились документы Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников (далее – ЧГК) согласно свидетельским показаниям местных жителей, разведданные Белорусского штаба партизанского движения и др. В перечисленных лагерях для советских военнопленных на территории Беларуси по материалам ЧГК было уничтожено (соответственно захоронено) 810 091 человек, из них на территории Минской области – 101 590, Могилевской – 59 134, Витебской – 92 891, Гомельской – 114 476, Бобруйской – 54 013, Полоцкой – 157 007, Полесской – 3120, Гродненской – 441 330, Брестской – 38 858, Барановичской – 24 613, Молодечненской – 34 652 [23, л.7; 1, с. 25]. Эта единственная цифра, которой оперируют отечественные историки в своих публикациях [24, с. 101; 25, с. 3]. Немецкие исследователи в лице Х. Герлаха, как отмечает в своей монографии С. Новиков, также придерживаются тезиса о масштабности трагедии советских военнопленных в Беларуси, отмечая, что за годы оккупации погиб каждый третий взятый в плен группой армий «Центр» красноармеец и каждый пятый из общей численности советских военнопленных [24, с. 101].

Объясним, почему столь подробно автором статьи освящены вопросы о местах содержания советских военнопленных и количестве погибших среди них на территории Беларуси в период нацистской оккупации 1941 – 1944 гг., которые, безусловно, имеют свои места массовых захоронений. Мемориализация затрагивает как процесс выявления и благоустройства мест захоронений, так и несет в себе информативную функцию. Важно не только установить памятник, но и отразить факты о данном месте.

Основная часть. После освобождения территории Беларуси от нацистской оккупации не менее важным и острым являлся вопрос выявления, учёта и благоустройства захоронений воинов Красной Армии и партизан, на решение которого были обращены силы всех уровней – от органов самоуправления до военных комиссариатов. При этом места уничтожений советских военнопленных в первые послевоенные годы не были в приоритете. В отчетных таблицах о количестве воинских захоронений и захороненных в них отсутствовала графа «военнопленные», но и обойти их вниманием также не представлялось возможным, т.к. фактически все лагеря для советских военнопленных располагались на окраинах крупных городов. Соответственно и места массовых захоронений советских военнопленных были на виду. Даже при условии уничтожения их останков в ходе особой операции 1005 (нем. Sonderaktion 1005).

¹ Исследование выполнено в рамках ГПНИ «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» Подпрограмма 12.1 «История» на 2021 – 2025 гг. Задание 12.1 «Мемориализация воинских захоронений и мест уничтожения населения германскими оккупантами в 1941 – 1944 гг. на территории Беларуси» в рамках задания «Военная история Беларуси как фактор обеспечения гуманитарной безопасности белорусского государства».

² Об увековечении памяти о погибших при защите Отечества и сохранении памяти о жертвах войн [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 24 марта 2016 г., № 109. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=P31600109>.

Одним из первых документов, казалось бы, имеющих отношение к увековечению памяти советских военнопленных, зафиксирован среди прочей документации Слуцкого РК КП(б)Б от 16 января 1946 г. При его тщательном изучении, несмотря на заголовок выписки из Протокола № 56 «Об установке и сохранности памятников на местах погребения партизан, воинов Красной Армии и военнопленных» [13], речи о местах захоронений советских военнопленных не шло.

Интерес представляет Решение № 1027 от 1 сентября 1947 г. исполкома Могилевского горсовета депутатов трудящихся «О приведении в порядок братских могил замученных советских военнослужащих в немецком концентрационном лагере на территории Луполовского аэродрома» [6]. На данном заседании зам. Могилевского Горвоенкома майор Городков докладывал информацию о приведении в порядок могил «замученных советских военнослужащих в немецком плену <...> свыше 50 000 человек случайно попавших в плен в 1941 году» [6]. Отметим, что в 1941 – 1943 гг. на территории аэродрома Луполово существовал вначале 341-й дулаг, затем переформированный в 341-й шталаг, в которых содержалось до 70 000 советских военнопленных, из них к началу 1942 г. погибло около 40 000 человек [20, с. 79]. Далее, было принято решение оказать помощь в благоустройстве, включить в список 1948 г. строительство памятника, составить проект, но парадокс ситуации в данном деле заключался в том, что для приведения в порядок братских могил советских военнопленных планировалось на 5 и 6 сентября 1947 г. привлечь 200 человек (немецких – А.К.) военнопленных лагеря № 311 [6]. Отметим, что только к концу 1949 г., «на братской могиле военнопленных в районе Луполово был поставлен памятник» [5]. Вероятно, он не был фундаментальным и долговечным, т.к. в 1957 г. снова был поднят вопрос [7]. Согласно принятому решению исполнительного комитета Могилевского городского Совета депутатов трудящихся 7 октября 1958 г. «в целях увековечения памяти погибших советских воинов, солдат и офицеров, зверски замученных в лагере смерти», планировалось открытие памятника на месте их захоронения в Луполово [8]. В документах 1970-х гг. захоронение советских военнопленных приобрело статус «Братские могилы воинов Советской Армии» с обелиском и скульптурным памятником воина [9]. На данный момент согласно паспорту захоронения (БМ № 2753), которое носит смешанный характер по причине увековечения помимо военнопленных также останков народных ополченцев, работников милиции, патриотов-подпольщиков и советских граждан, умерших «в концлагере смерти», числится захороненных 79 367 человек. Отметим, что основная часть 78 979 человек относится к жертвам войны, к которым по законодательству Республики Беларусь военнопленные не относятся. В паспорте указано лишь о наличии на их могилах обелиска³.

Тем не менее, эскизы планируемых памятников на месте массовых захоронений советских военнопленных на территории Беларуси в конце 1940-х гг. уже разрабатывались, о чём свидетельствуют данные перечня знаменательных мест и событий, связанных с Великой Отечественной войной, подлежащих увековечению [22]. При этом из 192 обозначенных мест только два имеют отношение к захоронениям советских военнопленных: в д. Малый Тростянец и г. Минск парк культуры и отдыха, и два – к местам сожжения советских военнопленных в г. Бобруйск и Слуцком районе⁴. Так или иначе, проблема увековечения мест их захоронений поднималась на уровне властей.

В докладной записке Председателю Комитета по делам культпросвета учреждений при Совете Министров БССР от 20 октября 1948 г. отмечены значительные недостатки в работе Минских областных властей, касающиеся мест массовых захоронений «расстрелянных и замученных мирных советских граждан и военнопленных». Таковых на территории Минской области определено семь мест, из них имеющих отношение к советским военнопленным, выявлены следующие: урочище Благовщина – 15 000 мирных граждан и советских военнопленных, «около д. Глиница в районе военного городка Масюковщина похоронено 80 000 человек, расстрелянных советских военнопленных из лагеря Шталаг № 352», «на Гайновском шоссе Дзержинского района похоронено 14 000 человек расстрелянных мирных жителей и советских военнопленных», «д. Роговая (Рогово – А.К.) Заславского района» – 2 500 советских военнопленных и мирного населения [22].

Несмотря на то, что в конце 1940-х гг. проблема увековечения памяти погибших советских военнопленных на территории Беларуси была поднята на республиканском уровне, и попытка её решить местными органами власти через установку памятников также имела место быть, она завершилась только разработкой их проектов. К примеру, по Малому Тростянцу, Масюковщине и др. составленные проекты памятников на момент декабря 1956 г. ещё не были даже утверждены [21].

Гомельский областной военный комиссариат, который следил за выполнением постановления СНК СССР № 405-165 с местными военными комиссариатами, наряду с органами самоуправления, 17 июня 1950 г. в лице подполковника Кириллова негодуяюще отреагировал на их отчетность. Например, Кормянский РВК систематически доносил «о благополучии благоустройства могил». При этом «совершенно не было учтено место расстрела немцами трехсот советских военнопленных» [3]. Рассмотрев более подробно этот вопрос, открывается следующая картина. На данный момент существует захоронение № 6817 с общим количеством увековеченных 321 человек из числа представителей еврейской национальности⁵. Помимо этой братской могилы на территории

³ Мемориал по пр. Шмидта [Электронный ресурс]. URL: <http://mogilev.gov.by/ru/voinskie-zakhoroneniya/5077-7483-memorial-po-pr-shmidta.html>.

⁴ Административно-территориальное деление на момент 1948 г.

⁵ Автоматизированный банк данных «Книга памяти» Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mil.by/base/mass-grave.php>.

г.п. Корма поставлено на учёт ещё две могилы воинов Красной Армии, партизан и жертв войны. Захоронения 300 советских военнопленных не зафиксировано. При более детальном изучении документов, оказывается, что один из жителей г.п. Кормы тов. Ш. дал заведомо ложную информацию, не подтвержденную другими свидетелями, которые проживали в городе на протяжении всего периода нацистской оккупации и подтвердили, что речь идет не о 300 военнопленных, а об уничтоженном в ходе проведения политики геноцида еврейском населении [3, л. 72]. За подачу непроверенных сведений ст. лейтенантом Кормянского РВК на партийном собрании «резко было указано на несерьёзность такого положения» [3, л. 72].

Постановлением № 7 от 18 февраля 1946 г. партийные органы Гродненской области обязали местных властей соорудить памятники воинам Красной Армии и «в местах массовых захоронений советских людей», хотя речи о военнопленных не идет, но среди выделенных мест фигурирует район бывшего лагеря «Фолюш» [4]. Первоначальный памятник представлял собой небольшой фанерный обелиск с красной жестяной звездой, расположенный в центре могил. Со временем он и забор вокруг него обветшали и были убраны, а территория заросла лесом⁶. К 20-летию со Дня Победы, согласно отчетной справке Гродненского обкома КПБ от 18 октября 1965 г., в Гродно (Фолюш) на месте захоронения 14 000 советских военнопленных был установлен фундаментальный памятник [12]. Останки советских военнопленных, которые содержались в шталаге-324, на протяжении пяти лет 1-й специализированной поисковой ротой 52-го отдельного специализированного поискового батальона Министерства обороны Беларуси находились и эксгумировались вплоть до 2017 г.⁷

Порой места массовых захоронений в том числе и советских военнопленных в городах обнаруживаются при проведении различного плана работ. Так, в 1958 г. при производстве строительных работ на участке, отведенном на строительство АТК № 1 по ул. Барыкина 18 ноября обнаружено большое количество трупов людей. Созданная комиссия констатировала, что «обнаруженные останки трупов гражданского населения и военнослужащих, расстреляны и замучены немецко-фашистскими захватчиками в период оккупации г. Гомеля» [11]. Все найденные останки 776 человек были перезахоронены на Лещинском кладбище в общую братскую могилу [11]. Согласно опубликованной информации 2018 г. останки узников дулага-121, который функционировал с сентября 1941 г. по декабрь 1943 г. [20], находят до сих пор⁸. Точных данных о количестве содержащихся и погибших военнопленных в дулага-121 не обнаружено [20]. Как и нет точных данных о количестве загубленных военнопленных и местах их захоронения. Согласно данным ЧГК о массовом истреблении советских военнопленных в г. Гомеле определено пять мест захоронения, кроме того для уничтожения останков использовались специальные печи [14]. 17 марта 1970 г. исполкомом Гомельского городского Совета депутатов трудящихся было принято решение об установке памятника-монумента с надписью: «На этом месте в период немецко-фашистской оккупации города размещался лагерь военнопленных, в котором гитлеровские палачи уничтожили свыше 100 тысяч советских граждан» [2]. Отметим, что ЧГК установлены могилы свыше 90 000 из 100 000 и подтверждены актами раскрытия могил [14]. Вопрос о том, все ли места массовых захоронений, обозначенные ЧГК, имеют свою память, остаётся открытым.

Благодаря деятельности Могилевского отделения Белорусского добровольного общества охраны памятников истории и культуры был впервые поднят вопрос об увековечении места массового захоронения советских военнопленных в г. Горки. Была создана комиссия по данному вопросу, которая действительно подтвердила информацию о том, что осенью 1941 г. был организован лагерь для военнопленных на территории БСХА⁹ в здании бывшего клуба – кинотеатра, просуществовавший до весны 1942 г. Захоронение умерших осуществлялось здесь же. Очевидцами было указано, что могил было много, в основном одиночные. С течением времени признаки могил исчезли, памятника нет, перезахоронение не производилось [10]. По опубликованным данным, на территории г. Горки с лета по осень 1942 г. существовал лагерь военнопленных с неустановленными классификационными признаками, в котором погибло 800 человек [20]. По данным 1986 г. на территории БСХА по ул. Мичурина в 1982 г. была установлена гранитная плита на месте могилы советских военнопленных с общим количеством 300 человек [18]. Других документов, которые бы подробно раскрыли данный вопрос, к сожалению, не найдено.

1980-е гг. отмечены подведением определённых итогов процесса увековечения памяти погибших в годы Великой Отечественной войны и захороненных на территории Беларуси. Таковым проектом стало издание сборников памятников истории и культуры Беларуси, основой для которых стали данные местных органов власти, осуществляющих учёт и благоустройство воинских захоронений и мест массовых захоронений военнопленных и гражданского населения [15–19]. В ходе анализа опубликованных материалов автором выявлено 61 место, имеющее отношение к захоронениям советских военнопленных, из них 28 определены как братские могилы военнопленных, 15 носят смешанный характер (захоронены вместе с жертвами из числа гражданского населения), в оставшихся установлены комплексные памятники, увековечивающие память как погибших воинов Красной Армии и партизан, так и военнопленных [15 – 19]. Отметим, что все выявленные места памяти по данным 1980-х гг. на данный момент учтены и паспортизированы.

⁶ Севенко, А. Фашистская фабрика смерти в Гродно – шталаг 324 [Электронный ресурс] / А. Севенко. URL: <https://proza.ru/2019/03/11/1435>.

⁷ В Гродно прошло перезахоронение погибших в шталаге № 324 красноармейцев [Электронный ресурс]. URL: https://grodnonews.by/news/zhizn/v_grodno_proshlo_perezakhoronenie_pogibshikh_v_shtalage_324_krasnoarmeytsev.html.

⁸ Глаковский, С. Жертв лагеря «Дулаг-121» находят до сих пор [Электронный ресурс] / С. Глаковский. URL: <https://www.sb.by/articles/baraki-smerti.html>.

⁹ На данный момент учреждение образования «Белорусская государственная орденов Октябрьской Революции и Трудового Красного Знамени сельскохозяйственная академия».

В Республике Беларусь значительное внимание обращается на увековечение памяти погибших воинов Красной Армии, включая и советских военнопленных. Начиная с 1992 г. принимается ряд нормативно-правовых актов в области мемориальной политики. Республиканские программы, утверждаемые Министерством обороны, а затем и Государственные программы по увековечению памяти защитников Отечества и жертв войн, позволили планомерно производить реконструкцию уже устаревших памятников и мемориальных комплексов на местах массовых захоронений советских военнопленных или установку принципиально новых проектов. К примеру, мемориальные комплексы «Урочище Пески» (г. Полоцк) на месте массового захоронения военнопленных дулага-125¹⁰, «Урочище Борок» в г. Глубоком¹¹, памятные знаки на местах массовых захоронений узников Колдычевского лагеря смерти¹², 5-го полка в Витебске¹³ и др.

Подводя итог сказанному, значительный пласт работы проделан, но впереди еще достаточное количество нерешенных задач. Общее количество погибших и захороненных на территории Беларуси из числа советских военнопленных в 810 091 человек. По данным Управления по увековечению Министерства обороны Республики Беларусь только 457 893 из них увековечены в мемориалах и памятных плитах, не говоря уже о количестве известных имен.

Заключение. Таким образом, на территории Беларуси, не дожидаясь принятия решений на союзном уровне, власти республики активно проводили политику увековечения памяти погибших воинов Красной Армии и партизан. Несмотря на то, что в содержании документов порой не обозначались места захоронений советских военнопленных в качестве объектов мемориализации, обойти их вниманием руководство не могло. Причина тому – их массовость – как по количеству захороненных, так и по территории самого захоронения.

Выделение каких-либо этапов в процессе увековечения памяти советских военнопленных, на наш взгляд, является нецелесообразным, т.к. вопросы решались по мере их возникновения вне зависимости от принимаемых нормативно-правовых актов. В советский период истории, так или иначе, главный упор делался на учёт, укрупнение и установку памятников на могилах воинов Красной Армии и партизан, погибших на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны. В 1960-х гг. места массовых захоронений военнопленных подлежали мемориализации, в основном, в крупных городах: Минске, Гродно, Могилеве, Гомеле и т.д.

Безусловно, 2000-е – 2010-е гг. самые активные в этом плане. Прелюдией к ним являются 1990-е гг., связанные с принятием ряда постановлений Совета Министров и Кабинета Министров Республики Беларусь. На данный момент фактически все места массовых захоронений советских военнопленных поставлены на учёт и имеют мемориальные комплексы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Военнопленные, 1941 – 1956 – Kriegsgefangene / Авт.-сост. Р.А. Черноглазова. – Минск : Скакун: Гилф, 2003. – 472 с.
2. Государственный архив Гомельской области (далее – ГАГО). – Ф. 296. Оп. 1. Д. 706. Л. 651.
3. ГАГО. – Ф. 2789. Оп. 2. Д. 61. Л. 69, 72.
4. Государственный архив Гродненской области. – Ф. 1171. Оп. 1. Д. 58. Л. 152 – 153.
5. Государственный архив Могилевской области (далее – ГАМО). – Ф. 7. Оп. 3. Д. 11. Л. 2 – 3.
6. ГАМО. – Ф. 11. Оп. 2. Д. 26. Л. 45.
7. ГАМО. – Ф. 11. Оп. 5. Д. 173. Л. 456.
8. ГАМО. – Ф. 11. Оп. 5. Д. 195. Л. 258.
9. ГАМО. – Ф. 11. Оп. 5. Д. 615. Л. 344.
10. ГАМО. – Ф. 2030. Оп. 1. Д. 482. Л. 35.
11. Государственный архив общественных организаций Гомельской области. – Ф. 144. Оп. 60. Д. 116. Л. 39–40.
12. Государственный архив общественных организаций Гродненской области. – Ф. 1. Оп. 1. Д. 827. Л. 213–218.
13. Государственный архив общественных объединений Могилевской области. – Ф. 4317. Оп. 11. Д. 36. Л. 11.
14. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. р-7021. Оп. 85. Д. 257. Л. 15.
15. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Віцебская вобласць / АН БССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору ; рэдкал.: С.В. Марцэлеў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. Сав. Энцыкл., 1985. – 496 с.
16. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Гомельская вобласць / АН БССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору ; рэдкал.: С.В. Марцэлеў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. Сав. Энцыкл., 1985. – 383 с.
17. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Гродзенская вобласць / АН БССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору ; рэдкал.: С.В. Марцэлеў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелСЭ, 1986. – 371 с.
18. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Магілёўская вобласць (АН БССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору ; рэдкал.: С.В. Марцэлеў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелСЭ, 1986. – 408 с.
19. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Мінская вобласць / АН БССР. Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору ; рэдкал.: С.В. Марцэлеў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелСЭ, 1987. – 284 с.
20. Лагера советских военнопленных в Беларуси, 1941 – 1944 – Lager Л14 sowjetischer Kriegsgefangener in Belarus, 1941–1944: справ. / авт.-сост. В.И. Адамушко [и др.]; редкол.: В.И. Адамушко (гл. ред.) [и др.]. – Минск : НАРБ, 2004. – 191 с.

¹⁰ URL: <http://war.polotsk.museum.by/node/34806>.

¹¹ URL: <http://vg-gazeta.by/2022/05/09/на-мемориальном-комплексе-борок-сост/>.

¹² URL: <https://www.sb.by/articles/koldychevskiy-lager-smerti.html>.

¹³ URL: <https://www.sb.by/articles/v-vitebske-u-obeliska-5-y-polk-otkryli-pamyatnyy-znak-uznikam-kontslagerey.html>.

21. Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). – Ф. 7. Оп. 4. Д. 3197. Л. 285.
22. НАРБ. – Ф. 790. Оп. 1. Д. 152. Л. 6–7.
23. НАРБ. – Ф. 845. Оп. 1. Д. 94. Л. 8.
24. Новікаў, С.Я. Беларусь улетку 1941 года: новыя падыходы ў даследаванні баявых дзеянняў / С.Я. Новікаў. – 2-е выд-е, выпр. і дап. – Смаленск, 2015. – 436 с.
25. Шумский, В. Знать и помнить / В. Шумский // Лесное и охотничье хозяйство. – 2015. – май. – С. 3–7.

Поступила 22.04.2022

BURIAL SITES OF SOVIET PRISONERS OF WAR ON THE TERRITORY OF BELARUS: ON THE ISSUE OF MEMORIALIZATION

A. KORSACK

The article deals with the problem related to the places of burial of Soviet prisoners of war of the Great Patriotic War on the territory of Belarus and the process of their immortalization in the Soviet period and at the present stage. The research is based on the documents of the State Archive of the Russian Federation, the National Archives of the Republic of Belarus and the state regional archives in Vitebsk, Mogilev, Gomel, Brest and Grodno. Many of the documents are being researched for the first time.

The methods of comparative and cross-analysis, mathematical statistics were used to analyze and verify the documents.

Keywords: *Great Patriotic War, burial places, perpetuation of memory, archives following.*

УДК 902.3.(476.5) + 726.5.03

ГІСТОРЫЯ Вывучэння будаўнічых матэрыялаў МУРАВАННЫХ ПМНІКАЎ ПОЛАЦКА СТАРАЖЫТНАРУСКАГА ПЕРЫЯДУ

А.Л. КОЦ

(Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт імя Еўфрасінні Полацкай)

Тэма даследавання будаўнічых матэрыялаў мураваных помнікаў XI – XII стст. з’яўляецца перспектыўным накірункам археалагічнага вывучэння старажытнага Полацка. Будаўнічы матэрыял варта разглядаць як адну з крыніц інфармацыі аб гісторыі дойлідства на Русі. Да гэтай тэмы навукоўцы звярнуліся яшчэ ў XIX ст., і даследаванні праводзяцца да сённяшняга дня. У Полацку вядома 10 мураваных храмаў і княжацкі церам. Большасць з іх зруйнавана і з’яўляецца археалагічнай спадчынай. У апошнія гады актывізавалася праца ў гэтым накірунку. За апошнія 10 год у межах археалагічных наглядаў, шляхам раскопак і пры рэстаўрацыйных працах даследавана 5 помнікаў архітэктуры і сабрана вялікая калекцыя будаўнічых матэрыялаў (плінфы, плітак падлогі, смальты, рошчыны, фрагментаў тынкоўкі (у тым ліку з жывапісам) і інш.), якая патрабуе далейшага вывучэння.

Ключавыя словы: Полацк, храм, помнік архітэктуры, будаўнічы матэрыял, старажытная цэгла, плінфа.

Уводзіны. Вывучэнне будаўнічых матэрыялаў мураванага дойлідства з’яўляецца вельмі важнай часткай тэмы даследавання старажытнай архітэктуры. Характарызуючы старажытнаруускае дойлідства, як правіла, вучоныя ў першую чаргу спрабуюць прасачыць будаўнічыя тэхналогіі, прыёмы і спосабы ўзвядзення муроў, планіроўку будынкаў і інш. Менш увагі надаецца будаўнічым матэрыялам, альбо яны характарызуюцца ў кантэксце пералічаных тэм даследаванняў. Калі ў дарэвалюцыйных працах можна сустрэць толькі згадкі аб выкарыстанні тонкай цэгля пры ўзвядзенні мураваных пабудоў X – XIII стст. на тэрыторыі Усходняй Еўропы, то даследаванні, прысвечаныя будаўнічым матэрыялам, з’яўляюцца толькі ў 1920-я гады. У савецкі перыяд можна сустрэць асобныя працы айчынных і замежных даследчыкаў. На сённяшні дзень тэма вывучэння будаўнічых матэрыялаў раскрыта недастаткова, тым больш, што асобна для Полацка падобныя даследаванні амаль не праводзіліся. Сціслыя даныя аб будаўнічых матэрыялах Полацка можна сустрэць у артыкулах, прысвечаных пэўным мураваным помнікам. У межах незалежнага перыяду Беларусі да полацкіх матэрыялаў даследчыкі звярталіся толькі пры разглядзе тэмы ў кантэксце ўсіх будаўнічых матэрыялаў XI – XII стст., ці нават XI – XVIII стст. Беларускія вучоныя асноўную ўвагу надзяляюць вывучэнню старажытнай цэгля (плінфы) і пліткам падлогі. У меншай ступені звяртаюцца да разгляду іншых матэрыялаў. Толькі на сучасным этапе даследаванняў была распачата сістэматычная праца па характарыстыцы асобных катэгорый будаўнічых матэрыялаў.

Варта разумець, што да будаўнічых матэрыялаў, акрамя плітак падлогі і плінфы, трэба адносіць драўніну, якая выкарыстоўвалася для ўладкавання сувязей у сценах, лежняў, даху і інш., камяні прыроднага паходжання і апрацаваныя чалавекам, што выкарыстоўваліся ў падмурку, кладцы сцен і інш., пакрыццё даху, тынкоўку (у тым ліку з фрэскавым роспісам), рошчыну для кладкі і інш. Пералічаныя будаўнічыя матэрыялы эпізодычна асвечаны ў айчыннай і замежнай навуковай літаратуры. Асобных даследаванняў па іх, у тым ліку з дапамогай метадаў і сродкаў тэхнічных навук, праводзілася недастаткова.

Вывучэнне будаўнічага матэрыялу даўно стала важнай часткай даследавання старажытнаруускай архітэктуры. Яго варта разглядаць як адну з крыніц інфармацыі па гісторыі дойлідства на Русі. Пад будаўнічым матэрыялам XI – XIII стст. у першую чаргу разумеецца плінфа, але, акрамя таго, даследаванням павінны належаць і вапнавая рошчына, драўляныя канструкцыі, пакрыццё даху, смальта, пліткі падлогі, тынкоўка (у тым ліку з фрагментамі жывапісу) і інш. На сённяшні дзень наяўнасць апісання будаўнічага матэрыялу (асабліва плінфы) стала стандартам для любых навуковых прац, прысвечаных аналізу старажытнаруускіх пабудоў. Шэраг помнікаў азначанага перыяду захаваліся ў выглядзе фрагментаў падмуркаў і ніжніх частак сцен. У такім выпадку збор будаўнічага матэрыялу з развалаў або са слога разбурэння можа падаць вялікі аб’ём інфармацыі аб вывучаемым помніку. Варта засяродзіць увагу на тым, што будаўнічы матэрыял адносіцца, пераважна, да катэгорыі масавых знаходак, у такім выпадку толькі пры правядзенні даследаванняў максімальна ўсёй калекцыі будзе атрымана найбольш дакладная інфармацыя.

Асноўная частка. Падзел гісторыі вывучэння мураванага дойлідства Беларусі, прапанаваны А.А. Трусовым, ахоплівае 4 перыяды: дарэвалюцыйны час, даваенны перыяд (даследаванні на тэрыторыі БССР і ў Заходняй Беларусі), перыяд 1944 – 1991 гг. і сучасны стан даследавання 1991 – 2018 гг. (у апошнім вылучаецца два падперыяды 1991 – 2002 гг. і 2003 – 2018 гг.) [42, с. 7–51]. Такая класіфікацыя актуальная і ў межах даследавання будаўнічых матэрыялаў Полацка, з некаторай карэкціроўкай на сучасным этапе: у межах 1991 – 2021 гг. для Полацка будзе мэтазгодным вылучыць перыяды 1991 – 2011 і 2012 – 2022 гг.

Першыя даследаванні плінфы можна сустрэць у XIX ст. Адным з першых, хто апісаў муроўку са схаваным шэрагам, з’яўляецца Ксенафонт Гаворскі. Ён разглядаў полацкую Барысаглебскую царкву і звярнуў увагу на тонкую цэглу. Ём прадстаўлены памеры плінфы з муроўкі сцяны ў вяршках [9]. У 1864 г. у Полацку працаваў мастак Д. Струкаў, ім былі зроблены вельмі цікавыя замалёўкі мясцовай архітэктуры, пераважна культывых будынкаў, а таксама шэраг археалагічных і гістарычных артэфактаў, таксама, пераважна, культавага прызначэння. Разам з выявамі мастак падае і пэўнае апісанне з параметрычнымі данымі. Сярод такіх апісанняў можна сустрэць прыгадку аб знаходках плінфы ў падвалах Полацкага езуіцкага калегіума [36, с. 14–17]. Сучасныя даследаванні

падцвярджаюць, што плінфа сапраўды магла быць укладзена езуітамі-будаўнікамі ў кладку сцяны помніка архітэктуры ў межах другаснага выкарыстання. Пры апісанні знаходак з Віцебска Д. Струкаў карыстаецца тэрмінам “кирпичи, древние, тонкие плинфовые”, што сведчыць аб усведамленні наяўнасці сярод будаўнічых матэрыялаў старажытнай тонкай плінфы. Першыя афіцыйныя даследаванні старажытнага дойлідства XI – XII стст. у Віцебску і Полацку былі прадстаўлены А. Паўлінавым на IX Археалагічным з’ездзе ў Вільні ў 1893 г. Ён даследаваў Сафійскі сабор, Спасскі храм, Бельчыцкія храмы і Дабравешчанскую царкву ў Віцебску. Ім былі зроблены абмеры Віцебскай царквы, Спаскага храма і руін Вялікага сабора Бельчыцкага манастыра. Даследчык прыводзіць сціслы апісанні старажытнай цэглы [25, с. 1–18]. Апісанне плінфы было зроблена ў межах даследаванняў Сафійскага сабора ў пачатку 1910-х гг. П. Пакрышкіным і К. Шароцкім [47].

У 1923 г. Спаса-Праабражэнскі храм даследаваў маскоўскі гісторык архітэктуры Мікалай Бруноў. Ім быў прапанаваны адзін з першых варыянтаў рэканструкцыі храма. Даследчык засяродзіў увагу на трохлопасцевай крывой у складзе масіўнай апоры барабана. Плінфа ім прыгадана выключна ў кантэксце даследаванняў [5]. У 1920-я гг. полацкія храмы даследаваў мастацтвазнаўца М. Шчакаціхін. Ён вывучаў муроўку Сафійскага сабора XI ст. і ўказаў, што храм пабудаваны з плінфы, якая мае сярэдняю таўшчыню 2,5 см. У муроўцы Спаса-Праабражэнскага храма ён вызначыў наяўнасць схаваных шэрагаў, прасачыў тэхніку будаўніцтва Бельчыцкіх храмаў [49]. Разам з М. Шчакаціхіным працаваў І. Хозераў, які таксама зрабіў значныя адкрыцці адносна пералічаных полацкіх храмаў: прапанавана рэканструкцыя Спаса-Праабражэнскага храма (дапоўненая версія М. Брунова), вызначана позняе паходжанне заходніх апсід Сафійскага сабора і зроблена рэканструкцыя яго плана. Важнай вехай з’яўляецца правядзенне І. Хозеравым і М. Шчакаціхіным грунтоўнага даследавання руін Пятніцкай і Барысаглебскай царкваў, якія надалей цалкам былі знішчаны да ўзроўню дзённай паверхні. І. Хозераў указвае на наяўнасць драўляных дубовых брусоў, што ляжалі ў аснове падмурка Пятніцкай царквы, вызначаны два ўзроўні падлогі, адна з якіх заліта вапнавай рошчынай, а другая выкладзена паліванымі пліткамі [44].

Іван Хозераў першы, хто прысвяціў асобнае даследаванне найбольш распаўсюджанаму будаўнічаму матэрыялу на нашых землях у XI – XII стст. – плінфе. Ён абгрунтаваў падзел выяў на плінфах на знакі і клеймы. Першыя – гэта рэльефныя выявы на тарцах, радзей на пастэлях, а выявы, пастаўленыя (адціснутыя) штампам, ён назваў клеймамі [45, с. 168]. Да сённяшняга дня шэраг даследчыкаў называюць знакі на тарцах клеймамі, але, на наш погляд, гэта з’яўляецца памылкай. У публікацыі, на прыкладзе полацкай і смаленскай цэглы ён прыводзіць метады даследавання плінфы са знакамі, вызначае іх асаблівасці, выказвае меркаванне аб іх прызначэнні [45].

Нажаль, складаныя 1930-я – 1940-я гг. трагічна адбіліся на лёсах шэрагу савецкіх навукоўцаў. Большасць даследчыкаў-археолагаў, у тым ліку і археолагаў архітэктуры, былі расстраляны ці забіты ў віхуры вайны. У другой палове 1940-х гг. беларуская археалогія і гісторыя архітэктуры выходзіла новых даследчыкаў амаль што без грунтоўнага вопыту папярэднікаў і, галоўным чынам, прамой перадачы вопыту даследаванняў. У 1946 г. І. Хозераў аднавіў працу па Спаса-Праабражэнскім храме на некалькі гадоў. Ён зрабіў шэраг зандажэй царквы і Сафійскага сабора, але гэтая праца не была ўведзена ў шырокі навуковы зварот.

У другой палове XX ст. тэма сярэднявечнай архітэктуры стала адной з выключных тэм у даследаванні культуры старажытнай Русі. Шэраг прац П.А. Раппарта застаюцца па сённяшні дзень зборнікам ведаў аб будаўніча-тэхнічных аспектах старажытнарускай архітэктуры. Для даследчыкаў стала стандартам пры апісанні любых помнікаў вызначэнне будаўнічай тэхнікі і сціслы аналіз будаўнічых матэрыялаў з пазначэннем параметрычных даных.

Першыя пасляваенныя, грунтоўныя і буйнамаштабныя даследаванні старажытнарускіх помнікаў архітэктуры ў Полацку прыпадаюць на перыяд працы ленынградскага археолага М.К. Каргера ў 1957–1964 гг. У 1957 г. ён праводзіў раскопкі на Верхнім замку, на месцы будучага анкалагічнага дыспансера. У першай палове 1960-х гг. ён правёў раскопкі храма-пахавальні на тэрыторыі Спаса-Еўфрасінеўскага манастыра [17], у 1967 г. раскапаў фрагменты падмуркаў і ніжніх частак сцен храма на Верхнім замку (на дзядзінцы) [16]. Далей праца была працягнута П.А. Раппартам, які ў 1975–1977 гг. праводзіў раскопкі храма на Стрэлцы Ніжняга замка, храма на Рове, Спаса-Праабражэнскага храма, княжацкага церама і помнікаў Бельчыцкага манастыра [27]. У абагульняючым артыкуле даследчыка “Полоцкое зодчество XII в.” ахарактарызаваны шэраг помнікаў, якія даследаваліся ў пасляваенны перыяд экспедыцыямі ленынградскіх вучоных: храм-пахавальня, храм на Стрэлцы Ніжняга замка, храм на Рове і Вялікі сабор Бельчыцкага манастыра. Пры характарыстыцы кожнага даследчык звяртаецца і да будаўнічых матэрыялаў: вызначае памернасць плінфы, апісвае выкарыстанне прыродных камянёў у кладцы і падмурках, характарызуе пліткі падлогі і смальту, фіксуе наяўнасць фрагментаў тынкоўкі з фрэскавым роспісам. П.А. Раппорт вызначае багатае ўбранне інтэр’ера храма-пахавальні, што характарызуецца знойдзенымі падчас раскопак пліткамі падлогі і смальты ў вялікай колькасці. Даследчык падае іх дакладнае апісанне [27].

У 1960-я гг. да тэмы старажытнарускай архітэктуры звярнуўся Г.В. Штыхаў. У 1962 г. ім былі зроблены шурфы на Стрэлцы Ніжняга замка, што дазволіла вызначыць верагоднае месца размяшчэння мураванага храма. Пазней тут праводзілі раскопкі М.К. Каргер і П.А. Раппорт. Таксама, дзякуючы актыўнаму ўдзелу Г.В. Штыхава, атрымалася правесці даследаванні ленынградскай экспедыцыі храма на дзядзінцы. У 1963–1964 гг. Г.В. Штыхаў праводзіў раскопкі Дабравешчанскай царквы ў Віцебску. Неаднаразова мэтрам полацкай археалогіі абследаваліся сцены і паддаша Спаса-Праабражэнскага храма. Усе гэтыя працы былі складзены Г.В. Штыхавым у артыкул “Древнеполоцкое каменное зодчество”, які пабачыў свет ў 1967 г. Гэта першая праца, якая грунтоўна абагульніла даследаванні ўсіх, вядомых на той момант, помнікаў Полацка. Вучоны скарыстоўвае як вынікі ўласных раскопак і даследаванні апошніх гадоў, так і звяртаецца да прац папярэднікаў. Ён характарызуе будаўнічыя матэрыялы (плінфу, пліткі падлогі, рошчыну, тынкоўку, драўляныя канструкцыі і інш.), пераважна, са спасылкай на І.М. Хозерава, а таксама на аснове ўласных даследаў [48].

Даследаванням смальты (мазаічнага шкла) прысвечаны артыкул М.А. Безбародава. Ён правёў аналіз знаходак з храма-пахавальні і адзначыў у асобных выпадках падабенства складу смальты з Полацка і Чарнігава [4].

У 1970-я гг. была распачата праца па рэстаўрацыі Полацкага Сафійскага сабора. З 1975 г. пачалі праводзіцца археалагічныя і архітэктурныя даследаванні дадзенага помніка культуры. Даследчая праца ажыццяўлялася пад кіраўніцтвам П.А. Раппарта і В.А. Булкіна, а потым цалкам кіравалася апошнім. Падчас вывучэння была сабрана вялікая калекцыя плінфы са знакамі на тарцах, выяўлены шэраг плітак падлогі, мноства фрагментаў тынкоўкі з фрэскамі, аплаўленыя свінцовыя лісты з даху сабора [42, с. 21]. Але большая частка палявога матэрыялу не была ўведзена ў навуковы зварот, у тым ліку і інфармацыя па будаўнічым матэрыялам. Зараз групай даследчыкаў пад кіраўніцтвам І.У. Анціпава, вучня В.А. Булкіна, вядзецца паступовая апрацоўка палявых запісаў і ўвод іх у навуковы зварот. Вынікі даследаванняў былі прадстаўлены ў зборніку “Архітэктурная спадчына” ў 2021 г. [2, с. 16]. Даследчыкі праводзяць працу з палявымі матэрыяламі і натурныя даследаванні Сафійскага сабора, у тым ліку, было зроблена і 3D-сканіраванне сабора.

Вялікі сабор Бельчыцкага манастыра даследаваўся М.К. Каргерам, П.А. Раппартам і іх папярэднікамі. Апошнія паўнаватрасныя даследаванні тут правёў А.А. Трусаў. Даследчыкам была выяўлена плінфа двух фармаўтаў, лекальная трапецыяпадобная плінфа, плінфа са знакамі, пліткі падлогі, якія добра ахарактарызаваны ў артыкуле [39, с. 48].

На пачатку 1990-х гг. было выдадзена шэраг прац, у якіх даследчыкі звяртаюцца і да тэмы полацкіх будаўнічых матэрыялаў XI – XII стст. Паліваныя пліткі падлогі ахарактарызаваны ў працах “Беларуская паліваная кераміка XI – XVIII стст.” [13] і “Маёліка на Беларусі ў XI – XVIII стст.” [7]. А.А. Трусаў надрукаваў нявыдадзеныя на працоўкі І. Хозерава [44]. Пасля смерці П.А. Раппарта было зроблена некалькі пасмяротных выданняў, у тым ліку манаграфіі і зборнікі артыкулаў, прысвечаныя памяці даследчыка. У працы “Древнерусская архитектура” ахарактарызаваны полацкая і гродзенская архітэктурныя школы, звернута ўвага на будаўнічыя арцелі, магчымасці вытворчасці будаўнічых матэрыялаў і прыёмы іх выкарыстання [28]. У манаграфіі “Строительное производство Древней Руси X – XIII вв.” прааналізаваны будаўнічыя канструкцыі і матэрыялы, арганізацыя будаўніцтва манументальных помнікаў, у тым ліку і полацкіх [29]. У 1992 г. выйшла ў свет вялікая праца А.А. Сяліцкага, дзе абагульнены матэрыялы вывучэння жывапісу полацкіх і віцебскага храмаў. Пры агульнай характарыстыцы помнікаў аўтар таксама завяртаецца да будаўнічых матэрыялаў: драўляныя канструкцыі, плінфа, прыродныя камяні, рошчына і тынк, у тым ліку з фрагментамі жывапісу [31].

Невялікія даследаванні ў межах будаўнічай траншэі былі праведзены Д.У. Дукам на тэрыторыі Бельчыцкага манастыра. Даследчык абагульніў вынікі сваёй працы ў артыкуле “К итогам археологического надзора за строительными работами на территории Бельчицкого Борисоглебского монастыря в городе Полоцке в 2003 году”. Ён дае сціслую характарыстыку выяўленай плінфы і іншых будаўнічых матэрыялаў [10]. Раскопкі Д.У. Дука на Полацкім гарадзішчы дазволілі сабраць вялікую калекцыю плінфы і іншага царкоўнага начыння. Даследчык пазначае, што выяўлена больш 500 фрагментаў старажытнай цэглы, якая можа належыць да невядомага помніка архітэктурны. Выяўлены толькі фрагменты, у якіх фіксуецца таўшчыня [11, с. 263]. Паводле калекцыйнага вопісу масавых знаходак у справаздачы зафіксавана каля 980 фрагментаў плінфы [12].

Шматлікія назіранні ў Полацку за будаўнічымі працамі праводзіліся А.А. Салаўёвым. Пры пракладцы камунікацый па вуліцы Войкава (на ўскраіку Вялікага пасада) сабрана значная калекцыя плінфы, у тым ліку, перапазеная, без слядоў выкарыстання і некалькі бракаваных плітак падлогі. Артэфакты дазволілі навукоўцу выказаць меркаванне аб размяшчэнні тут, паблізу азначанай вуліцы, печы для абпалу плінфы і пляцоўкі па вытворчасці будаўнічых матэрыялаў [34].

Агульны агляд будаўнічых матэрыялаў XI – XIII ст. зроблены І. Ганецкай. У першую чаргу яна засяроджвае ўвагу на полацкіх матэрыялах, як прыродных, так і рукаворных. Даследчыца прыходзіць да высновы аб фарміраванні сталых будаўнічых традыцый, што падцвярджае наяўнасць мясцовых майстроў усіх будаўнічых спецыяльнасцей. Па яе меркаванні, напачатку XII ст. у Полацку канчаткова афармляюцца ўласныя будаўнічыя традыцыі [8].

Л.В. Аляксеевым была выдадзена манаграфія, прысвечаная археалогіі і культуры Беларусі і Смаленшчыны ў IX – XIII стст. У другім томе працы змешчаны раздзел па архітэктурны Полацка і іншых гарадоў Беларусі. Акрамя архітэктурна-археалагічнага аналізу, даследчык звяртаецца і да асобных катэгорый будаўнічага матэрыялу: плінфа, пліткі падлогі, смальта і інш. [1]. Асобныя артыкулы ў энцыклапедычных і навуковых выданнях агульнага характару па археалогіі Беларусі таксама прысвечаны будаўнічаму матэрыялу XI – XII стст. ці традыцыям развіцця тэхналогій будаўніцтва. У двухтомнай энцыклапедыі “Археалогія Беларусі” размешчаны артыкулы, прысвечаныя плінфе, пліткам падлогі, цэгле, тынкоўцы і інш. [3].

Па меркаванні А.А. Трусава, на 1990-я – пачатак XXI ст. прыпадае росквіт архітэктурнай археалогіі. Ён звязвае гэта з рэканструкцыяй гістарычных цэнтраў гарадоў і мястэчак, а таксама аднаўленнем некаторых архітэктурных комплексаў. Тым не менш, у Полацку ў гэты перыяд праводзіцца толькі планамерныя вывучэнні Спаса-Праабражэнскага храма. А вось у апошнія гады, па вызначэнні А.А. Трусава, адбываецца пагаршэнне сітуацыі: шэраг сталых навукоўцаў перасталі праводзіць даследаванні, новае пакаленне практычна не рыхтуецца, запрашаюцца замежныя спецыялісты. Даследчык мае рацыю, але адносна даследаванняў старажытнарускай архітэктурны Полацка з гэтым нельга пагадзіцца. Сапраўды, актыўны ўдзел у даследаваннях Спаса-Праабражэнскага храма прымаюць архітэктары, археолагі, рэстаўратары і мастацтвазнаўцы з Расіі, але для беларускіх даследчыкаў гэта прыяе назапашванню вопыта і перайманню сучасных метадык у вывучэнні старажытнарускай архітэктурны. Напрацягу апошняга дзесяцігоддзя мы можам назіраць павелічэнне цікавасці да вывучэння полацкіх помнікаў XI –

XII стст., у тым ліку і будаўнічых матэрыялаў азначанага перыяду: праводзяцца асобныя канферэнцыі¹, ладзяцца выставы², выдаюцца зборнікі і артыкулы і інш. На сучасным этапе пабачылі свет шэраг публікацый і прадстаўлена значная колькасць дакладаў на канферэнцыях па тэме старажытнарускага мураванага дойлідства Полацка.

Даследаванні драўляных канструкцый Спаса-Праабражэнскага храма правёў М.В. Ярмохін. Ім вызначаны асаблівасці дошак, на якіх трымаюцца слупы хораў, ацэнена шчыльнасць і якасць драўніны, але гэтыя матэрыялы, пакуль што, застаюцца не апублікаванымі. Галоўным адкрыццём навукоўца было ўдакладненне даты будаўніцтва царквы. На аснове дэндрахраналагічнага аналізу драўніны ім вызначаны перыяд узвядзення храма ў межах канца 1120-х – пачатку 1130-х гг. [50].

У адным са сваіх артыкулаў Е.Н. Торшын пераканаўча паказаў значэнне вывучэння будаўнічых матэрыялаў. Вядома, што асноўным будаўнічым матэрыялам для Полацкай Сафіі, як і для іншых помнікаў Полацка, з’яўляецца плінфа. Даследчык пазначае, што вывучэнню плінфы прысвечаны шэраг спецыяльных прац, у якіх сфарміравана агульнае ўяўленне аб гэтым будаўнічым матэрыяле, часткова рэканструювана тэхналогія вытворчасці і вызначаны асаблівасці розных груп помнікаў. Адметнасці плінфы Полацкай Сафіі (памеры, наяўнасць знакаў на тарцах і іх адсутнасць на пастэлях) з’яўляюцца адной з тэзаў даследчыка, на аснове якіх прапанаваны варыянт будаўніцтва Сафійскага сабора ў Полацку ў канцы XI ст. (1071–1101 гг.) [37]. Гэтай жа канцэпцыі прытрымліваецца і А.М. Іаанісян. Ён сваю думку агучыў на канферэнцыі “Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі” у 2012 г. [15]. Агулам, азначаная канферэнцыя стала, у пэўнай ступені, знакавай для тэмы вывучэння полацкіх помнікаў архітэктуры XI – XII стст., бо было агучана шмат дакладаў, прысвечаных менавіта даследаванням Спаса-Праабражэнскага храма ў Полацку, якія склалі аснову асобнага зборніка. У сваіх паведамленнях даследчыкі звярталіся да тэмы фрэскавага жывапісу Спаса-Праабражэнскага храма (Сараб’янаў У.Д., Скабцова Д.А., Сяліцкі А.А., Васільеў Б.Р.) і пытанняў яго панаўлення (Грабеншчыкова А.Б.). Спецыялісты аддзела фізіка-хімічных даследаванняў ААТ “Праектрэстаўрацыя” Краўчук А.М. і Гаўрыленка Н.У. прадставілі вынікі вывучэння ўласцівасцей будаўнічых матэрыялаў Спаса-Праабражэнскага храма [22]. Даследчыкі вылучылі тры групы рошчыны (паводле складу): вапнава-цамяначныя, вапнава-пясчаныя і рамонтныя цэментна-вапнава-пясчаныя позняга перыяду. Вызначана, што плінфа адрозніваецца фізіка-хімічнымі параметрамі і мае розніцу ў структуры. Выказана меркаванне адносна рознай тэхналогіі вырабу або розніца ў структуры тлумачыцца рознымі перыядамі вырабу [22, с. 186, 191]. Да пытанняў будаўніцтва Спасскага храма звяртаўся і рэстаўратар У.В. Ракіцкі. Ён выказаў меркаванне аб прапарцыянальнасці Спасскага храма і сістэмнасці параметрычных даных помніка [26, с. 42].

На сучасным этапе А.А. Трусовым апублікаваны шэраг даследаванняў па вывучэнні будаўнічых матэрыялаў, гісторыі даследавання архітэктурных помнікаў, аналізу тэхнікі муроўкі розных перыядаў, асобных дэталей і элементаў помнікаў архітэктуры і інш. [38; 40]. У гэтым ключы ён звяртаецца і да будаўнічых матэрыялаў Полацка XI – XIII стст., але разглядае іх у кантэксце эвалюцыі: ад пачатку зараджэння мураванай архітэктуры на беларускіх землях да XVIII ст. Тэма гісторыі вывучэння мураванага дойлідства ў айчынай і замежнай літаратуры раскрыта дастаткова шырока. Большая частка даследаванняў была сабрана і апрацавана А.А. Трусовым у асобнай працы “Эвалюцыя будаўнічых матэрыялаў і тэхнікі манументальнага дойлідства Беларусі XI – XVIII стст.” [42], а таксама асобнымі артыкуламі [41]. У межах першай главы манаграфіі даследчык зрабіў дастаткова падрабязны гістарыяграфічны агляд мураванага дойлідства Беларусі XI – XVIII стст. Тэма будаўнічых матэрыялаў, у тым ліку і з Полацка, у гістарыяграфіі надаецца досыць шмат увагі, але асобныя працы не прыгаданы альбо ахарактарызаваны вельмі сцісла, што тлумачыцца больш шырокім полем праблематыкі манаграфіі. Сама характарыстыка будаўнічых матэрыялаў Полацкіх каменных пабудов разліжана даследчыкам дастаткова падрабязна [42, с. 57–64]. Агульная характарыстыка плінфы з розных помнікаў і асобныя вызначальныя знаходкі прадстаўлены ў публікацыях С.В. Тарасава.

Працягвае апрацоўваць архіў В.А. Булкіна І.У. Анціпаў з калектывам сааўтараў. Асобныя аспекты гэтых даследаванняў прадстаўлены на канферэнцыях. Адна з іх – “Архітэктурная археалогія” 2021 г., дзе было агучана паведамленне “София Полоцкая: основные итоги и перспективы изучения”. Аўтар даклада адзначаў, што вывучэнне будаўнічых матэрыялаў XI ст. з’яўляецца вельмі перспектыўным накірункам далейшых даследаванняў³. Таксама даследчыкі звярталіся да архітэктуры Полацкай Сафіі XVIII ст. і базыльянскага кляштара. Паколькі пры адбудове Сафійскага сабора і ўзвядзенні кляштара выкарыстоўвалася старажытная плінфа, то ў публікацыях можна сустрэць і яе характарыстыкі [6; 35].

Да асобнай катэгорыі будаўнічых матэрыялаў можна аднесці і керамічныя начынні. Так, амфары ў муроўваліся ў сцены храма ў якасці рэзанатараў гука, а таксама для аблягчэння вагі зводаў. Даследаванні амфар, умураваных у сцены Спаса-Праабражэнскага храма, праводзіў аўтар артыкула ў 2013 г. Варта зазначыць, што гэта самы вялікі збор імпартага посуду сярэднявечнага перыяду на тэрыторыі Беларусі [18].

У 2016 і 2017 гг. праводзіліся даследаванні храма-пахавальні Спаса-Еўфрасіньеўскага манстыра. Галоўнай задачай раскопак была фіксацыя дакладнага месца лакалізацыі помніка, вызначэнне некаторых дэталей архітэктуры храма і ўдакладненне наяўнасці заходняга прытвора, вызначанага М.К. Каргерам. Вынікі даследаванняў 2016 г. падведзены ў публікацыі І.У. Магалінскага. Аўтар з калектывам сааўтараў, акрамя апісання выяўленых канструкцый, пазначае тэхніку муроўкі зафіксаваных частак галерэй, памернасць плінфы і характарызуе іншыя

¹ Полоцкий Спасо-Евфросиниевский монастырь. События: конференция [Электронный ресурс]. URL: <http://spas-monastery.by/events/news/15941/>.

² Памятники каменного зодчества Древнего Полоцка (по материалам раскопок М.К. Каргера из собрания Новгородского музея) – выставка [Электронный ресурс]. URL: <http://polotsk.museum.by/be/node/35568>.

³ URL: <https://www.youtube.com/watch?v=vyFqtRXZ1IY>.

будаўнічыя матэрыялы [23]. А вось даследаванні 2017 г. пад кіраўніцтвам Д.У. Дука, калі была выяўлена ўнікальная плінфа з чарцяжом храма, застаюцца неапублікаванымі.

Да праблемы вывучэння матэрыялаў Спаса-Праабражэнскага храма звяртаецца І.А. Іваноўская. У сваім дысертацыйным даследаванні [14] яна засяроджвае ўвагу на патрэбе стварэння музейнага комплексу, у якім будуць захоўвацца і вывучацца артэфакты, здабытыя падчас рэстаўрацыйных і даследчых работ на Спасскім храме, у тым ліку і будаўнічыя матэрыялы [14, с. 105]. Даследчыца ўказвае на недахоп апісанняў архітэктуры і фрэскавага роспісу, патрэбу ў каталагізацыі прадметаў і аб'ектаў і вартасць стварэння даведніка [14, с. 92]. Таксама яна сцісла звяртаецца да пытання апрацоўкі і захавання археалагізаваных фрагментаў фрэскавага жывапісу, сабраных падчас раскопак вакол Спасскага храма, прапануе комплексную праграму па апрацоўцы дадзенай калекцыі [14, с. 106]. Археалагічна-архітэктурныя даследаванні вакол Спаса-Праабражэнскага храма дазволілі выявіць зруйнаванне галерэі XII ст. Яны былі багата распісаны фрэскавым жывапісам як і інтэр'ер храма. Фрэскі з галерэй былі выяўлены ў фрагментах падчас археалагічных раскопак. Аўтар артыкула некалькімі публікацыямі раскрыў тэму збору, першаснай апрацоўкі і захавання фрагментаў тынкоўкі з фрэскавым жывапісам, выяўленых у часе раскопак [20; 21]. Метадалагічныя аспекты вывучэння археалагізаваных фрагментаў фрэскавага жывапісу прадстаўлены Т.У. Федарэнка. Яна распавядае пра вопыт працы Наўгародскай рэстаўрацыйнай майстэрні і прапануе праводзіць такія ж даследаванні і на беларускіх помніках архітэктуры [43].

Вывучэнню манументальнага жывапісу прысвечана фундаментальная праца В.Д. Сараб'янава і шэраг яго артыкулаў [30]. Таксама артыкулы па вывучэнні фрэсак прадстаўлены Д.А. Скабцовай [33], але працы носяць, пераважна, мастацтвазнаўчы характар і толькі ўскосна звязаны з будаўнічымі матэрыяламі Спасскай царквы. Д.А. Скабцова звярталася да калекцыі фрагментаў тынкоўкі з фрэскавым жывапісам з раскопак храма-пахавальні, якія зараз знаходзяцца ў фондах Наўгародскага музея-запаведніка. Даследчыца больш звяртаецца да мастацкіх асаблівасцей пісьма і ўдзяляе шмат увагі яго характарыстыцы [32].

Апошнім часам даследаванні Спаса-Праабражэнскага храма спарадзілі шэраг публікацый і дакладаў на канферэнцыях. Важнай кропкай у вывучэнні старажытнарускай мураванай архітэктуры стала канферэнцыя “Спаса-Праабражэнскі храм у горадзе Полацку: пытанні вывучэння і рэстаўрацыі”, якая была арганізавана Полацкім Спаса-Еўфрасіньеўскім манастыром і Полацкім дзяржаўным універсітэтам пры падтрымцы Міністэрства культуры Рэспублікі Беларусь⁴. Доклады на канферэнцыі закраналі розныя тэмы, звязаныя як выключна са Спаса-Праабражэнскім храмам, так і больш шырокае кола праблематыкі царквы і архітэктуры Полацка, і ўсёй Усходняй Еўропы. Шэраг дакладаў тычыўся і будаўнічых матэрыялаў Спасскага храма. К.С. Чарыкава ў сумеснай працы з калектывам археолагаў прадставіла метадыку выяўлення, а таксама сціслую характарыстыку фрагментаў фрэсак, якія былі знойдзены цягам археалагічных раскопак [46]. На азначанай канферэнцыі аўтарам артыкула пры ўдзеле іншых даследчыкаў абагульнены знаходкі плінфы са знакамі на тарцах з археалагічных раскопак пры храме ў 2018 г. [19]. В.М. Матвеевым (з калектывам сааўтараў) прадстаўлены даследаванні плітак падлогі, выяўленых падчас раскопак пры Спасскім храме ў 2015 – 2019 гг. Асноўная ўвага надаецца калекцыі плітак, што паходзяць з драўлянага храма, які існаваў на месцы мураванага, а таксама была ахарактарызавана невялікая калекцыя знаходак, якія не маюць прамога дачынення да канструкцыі вядомага помніка [24]. В.М. Матвееў спецыялізуецца на даследаваннях плітак падлогі старажытнарускіх помнікаў архітэктуры, у тым ліку працаваў і з полацкімі матэрыяламі. Ім апублікаваны звесткі пра пліткі падлогі з храма-пахавальні і прадстаўлены некаторыя версіі рэканструкцый фрагментаў падлогі. Таксама навуковец агучыў даклад на канферэнцыі ў 2022 г. “Беларускае Падзвінне: вопыт, метадыка і вынікі палявых і міждyscyплінарных даследаванняў” у Полацкім дзяржаўным універсітэце на тэму “Полю в техникеopus sectile в храмах Полоцкой земли в XI–XIII вв.”. Матэрыялы па керамічных падлогах у культавых пабудовах на тэрыторыі Беларусі (у тым ліку і полацкіх) ахарактарызаваны ў асобным артыкуле А.А. Трусавым.

Заклучэнне. Такім чынам, аналіз навуковай літаратуры паказвае, што тэма будаўнічых матэрыялаў мураванага дойлідства XI – XII стст. Полацка прадстаўлена шэрагам публікацый, але раскрыта недастаткова. Сучасныя метады, у тым ліку і тэхнічныя магчымасці, дазваляюць больш даскладана вывучыць асобныя катэгорыі артэфактаў. У гэтым ключы варты адзначыць, што калекцыі будаўнічых матэрыялаў патрабуюць паўторнага перагляду з сучаснымі падыходамі. Актыўная праца ў межах археалагічных даследаванняў і рэстаўрацыі мураваных помнікаў у Полацку ў апошнія дзесяцігоддзі спрыяе пашырэнню колькасці артэфактаў, вартых навуковых даследаванняў і адкрытых публікацый.

ЛІТАРАТУРА

1. Алексеев, Л.В. Западные земли домонгольской Руси: очерки истории, археологии и культуры : в 2 кн. / Л.В. Алексеев. – М. : Наука, 2006. – Кн. 2. – 167 с.
2. Архитектурно-археологические исследования Софийского собора в Полоцке в 1975–1980, 1984 годах / И.В. Антипов [и др.] // Архитектурное наследие. – 2021. – № 74. – С. 16–28.
3. Археология Беларуси : энцикл. : у 2 т. / рэдкал.: Т.У. Бялова (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. Энцикл. імя П.Броўкі, 2011. – Т. 2. Л–Я. – 464 с.
4. Безбородов, М.А. Исследования мозаичных стёкол XII в. из Полоцка / М.А. Безбородов // Доклады АН БССР. – 1964. – Т. 8, № 3. – С. 169–170.
5. Бруноў, Н.І. Беларуская архітэктура XI – XII стст. / Н.І. Бруноў // Зборнік артыкулаў. Этнаграфія. Антрапалогія. Псіхатэхніка і навуковая арганізацыя працы. Гісторыя мастацтва. – Менск, 1928. – С. 274.
6. Булкин, В.А. К строительной истории Софии Полоцкой в XVII – XVIII в. / В.А. Булкин // Вестник ПСТГУ. Сер. V: Вопросы истории и теории христианского искусства. – 2019. – Вып. 34. – С. 134–145.

⁴ URL: <http://spas-monastery.by/events/archive/15943/>.

7. Ганецкая, I.Y. Маёліка на Беларусі ў XI – XVIII стст. / I.Y. Ганецкая. – Мінск : Навука і тэхніка, 1995. – 120 с.
8. Ганецкая, I.Y. Будаўнічыя матэрыялы і будаўнічая тэхніка ў культываваным дойлідстве Полацкай зямлі XI – XIII ст. / I.Y. Ганецкая // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – 2003. – Вып. 6. – С. 26–40.
9. Говорский, К.А. Историческое описание полоцкого Борисоглебского монастыря / К.А. Говорский // Вестн. Зап. Росии. – 1864. – № 5.
10. Дук, Д.В. К итогам археологического надзора за строительными работами на территории Бельчицкого Борисоглебского монастыря в городе Полоцке в 2003 году / Д.В. Дук // Труды Государственного Эрмитажа : [Т.] 46: Архитектура и археология Древней Руси: материалы научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения М.К. Каргера (1903–1976) / Государственный Эрмитаж. – СПб : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. – С. 60–64.
11. Дук, Д.У. Археалагічныя раскопкі на старажытным полацкім гарадзішчы ў 2007 г. / Д.У. Дук // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі : матэрыялы V Міжнар. навуц. канф., 24–25 кастр. 2007 г. / уклад. Т.Л. Джумантаева. – Полацк : ППГКМЗ, 2009. – С. 255–278.
12. Дук, Д.У. Справздача аб археалагічных раскопках на полацкім гарадзішчы ў 2007 г. У 2 ч. : Ч. 1. Тэкст / Д. У. Дук / Фонд археалагічнай навуковай дакументацыі Цэнтральнага навуковага архіва Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Справа № 2537.
13. Здановіч, Н.І. Беларуская паліваная кераміка XI – XVIII ст. / Н.І. Здановіч, А.А. Трусаў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1993. – 183 с.
14. Ивановская, И.О. Музеи и Русская православная церковь: способы и технологии музеефикации церковного искусства в Российской Федерации и Республике Беларусь : дис. ... канд. культурологии : 24.00.03 / И.О. Ивановская ; Росс. науч.-исслед. ин-т культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва. – М., 2021. – 269 л.
15. Иоаннисян, О.М. От Десятинной церкви до Софии Полоцкой (о становлении древнерусского зодчества) / О.М. Иоаннисян // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі : матэрыялы VI Міжнар. навуц. канф., Полацк, 1–3 ліст. 2012 г. : у 2 ч. – Полацк : НПГКМЗ, 2013. – Ч. 1. – С. 120–144.
16. Каргер, М.К. К истории полоцкого зодчества XII века (руины вновь открытого храма на Верхнем замке) / М.К. Каргер // Новое в археологии : сб. ст., посвящ. 70-летию А.В. Арциховского. – М. : Изд-во МГУ, 1972. – С. 202–204.
17. Каргер, М.К. Храм-усыпальница в Евфросиньевском монастыре в Полоцке / М.К. Каргер // Советская археология. – 1977. – № 1. – С. 241–244.
18. Коц, А.Л. Спецыфіка апрацоўкі археалагічных знаходак з раскопак на помніках архітэктуры старажытнарускага перыяду / А.Л. Коц // Охрана и популяризация культурного наследия: мировой и отечественный опыт : материалы междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 22–23 окт. 2021 г. / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: А.Н. Дулов (отв. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГУ им. П.М. Машерова, 2021. – С. 91–97.
19. Коц, А.Л. Амфары-галаснікі са Спаса-Прабражэнскай царквы Спаса-Еўфрасіньеўскага манастыра ў Полацку / А.Л. Коц // Зборнік дакладаў навуковай канферэнцыі, Віцебск, 23–24 кастр. 2014 г. / Упраўленне ідэалагічнай работы, культуры і па справах моладзі Віцебскага аблвыканкама, Віцеб. абл. краязн. музей ; рэдкал.: Г.У. Савіцкі. – Віцебск : ВДУ імя П.М. Машэрава, 2017. – С. 44–49.
20. Знаки на торцах плитки Спаса-Преображенского храма в Полоцке (по материалам архитектурно-археологических раскопок 2018 г.) / А.Л. Коц [и др.] // Спаса-Преображенский храм в г. Полоцке: вопросы изучения и реставрации : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Полоцк, 17–18 сент. 2019 г. – Полоцк : Полоц. книж. изд-во, 2022. – С. 162–171.
21. Коц, А.Л. Фрагменты манументальнага жывалісу як археалагічныя знаходкі (па матэрыялах раскопак каля Спаса-Прабражэнскага храма ў Полацку): тэхналогія пошуку, падрыхтоўка да захавання і аднаўлення выяў / А.Л. Коц // «Ars longa: навуковыя дасягненні і перспектывы : зб. тэз. III нав.-практ. канф. маладых даследчыкаў, Мінск, 21 мая 2020 г. / Ін-т гісторыі НАН Беларусі. – Мінск : Ін-т гісторыі, 2020. – С. 69–71.
22. Кравчук, Е.М. Исследование строительных материалов Спаса-Преображенской церкви XII века в г. Полоцке / Е.М. Кравчук, Н.В. Гавриленко // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі : матэрыялы VI Міжнар. нав. канф., Полацк, 1–3 ліст. 2012 г. : у 2 ч. – Полацк : НПГКМЗ, 2013. – Ч. 1. – С. 181–195.
23. Магалінскі, I.Y. Папярэднія вынікі археалагічных даследаванняў на тэрыторыі Спаса-Еўфрасіньеўскага манастра / I.Y. Магалінскі, Я.М. Торшын, П.Л. Зыкаў // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – 2018. – № 29. – С. 277–280.
24. Матвеев, В.Н. Древнерусские керамические плитки из раскопок вокруг Спасского собора Евфросиниевского монастыря в Полоцке (по материалам работ 2017—2019 гг.) / В.Н. Матвеев, Е.Н. Торшин, А.Л. Коц // Спаса-Преображенский храм в г. Полоцке: вопросы изучения и реставрации : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Полоцк, 17–18 сент. 2019 г. – Полоцк : Полоц. книж. изд-во, 2022. – С. 188–201.
25. Павлинов, А.М. Древние храмы Витебска и Полоцка / А.М. Павлинов // Труды IX. – Т. 1. – М. : Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1895. – С. 1–18.
26. Ракицкий, В.В. Мера, мерки и обмеры Спасской церкви XII в. в Полоцке / В.В. Ракицкий // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі : матэрыялы VI Міжнар. нав. канф., Полацк, 1–3 ліст. 2012 г. : у 2 ч. – Полацк : НПГКМЗ, 2013. – Ч. 1. – С. 36–47.
27. Раппопорт, П.А. Полоцкое зодчество XII века / П.А. Раппопорт // Советская археология. – 1980. – № 3. – С. 142–161.
28. Раппопорт, П.А. Древнерусская архитектура / П.А. Раппопорт. – СПб. : Стройиздат, С.-Петерб. отд-е, 1993. – 286 с.
29. Раппопорт, П.А. Строительное производство Древней Руси X–XIII вв. / П.А. Раппопорт. – СПб. : Наука, 1994. – 160 с.
30. Сарабянов, В.Д. Спасская церковь Евфросиниевского монастыря в Полоцке / В.Д. Сарабянов. – 3-е изд., доп. и перераб. – Полоцк : Спасо-Евфрос. жен. монастырь в г. Полоцке Полоцкой епархии БПЦ, 2016. – 513 с.
31. Селицкий, А.А. Живопись Полоцкой земли XI – XII вв. / А.А. Селицкий. – Минск : Навука і тэхніка, 1992. – 174 с.
32. Скабцова, Д.А. Фрагменты фресок храма-усыпальницы Евфросиниева монастыря в Полоцке из фондов Новгородского музея-заповедника / Д.А. Скабцова // Актуальные проблемы теории и истории искусства : сб. науч. ст. / Под ред. С.В. Мальцевой, Е.Ю. Станюкович-Денисовой. – СПб. : НП-Принт, 2013. – Вып. 3. – С. 222–227.
33. Скобцова, Д.А. Фрески Спаса-Преображенской церкви Евфросиниева монастыря в Полоцке в контексте искусства XII в. Проблема стиля / Д.А. Скобцова // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі : матэрыялы VI Міжнар. навуц. канф., Полацк, 1–3 ліст. 2012 г. : у 2 ч. – Полацк : НПГКМЗ, 2013. – Ч. 1. – С. 120–125.
34. Соловьёв, А.А. Итоги археологического надзора за ремонтом теплотрассы на ул. Войкова в г. Полоцке / А.А. Соловьёв // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – 2009. – Вып. 17.: Археалагічныя даследаванні на Беларусі ў 2007 г. – С. 259–163.
35. Соловьёв, А.А. Полоцкий Софийский базилианский монастырь с XVIII до начала XX стст. (архитектура, планировка, конструкции) / А.А. Соловьёв // Актуальные проблемы архитектуры Белорусского Подвинья и сопредельных регионов: сб. ст. респ. науч.-практ. семинара, Новополоцк, 8-9 окт. 2015 г. / под общ. ред. В.Е. Овсейчика (отв. ред.). – Новополоцк : ПГУ, 2015. – С. 90–100.

36. Струков, Д.М. Альбом рисунков. 1864–1867 / Д.М. Струков. – Минск : БелЭн им. П. Бровки, 2011. – 308 с.
37. Торшин, Е.Н. О строительных материалах Софийского собора в Полоцке и проблеме датировки памятника / Е.Н. Тошин // Труды Государственного Эрмитажа : Первые каменные храмы Древней Руси : материалы архит.-археол. сем-ра, Санкт-Петербург, 22–24 нояб. 2010 г. / науч. ред. Д.Д. Ёлшин – СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2012. – С. 337–352.
38. Трусаў, А.А. Беларускія дахі / А.А. Трусаў // Беларускі гістарычны часопіс. – 2021. – № 2. – С. 19–25.
39. Трусаў, А.А. Бельчыцкі манастыр / А.А. Трусаў // Беларускі гістарычны часопіс. – 1993. – № 1. – С. 43–50.
40. Трусаў, А.А. Гісторыя беларускай цэглы / А.А. Трусаў // Беларускі гістарычны часопіс. – 2017. – № 11. – С. 3–15.
41. Трусаў, А.А. Даследаванні будаўнічых канструкцый і будаўнічых матэрыялаў мураванага дойлідства Беларусі ў XVIII – першай палове XX ст. // А.А. Трусаў // Беларускі гістарычны часопіс. – 2018. – № 2. – С. 13–18.
42. Трусаў, А.А. Эвалюцыя будаўнічых матэрыялаў і тэхнікі манументальнага дойлідства Беларусі XI – XVIII стст. / А.А. Трусаў. – Мінск : БДУКМ, 2020. – 306 с.
43. Федоренко, Т.К. Хранение, изучение и экспонирование фрагментов руинированных стенописей / Т.К. Федоренко // Спасо-Преображенский храм в г. Полоцке: вопросы изучения и реставрации : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Полоцк, 17–18 сент. 2019 г. – Полоцк : Полоц. книж. изд-во, 2022. – С. 287–303.
44. Хозеров, И.М. Белорусское и смоленское зодчество XI–XIII вв. / И.М. Хозеров – Минск : Наука и техника, 1994. – 151 с.
45. Хозеров, И.М. Знаки и клейма кирпичей смоленских памятников зодчества древнейшего периода / И.М. Хозеров // Научные известия Смоленского государственного университета. – Смоленск, 1929. – Т. 5. – Вып. 3. – С. 166–198.
46. Фрагменты фресок из раскопок 2017–2019 гг. Спасского храма (XII в.) Спасо-Евфросиниевского монастыря в Полоцке / К.С. Чарыкова [и др.] // Спасо-Преображенский храм в г. Полоцке: вопросы изучения и реставрации : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Полоцк, 17–18 сент. 2019 г. – Полоцк : Полоц. книж. изд-во, 2022. – С. 319–325.
47. Шероцкий, К. Софийский собор в Полоцке / К. Шероцкий // Записки отделения русской и славянской археологии Императорского русского археологического общества. – Петроград, 1915. – Т. 10. – Ч. 2.
48. Штыхов, Г.В. Древнеполоцкое каменное зодчество / Г.В. Штыхов // Белорусские древности. Доклады к конференции по археологии Белоруссии, Минск, январь-февраль 1968 г. ; под ред. В.Д. Будько [и др.]. – Минск, 1967. – С. 262–297.
49. Шчакаціхін, М.М. Нарысы з гісторыі беларускага мастацтва / М.М. Шчакаціхін. – Минск : Навука і тэхніка, 1993. – 336 с.
50. Ярмохін, М.В. Дэндрахраналагічнае датаванне будаўніцтва Полацкай Спаса-Праабражэнскай царквы / М.В. Ярмохін, А. Вітас, І.Л. Калечыц // Беларускі гістарычны часопіс. – 2016. – № 8. – С. 13–17.

Поступила 13.04.2022

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ СТРОИТЕЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ КАМЕННЫХ ПАМЯТНИКОВ ПОЛОЦКА ДРЕВНЕРУССКОГО ПЕРИОДА

А.Л. КОЦ

Тема исследования строительных материалов каменного зодчества XI – XII вв. является перспективным направлением археологического изучения древнего Полоцка. Строительный материал следует рассматривать как один из источников информации об истории зодчества на Руси. Исследование строительного материала началось ещё в XIX веке и продолжается по сей день. В Полоцке известно 10 каменных храмов и княжеская церковь. Большинство из них были снесены и являются частью археологического наследия. За последние 10 лет в рамках археологических раскопок и при реставрационных работах исследовано 5 памятников архитектуры и большая коллекция строительных материалов (плинфы, напольных плиток, смальты, раствора, фрагментов штукатурки (в том числе с росписью и др.), что требует дальнейшего изучения.

Ключевые слова: Полоцк, храм, памятник архитектуры, строительный материал, древний кирпич, плинфа.

THE HISTORY OF THE STUDY OF BUILDING MATERIALS STONE MONUMENT OF POLOTSK IN ANCIENTRUS PERIOD

A. KOTS

The theme of the study of building materials of stone architecture of the XI-XII centuries. is a promising area of archaeological study of ancient Polotsk. Building material should be considered as one of the sources of information about the history of architecture in Russia. The study of building materials began in the 19th century and continues to this day. There are 10 stone temples and a princely church in Polotsk. Most of them have been demolished and are part of the archaeological heritage. Over the past 10 years, as part of archaeological excavations and restoration work, 5 architectural monuments and a large collection of building materials (plinths, floor tiles, smalt, mortar, fragments of plaster (including painted, etc.) have been investigated, which requires further study.

Keywords: Polotsk, temple, architectural monument, building material, ancient brick, plinth.

УДК 904:739.1(476.5-21)''9/17''

ЭЛЕМЕНТНЫ СКЛАД ПРАДМЕТАЎ ХРЫСЦІЯНСКАГА КУЛЬТУ З КАЛЯРОВЫХ МЕТАЛАЎ X – XVIII стст. З ТЭРЫТОРЫІ ПАЎНОЧНАЙ І ЦЭНТРАЛЬНАЙ БЕЛАРУСІ¹

канд. гіст. навук, дац. І.У. МАГАЛІНСКІ
(Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт імя Еўфрасініі Полацкай)

У артыкуле прадстаўлены вынікі вывучэння элементнага складу прадметаў хрысціянскага культу з каляровых металаў X – XVIII стст. з тэрыторыі Паўночнай і Цэнтральнай Беларусі. Аўтар прыходзіць да высновы, што найбольш распаўсюджаным сплавам для вырабу прадметаў дадзенай катэгорыі з'яўлялася алавяна-свінцовая бронза з блізкімі канцэнтрацыямі легіруючых кампанентаў (53,3% выбаркі), што можа ўказваць на існаванне пэўнай вытворчай традыцыі ці пра паходжанне прадметаў з аднаго цэнтру. Адзначаецца таксама, што істотную ролю ў якасці сыравіны для вырабу прадметаў хрысціянскага культу адыгрывалі шматкампанентныя сплавы, а таксама свінцова-алавяныя сплавы і неліграваныя легкаплаўкія металы (34,4% выбаркі). Выказваецца меркаванне, што шырокае распаўсюджванне гэтых металаў у каляровай металапрацоўцы на тэрыторыі Паўночнай і Цэнтральнай Беларусі можа з'яўляцца ўскосным сведчаннем мясцовай вытворчасці часткі абразоў.

Ключавыя словы: археалогія Беларусі, гісторыя старажытнай тэхналогіі, ювелірнае рамяство, археаметалургія.

Уводзіны. Важным накірункам развіцця беларускай археалагічнай навукі на сучасным этапе ўяўляецца ўсебаковае вывучэнне археалагічных артэфактаў, у тым ліку з выкарыстаннем метадаў прыродазнаўчых навук. Сярод знаходак асаблівае значэнне для разумення агульнага ўзроўню развіцця рамеснай вытворчасці, выяўлення культурных і эканамічных сувязей пэўнай тэрыторыі ў старажытнасці маюць вырабы з каляровых металаў. Выкарыстанне каштоўнай імпартнай сыравіны патрабавала наяўнасці ў майстроў глыбокага ведання фізічных і хімічных уласцівасцей металаў і іх сплаваў, мастацкага густу, выкарыстання найбольш прагрэсіўных рамесных апераций і прыёмаў.

Важным інструментам вывучэння вырабаў з каляровых металаў з'яўляецца даследаванне вынікаў аналізу хімічнага складу гатовых прадметаў і сыравіннага металу. Перспектыўным накірункам такіх работ уяўляецца вывучэнне карэляцыі паміж тыпалагічнай групай артэфактаў і хімічным складам металу, з якога яны зроблены. Атрыманыя даныя, заснаваныя на вялікай серыі аналізаў, могуць стаць важным інструментам для датавання прадметаў, а таксама ўстанаўлення іх паходжання.

Мэта працы – увядзенне ў навуковы зварот і аналіз даных па хімічным складзе прадметаў хрысціянскага культу X – XVIII стст. з тэрыторыі Паўночнай і Цэнтральнай Беларусі.

У артыкуле аналізуецца матэрыялы, атрыманыя ў выніку вывучэння хімічнага складу прадметаў хрысціянскага культу X – XVIII стст., якія паходзяць з даследаванняў на тэрыторыі асобных археалагічных помнікаў на тэрыторыі Паўночнай і Цэнтральнай Беларусі (Полацк, Мінск, Менка, Бірулі, Кардон, Друцк, Фрунзэ). Усяго аналізуецца даныя адносна хімічнага складу 90 прадметаў X – XVIII стст.: крыжы-энкаліпіоны (10 проб), крыжы нацельныя (70 проб), крыжы ківотныя (2 пробы), дэталі хораса (6 проб), накрыўка лампадка (1 проба), змеявік (1 проба). Сярод даследаваных абразоў пераважаюць прадметы X – XIII стст. (71 проба), акрамя таго вывучаны артэфакты XIV – XVI стст. (5 проб) і XVII – XVIII стст. (14 проб) (табліца).

Табліца. – Размеркаванне прадметаў хрысціянскага культу з каляровых металаў X – XVIII стст. па тыпах сплаваў і ханалогіі

Дата	Тып сплава	Усяго
1	2	3
X – XIII стст.	Латунь свінцовая	1
	Шматкампанентная бронза	8
	Шматкампанентная латунь	4
	Алавяная бронза	1
	Алавяна-свінцовая бронза	39
	Свінцовая бронза	2
	Свінцова-алавяныя сплавы і неліграваныя легкаплаўкія металы	11
	Сплавы каштоўных металаў	4

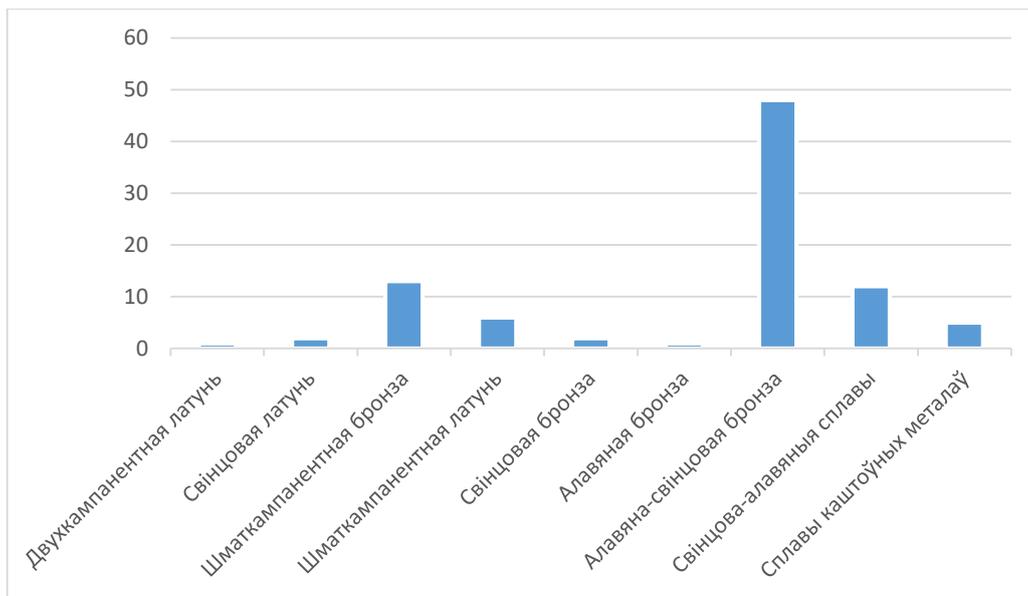
¹ Артыкул падрыхтаваны ў межах Дзяржаўнай праграмы навуковых даследаванняў «Грамадства і гуманітарная бяспека беларускай дзяржавы» на 2021–2025 гг. (падпраграма «Гісторыя», заданне «Археалагічная спадчына як фактар забеспячэння гуманітарнай бяспекі беларускага грамадства», праект «Гаспадарка, культурныя традыцыі і насельніцтва Полацка і Полацкага Падзвіння ў эпоху станаўлення і развіцця гістарычных форм беларускай дзяржаўнасці ў IX–XVIII стст.»).

Канчатаяк табліцы.

1	2	3
XIV – XVI стст.	Шматкампанентная бронза	2
	Алавяна-свінцовая бронза	3
	Свінцова-алавянныя сплавы і неліграваныя легкаплаўкія металы	1
XVII – XVIII стст.	Латунь двухкампанентная	1
	Латунь свінцовая	1
	Шматкампанентная бронза	3
	Шматкампанентная латунь	2
	Алавяна-свінцовая бронза	6

Даследаванне хімічнага складу вырабаў праводзілася па метадазе опытка-эмісійнага спектральнага аналізу ў кантрольна-выпрабавальнай лабараторыі Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта пад кіраўніцтвам С.Ф. Дзенісёнка на партатыўным іскравым аптычным эмісійным спектрометры SPECTROPORT (13 проб), у Інстытуце фізікі НАН Беларусі па метадазе лазернага спектральнага аналізу пад кіраўніцтвам С.М. Райкова на лазерным спектрометры ўласнай распрацоўкі (28 проб), а таксама аўтарам артыкулу ў археалагічнай лабараторыі Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта па метадазе безэталоннага рэнтгенафлюарэсцэнтнага аналізу на партатыўным РФА спектрометры Vanta C (49 проб).

Асноўная частка. У выніку праведзенага даследавання ўстаноўлена наступнае размеркаванне абразцоў па тыпах сплаваў: латуні – 3 пробы (3,3% выбаркі), бронзы – 51 проба (56,6% выбаркі), шматкампанентныя сплавы – 19 проб (21,1% выбаркі), свінцова-алавянныя сплавы і неліграваныя легкаплаўкія металы – 12 проб (13,3% выбаркі); сплавы на аснове каштоўных металаў (серабра і золата) – 5 проб (5,6% выбаркі) (дыяграма).

Дыяграма. – Хімічны склад прадметаў хрысціянскага культу з каляровых металаў X-XVIII стст. з тэрыторыі Паўночнай і Цэнтральнай Беларусі

Латуні. Медна-цынкавыя сплавы рэдка выкарыстоўваліся для вытворчасці прадметаў хрысціянскага культу. У выбарку трапілі два нацельныя крыжы XVII – XVIII стст., зробленыя з высокацынкавых сплаваў (двухкампанентнай латуні ($Zn = 26,8\%$) і свінцовай латуні ($Zn = 27,77\%$)). Яшчэ адна крыжападобная падвеска XI – XII стст. таксама зроблена са свінцовай латуні з нізкім утрыманнем цынка (4,7%).

Выкарыстанне медна-цынкавых сплаваў з высокімі канцэнтрацыямі Zn сведчыць пра доступ майстроў да металічнага цынку. Улічваючы адзінкавы знаходак латунных крыжоў XVII – XVIII стст. з высокімі канцэнтрацыямі гэтага легіруючага кампаненту, магчыма дапусціць імпартае паходжанне артэфактаў, якія маглі трапіць на тэрыторыю Паўночнай і Цэнтральнай Беларусі з Расійскай імперыі, дзе зафіксавана значна колькасць нацельных крыжоў падобнага складу [1, с. 46; 2, с. 44]. Акрамя таго, вядома, што ў Сібіры з сярэдзіны XVIII ст. была распачата вытворчасць металічнага цынку, што дазваляла майстрам атрымліваць не забруджаную шматлікімі пераплаўкамі сыравіну [3, с. 60].

Наяўнасць у выбарцы крыжападобнай падвескі, упрыгожанай кропкавым арнамантам, указвае на абмежаванае выкарыстанне латунных сплаваў для вытворчасці прадметаў хрысціянскага культу ў XI – XII стст.

Бронзы. Бронзавыя сплавы з’яўляліся асноўнай сыравінай для вытворчасці прадметаў хрысціянскага культу. У выбарку трапілі прадметы з алавяна-свінцовай (48 абразцоў), алавянай (1 абразец) і свінцовай бронзы (2 абразца).

Сярод прадметаў з *алавяна-свінцовай бронзы* пераважаюць вырабы X – XIII стст. – 39 проб. Сустрэты таксама абразцы XIV – XVI стст. – 3 пробы і XVII – XVIII стст. – 6 проб. Утрыманне волава ў прадметах вагаецца ў межах ад 1 да 5% – 15 проб, ад 5 да 10% – 13 проб, ад 10 да 20% – 12 проб, у метале яшчэ 7 абразцоў выяўлена надзвычай высокая канцэнтрацыя Sn – звыш 20%, а ў асобных прадметах – звыш 30%. Пры гэтым пераважаюць абразцы з нізкім (ад 1 да 5%) утрыманне свінца. Сустрэты таксама прадметы з канцэнтрацыяй Pb ад 5 да 10% – 10 проб, ад 10 да 20% – 11 проб, акрамя таго ў складзе 5 проб выяўлена звыш 20% свінца. Канцэнтрацыі цынка ў вырабах не перавышаюць 0,93% пры перавазе абразцоў з утрыманнем Zn да 0,5% (15 проб).

Пераважае выкарыстанне алавяна-свінцовых бронз характэрна для вытворчасці прадметаў хрысціянскага культу з іншых рэгіёнаў старажытнай Русі. Так, у выніку вывучэння элементнага складу энкаліпіёнаў з археалагічнага збору Дзяржаўнага гістарычнага музея (г. Масква, Расійская Федэрацыя), устаноўлена, што 9 з 15 абразцоў былі зроблены з алавяна-свінцовай бронзы са значным утрыманнем волава [4, с. 325]. Падобная сітуацыя характэрна таксама для полацкай выбаркі, дзе алавяна-свінцовыя бронзы з’яўляліся сыравінай для вытворчасці большасці даследаваных прадметаў хрысціянскага культу [5, с. 245].

Прадметы з *алавянай і свінцовай* бронзы адзінкавыя і не дазваляюць меркаваць аб ступені выкарыстання дадзеных сплаваў для вытворчасці прадметаў хрысціянскага культу. Алавяная бронза стала сыравінай для вырабу крыжа-энкаліпіёна XII – XIII стст. Канцэнтрацыя волава ў прадмеце – 7,9%, свінца – 0,983%. Са свінцовай бронзы зроблены два крыжы-энкаліпіёны XII – XIII стст. з Полацка і Друцка. Канцэнтрацыя свінца ў прадметах невялікая – 1,78 і 5,36%, адпаведна, волава – 0,64% і 0,66%.

Шматкампанентныя сплавы. Складаныя сплавы на меднай аснове шырока выкарыстоўваліся рамеснікамі для вытворчасці прадметаў хрысціянскага культу. Сярод абразцоў прадстаўлены *шматкампанентныя латуні* (6 проб) і *шматкампанентныя бронзы* (13 проб). Са шматкампанентнай бронзы зроблены 8 прадметаў X – XIII стст., 2 прадметы XIV – XVI стст., а таксама 3 вырабы XVII – XVIII стст. Усе пробы адносяцца да нацельных крыжоў. Абсалютная большасць абразцоў утрымлівае цынк у дыяпазоне ад 1,04 да 3,83%, толькі ў складзе аднаго абразца выяўлена 11,35% гэтага метала. Для большасці прадметаў характэрна таксама сярэдняя канцэнтрацыя волава – ад 6,37 да 9,39% (8 проб). Пры гэтым вырабы ўтрымліваюць значную колькасць свінца. Так, у складзе 8 абразцоў выяўлена звыш 10% гэтага металу, а ў 2 – звыш 30%.

Шматкампанентныя латуні вызначаюцца перавагай ў сплавах цынка над волавам. Сярод даследаваных абразцоў 4 прадметы датуюцца X – XIII стст., яшчэ 2 – XVII – XVIII стст. Артэфекты вызначаюцца ўтрыманнем цынка ў дыяпазоне ад 5,48 да 12,01%, пры гэтым толькі ў двух вырабах зафіксавана звыш 10% Zn. Волава сустрэта ў канцэнтрацыях, якія, як правіла, не перавышаюць 10%. Толькі ў метале крыжа-энкаліпіёна з Бірулей выяўлена 11,66% Sn.

Складаныя шматкампанентныя сплавы, верагодна, не рабіліся адмыслова, а з’яўляліся вынікам змешвання рознахарактарнай сыравіны. Шырокае распаўсюджванне шматкампанентных сплаваў на тэрыторыі Паўночнай і Цэнтральнай Беларусі трэба лічыць вынікам абмежаванага доступу мясцовых рамеснікаў да крыніц “свежага” металу [6; 7, с. 6].

Свінцова-алавяныя сплавы і неліграваныя легкаплаўкія металы з’яўляліся важнейшай сыравінай для вытворчасці прадметаў гарадскога ювелірнага рамяства ў XII – XIII стст. У той жа час, у выбарку трапіла толькі 12 прадметаў хрысціянскага культу, зробленых з гэтых металаў. Сярод даследаваных абразцоў выяўлены *сплавы на аснове свінца* (5 абразцоў) і *сплавы на аснове волава* (7 абразцоў). Усе пробы адносяцца да нацельных крыжоў і датуюцца XI – XIII стст. Сплавы на аснове волава прадстаўлены сплавам волава са свінцом (3 пробы), сплавам волава з медзю (1 проба), а таксама “чыстым” волавам (3 пробы). Сярод сплаваў на аснове свінца сустрэты сплаў свінца з волавам (1 проба), сплаў свінца з медзю і волавам (2 пробы), сплаў з медзю, волавам і цынкам (2 пробы).

Ступень распаўсюджанасці свінцова-алавяных сплаваў і неліграваных легкаплаўкіх металаў у каляровай металаапрацоўцы рэгіёна складана апаніць у выніку адсутнасці спецыяльных абагульняючых даследаванняў. У той жа час, таннасць і даступнасць падобнай сыравіны, знешняе падабенства гатовых вырабаў з яе да дарагіх сярэбраных рэчаў, маглі спрычыніцца да шырокага выкарыстання легкаплаўкіх металаў у ювелірнай справе.

Сплавы на аснове серабра і золата адносяцца да найбольш рэдкіх у выбарке. З каштоўных металаў зроблены нацельныя крыжы і іх фрагменты X – XIII стст., сустрэты таксама адзін крыж, які датуецца XVII – XVIII стст. Сярод сплаваў з каштоўных металаў выяўлены 4 прадметы са сплаву на аснове серабра і 1 прадмет – на аснове золата. На сёння адсутнічаюць работы, якія ўлічвалі б даныя адносна ступені распаўсюджвання і заканамернасцяў выкарыстання сплаваў з каштоўных металаў, што не дазваляе рабіць абагульняючыя высновы.

Заклучэнне. Такім чынам, у выніку даследавання хімічнага складу прадметаў хрысціянскага культу з каляровых металаў X – XVIII стст., якія паходзяць з матэрыялаў археалагічных даследаванняў на тэрыторыі Паўночнай і Цэнтральнай Беларусі, магчыма зрабіць наступныя высновы:

1. Найбольш распаўсюджаным сплавам для вытворчасці прадметаў хрысціянскага культу з’яўлялася алавяна-свінцовая бронза, з якой зроблена 53,3% усіх даследаваных артэфектаў. Пры гэтым большасць абразцоў вызначаецца падабенствам рэцэптуры прыгатавання сплаваў, што можа сведчыць пра існаванне пэўнай вытворчай традыцыі, ці пра паходжанне прадметаў з аднаго цэнтру.

2. Істотную ролю ў якасці сыравіны для вырабу прадметаў хрысціянскага культу адыгрывалі шматкампанентныя сплавы, а таксама свінцова-алавяныя сплавы і неліграваныя легкаплаўкія металы, якія разам складаюць 34,4% выбаркі. Шырокае распаўсюджванне гэтых сплаваў у каляровай металаапрацоўцы на тэрыторыі Паўночнай і Цэнтральнай Беларусі можа з’яўляцца ўскосным сведчаннем мясцовай вытворчасці часткі абразцоў.

ЛІТАРАТУРА

1. Сальникова, И.В. Результаты статистического анализа химико-технологического исследования коллекции меднолитой пластики / И.В. Сальникова // Вестник НГУ. Сер. История, филология. – 2016. – Т. 15, № 7. – С. 39–48.
2. Колпакова, Ю.В. Псковские нательные кресты с надписями и их сплавы: опыт изучения / Ю.В. Колпакова // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В.В. Седова : материалы 60-го заседания. – Вып. 30. – М. : ИА РАН; СПб. : Нестор-История, 2015. – С. 40–59.
3. Сальникова, И.В. Элементный анализ православного медного художественного литья как способ химико-технологической атрибуции / И.В. Сальникова // Вестник НГУ. Сер. История, филология. – 2016. – Т. 15, № 5. – С. 50–69.
4. Асташова, Н.И. Химико-технологическое изучение древнерусских рельефных энколпионов из археологического собрания Государственного Исторического музея / Н.И. Асташова, Т.Г. Сарачева // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Г.Ф. Корзухиной, Санкт-Петербург, 10–16 апр. 2006 г. – СПб. : Нестор-История, 2010. – С. 317–329.
5. Магалінскі, І.У. Хімічны склад вырабаў з каляровых металаў X–XVII стст. з тэрыторыі Полацка (суадносны металургічных і тыпалагічных груп) / І.У. Магалінскі // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі : матэрыялы VI Міжнар. навук. канф., Полацк, 1–3 ліст. 2013 г. : у 2 ч. – Ч. 1. – Полацк : НППКМЗ, 2013. – С. 243–251.
6. Магалінскі, І.В. Элементный состав цветного металла X – XIII вв. с территории Центральной Беларуси (по материалам исследований археологических комплексов Менка, Василевщина, Фрунзе, Дружба) / И.В. Магалінскі, А.В. Войтеховіч // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. А, Гуманитарные науки. – 2021. – № 9. – С. 69–72.
7. Магалінскі, І. У. Хімічны склад вырабаў з каляровых металаў X – XIII стст. з тэрыторыі Паўночнай і Цэнтральнай Беларусі / І.У. Магалінскі // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. А, Гуманитарные науки. – 2022. – № 1. – С. 2–7.

Паступіў 27.04.2022

ХИМИЧЕСКИЙ СОСТАВ ПРЕДМЕТОВ ХРИСТИАНСКОГО КУЛЬТА ИЗ ЦВЕТНЫХ МЕТАЛЛОВ X – XVIII ВВ. С ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ БЕЛАРУСИ

И.В. МАГАЛИНСКИЙ

В статье представлены результаты изучения элементного состава предметов христианского культа из цветных металлов X – XVIII вв. с территории Северной и Центральной Беларуси. Автор приходит к выводу, что наиболее распространенным сплавом для изготовления предметов данной категории являлась оловянно-свинцовая бронза (53,3% выборки), что может свидетельствовать о существовании определенной производственной традиции или о происхождении предметов из одного центра. Отмечается также, что существенную роль в качестве сырья для изготовления предметов христианского культа играли многокомпонентные сплавы, а также свинцово-оловянные сплавы и нелигированные легкоплавкие металлы (34,4% выборки). Высказывается мнение, что широкое распространение данных металлов в цветной металлообработке на территории Северной и Центральной Беларуси может являться косвенным свидетельством местного производства части образцов.

Ключевые слова: археология Беларуси, история древней технологии, ювелирное ремесло, археометаллургия.

CHEMICAL COMPOSITION OF CHRISTIAN CULT OBJECTS MADE OF NON-FERROUS METALS OF THE X – XVIII CENTURIES FROM THE TERRITORY OF NORTHERN AND CENTRAL BELARUS

I. MAHALINSKI

The article presents the results of studying the elemental composition of Christian cult objects made of non-ferrous metals of the X – XVIII centuries from the territory of Northern and Central Belarus. The author comes to the conclusion that the most common alloy for the manufacture of objects of this category was tin-lead bronze (53.3% of the sample), which may indicate the existence of a certain production tradition or that the objects originate from the same center. It is also noted that multicomponent alloys, as well as lead-tin alloys and non-alloyed fusible metals (34.4% of the sample), played a significant role as raw materials for the manufacture of Christian cult objects. An opinion is expressed that the wide distribution of these metals in the territory of Northern and Central Belarus may be indirect evidence of local production of samples.

Keywords: archeology of Belarus, history of ancient technology, jewelry craft, archaeometallurgy.

УДК 94(476)«1944/1954»

СОЦИАЛЬНАЯ СФЕРА ПОЛОЦКА В 1945–1991 гг.

*канд. ист. наук, доц. А.А. ОГОРОДНИКОВ**(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)*

Анализируются элементы и особенности функционирования социальной сферы города Полоцка в период с окончания Великой Отечественной Войны и до распада СССР. Приводится подробный анализ послевоенного восстановления и последующего развития таких элементов социальной сферы, как здравоохранение, общественное питание, жилищная сфера, городские коммуникации, торговля, образование, культура и спорт.

Ключевые слова: Полоцк, социальная сфера, социальное развитие, городские структуры жизнедеятельности, демография.

Введение. Социальная сфера Полоцка и общественно-политическая жизнь в период 1945 – 1991 гг. находились в ведении Полоцкого городского комитета КПБ (до 1952 г. – КП(б)Б) и Полоцкого городского Совета депутатов трудящихся [2, с. 2]. Все осуществлявшиеся социальные преобразования в городе осуществлялись под чутким руководством данных организаций. Значимая роль в социальной жизни города отводилась профсоюзам и комсомолу: данные структуры привлекали горожан к активному участию в соцсоревновании, а также способствовали удовлетворению материально-бытовых нужд граждан [3, с. 282].

Основная часть. Одним из наиболее важных элементов социальной сферы Полоцка во второй половине 1940-х – 1980-е гг. являлась жилищная сфера. После войны более 40% жилищного фонда Полоцка оказалось полностью разрушено [4, л. 5]. Вопрос жесткого дефицита жилья городскими властями решался за счет расселения горожан во все сохранившиеся здания города [5, л. 11]. В 1950 г. в Полоцке на одного человека имелось 3,8 м² жилплощади вместо 5,9 м² в предвоенные годы [1, с. 696]. Хотя некоторые успехи в деле расселения горожан объективно были достигнуты, городскими властями отмечалась нехватка жилого фонда вплоть до 1950-х гг. [6, л. 83]. После выделения дополнительных финансовых средств на жилищную сферу [7, л. 8], городской жилфонд в 1956 г. составил 71,7 тыс. м², превысив показатель 1940 г. на 122% [8, с. 19]. Наметилась положительная тенденция в обеспечении горожан жильем. Последовательный рост капиталовложений и увеличения объемов жилищного строительства в Полоцке продолжались и в течение 1960-х – 1980-х гг. В этот период в городе было введено в эксплуатацию 365 объектов жилищного, производственного и культурно-бытового назначения [3, с. 267]. Обобществленный жилой фонд Полоцка увеличился с 107,7 тыс. м² до 517,4 тыс. м². По сравнению с предвоенным периодом общий городской жилой фонд увеличился в 8,8 раза.

Важную роль в формировании социальной сферы послевоенного Полоцка сыграл Генеральный план реконструкции и восстановления города Полоцка. Окончательно план был утверждён Совмином БССР 30 августа 1948 г. [9, с. 6]. Первоначально предполагалось восстановить, а в дальнейшем развивать Полоцк как важный областной центр БССР [10, л. 8]. Концептуально Генплан 1948 г. многое почерпнул из аналогичного плана, разработанного ещё в 1936 г. Предполагалось возведение как жилых зданий, социальных и административных объектов в исторической части Полоцка, так и благоустройство территории вдоль р. Зап. Двина в границах «старой» части города [11, л. 3]. Вследствие административных преобразований в БССР в середине 1950-х гг. и укрупнения многих областей, Полоцк лишился статуса областного центра. В связи с этим Генплан 1948 г. не был воплощен в жизнь в первоначальном виде. В 1964 г. Генплан 1948 г. окончательно скорректировали, в частности предполагалась перепланировка центра города со строительством 3-, 4-этажных административных комплексов [12, с. 42]. С 1970-х по 1991 г. Полоцк развивался в соответствии с Генеральным планом 1972 г. Основная часть города, застраиваясь 5–9-этажными жилыми домами, а также сетью социальных объектов [13, л. 83].

На острове р. Зап. Двина, неподалёку от Кургана Бессмертия, в рамках подготовки Полоцка к празднованию 50-летия Октябрьской революции, благоустроили аллеи, установили фонтан и скульптуры, оборудовали спортивную и танцевальную площадки [14], организовали торговые павильоны, установили аттракционы: колесо обозрения и виражные самолёты [15, с. 1]. На берегу р. Зап. Двина благоустроили пляж и оснастили лодочную станцию. Тем не менее, по причине сокращения финансирования, проект на острове не был реализован в полном объёме.

Неотъемлемой составляющей социальной сферы Полоцка было развитие структуры образования. Одними из первых учебных заведений, возобновивших свою деятельность после войны, были педучилище и лесной техникум, также заработала школа фабрично-заводского обучения (ФЗО) строителей. Система образования в Полоцке развивалась поступательно и непрерывно. В течение первого послевоенного десятилетия в городе работало 11 школ (6309 детей) [8, с. 1], в 1960-х – 1970-х гг. действовало уже 13 средних школ [16, с. 133], в 1980-х – 1991 г. осуществляли образовательный процесс 15 городских школ с общим числом учащихся 9762 чел. [17, с. 165]. Наравне с дневными общеобразовательными школами функционировали вечерние общеобразовательные школы. В первое послевоенное десятилетие в городе работало уже 4 школы данного типа (обучалось 870 чел.) [8, с. 3]. В 1970-х – начале 1980-х гг. подобных школ в городе было 5 (1256 учащихся) [16, с. 134]. Количество вечерних школ и численность учащихся в Полоцке со второй половины 1980-х гг. планомерно снижалось. Следствием

такой динамики был переход в СССР с середины 1970-х гг. к всеобщему среднему образованию. Продолжала совершенствоваться и система детских дошкольных учреждений. В течение первого послевоенного десятилетия в Полоцке функционировало 16 детсадов (1720 детей), к концу 1960-х гг. – 23 учреждения (3752 ребёнка), а в конце 1970-х гг. уже насчитывалось 26 детсадов (4942 ребёнка) [16, с. 122]. Сеть дошкольного образования неуклонно ширилась и в конце 1980-х гг. достигла 29 учреждений (5097 детей) [17, с. 179].

Социальное развитие включало в себя и развитие системы среднего специального образования (ССУЗы). Уже в первое послевоенное десятилетие в полоцком лесном техникуме обучались 536 чел., в медучилище – 138, в педучилище – 216 [8, с. 6]. Продолжал увеличиваться перечень получаемых специальностей. В период 1960-х – 1970-х годов в политехническом техникуме проходили подготовку 957 чел., в педагогическом училище – 583, в сельскохозяйственном техникуме – 921 чел., в лесном техникуме – 1220, в медицинском училище – 520 учащихся [16, с. 139]. В течение второй половины 1970-х – первой половины 1980 гг. среднеспециальные учебные заведения подготовили 6774 специалиста [16, с. 143]. Во второй половине 1980-х гг. планомерно происходило сокращение учащихся политехникума и лесного техникума и наблюдался рост числа учащихся педагогического и медицинского училищ [17, с. 184]. Это было связано с изменившейся конъюнктурой на рынке труда в республике.

Начало 1950-х гг. в Полоцке было ознаменовано открытием педагогического института имени Франциска Скорины. Данное учреждение стало первым высшим учебным заведением в городе за продолжительный период времени [18]. Приказом Министерства культуры СССР от 31 марта 1953 г. постановили открыть факультеты и специальности, а дополнением к приказу от 30 июня утвердили организовать необходимые кафедры при Полоцком педагогическом институте [19, л. 70]. Уже в 1953–1954 учебном году количество студентов вуза насчитывало 208 чел., в следующем учебном году число учащихся возросло до 538 чел. [8, с. 6]. Вместе с тем, в 1958 г. на республиканском уровне было принято решение о закрытии Полоцкого пединститута по причине переизбытка педагогических кадров в республике: к тому времени вуз успел сделать только один выпуск [5, л. 48].

Неотъемлемым элементом социальной сферы оставалась система здравоохранения. В процессе послевоенного восстановления одними из первых медучреждений в городе начали свою работу городская больница, родильный дом и онкологический диспансер. Медицинская сеть продолжала развиваться. В здании бывшего бернардинского монастыря в 1956 г. была открыта психоневрологическая больница, а в 1960 г. в городе заработала стоматологическая поликлиника [1, с. 698]. В 1969 г. в Полоцке был принят в эксплуатацию новый онкодиспансер [20, л. 58]. В 1970-х – 1980-х гг. в городе оказывали помощь населению уже 6 больничных учреждений (городская больница, онкологический, кожно-венерологический и противотуберкулёзный диспансеры, городская санитарно-эпидемиологическая станция и железнодорожная больница), женская консультация, детская молочная кухня, 5 аптек [21, л. 11]. Численность врачей всех специальностей в городе составила 415 человек, а уровень доступности медицинских услуг был одним из самых высоких в Витебской области [22, с. 157].

По мере восстановления социальной сферы в Полоцке в послевоенный период, также получили качественное развитие физическая культура и спорт. Первая послевоенная городская спартакиада была проведена уже 9 июля 1945 г. [23, л. 77]. К концу первого послевоенного десятилетия в городе насчитывалось 62 коллектива физической культуры (КФК). В Полоцке КФК были представлены спортивными обществами «Локомотив», «Спартак», «Буревестник» и охватывали более 5 тыс. спортсменов-любителей и профессионалов. Кроме того, для занятий спортом в городе полноценно функционировали стадион «Спартак», 36 волейбольных и 7 баскетбольных площадок. Также активно работала детская спортшкола, в которой на начало 1955 г. в секциях по лёгкой атлетике, гимнастике, баскетболу и боксу занималось 160 детей [3, с. 243]. Достижения полоцких спортсменов позволили им в 1956 г. принять участие в I Спартакиаде народов СССР [3, с. 245]. Физкультурно-оздоровительная и спортивно-массовая работа в Полоцке продолжилась и в последующие годы. В конце 1980-х гг. в городе действовали 56 различных спортивных площадок, 20 спортзалов, 2 стадиона, 9 лыжных баз, 8 футбольных полей, бассейн. Спортшколы города подготовили за этот период по различным видам спорта более 11 тыс. спортсменов-разрядников, в их числе 20 мастеров и кандидатов в мастера спорта [1, с. 698].

Значимой частью социальной сферы Полоцка была культурная жизнь города. В 1967 г. в Полоцке отмечали знаменательное событие – 450-летие белорусского книгопечатания. В рамках городских празднований провели уличные книжные базары [25], а также мероприятия с участием руководства города [24]. 18 августа 1967 г. полочане принимали участие в закладке памятного знака на месте будущего памятника Франциску Скорине [26], 11 августа 1974 г. состоялось торжественное открытие монумента [27, с. 3]. Органичной частью культурной жизни Полоцка являлся театр. Вскоре после окончания войны в городе был создан первый драмкружок, который уже в 1948 г. начал ставить первые спектакли. За высокие заслуги в культурной жизни Театральному коллективу Полоцкого городского Дома культуры в 1959 г. было присвоено звание Народного [28, с. 4]. Качественно развивалось в Полоцке и библиотечное дело. В период первого послевоенного десятилетия в городе насчитывалось 5 библиотек [8, с. 4]. В 1965 г. в городе было уже 28 библиотек [16, с. 144]. В период 1970-х – 1980-х гг. число библиотек сократилось, но при этом существенно возрос книжный фонд учреждений. В 1970 г. в Полоцке насчитывалось 25 городских библиотек, в 1980 г. – 19, в 1989 г. – 17 библиотек [17, с. 196]. Услуги библиотек продолжали быть широко востребованы горожанами. Общедоступным искусством для всех слоёв населения в советские годы стремились сделать кино. Уже в первый год после окончания войны в Полоцке функционировали 3 киноустановки, в 1955 г. число киноустановок возросло до 7 [8, с. 4]. Количество киноустановок продолжало неуклонно увеличиваться: в 1960-х – 1970-х гг. уже действовало 10, в 1989 г. – 12 [17, с. 203]. Существенно

возросло количество клубов, ввиду бесплатности такие учреждения были всецело доступны для горожан. Если в 1945 г. в Полоцке функционировал один клуб, то через пять лет их число увеличилось до 4 [8, с. 4]. Устойчивый рост сети клубных учреждений сохранялся и в последующие годы: в 1965 г. в Полоцке работало 6 клубов, через десять лет – 7, в 1989 г. – 9 учреждений [16, с. 144; 17, с. 199]. Это свидетельствовало о том, что Полоцк являлся значимым региональным центром культуры.

На протяжении послевоенного периода показательным компонентом развития Полоцка продолжала оставаться городская среда. В первые годы после освобождения острой проблемой, требовавшей скорейшего решения, было антисанитарное состояние города [29, л. 11]. Уже весной 1945 г. состоялся первый общегородской месячник по очистке города [23, л. 43]. Вопрос благоустройства городской среды постоянно находился на контроле городских властей. В частности, в октябре 1956 г. в Полоцке был проведён месячник сада, в ходе которого организовали посадку молодых деревьев, а также осуществили уход за существовавшими насаждениями [7, л. 34]. Прямое влияние на качество социальной жизни горожан оказывала развитость городских коммуникаций. В первой половине 1950-х годов твёрдое покрытие в Полоцке имели только 25% городских улиц [30, л. 13]. Коммуникации совершенствовались, и в середине 1960-х гг. общая протяжённость городских улиц составила 141 км [31, с. 28], то есть более 50% городских улиц уже мостились твёрдым покрытием. В 1970-х – 1980-х гг. протяжённость замощённых городских улиц в Полоцке продолжала увеличиваться и составила порядка 90% от общегородского числа [32, с. 159]. Пристальное внимание было уделено качеству водопроводной сети. Протяжённость городского водопровода в Полоцке в 1955 г. составляла только 0,55 км. Уже через десять лет общая протяжённость водопроводных сетей достигла 11,7 км, а в 1975 г. она равнялась 81,7 км [31, с. 28; 32, с. 165]. В этот период планомерно продолжалось совершенствование коммунальной системы. Так, если в 1950-х гг. в Полоцке функционировала только одна баня с пропускной способностью 165 человек в день, то в 1970-х – 1980-х гг. в городе работало 2 бани, они обслуживали до 265 человек в день [33, л. 17]. Городскую инфраструктуру дополняли гостиница и 2 прачечные [32, с. 164].

Городская среда Полоцка в первое послевоенное десятилетие продолжала сохранять черты доиндустриальной эпохи. Горожане, проживавшие в частном секторе, как правило, имели приусадебные участки. В условиях послевоенного восстановления частное сельское хозяйство являлось существенной возможностью обеспечить необходимый уровень потребления пищи [8, с. 17]. В 1960-х–1980-х гг. значение подсобного хозяйства постепенно снижалось по мере развития социально-экономической сферы города.

Характерной чертой для социальной жизни города в послевоенный период было развитие торговли. На протяжении 1950-х – 1960-х гг. наращивались объёмы товарооборота [8, с. 15]. Особое место занимали городские колхозные рынки [8, с. 14], где горожане приобретали необходимую для себя продукцию по доступным ценам. Росла роль розничной государственной торговли. В 1960 г. в Полоцке оказывали услуги 168 магазинов, в 1980-х гг. в городе работали 135 магазинов (при уменьшении (объединении) общего числа магазинов, рост розничной госторговли в Полоцке проявился за счёт существенного увеличения их торговых площадей) [16, с. 128]. Одновременно с торговлей успешно развивалась система общественного питания. В первое послевоенное десятилетие в Полоцке уже насчитывалось 70 предприятий общепита (столовые, рестораны, закусочные и буфеты), в 1970-х гг. – 63 предприятия, в 1980-х гг. в городе оказывали свои услуги 84 предприятия общественного питания [16, с. 128]. Система общественного питания в Полоцке развивалась не только за счёт увеличения количества столовых и ресторанов, но и путём увеличения числа посадочных мест. Таким образом, происходила оптимизация качественного состояния системы общественного питания в городе.

Начиная со второй половины 1940-х и до конца 1980-х гг. финансовые затраты на социальную сферу Полоцка постоянно превышали поступления в городской бюджет. Дефицит средств возмещался из областного бюджета. Большая часть городского бюджета выделялась на просвещение (30%), коммунальное хозяйство (25%), здравоохранение и физкультуру (около 40%) [16, с. 153]. Распределения городского бюджета имели выраженную социальную направленность.

Важной составляющей поступательного социально-экономического развития города является человеческий капитал. Военные действия и нацистский оккупационный режим обусловили демографическую катастрофу для БССР на много лет вперёд. Довоенных показателей численности населения в Полоцке (на 1939 г. – 29577 чел.) достигли лишь в 1948 г., когда число горожан составило 29811 чел. [34, л. 1]. На протяжении 1950-х – 1980-х гг. население продолжало расти постепенно. Перепись 1959 г. в городе зафиксировала 44 тыс. жителей [35, с. 33]. В 1964 г. в Полоцке проживали 49 тыс. чел., в 1967 г. – 60,9 тыс. чел. [36, л. 376; 37, с. 18], в 1970 г. – 68 тыс. чел., а к 1980 г. численность горожан составила уже 72,4 тыс. [17, с. 5]. Динамика продолжала оставаться положительной, к концу 1980-х гг. в Полоцке насчитывалось 76,6 тыс. чел. [38, с. 9]. Существенное влияние на демографические показатели оказали административные изменения. Так в 1991 г. в состав города был включён посёлок Боровуха–2, в итоге численность населения составила 86,3 тыс. человек [39, л. 12]. Прирост жителей Полоцка происходил в основном естественным путём благодаря превышению рождаемости над смертностью. Наиболее высокая рождаемость фиксировалась в 1970-х – 1980-х гг. и превосходила показатели по области более чем на 10% [22, с. 19]. Приток рабочей силы в Полоцк в этот период был относительно невысоким. Если в 1975 г. в город прибыло – 5811 чел., то в 1980 г. – 5039 чел. [22, с. 132]. Соответственно выбыло из Полоцка в 1975 г. – 5610 чел., а в 1980 г. – 4306 граждан [22, с. 132]. Таким образом, решающего значения трудовая миграция на прирост горожан не оказывала.

Заклучение. Подытоживая процесс развития социальной сферы Полоцка в 1944 – 1991 гг., необходимо особо подчеркнуть наличие статуса областного центра у города Полоцка в течение 1944 – 1954 гг. Именно благодаря этому статусу в первое послевоенное десятилетие в Полоцке, помимо восстановления человеческого потенциала, а также основных городских структур жизнедеятельности (здравоохранения, образования, общественного питания, торговли, городских коммуникаций) произошли качественные преобразования. Среди них следует отметить наиболее важные: реализация Генерального плана реконструкции и восстановления Полоцка 1948 г. (хоть и частичная), а также создание и деятельность первого за долгое время ВУЗа в городе – Полоцкого педагогического института имени Франциска Скорины (1953–1958). Полоцк продолжал поступательное социально-экономическое развитие и в последующие десятилетия, будучи важным региональным экономическим, культурным, образовательным, а впоследствии и религиозным центром (со второй половины 1980-х гг.) БССР.

ЛИТЕРАТУРА

1. Памяць : гіст.-дакум. хроніка Полацка / рэдкал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 2002. – 912 с.
2. На перакрестке эпох // Полац. весн. – 2011. – 4 лют. – С. 2.
3. Полоцк : ист. очерк / АН БССР, Ин-т истории ; редкол.: П.Т. Петриков [и др.]. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Минск : Наука и техника, 1987. – 320 с.
4. Зональный государственный архив г. Полоцке (ЗГАП). – Ф. 666. Оп. 1. Д. 10.
5. ЗГАП. – Ф. 658. Оп. 1. Д. 51.
6. Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Ф. 3717. Оп. 11. Д. 64.
7. ЗГАП. – Ф. 658. Оп. 1. Д. 170.
8. Систематизация экономических показателей по всем отраслям народного хозяйства города Полоцка за период с 1946 г. по 1960 г. – Архив отдела статистики Полоцкого райисполкома. – 26 с.
9. Воднева, І.П. Этапы развіцця / І.П. Воднева // Полац. весн. – 2017. – 14 крас. – С. 6.
10. Белорусский государственный архив научно-технической документации (БГАНТД). – Ф. 3. Оп. 4. Д. 347.
11. БГАНТД. – Ф. 3. Оп. 4. Д. 342.
12. Орлова, Т.А. Изменение планировочной структуры Полоцка с конца XVIII по XX в. / Т.А. Орлова // Матэрыялы навук.-прак.канф. : (па выніках навук.-даследчай работы ў 2004 г.) / уклад. Т.А. Джумантаева. – Полацк : НППГКМЗ, 2005. – С. 39–45.
13. ЗГАП. – Ф. 658. Оп. 6. Д. 525.
14. Национальный Полоцкий историко-культурный музей-заповедник (НПИКМЗ). – Ф. КП. Оп. 002495-38.
15. Імя слаўнага пяцідзясяцігоддзя // Сцяг камунізму. – 1967. – 4 ліп. – С. 1.
16. Полоцк к 60-летию СССР : стат. сб. – Полоцк : Инф.-вычисл. центр города Полоцка, 1982. – 160 с.
17. Витебская область в цифрах : стат. сб. – Витебск : Стат. упр. Витеб. обл., 1990. – 234 с.
18. НПИКМЗ. – Ф. КП. Оп. 030872.
19. ЗГАП. – Ф. 632. Оп. 1. Д. 1.
20. ЗГАП. – Ф. 658. Оп. 6. Д. 64.
21. ЗГАП. – Ф. 658. Оп. 6. Д. 628.
22. Население и здравоохранение в Витебской области : стат. сб. – Витебск : Стат. упр. Витеб. обл., 1981. – 200 с.
23. ГАВО. – Ф. 3717. Оп. 1. Д. 1.
24. НПИКМЗ. – Ф. КП. Оп. 002504-15.
25. НПИКМЗ. – Ф. КП. Оп. 002504-12.
26. НПИКМЗ. – Ф. КП. Оп. 002504-06.
27. Воднева, І. Па старонках перыядычных выданняў / І. Воднева // Полац. весн. – 2017. – 18 жніўня. – С. 3.
28. Студзенікіна, Ю. Невядомая гісторыя вядомага тэатра / Ю. Студзенікіна // Полац. весн. – 2008. – 1 крас. – С. 4.
29. ЗГАП. – Ф. 658. Оп. 1. Д. 49.
30. ГАВО. – Ф. 3717. Оп. 1. Д. 87.
31. Городское хозяйство Белорусской ССР. (Основные фонды по состоянию на 1 янв. 1966 г.). – Минск : Польша, 1967. – 456 с.
32. Основные показатели развития народного хозяйства городов Белорусской ССР за 1970–1978 годы / Центр. стат. упр. Белорус. ССР. – Минск : ЦСУ БССР, 1979. – 530 с.
33. ЗГАП. – Ф. 666. Оп. 3. Д. 114.
34. ЗГАП. – Ф. 1161. Оп. 4. Д. 1.
35. Белорусская ССР за 50 лет : стат. сб. – Минск : Беларусь, 1968. – 260 с.
36. ЗГАП. – Ф. 658. Оп. 1. Д. 292.
37. Витебская область в цифрах : стат. сб. – Витебск : Стат. упр. Витеб. обл., 1967. – 246 с.
38. Витебская область в цифрах : стат. сб. – Витебск : Стат. упр. Витеб. обл., 1983. – 144 с.
39. ЗГАП. – Ф. 658. Оп. 6. Д. 1011.

Поступила 19.04.2022

SOCIAL SPHERE OF POLOTSK IN 1945–1991

A. OGORODNIKOV

The fullness and features of the functioning of the social sphere of the city of Polotsk in the period from the end of the Great Patriotic War to the collapse of the USSR are analyzed. A detailed analysis of the post-war restoration and subsequent development of such elements of the social sphere as: health care, catering, housing, urban communications, trade, education, culture and sports are given.

Keywords: Polotsk, social sphere, social development, urban life structures, demography.

УДК 314.1 (476) (091) «18/19»

**СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА В БЕЛАРУСИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.****А.И. СЕНЬКО***(Белорусский государственный университет, Минск)*

В статье рассматриваются социальные аспекты демографического перехода, трансформация демографического поведения населения Беларуси во второй половине XIX – начале XX в., изменения в уровнях смертности и рождаемости, эволюция матримониальных показателей и брачно-семейных отношений. Особое внимание уделяется факторам, обусловившим начало демографического перехода в белорусских губерниях, процессам, которые характеризовали и сопровождали переход от традиционного к современному типу воспроизводства населения. Снижение уровня смертности во второй половине XIX – начале XX в., социально-экономические изменения определили и снижение рождаемости, повышение брачного возраста, которое ранее выступало необходимым условием высокой рождаемости. Наряду с этим происходили изменения в матримониальном поведении населения, постепенная трансформация традиционных норм брачного поведения.

Ключевые слова: демографический переход, социально-демографические процессы, население, рождаемость, смертность, брачное поведение.

Введение. Социально-демографические процессы второй половины XIX – начала XX в. – это часть многогранных модернизационных изменений белорусского общества, главным результатом которых стал переход общества от традиционного уровня его развития к современному. Несмотря на то, что в результате демографического перехода многие социальные и экономические тенденции сформировались под его прямым влиянием, социально-демографические процессы второй половины XIX – начала XX в. выступают показателем направленности и особенностей трансформационных изменений белорусского общества, степени вовлеченности общества в эти процессы. Цель данной статьи – проанализировать особенности демографического перехода в белорусских губерниях во второй половине XIX – начале XX в., показать эволюцию социальных явлений, его характеризующих.

Независимо от направления развития теоретических подходов к определению сути трансформационных изменений модернизация носит междисциплинарный характер и предполагает комплексный подход к изучению качественных изменений разных темпов, масштабов и направленности [1, с. 57–59]. Исследование трансформационных изменений в белорусском обществе во второй половине XIX – начале XX в. в рамках модернизационной парадигмы позволяет связать структурные изменения в экономической, политической, социально-культурной сферах с проблемами изменения демографического поведения населения [2, с. 38–39].

Системный характер социально-демографических процессов обуславливает их изучение в рамках разного рода теоретико-методологических подходов и концепций. Одной из наиболее актуальных и аргументированных социолого-демографических концепций является теория демографического перехода, определение которой состоит в переходе общества от традиционного типа воспроизводства населения с высокими уровнями рождаемости и смертности к современному, с их существенно сниженными уровнями [3, с. 162]. Теория демографического перехода предполагает изучение ряда ее отдельных аспектов, в числе которых динамика численности населения, изменение уровня смертности и рождаемости, эволюция структуры семьи и брачно-семейных отношений, изменение традиционных норм поведения, ценностных установок и ориентиров населения.

Некоторые аспекты социально-демографических процессов в дореволюционной историографии рассматривались М. Довнар-Запольским [4], С. Новосельским [5], Ю. Янсоном [6], А. Дембовецким [7] и др. По мере расширения исследователями знаний о процессах воспроизводства населения, накопления статистического и нарративного материала появляются работы советских исследователей А. Вишневого [3], А. Рашина [8], А. Ракова [9] и др. В современной историографии отдельные аспекты социально-демографических процессов нашли отражение в работах белорусских исследователей А. Кохановского [2], С. Токтя [10], В. Носевича [11], российского исследователя Б. Миронова [12], однако завершеного рассмотрения в историографии демографический переход в Беларуси во второй половине XIX – начале XX в. не получил.

Основная часть. Определяющим показателем любого типа воспроизводства населения является соотношение уровня смертности и рождаемости населения. Демографический переход от традиционного типа воспроизводства населения к современному начинается с изменений в уровне смертности населения, вторая его фаза сопровождается изменениями в уровне рождаемости [3, с. 163–164]. Коэффициенты смертности и рождаемости в демографической статистике принято измерять в промилле (‰) – отношение годового числа событий (рождений, смертей) на тысячу человек к среднегодовому населению [11, с. 143].

Для белорусских губерний 1860-х гг. характерны высокие показатели смертности в сравнении с периодом конца XIX – начала XX в. По данным Центрального статистического комитета, с учетом данных о числе населения, общий коэффициент смертности для населения пяти белорусских губерний в 1863 г. составлял 31,4‰. В Виленской губернии коэффициент смертности составлял 26,8‰, Гродненской губернии – 30,6‰, Минской губернии – 31,4‰, Могилевской губернии – 32,1‰, самым высоким среди белорусских губерний оказался показатель Витебской губернии – 36,5‰¹.

¹ Статистический временник Российской Империи. – Сер. 1. – Вып. 1. – СПб., 1866. – С. 5. 58–59.

Исключительно высокие показатели смертности Витебской губернии в 1866 г. были рассмотрены «Витебским комитетом общественного здоровья», который в отчете для Министерства внутренних дел Российской империи представил причины неудовлетворительного состояния здоровья населения. Среди причин, оказывавших влияние на уровень смертности и здоровья населения в целом, данный комитет отметил климатические условия Витебской губернии, расположенной в местности, преимущественно низменной, обильной болотами и лесами. Однако главной причиной неудовлетворительного состояния здоровья населения были названы условия народного быта, в частности традиция постройки «курных изб» и нехватка теплых помещений, обуславливающая крестьян впускать в жилой дом на зимовку домашних животных. Также указывалось на недостаточное количество оспопрививателей, отрицание большинством населения пользы оспопрививания, несоответствие количества повивальных бабок и опытных повитух, врачей, фельдшеров и больниц числу населения. Комитету общественного здоровья предписывалось изыскать способы улучшения «печального состояния белорусского народа»².

В целом в 60-е и 70-е гг. XIX в. в белорусских губерниях одним из главных факторов, оказывающих влияние на общий уровень смертности населения, была заболеваемость населения острозаразными и эпидемическими болезнями, которые в ряде случаев приводили к смерти³. Эндемические заболевания в большей степени были характерны для населения Виленской и Витебской губерний, связанных с топографическими особенностями территорий, богатых на леса и болота⁴. Население, использовавшее воду и пищу из таких болотистых местностей, нередко заражалось эндемическими заболеваниями колтуна, лихорадки, цинги. Однако смертность от этих заболеваний была невелика. Подобные заболевания население, как правило, лечило народными способами. К примеру, от цинги применяли полоскание отваром из уксуса и дубовой коры⁵.

Высокий коэффициент смертности обуславливали тиф, скарлатина, корь, дизентерия, воспаление легких⁶. В 1876 г. в Виленской губернии в Ошмянском, Лидском, Дисненском, Вилейском уездах от скарлатины умерло около 25% от числа зарегистрированных больных, обратившихся за медицинской помощью. Следует отметить, что среди уездов Виленской губернии самое большое число умерших от описываемых заболеваний в 1876 г. представлено в Ошмянском уезде, где от тифа умерло около 20% от числа больных, обратившихся за помощью; от дизентерии – около 12%, от кори – около 8%⁷. Из числа острозаразных встречались венерические заболевания, которые обнаруживались не только среди возвращающихся к семейству бессрочноотпускных отставных солдат, но и среди женщин, «праздношатающихся, которые после излечения возвращались зараженные». В источниках описывается, что нередко повторное заражение венерическими заболеваниями приводило к туберкулезу легких, который всегда заканчивался смертью⁸.

Однако, следует отметить, что во второй половине XIX – начале XX в. при среднем показателе смертности в 50 губерниях Европейской России, равном 34,0%, белорусские губернии отличаются сравнительно низкими показателями. Так, в Могилевской губернии смертность составляла 27,7%, в Гродненской губернии – 27,5%, в Витебской и Минской губерниях – 25,5%, в Виленской губернии – 24,6% [8, с. 184–187].

В значительной степени уровень общей смертности был обусловлен детской смертностью. Как правило, смертность младенцев до 1 года измеряется путем процентного соотношения числа умерших до 1 года к числу родившихся. Это связано с гораздо более высокими коэффициентами детской смертности, нежели коэффициенты смертности взрослого населения [13, с. 581]. За период 1867–1881 гг. процентное соотношение умерших младенцев от рождения до 1 года к родившимся в Виленской губернии составляло 12,5%, в Витебской губернии – 16,3%, подобные показатели наблюдались в Гродненской губернии – 16,8%; в Могилевской губернии – 17,9%, в Минской – 15,3%⁹. Для сравнения данные показатели в Московской губернии составляли 40,6%; в Смоленской – 31,0%, в Санкт-Петербургской – 34,5%; Псковской губернии – 39,6%, Орловской – 30,2%, Черниговской – 21,1%¹⁰.

По данным годового отчета губернатора о состоянии Гродненской губернии за 1866 г. число умерших детей в возрасте до 1 года от общего числа умерших среди православного населения составляло 24,5%. Число умерших детей в возрасте от 1 до 5 лет от общего числа умерших среди православного населения составляло 31,1%. Для сравнения в возрастной категории населения 15–20 лет смертность составляла лишь 2,1% от общего числа умерших среди православного населения губернии¹¹.

Уровень смертности является одним из основных показателей санитарно-гигиенических условий населения, качества медицинского обслуживания, степени распространения инфекционных заболеваний [14, с. 170]. Принимая во внимание отчеты Управления главного врачебного инспектора в России о состоянии здоровья населения империи и организации врачебной помощи, следует отметить, что на рубеже XIX – XX вв. увеличивается число официально зарегистрированных больных, благодаря увеличившемуся числу больниц, городских и сельских врачей,

² Описание причин неудовлетворительного состояния народного здоровья в Витебской губернии // НИАБ. Ф. 2502. Оп. 1. Д. 122. Л. 2–3.

³ С отчетом по медицинской части Виленской губ 1866 год // РГИА. Ф. 1297. Оп. 276. Д. 56. Л. 73.

⁴ По рассмотрению годового отчета по врачебной части Витебской губернии // РГИА. Ф. 1297. Оп. 239. Д. 12. Л. 8.

⁵ По рассмотрению годового отчета по Медицинской части Виленской губернии за 1864 год // РГИА. Ф. 1297. Оп. 239. Д. 16. Л. 13–14.

⁶ Об эпидемических и заразительных болезнях Виленской губернии в 1878 г. // РГИА. Ф. 1297. Оп. 218. Д. 215. Л. 10.

⁷ По рассмотрению годового отчета по врачебной части Виленской губернии за 1876 год // РГИА. Ф. 1297. Оп. 218. Д. 121. Л. 26.

⁸ Там же. – Л. 6.

⁹ Смертность младенцев в Европейской России в 1867–1881 гг. в возрастах от рождения до пяти лет. – СПб., 1889. – С. 4.

¹⁰ Там же. – С. 4.

¹¹ Сведения к годовому отчету о состоянии губернии за 1866 г. // НИАБ в г. Гродно. Ф.1. Оп. 22. Д. 1660. Л. 73–76.

фельдшеров, что свидетельствует, в том числе и о положительном восприятии населением мероприятий по снижению заболеваемости населения. Помимо этого, увеличивается количество врачебных округов и аптек. Так, в Минской губернии в 1881 г. было 33 аптеки¹², к 1 января 1914 г. количество аптек составляло 104¹³.

Тем не менее, если до начала 90-х гг. XIX в. смертность в белорусских губерниях колебалась в сторону повышения и понижения, то к концу XIX – началу XX вв. отмечается постепенное снижение уровня смертности. Средний показатель смертности для пяти белорусских губерний на начало 60-х годов XIX в. составлял 31,4‰, на 1914 г. – 17,8‰, таким образом, уровень смертности за указанный период понизился на 43,4%¹⁴ [15, с. 167–168].

На начальном этапе демографического перехода отмечается рост численности населения, когда при снижении смертности рождаемость остается на достаточно высоком уровне. При этом необходимо учитывать, что величина общего коэффициента рождаемости зависит не только от количества детей, рожденных женщинами, но и от возрастной и брачной структуры населения. На общий уровень рождаемости также влияет матримониальное поведение населения, т.е. возраст вступающих в брак, демографическое поведение супругов в браке, определяющее уровень брачной рождаемости [16, с. 108].

Помимо снизившейся смертности в белорусских губерниях во второй половине XIX – начале XX вв. заметно снизилась рождаемость. Если средний показатель рождаемости на начало 60-х гг. XIX в. составлял 51,7‰, то к 1914 г. – 32,5‰¹⁵. Исходя из этого, рождаемость снизилась на 37,2%.

С точки зрения исследователей демографических процессов, высокий уровень рождаемости обусловлен не столько необходимостью поддержания большого количества рождений как таковых, сколько выживаемостью детей [14, с. 174]. Постепенное снижение смертности во второй половине XIX – начале XX в. исключает необходимость в высокой рождаемости. В процентном соотношении за период 1861–1914 гг. уровень рождаемости Могилевской губернии снизился на 27,5%, в Минской – на 29,2%, существенно снизилась рождаемость Виленской губернии (на 39,0%), в Витебской – на 30,6%, в Гродненской рождаемость упала на 34,7% [8, с. 169–170].

В рамках демографического перехода происходит трансформация структуры и формы белорусской семьи (все большее распространение получают малые семьи), брачного поведения населения, воззрений общества на рождение и воспитание детей; в норму бытовой жизни белорусов входит более позднее заключение браков. Если в середине 80-х гг. XIX в. в белорусских губерниях подавляющее большинство девушек вступало в брак в возрасте 20 лет и моложе, то на рубеже XIX – начала XX в. существенная доля браков приходится на возраст 21–25 лет¹⁶. В начале XX в. данные архивных источников подтверждают тенденцию белорусского населения к более позднему заключению браков¹⁷. В 1906 г. среди православного населения городов Могилевской губернии в возрасте 20 лет и моложе вступили в брак 36,4% девушек в возрасте 21–25 лет – 40,4%. Среди юношей 20 лет и моложе – 8,6%, в возрастной группе 21–25 лет – 36,2%. Значительная часть мужчин в городах Могилевской губернии заключили брак в возрасте 26–30 лет – 35,9%. Аналогичные показатели наблюдались и в уездах Могилевской губернии. Среди православного населения уездов Могилевской губернии 39,4% девушек вступили в брак в возрасте 20 лет и моложе, 47,7% – в возрастной группе 21–25 лет. Юношей 20 лет и моложе заключило брак 20,4%, в возрасте 21–25 лет – 40,3%. В возрасте 26–30 лет – 26,5% юношей¹⁸.

Демографический переход в белорусском обществе характеризовался не только изменениями в уровнях смертности и рождаемости, смещением брачного возраста, трансформации подвергались и традиционные ценности и нормы поведения населения. Источники фиксируют все больше примеров обращения одного из супругов в Духовную консисторию с просьбой о расторжении брака ввиду неверности супруга или неблагонадежного поведения. Так, в 1872 г. жена чиновника Гродненской контрольной палаты Рождественской Федора Рождественская Марфа была обвинена в разврате, незаконном сожительстве с любовником. Прошение супруга о расторжении брака было удовлетворено, Марфа Рождественская была обречена на «всегдашнее безбрачие»¹⁹.

Отступление от традиционных брачно-семейных норм отображает неординарное дело 1884 г. отставного бомбардира Баева, проживавшего в г. Бобруйске, жена которого, родив вне брака двоих детей и прожив у любовника полгода, вернулась в дом мужа и пыталась отравить его, чтобы выйти замуж за любовника. После долгих разбирательств и показаний свидетелей, которые утверждали, что муж Марии Баевой плохо обращался с женой, жена Баева была оправдана²⁰.

Заключение. Таким образом, социально-демографические процессы в белорусских губерниях второй половины XIX – начала XX в. были взаимообусловлены началом демографического перехода, который в условиях

¹² Обзор Минской губернии за 1881 год: (Приложение ко всеподданнейшему отчету минского губернатора). – Минск, 1882. – С. 17.

¹³ Обзор Минской губернии за 1913 год. – Минск, 1914. – С. 47.

¹⁴ Статистический временник Российской Империи. – Сер. 1. Вып. 1. – СПб., 1866. – С. 5. 58–59.

¹⁵ Статистический временник Российской Империи. – Сер. 1. Вып. 1. – СПб., 1866. – С. 5. 58–59; Статистический ежегодник России. 1915 г. – СПб., 1916. – С. 1.

¹⁶ Статистика Российской империи. Вып. 11: Движение населения в Европейской России за 1885 г. – СПб., 1890. – С. 56–59; Статистика Российской империи. Вып. 62: Движение населения в Европейской России за 1900 г. – СПб., 1906. – С. 56–70.

¹⁷ Сводные ведомости о числе браков, родившихся и умерших по губерниям России за 1906–1908 гг. // РГИА. Ф. 1290. Оп. 4. Д. 591. Л. 4.

¹⁸ Статистические сведения о родившихся, бракосочетавшихся и умерших по городам и уездам Могилевской губернии за 1906 г. // РГИА. Ф. 2187. Оп. 1. Д. 64. Л. 98, 110.

¹⁹ О розыске жены чиновника Гродненской контрольной палаты Рождественской Марфы, занимавшейся развратом, для расторжения брака с Рождественским Федором // НИАБ в г. Гродно. Ф. 2. Оп. 13. Д. 442. Л. 27, 43.

²⁰ Дело по обвинению бобруйской мещанки Баевой в попытке отравить мужа // НИАБ. Ф. 183. Оп. 2. Д. 32. Л. 5–6.

модернизационных процессов сопровождался сменой традиционного типа воспроизводства населения на современный, с низкими уровнями смертности и рождаемости. Улучшение санитарно-гигиенических условий жизни населения, развитие системы медицинского обслуживания способствовали снижению смертности от острозаразных и эпидемиологических заболеваний. Социально-экономические изменения, сопровождавшиеся снижением смертности, в условиях становления индустриального общества, приводили к снижению и уровня рождаемости. Вместе с тем, менялось отношение к раннему браку как к необходимому условию поддержания высокой рождаемости, происходила эволюция брачных и внутрисемейных отношений, распространение получило более позднее заключение браков, в обществе наблюдалось все больше примеров отступления от традиционных ценностей и норм поведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Побережников, И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теорико-методологические проблемы модернизации / И.В. Побережников. – М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2006. – 240 с.
2. Каханоўскі, А.Г. Сацыяльная трансфармацыя беларускага грамадства (1861–1914 гг.) / А.Г. Каханоўскі. – Мінск : БДУ, 2013. – 335 с.
3. Вишневский, А.Г. Избранные демографические труды : в 2 т. / А.Г. Вишневский. – М. : Наука, 2005. – Т.1: Демографическая теория и демографическая история. – 368 с.
4. Довнар-Запольский, М. Очерки обычного семейного права крестьян Минской губернии / М. Довнар-Запольский. – М. : тип. К.О. Александрова, 1897 – 80 с.
5. Новосельский, С.А. Смертность и продолжительность жизни в России / С.А. Новосельский. – Петроград : Тип. Мин-ва внутренних дел, 1916. – 207 с.
6. Янсон, Ю.Э. Сравнительная статистика России и западно-европейских государств : в 2 т. / Ю.Э. Янсон. – СПб.: тип. М. Стасюлевича, 1878. – Т.1: Территория и население. – XV, 372 с.
7. Опыт описания Могилевской губернии в историческом, физико-географическом, этнографическом, промышленном, сельскохозяйственном, лесном, учебном, медицинском и статистическом отношениях : в 3 кн. / А.С. Дембовецкий ; сост. по прогр. под ред. А.С. Дембовецкого. – Могилев, 1882-1884. – Кн. 1. – 1882. – 782 с.
8. Рашин, А.Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.) / А.Г. Рашин ; под ред. акад. С.Г. Струмилина. – М. : Госстатиздат, 1956. – 352 с.
9. Раков, А.А. Белоруссия в демографическом измерении / А.А. Раков. – Минск : [б.и.], 1974. – 127 с.
10. Токць, С.М. Сацыяльныя і культурныя працэсы ў беларускай вёсцы ў другой палове XIX – пачатку XX ст. / С.М. Токць. – Мінск : ДІКСТ БДУ, 2016. – 328 с.
11. Носевич, В.Л. Традиционная белорусская деревня в европейской перспективе / В.Л. Носевич. – Минск : Тэхналогія, 2004. – 350 с.
12. Миронов, Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну : в 3 т. / Б.Н. Миронов. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2014. – Т.1. – 896 с.
13. Уиппл, Дж.Ч., Основы демографической и санитарной статистики / Дж.Ч. Уиппл, С.А. Новосельский. – М. : Гос. мед. изд-во, 1929. – 683 с.
14. Lee, R.D. The demographic transition: Three centuries of fundamental change / R.D. Lee // Journal of Economic Perspectives. – 2003. – Vol. 17, № 4. – P. 167–190.
15. Сенько, А.И. Социально-демографическое поведение населения Беларуси в условиях трансформационных изменений (1861–1914) / А.И. Сенько // Беларусь у эпоху геапалітычных зрухаў Новага і Навейшага часу. Да 25-годдзя кафедры гісторыі Беларусі новага і навейшага часу гістарычнага факультэта БДУ : матэрыялы міжнар. навук.-практ канф., Мінск, 22 ліст. 2019 г. / Беларус. дзярж. ун-т ; рэдкал.: А.Г. Каханоўскі (старш.) [і інш]. – Мінск : БДУ, 2019. – С. 165–170.
16. Вишневский, А.Г. Ранние этапы становления нового типа рождаемости в России / А.Г. Вишневский // Брачность, рождаемость, смертность в СССР : сб. ст. / под ред. А.Г. Вишневского. – М. : Статистика, 1977. – С. 105–134.

Поступила 12.04.2022

SOCIAL DIMENSIONS OF DEMOGRAPHIC TRANSITION IN BELARUS IN THE SECOND HALF OF THE XIX – THE BEGINNING OF THE XX CENT.

A. SENKO

The article examines social dimensions of demographic transition, transformation of demographic behaviour in the Belarusian society in the second half of the XIX – the beginning of the XX cent., changes in mortality and birth rates, evolution of marriage and family relations. The author draws particular attention to the factors stipulated the beginning of demographic transition in the Belarussian governorates and processes characterized and accompanied the transition from the tradition type of population reproduction to the modern one. Mortality rate decrease in the second half of the XIX – the beginning of the XX cent., socio-economic changes caused also the decline in birth rate, the increase of marriage age, which previously was as a necessary condition for high birth rates. Additionally, changes in matrimonial behavior of population and a gradual transformation of traditional norms of marital behavior ensued.

Keywords: demographic transition, socio-demographic processes, population, birth rate, mortality, matrimonial behaviour.

УДК 94 (47) «1914/1918»

**ПРОБЛЕМА УЧАСТИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ РОССИИ В РЕШЕНИЯХ СЪЕЗДОВ
ВОЕННОГО И МОРСКОГО ДУХОВЕНСТВА В 1917 ГОДУ***канд. ист. наук, доц. Э.В. СТАРОСТЕНКО**(Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова)*ORCID <https://orcid.org/0000-0002-2864-7928>

В статье рассматривается дискуссия об участии военных священников в политической жизни государства, развернувшаяся на фронтовых и Втором Всероссийском съездах военного и морского духовенства в 1917 г. Военное духовенство поддержало смену власти в России. Установлено, что фронтовое духовенство высказалось за внепартийность священника (некоторые – с оговоркой на право священника, как гражданина, участвовать в государственном строительстве). Однако дискуссия, состоявшаяся на Всероссийском съезде военно-морского духовенства в Могилеве, завершилась принятием решения о праве каждого священника примыкать к политическим партиям, особенно в условиях приближающихся выборов в Учредительное собрание. Несмотря на это, часть делегатов признала результаты голосования нелегитимными, а решение – недопустимым.

В статье также проанализирована дискуссия, связанная с выборами в Учредительное собрание.

Ключевые слова: *военное духовенство, армия, политические партии, Первая мировая война, Февральская революция, Учредительное собрание.*

Введение. После Февральской революции Россия ступила на путь нового государственного строительства. Различные слои общества активно включились в политическую борьбу. Особенное место в этой борьбе занимали предстоящие выборы в Учредительное собрание. Происходящее в стране не могло быть проигнорировано православным военным духовенством. Для обсуждения вопросов, поставленных новой общественно-политической обстановкой, священнослужители армии собирались на братские съезды на уровне дивизий, гарнизонов, корпусов. Однако ответы, которыми могли бы руководствоваться все священники армии и флота, могло дать собрание, которое выразило бы интересы большинства состоящих в ведомстве протопресвитера военного и морского духовенства. Таким собранием стал Второй Всероссийский съезд военного и морского духовенства, состоявшийся 1–11 июля 1917 г. в Могилеве. Его повестка была широкой и включала в себя самые разнообразные темы для обсуждения, например, реорганизацию управления ведомством военного и морского духовенства, введение выборного начала, финансовые, хозяйственные и благотворительные вопросы, проблему отпусков и увольнений, судьбу журнала «Вестник военного и морского духовенства» и иное.

В данной статье предлагается рассмотреть решения фронтовых и Второго Всероссийского съездов военного духовенства об отношении к новой власти, участии в политических партиях и выборах в Учредительное собрание. Отметим, что постановка проблемы характеризуется новизной, до настоящего времени данная тема не являлась предметом специальных исследований. И в целом, история съездов православного военного духовенства 1917 г. остается малоизученной. Задачи исследования заключаются в анализе решений фронтовых съездов, соотнесении их с позицией, предложенной на обсуждение и голосование Второго Всероссийского съезда военного и морского духовенства. Отдельно рассматривается дискуссия, состоявшаяся на съезде в Могилеве и то, какой вид решение приобрело в итоге.

Источниковая база исследования представлена архивными материалами, полученными в результате работы в Российском государственном историческом архиве (г. Санкт-Петербург, Россия). Исследованы протоколы заседаний фронтовых и Всероссийского съездов, а также поданные на съезде в Могилеве особые мнения, тексты выступлений и иные документы. Также в статье использованы материалы периодической печати и мемуары.

Основная часть. Второму Всероссийскому съезду военного и морского духовенства предшествовали фронтовые собрания священнослужителей. На них формулировалась позиция военных священников по наиболее актуальным вопросам и проводились выборы делегатов на Всероссийский съезд. Избранные представители должны были отстаивать решения фронтовых собраний на общем съезде в Могилеве. Фронтовые съезды состоялись на Юго-Западном (5–7 мая 1917 г.), Западном (24–28 мая 1917 г.), Румынском (25 июня 1917 г.), Северном (26–28 июня 1917 г.) фронтах. Главный священник Кавказского фронта поздно получил информацию о необходимости проведения съезда, и потому был вынужден ограничиться лишь избранием кандидатов на Всероссийский съезд. Вместе с тем следует признать, что не все вышеназванные собрания обсудили вопрос об участии военного священника в политической жизни страны. Так, духовенство Румынского фронта было в большей степени увлечено вопросами выбора делегатов. Поэтому сформировать мнение об отношении к участию в государственном строительстве возможно на примере съездов Юго-Западного, Западного и Северного фронтов.

Первым состоялся съезд духовенства Юго-Западного фронта в Проскурове. На нем присутствовали не только священники армий Юго-Западного фронта, но и представители духовенства Западного и Румынского фронтов. Всего в его работе принимали участие 43 военных священника. Материалы этого съезда, в сравнении с другими, дают наиболее полную информацию о позиции, занимаемой военным духовенством фронта в тех или

иных вопросах. Отличием Проскуровского съезда от других также является то, что именно ему принадлежит идея созвать Всероссийский съезд. Это предложение встретило поддержку протопресвитера, и вскоре началась подготовка к его проведению (в своих воспоминаниях Г. Шавельский писал, что *он решил* собрать съезд для того, чтобы общим разумом разрешить ряд назревших вопросов) [1, с. 479].

Съезд выразил свое отношение к новой власти. Было составлено приветствие, в котором говорилось об однозначной поддержке Временного правительства: «Съезд представителей военного духовенства Юго-Западного фронта горячо приветствует Временное Правительство, ставшее на страже политических свобод завоеванных доблестной армией и народом. Съезд признает Временное Правительство единственным правомочным органом верховной власти, а потому всякое посягательство и давление на эту власть считает контрреволюционным выступлением, которому военное духовенство будет противиться всею силою своего пастырского авторитета. Съезд твердо верит, что с помощью Божиею Временное Правительство приложит все усилия к устранению всяких проявлений анархии и к устроению политической жизни России на началах христианской любви, политической свободы, социальной справедливости и широкого народовластия»¹.

Что же касается отношения к политическим партиям, то докладчик (священник К. Стешенко) заявил о необходимости быть выше партий и политических убеждений, чтобы к церкви и духовенству могли идти люди разных политических взглядов. Но вместе с тем он указал на то, что священнослужитель также является гражданином и в обстоятельствах, когда решается судьба государства, ему следует выполнить свой гражданский долг, примкнув к тем или иным политическим группам. Выбирая партию, священнику предлагалось руководствоваться Евангелием, принципами любви, равенства и братства². Исходя из текста протоколов, собравшиеся не говорили о внепартийности священника. Обсуждение развернулось вокруг уточнения к какому именно политическому течению следует примкнуть. Например, делегат от духовенства 13-го армейского корпуса, протоиерей А. Погодин, сообщил, что духовенство корпуса желает поддержать партии социалистов («считая социализм глубоко жизненным явлением»), но только в их стремлении нравственно повлиять на все слои общества, отвергая достижение цели насильственными методами³. Поддержал идею примыкания к партии, «оцениваемой с точки зрения правды Божией» и протоиерей И. Крылов, представитель духовенства 1-го гвардейского корпуса: он выразил опасение, что в ином случае голос священника не будет услышан. С ним согласился священник А. Остальский. Священник И. Яструбецкий предложил духовенству объединиться в партию, программа которой направлена на поддержку нуждающихся⁴.

В итоге съезд единогласно принял следующее решение: «а) церковь Христова, как проповедница вечных истин, должна стоять выше каких-бы то ни было политических партий, как колеблющихся и изменяемых в своих платформах и программах; б) отсюда и духовенство, как проповедник этих истин, должно стоять вне социальных и политических течений и партий, но в) как граждане, призванные к участию в государственном строительстве, оно должно для лучшего выполнения своего долга присоединиться к той партии, на знамени которой написаны великие лозунги – любовь, братство, равенство, социальная справедливость и народовластие»⁵. Данное решение сформулировано неоднозначно: с одной стороны, священнику полагалось быть вне партий, но с другой, как гражданину, ему предлагалось присоединиться к определенным политическим силам. В некоторой степени это противоречие снимает публикация решений съезда в периодической печати: в «Русских ведомостях» сообщалось, что духовенство Юго-Западного фронта должно стоять вне политических партий⁶. Именно эту точку зрения будут отстаивать представители фронта на Втором Всероссийском съезде в Могилеве.

Военное духовенство Западного фронта также успело провести фронтный съезд: он состоялся 24–28 мая в Минске. В съезде приняли участие 59 священников. К сожалению, в протоколе собрания не приводятся сведения о дискуссии, есть лишь решение: «как пастыри Христова стада, священники должны стоять выше всех политических партий, но как граждане, участвуя в государственном строительстве, должны быть с народом и за народ»⁷. В этом решении говорится о внепартийности священника, но одновременно с этим признаются его политические и гражданские права [2, с. 141].

Более категоричным было решение представителей духовенства Северного фронта. Отметим, что еще 8 июня съезд штабных священников 1-й, 5-й и 12-й армий признал проведение профессиональных съездов несвоевременным, однако, согласно требованию протопресвитера, дата начала фронтного съезда все же была назначена на 26 июня⁸. Заметим, что данный съезд заявил, что все военное духовенство стоит на платформе совместной работы с Временным правительством, а потому определять свою позицию среди существующих партий излишне [3, с. 217]. 26–28 июня 1917 г. в Пскове собрались представители духовенства Северного фронта. В работе съезда приняли участие 27 человек. Съезд постановил, что священник, как пастырь, не должен принадлежать ни к какой политической партии, а современные политические вопросы ему следует освещать с чисто христианской точки зрения⁹. Таким

¹ Бумаги, относящиеся ко 2-му съезду военного и морского духовенства // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10140 Б. Лл. 72–72 об.

² Бумаги, относящиеся ко 2-му съезду военного и морского духовенства // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10140 Б. Л. 67

³ Бумаги, относящиеся ко 2-му съезду военного и морского духовенства // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10140 Б. Л. 67 об

⁴ Бумаги, относящиеся ко 2-му съезду военного и морского духовенства // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10140 Б. Л. 67 об.

⁵ Бумаги, относящиеся ко 2-му съезду военного и морского духовенства // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10140 Б. Л. 67 об.

⁶ Съезд военного духовенства // Русские ведомости. – 1917. – № 111. – С. 5.

⁷ Бумаги, относящиеся ко 2-му съезду военного и морского духовенства // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10140 Б. Л. 47

⁸ Бумаги, относящиеся ко 2-му съезду военного и морского духовенства // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10140 Б. Л. 78 об.

⁹ Бумаги, относящиеся ко 2-му съезду военного и морского духовенства // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10140 В. Л. 140 об.

образом, духовенство Северного фронта однозначно высказалось против примыкания духовенства к политическим партиям и организациям.

Как отмечалось ранее, вопрос отношения к политическим партиям не нашел отражения в протоколе собрания духовенства Румынского фронта, а на Кавказском фронте и вовсе не обсуждался.

Решения, принятые на фронтовых съездах, избранным делегатам следовало отстаивать на Втором Всероссийском съезде военного и морского духовенства. Актуальность темы участия в политической жизни страны подтверждается тем, что вопрос обсуждался на протяжении двух заседаний (третье и четвертое) из четырнадцати, хотя при этом отсутствовал в основном перечне вопросов, выносимых на обсуждение съезда. На третьем заседании были зачитаны и обсуждены предложения, разработанные предсъездовыми комиссиями. На четвертом заседании состоялось голосование, которое также сопровождалось обсуждением. Разрабатывали вопросы две предсъездовые комиссии: комиссия по вопросам, касающимся пастырской деятельности и комиссия по вопросам, относящимся к Поместному собору и Учредительному собранию.

Немаловажным было заявить об отношении военно-морского духовенства к новой власти. Синод еще 9 марта объявил о свершении «Божьей воли» и необходимости довериться Временному правительству [4, с. 63]. Многие собрания духовенства (как епархиального, так и военно-морского) принимали резолюции о поддержке новой власти. Не остались в стороне и участники Второго Всероссийского съезда военного и морского духовенства. В журнале «Церковно-общественная мысль» в заметке о могилевском съезде сообщалось о его отношении к новой власти: «съезд единодушно приветствовал совершившийся государственный переворот как исторический момент исключительной важности, открывающий перед русским народом светлые перспективы обновленной политической и церковно-общественной жизни, построенной на евангельских началах свободы, любви, равенства и братства»¹⁰. Отметим, что непосредственно в протоколах обсуждения отношения к новой власти нет. Но призыв поддержать её есть в воззвании «К воинам-гражданам великой Русской Армии» Второго Всероссийского съезда: «России нужна сильная власть. Признайте всю полноту власти за Временным Правительством, составленным из друзей народа, одушевленных одним стремлением спасти Россию, создать её счастье!»¹¹.

Важной частью обсуждаемой политической повестки стало отношение к партиям. На этот вопрос, по нашему мнению, съезду не удалось найти однозначного ответа. Основное противоречие заключалось в том, что, будучи духовным лицом, военный священник также являлся гражданином, имеющим политические права.

На третьем заседании (3 июля 1917 г.) докладчик от комиссии по вопросам, касающимся пастырской деятельности, священник А. Боярский подчеркнул важность происходящих государственных трансформаций и призвал собравшихся не оставаться в стороне от них: «пастырю – строителю жизни отгородиться от политических событий нельзя, ибо быть сейчас вне политики значит быть вне жизни»¹². Он предложил духовенству выработать свою программу, а до этого встать на платформу социалистических партий: «русский народ создает свой особый социализм – русский. И задача духовенства – связать социализм с Евангелием, материальные лозунги социализма одухотворить»¹³. Выступавший следом за ним докладчик от комиссии по вопросам, относящимся к Поместному собору и Учредительному собранию, протоиерей И. Крылов, поддержал коллегу в вопросе участия в политической жизни. По мнению комиссии, в виду решающего значения предстоящего Учредительного собрания в судьбах государства и Церкви и недостатка времени следовало предоставить священнослужителям на их пастырскую совесть полную свободу в осуществлении своих гражданских выборных прав, «братски советуя поддерживать ту социально-политическую организацию и голосовать за тех лиц, которые, будучи чужды противным христианству насилия и вражды, обеспечивали бы наибольшее благо, мирное процветание и целостность Российского Государства, автономию и первенствующее положение православной церкви, широкое народовластие, справедливое обеспечение прав и благосостояния неимущих и всех трудящихся, свободу вероисповеданий, устного и печатного слова, собраний и организаций, национальное и гражданское равноправие и вообще братское сожителство народов»¹⁴. Таким образом, решениями обеих комиссий военным и морским священникам предлагалось не сторониться политической жизни.

Однако эти предложения вызвали сложную и острую дискуссию, которая растянулась на два заседания.

Определяя свое отношение к политическим партиям, военное духовенство заняло две противоположные позиции. Сторонники первой поддержали предложение комиссии об участии в политической жизни страны, особенно в преддверии Учредительного собрания. Их в большей степени беспокоило какие именно политические силы следует поддержать и каким образом. Так, священник А. Шабашев (Западный фронт) предложил поддержать партию, которая руководствовалась в своей деятельности непротивным христианству лозунгом «земля – трудящимся»¹⁵. Священник А. Введенский (Петроградское военное духовенство) призвал примкнуть к одной из социалистических партий. Священник И. Яструбецкий (Юго-Западный фронт) высказался за обязательное участие в партийной жизни страны: при этом он осудил практику оправдания программ партий Евангелием, а также считал недопустимым вступление в крайне правые и крайне левые партии¹⁶. Протоиерей Г. Касторский (Юго-За-

¹⁰ Всероссийский съезд военного и морского духовенства // Церков.-обществ. мысль. – 1917. – № 1. – С. 34–35.

¹¹ Циркуляры протопресвитера // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10776.Л. 80-80 об.

¹² Бумаги, относящиеся ко 2-му съезду военного и морского духовенства // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10140 Б. Л. 161 об.

¹³ Бумаги, относящиеся ко 2-му съезду военного и морского духовенства // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10140 Б. Л. 161 об.

¹⁴ Бумаги, относящиеся ко 2-му съезду военного и морского духовенства // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10140 Б. 162 об-163.

¹⁵ Бумаги, относящиеся ко 2-му съезду военного и морского духовенства // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10140 Б. Л. 163

¹⁶ Бумаги, относящиеся ко 2-му съезду военного и морского духовенства // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10140 Б. 164 об.

падный фронт) высказался против участия именно в социалистических партиях, так как он полагал недопустимым согласиться с социалистическим учением о труде, капитале, войне, смертной казни¹⁷. Протоиерей И. Егоров (Петроградское военное духовенство) предложил собравшимся организовать свою партию, или же примкнуть к Союзу демократического духовенства (вероятно, имеется в виду Всероссийский союз православного демократического духовенства и мирян).

Как мы видим, даже среди тех, кто поддерживал предложение комиссии, не было единодушия относительно того, как и какие политические силы следует поддержать.

Сторонники второй позиции были категорически против участия в политической борьбе и партиях. Они объясняли это тем, что священник, как лицо духовное, должен быть вне политики. Протоиерей И. Матиков (Северный фронт) заявил, что пастырь как служитель церкви не может принадлежать ни к одной политической партии, ведь каждая партия имеет свои несовершенства и ошибки: пастырь, примыкая к партии, может впасть в те же ошибки¹⁸. Против высказались также священники В. Егоров (Кавказский фронт), И. Образцов (Северный фронт), Д. Андреев (Балтийский флот) и А. Матеюк (Юго-Западный фронт). Хорошо объясняют позицию слова И. Образцова: «эта борьба возбуждает страсти, которые поведут к разделению в приходе. Пастырь не может быть Павлов или Петров, или Аполосов, он Христов, и программа его – программа Христа: царство мое не от мира сего»¹⁹. Священник Д. Андреев и вовсе заявил, что участие в определенной партии может погубить военное духовенство, так как ему не верят. Далее других на третьем заседании в своем несогласии пошел священник А. Матеюк, который первым напомнил участникам съезда о наказах фронтовых съездов духовенства (в его случае – духовенства Юго-Западного фронта) и заявил протест против участия в политических партиях. При этом, аргументируя свою позицию, он указал на необходимость следования тактике партии в случае её поддержки: «Хотя в каждой партии есть и хорошее, но, вписываясь в партию, человек должен принять и тактику её... Я знаю примеры нареканий верующих на тех пастырей, которые вписались в социалистические партии»²⁰. С ним согласился и священник К. Стешенко (Юго-Западный фронт), который напомнил всем об опыте поддержки Союза Русского Народа.

Споры продолжались до часа ночи, и, не достигнув компромисса, было решено заседание закрыть. На следующий день (4 заседание, 4 июля 1917 г.) они возобновились с новой силой, так как началось голосование.

Примирить собравшихся попытался председатель съезда протоиерей П. Лепорский. В своей пространной речи он признал справедливыми доводы обеих сторон, но призвал руководствоваться принципами «мудрого консерватизма» и «мудрого либерализма»: быть готовыми откликнуться на новые вызовы времени²¹. По мнению П. Лепорского, пастырь должен идти в ногу со временем и принять живое участие в «изготовлении новых одежд, какие требует выросший религиозный дух его пасомых»²². Следом выступил почетный председатель съезда, протопресвитер Г. Шавельский. Он заявил, что нельзя держаться середины, необходимо принять определенное решение. При этом сам он выступил на стороне приверженцев участия в государственном строительстве: «Спаситель велел нам устроить Царство Божие не только на небе, но Царство Божие на земле»²³. После этого докладчик начал чтение предложенной постановки, по каждому предполагалось обсуждение и голосование.

Собравшиеся единогласно признали, что священнослужитель не может проповедовать ту или иную политическую программу. При этом он должен с евангельской точки зрения освещать политические и экономические вопросы в своих проповедях [5, с. 74]. Также участники съезда единогласно поддержали предложение комиссии о необходимости объединиться с мирянами в одну церковную демократическую организацию, которая будет принимать активное участие в строительстве общественно-государственной жизни.

Следующий же пункт стал камнем преткновения для делегатов: до создания церковно-демократической организации, священник, как гражданин, желающий участвовать в государственном строительстве, волен принадлежать к любой из существующих партий²⁴. Теперь к спорам об участии в политических партиях добавилась терминологическая полемика. Собравшиеся пытались подобрать слово, которое корректно бы описывало степень участия духовенства в политических партиях: участниками предлагались слова «принадлежать», «примыкать», «волен поддерживать», «участвовать в партиях, не противных учению Христа и не враждебных Церкви и государству» и прочее. По каждому предложению было проведено голосование, и в результате было решено использовать слово «примыкать», а также добавить в конце решения «руководствуясь пастырской совестью». Таким образом, резолюция была принята с двумя поправками и приобрела следующий вид: «до создания этой организации, священник, как гражданин, желающий участвовать в строительстве государственной и общественной жизни, волен примыкать к любой из существующих политических партий, руководствуясь пастырской совестью»²⁵. Однако, после короткого перерыва протоиерей Р. Прозоровский (Юго-Западный фронт) внес внеочередное заявление, в котором высказался против принятой резолюции: «Нельзя допустить, чтобы священник мог «примыкать» к любой политической партии. На всех фронтах Съездами вынесены резолюции в таком духе, что

¹⁷ Бумаги, относящиеся ко 2-му съезду военного и морского духовенства // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10140 Б. 163

¹⁸ Бумаги, относящиеся ко 2-му съезду военного и морского духовенства // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10140 Б. Л. 163.

¹⁹ Бумаги, относящиеся ко 2-му съезду военного и морского духовенства // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10140 Б. Л. 163 об.

²⁰ Бумаги, относящиеся ко 2-му съезду военного и морского духовенства // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10140 Б. Л. 164

²¹ Бумаги, относящиеся ко 2-му съезду военного и морского духовенства // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10140 Б. Л. 169 об.

²² Бумаги, относящиеся ко 2-му съезду военного и морского духовенства // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10140 Б. Л. 169 об.

²³ Бумаги, относящиеся ко 2-му съезду военного и морского духовенства // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10140 Б. Л. 170.

²⁴ Бумаги, относящиеся ко 2-му съезду военного и морского духовенства // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10140 Б. Л. 172 об.

²⁵ Бумаги, относящиеся ко 2-му съезду военного и морского духовенства // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10140 Б. Л. 172 об.

пастырь не должен принадлежать к политической партии. Постановление нашего заседания до перерыва является таким образом клеветой на военное духовенство, не желающее партийности в своей работе, и изменой тем наказам, которые определенно даны нам фронтовыми съездами»²⁶. Он просил поставить вопрос на переголосование.

Когда председатель предложил переголосовать постановление о примыкании к партиям, за эту идею высказались 30 человек против 14. На это докладчик объявил, что съезд не в праве лишать гражданских прав священников, и пересматривать принятое решение не следует. Отстаивая необходимость переголосования протоиерей А. Погодин (Юго-Западный фронт), как ранее Р. Прозоровский и А. Матеев, призвал следовать наказам фронтовых съездов: «Юго-Западный фронт поручил провести на Съезде идею внепартийности военного духовенства. Пастырю не следует быть в партии. Наши доверители будут потрясены. Нужно лишь допустить выполнение гражданского долга участием в подаче голоса»²⁷. К ним присоединился и их коллега по фронту, протоиерей И. Крылов. В конце концов было принято решение оставить резолюцию без изменений. На это Р. Прозоровский заявил от имени группы делегатов, что подает «особое мнение»: и действительно, такое было подано на четырнадцатом заседании. В нем решение о примыкании к политическим партиям было объявлено нелегитимным, находящимся под запретом большинства. Поэтому авторами был предложен альтернативный вариант: «... священник, как пастырь, действуя внепартийно, созидает верных заветам Христа общественных деятелей, а как гражданин он волен в нужный момент отдать свой голос тем партиям и деятелям, на знамени которых начертаны лозунги: народоправление, свобода, равенство и братство»²⁸.

В материалах съезда обнаружен текст речи священника В. Егорова (Кавказский фронт), в котором тот также осудил решение об отношении к политическим партиям. Оратор выразил мнение, что быть участником политической жизни можно не иначе как примкнув к той или иной политической партии с её платформой и лозунгами. Однако свои программы они формулируют, рассматривая человека лишь как гражданина земли и проектируя неустойчивое с точки зрения Евангелия мировоззрение. Программы партий, по мнению оратора, далеки от евангельских принципов: «остановиться на принципах любой партии – значит застыть, не двигаться вперед по пути осуществления высших евангельских идеалов. Остановка недопустима. Мы и так уже много веков стоим на одном месте»²⁹. Священник В. Егоров призвал собравшихся отказаться от участия в партийно-политических организациях.

С участием в политических партиях неразрывно связан вопрос об Учредительном собрании. Во время голосования выяснилось, что было разработано две резолюции по данному вопросу: комиссией по вопросам, относящимся к Поместному собору и Учредительному собранию, и комиссией по вопросам, касающимся пастырской деятельности. Предложение первой комиссии, озвученное И. Крыловым, было приведено в статье выше. Что же касается второй комиссии, то она составила два варианта резолюций: первый касался вступления в блок с одной из политических партий («Военно-морское духовенство... вступает в блок с одной из политических партий, обязавшись голосовать и агитировать в своих частях и приходах за список этой партии под условием включения в этот список одного или более (по соглашению) кандидатов, выставленных военно-морским духовенством...») (кроме партий «правее народной свободы, а также большевиков и анархистов»), а второй – наказать представителям военно-морского духовенства на Поместном соборе выступить с предложением составить избирательные списки с именами «друзей церкви» и благословить всё православное духовенство голосовать за этот список и агитировать за него в своих приходах.

Голосованию предшествовали споры как на третьем, так и на четвертом заседаниях. При этом особенно активно обсуждался вопрос о вступлении в блок с одной из партий с условием включения в список её кандидатов представителей военного духовенства. Священник А. Боярский (Петроградское военное духовенство), псаломщик Е. Бобовский (младший клир, Петроград), протоиерей В. Архангельский (Балтийский флот) высказались за вступление в блок с определенной партией. На третьем заседании священник А. Боярский предложил два пути: вступить в блок с самой сильной социалистической партией (пообещав ей свои 5000 голосов и несколько десятков тысяч голосов прихожан взамен нескольких мест для кандидатов от военного духовенства), или же выработать на Поместном соборе свой список и голосовать за него³⁰. На четвертом заседании он снова выступил за эту идею. А псаломщик А. Заборовский (младший клир, Петроград) счел поддержку определенной партии на выборах в Учредительное собрание противоречием ранее принятому решению об отношении к политическим партиям. Однозначно по данному вопросу высказался протопресвитер Г. Шавельский, чем лишил предложение о вступлении в блок шансов на принятие: «Я против блока. Это торг. За 2-3 голоса своих людей мы соглашаемся провести Бог знает кого в Учредительное собрание. Это чести нам не сделает»³¹.

В итоге съезд большинством голосов поддержал предложение ходатайствовать перед Поместным собором о составлении избирательных списков с кандидатами из числа защитников и друзей церкви [5, с. 73].

Заметим, что ввиду досрочного завершения съезда (из-за ситуации на Юго-Западном фронте) участники хотели определить решения, которые следовало немедленно претворить в жизнь и опубликовать. И, исходя из доку-

²⁶ Бумаги, относящиеся ко 2-му съезду военного и морского духовенства // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10140 Б. Л. 173.

²⁷ Бумаги, относящиеся ко 2-му съезду военного и морского духовенства // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10140 Б. Л. 173 об.

²⁸ Бумаги, относящиеся ко 2-му съезду военного и морского духовенства // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10140 Б. Л. 307

²⁹ Бумаги, относящиеся ко 2-му съезду военного и морского духовенства // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10140 Б. Лл. 177-179

³⁰ Бумаги, относящиеся ко 2-му съезду военного и морского духовенства // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10140 Б. Л. 164.

³¹ Бумаги, относящиеся ко 2-му съезду военного и морского духовенства // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10140 Б. Л. 175 об.

ментов РГИА, вопрос об отношении к политическим партиям и выборам в Учредительное собрание по итогам работы съезда в их число не вошел³². Несмотря на это, решение было опубликовано в журнале ведомства протопресвитера «Церковно-общественная мысль». Сложная дискуссия о политических партиях и выборах в Учредительное собрание получила весьма короткое изложение в нем: «Что же касается активного участия духовенства в государственном строительстве, к какому в данное время призываются все русские граждане, то по этому вопросу съезд высказался в том смысле, что духовенство, как служители церкви, проповедующие вечные истины должны стоять выше изменяющейся политики и к.л. политических партий; но будучи в то же время гражданами, призванными в данный момент осуществить свои гражданские права, священно-церковнослужители могут присоединяться к политическим партиям и поддерживать (напр. в Учредительном собрании) тех представителей, которые борются за проведение в жизнь христианских начал и идей народовластия»³³. Заметим, что публикация от решения съезда отличается. В ней нет слова «примыкать», которое вызвало такое недовольство части делегатов: оно заменено на слово «присоединяться» (которое, к слову, было использовано в решениях съезда военного духовенства Юго-Западного фронта). Кроме того, в журнале не было опубликовано решение о предложении Поместному собору составить списки, по которым можно было бы голосовать на выборах в Учредительное Собрание.

Заключение. Вопрос участия в политической жизни страны православного военного духовенства оказался сложным для разрешения. Единогласно съезд признал смену власти в России и призвал воинов поддержать новое правительство. А вот по вопросам отношения к политическим партиям и Учредительному собранию участникам Второго Всероссийского съезда военного и морского духовенства не удалось выработать единую позицию. Съезды военного духовенства Северного, Юго-Западного и Западного фронтов высказались за внепартийность священнослужителя (некоторые – с оговоркой на право священника, как гражданина, участвовать в государственном строительстве). Между тем, на Втором Всероссийском съезде, несмотря на активное обсуждение и несогласие части делегатов, было решено, что священник армии имеет право примыкать к любой из существующих партий. Несмотря на состоявшееся голосование, часть участников съезда не смогла смириться с его результатами и подала «особое мнение», в котором такое решение называлось нелегитимным. Хотя оно не вошло в число подлежащих немедленному исполнению, однако было, в сокращенном виде, напечатано на страницах журнала ведомства, а потому священники, не присутствовавшие на съезде, могли воспринимать его как руководство к действиям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шавельский, Г. В школе и на службе. Воспоминания / Г. Шавельский. – М.; Брюссель, 2016. – 820 с.
2. Старостенко, Э.В. Православное военное духовенство на территории Беларуси в годы Первой мировой войны / Э.В. Старостенко. – Могилев : МГУ им. А.А. Кулешова, 2020. – 200 с.
3. Бабкин, М.А. Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. (Материалы и архивные документы по истории Русской православной церкви) / М.А. Бабкин. – М. : Индрик, 2006. – 504 с.
4. Старостенко, В.В. Проблема свободы совести в законодательстве и общественно-политической мысли в Российской империи начала XX в. / В.В. Старостенко // Весн. Магілёўс. дзярж. ўн-та імя А.А. Куляшова. Сер. А, гуманітарныя навукі: гісторыя, філасофія, філалогія. – 2017. – № 1(49). – С. 60–64.
5. Старостенко, Э.В. Второй Всероссийский съезд военного и морского духовенства православной церкви 1917 г. / Э.В. Старостенко // Журн. Белорус. гос. ун-та. История. – 2017. – № 4. – С. 71–75.

Поступила 18.04.2022

THE PROBLEM OF PARTICIPATION IN THE POLITICAL LIFE OF RUSSIA IN THE DECISIONS OF CONGRESSES OF THE MILITARY AND NAVAL CLERGY IN 1917

E. STAROSTENKO

The article deals the discussion about the participation of military priests in the political life of the state, which unfolded at the front and the Second All-Russian Congress of the military and naval clergy in 1917. The military clergy supported the change of authority in Russia. It has been established that the front-line clergy spoke in favor of a non-partisan priest (some with reservations about the right of the priest, as a citizen, to participate in state building). However, the discussion that took place at the All-Russian Congress of the Military and Naval Clergy in Mogilev ended with the adoption of a decision on the right of every priest to join political parties, especially in the context of the upcoming elections to the Constituent Assembly. Despite this, some of the delegates recognized the voting results as illegitimate and the decision unacceptable. The article also analyzes the discussion related to the elections to the Constituent Assembly.

Keywords: military clergy, army, political parties, World War I, February Revolution, Constituent Assembly.

³² Бумаги, относящиеся ко 2-му съезду военного и морского духовенства // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10140 В. Л. 242 об.

³³ Всероссийский съезд военного и морского духовенства // Церков.-обществ. мысль. – 1917. – № 1. – С. 35

УДК 323.1

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ
СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В БССР В 1960-е – 1980-е гг.****В.В. ТЕРЕНТЬЕВ***(Витебский государственный университет имени П.М. Машерова)*

В статье анализируются некоторые аспекты национальной политики советской власти на территории Беларуси в 1960-е – 1980-е гг. Автор приходит к выводу, что многое в советской национальной политике носило положительный характер и может быть применимо и в современных исторических условиях, когда, будучи не союзными республиками СССР, а суверенными государствами, Российская Федерация и Республика Беларусь, с опорой на этот опыт, могут более успешно развивать сотрудничество в противостоянии внешним и внутренним угрозам, в экономической, культурной и образовательной сферах.

Ключевые слова: БССР, национальный вопрос, национальная политика, русский язык, белорусский язык.

Введение. Современный мир изменяется на глазах. Это сопровождается крахом многих, ещё недавно казавшихся незыблемыми, экономических, политических, культурных моделей. В то же время вновь начинают приобретать актуальность те модели, которые на протяжении последних десятилетий многократно объявлялись устаревшими. Национальный вопрос сегодня используется во многих регионах мира для дестабилизации обстановки, создания искусственной напряженности, нередко переходящей в фазу «горячих» конфликтов. Отсутствие фундаментальных исторических знаний приводит к незащитности людей, в первую очередь, молодежи, перед агрессивной националистической антигосударственной пропагандой. В данной связи особую актуальность приобретает изучение советского опыта национальной политики в БССР в 1960-х – 1980-х гг., показывающего множество положительных примеров развития братства и сотрудничества между народами, добрососедства, взаимопроникновения культур. В рамках Союзного государства России и Беларуси могут быть использованы многие направления накопленного в советские годы опыта.

Целью настоящего исследования является анализ некоторых аспектов советской национальной политики в БССР в 1960-е – 1980-е гг. Для достижения данной цели в статье на основе научных публикаций, архивных материалов решаются следующие задачи: показываются формы государственной национальной политики на территории Беларуси в исследуемый период, выделяются те из них, которые могли бы быть применимы в современных исторических условиях.

Важнейшей целью национальной политики в Советском Союзе стало упрочение новой исторической общности – советского народа. Русский язык воспринимался не языком «нации угнетателей», а языком советской культуры и межнационального общения. Публикации советской эпохи показывают значение русского языка в развитии культуры союзных республик, расширения возможностей их жителей в открытии новых горизонтов в образовании, науке, культуре, общественной деятельности посредством русского языка [7; 8].

С начала 1960-х гг. по основным направлениям национальной политики начали готовиться специальные историографические обзоры. В частности, была предпринята попытка историографического обзора политики, направленной на формирование дружбы и сотрудничества советских наций [6]. Проведенные историографические исследования способствовали определению степени изученности рассматриваемой проблемы, выяснению наиболее сложных, дискуссионных вопросов.

В 1970-е гг. «борьба с проявлениями «буржуазного национализма» идеологически оправдывалась дальнейшим развитием государственного строительства в СССР – формированием советского народа. Вторая половина 1970-х гг. характеризовалась обострением дискуссии о национальной политике в свете принятия новой Конституции СССР. Официальная идеология допускала наличие двух подходов при обсуждении национальной политики: а) «слияние» (всех народов в одну советскую нацию, отличную от исходных народов) и б) «сближение» (признание прочности существующих национальных идентичностей, идея «расцвета» наций)» [17]. В исследованиях советских историков и философов вплоть до 1991 г. национальная политика советской власти рассматривалась как реализация концепции «многонационального советского народа» на базе лучших традиций народов СССР. Исследования западных авторов, посвященные национальному вопросу в Советском Союзе, критиковались или прямо оценивались как антинаучные фальсификации [14; 15]. Из защищенных в 1990-е гг. работ заслуживает внимания диссертация А.Ю. Бодака [3]. Достаточно обширна зарубежная историография национальной политики СССР. Б.И. Поварницын в 2003 г. защитил докторскую диссертацию, посвященную англо-американской историографии национальной политики СССР и постсоветских государств [11].

Хотя целый ряд научных работ белорусских авторов советского периода носил откровенно популистский характер, когда единственной целью исследования была демонстрация «братского союза народов СССР» и определялась руководящая роль КПСС в этих процессах [5; 9], в то же время работы советского периода являются важным источником, позволяющим проанализировать как понимался суверенитет советского народа в советском праве [2], отношение к космополитизму [10], пролетарскому интернационализму [16]; дающим возможность увидеть конкретные проявления братства и добрососедства между народами Советского Союза, развитие международного сотрудничества со странами социалистического лагеря, отражение этих процессов в БССР [4].

Методологическую основу статьи составили системный подход, позволяющий дать оценку национальной политике советского государства в БССР в общей системе внутренней политики Советского Союза, а также принцип историзма, позволивший рассматривать советскую национальную политику в БССР в её становлении и развитии, а также принципы научной достоверности и объективности. В исследовании применялись как общенаучные (исторический и логический анализ и синтез), так и специально-исторические (историко-сравнительный) методы, позволяющие эффективно провести критическо-сопоставительный анализ архивных материалов и публикаций советского времени с имеющейся историографией, последующими историческими событиями и современным развитием мировой истории.

Основная часть. На XXIV съезде КПБ, который состоялся 17–19 февраля 1960 г., говорилось о необходимости «вести непримиримую борьбу против национализма, космополитизма и других проявлений буржуазной идеологии, против предрассудков прошлого в сознании людей» [12, с. 166].

По данным Всесоюзной переписи населения 1970 г. в графе о распределении населения по национальности, родному языку и второму языку, которым свободно владеет население значилось, что из 230 804 человек, проживавших в Витебске, было 156 998 белорусов и 54 094 русских, причем из 156 998 белорусов 84 151 считали родным языком белорусский, а 72 829 – русский¹. Национальная составляющая принималась во внимание, о чем свидетельствовало и наличие графы «национальность» в советском паспорте, однако люди разных национальностей не только не противопоставлялись друг другу, но наоборот ставилась задача взаимопроникновения культур входящих в Советский Союз народов для объединения их в «новую историческую общность». Владение русским языком как языком межнационального общения народов СССР было более важно, чем владение языком союзной республики. Так, по данным Всесоюзной переписи 1979 г. из 1 385 372 человек, проживавших в Витебской области, было 1 133 027 белорусов, из которых 719 335 свободно владели русским языком. Из проживавших в области 187 016 русских только 54 739 свободно владели белорусским языком².

Советские теоретики в начале 1980-х гг. заявляли о полном решении национального вопроса: «В условиях зрелого социализма национальная государственность народов все глубже пронизывается общесоветским содержанием, интернационалистскими принципами. В Советском Союзе национальный вопрос в том виде, в каком он унаследован от дореволюционного прошлого, решен полностью и окончательно» [1].

Развитое в СССР международное и межреспубликанское взаимодействие шло не только в сфере культуры, но и в производственной сфере, решении повседневных вопросов. Широко практиковались встречи представителей творческой интеллигенции с заинтересованными гражданами и трудовыми коллективами, с учащимися учебных заведений разного уровня, в том числе в рамках организованных государством мероприятий. 25 апреля 1977 г. на заседании Витебского обкома Коммунистической партии Белоруссии было принято решение о проведении в области Дней белорусской литературы, посвященных 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции³. Во внешней стороне проводимых мероприятий можно отметить сочетание национального и советского компонентов. Так, 29 августа 1977 г. бюро Витебского обкома обсуждало план обеспечения на территории Витебской области интернационального автопробега «Дружба», посвященного 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции⁴. Предполагалось, что в автопробеге примут участие по 9 человек от СССР, Болгарии, Венгрии, ГДР, Кубы, Монголии, Польши, Румынии, Чехословакии⁵. В программе значилось, что девушки в национальных костюмах преподносят участникам автопробега хлеб-соль, а пионеры вручают цветы и памятные значки⁶.

Нельзя не отметить стремительное развитие культуры и науки в Беларуси в советский период истории. По данным, озвученным 25 декабря 1978 г. в ходе торжественного заседания Витебских обкома и облсовета, посвященного 60-летию образования Белорусской ССР и Компартии Белоруссии⁷, в 1914 г. в Белоруссии насчитывалось всего 80 научных работников, в 1940 г. – чуть больше двух тысяч, в 1978 г. – свыше 34 тыс. человек. В их числе 700 докторов, более 9 тыс. кандидатов наук. В Витебске вырос, как его назвали авторы доклада, «многочисленный отряд» писателей, композиторов, художников. Лучшие произведения белорусской прозы, поэзии и драматургии, музыки и кинематографии, живописи и скульптуры нашли дорогу к сердцам миллионов советских людей⁸. Заслуживает внимания то, что советское творчество, в том числе в Беларуси, было ориентировано на народ. Как вспоминал Яков Косолапов, член Союза композиторов БССР, преподаватель Витебского музыкального училища: «Как-то на льнокомбинате меня окружили молодые ткачихи, стали просить: напишите про нас песню! Как же выполнить этот социальный заказ? И я написал – на слова витебского поэта Юрия Докторова – о нашем синеоком льне, который цветет синью в глазах этих милых девчат-тружениц, мастериц, мечтательниц. Был очень тронут, когда они пригласили меня на премьеру. Она состоялась прямо в цеху, где ансамбль ткачих проникновенно исполнил мое скромное произведение... "Напишите для нас", "напишите про нас" – такое слышишь часто от людей самых разных профессий, от участников творческой самодеятельности. И я с удовольствием пишу для самодеятельных певцов, для народных хоров»⁹.

¹ Государственный архив Витебской области (ГАВт). Ф. 1974, оп. 11, д. 75, л. 25.

² ГАВт. Ф. 1974, оп. 11, д. 154, л. 35.

³ ГАВт. Ф. 1П, оп. 137, д. 22, л. 6.

⁴ ГАВт. Ф. 1П., оп. 137, д. 132, л. 5.

⁵ ГАВт. Ф. 1П, оп. 137, д. 132, л. 49.

⁶ ГАВт. Ф. 1П, оп. 137, д. 132, л. 50.

⁷ ГАВт. Ф. 1П, оп. 142, д. 11.

⁸ ГАВт. Ф. 1 П, оп. 142, д. 11, л. 29.

⁹ ГАВт. Ф. 2430, оп. 1, д. 21, л. 7.

Фактическое доминирующее значение русского языка в СССР было закреплено на XXII съезде Коммунистической партии Советского Союза. Конституция СССР 1977 г. гарантировала права «пользоваться родным языком и языками других народов СССР», «обучения в школе на родном языке». Вместе с тем, граждане обычно выбирали обучение именно на русском языке, исходя из практических соображений коммуникации в случае переезда в другой регион, получения высшего образования.

В современных условиях русский язык в Республике Беларусь имеет статус государственного по результатам референдума 14 мая 1995 г., который был инициирован Президентом А.Г. Лукашенко. В поддержку придания статуса государственного русскому языку высказались 83,2% голосовавших. На данном историческом этапе можно отметить возрастающий интерес к белорусскому языку, его все более широкое применение в Республике Беларусь, при этом не происходит какого-то умаления значения русского языка для жителей страны.

Заключение. История показывает нам, что любые формы общественной деятельности могут иметь свои недостатки, однако, в ряде случаев те преимущества, которые они имеют, существенно перевешивают имеющиеся минусы. В рамках попытки формирования однополярного мира в 1990-е гг. была предпринята и резкая критика всего советского опыта в рамках решения национального вопроса. Однако, последующее развитие исторических событий показывает, что многие советские практики в данном направлении, связанные с развитием мира и добрососедства между людьми разных национальностей, оказались забыты незаслуженно. Это имеет сегодня не только научное, но и общественно-политическое и практическое значение в условиях укрепления Союзного государства России и Беларуси и в свете тех фундаментальных проблем, которые переживают сегодня процессы глобализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бармичев, В.Д. Союзу республик – шестьдесят / В.Д. Бармичев. – Минск : Наука и техника, 1982. – 192 с.
2. Безуглов, А.А. Суверенитет советского народа / А.А. Безуглов. – М. : Юридическая литература, 1975. – 199 с.
3. Бодак, А.Ю. Национальная политика в БССР (1943–1955 гг.) : дисс. ... канд. ист. наук / А.Ю. Бодак. – Минск, 1997. – 150 л.
4. Братское содружество союзных республик в развитии народного хозяйства СССР (1919 – 1971 гг.) / Ред. М.П. Ким [и др.]. – М. : Политиздат, 1973. – 556 с.
5. Головнёв, А.И. Интернациональный и национальный вопрос в развитии национальной культуры / А.И. Головнёв. – Минск : Беларусь, 1974. – 206 с.
6. Даршлейгер, Г.Ф. Тема дружбы народов в советской исторической литературе / Г.Ф. Даршлейгер // Народы Азии и Африки. – 1967. – № 2. – С. 14–17.
7. Иванов, В.В. Русский язык в жизни народов и языков Советского Союза / В.В. Иванов // Вопросы языкознания. – № 3. – С. 3–9.
8. Иванов, В.В. Язык великого братства: русский язык как средство межнационального братства народов СССР. Сборник / В.В. Иванов, Н.Г. Михайловская, В.М. Паськин. – М. : Знание, 1986. – 158 с.
9. Марцуль, Г.С. Опыт СССР в решении национального вопроса и мир социализма / Г.С. Марцуль. – Минск : Изд-во БГУ, 1982. – 200 с.
10. Модржинская, Е. Космополитизм – империалистическая идеология порабощенных наций / Е. Модржинская. – М. : Изд-во АН СССР, 1958. – 164 с.
11. Поварницын, Б.И. Англо-американская историография национальной политики СССР и постсоветских государств (1985–2000 годы) : дис. ... д-ра ист. наук / Б.И. Поварницын. – М., 2003. – 531 л.
12. Пушкін, І.А. Удзел нацыянальных меншасцей у грамадска-палітычным жыцці Савецкай Беларусі (1919–1990) / І.А. Пушкін. – Мінск : «Выдавецкі цэнтр БДУ», 2010. – 319 с.
13. Рахимов, С. Интернационализация советского общества в оценках зарубежной советологии (проблемы методологии оценки социальной справедливости) : дис. ... д-ра филос. наук / С. Рахимов. – Л., 1991. – 326 л.
14. Ремаренко, С.Ю. Немарксистские концепции национально-политической ситуации в Советском Союзе и странах Восточной Европы в 80-е годы (вопросы истории и теории) : дис. ... канд. ист. наук / С.Ю. Ремаренко. – Киев, 1991. – 215 л.
15. Свириденко, Ю.П. Историография проблемы национальной политики КПСС в условиях совершенствования социализма : дис. ... д-ра ист. наук / Ю.П. Свириденко. – М., 1987. – 438 с.
16. Серова, И.И. О пролетарском интернационализме / И.И. Серова. – Минск : БГУ, 1970. – 144 с.
17. Щербак, А.В. История советской национальной политики: колебания маятника? / А.В. Щербак, Л.С. Болячевец, Е.С. Платонова // Политическая наука. – 2016. – № 1. – С. 100–123.

Поступила 13.04.2022

SOME ASPECTS OF THE NATIONAL POLICY OF THE SOVIET GOVERNMENT IN THE USSR IN THE 1960s – 1980s

V. TERENCEV

The article analyzes some aspects national policy of Soviet power on the territory of Belarus in the 1960s – 1980s. The author comes to the conclusion that much in Soviet national policy was positive and can be applied in modern historical conditions. In modern conditions, being not union republics of the USSR, but sovereign states, the Russian Federation and the Republic of Belarus, relying on this experience, can more successfully develop cooperation in countering external and internal threats, economic, cultural and educational spheres.

Keywords: BSSR, national question, national policy, Russian language, Belarusian language.

УДК 373.091.12.011.3–051:796(476)(091)

АЛЕКСЕЙ ПОЛТОРАЦКИЙ: У ИСТОКОВ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ БЕЛАРУСИ

канд. ист. наук С.И. БУСЬКО
(Белорусский государственный университет, Минск)
e-mail: buskosiahei@gmail.com
ORCID <https://orcid.org/0000-0001-6627-2381>

Статья посвящена становлению системы физического воспитания в белорусских губерниях Российской империи на рубеже XIX – XX веков сквозь призму личностного подхода. На примере биографии и деятельности Алексея Полторацкого, одного из специалистов в сфере физической культуры, рассматриваются ключевые проблемы формирования новой системы спорта и физического воспитания. Автор рассматривает общеевропейский контекст этого процесса, анализируя научные работы и результаты деятельности А. Полторацкого в изучаемой сфере: от преподавания в Полоцком кадетском корпусе до участия в Международных конгрессах по физической культуре. На основе материалов периодической печати и архивных документов изучены основные предложения по реформированию отечественной физической культуры в начале XX века, выделены основные реализованные проекты А. Полторацкого, отмечена его работа в команде генерала А. Бутовского. Автор делает вывод, что к началу Первой мировой войны в белорусских губерниях теоретически оформилась концепция физического воспитания европейского уровня.

Ключевые слова: физическая культура, спорт, кадетский корпус, физическое воспитание, игра, история педагогики.

Введение. История физической культуры и спорта Беларуси дореволюционного периода изучена схематично. В начале XX в. историография вопроса еще не сформировалась, лишь в 1913 г. Г.А. Дюпперон издает 300-страничный справочник «Библиография спорта и физического развития. Систематическая роспись всех книг, брошюр, журналов, вышедших в России по 1913 год включительно», который отражает все научные достижения дореволюционного периода. В советское время становление физической культуры и спорта в белорусских губерниях связывалось с формированием государственности на советской основе, а отдельные факты и сюжеты развития отечественной системы физического воспитания досоветского времени должны были подчеркнуть узкую сословную направленность и недоступность широким слоям населения. Это характерно как для работ советских авторов, так и для современных специалистов (коллективный труд К. Кулинковича, В. Сазановича и В. Филиповича; монография А. Шамака и др.)¹. Однако архивные источники и материалы периодической печати свидетельствуют о высоком уровне разработки теоретических проблем физической культуры в Беларуси до 1914 г., что отражено в данной статье. Интерес к персональной истории также не случаен, так как белорусская историография XX в. отражала историю физической культуры региона как продукт коллективного безличного творчества. Фамилии В. Воейкова, А. Бутовского, Ф. Стангля, И. Красковского и других пионеров физической воспитания лишь в последние десятилетия входят в научный оборот. С точки зрения автора, фигура А. Полторацкого имеет непосредственное значение в становлении физической культуры и спорта нашего региона. Цель статьи – раскрыть достижения отечественной системы физического воспитания в начале XX в.

Основная часть. Алексей Владимирович Полторацкий родился в 1860 г. в семье потомственных военных, успешно закончил 1-ю военную гимназию в Санкт-Петербурге, Горный институт и Николаевскую академию Генерального штаба (по 2-му разряду). В августе 1894 г. А. Полторацкий начал службу в Полоцком кадетском корпусе, где в 1894–1897 гг. был офицером-воспитателем, а с 1897 по 1904 гг. занимал должность помощника инспектора классов. В звании подполковника он принимал участие в Русско-японской войне, после чего в 1906–1910 гг. продолжал педагогическую деятельность на должности помощника инспектора классов Пажеского корпуса². Успешное выполнение служебных обязанностей и влиятельные покровители позволили ему с марта 1910 г. занять должность правителя дел канцелярии генерал-инспектора военно-учебных заведений Российской империи.

Реформы Александра II привели к возникновению острой дискуссии по выбору стратегии подготовки армейских кадров. Еще в середине 1870-х гг. изучением зарубежного опыта преподавания гимнастики занимался П.Ф. Лесгафт, однако эта попытка была признана неудачной; более успешной в этой сфере оказалась работа генерала А. Бутовского³. В 1888 г. Главное Управление военно-учебных заведений (ГУВУЗ) организовало при Министерстве народного просвещения комиссию по разработке вопроса о преподавании военной гимнастики в гражданских учебных заведениях и организации внеклассных занятий физическими упражнениями в кадетских корпусах. Ключевые проблемы: какая модель подготовки должна стать образцом для российской армии, кто должен стать педагогом (гражданские или военные); объем и формы преподавания; возрастные ограничения; взаимодействие Министерства народного просвещения и армии. Так, вопрос о педагогах в начале 1890-х гг. во время обсуждения в Полоцком кадетском корпусе был решен в пользу военных, но с углубленной подготовкой: «офицеры-воспитатели, успешные для нижних чинов, не обязательно будут успешны для того, чтобы поручить им ведение педагогической гимнастики

¹ Сазанович, В.П. Физическая культура и спорт в Беларуси: страницы летописи / В.П. Сазанович, К.А. Кулинкович, В.А. Филипович. – Минск : Польша, 1988. – 271 с.; Шамак, А.А. Гісторыя фізічнай культуры Беларусі / А.А. Шамак. – Мінск : БДУФК, 2019. – 175 с.

² Общий список офицерским чинам Русской императорской армии. Составлен по 1-ое января 1909 г. – СПб. : Воен. тип., 1909. – С. 861.

³ Бутовский, А. Вопросы физического воспитания и спорта на международном конгрессе в Брюсселе, летом 1905 г. / А. Бутовский // Педагогический сборник. – 1906. – № 1. – С. 34–69.; Бутовский, А. Международный конгресс по физическому воспитанию в Брюсселе в 1910 году / А. Бутовский // Педагогический сборник. – 1911. – № 2. – С. 193–215.

у кадет... необходима большая осмотрительность, знание анатомии и физиологии»⁴. Спустя 20 лет на Международном конгрессе по физическому воспитанию А. Полторацкий дополнит эту позицию своим девизом во время дискуссии: «Пусть любовь к юношеству и Отечеству руководит всей твоей деятельностью»⁵.

Научно-педагогическая деятельность А. Полторацкого разделяется на два этапа Русско-японской войной и тесно переплетается с общероссийским процессом трансформации подготовки солдат и офицеров в Российской империи. С 1890 г. в образовательный процесс включают офицеров-воспитателей, получивших специальное образование на курсах при ГУВУЗ, а процедура отбора таких офицеров имела сложный и многоступенчатый характер [1, с. 33]. В Полоцком кадетском корпусе А. Полторацкий демонстрирует творческий подход к физическому воспитанию кадет: закаливание, плавание, лыжные походы, сплав на самодельной яхте по Западной Двине с кадетами до г. Рига с разрешения ГУВУЗ, подвижные игры, гимнастика. Водный поход как форма физического совершенствования стал ответом на полученную в Полоцке в 1899 г. записку военного министра о необходимости мер по усилению физического развития кадет. Сам А. Полторацкий отмечает, что с детства увлекался водными видами спорта, собственноручно построил три шлюпки в мастерских Санкт-Петербургского речного и Киевского яхт-клубов [2, с. 1]. Интересен его подход к проблеме купания – когда запрет на купание кадет в реке лишь провоцировал их на запрещенные развлечения, то после длительных дискуссий он получил право от педагогического комитета на организованные походы с кадетами на реку «под его полную личную ответственность» и проблема была решена⁶.

В своей работе «Старым варяжским путем» он анализирует проблемы традиционной модели подготовки, например, критикует бессмысленное выделение часов на обучение фехтованию и игнорирование таких вопросов, как обучение плаванию, теннис, велосипед, лыжная подготовка, игровые виды спорта, приемы оказания первой помощи. Во время речного похода отдельное внимание уделялось и умственному совершенствованию: картография и сигнальное дело, знакомство с историей и этнографическими особенностями региона, сельским хозяйством. Деятельность А. Полторацкого и его позиция в вопросах реформирования системы физического воспитания была отмечена Великим князем Константином Константиновичем, который в марте 1900 г. занял должность Главного начальника военно-учебных заведений. Они познакомились в мае 1900 г., когда Великий князь инспектировал кадетские корпуса. Во время следующего визита в Полоцк Константин Константинович детально ознакомился с проектом кадетского путешествия по Западной Двине, дал ему положительный отзыв. Неудивительно, что вторую яхту А. Полторацкий назвал «Константин» в честь своего начальника [2, с. 7]. В 1903 г. в Полоцкий кадетский корпус был зачислен Олег Константинович (сын Великого князя), что еще более усилило общение между офицерами в вопросах педагогики, а их тесное сотрудничество было продолжено уже после Русско-японской войны в Пажеском корпусе и ГУВУЗ. Тем более, что Полоцк был выбран для обучения Олега не случайно – именно здесь по инициативе его отца проходили обкатку экспериментальные программы обучения, и Алексей Полторацкий полностью соответствовал этим новаторствам по личным и профессиональным качествам [3, с. 18]. Столкнувшись с отсутствием методических материалов, А. Полторацкий самостоятельно разрабатывает и издает при содействии ГУВУЗ свою работу «Лыжный спорт», при этом 150 руб. для подготовки книги было выделено именно из педагогических сумм ГУВУЗ⁷. Это первое издание по лыжным видам спорта на территории Беларуси (в содержании книги отражались как технические моменты подготовки и ухода за лыжами, так и методические – техника бега и дозирование нагрузки, отмечался и оздоровительный эффект лыжного спорта). В книге автор использовал знания и навыки, полученные во время жизни на Алтае. Список пособий по водным видам спорта, авторские схемы и инструкция по сборке ялов также оказались востребованы. Отдельные его публикации выходили за пределы проблемного поля физической культуры и спорта, например, статья «Иностранные языки в кадетских корпусах» для журнала «Русский инвалид». Во время двух служебных командировок в Швецию для знакомства с постановкой физической культуры и преподавания игр, он занимался также сбором данных для профессора И.С. Симонова по борьбе с половой распущенностью среди молодежи.

Связь с Полоцком не прерывается и после 1905 г., подполковник А. Полторацкий вместе с Великим князем и генералом А. Бутовским (одним из основоположников олимпийского движения в России и мире) продолжает посещать выпускные экзамены у кадет, участвует в торжественной церемонии перенесения мощей св. Ефросиньи Полоцкой в 1910 г. Положительная оценка его деятельности сохранилась в воспоминаниях кадет спустя несколько лет, когда один из них в воспоминаниях отмечал: «...я стал следить за эволюциями какой-то яхты, которой управлял молодой человек лет 19-ти, если не моложе; видя, как при всей парусности яхты (а она у него была большая и состояла из кливера, грота и топселя) смело и круто он ворочал с одного курса на другой, я вспомнил бывшего помощника инспектора классов нашего корпуса А.В. Полторацкого, под руководством которого в свое время в корпусе процветал лыжный и водной спорт, к сожалению, заглохший после отъезда А.В. Полторацкого на Дальний Восток»⁸.

В декабре 1908 г. А. Полторацкий принимал участие в одном из важных событий в истории военной педагогики Российской империи – в Первом съезде офицеров-воспитателей кадетских корпусов в Санкт-Петербурге.

⁴ Об организации временных гимнастических курсов при ГУВУЗ, о командировании на них полковника Чижя // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 2613. Оп. 1. Д. 78. Л. 4.

⁵ Полторацкий А. Международный конгресс в Дании в 1911 году. Продолжение / А. Полторацкий // Педагогический сборник. – 1914. – № 6. – С. 617.

⁶ Труды первого съезда офицеров-воспитателей кадетских корпусов. 22–31 декабря 1908 г. / под общ. ред. П.В. Петрова. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1909. – С. 366.

⁷ Приказы по Корпусу, обсуждение предложения Главного начальника военно-учебных заведений об изменениях в существующей постановке ручного труда в кадетских корпусах, переписка с ГУВУЗ о предоставлении сведений о кадете Чеснокове // НИАБ. – Ф. 2613. Оп. 1. Д. 117. Л. 44.

⁸ Марсофлот, Д. Месяц в минной эскадре / Д. Марсофлот // Полочанин. Журнал Полоцкого кадетского корпуса. – 1907. – № 3. – С. 17.

Вместе с генералом В.А. Шильдером (директором Пажееского корпуса) он входил в число обязательных участников мероприятия. Был представлен на съезде и Полоцкий кадетский корпус – участие в заседаниях принимали подполковник М.А. Сафонов и штабс-капитан В.Б. Волчек. На протяжении 10 дней съезда было сделано 16 докладов и три лекции, а тематика бесед затрагивала неформальные разделы курса подготовки кадет, которые не регламентировались инструкциями. Секция 6 была посвящена физическому и нравственному развитию кадет, в том числе и новым идеям в сфере физического воспитания. В своем выступлении А. Полторацкий отметил, что именно игры и спорт имеют определяющее значение для подготовки молодежи, но подчеркнул: «один из главных недостатков русского общества – отсутствие интереса к физическим упражнениям, играм и спорту»⁹. Интересно, что часть вины за это он возложил именно на преподавательский состав, который даже после пройденных курсов не стремится включать новые методики в педагогический процесс. Свой опыт пребывания в Швеции он использовал при обсуждении вопроса о курении и вреде для здоровья подрастающего поколения – были предложены и медицинские механизмы борьбы, и необходимость личного примера преподавателя, и экономические, и статистические для «иллюстрации пагубного влияния на физическое здоровье»¹⁰. В целом, работа А. Полторацкого на этом съезде продемонстрировала академические знания, в том числе и зарубежных специалистов: он цитирует и античных авторов (Овидия, Ксенофонта, Аристофана), и современников – Дж. С. Милля и Г. Лэтема (Великобритания), В. Лая и Ж. М. Гюйо (Франция), К. Видерстрём и К. Шееле (Швеция).

В канцелярии генерал-инспектора военно-учебных заведений у А. Полторацкого было несколько основных задач:

- изучение и анализ опыта в сфере физического воспитания, гимнастики, спорта в различных регионах России;
- лоббирование идей физического воспитания;
- участие в подборе и подготовке кадров для армейской сферы физического воспитания;
- разработка методических пособий по актуальным проблемам физической культуры (эта деятельность не ограничивалась рамками ГУВУЗ и её итоги распространялись в более широких кругах);
- изучение и применение зарубежных наработок в сфере физического воспитания, спорта, гимнастики.

В июле 1911 г. в датском городе Оденсе прошел очередной Конгресс по физическому воспитанию, став закономерным продолжением двух Конгрессов 1910 г. (специализированного по гимнастике и международного по физической культуре). Российская империя была представлена традиционно как военными, так и гражданскими педагогами – профессором А. Залесским и полковником А. Полторацким. Для него это была первая зарубежная командировка в новой должности и А. Полторацкий максимально использовал её потенциал. В своих отчетах он подчеркивает необходимость изучения не только конкретных гимнастических моделей Германии или Швеции, но и знакомство с общими принципами общественной жизни. Этот интерес к системности в изучении физической культуры в целом характерен для его научных взглядов. Он целенаправленно изучает немецкие города и культуру, практикуется в немецком языке, выехав в Оденсе с запасом в несколько дней (маршрут захватил Познань, Берлин, Гамбург). Знание немецкого, французского и шведского языков давало ему возможность активно изучать физическую культуру европейских стран.

Программа Конгресса сочетала пленарные лекции, дискуссии в секциях по ключевым разделам, посещение школ, музеев и показательных гимнастических праздников¹¹. Пленарное заседание было посвящено игровым видам спорта, подробному анализу использования спорта в датских школах. Доклад проф. А. Отгерстрёма раскрыл потенциал футбола, крикета, лапты, хоккея, баскетбола, банди (бенди) как механизма воспитания учащихся. Это вполне сочеталось с позицией и российских делегатов, так А. Полторацкий в комментариях к этому выступлению отметил: «Игры в мяч, кроме влияния на физическое развитие, оказывают хорошее моральное действие, развивая чувства товарищества и любовь к своей школе, за честь которой приходится бороться на состязаниях»¹². Интерес ГУВУЗ и представителей российской делегации к играм был не случаен, именно Военное министерство и Министерство народного просвещения были наиболее активными и последовательными в вопросе использования игр в воспитательном процессе. В белорусских губерниях футбол практиковали с начала XX в. в военных частях в Поставах, Брест-Литовске, Гродно¹³. А. Полторацкому было хорошо известно, что и в Полоцком кадетском корпусе с 1908 г. его преемник на должности помощника инспектора классов, подполковник В.М. Энгельгардт, применял футбол как форму физического воспитания среди кадет [4, с. 44].

Алексей Полторацкий принял участие в четырех заседаниях Конгресса. Протокол конгресса зафиксировал его позицию в дискуссии о перспективах гимнастики на Олимпийских играх в Стокгольме и о пользе соревнований в целом. Он подчеркивал, что с его точки зрения соревнования по гимнастике вредные, это лишь работа для развлечения зрителей; а самолюбие учителей и тщеславие учеников испортят оздоровительный и воспитательный аспект. Этот тезис актуален и сегодня, продолжая споры о минимальном возрасте для выступления на соревнованиях и системе оценок на детских турнирах. Делегаты от Стокгольмского центрального гимнастического института предложили общую структуру проведения программы для Олимпийских игр 1912 г.: разделение гимнастов на разряды по сложности; утверждение коэффициентов за сложность; создание судейских коллегий для каждого разряда из пяти человек (представителям страны, которая участвует в выступлении, нельзя оценивать соотечественников). По предложению австрийских участников были приняты возрастные ограничения для участия в состязаниях – с 16 лет

⁹ Труды первого съезда офицеров-воспитателей кадетских корпусов. 22–31 декабря 1908 года / под общ. ред. П. В. Петрова. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1909. – С. 49.

¹⁰ Там же. – С. 169.

¹¹ Полторацкий, А. Международный конгресс в Дании в 1911 году / А. Полторацкий // Педагогический сборник. – 1914. – № 5. – С. 539.

¹² Там же. – С. 542.

¹³ Вольф, К. Полевое отделение офицерской Кавалерийской школы в Поставах и значение его, как двигателя нашей конницы / К. Вольф // Военный сборник. – 1902. – Т. 2. – С. 124.

(хотя А. Полторацкий с этим не соглашался, считая и этот возраст недостаточно высоким). Оживленные споры вызвала дилемма о более эффективной и полезной модели участия гимнастов: соревнования или показательные выступления. В итоге результаты дискуссии на этой секции привели к тому, что на Олимпийских играх в Швеции гимнастика была представлена лишь показательными выступлениями шведской модели.

Интерес вызывает позиция А. Полторацкого на Конгрессе в секции, посвященной организации гимнастики в средней школе. Он с одобрением подчеркивает изменение позиции педагогов и руководства профильных министерств в отношении обязательных экзаменов по физической культуре. В отчете он прослеживает все классические опасения: боязнь испортить аттестат успешного ученика оценкой по гимнастике, сложность в оценивании, необходимость условий для проведения экзамена. А. Полторацкий приводит выдержки из доклада Л. Бентцена (начальника Центрального гимнастического института в Норвегии) в поддержку своей точки зрения: «значительные успехи гимнастики в норвежских школах вызваны именно введением обязательных экзаменов по гимнастике <...> те ученики, которые раньше лишь зубрили книги, должны были подбодриться, чтобы не испортить своего выпускного свидетельства»¹⁴. Анализ публикаций А. Полторацкого и его практической деятельности показывает, что его предпочтения склонялись к шведской модели гимнастики с небольшими дополнениями из сокольской системы и отказом от спортивных состязаний.

Делегаты, представлявшие Российскую империю в Дании, опубликовали результаты своей командировки в профильных изданиях. Более того, отдельные полезные новинки были быстро реализованы в системе Военного министерства. Например, полковник А. Полторацкий уже в 1912 г. издал в Санкт-Петербурге учебник шведского общества спасения на водах (самостоятельно осуществив перевод и адаптацию к российским реалиям)¹⁵. Полные программы 10-минутных уроков гимнастики по прусскому и датскому образцу были опубликованы им в «Педагогическом сборнике» за май 1914 г. Успешная деятельность А. Полторацкого была отмечена присвоением в декабре 1912 г. звания генерал-майора и орденом св. Станислава 1-й ст. (1913 г.)¹⁶.

Заключение. Физическое воспитание в Российской империи в начале XX в. являлось полноценным элементом общеевропейской системы. На рубеже XIX – XX вв. в нашем регионе сформировался коллектив специалистов, которые стремились адаптировать физическую культуру к последствиям модернизации. Алексей Полторацкий является примером офицера-педагога нового типа для белорусских губерний: экспериментальные программы в Полоцком кадетском корпусе, критический разбор существовавшей системы физического воспитания, разработка методической литературы («Лыжный спорт», «Плавание», «Яхтинг»), практикоориентированность занятий, последовательность в продвижении спорта вызвали интерес у руководства ГУВУЗ. Это дало возможность перейти на качественно новый уровень работы, включая участие в российском и международном физкультурном движении и реализовать часть своих идей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федорин, С.В. Государственная система физического воспитания в русской армии и на флоте (вторая половина XIX в. – 1914 г.) / С.В. Федорин. – СПб. : ВИТУ, 2002. – 374 с.
2. Полторацкий, А. Старым варяжским путем / А. Полторацкий. – СПб. : Тип. А.А. Стасюлевича, 1903. – 116 с.
3. Поляков, С.И. Полоцкий кадетский корпус. История в лицах / С. И. Поляков. – Полоцк : Спасо-Евфросиниевский женский монастырь, 2010. – 71 с.
4. Вержболович, Б.Г. Вторая Отечественная или Первая мировая, 1914–1918 / Б.Г. Вержболович. – М. : Закон и Порядок, 2004. – 300 с.

Поступила 07.04.2022

ALEXEY POLTORATSKY: AT THE ORIGINS OF PHYSICAL CULTURE IN BELARUS

S. BUSKO

The article is devoted to the formation of the system of physical education in the Belarusian provinces of the Russian Empire at the turn of the 19th - 20th centuries through the prism of a personal approach. On the example of the biography and activities of Alexei Poltoratsky, one of the specialists in the field of physical culture, the key problems of the formation of a new system of sports and physical education are considered. The author examines the pan-European context of this process, analyzing the scientific work and results of A. Poltoratsky's activities in the field under study: from teaching in the Polotsk Cadet Corps to participating in International Congresses on Physical Culture. Based on the materials of the periodical press and archival documents, the main proposals for reforming the national physical culture at the beginning of the 20th century were studied, the main implemented projects of A. Poltoratsky were highlighted, and his work in the team of General A. Butovsky was noted. The author concludes that by the beginning of the First World War in the Belarusian provinces, the concept of physical education of the European level theoretically took shape.

Keywords: physical culture, sport, cadet corps, physical education, game, history of pedagogy.

¹⁴ Полторацкий А. Международный конгресс в Дании в 1911 году. Продолжение / А. Полторацкий // Педагогический сборник. – 1914. – № 6. – С. 610.

¹⁵ Учебник шведского общества спасения на водах / пер. со швед. А. Полторацкий. – СПб.: тип. М.А. Александрова, 1912. – 105 с.

¹⁶ Список генералов по старшинству. Составлен по 1-ое июля 1913 г. – СПб.: Военная типография, 1913. – С. 789.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 81'42(045)

ЧЕЛОВЕК КАК ОБЪЕКТ МАКРОТЕКСТА В ПРОСТРАНСТВЕ БЕЛОРУССКОЙ ПРЕССЫ

канд. филол. наук, доц. А.А. БИЮМЕНА
(Минский государственный лингвистический университет)
e-mail: a-mesyats@tut.by

В статье рассматриваются диалогические отношения комплементарного (дополнительного) типа в печатном медиадискурсе Беларуси в различные исторические периоды (в 1930-е, 1941–1943, 2018–2021 гг.). Материалом исследования послужили опубликованные в белорусских республиканских, областных, районных, городских газетах, макротекстовые единства, посвященные субъектам. Под макротекстовым единством в работе понимается совокупность содержательно связанных друг с другом статей, расположенных на одной газетной полосе или развороте. Отмечается, что публикации, объединенные с помощью комплементарных отношений, вносят различные «краски» в общую палитру образов, дополняя друг друга и акцентируя разные аспекты желательных для социума качеств и поведенческих моделей. Выявлены основные личностные и деловые качества, которые подчеркиваются в прессе в зависимости от общественно-политической и социокультурной ситуации в обществе в конкретный период, определена роль оценочности в функционировании макротекста.

Ключевые слова: медиадискурс, пресса, диалогичность, макротекст, комплементарные отношения.

Введение. Одной из существенных характеристик газетного текста является его диалогичность, которая предполагает обратную связь с читателем, его активное понимание [1; 2]. При этом многие исследователи подчеркивают, что диалогические отношения наблюдаются как внутри высказывания, так и между высказываниями, текстами [1; 3, с. 20]. Концепция диалога также акцентирует открытый характер текста, его связь с социокультурным контекстом [3]. Среди различных способов реализации диалогических отношений в газетном дискурсе Л. Р. Дускаева выделяет диалогичность в рамках макротекстовых единств, представляющих собой несколько содержательно связанных друг с другом статей, расположенных на одной газетной полосе или развороте [1, с. 20]. Отдельные публикации внутри газетного макротекста могут быть объединены унисонными, полемическими, вопросно-ответными и другими типами отношений [1; 4; 5].

Целью данной статьи является анализ макротекстовых единств в белорусской прессе, связанных комплементарными отношениями, в которых отдельные публикации дополняют друг друга при создании общей панорамы того или иного образа. Материалом исследования послужили публикации белорусских республиканских, областных, районных, городских газет, напечатанные в 1930-е гг., в период оккупации республики фашистами в 1941–1943 гг., а также в современной прессе в 2018–2021 гг. Все примеры приводятся в авторской орфографии и пунктуации.

Основная часть. Как показывает проведенный анализ, большое количество макротекстовых объединений в прессе Беларуси посвящено субъектам, т.к. «главным предметом публицистики является социальная жизнь, в центре которой находится человек как представитель общества» [6, с. 223]. В разные исторические периоды в подобных макротекстах в фокус внимания читательской аудитории выдвигаются личностные и деловые качества, важные для развития общества в то или иное время.

В белорусских газетах 1930-х гг. макротекстовые единства актуализируют следующие характеристики советских людей:

1. **Ударная работа и трудовые подвиги.** Лексическими доминантами в этих публикациях выступают слова *работать, перевыполнять, повышать, норма, передовик, ударник, стахановец, рекорд, трудовые подвиги, трудолюбивый, энергичный, честный, деловой*: **Честная, преданная и деловая, Юлия Константиновна вместе с тем очень скромна; Она показывала пример ударной работы на полях, больше всех выработывала трудодней, принимала активное участие в проведении мероприятий партии и правительства на селе («Советская Белоруссия», 1938, 15 июня); Собалева, лепшая ударница, выработала за год 369 працадзён; Ударница калгаса Кацярына Андрэеўна на большэвіцку змагаецца за вырашэнне задач у галіне жывёлагадоўлі і яе работа ў калгасе павінна быць прыкладам для другіх; Панцэлева П. увесь час была лепшай ударніцай палявых работ. Яна заўсёды перавыконвала норму выработкі: на ільну норма была прынята ў калгасе 0,10 га – выцярэблівала 0,15 га («Калгасная праўда» (Городок), 1935, 8 мар.); У час уборкі ён першым устанавіў рэкорд у раёне па жніву на жатцы; Таму ён стараецца работцаў як найлепш каб апраўдаць званне лепшага чалавека сваёй радзімы – стаханайца («Чырвоная Лагойшчына», 1936, 1 сент.); Сваімі чэснымі большэвіцкімі адносінамі да работы, да калгаснай маёмасці тав. Ястрэмскі сваім асабістым прыкладам вучыць калгаснікаў як патрэбна працаваць, як патрэбна ахоўваць калгасную маёмасць, як патрэбна выкрываць ворагаў народа («Большэвік» (Копоткевичи), 1938, 17 июня).**

2. **Готовность к борьбе.** В указанный период времени одной из постоянно актуализировавшихся в пространстве массовой коммуникации идеологем была идея «борьбы», как с кем-либо / чем-либо, так и за что-либо. В анализируемых газетных макротекстах встречается ряд сочтаний, эксплицирующих данную идею (*беспощадная*

борьба с врагами народа за благо и счастье трудящихся, борьба с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем, борцы за укрепление колхозов, бороться за план и т.п.): Тов. Ачкасов по-прежнему был **тверд и беспощаден в борьбе с врагами Октябрьской социалистической революции**; Тов. Шевелев за короткое время руководства фабрикой на деле показал, как нужно **бороться за план**, как нужно руководить социалистическим предприятием; Анна Яковлевна Глушец была в первых рядах **борцов за укрепление колхозов** («Советская Белоруссия», 1938, 15 июня); **Змагаецца супроць буржуазіі, памешчыкаў ды кулакоў, за ўладу працоўных, за сваё шчаслівае радаснае жыццё** («Чырвоная Лагойшчына», 1936. 1 сент.); **У час акупацыі Беларусі актыўна змагаўся супроць белапалякаў за асвабоджэнне Беларусі ад захватчыкаў фашыскай Польшчы** («Большэвік» (Копоткевичи), 1938, 17 июня).

3. Преданность Родине, партии и лично И.В. Сталину. В средствах массовой коммуникации 1930-х гг. данные идеи вербализуются с помощью таких слов и сочетаний, как *доблесть, храбрость, самоотверженность, героизм, беззаветная преданность родине, преданный, любовь, стойкость, самоотверженность: Беззаветная преданность родине, стойкость, самоотверженность, большевистская бдительность* – таковы характерные качества замечательного большевика границы Александра Ивановича Ачкасова («Советская Белоруссия», 1938, 15 июня); *Таварыш Лапцеў Александр Іванавіч – лепшы сын нашай радзімы, да канца адданы справе партыі Леніна-Сталіна, справе працоўнага чалавецтва* («Большэвік» (Копоткевичи), 1938, 17 июня); *Гадавіну слаўнага стаханавскага руху тав. Богуш сустракае з вялікай радасцю, з вялікай любоўю да партыі Леніна-Сталіна, да сваёй радзімы. Ён разумее, што за рулём нашай совецкай краіны знаходзіцца правадыр працоўнага народу – наш любімы і родны Сталін* («Чырвоная Лагойшчына», 1936. 1 сент.)

Кроме того, пресса в 1930-е гг. подчеркивает, что «лучшие люди страны» восхищаются руководителем страны, что иллюстрирует следующий фрагмент макротекста из газеты «Советская Белоруссия» за 15 июня 1938 г.: *В 1935 году колхозники Наровлянского района послали лучшую ударницу Анну Яковлевну Глушец на Всесоюзный съезд колхозников-ударников. Там, в Кремле, Анна Яковлевна встретила с вождем народов товарищем Сталиным и его верными соратниками, руководителями партии и правительства. Когда в президиуме появился товарищ Сталин, все колхозники, как один, встали и зал задрожал от грома аплодисментов. Радости колхозников не было конца. Лица у всех сияли как будто их осветили яркие лучи солнца. Анна Яковлевна вместе со всеми громко аплодировала, плакала и улыбалась и, не зная как выразить нахлынувшие чувства радости, сорвала с головы красный платок и начала им размахивать в воздухе. Ведь это благодаря ему, великому Сталину, она получила счастливую колхозную жизнь, благодаря ему получила возможность быть в Кремле, вместе с руководителями партии и правительства решать государственные дела.*

Во время Великой Отечественной войны на территории оккупированной Беларуси пресса призывала население страны к уничтожению фашистов. Героями макротекстовых единств в это время становятся воины Красной армии, партизаны и другие жители республики, отважно сражающиеся с гитлеровцами. В прессе регулярно публикуются статьи о героях, связанные комплементарными отношениями. Например, 5 января 1942 г. в республиканском издании «Советская Беларусь» появились материалы «Паўлікава помста» и «Малая гераіня» о подвигах партизан Витебщины; 6 февраля 1942 г. в рубрике «Баявыя эпідоды» были напечатаны статьи «Партызан выратаваў 100 чырвонаярмейцаў», «Адзін супраць дваццаці», «Подвиг юнага героя», «Гераізм і вынаходлівасць»; 12 февраля был опубликован макротекст, включающий материалы «Народны герой Александр Чэкалін» и «Іх узнагародзілі за адвагу».

Нарративы о героях акцентируют такие необходимые для борьбы с врагом качества как **бесстрашие, отвага, смелость, мужество, твердость: Бястрашнасьць і адвагу ў баю з нямецкімі захопнікамі праявіў намеснік палітрука адной з часцей Ленінградскага фронту тав. Румянцаў** («Советская Беларусь», 1942, 6 февр.); **Смелы камандзір карыстаўся выключным аўтарытэтам і наганяў страх на нямецкіх захопнікаў** («Советская Беларусь», 1942, 12 февр.). Кроме того, газетные макротексты акцентируют внимание на том, что в условиях ограниченных материальных и людских ресурсов для уничтожения врагов необходимы такие качества, как **хитрость, находчивость, инициативность: Нюра была ў першых радах. Многа яна выявіла адвагі, баявой хітрасці і ўласнай ініцыятывы** («Советская Беларусь», 1942, 5 янв.). Данные публикации подробно рассказывают о героической деятельности народа в условиях фашистской оккупации – их лексический состав обычно включает глагольные слова с семантикой причинения вреда, уничтожения и убийства (*застрелила, положила на месте, заколол штыком, бросил гранату, уничтожил, разрушили, разбить, пустили под откос, взорвал, вывели из строя: Умела маскіруючыся і вядучы агонь з ручнога кулямёта, совецкі патрыёт поўнасьцю знішчыў ўсю групу гітлераўскіх галаварэзаў* («Советская Беларусь», 1942, 6 февр.); *Партызаны пуцілі пад адкос нямецкі эшалон з ваеннай маёмасцю і харчаваннем* («Советская Беларусь», 1942, 12 февр.); *Нюра ў момант апынулася там і выстралам з нагана палажыла на месцы немца* («Советская Беларусь», 1942, 5 янв.).

В современной белорусской прессе популярны макротексты, посвященные представителям той или иной социальной группы, чаще всего профессиональной: в преддверие Дня медика или в разгар пандемии публикуются макротекстовые единства о медицинском персонале, а во время уборочной кампании – о ее лидерах и т.д. Реже встречаются макротексты о других группах населения. Например, перед Международным женским днем во многих газетах появляются развороты со статьями об успешных женщинах региона или страны.

Мы проанализировали макротекстовые единства о представителях различных профессий – выпускниках сельскохозяйственных учебных заведений (ветвраче, зоотехнике, бригадире, заведующем мастерскими), врачах, учителях, строителях, продавцах, начальнике отдела ЗАГС, электромеханике по обслуживанию лифтов и др. Все

публикации в материале исследования характеризуются положительной оценочностью. В них рассказывается о людях, которые образцово выполняют свои профессиональные обязанности, демонстрируя при этом следующие личностные и деловые качества:

1) **профессионализм**. Журналисты акцентируют внимание на тех аспектах конкретной профессии, которые необходимы для хорошего выполнения работы: *Правда, работа очень ответственная. Ведь лифт – это сложное техническое устройство, которое требует обслуживания исключительно высококвалифицированным специалистом, имеющим соответствующие допуски* («Жыццё Палесся», 2020, 6 мая); *Кроме того, электромонтеру важно уметь грамотно действовать в экстренных ситуациях и быть в любую минуту максимально готовым к ним* («Республиканская строительная газета», 2020, 13 авг.); *Станислав Патук уверен, что современная техника, под завязку начиненная электроникой, требует особого ухода. Здесь важны не только аккуратность и своевременный сервис, но и знания особенностей электронного управления* («СБ – Беларусь сегодня», 2020, 25 июня);

2) **ответственность, добросовестность, организованность**. В большинстве публикаций подчеркивается желание героев работать, их трудолюбие, стратальность, ответственное отношение к делу. Данные идеи эксплицируются в прессе с помощью слов *ответственность, ответственный, трудолюбивый, добросовестный, серьезно, вдумчиво, стараться, планировать, пунктуальность, организованность*: *Планировать время* девушка научилась еще в университете, поэтому его хватает на все: *принять пациентов, заполнить документы и прочитать пару тройку протоколов лечения и диагностики*; *Павел работает недавно, но я вижу, как он старается, вкладывает душу* («Сельская газета», 2018, 25 авг.); *За многолетний добросовестный труд Вячеслав Валерианович не раз награждался Почетными грамотами и благодарственными письмами Минстройархитектуры и ОАО «Гродно-промстрой»*; *Ответственная, трудолюбивая и инициативная, Елена Федоровна 45 лет назад вошла в строительную профессию и прикипела к ней всей душой* («Республиканская строительная газета», 2020, 13 авг.);

3) **коммуникативные навыки**. В современном мире умение осуществлять эффективную коммуникацию является ключевым не только для представителей группы профессий «Человек – человек», например, для педагогов или продавцов, но и для профессионалов в других областях. Герои практически всех проанализированных статей – строители, животноводы, врачи, работники органов государственного управления – демонстрируют умение ладить с людьми, активно слушать, быть тактичными и доброжелательными. Данные идеи репрезентируют слова и сочетания *найти подход, найти общий язык, выслушать, тактичность, чуткость, внимательность, доброжелательность, юмор, шутка, приятный в общении*: *Есть в педиатрическом деле и еще один важный нюанс: найти подход необходимо еще и к родителям, что не всегда бывает просто* («Жыццё Палесся», 2020, 6 мая); *Ад яго патрабуецца не толькі юрыдычная адукаванасць, але і тактоўнасць, добразычлівасць, уважлівасць, вытрымка, бо людзі, што прыходзяць на прыём, перажываюць розны эмацыянальны стан ... Адных трэба супакойць, другіх падтрымаць, трэцім патлумачыць, падказаць* («Витебские вести», 2020, 28 янв.); *Я выслухваю пазіцыі ўсіх, хто жадае высказацца* («Настаўніцкая газета», 2020, 3 окт.); *С животноводами общий язык нашла быстро* («Сельская газета», 2018, 25 авг.); *Николай очень приятный в общении человек, поэтому неудивительно, что вся молодежь тянется к нему* («Республиканская строительная газета», 2020, 13 авг.); *Он находил время спокойно и обстоятельно выслушать, поговорить с каждым больным, иногда по несколько раз на дню; И всегда беседовал с юмором, с искоркой в глазах, любую жалобу мог обрратить в шутку и разрядить обстановку* («СБ – Беларусь сегодня», 2020, 20 июня);

4) **умение работать в команде**. Еще одна значимая в современной ситуации компетенция – умение работать в коллективе, осуществлять совместную деятельность. Представление о сформированности у героев публикаций данной компетенции акцентируется авторами статей с помощью слов *совместный, общий, дружный, сплоченный, взаимодействовать, помогать, поддерживать, взаимовыручка, понимание, взаимопонимание*: *Люди понимают, что от совместных усилий зависит экономика хозяйства, а значит, и наши зарплаты; Важно найти понимание с коллегами, ведь от этого также зависит многое* («Сельская газета», 2018, 25 авг.); *– Коллектив сплоченный, дружный. Отзывчивость, взаимовыручка и преданность делу – эти принципы в работе для себя всегда ставлю во главу угла, – поделилась она; Взаимодействуем сразу со всеми цехами завода* («Республиканская строительная газета», 2020, 13 авг.); *... не важно, сколько должностей ты сменил, важно то, чему ты научил своих коллег и подчиненных и какую пользу в общее дело привнес* («Жыццё Палесся», 2020, 6 мая);

5) **стремление к постоянному самообразованию**. Необходимость регулярно повышать квалификацию сегодня также является одним из главных требований для осуществления успешной деятельности в любой профессиональной сфере. Журналисты пишут о том, что в различных профессиях необходимо получать новые профессиональные знания и умения, в том числе, с помощью самообразования: *А иначе никак, ведь медицина постоянно развивается и нужно всегда идти в ногу с новшествами, много времени уделять самообразованию* («Жыццё Палесся», 2020, 6 мая); *«Хачу ведаць больш і рабіць лепш» – так на дадзеным этапе гучыць яго крэда* («Витебские вести», 2020, 28 янв.); *Чатыры дзесяцігоддзі Т. А. Шкода імкнулася павышаць сваю кваліфікацыю і шліфаваць прафесійнае майстэрства* («Настаўніцкая газета», 2020, 3 окт.); *Получив диплом, Наталья не перестает учиться* («Сельская газета», 2018, 25 авг.);

6) **любовь к профессии**. Людям, о которых идет речь в анализируемых макротекстах, нравится их профессия и выполняемая работа, что подчеркивается с помощью лексики, обозначающей положительные эмоции (*любить, нравиться, рад, удовольствие*): *– Я рад, что буду жить в таком тихом уголке Полесья: здесь все ближе, роднее и проще. Каждый день с удовольствием иду к своим подопечным, учусь у коллег чему-то новому, планирую и дальше работать*

в хозяйстве («Сельская газета», 2018, 25 авг.); *И сейчас могу сказать: кто хочет работать, кто любит стройку, тот старается и работает* («Республиканская строительная газета», 2020, 13 авг.); *– До сих пор люблю свою работу, есть в ней какая-то романтика, – признается капитан* («СБ – Беларусь сегодня», 2020, 3 июня).

Средством акцентирования данной идеи служит также метафора, которая подчеркивает значимость профессиональной деятельности для человека: *«Танец для мяне – гэта кісларод, якім немагчыма надыхацца»* («Настаўніцкая газета», 2020, 3 окт.);

7) **личностные качества** (доброта, жизнерадостность и т.д.): *Наталья Федоровна – это человек, который заряжает окружающих ее людей своим позитивом и жизнелюбием* («Жыццё Палесся», 2020, 6 мая); *Душэўная шчодрасць, дабрэньня, шчырасць* Фёдара Іванавіча чуюцца ў кожным радку; *І дзядуля, і прабабуля, і старэйшыя калегі вучылі ў свой час Алу Нікандраўну быць на жыцці добрым чалавекам* («Настаўніцкая газета», 2020, 3 окт.); *Оттененные медицинским костюмом голубые глаза искрятся добротой ...* («СБ – Беларусь сегодня», 2020, 20 июня).

В основе современных образовательных стандартов лежит компетентностный подход, который акцентирует не процесс, а результат обучения, проявляющийся в умении применять на практике полученные в ходе обучения знания и сформированные умения. По мнению Е.В. Богомоловой, в отличие от знаний, умений и навыков, «компетенции как характеристики социальных действий не могут быть изолированы от социально-производственных условий деятельности, в которых они реализуются» [7, с. 137]. Необходимые для современных специалистов компетенции не исчерпываются узкоспециализированными знаниями, умениями и навыками, а включают в себя социально-личностные (способность к социальному взаимодействию и межличностной коммуникации; умение работать в команде) и академические компетенции (умение работать самостоятельно, генерировать новые идеи, учиться и повышать свою квалификацию в течение всей жизни), что находит отражение на страницах газет.

Заключение. В белорусском газетном дискурсе макротекстовые единства, описывающие субъекта, во все анализируемые исторические периоды маркируются положительной оценочностью, поскольку их целью является создание образов лучших представителей страны. Публикации, объединенные комплементарными отношениями, вносят различные «краски» в общую палитру образов, дополняя друг друга и акцентируя разные аспекты желательных для социума качеств и поведенческих моделей в зависимости от общественно-политической и социокультурной ситуации в обществе в конкретный период. Анализ содержания газетных статей позволяет проследить, как на протяжении ряда десятилетий менялись требования, которые социум предъявлял к человеку как к личности, профессионалу и гражданину.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дускаева, Л.Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров / Л.Р. Дускаева ; под ред. М.Н. Кожинной. – Изд. 2-е, доп., испр. – СПб. : СПбГУ, 2012. – 274 с.
2. Чистая, С.Ф. Фактор проксемики в диалогическом измерении публицистического текста : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / С.Ф. Чистая. – Минск, 2004. – 110 л.
3. Плеханова, Т.Ф. Текст как диалог / Т.Ф. Плеханова. – Минск : МГЛУ, 2003. – 251 с.
4. Кожина, М.Н. О диалогичности письменной научной речи / М.Н. Кожина. – Пермь : ПГУ, 1986. – 91 с.
5. Бахтин, М.М. Проблемы творчества Достоевского / М.М. Бахтин // Собрание сочинений. – Т. 2. – М. : Русские словари, 2000. – С. 5–175.
6. Таюпова, О.И. Антропоцентричность текстов масс-медийного дискурса / О.И. Таюпова // Росс. гуманитар. журнал. – 2018. – Т. 7. – № 3. – С. 223–229.
7. Богомолова, Е.В. Методика реализации компетентностного подхода в учебном процессе военного вуза / Е.В. Богомолова // Вопросы современной науки и практики. Ун-т им. В.И. Вернадского. – 2017. – № 1(63). – С. 136–141.

Поступила 07.04.2022

HUMAN AS A MACROTEXT OBJECT IN THE SPACE OF THE BELARUSIAN PRESS

A. BIYUMENA

The article dwells on dialogic relations of a complementary (additional) type in the printed media discourse of Belarus in various historical periods (in the 1930s, 1941–1943, 2018–2021). The study analyses macrotext unities about people published in the Belarusian republican, regional, district, city newspapers. Macrotext unity is seen as a set of articles on the same newspaper page that are semantically related to each other. The publications that are combined with the help of complementary relations add different "colors" to the overall palette of images complementing each other and emphasizing different aspects of socially desirable qualities and behavioral models. The paper outlines main personal and business qualities that are highlighted in the press depending on the social, political and cultural situation in society in a particular period and determines the role of evaluativeness in the functioning of the macrotext.

Keywords: media discourse, press, dialogueness, macrotext, complementary relationship.

УДК 81'42

СТРАТЕГИЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ МЫ-ГРУППЫ В ИНТОЛЕРАНТНОМ ДИСКУРСЕ

канд. филол. наук, доц. **Е.Н. ВАСИЛЕНКО**

(Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешиова)

e-mail: e.n.vasilenko@gmail.com

Статья посвящена изучению коммуникативно-прагматической организации интолерантного дискурса. Автор придерживается мнения, что помимо стратегии дискредитации, направленной на создание негативного образа они-группы, важным для говорящего в заданных дискурсивных условиях является создание положительного образа себя и своей социальной группы, что достигается посредством реализации стратегии самопрезентации. Коммуникативная стратегия положительной самопрезентации мы-группы рассматривается в статье на материале комментариев белорусских интернет-пользователей к новостным статьям о женщинах, ЛГБТ-людях и иностранцах. Установлено, что к тактикам, направленным на актуализацию данной стратегии, относятся тактики мнимой уступки, мнимого отрицания, мнимого извинения, переноса, а также такие ассертивные тактики, как приведения себя в пример и причисления себя к положительно воспринимаемой группе. Все перечисленные тактики, представленные в статье в виде моделей, призваны завуалировать враждебное отношение говорящего к они-группе.

Ключевые слова: интолерантный дискурс, враждебность, социальная группа, интернет-комментарий, стратегия положительной самопрезентации.

Введение. Исследования интолерантной коммуникации проводятся лингвистами и специалистами в смежных областях по всему миру, что обусловлено усилением враждебности по отношению к разным социальным группам в свете современных процессов глобализации и мультикультурализации (см., например, анализ публикаций по данной проблематике, представленных в базе Web of Science в [1]), а также в связи с интенсивным развитием интернет-технологий [2; 3]. Ввиду оценочного характера интолерантного дискурса и его ярко выраженной прагматической направленности, одной из важнейших задач лингвистики в этом направлении является установление номенклатуры стратегий и тактик, которые говорящий выбирает для реализации своей коммуникативной интенции (см., например, классическую работу Т. А. ван Дейка о вербализации расизма [4] или исследование толерантности в русскоязычном медиа- и политическом дискурсе [5]). Под коммуникативной стратегией в исследовании традиционно, вслед за О.С. Иссерс, понимается «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» и включающих в себя «планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию этого плана» [6, с. 54].

Представляется очевидным, что враждебное отношение говорящего к адресату проявляется, в первую очередь, в использовании стратегии дискредитации по отношению к определенной социальной группе. При этом наряду с созданием негативного образа они-группы (в психологии используется термин «аутгруппа» – см., например, [7]), важным для говорящего является создание положительного образа себя и своей социальной группы (мы-группы, или ингруппы), что достигается посредством реализации коммуникативной стратегии положительной самопрезентации, которая и выступает объектом нашего исследования.

Фактическим материалом исследования послужили комментарии, оставленные интернет-пользователями к новостным статьям, опубликованным в белорусском сегменте Всемирной сети в 2015–2019 гг. и посвященным проблематике трех уязвимых социальных групп, выделяемых на основании врожденных или неизменяемых характеристик, а именно женщин, ЛГБТ-людей и иностранцев (подробнее об отборе фактического материала см. [8; 9]).

Основная часть. Стратегия положительной самопрезентации в интолерантном дискурсе представляет собой возвышение мы-группы и реализуется посредством тактик мнимой уступки, мнимого отрицания, мнимого извинения, переноса, а также таких ассертивных тактик стратегии самопрезентации [10], как тактика приведения себя в пример и тактика причисления себя к положительно воспринимаемой группе. Суть этих тактик заключается в намерении завуалировать враждебное отношение к они-группе, однако они наглядно демонстрируют приписывание говорящим себе права навязывать свою позицию с точки зрения силы.

Рассмотрим тактики, направленные на актуализацию коммуникативной стратегии положительной самопрезентации, подробнее. В представленных моделях под X всегда понимается уязвимая социальная группа (они-группа), под Y – доминирующая социальная группа (мы-группа). Во всех приведенных примерах орфография и пунктуация авторов комментариев незначительно откорректированы для лучшего восприятия.

Тактика мнимой уступки заключается в том, что говорящий намеренно избегает явных обобщений, чтобы выглядеть более объективным в глазах адресата. Для этого авторы комментариев используют уточнения, выраженные в виде **Модели 1: Конечно, не все X плохие, но...**, например:

1) Женщины более эмоциональны и более зависимы (не все, конечно :)), чем мужчины. Отсюда и более длительный срок реабилитации;

2) Пусть они [ЛГБТ-люди – Е. В.] любят и живут как хотят, они возможно неплохие люди и граждане, но семья есть семья, конечно хуже когда мужик алкаш или наркоман, однозначно. Но гей это тоже не образец семьи.

Помимо собственно уступки – *не все, конечно* (1), *они возможно неплохие, но* (2), – авторы комментариев дополнительно смягчают свое высказывание при помощи графики (1) и использования аббревиатуры *ИМХО* от англ. *IMHO* ‘in my humble opinion’ – ‘по моему скромному мнению’ (2). Эти попытки «замаскировать» интолерантность призваны возвысить говорящего в глазах адресата, представить его как человека непредвзятого и допускающего разные точки зрения. Такая позиция позволяет комментатору в случае спора или указания на его некорректное высказывание занять неуязвимую выигрышную позицию: «я же сказал(а), что не все X плохие». Значение высказывания при этом остается интолерантным.

Тактика мнимого отрицания также призвана создать в глазах слушателя более толерантный образ говорящего за счет его утверждения о собственной непредвзятости. Эта тактика может быть выражена Моделью 2: Я не расист/сексист/гомофоб, но... или её вариантом Я не против X, но... (высказывание может и не содержать собственно отрицания – см. комментарий 10 ниже), например:

3) *Не испытываю к вам, голубым, агрессии. Но пропаганда вашего непотребства однозначна должна быть запрещена на законодательном уровне;*

4) *я конечно не гомофоб, поскольку мне гомосексуализм уж точно не грозит, но как-то если честно не по себе;*

5) *я не считаю, что геев нужно расстреливать, унижать или еще что, но и нормой я это не считаю, как бы тут ни пытались это доказать;*

6) *Я не против женщин, но давайте в первую очередь смотреть и ценить деловые качества человека, а не половые – сколько и чего продуктивного получилось! Фору не давать.*

Первая часть таких высказываний всегда противоречит второй: предусмотрительно снимая с себя ярлык интолерантного человека, интернет-пользователь транслирует враждебное отношение к они-группе. Так, в комментарии 3 раскрывается тема «Они угрожают нашему традиционному укладу», в комментарии 4 – тема «Они мне не нравятся», в комментарии 5 – тема «Они хуже, чем мы», в комментарии 6 – тема «Они должны знать свое место» (подробнее о когнитивно-тематической организации интолерантного дискурса см. [8; 9]).

Еще одна тактика, направленная на смягчение степени враждебности высказывания, – **тактика мнимого извинения**, выраженная Моделью 3: Извините меня, но..., например:

7) *вы меня извините, но тайм-менеджмент женщин заканчивается там же, где и начинается: на уровне интеллекта;*

8) *И еще одна сторона медали. Сегодня они требуют узаконить однополые браки, завтра они будут усыновлять детей, а послезавтра мы услышим от такой “семейной” пары: у меня ребенок оно, он родился мальчиком, но ощущает себя девочкой, а девочки должны ходить в Ж уборную. Извините, но я не хочу, чтобы такая 14-16 летняя “девочка” бегала в туалеты, где будут девочки по половому признаку.*

В представленных выше комментариях невозможно установить непосредственного адресата извинения, оно «безлично». Такие извинения формальны: говорящий не испытывает вины или неловкости, он лишь пытается создать более благоприятное впечатление о себе. Приведем другой пример, в котором извинение не выражено эксплицитно, однако адресат сообщения понятен, а косвенное оскорбление прочитывается как ‘извините, но вы плохая, потому что вы X’:

9) *Не хотелось бы обидеть, может вы просто страшенькая и из-за этого пришлось пахать как верблюд вместо раздвигания стройных ножек. Без обид только.*

Тактики, реализуемые в виде «мнимых» речевых актов, могут использоваться последовательно в одном комментарии. Так, в следующем примере интернет-пользователь прибегает к тактикам мнимого извинения и мнимого отрицания в рамках одного предложения:

10) *Вы меня извините, я вроде толерантен, но если сюда будут ссылать потоки арабских беженцев хоть за тысячу миллиардов, то я резко против и не буду протестовать только словами.*

Еще одна тактика, позволяющая комментатору переложить ответственность за нетерпимое отношение к социальной группе на других людей – **тактика переноса**. Говорящий при этом может признавать или не признавать/умалчивать, что он разделяет эти взгляды: Модель 4: Я против X, как и большинство (пример 11) и Модель 5: (Я не против X, но) большинство против X (пример 12) соответственно:

11) *Видя иногда наших девушек, особенно с арабами или неграми, я невольно брезгаю тоже, как и большинство, и считаю их легкого поведения, но стараюсь не обобщать это на всех...;*

12) *Есть выход. Пусть в Беларусь мигрантов из Азии и Африки, но это никому из местных не понравится.*

Более очевидное навязывание членом мы-группы своей позиции представителям они-группы актуализируется при помощи **тактики приведения себя в пример**: Модель 6: Даже я, Y, делаю так, как должны делать X (вариант Я, хоть и Y, не делаю так, как позволяют себе X):

13) *фу блин, в 21 веке небритые подмышки... даже я – мужик и то давно подмышки брею... волосатые тётки, идите в лес, ближе к природе;*

14) (о ЛГБТ-людях – Е. В.) *Я же не хожу в майке с надписями как я люблю и кого люблю иметь? Потому что это интим. А семья это мужчина и женщина и их дети. Пусть связь друг с другом по другому называют и не нервнируют. Хотят совместное хозяйство? есть доверенности и завещания.*

Тактика приведения в пример может расширять свой агентивный диапазон. Так, раскрывая подтемы «Их проблемы неважны/преувеличены» (15) и «Они не способны делать то, что делаем мы» (16) в рамках интолерантного дискурса о женщинах, интернет-пользователи ссылаются не на свой опыт, а на опыт женщин. Такой прием позволяет им сделать свою позицию более близкой они-группе:

15) *Ни моя мать, ни жена, ни дочь с такой проблемой не сталкивались...*;

16) *Как говорит моя жена, она бы запретила выдавать права женщинам на законодательном уровне.*

Насмотрелась бедолага на тупых овец езда рядом со мной за 25 лет.

Очевидно, что в таком проявлении тактика приведения в пример раскрывает свой манипулятивный потенциал.

Схожей с предыдущей тактикой является **тактика причисления себя к положительно воспринимаемой группе**. В рамках этой тактики говорящий также приводит себя в пример, однако адресантом сообщения выступает не представитель мы-группы, а член они-группы, который демонстрирует свою поддержку взглядам мы-группы в виде **Модели 7: Я как X делаю так, как одобряет Y**, например:

17) *Я – женщина. И мне просто стыдно за замужних женщин, когда они жалуется, как тяжело им живется. Ноют только лентяйки и бездельницы, потому как занятым людям некогда распускать слюни и сопли. Сидели бы меньше в интернете, толку было бы больше, но важнее ведь успеть посмотреть, кто как красиво живет, кто что имеет...*

Заключение. Таким образом, в результате анализа комментариев белорусских интернет-пользователей к новостным статьям о таких уязвимых социальных группах, как женщины, ЛГБТ-люди и иностранцы, было установлено, что для создания положительного образа мы-группы и себя как её представителя говорящий использует тактики, вербализуемые при помощи сложносочиненных предложений с противительными союзами, а именно тактики мнимой уступки (*Конечно, не все X плохие, но...*), мнимого отрицания (*Я не расист/сексист/гомофоб, но... или Я не против X, но...*) и мнимого извинения (*Извините меня, но...*). Тактика переноса, выраженная моделями *Я против X, как и большинство* и *(Я не против X, но) большинство против X*, позволяет говорящему переложить ответственность за нетолерантное отношение к они-группе на других людей. С целью приблизиться к они-группе интернет-пользователи прибегают к тактике приведения себя в пример (*Даже я, Y, делаю так, как должны делать X*).

ЛИТЕРАТУРА

1. Paz, M. A. Hate Speech: A Systematized Review [Electronic resource] / M. A. Paz, J. Montero-Díaz, A. Moreno-Delgado // SAGE Open. – 2020. – № 10. – P. 1–12. – Mode of access: <https://j.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/2158244020973022>. – Date of access: 10.05.2021.
2. Assimakopoulos, S. Online hate speech in the European Union: a discourse-analytic perspective / S. Assimakopoulos, F. H. Baidier, S. Millar. – Cham: Springer, 2017. – 90 p. (SpringerBriefs in Linguistics).
3. Brown, A. What is so special about online (as compared to offline) hate speech? / A. Brown // Ethnicities. – 2018. – Vol. 18, iss. 3. – P. 297–326.
4. Dijk, T. A. van Communicating racism: Ethnic prejudice in thought and talk / T. A. van Dijk. – Newbury Park, Beverly Hills, London, New Delhi: Sage Publications, 1987. – 438 p.
5. Толерантность как культурная, политическая, лингвистическая проблема / Т. В. Романова [и др.]. – Н. Новгород: ДЕКОМ, 2017. – 304 с.
6. Иссерс, О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.С. Иссерс. – 5-е изд. – М.: Изд-во ЛКИ, 2003. – 288 с.
7. Whitley, B. E. Jr. The psychology of prejudice and discrimination / B. E. Whitley Jr., M. E. Kite. – 2nd ed. – Wadsworth: Cengage Learning, 2010. – 692 p.
8. Василенко, Е. Ксенофобская риторика: тематическая организация интолерантного дискурса / Е. Василенко // Філологічні студії. Наук. вісн. Криворізького держ. пед. ун-ту. – 2020. – Вип. 21. – С. 123–132.
9. Vasilenko, E. Sexist hate speech: Topical organization of intolerant discourse / E. Vasilenko // Językoznawstwo. – Łódź. – 2020. – № 14. – P. 47–60.
10. Development of a self-presentation tactics scale / S. J. Lee [et al.] // Personality and Individual Differences. – 1999. – № 26. – P. 701–722.

Поступила 02.11.2021

THE STRATEGY OF WE-GROUP POSITIVE SELF-PRESENTATION IN INTOLERANT DISCOURSE

E. VASILENKO

The article is devoted to the study of the communicative and pragmatic organization of intolerant discourse. The author is of the opinion that in addition to the discrediting strategy aimed at creating a negative image of they-group, in the given discursive conditions, it is important for the speaker to create a positive image of themselves and their social group, which is achieved through the implementation of a self-presentation strategy. The communicative strategy of we-group positive self-presentation is considered in the article based on the Belarusian Internet users' comments to news articles about women, LGBT people and foreigners. It is established that tactics aimed at actualizing this strategy include those of quasi-concession, quasi-denial, quasi-apology, shifting, as well as such assertive tactics as exemplification and basking. All of these tactics, presented in the article in the form of models, are aimed at disguising the speaker's hostile attitude towards they-group.

Keywords: *intolerant discourse, hostility, social group, online comment, strategy of positive self-presentation.*

УДК 81'373.222

ОБРАЗ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ФАУНЫ В РИТОРИЧЕСКИХ СПОСОБАХ
ВЫРАЖЕНИЯ СТЕПЕНИ КАЧЕСТВА

А.В. КОВАЛЕНЯ

(Минский государственный лингвистический университет)

ORCID <https://orcid.org/0000-0002-1636-1025>

В статье рассматривается роль образов животных в риторических способах выражения степени качества. С целью выявить влияние образов представителей животного мира на выражение степени качества были выбраны авторские сравнения, пословицы и поговорки в русском и турецком языках. Благодаря использованию образа представителя животного мира описываемое качество смещается с нейтральной позиции к положительному или отрицательному полюсу оценочной шкалы. В ходе исследования было выявлено, что наименования одних и тех же представителей животного мира способны выражать различные оценки в высказываниях, в которых они используются. Анализ риторических способов позволяет сделать вывод о том, что оценка и интенсификация качества зависят от ассоциаций, которые возникают у представителей определенной культуры с образом животного.

Ключевые слова: качество, оценка, интенсификация, метафоры, авторские сравнения, пословицы, шкала оценки, коннотация.

Введение. Одним из распространённых способов описания степени качества является риторический способ, предполагающий использование авторских сравнений, метафор, пословиц, поговорок для характеристики внешнего вида, интеллектуальных способностей, физических данных и других качеств человека. Анализ риторических способов, выражающих степень качества, показал, что тематическая группа с образами представителей животного мира в русском языке составляет 25,7%, в турецком языке – 21,2%. Процентное соотношение использования образов из этой тематической группы говорит о том, что носители языка в 20% случаев используют для выражения степени качества образы представителей фауны. Учитывая тот факт, что при анализе риторических способов выражения степени качества было выделено 16 тематических групп (растительный мир, астрономические объекты, артефакты, исторические события), такое процентное содержание этой тематической группы позволяет говорить о том, что её образы чаще используются в речи при описании степени качества.

Ряд образов одного и того же животного в разных культурах имеет неодинаковую коннотацию и при сравнении человека с каким-либо животным выбранный образ является неуместным в рамках другой культуры. Именно поэтому представляется важным изучение использования образов животных в риторических приемах описания степени качества. Цель нашего исследования – выявить и описать специфику использования образов представителей фауны в авторских сравнениях, пословицах и поговорках, которые описывают степень качества человека, предметов и проделанной работы.

Основная часть. Существует множество определений сущности категории качества. Согласно Аристотелю, качество – это критерий, который отличает предметы друг от друга, выделяет их среди подобных [1]. Г. Гегель понимает под категорией качества некоторую определенность, которая отражает в себе реальность и имеет границы [2, с. 137]. Наконец, Ф. Энгельс пишет о том, что качество имеет бесконечное множество градаций, например, оттенки цветов, жёсткость и мягкость, долговечность. [3, с. 186–187]. Понятие «качество» тесно связано с понятием «оценка». Оценка обусловлена самой природой человека [4, с. 21]. То, что человек оценивает как хорошее, приравнивается к желаемому, а плохое – к нежелательному. Объект влечения или желания человека называется добром, объект ненависти или отвращения – злом. Однако слова *добро* и *зло* употребляются в относительном смысле в зависимости от того, кто их использует, так как не существует общего правила, что такое добро и что такое зло [4, с. 24]. Эти правила могут устанавливаться каждым отдельным человеком в отношении своей личности или обществом, к которому принадлежит индивид [4, с. 25]. В рамках представленного исследования мы предполагаем, что степень интенсификации качества зависит от ассоциаций, связанных с определенным образом животного. Ассоциации и отношение к образу продиктованы нормами социума и ролью животного в определенных религиозных или мифологических представлениях. С целью выявить влияние образов представителей животного мира в выражении степени качества были выбраны авторские сравнения, пословицы и поговорки в русском и турецком языках, выражающие степень качества.

В ходе исследования было проанализировано 364 авторских сравнения в русском языке, 312 авторских сравнений в турецком языке, а также 69 пословиц в русском языке и 54 пословицы в турецком. В рамках исследования были выделены общие образы, которые используются в авторских сравнениях, пословицах и поговорках, как русского, так и турецкого языков: *жаба*, *лягушка*, *змея*, *лошадь*, *лев* и другие. Так, слово *жаба* в русской культуре имеет негативную коннотацию: *жаба татуированная*, *жаба носатая*, *жаба страшная*, *что ни слово, то жаба изо рта выпадает*, *он жирный, пучеглазый*, *как жаба¹*, *жабе волон не быть*, *сколько воды ни пить* [5].

¹Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/>.

В приведенных примерах описываются негативные качества, указывающие на крайне неприятный вид объекта высказывания или проявление крайне негативных эмоций у говорящего от объекта высказывания в целом, связанных как с внешним видом, так и с набором качеств объекта. Для усиления эффекта говорящий может добавить прилагательное, характеризующее внешний вид объекта высказывания, умственные и интеллектуальные способности: жаба + прилагательное (горбатая, кривая, глупая, дурная и т.д.). Слово *жаба* используется в примерах, характеризующих как женщин, так и мужчин. Негативное отношение к земноводному и отрицательная окраска, придаваемая высказыванию, которое содержит его в качестве компонента, возможно объяснить общим неприятным видом животного; кроме того, в славянской мифологии жаба считается нечистым животным и имеет причастность к подземному миру [6]. В турецком языке слово *жаба/лягушка* встречается в таких примерах, как *kurbağa gibi bağırtıyor* ‘кричать, как лягушка/ жаба’, *gözlüklü bir kurbağa gibi debelenirken* ‘тщетно прикладывать усилия/бороться, как лягушка в очках’, *kurbağa suratlı kızları* ‘девушки с лягушачьими лицами’, *sağlığı, sıcak suyun içindeki kurbağa gibi yavaş yavaş ölüyor* ‘его здоровье медленно умирает, как лягушка в огненной воде’, *sen bile geveze kurbağa* ‘ты – лягушка-болтуня’². В турецких примерах нет такой негативной окраски в высказываниях со словом *лягушка* или *жаба*, как в русском. Кроме характеристики внешнего вида, компонент *жаба/лягушка* указывает на крайнюю безнадёжность вкладывания сил в определённое дело, на степень утраты здоровья и чрезмерную болтливость, ассоциируемую с кваканьем лягушки. В исламе лягушка – священное животное, которое нельзя убивать, потому что лягушка изо всех сил пыталась помочь пророку Аврааму и молилась Аллаху о его спасении [7]. Возможно, по этой причине в турецком языке отсутствуют примеры высказывания, содержащие ярко выраженную отрицательную оценку при описании определённого качества.

В русском языке нет однозначности в употреблении слова «змея». Оно может иметь как негативную, так и положительную коннотацию. В бытовой коммуникации коннотация отрицательная: *змея коварная, змей лукавый, змея безногая, ах ты хлоднокровный змей! гадюка ты вредная! Ах ты гад лобастый!*³. В фольклоре отношение к змее положительное: *мудрая змея* [там же]. В турецком языке *şeytan bakışlı, bakışlı, yılan gibi kadınlardır* ‘сатана, дьявольский вид, как змеи эти женщины’, *bir yılan gibi kıvrık bükküle uzantıyordu* ‘он сверкал, как змея’, *benim saçım ölü yılan gibi görünürken* ‘мои волосы похожи на мёртвую змею’⁴. В турецком языке, как правило, сравнения, включающие в себя слово «змея», имеют положительную оценку, например, *сверкать, как змея; умный, как змея* [там же].

Еще одно название представителя животного мира, используемое в риторических способах для выражения степени качества – *свинья*. В русском языке это слово встречается в следующих примерах: *ты свинья гнустная; свинья энкавэдэшина; свинья безмозгая; равнодушная свинья; ты, как свинья откормленная; до братца тебе, как свинье до неба!*⁵ *Свиным рылом да в калашный ряд; Ванюха-свиное ухо* [9] и другие. В турецком языке не принято сравнивать кого-либо со свиньёй, так как это считается большим оскорблением, в исламе свинья – грязное животное. Однако в национальном корпусе турецкого языка встречаются такие авторские сравнения как *domuz kılı gibi sert bıyıkları sapsarıydı* ‘бакенбарды похожи на свиную шерсть’, *yillardır durup dinlenmeden çalışmasına rağmen domuz gibi sağlıklı* ‘несмотря на то, что он работает долгие годы, его здоровье, как у свиньи’, *deli domuz* ‘шаловная свинья’, *benimki domuz gibiydi hain* ‘мой [муж] был предательской свиньёй’, *sen de domuz gibi* ‘ты как свинья’, *domuz gibiyiyor. Amaneversen* ‘он, как свинья. Ест все подряд’⁶. Таким образом, слово «свинья» в турецком языке в сравнениях указывает на подобие в плане внешнего вида или крепкого здоровья человека, а также выражает крайнее неуважение по отношению к объекту высказывания, как в примерах о неверном муже или о мужчине, который ест все подряд.

Использование в русском языке таких образов животных, как *сокол, орёл, собо́ль, олень, лось, медведь* способно придавать высказыванию положительную оценку и приумножать описываемое качество. Например, *брови соболиные, очи соколиные, сам орел; медведь неуклюж да дюж; гордый, как олень, быстрый, как олень, силён, как лось; растопчет тебя как лось муравейник; крепок телом, как лось; сердце соколье*⁷ и другие. В турецком языке положительная оценка высказыванию может придаваться при помощи таких элементов, как *лев, волк, лошадь и бык*. Однако, в некоторых случаях используемый образ животного может выражать положительную оценку и усиливать эффект при описании одних качеств, например, внешний вид, но в другом контексте, при описании, например, поведения, оценка может быть отрицательной. Так, мужчину крепкого телосложения можно сравнить с быком, и оценка будет положительной, указывая на хорошее телосложение и силу человека; или, наоборот, поведение сравнивается с разъярённым быком. Примеры использования: *korkusuz aslan* ‘бесстрашный лев’, *aslan gibi erkek* ‘красивый, как лев мужчина’, *yüzü aslan yüzü gibiymiş* ‘лицо напоминает львиную морду’, *aslangibi çocuk. Fiziği mükemmel, sıhhatli* ‘ребенок похож на льва. У него идеальное тело, он здоров’, *yaşlı adamın deli bir boğa gibi öfkeli yüreğini* ‘сердце старика работало, как злой, бешеный бык’, *güçlü boğa* ‘сильный бык’, *öküz gibi kuvvetli* ‘сильный, как вол’, *çalışmış bir kartal gibi* ‘трудолюбив, как голодный орёл’, *kartal kanadı gibi eller* ‘руки, как крылья орла’, *at gibi sağlam ve sağlıklısınız* ‘крепкий и здоровый, как лошадь’⁸.

²Национальный корпус турецкого языка [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tnc.org.tr/>.

³Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/>.

⁴Национальный корпус турецкого языка [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tnc.org.tr/>.

⁵Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/>.

⁶Национальный корпус турецкого языка [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tnc.org.tr/>.

⁷Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/>.

⁸Национальный корпус турецкого языка [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tnc.org.tr/>.

Таблица включает себя образы представителей животного мира, используемых в пословицах и поговорках, а также в авторских сравнениях для выражения степени качества. Для сравнения были выбраны элементы, присутствующие в обоих языках, с целью выявить различия или сходства одинаковых образов и причины различий. Знаком '+' отмечены элементы, указывающие на максимальную положительную интенсификацию качества, '-' – элементы, придающие негативную оценку и указывающие на максимальные отрицательные качества; '+-' – в зависимости от контекста и описываемого качества.

Таблица. – Образы животных и их оценка в русском и турецком языках

Элемент	Оценка		Элемент	Оценка	
	Русский язык	Турецкий язык		Русский язык	Турецкий язык
Жаба/лягушка	'-'	нейтральная	Лошадь	'+-'	'+'
Змея	'+-'	'+' / нейтральная	Курица	'+-'	'-'
Бык	'+-'	'+-'	Орёл	'+'	'+'
Свинья	'-'	Крайне '-'	Сокол	'+'	'+'
Осёл	'-'	'-' / нейтральная	Медведь	'+-'	'+-'
Лев	'+'	'+'	Корова	'+-'	'+'
			Собака	'+-'	'-'

Примечание – приводятся данные на момент написания статьи.

Как видно из таблицы, в русском и турецком языках достаточно много совпадений в плане выражаемой оценки в высказываниях, содержащих в себе названия таких представителей животного мира, как *осёл*, *бык*, *орёл*, *сокол*, *лиса*. Образ осла в обеих культурах ассоциируется с глупостью, невежеством и упрямством: *eşeğe marifetini göster demişler, yıkılıp ağnatis* 'ослу сказали проявить ум и смекалку, а он рухнул и закричал', *eşek gibi bir kişinin en çok özenerek yaptığı iş bile eşekçe olur* 'даже самая кропотливая работа осла похожа на осла' [8], *осёл и в Киеве конём не будет* [5]. Однако в турецком языке встречаются, например, авторские сравнения, которые указывают на терпеливость, смирение и твёрдость решений: *alçakgönüllü eşek* 'смиранный осёл'⁹. Наличие таких примеров возможно объяснить тем, что в мусульманской традиции осел – одно из животных неба [7]. Образ осла встречается в сказках о Ходже Насреддине и выступает в качестве безропотного или, наоборот, упрямого животного. Однако, в некоторых сказках осёл выступает в качестве мудреца. Например, в сказке «Ходжа Насреддин одалживает осла» животное самое решает свою судьбу: «Если дать меня чужому, будут тыкать мне стрелалом уши, а тебя честить на все корки!» [8]. Таким образом, отношение к животному формируется на основании религиозных традиций, мифов, легенд и сказок. В русских народных сказках осёл не фигурирует в качестве основного персонажа или верного спутника главного героя: упоминаются медведь, лиса, волк, коза, баран. Обычно российские писатели используют образ ослика для высмеивания упрямства.

Наибольший интерес представляют образы животных, оценки которых не совпадают в различных языках. Например, в русском языке слово «корова» употребляется как в высказываниях с положительной, так и отрицательной оценкой: *священные коровы дизайна – Cappellini, Edra; священная корова политэкономии; коровушка ты наша (о трудолюбивом человеке, кормильце семьи); корова жирная*¹⁰. У мусульман корова – это почётное, священное животное, поэтому оценка высказывания с элементом *корова* – положительная: *ineğin sarısı, toprağın karası* 'корова бурая, а земля чёрная', *inek gibi ders çalışıyordu* 'учился, как корова, был умный'¹¹. Однако встречаются сравнения с коровой, указывающие, например, на неопрятный или грязный вид человека: *sen inek gibi bakakalıyorsun. Çocukların daha pis* 'вы выглядите как корова, а ваши дети еще грязнее' [там же]. В русском языке, как правило, в такой ситуации человека могли бы сравнить со свиньёй, в турецком языке используют образ коровы. Говорящий не ставит перед собой цель явно выразить негативную оценку, но констатирует факт, что человек неопрятен. В русском языке для смягчения оценки, но констатации факта неопрятного человека в сравнении возможно использовать слово *поросёнок*: *ax ты гадкий, ax ты грязный, неумытый поросёнок!*¹²

В русском языке, слово «лошадь», как правило, имеет как негативную коннотацию, так и положительную, в зависимости от контекста. Альтернативы слова *лошадь* – *кобыла* и *кляча* сами по себе имеют негативную коннотацию и усиливают эффект высказывания: *ax ты лошадь, ax ты свинопас! тянешь все, как лошадь ломовая; старая кляча; ведёшь себя, как кобыла дурная; лошадиное лицо*¹³; но того, кто очень быстро бегают могут сравнить с *быстрой лошадкой* [там же]. В турецком языке приятное место, человеческую душу или натуру могут сравнить с лошадью: *ruhun o vahşi at* 'душа, как дикая лошадь', о свободолюбивом человеке; *vahşi bir at gibi üzerindeki kari fırlatıp atmış* 'место белое и чистое, как дикая лошадь'¹⁴.

Интерес представляет собой различие в отношении к *собакам* в русской и турецкой культурах. В русском языке образ *собаки* может иметь как положительную, так и отрицательную коннотацию. Например, хорошего друга можно сравнить с *верным псом*. Однако, в порыве гнева, как результат реакции на проявление чьего-либо отрицательного качества, образ *собаки* используется для выражения негативной оценки и приобретает форму

⁹Там же.

¹⁰Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/>.

¹¹Национальный корпус турецкого языка [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tnc.org.tr/>.

¹²Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/>.

¹³Там же.

¹⁴Национальный корпус турецкого языка [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tnc.org.tr/>.

слова *кобель* (например, о неверном муже). Сравнения с собакой с турецким аналогом *köpek* не несёт яркую оценочную экспрессивность, но *it* 'собака' – ругательное слово и любые сравнения с этим элементом крайне оскорбительны и указывают на отрицательные проявления определённых качеств, выражают крайне негативную оценку касательно объекта высказывания.

Степень выражения качества с использованием образов животных в русском и турецком языках представлена в виде шкалы (рисунок), имеющей две крайние точки: высшая степень интенсификации описываемого качества с положительной (+) и отрицательной (–) оценкой. Шкала позволяет предположить оценку высказывания, которое содержит в себе образ определённого животного.

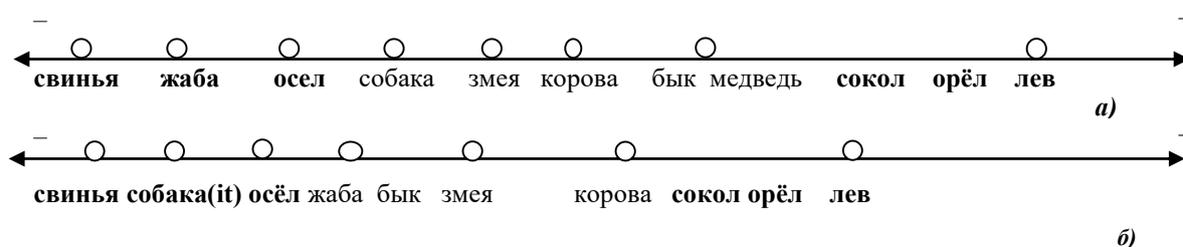

Рисунок. – Степень интенсификации выражаемого качества при помощи образов животных в русском (а) и турецком (б) языках

Согласно шкале, в русском и турецком языках крайние точки (свинья и лев) среди выбранных представителей животного мира совпадают. Однако в турецком языке сравнения со *свиньей* будут иметь более негативную оценку, так как в Коране прописано, что свинья – грязное животное и все, что с ней связано – большое оскорбление. Змея и жаба не имеют такой негативной коннотации в турецком языке, как в русском, что связано с различными ролями, которые представители животного мира сыграли в религиозных источниках. Если в русской культуре *корова* придаёт как положительную, так и отрицательную оценку высказыванию, то в турецкой – положительную за счёт упоминания в религиозных источниках в качестве священного животного.

Заключение. Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что образы животных достаточно часто используются в риторических приемах для описания различных качеств. С образом животных сравнивается внешний вид человека, образ жизни, отношение к труду, физические данные, а также результат деятельности человека, или описание предмета, например, определённого места. Лексика обозначения представителей фауны усиливает определенные качества. Оценка, которую заключает в себе образ представителя животного мира, зависит от ассоциаций, возникающих у носителя языка на основе религиозных писаний, сказок, а также легенд об определённом животном.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Категории/ Аристотель. – Минск : Литература, 1998. – 1392 с.
2. Гегель, Г. Наука логики. Том I. Объективная логика [пер. с нем. Б. Г. Столпнера]. – Primedia E-launch LLC, 2017. – 540 с.
3. Энгельс, Ф. Диалектика природы / Ф. Энгельс. – ОГИЗ ГОСПОЛИТИЗДАТ, 1941. – 338 с.
4. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека 2-е изд., испр. / Н.Д. Арутюнова. – М. : «Языки русской культуры», 1999. – 896 с.
5. Русские пословицы и поговорки / Под ред. В. Аникина ; предисл. В. Аникина ; сост. Ф. Селиванов [и др.]. – М. : Худож. лит. – 1988. – 431 с.
6. Мифы народов мира : энцикл. : в 2 т. / гл. ред. С.А. Токарев. – М. : Сов. энцикл., 1982. – Т.1: А–К. – 671 с.
7. Климович, Л.И. Книга о Коране, его происхождении и мифологии / Л.И. Климович. – М. : Политиздат, 1986. – 270 с.
8. ÖmerAsımAksoyAtasözleriveDeyimlerSözlüğü / ÖmerAsımAksoy . – İNKİİAP, 1991. – 292 с.

Поступила 07.04.2022

IMAGE OF ANIMAL IN RHETORICAL WAYS OF EXPRESSING THE DEGREE OF QUALITY

A. KOVALENIA

The article is devoted to the role of animal images in rhetorical ways of expressing the degree of quality. In order to identify the influence of images of representatives of the animal world on the expression of the degree of quality in Russian and Turkish, the author's comparisons, proverbs and sayings were chosen. Due to the use of the image of a representative of the animal world, the described quality is shifted from a neutral position to a positive or negative pole of the evaluation scale. In the course of the study, it was revealed that the names of the same representatives of the animal world are capable of expressing different assessments in the statements in which they are used. The analysis of rhetorical methods allows us to conclude that the assessment and intensification of quality depend on the role of an animal image in the sources of a particular culture. The described quality and assessment depend on the associations that the ethno-cultural community has with a particular animal.

Keywords: quality, assessment, intensification, metaphors, author's comparisons, proverbs, rating scale, connotation.

УДК 070.421 + 070.422 + 070.43

**РЕДАКЦИОННЫЙ ФАКТЧЕКЕР И ЖУРНАЛИСТ-ФАКТЧЕКЕР:
К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ЗАДАЧ И ФУНКЦИЙ****И.А. КОРОЛЕВ***(Белорусский государственный университет, Минск)**e-mail: iakorolev1996@gmail.com*

Увеличение объемов и скорости распространения недостоверной информации, произошедшее на фоне технической и социальной медиатизации, стало причиной появления в журналистике практики фактчекинга – установления достоверности уже циркулирующих в медиапространстве фактов/фактологических утверждений. В теории и практике журналистики специалисты, осуществляющие данную функцию, называются фактчекерами. При этом в западной журналистике уже около столетия фактчекеры известны как специалисты, осуществляющие иное направление фактчекинга, – контроль точности и достоверности журналистского материала перед его публикацией. Таким образом, сегодня в академической литературе одно и то же понятие обозначает два типа фактчекеров, работающих в двух близких, но не тождественных направлениях фактчекинга. В данной статье предпринята попытка сформулировать уточненные понятия и их дефиниции для каждого из двух типов фактчекеров.

Ключевые слова: фактчекер, редакционный фактчекер, журналист-фактчекер, фактчекинг, редакционный фактчекинг, политический фактчекинг, фактологическое утверждение.

Введение. Увеличение объемов и ускорение циркуляции недостоверной информации в медиапространстве обусловило появление в журналистике практики фактчекинга – проверки уже получившей распространение информации, которая институализировалась посредством таких форм организации журналистского труда, как фактчекерские организации и отдельные проекты СМИ (например, рубрика Гленна Кесслера и его команды под названием "Fact Checker" в "The Washington Post"¹). Проведенное в июне 2021 г. исследование "Duke Reporters' Lab", выявило 341 активный фактчекерский проект², при этом еще в 2019 г. таких проектов было 188³, что демонстрирует стремительное и масштабное развитие фактчекинга в журналистике. В последнее десятилетие фактчекерские инициативы активно появляются и на постсоветском пространстве: в 2014 г. первый фактчекерский проект открылся в Грузии [1, с. 12], в 2015 г. – в Украине [там же], в 2017 г. – в Казахстане⁴, в 2020 г. – в России⁵.

Практика работы фактчекерских организаций и проектов показывает, что основной задачей их сотрудников является исследование циркулирующих в медиапространстве (т.е. уже опубликованных) фактов/фактологических утверждений ("factual claim") с целью установления их достоверности: «с помощью методов фактчекинга проверяют заявления публичных персон, резонансные утверждения в социальных сетях и мессенджерах в формате текста, фото и видео»⁶. Сотрудников подобных организаций, исходя из выполняемой ими практики фактчекинга, называют фактчекерами ("fact-checker")⁷. Вместе с тем первые упоминания о фактчекерах в журналистике относятся к 1920-м гг., когда в отделы новостей редакций крупных американских еженедельных журналов стали нанимать фактчекеров, «задачей которых была вычитка и проверка фактологических утверждений репортеров» [2, с. 86]. В таком значении фактчекинг «служит общим этапом контроля качества содержания материала перед его публикацией» [2, с. 86]. К идентичному пониманию фактчекинга отсылает одна из немногочисленных в русскоязычной академической литературе формулировок задачи фактчекера: «повысить точность и авторитетность издания, а также свести к минимуму расходы редакции на опровержения и корректировку допущенных фактических ошибок» [3, с. 186].

Из этого следует, что понятие «фактчекер» в современной академической литературе (как русскоязычной, так и англоязычной) используется и для определения специалиста, задачей которого является перепроверка представленных журналистами сведений перед их публикацией, и для определения специалиста, занимающегося установлением достоверности уже получившей распространение в медиапространстве информации.

¹ URL: <https://www.washingtonpost.com/politics/2019/01/07/about-fact-checker/>.

² URL: <https://reporterslab.org/tag/fact-checking-census/>.

³ URL: <https://reporterslab.org/number-of-fact-checking-outlets-surges-to-188-in-more-than-60-countries/>.

⁴ URL: <https://vlast.kz/novosti/22873-v-kazahstane-nacal-rabotu-faktcekingovyj-portal.html>.

⁵ URL: <https://sdelano.media/proverenomedia>.

⁶ Ли, В. Словарь фактчекера / В. Ли. – URL: <https://factcheck.kz/glavnoe/slovar-faktchekera>.

⁷ Darcevic, M. I'm a fact-checker at Snopes, the internet's authority on viral hoaxes. Here's how I tell if news is fake [Electronic resource]. URL: <https://www.businessinsider.com/how-to-tell-if-news-is-fake-snopes-fact-checker-2022-3>. Mantas, H. Lessons learned from a year covering fact-checking [Electronic resource]. URL: <https://www.poynter.org/fact-checking/2021/lessons-learned-from-a-year-covering-fact-checking>. Nazar Moshnyaga [Electronic resource]. URL: <https://voxukraine.org/en/authors/nazar-moshnyaga-3/>. Альянс фактчекеров [Электронный ресурс]. URL: <https://m.yandex.ru/q/loves/arfa/>. Антононов, С. Фейк о том, что вакцина создает нейросеть в мозге разоблачили фактчекеры [Электронный ресурс]. URL: <https://www.inal-maty.kz/news/3140214/fej-k-o-tom-cto-vakcina-sozdaet-nejroset-v-mozge-razoblacili-faktcekery>.

Целью статьи является разрешение образовавшейся в теории и практике журналистики терминологической неопределенности путем формулирования уточненных понятий и их дефиниций для каждого из работающих в разных направлениях фактчекинга специалистов. Для решения поставленной цели будет проведен анализ задач и функций, выполняемых каждым из двух рассматриваемых видов фактчекеров.

Основная часть. Функции редактора в процессе редакционной проверки материала. Как уже отмечалось ранее, задачей фактчекера является контроль качества журналистского материала перед его публикацией, что созвучно задаче редактора. Ввиду этого исследование резонно начать с определения роли и функций редактора в процессе редакционной проверки информации. Стоит оговориться, что в рамках исследования понятие «редактор» будет использоваться в широком значении – как «лицо, обрабатывающее и подготавливающее, редактирующее текст для печати...»⁸.

Прежде чем подготовленный (и уже верифицированный) журналистом материал появится в печати или на сайте онлайн-версии СМИ, он традиционно проходит несколько контрольных этапов, одним из которых является редакторский анализ: «выполняемый редактором прогностический процесс, цель которого, тщательно изучив предлагаемое к изданию произведение, определить, как оно будет воздействовать на читателя в целом и в деталях» [4, с. 332]. Функции редактора как участника процесса редакционной проверки точности и достоверности журналистского текста реализуются в ходе анализа фактического материала публикации: того, как факты передаются «средствами языка, обозначающими предметы, события, свойства, качества, состояния, наименования лиц, отношений, количества» [5, с. 112]. Традиционно выделяют три основных приема проверки фактического материала.

Первый прием – сравнение фактической информации внутри журналистского текста. При этом сопоставление фактов происходит на трех уровнях. На первом уровне «редактор соотносит, как в тексте представлен один и тот же факт, выявляет неточности и противоречия в повторяющихся и связанных между собой фактах и датах» [5, с. 119]; на втором уровне редактор соотносит представленные в журналистском тексте факты с собственными знаниями. На третьем уровне автор соотносит фактический материал с авторитетными источниками (словарями, энциклопедиями, отраслевой литературой и т.п.), что позволяет проверить «правильность статистических данных, проконтролировать корректность употребления узкоспециальных терминов и понятий, выявить несоответствия в рамках научного знания» [6, с. 97]. Следующим приемом редакторского анализа является конкретизация фактического материала, которая «помогает выявить недостоверность общих положений, уточнить неопределенные представления, за которыми часто кроется фактическая ошибка, предметно представить ситуацию во времени и пространстве, оценить достоверность найденных автором деталей, выявить ошибки в цифровых показателях, избежать хронологической неопределенности» [5, с. 120]. Наконец, учитывая высокую скорость подачи информации и требование оперативности от журналистов, редактор в случае сомнений в правильности представленных в публикации сведений может обратиться за официальным подтверждением факта, к которому апеллирует журналист.

Важно отметить, что сегодня роль редактора в работе с фактическим материалом сводится не столько к перепроверке представленных фактов, сколько к определению того, в какой мере эти факты уместны в качестве элементов повествования, способствуют раскрытию сути проблемы, убедительны в авторской аргументации. Данный тезис подтверждают результаты исследования процессов проверки информации в редакциях российских СМИ: «ответственность за публикацию некорректной информации в основном несет автор материала (23%) или делит ее с редактором (21%)» [7, с. 12].

Задачи и функции редакционного фактчекера. В прессе устоялась традиция тщательной проверки публикации до того, как она поступит в печать. Ссылки на корректоров впервые появились в периодических изданиях США в начале XVIII в. [8, с. 2], должность фактчекера получила развитие в крупных еженедельных журналах США в 1920-е гг. Автор «Чикагского руководства по фактчекингу» Брук Борел пишет, что фактчекер получает текст уже после того, как автор и редактор довели его до приемлемого, почти окончательного вида. Это упрощает фактчекинг, поскольку процесс редактирования обычно удаляет ряд фактов и создает новые по мере удаления, перестановки или добавления предложений. Соответственно, редакционный фактчекер коммуницирует уже не только с автором материала, но, в случае необходимости, и с его редактором [9, с. 32].

Область компетенций редакционного фактчекера включает стандартные для редактора фактчекинговые практики, в частности, перепроверку правильности написания имен и должностей, дат, возрастов, чисел, научной или технической терминологии, верного употребления слов, карт, инфографик, иллюстраций и фотографий (в том числе подписей к ним), а также перепроверку общеизвестных фактов. Также фактчекер подобно редактору работает в «серых» зонах, находящихся между случайными ошибками и умышленным нарушением журналистской этики, следит за тем, чтобы в текст не проникли предубеждения автора. В случае необходимости фактчекер может попробовать обойти подобные «серые» области, добавив в них как можно больше пояснений о том, на каких именно фактах основано то или иное утверждение. Например, если в публикации содержится смелое заявление журналиста об эффективности спорной новой медицинской процедуры, которую он перенес и всем сердцем одобряет, то фактчекер может прибегнуть к включению в статью не только опыта и взглядов журналиста, но также научной литературы или мнения медицинского эксперта, в котором эффективность этого лечения рассматривается в более широком контексте [9, с. 86]. Как замечает фактчекер Мишель Чиаррокка, «не совсем верно полагать, что мы просто

⁸ Редактор, Толковый словарь Ушакова [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1007642>.

проверяем правильность написания имен или возрастов людей, ведь, помимо этого, фактчекеру приходится хорошо покопаться в материале, в частности, посмотреть предысторию, углубиться в контекст, чтобы убедиться, что журналист выбрал правильную интонацию, а также еще раз перепроверить источники» [9, с. 34].

Вместе с тем функции фактчекера, в отличие от редактора, предполагают более глубокое проникновение в фактический материал. Ввиду этого в среде фактчекеров распространенной является практика требования от журналиста предоставления не только готового к публикации текста, но и его аннотированной копии со сносками на источники (в том числе анонимные), которые журналист использовал для каждого факта [9, с. 5]. Такие копии необходимы фактчекеру для того, чтобы иметь возможность тщательно проверить материал: «от мельчайших деталей до самых больших выводов, основанных на них»⁹.

Кропотливость работы фактчекера выражается и в том, что в ходе обработки материала проверке подвергаются описания мест и людей. Когда журналист может предоставить подтверждающий описание визуальный материал, задача фактчекера значительно упрощается, однако если визуального подтверждения от автора не имеется, фактчекеру зачастую приходится самому искать доказательства. Например, в случае необходимости подтверждения достоверности описаний географических мест, редакционный фактчекер может обратиться к инструментам вроде "Google Street View", предоставляющим изображения (или 3D-проекции) различных географических объектов. Также, если у фактчекера не имеется фотографий, подтверждающих достоверность описания внешности человека, он может напрямую обратиться к источнику. Как замечает Брук Борел: «однажды мне пришлось спросить эксперта по борьбе с вредителями, действительно ли у него были усы в 1999 году» [9, с. 76].

Вездливость фактчекеров получила отражение в массовой культуре. Так, с 2010 по 2012 гг. было выпущено два сезона юмористического телесериала "FCU: Fact Checkers Unit"¹⁰, рассказывающего о работе двух чрезмерно усердных фактчекеров. Начало сериалу положил короткометражный фильм с участием Билла Мюррея, в котором редакционные фактчекеры проверяют цитату актера о том, что стакан теплого молока на ночь помогает при проблемах со сном. Так, по сюжету фактчекеры пробираются домой к Биллу Мюррею и дожидаются пока тот наконец не выпивает на ночь стакан молока и засыпает, после чего фактчекеры с гордостью произносят: «Добрых снов, Билл Мюррей. Факт проверен»¹¹.

Противопоставляя рассмотренный выше традиционный план фактчекинга и его новое направление (установление достоверности циркулирующих в медиапространстве фактов), авторы исследования о фактчекинге в научной литературе, конкретизируют традиционный план фактчекинга до понятия «редакционный фактчекинг» ("editorial fact-checking") [10, с. 4]. Исходя из данного уточнения представляется резонным для обозначения специалиста, занимающегося данным видом фактчекинга, использовать понятие «редакционный фактчекер». В правомерности такой конкретизации можно убедиться при помощи запроса с точным вхождением словосочетания "editorial fact-checker" («редакционный фактчекер») в поисковую систему "Google". Результатом такого запроса является множество содержащих идентичную должность статей и резюме, что свидетельствует о распространенности в западной журналистике и такого варианта написания должности. Стоит отметить, что прилагательное «редакционный» в данном случае не предполагает того, что редакционный фактчекер должен обязательно являться сотрудником редакции и не может работать внештатно (или каким-либо иным образом).

Следовательно, редакционный фактчекер, подобно редактору также отчасти следит за ходом авторской мысли, логичностью повествования и доказательностью аргументации, однако он куда более скрупулёзен в проверке фактической точности даже самых незначительных деталей.

Задачи и функции журналиста-фактчекера. Как пишет К. Сильверман, фактчекинг приобрел новый, но в то же время связанный со своим основным значением характер, с запуском фактчекингового веб-сайта FactCheck.org¹², идея создания которого возникла благодаря книге Кэтлин Холл Джеймисон «Грязная политика», в которой критике подверглась американская президентская кампания 1988 года¹³. Так как первые отчеты о проверке опубликованных фактов/фактологических утверждений были связаны с заявлениями американских политиков, в англоязычной академической литературе данное направление фактчекинга стало тесно ассоциироваться с политической сферой, ввиду чего в некоторых работах обозначается понятием «политический фактчекинг» ("political fact-checking"), означающим «попытку контроля, состоящую в подтверждении публичных заявлений или публикаций, особенно сделанных политиками или другими лицами, находящимися у власти» [10, с. 4].

Противопоставляя данное направление фактчекинга традиционному, директор Колумбийского центра цифровой журналистики "Tow" Эмили Белл пишет: «проверка, которую осуществляют данные (прим. автора: фактчекинговые) организации, – это не внутренняя перепроверка перед публикацией, которую можно встретить в хорошо обеспеченных журналах, а независимый бизнес по проверке, развенчанию и исправлению неправды, которая уже была опубликована и широко распространена в Интернете»¹⁴.

⁹ Bloyd-Peshkin, Sh. Magazines find there's little time to fact-check online [Electronic resource] / Sh. Bloyd-Peshkin, S. Currie Sivek – URL: <https://www.cjr.org/b-roll/magazine-fact-checking-online.php>. – Date of access: 27.03.2022.

¹⁰ URL: <https://www.imdb.com/title/tt1688297>.

¹¹ URL: <https://vimeo.com/161973650>.

¹² URL: <https://datajournalism.com/read/handbook/verification-1/additional-materials/verification-and-fact-checking>.

¹³ URL: <https://almanac.upenn.edu/articles/factcheck.org-celebrating-15-years-of-holding-politicians-accountable>.

¹⁴ Bell, E. The Fact-Check Industry [Electronic resource] / E. Bell. – URL: https://www.cjr.org/special_report/fact-check-industry-twitter.php.

Стоит добавить, что несмотря на доминирование в новом направлении фактчекинга организаций и проектов, концентрирующихся на заявлениях представителей власти, фактчекингом также занимается множество проектов, проверяющих информацию о самых разных событиях и явлениях действительности. Например, первый российский фактчекинговый проект «Проверено.Медиа» занимается установлением достоверности фактов и слухов из широкого спектра областей, в том числе науки, медицины, истории, шоу-бизнеса. В частности, на сайте можно встретить статьи, посвященные ответам на такие вопросы, как «правда ли, что Земля стала вращаться быстрее?» или «правда ли, что для здоровья нужно проходить 10 000 шагов в день?».

В отличие от традиционного плана фактчекинга, в ходе которого редакционный фактчекер сам решает: публиковать материал или, в случае недостатка доказательств, подтверждающих достоверность представленных в материале фактов, отправить его на доработку, объектом рассмотрения нового направления фактчекинга являются факты/фактологические утверждения, уже получившие распространение в Сети и, возможно, с каждой минутой вводящие быстро растущие аудитории в заблуждение. Ввиду этого данный план фактчекинга допускает вынесение фактам не только классических для журналистики вердиктов о правдивости или ложности, но также выставление им отметок относительной достоверности, для чего фактчекинговые организации применяют градационные шкалы.

Существует множество вариаций подобных градационных шкал, так называемых «правдометров»¹⁵. Одной из наиболее известных является используемая проектом "PolitiFact" «шкала истинности» ("Truth-O-Meter"), которая состоит из шести пунктов: «правда»; «в основном правда»; «наполовину правда»; «в основном ложь»; «ложь»; а также оценка, обозначаемая идиомой "pants on fire", что аналогично выражению «на воре и шапка горит», то есть, «откровенная ложь»¹⁶. При вынесении вердикта работники "PolitiFact" оценивают множество факторов, среди которых анализ формы выражения фактологического утверждения: «является ли оно сухой репрезентацией факта или имеет и смягчающие слова и выражения» и учет «полного контекста, в который погружено высказывание» [11, с. 49]. Как пишет фактчекер организации "Snopes" Мэдисон Дапцевич, «редко мы видим сообщение, которое является исключительно "правдой" или "ложью", чаще всего мы сталкиваемся с утверждениями или слухами, в которых отсутствует важный нюанс»¹⁷.

Следовательно, задача фактчекера сводится к установлению достоверности уже циркулирующих в медиапространстве фактов/фактологических утверждений. Для этого фактчекер проводит анализ факта, в ходе которого устанавливает необходимые для его верификации детали. При этом при построении своего исследования фактчекер прибегает к использованию только официальных источников информации, а «комментарии и экспертные выводы используются в доказательной базе только в том случае, если они опираются на документальные свидетельства и данные из открытых источников» [1, с. 25]. Результатом работы фактчекера становится материал, построенный по схеме: «фактологическое утверждение с указанием авторства (factual claim), основанная на открытых данных проверка достоверности утверждения, вынесение суждения о соответствии утверждения реальности»¹⁸. В своих исследованиях фактчекеры последовательно и аргументированно раскрывают, почему тот или иной факт является истинным или ложным (или обладает промежуточным уровнем достоверности). Подобные материалы требуют от фактчекеров немало времени и усилий: «специалистам требуется около одного дня, чтобы исследовать и написать стандартную статью об одном фактологическом утверждении»¹⁹.

Как можно заметить, методология фактчекинговых исследований и формат фактчекинговых публикаций весьма схожи с практикой журналистских расследований. Как замечает А. Гороховский, «фактчекинг в современной форме является вариантом журналистского расследования, потому что, по сути, имеет похожие общие структурные элементы» [1, с. 24]. Ввиду того, что методология фактчекинга и форматные особенности фактчекинговых публикаций схожи с классическим журналистским расследованием, представляется резонным, наподобие уже закрепившегося в русскоязычном дискурсе понятия «журналист-расследователь», использовать для определения специалиста, занимающегося данным направлением фактчекинга, понятие «журналист-фактчекер».

Заключение. Сегодня в журналистике существуют два направления фактчекинга. Первое направление фактчекинга представляет собой процесс перепроверки представленных в журналистском материале фактов и иной сопутствующей им информации. Второе концентрируется на установлении достоверности уже получивших распространение в медиапространстве фактов/фактологических утверждений. Оба направления фактчекинга реализуются в журналистике посредством деятельности двух специалистов: редакционного фактчекера и журналиста-фактчекера. Задачей *редакционного фактчекера* является перепроверка представленных в журналистском материале фактов и сопутствующей им информации. Данный сотрудник обеспечивает «дополнительный "свежий взгляд" на статью и более серьезную гарантию точности публикации» [3, с. 186]. Задачей *журналиста-фактчекера* является исследование уже циркулирующего в медиапространстве факта/фактологического утверждения с целью установления его достоверности. При этом данный план фактчекинга предполагает вынесение не

¹⁵ Ли, В. Словарь фактчекера / В. Ли. – URL: <https://factcheck.kz/glavnoe/slovar-faktchekera>.

¹⁶ URL: <https://www.politifact.com/article/2018/feb/12/principles-truth-o-meter-politifacts-methodology-i/>.

¹⁷ Dapcevic, M. I'm a fact-checker at Snopes, the internet's authority on viral hoaxes. Here's how I tell if news is fake [Electronic resource] / M. Dapcevic. – URL: <https://www.businessinsider.com/how-to-tell-if-news-is-fake-snopes-fact-checker-2022-3>. – Date of access: 27.03.2022

¹⁸ Критерии отбора материала для проверки [Электронный ресурс]. – URL: <https://factcheck.kz/kriterii-otbora-materiala-dlya-proverki>. – Дата доступа: 27.03.2022.

¹⁹ Hassan, N. Quest to Automate Fact-Checking [Electronic resource] / N. Hassan, B. Adair, J. Hamilton, Ch. Li, M. Tremayne, J. Yang, C. Yu. – URL: <http://cj2015.brown.columbia.edu/papers/automate-fact-checking.pdf>. – Date of access: 27.03.2022.

только однозначных вердиктов о правдивости/ложности рассматриваемых фактов, но и выставление им отметок относительной достоверности. В основном, журналист-фактчекер контролирует достоверность фактологических утверждений представителей власти, но также может исследовать самые разные факты действительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гороховский, А. Фактчекинг как тренд журналистских расследований: возможности и перспективы / А. Гороховский. – Алматы : «Дом Печати Баспагер», 2017. – 111 с.
2. Ireton, Ch. Journalism, "Fake News" and Disinformation / Ch. Ireton, J. Posetti. – Paris : UNESCO, 2018. – 128 p.
3. Мультимедийная журналистика / А.Г. Качкаева [и др.] ; под общ. ред. А.Г. Качкаевой, С.А. Шомовой. – М. : «Высшая Школа Экономики (ВШЭ)», 2017. – 272 с.
4. Мильчин, А.Э. Издательский словарь-справочник / А.Э. Мильчин. – М. : Юристъ, 1998. – 472 с.
5. Накорякова, К.М. Справочник по литературному редактированию для работников средств массовой информации / К.М. Накорякова. – М. : «Флинта, Наука», 2010. – 200 с.
6. Зеленко, С.В. Имитация факта в дискурсе СМИ и факт-чекинг медиатекста / С.В. Зеленко // Мировоззренческая парадигма в философии: онтогносеология : сб. ст. / Нижегород. гос. архитектур.-строит. ун-т ; редкол.: М.М. Прохоров [и др.]. – Н. Новгород : ННГАСУ, 2019. – С. 96–100.
7. Соколова, Д.В. Фактчекинг и верификация информации в российских СМИ: результаты опроса / Д.В. Соколова // Вестник МГУ. Сер. 10. Журналистика. – 2018. – № 4. – С. 3–25. DOI: <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.4.2018.325>.
8. Graves, L. Deciding What's True: Fact-Checking Journalism and the New Ecology of News. Diss. / L. Graves. – COLUMBIA UNIVERSITY, 2013. – 304 p.
9. Borel, B. The Chicago guide to fact-checking. – University of Chicago Press, 2016. – 174 p. DOI: <https://doi.org/10.7208/chicago/9780226291093.001.0001>.
10. The State of Fact-Checking in Science Journalism / B. Borel, K. Sheikh, F. Husain, A. Junger, E. Biba, D. Blum & V. Urcioli // Cambridge, MA: Massachusetts Institute of Technology Knight Science Journalism Program. – 2018. – 57 p.
11. Белоедова, А.В. Явление фактчекинга в современных журналистских практиках / А.В. Белоедова // Дискурсология и медиакритика средств массовой информации : сб. науч. работ Междунар. науч.-практ. конф., Белгород, 4–7 окт. 2017 г. / Под ред. А.В. Полонского [и др.]. – Белгород : ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2017. – С. 47–53.

Поступила 13.04.2022

**EDITORIAL FACT-CHECKER AND FACT-CHECKER JOURNALIST:
TO THE DETERMINATION OF TASKS AND FUNCTIONS**

I. KOROLEV

The increase in the volume and speed of spread of falsity information, which occurred against the background of technical and social mediatization, became the reason for the emergence of the practice of fact-checking in journalism – establishing the veracity of facts/factual claims already circulating in the media space. In the theory and practice of journalism, the specialists performing this function are called fact-checkers. At the same time, in Western journalism, for about a century, fact-checkers have been known as specialists who carry out a different direction of fact-checking – control of the accuracy and veracity of journalistic text before its publication. Thus, today in the academic literature the same concept denotes two types of fact-checkers working in two close, but not identical, directions of fact-checking. This article attempts to formulate clarified concepts and their definitions for each of the two types of fact-checkers.

Keywords: *fact-checker, editorial fact-checker, fact-checker journalist, fact-checking, editorial fact-checking, political fact-checking, factual claim.*

УДК 81'373(=161.3+112.2)

СУПАСТАЎЛЯЛЬНЫ АНАЛІЗ БЕЛАРУСКІХ І НЯМЕЦКІХ ФРАЗЕАЛАГІЗМАЎ І ПАРЭМІЙ
З БІБЛЕЙСКІМІ АНТРАПОНІМАМІ

канд. філал. навук, дац. С.С. МАСЛЕНІКАВА
(Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Я. Купалы)
e-mail: swetlana-mas@tut.by

У артыкуле апісваюцца ў супастаўляльным аспекце выяўленьня з фразеалагічных і парэміялагічных слоўнікаў беларускія і нямецкія ўстойлівыя адзінкі з біблейскімі кампанентамі, якія абазначаюць уласныя імёны і прозвішчы чалавека (*Адам, Ева, Каін, Ісус Хрыстос, Марыя, Іосіф, Фама, Іуда, Пётр, Павел (Саўл), Абрам, Мафусаіл, Ной, Іарэд, Лаван, Якаб, Валтасар, Гог, Понціый Пілат, Корах, Вельзевул, Давід, Голіаф, Йонатан, Валаам*) і іх дэрываты. Вызначаюцца поўныя эквіваленты ў абедзвюх мовах. Асобна падаюцца ўстойлівыя выразы, якія сустракаюцца толькі ў беларускай мове ці маюць месца выключна ў нямецкай мове. Упершыню ажыццяўляецца іх колькасны падлік і вызначаецца роля ў папаўненні фразеалагічнага і парэміялагічнага фондаў абедзвюх моў. Гэта робіць магчымым разгледзець уплыў Бібліі на носьбітаў беларускай і нямецкай моў, а таксама вызначыць агульныя і адметныя рысы ў моўных карцінах абодвух народаў і іх менталітэтах.

Ключавыя словы: антрапонім, беларуская мова, Біблія, нямецкая мова, парэмія, фразеалагізм.

Уводзіны. Аб значнай ролі Бібліі ў жыцці людзей, у нашым выпадку беларусаў і немцаў, сведчыць вялікая колькасць выяўленых у іх мовах фразеалагізмаў і парэмій з кампанентам, які абазначае біблейскі антрапонім. Згодна “Слоўніку лінгвістычных тэрмінаў” П.У. Сцяцко «антрапонім – уласнае імя чалавека, у тым ліку прозвішча, імя, імя па бацьку, мянушка, псеўданім» [1, с. 21]. Нашай увазе падпалі беларускія і нямецкія фразеалагічныя адзінкі, прыказкі і прымаўкі, у склад якіх уваходзяць імёны і прозвішчы біблейскіх персанажаў. Параўнальна-супастаўляльны аналіз такіх устойлівых адзінак дазволіць выявіць іх ролю ў папаўненні фразеалагічнага і парэміялагічнага фондаў беларускай і нямецкай моў, а таксама вызначыць агульныя і адметныя рысы іх выкарыстання ў разгледжаных мовах, што зробіць магчымым убачыць ролю Бібліі ў жыцці беларусаў і немцаў.

Матэрыял для нашага даследавання (фразеалагізмы, прыказкі і прымаўкі з адзначанымі кампанентамі, у тым ліку і іх дэрыватамі) быў выяўлены метадам суцэльнай выбаркі з актуальных нямецкіх і беларускіх слоўнікаў фразеалагізмаў, прыказак і прымавак [2–8].

Асноўная частка. Зразумела, што часцей за ўсё ў разгледжаных устойлівых адзінках сустракаецца імя першага чалавека, які паводле Бібліі даў род усяму чалавецтву, *Адам*. Гэта фразеалагізмы, поўныя эквіваленты ў беларускай і нямецкай мовах: *скінуць з сябе ветхага Адама* = *den alten Adam ausziehen* ‘вызваліцца ад старых прывычак, поглядаў і стаць іншым чалавекам’; у *касцюме Адама* = *im Adamskostüm* ‘без усякага адзення, голы (пра мужчыну)’; а таксама наступныя фразеалагізмы толькі ў беларускай мове: *ад Адама* ‘з даўніх часоў, здаўна; здалёк, не адразу прыступаючы да сутнасці справы’; *Адамаў яблык* ‘другая назва кадэка ў мужчын’; і толькі ў нямецкай мове: *der alte Adam* ‘літар. стары Адам; першародны грэх (старыя звычкі, погляды, перажыткі мінулага)’; *der alte Adam regte sich* ‘літар. стары Адам заварушыўся; прачнуліся старыя інстынкты’; *seit Adams Zeiten (Tagen)* ‘літар. з часу (дней) Адама; з тых часоў, як можна памятаць’.

Імя жонкі Адама *Ева* мае месца ў складзе як беларускага, так і нямецкага фразеалагізмаў, якія з’яўляюцца поўнымі эквівалентамі: у *касцюме Евы* = *im Evaskostüm* ‘без усякага адзення, голая. Пра жанчыну’; толькі нямецкага ўстойлівага выразу: *eine Tochter Evas* ‘літар. дачка Евы; 1. пыхлівая дзяўчына; 2. жанчына’.

Адразу імёны абодвух прабацькаў чалавечага роду *Адам* і *Ева* сустракаюцца ў двух нямецкіх фразеалагізмах: *bei Adam und Eva anfangen* ‘літар. пачынаць ад Адама і Евы; з самага пачатку’; *von Adam und Eva stammen* ‘літар. паходзіць з Адама і Евы; быць даўно вядомым, старажытным’.

Імя старэйшага сына Адама і Евы паводле біблейскага падання *Каін* уваходзіць у склад беларускага фразеалагізма *каінава пячаць* ‘след злачыннасці’.

Цэнтральная фігура хрысціянства *Ісус Хрыстос* / *Jesus Christus* прадстаўлена ў беларускіх фразеалагізмах: як у *Бога (у Хрыста) за пазухай* ‘1. вельмі добра, прывольна і бесклапотна (жыць, расці, адпачываць і пад.); 2. спакойна і ў поўнай бяспецы (быць, знаходзіцца, сядзець і пад.)’; *конь Божы (Ісусаў)* ‘тупы, неразумны чалавек’; *Хрыстом-Богам* ‘вельмі шчыра і настойліва’; *Богава (Хрыстова) нявеста* ‘1. манашка; 2. немалая незамужняя жанчына’; у нямецкіх фразеалагізмах: *wie das Leiden Christi aussehen* ‘літар. выглядаць як пакуты Хрыста; выглядаць дрэнна, жаласна’; *nicht alle auf dem Christbaum haben* ‘літар. не ўсіх мець на каляднай ёлцы; быць не пры сваім розуме’; *etwas mit dem Mantel der christlichen Nächstenliebe (der Barmherzigkeit) zudecken* ‘літар. нешта пакрываць палітом хрысціянскай любові да бліжняга (міласэрнасці); велікадушна не заўважаць якую-небудзь памылку, нешта вартае ганьбы’; у адной беларускай прыказцы: *Бог (Хрыстос) цягне і нам вялеў* ‘Кажуць часам жартаўліва таму, хто перажывае цяжкасці або церпіць няўдачы’.

Імя *Jesus* / *Ісус* разам з імёнамі яго зямных бацькоў *Maria* / *Марыя* і *Iosif* / *Josef* мае месца ў нямецкім фразеалагізме *Jesus, Maria (und Josef)* ‘літар. Ісус, Марыя (і Іосіф); вокліч сполаху, здзіўлення і т.п.’.

Сярод імёнаў 12 апосталаў Ісуса Хрыста сустракаюцца наступныя імёны:

Фамма / Thomas – у беларускім і нямецкім фразеалагізмах, поўных эквівалентах: **Фамма няверны** (*няверуючы*) = *ein ungläubiger Thomas* ‘чалавек, якога цяжка прымусіць паверыць чаму-небудзь’;

Іуда (Юда) – у беларускай фразеалагічнай адзінцы: **Іудаў (Юдаў) пацалунак** (*пацалунак Юды*) ‘здрадніцкі ўчынак пад маскай добразычлівасці, сяброўства’;

Пётр / Peter – у нямецкай прыказке: *Wem Gott wohl will, dem will Sankt Peter nicht übel* ‘літар. Каму Бог спрыяе, таму не хоча зла святы Пётр; Бог не выдасць, свіння не з’есць’.

Імя апостала, які не ўваходзіць у лік 12 апосталаў і лічыцца язычніцкім, – **Павел (Саўл) / Paulus (Saulus)**, мае месца ў адным нямецкім фразеалагізме: *aus einem Saulus zu einem Paulus werden* ‘літар. з Саўла стаць Паўлам; з праціўніка якіх-небудзь поглядаў ператварыцца ў іх заўзятга абаронцу, перарадзіцца, стаць іншым чалавекам’.

У выяўленых фразеалагізмах ёсць акрамя **Адама** імёны і іншых патрыярхаў:

Абрам (Абрагам) / Abraham: *адпраўляцца (ісці, ехаць) да Абрама (Абрагама) на ніва* ‘паміраць’ (*адправіцца (найсці, паехаць) да Абрама (Абрагама) на ніва* ‘памерці’); *in Abrahams Schoß sitzen (kommen)* ‘літар. сядзець (прыходзіць) у лоне Абрама; жыць як у раі, у Хрыста за пазухай’; (*wie*) *in Abrahams Schoß* ‘літар. (як) у лоне Абрама; абсалютна бяспечна, які знаходзіцца ў бяспечным месцы’; *noch in Abrahams Wurstkessel sein* ‘літар. быць яшчэ ў каўбасным чыгунку; быць яшчэ не народжаным’;

Мафусаіл / Methusalem: *Мафусаілаў век* ‘вельмі доўгае жыццё, даўгаеце’; *alt wie Methusalem* ‘літар. стары як Мафусаіл; вельмі стары чалавек’;

Ной / Noah: *aus der Arche Noah* ‘літар. з каўчэга Ноя; з дапапопнага часу, дапапопны’; *der Kasten Noahs* ‘літар. Ноеў каўчэг; нешта ўстарэлае, дапапопнае’;

Іарэд (Арэд): Арэдавы *вякі* ‘вельмі доўга (жыць, пражыць)’;

Лаван / Лаван: *ein langer Laban* ‘літар. доўгі Лаван; высокі, вялікі чалавек’.

Імя ўнука Абрама **Jacob / Якаб** уваходзіць у склад нямецкага фразеалагізма: (*nicht*) *der wahre Jacob sein* ‘літар. (не) быць сапраўдным Якабам; менавіта той, хто (не) патрэбен’.

Сярод іншых біблейскіх персанажаў часцей за ўсё сустракаюцца ў беларускіх фразеалагізмах імёны цароў – **Валтасар**: *Валтасараў баль* ‘вясёлае, легкадумнае існаванне каго-небудзь у бядотную для іншых часіну’; **Гог**: *Gog i Magog* ‘люты чалавек, які выклікае страх’; у нямецкіх ідыёмах – разам імя і прозвішча рымскага кіраўніка Іўдзеі **Pontius Pilatus / Понціў Пілат**: *von Pontius zu Pilatus laufen* ‘літар. бегаць ад Понція да Пілата; бегаць ад аднаго месца (установы і таму падобнае) да іншага (каб чаго-небудзь дасягнуць)’; *von Pontius zu Pilatus schicken* ‘літар. пасылаць ад Понція да Пілата; адсылаць ад аднаго месца (установы і таму падобнае) да іншага (каб чаго-небудзь дасягнуць)’; толькі прозвішча **Pilatus / Пілат**: *man gedenkt seiner wie der Pilatus im Credo* ‘літар. аб ім успамінаюць як аб Пілаце ў Катэхізісе; ён пакінуў аб сабе дрэнную памяць’; імя лідара паўстання супраць Маісея **Korah, Korach / Корах**: *eine Rotte Korah* ‘літар. натоўп Кораха; вялікая колькасць шумных людзей’; і кіраўніка дэманаў у Новым Заавеце **Beelzebub / Вельзевул**: *den Teufel durch Beelzebub austreiben* ‘літар. выганяць чорта Вельзевулам; клін клінам выбіваць’.

Адразу па два біблейскія кампаненты-антрапонімы ўваходзіць у склад двух нямецкіх фразеалагічных адзінак – разам з імем цара **David / Давід** ужываецца імя воіна **Goliath / Галіаф**: *David und Goliath* ‘літар. Давід і Галіаф; маленькі і вялікі’; і з імем пераемніка прастола **Jonathan / Ёнатан**: *David und Jonathan* ‘літар. Давід і Ёнатан; неразлучныя сябры’.

Яшчэ адно імя біблейскага персанажа, чараўніка, **Валаам** уваходзіць у склад беларускага фразеалагізма: **Валаамава асліца** ‘пакорны, маўклівы чалавек, які раптам выказаў сваю думку або нязгоду, пратэст’.

Заклучэнне. Як паказвае наша даследаванне, Біблія мае вялікае значэнне як для беларусаў, так і для немцаў. Аб гэтым сведчыць наяўнасць выяўленых 17 беларускіх і 37 нямецкіх фразеалагізмаў і па адной парэміі ў кожнай мове з біблейскім антрапонімам. Гэта імёны першага паводле Бібліі чалавека (**Адам**), яго жонкі (**Ева**), іх сына (**Кайн**); прозвішча цэнтральнай фігуры хрысціянства (**Ісус Хрыстос**), яго зямных бацькоў (**Марыя і Іосіф**), яго апосталаў (**Фамма, Іуда, Пётр**); язычніцкага апостала (**Павел / Саўл**); іншых патрыярхаў (**Абрам, Мафусаіл, Ной, Іарэд, Лаван**) і ўнука Абрама (**Якаб**); а таксама цароў (**Валтасар, Гог, Давід**), рымскага кіраўніка (**Понціў Пілат**); пераемніка прастола (**Ёнатан**); лідара паўстання супраць Маісея (**Корах**); кіраўніка дэманаў (**Вельзевул**); воіна (**Галіаф**); чараўніка (**Валаам**) – усяго 25 біблейскіх кампанентаў-антрапонімаў. Пяць з іх маюць месца толькі ў беларускай мове (**Іуда, Іарэд, Валтасар, Гог, Валаам**); 14 – толькі ў нямецкай мове (**Кайн, Ісус, Марыя, Іосіф, Павел (Саўл), Ной, Лаван, Якаб, Понціў Пілат, Корах, Вельзевул, Давід, Галіаф, Ёнатан**); шэсць антрапонімаў (**Адам, Ева, Хрыстос, Фамма, Абрам, Мафусаіл**) сустракаюцца ва ўстойлівых выразях абедзвюх моў.

Наяўнасць сярод выяўленых у нямецкай мове 37 фразеалагізмаў і адной прыказкі з 15 біблейскімі антрапонімамі, якія маюць месца толькі ў нямецкіх устойлівых адзінках, а таксама ўваход адразу трох біблейскіх кампанентаў-антрапонімаў у склад аднаго ўстойлівага выразу (**Jesus, Maria (und Josef)**); двух – у склад чатырох фразеалагізмаў (*bei Adam und Eva anfangen; von Adam und Eva stammen; David und Goliath; David und Jonathan*) служыць доказам значнай ролі Бібліі для носьбітаў нямецкай мовы. Аб яе значным уплыве на жыццё беларусаў, што таксама адлюстравана і ў іх мове, дазваляе сцвярджаць наяўнасць выяўленых у ходзе даследавання 17 фразеалагізмаў і адной парэміі, у складзе якіх маюць месца пяць біблейскіх кампанентаў-антрапонімаў, якія сустракаюцца выключна ў беларускіх устойлівых выразях. Выяўленыя ў беларускай і нямецкай мовах фразеалагічныя адзінкі і адна парэмія з адрознымі ў абедзвюх мовах біблейскімі кампанентамі-антрапонімамі служыць доказам адметнасці абедзвюх моў, а таксама адрознага ўплыву на іх Бібліі.

Нягледзячы на далёкую роднасць беларускай і нямецкай моў і значныя адрозненні ў менталітэтах беларусаў і немцаў, у ходзе даследавання выяўлены шэсць біблейскіх антрапонімаў, якія ўвходзяць у склад 12 беларускіх і 19 нямецкіх устойлівых выразаў. І ў беларускай, і ў нямецкай мовах часцей за ўсё сустракаюцца біблейскія антрапонімы *Адам* (у чатырох і сямі фразеалагізмах суадносна) і *Хрыстос* (у чатырох фразеалагічных адзінках і адной парэміі ў беларускай мове і ў трох нямецкіх фразеалагізмах), што сведчыць аб значнасці гэтых біблейскіх персанажаў як для беларусаў, так і для немцаў. Гэты факт, а таксама наяўнасць сярод разгледжаных беларускіх і нямецкіх фразеалагізмаў поўных эквівалентаў (*скінуць з сябе ветхага Адама* = *den alten Adam ausziehen*; у *касцюме Адама* = *im Adamskostüm*; у *касцюме Евы* = *im Evaskostüm*; *Фаманяверны* (*няверуючы*) = *ein ungläubiger Thomas*) служыць доказам пэўнай роднасці двух моў і некаторых агульных рысаў у менталітэце беларусаў і немцаў.

ЛІТАРАТУРА

1. Сцяцко, П.У. Слоўнік лінгвістычных тэрмінаў / П.У. Сцяцко, М.Ф. Гуліцкі, Л.А. Антанюк. – Мінск : Выш. шк., 1990. – 222 с.
2. Лепешаў, І.Я. Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы. У 2 т. / І.Я. Лепешаў. – Мінск : БелЭн, 1993. – Т. 1.: А – Л. – 590 с.
3. Лепешаў, І.Я. Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы. У 2 т. / І.Я. Лепешаў. – Мінск : БелЭн, 2008. – Т. 2.: М – Я. – Выд. 2-е, дап. і выпр. – 968 с.
4. Лепешаў, І.Я. Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў / І.Я. Лепешаў. – Мінск : БелЭн, 2004. – 448 с.
5. Немецко-русский фразеологический словарь / сост. Л.Э. Бинович ; под ред. С.И. Константиновой. – М.: Аквариум, 1995. – 768 с.
6. Лепешаў, І.Я. Тлумачальны слоўнік прыказак / І.Я. Лепешаў, М.А. Якалцэвіч. – Гродна : ГрДУ, 2011. – 695 с.
7. Граф, А.Е. Словарь немецких и русских пословиц / А.Е. Граф. – СПб.: Лань, 1997. – 287 с.
8. Der Duden in zwölf Bänden. Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik. – Band 11 / Herausgegeben von der Dudenredaktion. – Berlin: Dudenverlag, 2013. – 928 S.

Пасмуніў 09.03.2022

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ БЕЛОРУССКИХ И НЕМЕЦКИХ ФРАЗЕАЛОГИЗМОВ И ПАРЕМИЙ С БИБЛЕЙСКИМИ АНТРОПОНИМАМИ

С.С. МАСЛЕННИКОВА

В статье описываются в сопоставительном аспекте выявленные в фразеологических и паремиологических словарях белорусские и немецкие устойчивые единицы с библейскими компонентами, обозначающими собственные имена и прозвища человека (*Адам, Ева, Каин, Иисус Христос, Мария, Иосиф, Фома, Иуда, Пётр, Павел (Саул), Авраам, Мафусаил, Ной, Иаред, Лаван, Иаков, Валтасар, Гог, Понтий Пилат, Корач, Вельзевул, Давид, Голиаф, Йонатан, Валаам*) и их дериваты. Отмечаются полные эквиваленты в обоих языках. Отдельно подаются устойчивые выражения, встречающиеся только в белорусском языке или имеющие место исключительно в немецком языке. Впервые осуществляется их количественный подсчет и определяется роль в пополнении фразеологического и паремиологического фондов обоих языков. Это дает возможность рассмотреть влияние Библии на носителей белорусского и немецкого языков, а также определить общие и особенные черты в языковых картинах обоих народов и их менталитетах.

Ключевые слова: антропоним, белорусский язык, Библия, немецкий язык, паремия, фразеологизм.

COMPARATIVE ANALYSIS OF BELARUSIAN AND GERMAN PHRASEOLOGICAL UNITS AND PAREMIAS WITH BIBLE ANTHROPONYMS

S. MASLENNIKOVA

The article describes in a comparative aspect Belarusian and German set expressions with the Bible components: personal names and surnames (*Adam, Eve, Cain, Jesus Christ, Maria, Joseph, Thomas, Judas, Peter, Paul (Saul), Abram, Methuselah, Noah, Iared, Lavan, Jacob, Belshazzar, Gog, Pontius Pilate, Korach, Beelzebub, David, Goliath, Jonathan, Balaam*) and their derivatives, identified on the material of actual phraseological and paremiological dictionaries. The full equivalents are determined in the two languages. Set expressions that are found only in Belarusian and only in German are given separately. For the first time their quantity is counted and their role in the phraseological and paremiological funds replenishing of the two languages is determined. It makes possible to consider the influence of the Bible on Belarusian and German speakers and also determines the similarities and differences in the linguistic pictures of the world and the mentality of the two peoples.

Keywords: anthroponym, Belarusian, Bible, German, paremia, phraseological unit.

УДК 821.111(73).09(043.3)

«ОПЕРАЦИЯ “ШЕЙЛОК”. ПРИЗНАНИЕ» ФИЛИПА РОТА КАК МЕТАРОМАН

А.В. НАНОС

(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)

В статье рассматриваются художественно-повествовательные характеристики романа «Операция “Шейлок”. Признание» американского писателя Филипа Рота. Среди них – рефлексия над текстом, автобиографичность, интертекстуальность, историографичность и нелинейная структура сюжета. Совокупность этих характеристик позволяет отнести произведение к метароману, т.е. роману, для которого характерно изображение не только мира героев, но и процесса создания этого мира. Используя подобную двуплановость, Филип Рот размышляет о том, насколько зыбка граница между реальными и вымышленными событиями, подчеркивает ошибочность постановки знака равенства между писателем и создаваемыми им персонажами, а также исследует вопрос поиска идентичности.

Ключевые слова: Филип Рот, метароман, саморефлексия, интертекстуальность, автобиографичность, историографичность, фрагментарность.

Введение. «Операция “Шейлок”. Признание» (*Operation Shylock: A Confession*, 1993) – девятнадцатая книга американского писателя Филипа Рота (*Philip Roth*, 1933–2018). Выходец из семьи еврейских иммигрантов, Рот постоянно поднимал в своих произведениях проблему идентичности, чаще всего – этнической. Начиная с 1970-х гг., к ней добавилась тема соотношения реальности и вымысла в литературе. В романах «Другая жизнь», «Факты», «Обман» писатель пытается создать органичный сплав автобиографии и вымысла, делает невозможным однозначное прочтение текста [1, с. 251].

Вопрос об отношении искусства и реальности актуален для литературы второй половины XX века, которая развивалась в тесной связи с философскими концепциями деконструктивизма (Ж. Деррида), «смерти Автора» (Р. Барт) и симулякров (Ж. Бодриар). Происходит смещение в сторону более свободного отношения к таким традиционным литературным условностям, как первостепенность сюжетной составляющей произведения, реалистическая интерпретация текста или устоявшаяся система персонажей. На первое место выдвигается форма произведения, а традиционные интерпретации искусства и прекрасного становятся более раскрепощенными [2, с. 66]. Роман как основной жанр постмодернистской эпохи сосредоточил наиболее существенные черты нового периода. При этом одной из важнейших разновидностей постмодернистского романа становится метароман.

Термины «метапроза» и «метароман», наряду с их английским эквивалентом *metafiction*, широко используются в современном литературоведении. Категория «метапроза» появляется в работах западных литературоведов в 1970-е – 1980-е гг. По мнению многих теоретиков постмодернизма, термин впервые ввел американский писатель У. Гэсс в сборнике эссе «Литература и фигуры жизни» (*Fiction and Figures of Life*, 1970) [3]. Вслед за Гэссом, концепцию метапрозы как особого типа повествования развивали Л. Хатчен [4] и П. Во [5]. В российском литературоведении заметным теоретиком метапрозы является М. Липовецкий [6]. Но выявляя комплекс характеристик метаповествования, Липовецкий, как У. Гэсс, Л. Хатчен и П. Во, всё же не ставит вопрос об определении инварианта жанра метаромана и его границах. На это обращает внимание В.Б. Зусева-Озкан в своей монографии «Историческая поэтика метаромана» [7]. Определяя метароман как «двуплановую художественную структуру, где предметом для читателя становится не только «роман героев», но и мир литературного творчества, процесс создания этого “романа героев”» [3, с. 35], российская исследовательница предлагает считать авторскую саморефлексию инвариантом жанра, то есть константной структурой, которая обнаруживается в каждом подобном произведении [7, с. 35]. Метароман вобрал в себя и другие характеристики постмодернистской литературы – интертекстуальность, пародирование и иронию, отказ от линейности сюжета, обращение к истории. Все эти характеристики обнаруживаются в романе Филипа Рота «Операция “Шейлок”. Признание».

Основная часть. *Рефлексия над текстом.* В романе «Операция “Шейлок”. Признание» Ф. Роту удалось достичь неразличимости правды и вымысла путем использования нескольких приемов. В их числе – рефлексия над текстом. Саморефлексия становится частым явлением в произведениях писателей-постмодернистов, многие из которых, включая Ф. Рота, были теоретиками литературы (У. Эко, Д. Барнс, В. Набоков). Ф. Рот одним из первых выразил отчаяние из-за неспособности представить современные реалии средствами традиционного романа. Проблему он видел в том, что «американский писатель середины XX века был занят попытками понять, описать, а затем сделать правдоподобной американскую действительность»¹ [8, р. 167 – здесь и далее перевод наш – А.Н.]. Но реальность зачастую затмевала попытки её репрезентации. В своей книге «Читая себя и других» (*Reading Myself and Others*, 1975) Ф. Рот сетует: «Это вводит в заблуждение, это вызывает тошноту, это приводит в ярость и, наконец, это вызывает даже некое чувство стыда – осознание того, насколько скудно наше воображение. Реальность постоянно превосходит наши таланты, а культура почти ежедневно подбрасывает сюжеты, которым может позавидовать любой писатель»² [8, р. 167–168].

¹ The American writer in the middle of the twentieth century has his hands full in trying to understand, describe, and then make credible much of American reality.

² It stupifies, it sickens, it infuriates, and finally it is even a kind of embarrassment to one's meager imagination. The actuality is continually outdoing our talents, and the culture tosses up figures almost daily that are the envy of any novelist.

В романе «Операция “Шейлок”. Признание» саморефлексия проявляется в комментариях автора по поводу написания произведения. Ф. Рот сам выступает в роли главного героя, а его первый комментарий появляется ещё в предисловии: «Я писал «Операцию “Шейлок”», опираясь на дневниковые записи в своих блокнотах. Эта книга – максимально достоверный, насколько это возможно, отчет о реальных событиях, которые приключились со мной на шестом десятке лет и завершились в начале 1988 года, когда я согласился в ходе особой операции собрать информацию для «Моссада», израильской службы внешней разведки»³ [9, с. 9]. Почти половина предисловия романа посвящена описанию реального исторического события – первого судебного процесса предполагаемого военного преступника Ивана (Джона) Демьянюка. Затеявая игру с фактами и переплетая их с вымыслом, уже в самом начале Ф. Рот показывает, насколько зыбка граница между ними. Кроме того, сюжетная линия судебного процесса, на котором пытаются выяснить, кто же на самом деле подсудимый, – военный преступник или обыкновенный американский рабочий – способ разобраться в себе и поднять в романе проблему идентичности.

Таким образом, прочтение одного лишь предисловия позволяет увидеть рефлексию над текстом в романе «Операции “Шейлок”. Признание». Скрупулезно подбирая факты и делая акцент на них, Ф. Рот начинает постмодернистскую игру, пытается стереть границы между реальностью и художественной литературой. Вместе с тем он создает эффект присутствия реального творца в своем произведении, одновременно являясь героем вымышленного мира.

Писатель рефлексировал над созданием романа и в эпилоге. Вместо того, чтобы закончить повествование обычным образом, Ф. Рот признается, что удалил последнюю главу романа: «Я предпочел вычеркнуть из своей книги последнюю главу – двенадцать тысяч слов, описание людей, с которыми держал совет в Афинах, обстоятельства, которые свели нас вместе... Изю всей этой книги, готовую рукопись которой Смайлсбургер запросил для проверки, только в одиннадцатой главе он обнаружил информацию, которая в случае публикации на английском, а уж тем паче на полутора десятках других языков, слишком повредила бы интересам его ведомства и израильского правительства»⁴ [9, с. 605]. В конце книги писатель добавляет «Примечание для читателя», в котором утверждает, что написанное – неправда, а это «признание» – ложь. Ф. Рот противопоставляет «Примечание» эпилогу, в котором утверждалась правдоподобность событий, и вновь ставит читателя перед дилеммой – слово «признание» может относиться как ко всему произведению, если иметь ввиду его название, так и только к «Примечанию». Исследователь творчества Ф. Рота, Д.П. Роял, указал на интересный факт относительно «Примечания». Вопреки общепринятой практике, оно помещается в конце книги, а не непосредственно перед текстом, а также напечатано тем же шрифтом и включено в оглавление. В этом, возможно, кроется намек, что читатели должны воспринимать «Примечание» как часть романа [11, р. 58].

Несмотря на то, что многие эпизоды романа «Операции “Шейлок”. Признание» вымышлены, Ф. Рот неоднократно пытается доказать, что всё написанное – правда. Заставляя читателя сосредоточиться на реальных персонажах и событиях, не позволяя видеть их как метафоры и игру воображения, писатель делает важное заявление о мире, в котором мы живем: «Реальность, ты и сам знаешь, всегда сильнее человеческого воображения. Более того, реальность может позволить себе быть неправдоподобной, необъяснимой, совершенно несоразмерной»⁵ [9, с. 137]. Писатель подкрепляет свою позицию многочисленными примерами. Среди них – биография писателя Аарона Аппельфельда, пережившего Холокост, и история Леона Клингхоффера, застреленного и выброшенного террористами за борт круизного лайнера. Примечательно, что Ф. Рот продолжает свою литературную игру за пределами романа. В интервью для СМИ он настаивает, что его «признание» – не выдумка, и всё, что написано в романе, нужно воспринимать всерьез. «Книга правдива, – говорит Ф. Рот. – Как вы знаете, в конце книги тайный агент Моссада заставил меня понять, что это было в моих интересах сказать, что книга – вымысел. И я действительно пришел к убеждению, что это было в моих интересах. Поэтому я включил пояснение для читателя, что меня попросили это сделать. Я просто хороший Моссадник»⁶ [12].

Тем не менее, большинство читателей восприняли книгу как вымысел. И не только читатели, но и критики, включая писателей Д. Майкла Томаса и Дж. Алдайку. Но Ф. Рот оставался непреклонен: «Я не собираюсь с ними спорить. Когда я написал роман «Жалоба Портного», все были уверены, что я писал о себе. Но я говорил, что это не так. Когда я написал роман «Призрак писателя», все были уверены, что он обо мне. Но я уверял, что всё, описанное в романе, никогда не происходило со мной. Я никогда не встречал девушки, похожей на Анну Франк. Меня никогда не приглашал к себе в гости известный писатель. Я всё выдумал. И теперь, когда я говорю правду,

³ I've drawn Operation Shylock from notebook journals. The book is as accurate an account as I am able to give of actual occurrences that I lived through during my middle fifties and that culminated, early in 1988, in my agreeing to undertake an intelligence-gathering operation for Israel's foreign intelligence service, the Mossad [10].

⁴ I have elected to delete my final chapter, twelve thousand words describing the people I convened with in Athens, the circumstances that brought us together, and the subsequent expedition, to a second European capital, that developed out of that educational Athens weekend. Of this entire book, whose completed manuscript Smilesburger had asked to inspect, only the contents of chapter 11, "Operation Shylock," were deemed by him to contain information too seriously detrimental to his agency's interests and to the Israeli government to be published in English, let alone in some fifteen other languages [10].

⁵ Reality, as you know, is always stronger than the human imagination. It can permit itself to be unbelievable, inexplicable, out of all proportion [10].

⁶ "The book is true," Roth said the other day. "As you know, at the end of the book a Mossad operative made me realize it was in my interest to say this book was fiction. And I became quite convinced that it was in my interest to do that. So I added the note to the reader as I was asked to do. I'm just a good Mossadnik."

они все настаивают, что я выдумываю. Я говорю им: «Как я могу что-то выдумать, если вы всегда говорите, что я неспособен выдумывать?». Мне никогда не победить⁷ [12]. В этом интервью Ф. Рот практически слово в слово повторяет слова своего романного двойника из «Операции “Шейлок”. Признание», в сцене, когда тот ссорится со своей девушкой Вандой: «Но ты мне никогда не веришь. Я не могу победить даже в твоих глазах. Говорю тебе правду – не веришь, говорю тебе неправду – веришь...»⁸ [9, с. 633].

Таким образом, вставляя комментарии по поводу написания романа, Ф. Рот создает ту самую взаимосвязь между миром героев и миром самого произведения. Рефлексия над текстом, переплетение реальных фактов и вымышленных историй – приемы, с помощью которых Ф. Рот говорит о событиях современности, делая акцент на том, что воображение бывает просто ничтожно перед событиями, которые произошли в реальной жизни.

Автобиографичность. Использование автобиографических фактов в художественных произведениях – ещё один прием, посредством которого автор размывает границу между реальным и вымышленным. Не будет преувеличением сказать, что Ф. Рот одержим игрой между миром, который мы видим на страницах его романов, и его реальной жизнью. Критики даже обвиняли писателя в том, что его вымышленные миры – лишь тонко завуалированная хроника собственной жизни и реальной жизни вокруг него. Его романы о Цукермане и последующие «автобиографические» произведения были восприняты как «нарциссическое выставление себя на показ» [11, р. 48].

Натан Цукерман, Александр Портной и Дэвид Кэпеш и другие альтер-эго Ф. Рота действительно имеют много общего с личностью американского писателя и эпизодами его жизни. Например, в романе «Цукерман освобожденный» мы узнаем, что персонаж-рассказчик Натан Цукерман написал бестселлер «Карновски» – книгу, которую многие обвиняют в порнографии, как это случилось с более ранней книгой самого Рота «Жалоба Портного» [13]. Но автор ясно дает понять, что эти персонажи ошибочно интерпретируются как завуалированная автобиография. Личная жизнь и автобиографические факты – лишь инструмент в руках писателя, который можно использовать при создании художественного произведения. Но чтобы получилась история, эти материалы преобразовываются и перестраиваются, становясь в процессе чем-то совершенно новым [14, р. 271].

В романе «Операция “Шейлок”. Признание» Ф. Рот снова прибегает к созданию литературного двойника. Но теперь он не использует чужие имена, чтобы рассказать о своей жизни. На этот раз главным героем становится сам Ф. Рот, который утверждает, что рассказанная им история, – чистая правда. Чтобы еще больше размыть грань между правдой и вымыслом, он использует многочисленные факты из реальной жизни и фрагменты из собственной биографии. Роман начинается с рассказа о реальном эпизоде мучительной психотической депрессии, которую Ф. Рот пережил в начале 1987 г. после небольшого хирургического вмешательства – операции на колене. Для лечения послеоперационной бессонницы писателю прописали препарат, который продается под торговой маркой «Хальцион». Постепенно он начал испытывать опасное пристрастие к обезболивающему, а позже выяснилось, что лекарство может вызывать психоз, известный как «хальцион-помешательство»⁹ [9, с. 29]. Создание автопортрета продолжается с введением в сюжет актрисы Клэр Блум, с которой Ф. Рот прожил двенадцать лет, отца по имени Герман, встречи с известным еврейским писателем Аароном Аппельфельдом и братом по имени Сэнди. Писатель также вплетает в повествование рассуждения о своих романах, писательском творчестве. Не забывает упомянуть и своих романых альтер-эго – Натана Цукермана и Дэвида Кэпеша.

Писатель, который позиционирует себя как исследователя собственной жизни, – характерная черта метаромана. На первый взгляд произведение кажется автобиографичным, но граница между фактами и вымыслом настолько размыта, что читатель постепенно задается вопросом подлинности написанного. Что касается Ф. Рота, игра на грани fiction и non-fiction – один из его излюбленных приемов. В «Операции “Шейлок”. Признание» с помощью продуманной игры с текстом он разрушает все принципы автобиографии и старается показать читателям и критикам, что нельзя ставить знак равенства между ним и его персонажами, каким бы биографическим сходством он их ни наделял.

Историографичность. В конце 60-х гг. XX в. происходит ревизия традиционного взгляда на историю – наблюдается ее «олитературивание», а линейности и завершенности воссоздания прошлого противопоставлялся принцип свободных интерпретаций [15, с. 49]. Особое отношение постмодернистских писателей к прошлому нашло выражение в современном романе на историческую тематику. Л. Хатчен в работе «Поэтика постмодернизма» (*A Poetics of Postmodernism*, 1988) называет такой роман «историографическим метароманом» и определяет его как новый тип исторического романа [16, р. 5]. Канадская исследовательница обращает внимание на противопоставление в нем фактов и вымысла: «Такие романы сначала устанавливают, а затем стирают грань между литературой и историей»¹⁰ [16, р. 113].

⁷ I won't get into this debate with them," he said. "The only thing I've told them is that when I wrote 'Portnoy's Complaint,' everybody was sure it was me, but I told them it wasn't. When I wrote the 'Ghost Writer' everybody was sure it was me, but I said none of these things ever happened to me. I never met a girl who looked like Anne Frank. I didn't have some nice writer take me into his house. I made it all up. And now when I tell the truth, they all insist that I made it up. I tell them, 'Well, how can I make it up since you've always said I am incapable of making anything up?' I can't win!

⁸ So, you don't believe me. But you never believe me. I can't win, even with you. I tell you the truth and you don't believe me, I tell you lies and you do believe me [10].

⁹ "Halcion madness" [10].

¹⁰ Such novels both install and then blur the line between fiction and history.

«Операцию “Шейлок”. Признание» также можно отнести к историографическому метароману. Произведение поднимает тему Холокоста, которая остается одной из самых актуальных в современной западной литературе (Дж. С. Фокс «Полная иллюминация», Н. Краусс «Хроники любви», М. Чабон «Приключения Кавалера и Клея»). Несмотря на то, что американские евреи избежали преследований, они ощущали и продолжают ощущать собственную причастность к трагедии, а также связь с теми, кто стал жертвами нацизма. В XXI веке происходит переосмысление Холокоста – он стал тем, что сегодня определяет еврейскую этническую идентичность, независимо от страны проживания, а осознание сопричастности к трагедии становится главным компонентом осознания себя как еврея [17, с. 26]. Немаловажным аспектом еврейской идентичности является отношение писателей к Израилю, создание которого во многом было следствием Второй мировой войны. В произведениях классиков еврейской литературы, например, Ш. Алейхема, Палестина предстает как абстрактная «еврейская мечта» – мечта об утраченной родине. Для героев произведений Х. Потока создание государства Израиль – это торжество добра и справедливости. Ф. Рот в романе «Операция “Шейлок”. Признание» обращается к Израилю не как к абстрактному образу, за которым герои произведения наблюдают издали, а как к реально существующей стране. Более того, он разворачивает здесь основную часть сюжета романа, в котором тема Холокоста пересекается с темой конфликта на Ближнем востоке [17, с. 28].

Историографичность – еще один способ для Ф. Рота поставить вопрос о том, что факты могут казаться менее правдоподобными, чем вымысел, а жизнь способна преподнести сюжеты, на которые не способно воображение. Вспоминая о Холокосте, его друг, писатель Аарон Аппельфельд, признается: «“Историю моей жизни” в лесах после побега из лагеря я пытался написать несколько раз. Но все усилия пропали зря. Я хотел сохранить верность реальности, реальным событиям... Результат выглядел довольно слабо – неубедительная игра воображения. Самые правдивые рассказы легко фальсифицировать»¹¹ [9, с. 137]. Для Ф. Рота Холокост – то, что несводимо к понятному языку. Холокост невыразим не потому, что он не происходил, а потому, что подобная трагедия несоизмерима ни с чем (в том числе и языком), кроме самой себя [18, с. 49]. С другой стороны, писатель высказывает опасение, что Холокост превращается в идеологию, с помощью которой вчерашние жертвы становятся новыми преступниками. Обращаясь к истории, писатели-постмодернисты и Ф. Рот, в частности, в очередной раз ставят вопрос о недоступности реальности вне текста и возможности разных интерпретаций истории. Не пытаясь воссоздать события прошлого, но постоянно задавая вопросы и ставя под сомнение устоявшиеся истины, они заставляют читателей критически осмысливать события прошлого и их влияние на настоящее и будущее.

Интертекстуальность. Один из способов укрепить представление о художественном произведении как о вымышленной истории является демонстративное использование разного рода аллюзий и элементов других текстов – интертекстуальности. Интертекстуальность – то, что усиливает осознание читателем того, что мир художественного произведения сконструирован [5, р. 112]. Термин был введен Ю. Кристевой на основе анализа концепции «полифонического романа» М.М. Бахтина, зафиксировавшего диалог текста с другими текстами [19, с. 333]. Согласно М.М. Бахтину, создателем «полифонического романа» является Ф.М. Достоевский – писатель, который обладал уникальным даром «слышать свою эпоху как великий диалог» [20, с. 102].

Для создания художественного мира романа «Операция “Шейлок”. Признание» Ф. Рот задействует множество других текстов – от литературных произведений других авторов (У. Шекспир, С. Кьеркегор, Ф. Достоевский, А. Франк) до стенограмм суда. Анализ романа стоит начать с его названия – уже оно формирует определенные ожидания от текста, является богатым источником для догадок и интерпретаций. Первое слово «Операция» создает напряжение и готовит читателя к особому роду повествования – например, в жанре шпионского детектива или мистического триллера.

Как и метароман, детективная литература ставит на передний план вопросы идентичности и до самого начала произведения держит читателя в неведении относительно личности, совершившей преступление. Подобным образом детектив позволяет поучаствовать в каком-то «анархическом удовольствии преследования преступника»¹² и только в самом конце насладиться торжеством справедливости [5, р. 82]. Детектив прославляет человеческий разум: «тайна» сводится к ошибкам в логике, мир становится понятным. Со своим стремлением одержать верх над иррациональным и бессознательным, жанр достигает своего расцвета в эпоху модернизма, но остается довольно продуктивным и в постмодернистский период для выражения иррациональности как на поверхности мира, так и в его глубинных конструкциях [5, р. 82]. Для метапрозы также характерно использование приемов триллера – жанра, нацеленного вызвать у читателя чувства волнения и тревожного ожидания. Страх перед беспорядком и опасностью, необходимость скрывать или изменять свою личность – черты жанра, которые сближают его с жизненным опытом в современном мире. Триллер создает экзистенциальные пограничные ситуации и позволяет читателю переживать их опосредованно, через неопределенность собственного существования [5, р. 85].

В романе «Операция “Шейлок”. Признание» можно обнаружить черты детектива и триллера. Как в детективе, главному герою необходимо разгадать загадку – выяснить, кто представляется им в Израиле и продвигает идею диаспоризма. Шаг за шагом романский Ф. Рот собирает улики и, наконец, выходит на своего двойника

¹¹ I tried several times to write “the story of my life” in the woods after I ran away from the [concentration] camp. But all my efforts were in vain. I wanted to be faithful to reality and to what really happened [. . .]. The result was rather meager, an unconvincing imaginary tale [10].

¹² anarchic pleasure of the criminal’s ‘run’.

Мойше Пипика (который, к слову, сам является частным детективом) и разоблачает его. К элементам триллера можно отнести поездку Ф. Рота в Раммалу, которая заканчивается стычкой с израильскими военными, его постоянное противостояние со своим антагонистом, «похищение» пожилым миллионером-разведчиком Смайлсбургером и предполагаемую миссию в Афинах для Моссада. Однако Ф. Рот не использует жанры детектива и триллера в чистом виде, а скорее пародирует их. Делая развязки напряженных моментов нелепыми или даже абсурдными, писатель постоянно бросает вызов ожиданиям читателя и ловко опровергает их [21, p. 24].

Второе слово из названия романа – собственное имя «Шейлок» отсылает нас к суду над еврейским ростовщиком из пьесы Шекспира «Венецианский купец» [22]. На протяжении столетий Шейлок олицетворяет собой антисемитский стереотип скупого, алчного и кровожадного еврея. Используя образ, Ф. Рот поднимает темы еврейской идентичности и арабо-израильского конфликта. Помимо названия, роман содержит ещё несколько отсылок к «Венецианскому купцу». Например, идея Пипика об уходе евреев из Израиля, которая соотносится с финальной сценой шекспировской пьесы, – венецианские христиане, опираясь на мощь и авторитет церкви, отнимают у Шейлока богатство, дочь и веру. Прямая отсылка к пьесе содержится в эпилоге романа. Подобно тому, как Шейлок требует вырезать фунт плоти купца Антония за неуплату долга в срок, Смайлсбургер настаивает на том, чтобы Ф. Рот удалил последнюю главу своей книги об операции в Афинах. Интересно, что «Операция “Шейлок”». Признание» – это название одиннадцатой главы, которую, как Ф. Рот утверждает в эпилоге, он удалил. И это вполне в духе постмодернизма, когда «то, что не рассказано», определяет название книги и предполагает, что читатель должен читать между строк, чтобы понять смысл романа [21, p. 25].

«Венецианский купец» задействуется и в качестве своеобразного индикатора отношений между евреями и законом. Еврея постоянно судят, а в современном мире его судят как израильтянина. Используя образ еврейского ростовщика, Рот иллюстрирует влияние вымысла на реальный мир, чем ставит под сомнение способность закона четко различать границы между историей и художественной литературой. Чтобы убедительно представить свою позицию, писатель освещает суд над Шейлоком в параллели с двумя процессами: военного преступника Джона Демьянюка и младшего брата Зи Камиля, который является другом главного героя. Выстраивая сюжет вокруг этих судебных процессов, Рот пытается разрешить собственные и общечеловеческие дилеммы: проблему конкурирующих истин, процесс определения личности и вопрос реальности в условиях, когда то, что происходит на самом деле, является более странным, чем вымысел [23, p. 4].

Непосредственно роман начинается с трех эпитафий: цитатой из книги Бытия на иврите и на английском языке, а также двумя цитатами датского философа Сёрена Кьеркегора. Они очерчивают определенные темы произведения и дают ключ к пониманию его сюжета. Первый эпитафий повествует о борьбе Иакова с ангелами: «И остался Иаков один. И боролся Некто с ним до появления зари»¹³ [9, с. 8]. Его прочтение создает ожидание борьбы с противником, которое и разворачивается в романе. Во время пребывания в Израиле Ф. Рот вынужден вступить в схватку с самозванцем Мойше Пипиком и красноречивым агентом Моссада Смайлсбургером. Пожалуй, речь также идет о схватке с собственной совестью: «Пусть ваша еврейская совесть подскажет вам, что делать»¹⁴ [9, с. 680], – говорит Смайлсбургер в конце эпилога, давая понять, что главного героя ждет сложный и противоречивый процесс принятия решения. Борьба Иакова с божественным ангелом, может также подразумевать, что в конце повествования главного героя ожидает своего рода просветление, влияющее на его религиозную идентичность и убеждения. Включение же в эпилог философских источников наряду с цитатой из книги Бытия является символом противоречий, которыми изобилует роман. Таким образом, Ф. Рот поднимает проблемы столкновения религии и философии, убеждений и интеллекта.

Как и многие другие произведения Ф. Рота, роман «Операция “Шейлок”». Признание» наполнен текстами из сторонних источников. Например, это интервью Аарона Аппельфельда, которое Ф. Рот взял для New York Times. Расшифровки стенограмм действительно были в разделе рецензий на книги, а позже были перепечатаны в книге Аппельфельда «За гранью отчаяния». Ф. Рот также включает в роман «вымышленные» рассказы своего двоюродного брата Аптера, запись фальшивой кассеты с тренировкой организации анонимных антисемитов от Пипика, диалоги, взятые из протокола дела Джона Демьянюка. Еще более значительным является постоянное упоминание того, что главный герой сам является писателем. По ходу сюжета ему попадаются различные письменные источники, которые он редактирует. Так происходит, когда к романному Роту попадают «Десять заповедей антисемитов», – он сразу начинает искать в тексте слабые места и переписывать документ. Еще один источник – дневники путешествий Леона Клигхоффера. К Филипу дневники приходят через Дэвида Суппосника, агента Моссада, выдающего себя за торговца раритетами. Он просит Рота написать вступление к их публикации, чтобы они могли охватить широкую аудиторию. Суппосник утверждает, что Ф. Рот может сделать для «Путевых дневников Леона Клигхоффера» то же, что Элеонора Рузвельт сделала для «Дневников Анны Франк». Есть также мемуары Элияу Розенберга, еврейского «командира смерти» из Треблинки, чьей задачей было опорожнение и очистка газовых камер, которыми, как он утверждал, управлял Демьянюк. В этих мемуарах описывается «смерть» охранника от рук похитителей, что позже будет противоречить более ранним показаниям для установления личности Демьянюка. Когда защита устанавливает, что «Иван Грозный» сбежал из Треблинки для восстания, Розенберг станет утверждать, что мемуары, были коллективными, основанными на слухах предполагаемых очевидцев [9].

¹³ So Jacob was left alone, and a man wrestled with him until daybreak [10].

¹⁴ Let your Jewish conscience be your guide [10].

Примечательно, что Ф. Рот в своем романе обращается к Достоевскому, который старался проникнуть в самую суть жизни, изображая её с точки зрения христианских заповедей. Это действительно выглядит как комическая отсылка в романе «Операция “Шейлок”», где происходит столкновение идей о мире, представленных постмодернистской философией, психологией и литературным анализом, социальными науками и гендерными исследованиями. Впервые Ф. Рот упоминает о Достоевском, когда обсуждает со своим другом Аароном чек от Смайлсбургера на миллион долларов. Писатель говорит, что вся ситуация заставляет его думать о фразе, которую произносит Свидригайлов в романе «Преступление и наказание» [24], под дулом пистолета: «Ну, это совершенно меняет ход дела»¹⁵ [9, с. 182]. Правда для Свидригайлова эта фраза означала отказ от насилия, тогда как для Ф. Рота – это, скорее, согласие послужить разведке Моссада. Ф. Рот вспоминает о Достоевском, когда сталкивается со своим двойником. Придумав ироничное прозвище для самозванца – Мойше Пипик, главный герой поясняет, что знал о существовании этого имени задолго до того, как прочитал о «докторе Джекиле и мистере Хайде или Голядкине Первом и Голядкине Втором» [9, с. 189]. Пытаясь разобраться в сложившейся ситуации с Пипиком, главный герой иронизирует по поводу её абсурдности: «Если бы я смотрел больше «Закон Лос-Анджелеса» и меньше читал Достоевского. Я бы знал, что здесь происходит, я бы через две минуты знал, что это за шоу»¹⁶ [9, с. 332]. В романе, где факт неотделим от вымысла, а выдуманные приключения разворачиваются на фоне реальных событий, Достоевский выступает своеобразным кодом для определения «своих». Так, о друге главного героя, выпускнике Гарварда Джордже Зияде, дважды сообщается, что он изучал Достоевского и Кьеркегора. Сам же египтянин Зияд, которому не удастся завербовать романного Рота для службы в Палестине, награждает его титулом «Достоевский дезинформации» [25, с. 183].

Подводя итог, можно сказать, что интертекстуальность метаромана – это один из способов саморефлексии. Интертекстуальная составляющая наилучшим образом передает идею децентрированного пространства человеческой истории и культуры, его ориентированность на текстовые источники и неизбежную включенность предшествующих текстов в последующие.

Фрагментация и нелинейная структура сюжета. Если рассматривать метароман с точки зрения построения сюжета, можно увидеть разнообразные приемы, с помощью которых он бросает вызов условностям литературы и подчеркивает её художественность. Практически каждое отклонение от традиционного линейного повествования имеет «метапрозаический» потенциал, который может быть реализован или не реализован в конкретном тексте. Сложное структурирование, преднамеренная фрагментация, чрезмерный акцент на некоторых событиях, использование совпадений и временных сдвигов, встраивание в текст исторических событий – всё это инструменты, которые укрепляют в читателе осознание вымышленности предлагаемых обстоятельств.

В романе «Операция “Шейлок”. Признание» мы также наблюдаем отход от традиционного линейного сюжета к повествованию, которое охватывает несколько взаимосвязанных и параллельных тем. Это повествование не сфокусировано на одной сюжетной линии, и читателю постоянно предлагаются множество событий и фрагментов информации, каждый раз заставляя его задуматься, для чего автор вставил их в текст. Более того, роман включает повествования в разных жанрах. Помимо стандартных романских сюжетных линий, Ф. Рот использует рефлексивные и автобиографические отступления, элементы приключенческого триллера, технику документальной фантастики [21, р. 29]. Еще одной характерной чертой повествования «Операции “Шейлок”» является то, что действие часто прерывается монологами различных персонажей – Джорджа Зиада, Пипика, Ванды Джинкс, Суп-посника и Смайлсбургера. Ф. Рот вводит эти монологи не только для того, чтобы представить их биографии, но и очертить их политические взгляды, религиозные и этические убеждения. Это позволяет писателю исследовать тему еврейской истории и идентичности с разных точек зрения, предлагая множество суждений и интерпретаций.

Заключение. В романе «Операция “Шейлок”. Признание» обнаруживается совокупность художественно-повествовательных черт, которые позволяют отнести его к жанру метаромана. В первую очередь – это рефлексия над текстом, которая характерна для любого метаромана и может считаться инвариантом жанра. Вставляя комментарии по поводу написания произведения, утверждая правдоподобность описываемых событий в эпилоге и опровергая это в «Примечании для читателя», Ф. Рот разрушает четвертую стену и вводит читателя в постмодернистскую игру, которая продолжается за пределами романа. Писатель усиливает взаимосвязь между миром героев и миром самого произведения путем использования в романе многочисленных эпизодов своей жизни. Играя с фактами и вымыслом, он показывает, насколько размыта граница между ними и как ошибочно ставить знак равенства между писателем и его персонажами. Чтобы заставить читателя мыслить критически, автор также обращается к истории. Но в отличие от классического исторического романа, «Операция “Шейлок”. Признание» не ставит задачу точного воссоздания событий прошлого. Вместо этого произведение поднимает вопрос о недоступности реальности вне текста и возможности разных интерпретаций.

Ориентированность истории и культуры на текстовые источники, неизбежная включенность предшествующих текстов в последующие передается с помощью интертекстуальности. Чтобы усилить представление о произведении как о вымышленной истории, Ф. Рот активно использует элементы других текстов, наполняет роман

¹⁵ This changes everything [15].

¹⁶ If only I'd watched more "L.A. Law" and read less Dostoyevsky I'd know what's going on here, I'd know in two minutes what show it is exactly [15].

многочисленными отсылками и аллюзиями. Наконец, укрепить в читателе осознание вымышленности произведения помогает фрагментация и нелинейная структура сюжета романа, а также включенность в него многочисленных монологов персонажей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стулов, Ю.В. 100 писателей США / Ю.В. Стулов. – Минск : Выш. шк., 2019. – 383 с.
2. Скоропанова, И.С. Русская постмодернистская литература : учеб. пособие / И.С. Скоропанова. – 6-е изд. – М. : Флинта; Наука, 2006. – 608 с.
3. Gass, W. Fiction and the Figures of Life / W. Gass. – N.Y. : Alfred A. Knopf, 1970. – 217 p.
4. Hutcheon, L. Narcissistic Narrative: The Metafictional Paradox / L. Hutcheon. – N.Y. and L. : Methuen, 1984. – 226 p.
5. Waugh, P. Metafiction: The Theory and Practice of Self-Conscious Fiction / P. Waugh. – L.; N.Y.: Routledge, 1984. – 219 p.
6. Липовецкий, М.Н. Русский постмодернизм (Очерки исторической поэтики) / М.Н. Липовецкий. – Екатеринбург, 1997. – 317 с.
7. Зусева-Озкан, В.Б. Историческая поэтика метаромана / В.Б. Зусева-Озкан. – М. : Intrada, 2014. – 488 с.
8. Roth, Ph. Reading Myself and Others / Ph. Roth. – New York : Vintage, 2016. – 320 p.
9. Рот, Ф. Операция «Шейлок». Признание: Роман / Ф. Рот ; пер. с англ. С. Силаковой. – М. : Книжники, 2018. – 685 с.
10. Roth, Ph. Operation Shylock: a Confession [Electronic resource] – Mode of access: <https://www.you-books.com/book/P-Roth/Operation-Shylock>. – Date of access: 06.06.2021.
11. Royal Parker, D. Texts, Lives, and Bellybuttons: Philip Roth's Operation Shylock and the Renegotiation of Subjectivity / D. Royal Parker // Shofar. – 2000. – Vol. 19, №. 1. P. 48–65.
12. Esther, B. Fein. Philip Roth Sees Double. And Maybe Triple, Too / B. Fein Esther // The New York Times. – 1993. – March 9. – Section C. – P. 13.
13. Рот, Ф. Цукерман освобожденный: Роман / Ф. Рот ; пер. с англ. В. Пророковой. – М. : Книжники, 2019. – 298 с.
14. Creus, T. When Harry met Zuckerman: self-reflexivity and metafiction in Philip Roth and Woody Allen, Ilha do Desterro / T. Creus // A Journal of English Language, Literatures in English and Cultural Studies. – 2006. – №. 51. – P. 265–282.
15. Райнеке, Ю.С. (Виноградова) Исторический роман постмодернизма (Австрия, Великобритания, Германия, Россия) / Ю.С. Райнеке. – М. : Науч. центр славяно-германских исследований ИС РАН, 2002. – 112 с.
16. Hutcheon, L. A Poetics of Postmodernism: History, Theory, Fiction / L. Hutcheon. – New York : Routledge, 1988. – P. XIII – 268.
17. Карасик, О.Б. Еврейская литература США на рубеже XX–XXI веков: в поисках идентичности / О.Б. Карасик. – Казань: РИЦ «Школа», 2015. – 308 с.
18. Карасик, О.Б. О Холокосте средствами постмодернизма (романы Дж. С. Фоера «Полная иллюминация» и Н. Краусс «Хроники любви») / О. Б. Карасик // Известия самарского научного центра российской академии наук. – С. 181–186.
19. Постмодернизм. Энциклопедия. – Минск : Интерпрессервис; Книжный Дом. 2001. – 1040 с.
20. Бахтин, М.М. Собрание сочинений в семи томах. Т.6. Проблемы поэтики Достоевского / М.М. Бахтин. – М.: Русские словари, 2002. – 505 с.
21. Graff, M. Parts of a Whole: The Interplay of Form and Contents in Philip Roth's Operation Shylock: A Confession. // Contributions to the Study of Language, Literature and Culture. – 2011. – № 2. – P. 23–33.
22. Шекспир У. Венецианский купец / У. Шекспир. – Харьков : Фолио, 2011. – 288 с.
23. McLoughlin, K. "Dispute Incarnate": Philip Roth's Operation Shylock, the Demjanjuk Trial, and eyewitness testimony / K. McLoughlin // Philip Roth Studies. – 2007. – № 3(2). – P. 115–130.
24. Достоевский, Ф. Преступление и наказание / Ф. Достоевский. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. – 608 с.
25. Бутенина, Е.М. Исповедальность Достоевского и современный англоязычный роман о писателе / Е. М. Бутенина // Новый филологический вестник. – 2016. – № 2(37). – С. 179–188.

Поступила 21.04.2022

“OPERATION SHYLOCK: A CONFESSION” BY PHILIP ROTH AS METAFICTION

A. NANAS

The article considers the artistic and narrative characteristics of the novel “Operation Shylock: A Confession” by American writer Philip Roth. Among them are self-reflection, autobiographical nature, intertextuality, historiographic element and non-linear structure of the plot. The combination of these characteristics allows us to classify the work as metafiction which is characterized by the image of not only the world of heroes, but also the process of creating this world. Using this duality, Philip Roth reflects on how fragile the boundary between real and fictional events is, emphasizes the fallacy of stating the equality between the writer and the characters he creates, and also explores the issue of identity search.

Keywords: Philip Roth, metafiction, self-reflexivity, intertextuality, historiographic, fragmentarity.

УДК 821.111

ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ СБОРНИКА Х. УОЛПОЛА «ИЕРОГЛИФИЧЕСКИЕ СКАЗКИ»

Н.В. НЕСТЕР

(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)

e-mail: n.nester@psu.by

Рассматривается жанровое своеобразие сборника Х. Уолпола «Иероглифические сказки» (*Hieroglyphic tales*, 1785). Обосновывается, что короткие по размеру произведения сборника имеют характерные особенности волшебной сказки, отличные от других произведений данного жанра. Доказывается, что для волшебных сказок Х. Уолпола характерны абсурд, анахронизм, гротеск, парадокс, сатира, сюрреалистический образ, юмор, что позволяет относить «Иероглифические сказки» Х. Уолпола к литературе абсурда, а их автора – к предшественникам сюрреализма.

Ключевые слова: абсурд, анахронизм, волшебная сказка, гротеск, жанр, повествование, сатира, сюжет, сюрреализм.

Введение. Хорас Уолпол (*Horace Walpole*, 1717–1797) – английский писатель, основоположник жанра готического романа. Т. Кристенсен отмечает, что «Хорас Уолпол принадлежит к особой английской литературной традиции, которую отличает абсурдность, несерьезность, озорство, да и просто безумие» [1, с. 5]. Одним из проявлений этой традиции являются «Иероглифические сказки» (*Hieroglyphic tales*), написанные в 1766 – 1772 гг. и состоящие из шести сказок, вступления и заключения. Сборник коротких историй в традиции английского литературного абсурда, предвосхитивших сюрреализм, вышел только в 1785 г.¹ относительно небольшим тиражом (всего 6 экземпляров). По мнению Т. Кристенсена, «только в «Иероглифических сказках» Уолпол начал открывать для себя радикальную манеру письма, предвосхищающую некоторые направления современной литературы» [1, с. 18].

В «Иероглифических сказках» [2; 4] Х. Уолпол выработал несколько приемов, позволяющих изменить отношение к литературной традиции. Рассказы сборника писатель создает на основе волшебной сказки, используя другие аспекты повествования – невозможные детали, оставляя читателя разгадывать путаницу между языком, повествованием и реальностью. Сказки Х. Уолпола сложны для восприятия, т.к. при чтении в равной степени необходимо уделять внимание и истории, и тому, как она рассказана. Кроме того, писатель разрушает последовательность повествования отступлениями, отрицаниями, ложным началом, тем самым освобождая повествование от ограничений. Как пишет Т. Кристенсен: «Отчасти это, возможно, вырастает из некоего субъективного символизма, в котором персонажи и события служили оболочкой язвительным личным аллюзиям с политическими или светскими фигурами, аллюзиям, в настоящее время по большей части утраченным; но в результате возникло повествование, приводящее в восторг и смущение своей непредсказуемостью и отсутствием явного центра. Уолпол создал экзистенциальный нарратив, примечательный для своего времени, существующий просто для того, чтобы быть, а не отсылать к чему-либо [1, с. 22–23].

Исследованием различных аспектов творчества Х. Уолпола занимались Т.С. Стюарт [4], Т.В. Зеленко [6], С.В. Тесцов [7], О.А. Судленкова [8, с. 295–297.]. Актуальность данной работы обусловлена отсутствием в отечественном и российском литературоведении исследований жанрового своеобразия «Иероглифических сказок» Х. Уолпола, необходимостью определения и выделения характерных признаков жанра волшебной сказки в вышеуказанном произведении, возможностью восполнить имеющиеся лакуны в изучении творчества Х. Уолпола.

Основная часть. Во вступлении к сборнику сказок Х. Уолпол ведет диалог с современником, французским писателем Клодом Проспером Жолио Кребийоном (*Claude Prosper Jolyot de Crébillon*, 1707–1777). Используя в качестве эпиграфа цитату из «восточного» романа «Софа» (*Le Sopha*, 1742), писатель тем самым обнаруживает «восточные» черты сборника сказок: «Шах Бахам всегда хорошо понимал только абсурдные и совершенно неправдоподобные вещи»² [3, с. 30]. Объясняя появление данного произведения, Уолпол пишет о недостаточном количестве достойных литературных трудов среди представителей литературы XVIII в., чем и оправдывает создание этого «бесценного дара» (*the invaluable present*). Писатель ставит перед собой цель – сохранить этот труд для потомков, несмотря на то, что его современники могут его осуждать. Уолпол уверен, что к нему отнесутся с должным достоинством: «когда мудрость и ученость обретут подобающее им влияние на человечество, и когда люди станут читать только ради назидания и совершенствования своего разума»³ [1, с. 32] (Здесь и далее перевод В. Кондратьева и Е. Ракитиной). Кроме того, Х. Уолпол настаивает на скорейшей публикации книги и планирует

¹ В 1926 г. Элкин Мэттьюс небольшим тиражом выпустил книгу в Англии. В 1982 г. издательством Augustan Reprint Society Университета Калифорнии был напечатан небольшой тираж (факсимиле издания 1785 г.). Начиная с 1993 г. сборник сказок периодически издавался большими тиражами. Сборник сказок на русском языке появился только в 2005 г. в переводе Василия Кондратьева и Екатерины Ракитиной [3].

² «Schah Baham ne comprenoit jamais bien que les choses absurdes & hors de toute vraisemblance» *Le Sopha*, p. 5 [2, p. 3].

³ «and when men shall only read for instruction and improvement of their minds» [2, p. 3].

напечатать около сотни экземпляров. Снимая с себя ответственность за авторство, Х. Уолпол дистанцируется от собственного произведения: «А пока же прошу читателя принять в качестве временного возмещения рассказ об авторе, труд которого я издаю»⁴ [3, с. 35].

В то же время автор пишет о том, что «Иероглифические сказки» были, несомненно, написаны незадолго до сотворения мира и с тех пор сохранялись в устных преданиях гор Крампкраггири, необитаемого острова, доселе не открытого»⁵ [3, с. 36]. Тем самым писатель хочет подчеркнуть, что иероглифические сказки – вне времени и пространства – возникли они давно и сохранились на никому неизвестном острове. Он не теряет надежды на установление авторства текста сказок и продолжает рассуждать: «Мы можем с большой вероятностью приписать их Кеманрлегорпику, сыну Квата, хотя и не уверены, что такая личность когда-либо существовала... Другие приписывают их мамке Квата, а некоторые – Гермесу Трисмегисту...»⁶ [3, с. 37]. Сочиняя невероятные небылицы, писатель ещё более запутывает читателя в определении автора этого произведения. В то же время Уолпол не ставит целью уточнение автора или времени написания, он, скорее, утверждает читателя в мысли, что сказки могли быть написаны в прошлом и настоящем, тем или другим автором. Тем самым Х. Уолпол хочет придать «Иероглифическим сказкам» статус вечности, а его автору, кем бы он ни был, обеспечить бессмертие.

В этой связи обращает на себя внимание заключение к «Иероглифическим сказкам». Если во вступлении Уолпол рассуждает о потенциальном авторе и времени создания сказок, то в заключении он стремится подчеркнуть незначительность данного труда: «... это всего лишь причудливая безделица, написанная главным образом для частного развлечения, и для частной же забавы отпечатано всего полдюжины экземпляров»⁷ [1, с. 137]. И ещё раз формулирует цель его создания: «Самое большее, что в них следует видеть, это попытку разнообразить избитый и затасканный род рассказов и романов, кои, хотя и сработаны изобретательно, почти всегда лишены воображения»⁸ [3, с. 137]. Подводя итоги и оправдывая цель появления «Иероглифических сказок», Уолпол противопоставляет их историографии: «Бесконечно больше вымысла в исторической науке, коя лишена достоинств, когда отступает от правды, нежели в романах и повествованиях, где правды якобы нет»⁹ [1, с. 138].

В основной части сборника представлены шесть сказок: «Новая забава из арабских ночей» (*A new Arabian Night's Entertainment*), «Царь и три его дочери» (*The King and his three Daughters*), «Стаканчик для костей. Волшебная сказка» (*The Dice-Box. A Fairy Tale*), «Персик в бренди. Милезское сказание» (*The Peach in Brandy. A Milesian Tale*), «Ми Ли. Китайская сказка» (*A Chinese Fairy Tale*), «История истинной любви» (*A true Love Story*). Седьмая сказка «Птичье гнездо» (*The Bird's Nest*), опубликованная в русскоязычном переводе, не входит в «Иероглифические сказки», изданные в Стробрерри Хилл¹⁰, и воспроизводится по рукописи, озаглавленной «Иероглифические сказки. Сказка Пятая».

Сказка «Новая забава из арабских ночей», открывающая сборник, отсылает к памятнику средневековой и арабской литературы «Книга тысяча и одной ночи», собранию сказок и новелл, обрамленных историей о персидском царе Шахрияре и его жене Шахерезаде. Героиня этой волшебной сказки – юная царевна Гроновия (фрау Гронау), которая взобралась на вершину великой горы Гиронкву «собирать козьи яйца, белки коих так замечательно сводят веснушки»¹¹ [1, с. 43]. За этим абсурдным введением следует авторское объяснение: «Козы с Гиронкву тоже могли быть яйцекладущими и могли откладывать яйца созревать под солнцем. Таково мое предположение, и неважно, верю я в него сам или нет»¹² [3, с. 44–45]. Автор обнаруживает себя в повествовании как рассказчик, кроме всего прочего дает комментарий происходящим событиям. При этом его гипотеза не подлежит сомнению, т.к. рассказчик уверен в достоверности собственных слов. Преодолев гору, Гроновия попадает в неизвестную страну, которой правит «великан» (великаном его называют потому, что он выше всех своих предшественников). Согласно обычаю, каждую ночь император получает новую жену, которая рассказывает ему историю до самого утра, а потом ей отрубают голову. Царевна уверена, что справится с поставленной задачей, т.к. «я могу прочитать наизусть все эпиграммы Леонида, и ваш император должен в самом деле страдать бессонницей, чтобы устоять против этого»¹³ [3, с. 45]. Далее следует пространный полемичный диалог императора с царевной, в котором в сказочное пространство вторгается историко-культурный контекст. Царевна, рассказывая историю

⁴ «In the mean time I beg the reader to accept the temporary compensation of an account of the author whose work I am publishing» [2, p. 6].

⁵ «The Hieroglyphic Tales were undoubtedly written a little before the creation of the world, and have ever since been preserved, by oral tradition, in the mountains of Crampcraggiri, an uninhabited island, not yet discovered» [2, p. 6].

⁶ «We might ascribe them with great probability to Kemanrlegorpikos, son of Quat; but besides that we are not certain that any such person ever existed... Others give them to Quat's nurse, and a few to Hermes Trismegistus...» [2, p. 6].

⁷ «...they are mere whimsical trifles, written chiefly for private entertainment, and for private amusement half a dozen copies only are printed» [2, p. 34].

⁸ «They deserve at most to be considered as an attempt to vary the stale and beaten class of stories and novels, which, though works of invention, are almost always devoid of imagination» [2, p. 34].

⁹ «There is infinitely more invention in history, which has no merit if devoid of truth, than in romances and novelty which pretend to none» [2, p. 34–35].

¹⁰ До XX века издание «Иероглифических сказок», выпущенное в Стробрерри Хилл, оставалось единственным.

¹¹ «to gather goat's eggs, the whites of which are excellent for taking off freckles» [2, p. 9].

¹² «The goats of Hirgonquiu might be oviparous, and lay their eggs to be hatched by the sun. This is my supposition; no matter whether I believe it myself or not» [2, p. 9].

¹³ «I can repeat Leonidas by heart, and your emperor must be wakeful indeed if he can hold out against that» [2, p. 9].

рода, упоминает Италию, Голландию, Японию, Филиппа II и т.д. От бессмысленной полемики, в которой теряется нить повествования, император засыпает. Царевна вместе с евнухом лишают правителя жизни. После смерти императора Гроновия становится императрицей, при этом сохраняет обычай – каждую ночь выходить замуж за нового мужа, но освобождает его от рассказов и не казнит, как предыдущий император. «Она рассылала подарки всем ученым людям Азии; в свою очередь, они не забывали провозглашать ее образцом милосердия, мудрости и добродетели»¹⁴ [3, с. 55].

Таким образом, обращаясь к «Книге тысяча и одной ночи», Х. Уолпол использует зеркальный сюжет истории Шахерезады, в которой плененная царевна усыпляет мужа скучной историей, а затем убивает его. При этом писатель играет с интонацией «его привычный скептицизм контрастировал со сказочным напряжением невероятного и его собственными безумными всплесками фантазии... его недоброе, подчас неприятное остроумие контрастировало с притворной наивностью сказочного повествования, создавая необычайно богатый текст, полный цвета и фактуры» [1, с. 25].

Сказка «Царь и три его дочери» имеет традиционное сказочное начало «Жил-был царь, и было у него три дочери – то есть, у него были бы три, окажись их на одну больше, однако же, так или иначе, старшая из них так и не появилась на свет»¹⁵ [3, с. 59]. Старшая сестра обладала редким сочетанием ума и красоты, в совершенстве объяснялась по-французски. У средней сестры был заметный йоркширский диалект, у младшей – плохие зубы и только одна нога, по этой причине она плохо танцевала. Поскольку царь был старым (ему исполнилось восемьдесят лет, два месяца и тринадцать дней), он решил выдать замуж старшую дочь. Советники царя разделились на две партии, одна из которых считала, что необходимо выдать замуж среднюю, т.к. считали её старшей, а другая – младшую, т.к. считали старшей ее. На руку одной из сестёр претендует князь Квифериквимини, который «был бы самым безупречным героем своего времени, не будь он мертв, говори хоть на одном языке, кроме египетского, и не будь у него три ноги»¹⁶ [3, с. 63–64]. Выбор князя пришёлся на старшую сестру, однако их брак не мог состояться, т.к. они оказались двоюродным братом и сестрой. Средняя царевна из мести отвергнувшему её князю отдала свою руку солевару, состоявшему в совете, поэтому горожане, обсудившие их союз, провозгласили их царем и царицей. Все партии одобрили случившееся, старый царь умер на следующий день от счастья, князя Квифериквимини похоронили, а младшая царевна лишилась рассудка «и ее заперли в сумасшедший дом, где она денно и ночью призывала мужа с тремя ногами»¹⁷ [3, с. 70]. Эту сказку также можно отнести к числу волшебных сказок, несмотря на абсурдных героев (царевна, которой нет, и князь, который умер) и запутанные отношения между языком сказки и повествованием.

В подзаголовке сказки «Стаканчик для костей. Волшебная сказка» указывается жанровая специфика произведения – волшебная сказка. Кроме того, писателем сообщается, что сказка переведена с французского перевода графини Донуа для развлечения мисс Каролины Кэмпбелл, старшей дочери лорда Уильяма Кэмпбелла, жившей со своей тёткой, графиней Эйлсбери. Сказка адресована девочке, поэтому главным сказочным персонажем является девятилетняя девочка Писсимиси из Дамаска. При рождении фея предсказал, что она будет наложницей Соломона. Отец девочки, купец Абулькасим, завещал дочери скорлупу фисташкового ореха, запряженной слонном и божьей коровкой. После смерти отца Писсимиси отправляется странствовать в неизвестном направлении. На своем пути девочка, кроме всего прочего, встречает «громадную» птицу-колибри, принадлежащую Соломону. Колибри, пораженная красотой крыльев божьей коровки, проглотила божью коровку, Писсимиси, слона и всех их приобретения. Соломон «захваченный очарованием прелестной Писсимиси: он стал немедленно импровизировать на тему Песни Песней»¹⁸ [3, с. 79]. Царице Савской не по душе пришлось пристальное внимание Соломона к Писсимиси, поэтому она запустила царю в голову один из стаканчиков для игральные кости, но промахнулась и попала в нос девочке, где он и застрял: «поскольку он был из слоновой кости, Соломон впоследствии сравнивал нос своей возлюбленной с башней, ведущей в Дамаск»¹⁹ [3, с. 81]. Царица Савская несмотря на то, что ей было стыдно за свое поведение, в душе не пожалела о содеянном. После этого происшествия она исчезла, с тех пор о ней ничего не слышно. Данная сказка имеет развлекательную цель, о чём свидетельствует череда различного рода событий, в которые попадает героиня этой волшебной истории, указывающей на явные преувеличения размеров скорлупы фисташкового ореха, в которую, как в повозку, могла поместиться девятилетняя девочка, и величину «огромной» птицы-колибри, проглотившей спутников Писсимиси вместе с поклажей.

Сказка «Персик в бренди. Милезское сказание», как и предыдущая сказка, имеет посвящение. Автор адресует её Анне Лиддел, графине Оссори, жене Фицпатрика, графа Оссори. Предметом этой сказочной истории стала их дочь Анна. Героиня сказочного повествования – дочь правителя Килкенни по имени «Прописное А», в позднейшем искажении «Прописная». Достигнув зрелых лет, Прописное А взойшла на трон в возрасте пяти лет и провозгласила свою няньку премьер-министром. Очевидно, что в таком возрасте управлять государством девочка не

¹⁴ «She sent presents to all the learned men in Asia; and they in return did not fail to cry her up as a pattern of clemency, wisdom, and virtue» [2, p. 12].

¹⁵ «There was formerly a king, who had three daughters – that is, he would have had three, if he had had one more, but some how or other the eldest never was born» [2, p. 13].

¹⁶ «who would have been the most accomplished hero of the age, if he had not been dead, and had spoken any language but the Egyptian, and had not had three legs» [2, c. 14].

¹⁷ «and was shut up in a madhouse, calling out day and night for a husband with three legs» [2, p. 16].

¹⁸ «being caught with the charms of the lovely Pissimissi: he immediately began the song of songs extempore» [2, p. 19].

¹⁹ «it stuck there, and being of ivory, Solomon ever after compared his beloved's nose to the tower that leads to Damascus» [2, p. 19].

может, поэтому она придумывает только различного рода развлечения, как игра в жмурки и т.п.: «Что до прочих деяний Прописной и того, что она совершила, разве не записаны они в хрониках королей Килкенни?» [3, с. 92]. В повествование присутствуют и вполне реальные факты, что у Леди Оссори случился выкидыш. В сказке – это королева-мать Прописной А, у которой произошел припадок: «и она разрешилась близнецами, которых убил испуг матери»²⁰ [3, с. 87]. Эпизод, о котором рассказывает автор, лёг в название сказки «Персик в бренди» – архиепископ случайно проглатывает человеческий эмбрион, который находился в стакане с бренди. Используя предметный абсурд с целью создания комического эффекта, Х. Уолпол нарушает последовательность повествования, переключая внимание читателя то на юную королеву и её родителей, то на цепь событий, происходящих в государстве во время ее правления.

Персонажем сказки «Ми Ли. Китайская сказка» является Ми Ли, который был воспитан крестной феей, знаменитой гаданием на чайной чашке. Полагаясь на предсказание оракула, «она убедилась принца в том, что он станет самым несчастным человеком на свете, если не женится на принцессе, которая носит одно имя с владениями своего отца»²¹ [3, с. 95]. Однако неверно запомнив слова оракула, Ми Ли отправился искать принцессу, которая носит одно имя со своим отцом. Совершив длительное путешествие в поисках принцессы, Ми Ли находит её в Ирландии: «– «она» – мисс Каролина Кэмпбелл, дочь лорда Уильяма Кэмпбелла, покойного губернатора Его Величества в Каролине»²² [3, с. 112]. Сказка имеет счастливый финал, т.к. принц Ми Ли, несмотря на абсурдное предсказание крестной, нашёл принцессу, имеющую одно имя с владениями ее отца, и женился на ней.

В основе последней сказки «История истинной любви» лежит мотив подброшенного ребенка, проданного богатой вдове из благородного семейства Гримальди, воспитавшей Ордоната, как родного сына. Автор рассказывает историю любви Ордоната и африканской рабыни редчайшей красоты Азоры, перечисляет трудности и препятствия, которые пришлось преодолеть влюбленной паре, чтобы быть вместе. Повествование сказки выстраивается таким образом, что автор ни словом не обнажает истинную природу персонажей и только в финале раскрывает тайну: «ибо, да будет сие известно потомкам, Ордонат был итальянской гончей, а Азора – черным спаниелем»²³ [3, с. 122]. Таким образом, читатель даже не подозревает, что он знакомится с историей истинной любви двух собак, т.к. в тексте сказки даже нет намека, что речь идет о животных, а не о людях.

Таким образом, «Иероглифические сказки» Х. Уолпола – это волшебные сказки, как «Царь и три его дочери», «Стаканчик для костей. Волшебная сказка», иногда с восточным колоритом («Новая забава из арабских ночей», «Ми Ли. Китайская сказка»), историческим контекстом («Персик в бренди. Милезское сказание»), элементами сказки о животных («История истинной любви»). «Стаканчик для костей. Волшебная сказка» и «Персик в бренди. Милезское сказание» имеют посвящения детской аудитории, кроме того, в «Стаканчике для костей» значится, что данная сказка представляет собой перевод с французского.

Заключение. Жанр произведений сборника «Иероглифические сказки» – волшебная сказка. Короткие по размеру сказки сборника имеют особенности, отличные от других произведений данного жанра. В сказках Х. Уолпола присутствует юмор, отчасти гротескный, близкий к черному. Средством создания комического эффекта в сказках является абсурд, выраженный различного рода анахронизмами, нелепостями, нарушением причинно-следственных связей, парадоксами и сюрреалистическими образами. При этом в сказках присутствует как предметный абсурд, выраженный чем-либо несуществующим, так и вербальный, представленный в нелепом имени сказочного персонажа. Абсурд проявляется не только в деталях сказок, но и в повествовании, последовательность которого часто нарушается. Сюжетная линия сказки представляется цепью случайных, не связанных друг с другом событий, причинная связь между которыми отсутствует.

Сатира не является основополагающей в сказках Х. Уолпола. Для творческой манеры автора характерно сочетание изящества повествования с нелепостью и ирреальностью.

Таким образом, для волшебных сказок Х. Уолпола характерны абсурд, анахронизм, гротеск, парадокс, сатира, юмор, что позволяет относить «Иероглифические сказки» к литературе абсурда, а их автора – к предшественникам сюрреализма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кристенсен, Т. Предисловие / Т. Кристенсен // Уолпол, Х. Иероглифические сказки. – Тверь : Kolonna Publications, 2005. – С. 5–27.
2. Walpole, H. Hieroglyphic Tales / H. Walpole. – Los Angeles : University of California Augustan Reprint Society, 1982. – 35 p.
3. Уолпол, Х. Иероглифические сказки / Х. Уолпол ; пер. с англ. В. Кондратьева, Е. Ракитиной. – Тверь : Kolonna Publications, 2005. – 144 с.
4. Hartwell, D.G. Masterpieces of Fantasy and Enchantment / D.G. Hartwell, K. Cramer. – Rantoul (IL) : Nelson Doubleday, SFBC, 1988. – 662 p.
5. Stuart, D.M. Horace Walpole / D.M. Stuart. – New York : MacMillan, 1927. – 229 p.
6. Зеленко, Т.В. Творчество Горація Уолпола : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т.В. Зеленко. – Л. : ЛГУ, 1979. – 23 с.

²⁰ «miscarried of twins, who were killed by her majesty's frigh» [2, p. 21].

²¹ «that he would be the most unhappy man alive unless he married a princess whose name was the same with her father's dominions» [2, p. 25].

²² «she is miss Caroline Campbell, daughter of lord William Campbell, his majesty's late governor of Carolina» [2, p. 30].

²³ «Orondates was an Italian greyhound, and Azora a black spaniel» [2, p. 34].

7. Тесцов, С.В. Переписка Горация Уолпола как литературный документ эпохи: автореф. дис. ... канд. филол. наук / С.В. Тесцов. – СПб. : СПбГУ, 1997. – 22 с.
8. Судленкова, О.А. // 100 писателей Великобритании / О.А. Судленкова, Л.П. Кортеc. – Минск : Выш. шк., 2020. – 367 с.
9. Николокин, А.Н. Литературная энциклопедия терминов и понятий / А.Н. Николокин ; под ред. А.Н. Николокина. – М. : НПК «Интелвак», 2001. – 1600 с.

Поступила 15.04.2022

GENRE ORIGINALITY OF H. WALPOLE'S COLLECTION «HIEROGLYPHIC TALES»

N. NESTSER

The genre originality of the collection by H. Walpole «Hieroglyphic tales» (1785) is considered. It's substantiated that the short-sized works of the collection have the characteristic features of a fairy tale, which are different from other works of this genre. It is proved that the fairy tales of H. Walpole are characterized by absurdity, anachronism, grotesque, paradox, satire, surrealistic image, humor, which makes it possible to refer H. Walpole's «Hieroglyphic tales» to the literature of the absurd, and their author – to the predecessors of surrealism.

Keywords: *absurdity, anachronism, fairy tale, grotesque, genre, narration, satire, plot, surrealism.*

УДК 821.113.1

СПЕЦИФИКА ПЕРАДАЧЫ АМАНІМІЎ “ПРАЗАІЧНАЙ ЭДЭ” ПРЫ ПЕРАКЛАДЗЕ НА РУСКУЮ, АНГЛІЙСКУЮ І БЕЛАРУСКУЮ МОВЫ

канд. філал. навук **Я.А. ПАПАКУЛЬ**
(Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт імя Еўфрасіні Полацкай)

У артыкуле аналізуецца асаблівасці перадачы пабудаванай на шматзначнасці гульні словаў пры перакладзе старажытнаісландскага зборніка першай паловы XIII стагоддзя “Празаічная Эда” на рускую, англійскую і беларускую мовы. Вялікая ўвага надаецца перакладчыцкім прыёмам і аналізу іх адпаведнасці аўтарскай задуме, логіцы апавядання і захаванню літаратурнасці тэксту. Дэталёва разглядаецца пытанне адпаведнасці перакладаў на вышэйзгаданыя мовы, адпаведна артыкул суправаджаецца цытатамі на старажытнаісландскай, англійскай, рускай і беларускай мовах. Падчас параўнання паслядоўна аналізуецца хібы існуючых перакладаў “Празаічнай Эды” на рускую і англійскую мовы, дэманструецца вырашэнне аналагічных праблемных момантаў у беларускамоўным перакладзе твора. У сувязі з гэтым выказваецца меркаванне, што менавіта прыём літаратурнай адаптацыі тэксту з’яўляецца найбольш аптымальным для захавання аўтарскай задумы, зместавага напўнення і мастацкай вартасці.

Ключавыя словы: Празаічная Эда, Сноры Стурлусан, аманімія, гульні словаў, адпаведнасць.

Уводзіны. Невядома, ці насамрэч у 20-х гг. XIII ст. знакамітая “Эда” была створаная Сноры Стурлусанам, але не выклікае сумневаў: гэты слынны ісландскі скальд, навукоўца, гісторык і законамоўца быў, прынамсі, адным з аўтараў выбітнага зборніка. На сённяшні дзень твор захваўся ў сямі рукапісах XIV – XVII ст. Варта адзначыць, што тэксты манускрыптаў не цалкам супадаюць па змесце, праз што колькасць частак зборніка таксама можа адрознівацца: акрамя кананічных “Пралогу”, “Мрояў Гюльві”, “Мовы паэзіі” і “Пераліку памераў” у “Эду” часам уключаюць два дадаткі (“Тулы імёнаў” і “Пералік скальдаў”), а таксама ўводны абзац да ўсёй кнігі, які захваўся толькі ў “Упсальскім кодэксе” (“*Codex Upsaliensis*”) першай чвэрці XIV ст.

У цэлым, “Эду” Сноры Стурлусана прынята лічыць падручнікам для маладых скальдаў. І сапраўды, у кнізе тлумачацца шматлікія кенінгі і хэйці, прыводзяцца цытаты (каля 350) славурых скальдаў, апісваюцца ўсе, вядомыя на той час, паэтычныя памеры і іхнія варыяцыі. Але для сучаснага чытача “Эда” сваёй значнасцю перавышае паэтычны падручнік. Гэта найкаштоўнейшая крыніца па скандынаўскай міфалогіі, і вялікая колькасць міфаў дайшла да нас дзякуючы менавіта гэтаму зборніку. У той жа час, тэкст “Эды” дае вельмі важныя звесткі па гісторыі, геаграфіі, сацыялогіі, анатоміі і нават іхтыялогіі. Дзякуючы сваёй разнастайнасці, гэткай “энцыклапедычнасці”, зборнік ужо 800 гадоў прыцягвае ўвагу чытачоў па ўсім свеце і дае неацэнную магчымасць акунуцца ў светапогляд людзей таго часу [1, с. 7–8].

Асноўная частка. Пераклад старажытнаісландскай літаратуры абцяжарваецца некаторымі чыннікамі. Асноўным з іх з’яўляецца надзвычай багатая аманімія старажытнаісландскай мовы. Адно і тое ж слова можа мець да дзясятка значэнняў, часам цалкам супрацьлеглых. Шматзначнасць ляжыць у аснове многіх кенінгаў, якія з’яўляліся ключавым стылістычным прыёмам скальдычнай паэзіі [2]. У той жа час, на аманіміі грунтуецца і некаторыя часткі “Празаічнай Эды” Сноры Стурлусана. Пры перакладзе такіх прыкладаў спецыялісты карыстаюцца рознымі прыёмамі, сярод якіх можна вылучыць наступныя:

- даслоўны пераклад;
- захаванне ў тэксце арыгінальнага старажытнаісландскага слова з яго наступным слоўнікавым тлумачэннем;
- адаптацыя згодна з асаблівасцямі мовы, на якую перакладаецца тэкст.

У якасці прыкладу разгледзім частку 35 з “Мрояў Гюльві” – “Пра асіньяў”. У арыгінальным тэксце асіны Лоўн, Вёр, Сюн і Хлін апісваюцца праз сугучныя з іхнімі імёнамі словы:

Lofn – *lof* (дазвол), *lofa* (услаўляць).

Vör – *vör* (вусны).

Syn – *syn* (адмова).

Hlín – *hleina* (ратаваць).

У рускамоўным перакладзе В.А. Смірніцкай выкарыстаны прыём даслоўнага перакладу:

“**Лови** так добра і благосклонна к мольбам, што добываецца у Всеотца и Фригг позволения соединиться мужчине и женщине, хоть бы это и было им раньше заказано. Это по ее имени называется «**позволение**», а также то, что «**славят**» люди.

Вёр умна и любопытна, ничего от нее не скроешь. Отсюда поговорка, что, мол, женщина «**сведала**» о том, что ей стало известно.

Сюн сторожит двери в палате и закрывает их перед теми, кому входит не дозволено. И к ней прибегают на тинге для защиты от тех речей, которые хотят опровергнуть. Потому и вошло в поговорку говорить, если кто отпирается: «У него на все **отказ**».

Хлин приставлена охранять тех, кого Фригг хочет уберечь от опасности. Отсюда поговорка о тех, кто бережется, что он «**спасается**» [3, с. 28].

Як бачна, даслоўны пераклад блытае чытача і парушае аўтарскую задуму, бо гульня слоў знікае цалкам. Толькі ў адным выпадку захоўваецца сугучча (**Лови** – **славят**).

У англамоўным перакладзе Дж. Янга адсутнічае аднастайнасць у выкарыстанні прыёмаў:

“**Lofn** is so gentle and good to invoke that she has permission from All-father and Frigg to bring together men and women for whom marriage was forbidden or banned. From her name comes the word “**permission**”, also what is much praised by men.

Vör is so wise and searching that nothing can be concealed from her. It is a proverb that a woman becomes “**aware**” of what she gets to know.

Syn (Denial) guards the door of the hall and shuts it against those who are not to enter. She is also appointed defending counsel at trials in cases she wishes to refute, hence the saying that “**Syn** is brought forward” when anyone denies an accusation.

Hlín is appointed to protect those men Frigg wants to save from dangers, hence the proverb that “he who is protected “**leans**”” [4, p. 22].

У дадзеным выпадку перакладчык ужывае і даслоўны пераклад (*Lofn – permission, Syn – Denial*), і захаванне арыгінальнага старажытнаісландскага слова з ягоным наступным тлумачэннем (*Syn is brought forward*). У той жа час, двойчы выкарыстоўваецца прыём адаптацыі, у выніку чаго ў двух выпадках дзякуючы сугуччу гульня словаў захоўваецца (*Vör – aware, Hlín – leans*).

У другім англамоўным перакладзе (Э. Фойкса) выкарыстоўваецца прыём захавання арыгінальнага слова з паралельным перакладам:

“**Lofn** is so kind and good to pray to that she gets leave from All-father or Frigg for people’s union, between women and men, even if before it was forbidden or refused. Hence it is from her name that it is called **lof [permission]**, as well as when something is praised (**lofat**) greatly by people.

Vor she is wise and enquiring, so that nothing can be concealed from her. There is a saying that a woman becomes **aware (vor)** of something when she finds it out.

Syn guards the doors of the hall and shuts them against those who are not to enter, and she is appointed as a defence at assemblies against matters that she wishes to refute. Thus there is a saying that a **denial (syn)** is made when one says no.

Hlín is given the function of protecting people whom Frigg wishes to save from some danger. From this comes the saying that someone who escapes finds **refuge (hleinir)** [5, p. 29]”.

Можна ўбачыць і сугучную пару (*Vor – aware*), аднак і такі падыход не перадае аўтарскую задуму.

Беларускамоўны пераклад цалкам грунтуецца на прыёме адаптацыі, і ў кожным выпадку гульнію словаў, пабудаваную на сугуччы, удалося захаваць:

“**Лоўн** такая шчырая і спагадлівая да маленняў, што дабіваецца ад Бацькі ўсяго і Фрыг дазволу на шлюб нават тых жанчынаў і мужчынаў, якім гэта было забаронена ці па нейкай прычыне было цалкам немагчыма. Ейным імем называюць дазвол, за які людзі ўслаўляюць Лоўн.

Вёр мудрая і цікаўная, і нічога нельга ад яе схаваць. Таму кажуць, што жанчына **вавёркай** будзе круціцца, калі захоча штосьці даведацца.

Сюн пільнуе дзверы ў залу і зачыняе іх перад тымі, каму нельга ўваходзіць. Яшчэ да яе звяртаюцца на ціngu па абарону ад тых словаў, якія хочучь абвергнуць. Таму, калі нехта ўсё адмаўляе, кажуць, што ён **пасінее**, але не прызнаецца.

Хлін ахоўвае тых людзей, якіх Фрыг хоча ўберагчы ад небяспекі. Таму кажуць пра таго, хто пазбег чагосьці ліхога, што няшчасце не змагло яго **паглынуць**” [1, p. 57].

Яшчэ адным адметным прыкладам з’яўляецца частка 39 з “Мовы паэзіі” – “Кенінгі мужчыны і жанчыны” – у якой тлумачыцца, чаму ў кенінгах мужчыну можна называць любым дрэвам мужчынскага роду. Гульня слоў у дадзеным выпадку грунтуецца на аманіміі наступных старажытнаісландскіх слоў: *viðr – дрэва, выпрабоўца; reynir – рабіна, здзяйсняць* [6, p. 87].

У перакладзе В.А. Смірніцкай ізноў ужываецца прыём даслоўнага перакладу:

“А так муж зовеця «испытателем оружия и вершителем битв», а слова «**испытатель**» и «**вершитель**» созвучны названиям **деревьев**, скальды, сообразуясь с этим, зовут человека «ясенем», либо «кленом», либо «лесом», либо другими словами мужского рода, обозначающими деревья, соединяя их со словами «битва», «корабль», «богатство»” [3, с. 63].

Як і ў папярэднім выпадку, такі пераклад ніяк не адлюстроўвае аўтарскую задуму і не дае чытачу неабходнага тлумачэння паходжання кенінгаў, а менавіта гэта і павінна з’яўляцца асноўнай мэтай “Мовы паэзіі”. І зразумець гэты абзац можна толькі дзякуючы каментару перакладчыцы: “Слово мужского рода *reynir* значит «испытатель» и «рябина», а слово мужского рода *viðr* значит «дерево» и «совершает». Поэтому в скальдической поэзии все названия деревьев мужского рода – синонимы слов «испытатель» и «вершитель»” [3, с. 63].

У перакладзе Дж. Янга захоўваюцца арыгінальныя старажытнаісландскія словы з паралельным перакладам на англійскую мову:

And because a man is a trier (*reynir*) of the weapons and doer (*viðr*) of the killings, which is the same thing as achiever – **viðr** is also a word for **tree**, there is a **tree called reynir [rowan]** – on the basis of these terms-poets have called men ash or maple, /und [grove, tree] or other masculine tree-names, and made reference to killings or ships or wealth [5, p. 93].

Такі пераклад лепей за рускамоўны перадае сэнс арыгіналу, але, у той жа час, губляецца літаратурнасць твора, і ён становіцца больш падобным да слоўнікавага артыкула.

У беларускамоўным перакладзе стала выкарыстоўваецца прыём адаптацыі. Праз немагчымасць адэкватнай перадачы аманіміі сугучнымі словамі, давялося змяніць кантэкст, каб лагічна вывесці сувязь паміж паняткамі “мужчына” і “дрэва”:

“Праз тое, што перад сечаю ваяры стаяць, нібы **лес**, мужчыну часта называюць **дрэвам сечы**. Таму скальды называюць мужоў *гаем* альбо *ясенем*, *клёнам* ці назвай іншага дрэва мужчынскага роду, дадаючы пры гэтым словы *сеча*, *карабель* ці *багацце*” [1, с. 141].

Такі пераклад захоўвае неабходную літаратурнасць твору, не ператвараючы яго ў слоўнік, а таксама відавочна дае глумачэнне кенінга без неабходнасці дадатковых каментароў.

Бадай што самым паказальным і адначасова самым складаным прыкладам для перакладчыкаў з’яўляецца частка 89 з “Мовы паэзіі” – “Пра прыхаваны змест і двухсэнсоўнасць”. Яна пабудаваная на аманіміі наступных словаў:

læti – *наводзіны*, *голас*, *гнеў*;

ædi – *гнеў*, *паныласць*, *нядоля*;

far – *нядоля*, *збруя*, *карабель*;

lid – *сустаў*, *карабель*, *войска*, *дапамога*, *ніва* [6, р. 245].

Пры гэтым значэнні словаў перагукаюцца, а таму значэнне аднаго на працягу часткі лагічна выцякае з папярэдняга.

У рускамоўным перакладзе мы чарговы раз бачым даслоўную перадачу:

“Голос зовется так же, как и нрав, а нрав – это также и дурное расположение духа. Созвучными словами обозначаются также гнев человека и корабельные снасти либо лошадиная сбруя. Созвучны и слова, означающие гнев и корабль. К подобным выражениям часто прибегают, чтобы затемнить стих, и это называется двусмыслицей. Одинаково называется также сустав, скрепляющий кости, корабль и войско. То же слово означает и помощь, которую один человек оказывает другому. Так же зовется и пиво. Сходными словами называют ворота в заборе, быка и склон. Подобные слова можно так ставить в поэзии, чтобы возникла двусмыслица и нельзя было понять, не подразумевается ли чтонибудь другое, нежели то, на что указывает предыдущий стих. То же можно сказать и о многих других названиях, одинаковых для разных вещей” [3, с. 92].

Пры такім перакладзе логіка апавядання адсутнічае, хаця сродкі рускай мовы дазваляюць падабраць узаемазвязаныя аманімічныя шэрагі.

Англамоўны пераклад таксама не дапасоўваўся да аўтарскай задумы, таму ўва ўсёй частцы захоўваліся арыгінальныя словы з дадатковым перакладам:

“**Læti** means two things. Noise is called **læti**, disposition (**ædi**) is called **læti**, and **ædi** also means **fury**. **Reidi** also has two meanings. It is called **reidi** [**wrath**] when a man is in a bad temper, the gear (**fargervi**) of a ship or horse is called **reidi**. **Far** also has two meanings. **Far** is anger, **far** is a ship. People frequently use such vocabulary so as to compose with concealed meaning, and this is usually called word-play... People call it **lid** [**joint**] on a person where the bones meet, **lid** [**fleet**] is a word for ships, **lid** [**troop**] is a word for people. It is also called **lid** [**help**] when someone gives another assistance... **Lid** is a word for **ale**. There is what is called a **hlid** [**gateway**] in an enclosure, and **hlid** is what people call an ox, and **hlid** is a slope. These distinctions can be made use of in poetry so as to create word-play which is difficult to understand, if it is a different distinction of meaning that has to be taken than the previous line seemed before to indicate. Similarly there are also many other such words where the same term applies to several things” [5, р. 260].

Пераклад на беларускую мову і ў гэтым выпадку грунтуецца на прыёме адаптацыі. Уся частка пабудаваная на аманіміі беларускай мовы, каб захаваць логіку і арыгінальную аўтарскую задуму:

“Бараном называюць самца авечкі. А яшчэ так называюць вялікі човен і дурня. Баранчыкі – не толькі ягняты, але і хвалі на вадзе. Вада – таксама дваякая. Гэта рэкі, азёры і моры. А яшчэ вадой могуць назваць бязглуздыцу. Падобныя словы людзі часта ўжываюць, каб зрабіць значэнне прыхаваным, і гэта называецца двухсэнсоўнасцю. Словам ключ называюць прыладу, пры дапамозе якой адмыкаюць замок. А яшчэ ключом завецца крыніца. Таксама крыніцай называюць аснову. А аснова – гэта яшчэ і падмурак, і падоўжныя ніткі ў тканіне. Бык – не толькі свойская жывёла, але і апора моста. Такія словы варта ўжываць у паэзіі, каб зрабіць змест цьмяным і каб не адразу было зразумела, ці не маеца на ўвазе нешта іншае, чым тое, на што ўказвала папярэдняга страфа. Гэтак і з многімі іншымі словамі, калі розныя рэчы маюць аднолькавую назву” [1, с. 236].

Заклучэнне. Такім чынам, пры перакладзе прыкладаў аманіміі “Празаічнай Эды” ўжываюцца розныя прыёмы: даслоўны пераклад, захаванне арыгінальных слоў з паралельным перакладам, а таксама прыём адаптацыі. Для рускамоўнага перакладу характэрны даслоўны пераклад, што вымагае дадатковых каментароў і глумачэнняў, бо часам логіка апавядання губляецца цалкам. У англамоўным перакладзе сустракаюцца розныя прыёмы,

¹ Viðr heitir tré. Reynir heitir ok tré. Af þessum heitum hafa skáldin kallað manninn ask eða hlyn, lund eða öðrum viðarheitum karlkenn-dum ok kennt til víga eða skipa eða fjár (Edda Snorra Sturlusonar, Nafnaþulur og Skáldatal / Guðni Jonsson bjó til prentunar. – Reykjavík : Íslendingasagnaútgáfan, 1976. – 355 s.).

² Læti er tvennt. Læti heitir rödd, læti heitir æði, ok æði er ok ólund. Reiði er ok tvíkennt. Reiði heitir þat, er maðr er í illum hug, reiði heitir ok fargervi skips eða hross. Far er ok tvíkennt. Fár er reiði, far er skip. Þvílík orðtök hafa menn mjök til þess at yrkja fölgit, ok er þat kallað mjök ofljóst. Lið kalla menn þat á manni, er leggir mætast, lið heitir skip, lið heitir mannfólk, lið er ok þat kallað, er maðr veitir öðrum liðsinni, lið heitir öl. Hlið heitir á garði, ok hlið kalla menn uxa, en hlið er brekka. Þessar greinir má setja svá í skáldskap, at gera ofljóst, at vant er at skilja, ef aðra skal hafa greinina en áðr þykki til horfa in fyrri vísuorð. Slíkt sama eru ok önnur mörg nöfn, þau er saman eigu heitit margir hlutir (Edda Snorra Sturlusonar, Nafnaþulur og Skáldatal / Guðni Jonsson bjó til prentunar. – Reykjavík : Íslendingasagnaútgáfan, 1976. – 355 s.).

але пераважае захаванне старажытнаісландскіх слоў у тэксе з іх паралельным перакладам. Такі варыянт лепей за рускамоўны перадае сэнс арыгіналу, але, у той жа час, пазбаўляе тэкст літаратурнасці. У беларускамоўным перакладзе паслядоўна выкарыстоўваецца прыём адаптацыі, які дапамагае найбольш арганічна і лагічна перадаць сэнс арыгіналу, захаваўшы неабходную літаратурнасць і пазбавіўшыся дадатковых тлумачальных спасылак. Менавіта прыём адаптацыі, на нашу думку, можна лічыць аптымальным пры перакладзе старажытнаісландскай аманіміі.

ЛІТАРАТУРА

1. Эда Сноры Стурлусана / уклад, пер. са старажытнаісл., камент. Яўгена Папакуля. – Мінск : Галіяфы, 2021. – 298 с.
2. Петров, С.В. Поэзия скальдов / С.В. Петров, М.И. Стеблин-Каменский. – Л. : Наука, 1979. – 111 с.
3. Снорри Стурлусон. Младшая Эдда / изд. подг. О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. – Л. : Наука, 1970. – 138 с.
4. The Prose Edda / translated by Jean I. Young. – Cambridge, England : Bowes & Bowes, 1954. – 131.
5. Edda / translated by A. Faulkes. – Exeter : Short Run Press Ltd., 2011. – 285.
6. Edda Snorra Sturlusonar, Nafnabulur og Skáldatal / Guðni Jonsson bjó til prentunar. – Reykjavík : Islingingasagnaútgáfan, 1976. – 355 s.

Паступіў 07.04.2022

СПЕЦИФИКА ПЕРЕДАЧИ АМОНИМИИ В «ПРОЗАИЧЕСКОЙ ЭДДЕ» ПРИ ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ, БЕЛОРУССКИЙ И АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫКИ

Е.А. ПАПАКУЛЬ

В статье анализируются особенности передачи построенной на многозначности игры слов при переводе древнеисландского сборника первой половины XIII века «Прозаическая Эдда» на русский, английский и белорусский языки. Значительное внимание уделяется переводческим приемам и анализу их соответствия авторскому замыслу, логике повествования и сохранению литературности текста. Детально рассматривается вопрос соответствия переводов на упомянутые языки, в следствие чего статья сопровождается цитатами на древнеисландском, английском, русском и белорусском языках. Во время сравнения последовательно анализируются недостатки существующих переводов «Прозаической Эдды» на русский и английский языки, демонстрируются решения аналогичных проблемных моментов в белорусскоязычном переводе произведения. В связи с этим высказывается мнение, что именно прием литературной адаптации текста является наиболее оптимальным для сохранения авторского замысла, содержательного наполнения и художественной ценности.

Ключевые слова: Прозаическая Эдда, Снорри Стурлусон, амонимия, игра слов, соответствие.

THE PECULIARITIES OF THE CONVEYANCE OF AMBIGUITY OF “THE POETIC EDDA” IN THE RUSSIAN, ENGLISH AND BELARUSIAN TRANSLATION

Y. PAPAUL

The article analyzes the peculiarities of the conveyance of the word game based on ambiguity in the translation of the ancient Icelandic collection of the first half of the XIII century “The Prose Edda” into Russian, English and Belarusian. Much attention is paid to translation techniques and the analysis of their conformity to the author’s intention, the logic of the story and the preservation of the literary text. The issue of the correspondence of existing translations into the above-mentioned languages is considered in detail, respectively the article is accompanied by the quotations in Old Icelandic, English, Russian and Belarusian. During the comparison the drawbacks of the existing translations of “The Prose Edda” into Russian and English are consistently analyzed, and the solution of similar problematic issues in the Belarusian translation of the work is demonstrated. In this regard, it is believed that the method of literary adaptation of the text is the most optimal for the preservation of the author’s intention, content and artistic value.

Keywords: Prose Edda, Snorri Sturluson, amonymy, pun, correspondence.

УДК 811.161.1'373.2:821.161.1-21Гремина

ОНОМАПОЭТИЧЕСКИЕ УНИВЕРСАЛИИ В НОСТАЛЬГИЧЕСКИХ ДРАМАХ
ЕЛЕНА АНАТОЛЬЕВНЫ ГРЕМИНОЙканд. филол. наук, доц. И.М. ПЕТРАЧКОВА
(Гомельский государственный медицинский университет)

Статья посвящена исследованию имен собственных в контексте таких драматургических произведений Е. Греминой, как «Глаза дня», «Сахалинская жена», «За зеркалом», «Дело корнета О-ва». Новизна работы состоит в том, что ранее ономастикон русской драматургии второй половины XX века, в том числе, и пьес Е. Греминой не изучался, а между тем он занимает особое место и играет важную роль как в осмыслении теоретических основ литературной ономастики, так и их дальнейшем развитии. В работе перечисляются традиционные и новаторские ономапоэтические универсалии современной драматургии на примере творчества Е. Греминой. Материалы статьи могут использоваться в учебных и просветительских целях в высших и средних учебных заведениях – в преподавании университетских курсов лексикологии, лингвистического анализа художественного текста, современной русской литературы, а также спецкурсов и спецсеминаров по вопросам ономастики. Результаты исследования будут интересны широкому кругу преподавателей и учителей русской словесности, внедряющих в учебный процесс современные достижения филологических наук.

Ключевые слова: ономапоэтическое пространство, оним, драма, пьеса, поэтоним, интерпретация, вариант, полионимия.

Введение. Актуальность настоящего исследования обусловлена отсутствием научных изысканий, рассматривающих как язык произведений театрального искусства конца XX века в целом, так и его ономастикон. Отдельные классы имен, совокупность поэтонимов художественного текста (далее – ХТ), а также основные закономерности при выборе проприальных единиц, функционирующих в произведениях современной русской драматургии, в том числе и творчестве Е. Греминой, по-прежнему остаются лакуной, которая требует своего детального и глубокого изучения. Поэтонимы в ностальгических драмах писателя содержат богатую историко-культурологическую, лингвистическую и литературоведческую информацию. Изучением имен собственных (ИС) в ХТ занимались и занимаются такие белорусские ученые, как П.В. Стецко, В.А. Ивашко, П.П. Шуба, Н.В. Бирило, В.П. Лемтюгова, А.Ф. Рогалев, И.Э. Ратникова, А.М. Мезенко, Е.Ю. Муратова, В.В. Шур, О.А. Лещинская, А.А. Станкевич, Т.П. Слесарева, О.В. Шевернинова, А.Н. Дервяго и др. Данная статья затрагивает новый материал в освоении литературной ономастики – своеобразии ономастикона современной русской драмы, выбор которого обусловлен определенным творческим методом, избранным художником слова. Исследование ИС в текстовом корпусе пьес достаточно актуально и в связи с бурным развитием ономастических исследований в мире, а также в силу появления принципиально новых теоретических постулатов, связанных со становлением литературной ономастики в наши дни и переходом ее на следующий этап эволюции – поэтонимологии, которая, по мнению профессора В.М. Калинин, является непосредственной преемницей ономапоэтики [см. подробнее: 1].

Достаточно необычная и сложная структура произведений Е. Греминой требует уточнения и специфики в выборе проприальных средств, которые бы органично вплетались в поэтику её драматургии и отражали стилистику того художественного метода, в контексте которого автор в конце XX века воплощал современную инновацию русского театра. *Объектом исследования* данной статьи стали такие пьесы, созданные драматургом Е. Греминой, как «Глаза дня», «Сахалинская жена», «За зеркалом», «Дело корнета О-ва». *Предметом* изучения в работе является ономапоэтическое пространство (поэтонимосфера), включающее в себя все ИС: *заголовки, антропоэтонимы и «фондовые» номинации*, функционирующие в вышеназванных произведениях. *Цель работы* – определение специфики поэтонимосферы текстов Е. Греминой и установление *ономапоэтических универсалий*¹ в рамках созданного автором художественного метода ностальгической драмы. Данная цель требует решения следующих задач: 1) систематизация и классификация всех ИС, включенных в ХТ пьес, с точки зрения парадигматического, структурно-семантического, лингвокультурологического, этимологического, прагматического подходов; 2) выявление всевозможных прагматических смыслов ИС в поэтонимосфере ностальгических драм Е. Греминой; 3) установление классических и новаторских приемов создания, использования ИС в текстовом корпусе произведений драматургии «новой волны».

Основная часть. В конце второй половины XX в., как и вся современная литература, драматургия находится в творческом поиске, демонстрируя новые грани поэтики, свидетельствующие о смене эстетической парадигмы. В этот период отчетливо наблюдается развитие двух направлений в становлении современного русского театра. Это постмодернистское течение, которое проявило себя только в конце 1980-х гг., поскольку театр как общественный феномен, постоянно находился под зорким наблюдением цензуры. С возникновением русского театра абсурда связаны постмодернистские драмы О. Богаева, Д. Липскерова, В. Ерофеева, В. Славкина и пр.

¹ Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. – М.: Наука, 1978. – С. 100.

С другой стороны, на рубеже веков в становлении отечественной драматургии обозначилось и противоположное течение. В пьесах М. Угарова, Е. Греминой преобладают патетически ностальгические настроения по историческому прошлому. Это связано с тем, что в конце XX в. в литературе вновь возникла потребность следовать русской классической традиции. Тем не менее, несмотря на сходство с традиционными театральными произведениями, возникает все же новая, авангардная драма 90-х годов. Она одновременно как сохраняет жанровый канон, так и нарушает его, отказываясь от сюжетных схем. Художественная структура пьес отличается органическим сочетанием реального и вымышленного. Специфика данного направления нашла свое отражение в созданном автором ономапоэтическом пространстве вышеперечисленных ностальгических драм. Изучение поэтонимосферы пьес Е. Греминой требует использования целого ряда *методов исследования*. Материалы статьи отражают результаты применения *системного подхода* к классификации ИС драматургического текста, раскрывают *де-скриптивный, когнитивный, экстралингвистический, этимологический, лингвокультурологический, парадигматический, прагматический аспекты их анализа, а также метод количественных подсчетов*.

Драматург при выборе ИС для номинации героев, воссоздания исторического контекста в своем творчестве сочетает классические приемы, а также находится под воздействием модернистских тенденций активно развивающегося в этот период театра абсурда. Однако основным ориентиром в авторских предпочтениях поэтонимов у художника слова остается *прагматическая направленность* их использования в самом широком понимании смысла этой дефиниции. Так, исследователь А.Н. Деревяго в семантике ИС помимо денотативного и сигнификативного компонентов выделяет также и третий – *прагматический*, состоящий из бесконечного числа субъективных ассоциаций, возникающих на основе объективной информации о денотате [2, с. 45]. В художественном тексте существуют поэтонимы «легкие» и «трудные» для восприятия: в одних ИС почти все лежит на поверхностном уровне, другие для понимания требуют интеллектуальных усилий или специального анализа. В связи с этим, по нашему мнению, *прагматическим потенциалом* в узком смысле обладает каждый настоящий поэтоним, поскольку он предстает как совокупность выбранных писателем определенных жизненных мотиваций, облеченных в форму языка и «пропущенных» сквозь призму авторского сознания, которое через ХТ взаимодействует с сознанием и личностью читателя. В итоге ИС обретает смысл через механизм «раскодирования» его читателем и у каждого может возникать свое восприятие онима (информационное, эмоционально-экспрессивное, индифферентное и под.). *Прагматический потенциал* ИС, на наш взгляд, в широком смысле, связан не только со множеством возникающих ассоциаций о денотатах-носителях ИС, но и с ценностью, полезностью (их смысла, количества, структуры, стилистической маркированности и прочих показателей) использования данных языковых единиц при создании писателем ХТ драмы с точки зрения достижения своих цели, реализации авторской концепции. Этот аспект непосредственно связан с практическим использованием информации, содержащейся в ИС, с соответствием её основной целевой функции работы поэтонимосферы как единой системы в пьесах мастера слова. Проанализировав все ИС, действующие в ономапоэтических полях изученных пьес, определим ряд общих закономерностей в создании и употреблении поэтонимов драматургом Е. Греминой с учетом их прагматики.

Во-первых, выбор писателем *заголовков* для номинации пьес отличается своей *традиционностью по форме и трактовке*. Заглавия в основном отражают идейно-тематическое содержание драм. Название пьесы – это главное ИС любого произведения, это его «интрига» и «оригинальность». Оно притягивает внимание как режиссёра, так и публики, читателя/зрителя. Заглавие обладает глубоким подтекстом. Оно не просто раскрывает смысл произведения, но и выполняет проспективную функцию, формирует читательскую догадку относительно темы и/или идеи ХТ. Именно в 1990-е гг. Е. Гремина активно обращается к классике, создает современные версии хорошо знакомых сюжетов или исторических событий. В пьесах «*За зеркалом*», «*Глаза дня*», «*Сахалинская жена*» воссоздается ретроспективный дискурс, где автор обращается к реальным событиям прошлого, на основе которых строит свои тексты. История художником слова разрабатывается в жанре ностальгической драмы, соединяющей в себе черты документальной и психологической пьес. Кроме того, драматург активно обращается к классике, создает современные версии известных сюжетов. Возникают ремейки или пьесы, написанные «вокруг» знакомых произведений. К таковым следует отнести «*Дело корнета О-ва*», которое в сюжетном отношении как раз и представляет собой творчески домысленный ремейк любовной повести-детektива И. Бунина «*Дело корнета Елагина*». По форме, т.е. в плане грамматического оформления, заглавия традиционно представляют собой либо словосочетания типа «*Сахалинская жена*», «*Глаза дня*», «*Дело корнета О-ва*», либо отдельные словоформы «*За зеркалом*». Так, у читателя/зрителя сразу же при знакомстве с названием пьесы «*Сахалинская жена*» формируется догадка относительно темы пьесы: судьбе замужней женщины, которая живет на острове Сахалине. После прочтения же драмы заголовок приобретает более широкий идеологический подтекст, связанный с непростой исторической судьбой данного острова и его обитателей, которые положили на плаху свои жизни для освоения и преобразования территории Сахалина. Заголовок «*Глаза дня*» формирует читательскую догадку относительно идейно-тематического плана пьесы. В художественном контексте (ХК) автор многократно устами главной героини интерпретирует название: «*ГЕРТРУДА (низким, волнующим голосом). Мое имя Мата Хари. По-малайски это означает «глаза дня», иначе солнце. Солнце, которое всходит и заходит и будет и впредь восходить, и заходить...*» [3 с. 337]. С одной стороны, заголовок есть ни что иное как раскрытие этимологии имени героини *Маты Хари*, выявление ее жизненной позиции, воззрений, чувств и эмоций: «*ГЕРТРУДА (медленно танцует). <...> Ты спрашиваешь, как я стала Матой Хари. Мата Хари по-малайски – “глаза дня”,*

солнце. Каждый вечер Солнце умирает, чтобы утром родиться заново. Солнце никого не любит, ни о ком не жалеет» [3, с. 335]. С другой стороны, для многих имя *Маты Хари* все же четко ассоциируется, прежде всего, с образом самой «знаменитой шпионки в мире» [3, с. 325], которая добывала определенную информацию и, возможно, даже была двойным агентом. Разведывательная деятельность как раз предполагает способность все видеть, замечать, за всем следить, наблюдать, т.е. название драмы вполне может являться своеобразной интерпретацией агентурной работы *Маты Хари*, у которой всюду есть «глаза», чтобы шпионить за окружающими, отражая тем самым тему произведения. Она, словно *Солнце*, которое все видит, все освещает, делает скрытое, тайное, явным, и от которого ничто не укроется, не останется незамеченным. Заголовок «*За зеркалом*» указывает на место, где разворачивается действие (это «особенное помещение, отделенное от Её (императрицы – И.П.) парадной спальни экраном в виде зеркала» [3, с. 217], в котором находились фавориты Екатерины II), и имеет несколько символическое значение – обратной, никому не известной, стороны частной жизни государыни. Е. Гремина в самом начале стремится пояснить избранный идеоним, всячески подчеркивая его предпочтение в ремарках пьесы: «... Годы или, могущество Её (Екатерины II – И.П.) все возрастало, желания становились все необузданней: последних лет фавориты уже не смели без Её повеленья покидать дворец... <...> По Её желанию зеркало в любую минуту могло быть поднято наверх...» [3, с. 217]. Само действие происходит в «зеркальной зале», освещенной «множеством свечей в канделябрах» [3, с. 217], где согласно ХК драмы постоянно пребывает один из фаворитов Ее Величества, вначале поручик, а потом, по мере развертывания сюжета, и генерал Александр Дмитриевич Ланской, сменивший прежних многочисленных любимцев Екатерины. Таким образом, заголовок драмы интригующе побуждает читателя / зрителя заглянуть «за зеркало» и увидеть ту неизвестную неприглядную сторону жизни императрицы, о которой ранее никто не писал в учебниках по истории, и о которой говорить было не принято. Одна из драм Е. Греминой имеет постмодернистский ремейковый заголовок, дает отчетливое представление о теме. Название «*Дело корнета О-ва*» созвучно с заглавием любовного детектива И. Бунина «*Дело корнета Елагина*» [4]. Современный русский драматург довольно свободно обходится с бунинским текстом повести «*Дело корнета Елагина*». Заимствуя у классика сюжетную ситуацию (расследование убийства провинциальной актрисы ее любовником, гусарским корнетом, при попытке двойного самоубийства), Е. Гремина, как, впрочем, и в других ХТ, домысливает ее и идет дальше. Главным обвиняемым выступает в драме не несчастный убийца-корнет, а «представитель закона» – придуманный автором пристав следственных дел Каstellли, который, как выясняется, был мужем актрисы и стал главной причиной ее самоубийства.

Другой классической чертой номинации (2), заимствованной у таких русских писателей, как А. Чехов, А. Пушкин, Ф. Достоевский и др., является использование приема зашифровывания имен: *Александр О-в, актриса Анна В-ская, Михил Ч-в* («Дело корнета О-ва»), *литератор Ч.* («Сахалинская жена»). Как и для антропонимов, Е. Гремина прибегает в драме «Дело корнета О-ва» к приему завуалирования «фоновых» ИС: *топонима (узный город С), эргонима (С-ий гусарский полк)*, благодаря которым создается иллюзия типичности и достоверности происходящих в пьесе событий, а также одновременно их таинственности и загадочности.

В-третьих, метод количественных подсчетов достаточно ярко демонстрирует еще одну специфическую особенность поэтоносферы драматургических творений Е. Греминой – преобладание «фоновых» ИС над антропонимами (будь то индивидуально-авторские или прецедентные номинации). В четырех пьесах путем сплошной выборки нами выявлено 205 ИС, причем 88 языковых единиц – это антропонимы, большая же часть номинаций в текстовом корпусе драм (117 проприальных единиц) принадлежит «фоновым» ИС (*топонимы, эргонимы, идеонимы, хронимы* и пр.). В общем процентном отношении это выражается как 43% к 57%. Более того в отдельных пьесах количество «фоновых» имен может доходить до 70% («Сахалинская жена») [5], 63% («Дело корнета О-ва»). Безусловно, такое соотношение отличает творчество Е. Греминой от драматургии 1960 – 80-х годов (В. Розова, А. Гельмана, А. Вампилова, А. Арбузова и др.), где создание коллективных, массовых сцен требует употребления большого количества антропонимов, взятых, как правило, из реального именослова. Основное предназначение «фоновых» номинаций – выступать средством создания исторического хронотопа произведений, который одномоментно подчеркивает замкнутость и в то же время безграничность мира драматургических героев. Иногда «фоновые» номинации выдвигаются у Е. Греминой на первый план, занимая значимое концептуальное положение в онамапоэтическом пространстве ХТ. Так, в драме «Сахалинская жена» таковыми являются *хоронимы*² *Сахалин* и *Россия*. *Сахалин* – это тот суровый фон, на котором разворачиваются происходящие в драме события. Ему противопоставляется другой *хороним* – *Россия*. Названные ИС многократно употребляются автором, задают драме преобладающее настроение грусти, тоски, отражают главную тему, основной идейный и ностальгический эмоциональный тон литературно-художественного произведения. *Хоронимы Россия* и *Сахалин* активно сопоставляются в ХТ, противостоят друг другу, словно рай и ад. *Сахалин* в драме выступает в роли мистического дна *России*, ее ада, предела. Ассоциации с адом усиливаются подбором героев (все заключенные здесь убийцы), акцентированием определенной философии: «*Без греха нельзя. Потому как Сахалин*» [3, с. 290]. То, что жизнь на *Сахалине* другая, постоянно подчеркивает драматург в репликах своих героев: «*ИВАН. Здесь почва вся просоленная! Туман ползет!*»; «*ИВАН (отплевываясь). Тьфу? Сахалин. Вода и та сахалинская.* <...> *Нет, отчего, ты скажи – красноватая она?»* [3, с. 291]; «*ИВАН.... Здесь же пустыня! Сахалин, одно*

² Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. – М.: Наука, 1978. – С. 160.

слово!» [3, с. 296]; «СТЕПАН. Кругом море, а посередине горе. Это про что говорится, про остров наш, про **Сахалин**» [3, с. 310] и др. Но все же у всех героев драмы есть заветная мечта когда-нибудь вернуться в **Россию**. Обитатели острова постоянно ностальгируют по жизни в **России**. В ХТ повторяются фразы с этим топонимом: «МАРИНА. А у вас в **России** нынче траву косят. Высокая трава» [3, с. 286], «ИВАН. В **России** вода голубая. Светлая. Серебряная вода в **России**. Из самого последнего болота – серебряная!» [3, с. 292]; «СТЕПАН. ... Ольха в **России** тоже растет» [3, с. 287] и прочие реплики героев. Так, конкретные хоронимы **Сахалин** и **Россия**, будучи ключевыми словами в произведении, служат единой цели – раскрытию писательского замысла [см. подробнее об этом: 5, с. 194–196].

Данные наблюдения над ономапоэтическим материалом выявляют четвертую закономерность (4) прагматики поэтономосферы драматурга ностальгических пьес. Это построение хронотопа, отражающего место действия или изображающего локальную реальность, по принципу выбора онимов, противоположных друг другу по семантической ауре. Отчетливо с помощью «фоновых» топоэтонимов создаются бинарные оппозиции «свой – чужой», «новый – старый», «ад – рай», «добро – зло», «прекрасное – безобразное», «старое – новое», «восток – запад», «русское – иностранное» и под. Например, **Сахалин – Россия** («Сахалинская жена»), **Россия – Париж, Новгородская улица** («Дело корнета О-ва») – **Староградская** (бунинский текст «Дело корнета Елагина»), **Суматра, Сингапур – Париж, Франция** («Глаза дня»), сочетание русского и немецкого именованных («За зеркалом») и пр. Так, бинарная оппозиция «свой – чужой» служит замыслу драматурга, передает ностальгическое настроение русских эмигрантов, находящихся во **Франции**, вдали от **России** при переосмыслении ими пережитых некогда на родине событий («Дело корнета О-ва»). Пристав Кастелли, проживая в **Париже**, открыто демонстрирует свое пренебрежение ко всему французскому: «... Что за город! Верно говорят: плохо здесь человеку. Темный, грязный, низменный город. <...> Обожаю здесь бросать бумажки. Пачкать этот проклятый город. Нет уж верно говорят: гадже **Парижа** – только **Рим**» [3, с. 189 – 190]. И вместе с тем ностальгирует по реалиям **Отечества / России**: «... А ведь учил когда-то французский, <...> все это было, было, в **Петергофе** при **Александре Николаевиче** светлой памяти» [3, с. 190]. «... <...> это же наш, наш **Константинополь!** Наш исконный город. Наши князья еще в десятом веке... «Твой щит на вратах **Царьграда**» ... Знаешь, о чем это? **Царьгород!** Понимаешь, наш **Царьгород!** Все профукали, а тебе и невдомек!» [3, с. 199]. В драме «Глаза дня» противопоставляются **восток**, который ассоциируется со всем диким, непонятным, тяжелым, отрицательным, и **запад**, с его свободными современными нравами, перспективами, возможностями красивой, легкой, беззаботной жизнью. Главная героиня Мата Хари чувствует себя во **Франции** новым человеком, который лишен страданий, эмоций, глубоких чувств и переживаний. Гертруда в **Париже** – знаменитая танцовщица. Здесь она живет в роскошном уютном гостиничном номере, у Маты Хари есть слава и деньги. Героиня, будучи куртизанкой, сравнивает себя с Солнцем, которое «никого не любит, ни о ком не жалеет» [3, с. 335], сама жизнь для нее – это «узор на крыле бабочки без смысла и цели...» [3, с. 337]. И напротив, на востоке, находясь в **Суматре, в Сингапуре**, Гертруда пережила «ужасную участь молодой жены» [3, с. 326] со множеством страданий и лишений: терзалась от обид и одиночества, терпела пьянство, оскорбления, издевательства и измены мужа, капитана Маклеода, «ужасный климат» [3, с. 328], «в **Сингапуре** она похоронила своего маленького сына» [3, с. 331]. Вот как сама героиня вспоминает прошлое: «Мы жили в **Суматре, в Сингапуре**. Там был тяжелый климат. У мужа начались неприятности с подчиненными, с туземцами... <...> Наш маленький сын умер. Муж стал пить. Он часто бил меня...» [3, с. 334].

В-пятых, при выборе антропоэтонимов для называния сюжетных персонажей (как правило, они появляются на сцене в ходе развития действия драмы) художник слова использует так называемые прецедентные имена (ПИ). Таких ИС в произведениях драматурга большинство (57 проприальных единиц) – 65% от общего количества антропоэтонимов. ПИ и словоупотребления с ними, на наш взгляд, подразделяются на две группы по критерию денотации / коннотации, дифференциация которых, к тому же, обусловлена раскрытием социально-исторического или же филологического контекстов. К денотативным ПИ относятся онимы, несущие в себе определенный культурный код и создающие образность произведения, но не участвующие при этом в создании метафорических смыслов, принципиальной выразительности, экспрессивности или образности, фигуральности. В основном это узуальные ИС ученых, писателей, философов, исторических деятелей, литературных героев и т.д. Однако, профессор В.М. Калинин замечает: «Хотя следует признать, что собственное имя исторического лица имеет в сознании читателя прямую референцию с конкретной личностью, восприятие персонажа – исторической личности (и его имени) – в художественном произведении осложнено и изменено преобразующим воздействием творящего сознания <...> всякое собственное имя в литературно-художественном произведении есть знак «фиктивного» (в смысле: сотворенного воображением писателя) существования» [1, с. 10]. Это значит, что с одной стороны, ИС обладает определенной энциклопедической информацией, но, с другой стороны, в ХТ автор также добавляет определенный смысл этой номинации, присоединяет определенное содержание к ПИ. Среди ПИ в текстах Е. Греминой большинство приходится на долю узуальных реалионимов³, т.к. в драмах чаще раскрывается исторический дискурс, где писатель обращается к подлинным событиям, на основе которых создает свое произведение. Так, например, образы **Екатерины II** и ее придворного окружения («За зеркалом»), «самой знаменитой шпионки в мире» [3, с. 325] **Маты Хари**, «фильмовой дивы немого кино» [3, с. 315] **Клод Франс** («Глаза

³ Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. – М.: Наука, 1978. – С. 118.

дня») или литератора **А.П. Чехова** («Сахалинская жена») – это в предельной степени творения Е. Греминой, концепции Е. Греминой, но живут эти образы непрерывным соизмерением с настоящими историческими персонами императрицей **Екатериной II**, знаменитой танцовщицей **Гертрудой Целле (Матой Хари)**, актрисой **Клод Франс (Ханной Виттиг)**, писателем **А.П. Чеховым**. Для драматурга обращение к имени исторического лица – это акт творения новой истории. Структура образов заведомо двойная, основанная на том, что у читателя, возможно, есть уже определенное сложившееся представление о **Екатерине II, Мате Хари, Клод Франс, А. Чехове** и на том, что писатель пытается передать свое индивидуально-авторском видение, при создании образов известных исторических личностей. Это связано с тем, что всё же единственным способом проникновения в смысловую сферу поэтонима является фактор ХТ, поскольку Е. Гремина, моделирует виртуальную (вымышленную) реальность, и здесь уже очевидны принципиальные отличия семантики онима художественного произведения от семантики ИС в языке. Обязательное включение в ХТ реалионимов используется для воссоздания «правды жизни», отнесенности действия пьес к определенному историческому периоду. Так, *узальный* антропоним хорошо всем известного писателя **Антон Павлович Чехова** («Сахалинская жена») – та имплицитная номинация, которая обладает широким реминисцентным фоном. Сама пьеса написана по мотивам жизни и творчества **А. Чехова**, поэтому одна из ведущих ролей в поэтонимосфере принадлежит имени классика. Драматург Е. Гремина подчеркивает это уже в посвящении пьесы: «*столетию выхода в свет книги А.П. Чехова «Остров Сахалин»* [3, с. 31]. Прибегая к ремейку биографии **А. Чехова**, автор делает драму реалистичной, соответствующей исторической действительности. Литератор, действительно, в свое время посетил остров Сахалин. Е. Гремина использует сочетание документальных фактов и художественного вымысла. И в этой связи ирреальные события кажутся реальными, правдивыми. Собственно *узальные* ИС применяются с целью отразить историко-культурный фон, хронотоп, например, и в произведении «Дело корнета О-ва» (*реалионимы Колчак, Румянцев-Задунайский, Александр Николаевич (царь), граф Толстой, Ренуар с Деги, Бодяяр, Мамонт Дальский, Плевако, Шиллер, Диоген*), а также дать характеристику персонажу. Так, сам **Корнет**, говоря о себе и оправдываясь перед Лукерьей, замечает, что он «рукоприкладством» не занимается: «*Я, Лукерья, графу Толстому в Ясную Поляну писал... <...> ... я толстовец в душе*» [3, с. 191].

Кроме того, к прецедентным ИС следует отнести широко известные номинации, которые используются в ХТ не только для обозначения конкретного человека (города, населенного пункта, предприятия, организации и т.д.), но и в качестве своеобразного культурного знака, символа определенных черт, свойств. Это *ономастические метафоры, сравнения, метонимии*, т.е. *коннотативные* реминисцентные номинации. Напротив, их можно описать как особо *метафоричные*, несущие в себе смыслопорождающую функцию, обладающие определенной семантической аурой и эксплицирующие идиоматически или фразеологически устоявшиеся лингвокультурологические значения. Чтобы раскрыть образную, иносказательную, фигуральную сущность ИС потребуются исследование так называемого *филологического контекста* антропонима. Это отсылка носителя языка (читателя/зрителя) к различным ХТ, в том числе и на основе *метафоризации* соответствующих собственным узальным реминисценций, ИС ученых, писателей, философов, исторических деятелей, литературных героев и т.д. В исследуемых нами пьесах к ним относятся такие имена, как **Шопенгауэр, Лессинг, Пирогов** («Сахалинская жена»), **Амур, царь Эпирский/Пирр, Гельвеций** («За зеркалом»), **Спенсер, Ницше, Плевако** («Дело корнета О-ва») и пр. Так, сожалея о своем пребывании на Сахалине, Доктор отмечает: «...*Из меня мог получиться великий врач, философ, Шопенгауэр или Пирогов*» [3, с. 312]. Перед нами явные *ономастические сравнения* (такой философ, как всем известный **Артур Шопенгауэр** или же такой врач, как знаменитый **Николай Иванович Пирогов**). Любуясь внешней красотой нового фаворита Екатерины II Александра Дмитриевича Ланского, Графиня Брюс («За зеркалом») сравнивает его с **Амуром**: «*БРЮС (льстиво). Он походит на фальконетовского Амура* (эталон красоты – И.П.). **МАТУШКА. Нет, нет. Уж был – царь Эпирский. Пирр, царь Эпирский, совершенство красоты**» [3, с. 222]. ПИ могут выступать и как экспликатеры идиоматических смыслов в форме *ономастических метафор* («Дело корнета О-ва»): «*КАСТЕЛЛИ. Пьяница-гусар в припадке животной ревности <...> Вот голые факты, и ни один Плевако!*» [3, с. 196] – в значении «хороший адвокат». Ономастическое сравнение **царь Эпирский** в текстовом корпусе плавно переходит в разряд *ономастических метафор*: «*МАТУШКА. ...Говорил ли что Светлейший князь? Про тебя, меня и царя Эпирского – что говорил?*» [3, с. 222], или строки из письма императрицы после смерти Ланского: «*Я уже не скучаю по прекрасному Пирру, царю Эпирскому, известному Вам генералу*» [3, с. 223]. Корнет из пьесы «Дело корнета О-ва»: «*Я читал. Спенсера и Ницше собирался читать...*» [3, с. 209], т.е. имеются в виду труды вышеупомянутых философов. Аналогичное использование ПИ в драме «За зеркалом»: «*МАТУШКА. Быть суеверным – это смешно в наш век <...> И Гельвеция ты не дочитал. Не открывал даже – я знаю это – Гельвеция!*» [3, с. 233]. *Коннотативные* ПИ обладают значительным эстетическим, эмоционально-художественным и культурно-историческим потенциалом.

Исходя из двух вышеназванных ономастических закономерностей в выборе онимов вытекает *шестая универсалия – взаимообусловленность «фоновых» номинаций и антропонимов*. Те и другие в ХТ должны соответствовать и не противоречить друг другу. В ностальгических драмах ИС, являясь ключевыми элементами исторических событий, кодирующими информацию в силу своей хронотопичности, позволяют соотносить время и место произошедшего, особенно если таковым является известное историческое лицо. Введение в текст реальных географических названий и других «фоновых» онимов уже обусловлено избранными антропонимами исторических персон и используется писателем для отражения топографической достоверности. В арсенале ономастических приемов

Е. Греминой – использование по-разному переосмысленных, преобразованных ИС «персонажей-симулякров», которые сохраняют в себе «копию» оригинала. Это явление *интертекстуальности*, ИС – «копия копии», ярко обнаруживающая черты известного персонажа классического ХТ или исторического лица (*корнет Александр О-в* / бунинский *Александр Михайлович Елагин*, *актриса Анна В-ская* и *Мария Иосифовна Сосновская* из «Дела корнета Елагина», *генерал-анишеф Кручина-Орлов* «Дело корнета О-ва» и *Григорий Орлов*). Данная *седьмая тенденция (7)* явно *постмодернистская*, которая характерна для произведений театра абсурда. Но чаще Е.А. Гремина оставляет без изменения ИС исторических героев (*генерал Александр Дмитриевич Ланской*, *Светлейший князь / Потёмкин*, *Гельвеций*, *Дидерот*, *Вольтер*, *ученый Гримм*, *императрица Елизавета*, *Екатерина Вторая*, *Петр Третий*, *Федор Орлов*, *генерал Салтыков*, *доктор Роджерсон*, *Графиня Брюс* и др. – «За зеркалом»), *писатель Антон Павлович Чехов* – «Сахалинская жена»; известная танцовщица, «самая знаменитая шпиконка в мире» *Мата Хари* / *Гертруда Целле* / *Госпожа Маклеод*, а также ее современники, среди которых звезда немого кино *Клод Франс* / *Ханна Виттиг*, *капитан Ричард Маклеод*, *Чарли Чаплин*, *Жан Ренуар*, *Рене Клер*, *Грета Гарбо*, *Марлен Дитрих* – «Глаза дня»). При этом выбор реальных антропонимов и «фоновых» ИС *взаимобусловлен*, т.к. Е. Гремина стремится к тому, чтобы с достоверной точностью воссоздать время и пространство определенной исторической эпохи, где персонаж был бы узнаваем читателем по известной фамилии, но, жил своей жизнью, придуманной для него автором. Особенно показательны в этом плане такие «фоновые» поэтонимы, как *эргонимы*⁴: *Астрономическое общество*, *ресторан «Масленица русса»*, *отряд «Синяя блуза»*, *Японская кампания*, *Николаевское училище*, *Ижевский пединститут* – «Дело корнета О-ва», *фильмовая студия «Гомон»*, *музей Гиме*, *госпиталь Сен-Роше* – «Глаза дня», *Дугинская кандалная тюрьма*, *Сахалинская колония* – «Сахалинская жена», *Остзейская депутация* – «За зеркалом», *идеонимы*⁵: названия песен того периода *«Летавиши по воле орел молодой...»*, *«Хуторок»*, *«Окрасился ветер багрянцем...»*, *«Ванька-Ключник»*; произведение А.П. Чехова *«Остров Сахалин»* – «Сахалинская жена»; *«Философическая повесть»* (Вольтер), *«Дух законов»* (Монтескье), указ *«О вольности дворянства»* – «За зеркалом»; *хрононимы*⁶: *Первая мировая война* – «Дело корнета О-ва», *Век Науки*, *Век Философии*, *Век Свободы* – «За зеркалом» и пр.

В-восьмых, в проприальном поле ХТ ностальгических драм присутствуют персонажи, которых автор нарекает с помощью *апеллятива*, давая *обобщенную* характеристику (*возраст*, *статус*, *образ*, *профессиональную принадлежность*, *род занятия* и пр.): *Тапер*, *Капитан*, *Слуза*, *Женищина* – «Глаза Дня», *Доктор*, *Унтер* – «Сахалинская жена», *Матушка/Зоренька*, *Граф*, *Светлейший князь* – «За зеркалом», *Корнет* – «Дело корнета О-ва». Так, субъект-обладатель контекстуального антропонима *Тапёр*, который внезапно появляется на пороге гостиничного номера у забытой всеми актрисы немого кино Клод Франс, предлагает ей сняться в новом фильме о Мате Хари, чем, безусловно, интригует героиню. Оним прямо указывает на род профессиональной деятельности персонажа пьесы «Глаза дня» (ср. одно из значений лексемы *тапёр* – «*пианист, сопровождавший игрой на пианино демонстрацию немого кинофильма*»⁷). Тюремного врача в «Сахалинской жене» никто иначе и не называет, кроме как *Доктор* (ср. *доктор* – «то же, что врач»⁸, «специалист с высшим медицинским образованием»⁹, а полицейского надзирателя именуют *Унтер* (от унтер – разг. от унтер-офицер – «в царской и некоторых других армиях: звание младшего командного состава, а также лицо, имеющее это звание»¹⁰), что, исходя из ХК, позволяет отнестись имени этого типа к прямоговорящим. Придворные Екатерины Второй трепетно называют ее деминутивом *Матушка* (этот эпитет выражает почтительное ласковое народно-поэтическое обращение, образованное от апеллятива *матушка (мать)* в значении «*женщина по отношению к своим детям*»¹¹, т.к. для них государыня и есть мать-покровительница. Фавориты обращаются к Екатерине тоже народно-поэтической ласкательной формой *Зоренька* (ср. *заря* – «*яркое освещение горизонта перед восходом и после захода солнца*»¹², например, *ясная зоренька*, *румяная заря*, т.е. красивый свет, освещение, который, безусловно, вызывает восторг у человека), подчеркивая одновременно свое обожание и восхищение этой женщиной, красоту и желанность императрицы. Исследователь И.Б. Воронова о таких номинациях пишет следующее: «Если в изобразительных целях писатель использует для обозначения героев апеллятивные единицы, они неизбежно онимизируются и тем самым становятся контекстуальными антропонимами»¹³. Использование такой неаппелятивной лексики – *традиционное* явление, присущее произведениям драматургии для называния персонажей без имени. Принадлежность подобных

⁴ Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. – М. : Наука, 1978. – С. 166.

⁵ Там же. – С. 161.

⁶ Там же. – С. 162.

⁷ Словарь русского языка : в 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой ; АН СССР, Ин-т рус. яз. – 3-е изд., стереотип. – М. : Русский язык, 1988. – Т. 4. (С–Я). – С. 339.

⁸ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеол. выражений. – 4-е изд., доп. – М., 1998. – С. 172.

⁹ Там же. – С. 102.

¹⁰ Там же. – С. 834.

¹¹ Словарь русского языка : в 4 т. / По ред. А.П. Евгеньевой ; АН СССР, Ин-т рус. яз. – 3-е изд. стереотип. – М.: Русский язык, 1986. – Т. 2. (К–О). – С. 238.

¹² Словарь русского языка : в 4 т. / По ред. А.П. Евгеньевой ; АН СССР, Ин-т рус. яз. – 3-е изд. стереотип. – М.: Русский язык, 1985. – Т. 1. (А–Й). – С. 568, 621.

¹³ Воронова, И.Б. Текстоборазующая функция литературных имен собственных (на материале эпических произведений XIX–XX вв.) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. – Волгоград, 2000. – С. 20.

номинаций к ономастической лексике определяется контекстуально. Граница между онимами и апеллятивами в данных случаях фактически отсутствует. Наблюдается так называемая *онимизация* апеллятива, или же в данном случае *антропонимизация апеллятивов*, т.е. использование *деапеллятивов*¹⁴. Во всех пьесах Е. Греминой есть такие ИС, для которых характерна сигнификативность: они имеют предметное значение, но в то же время являются обозначением персонажа. Причем, иногда героям, наряду с деапеллятивами, присваиваются и личные имена (это уже иное явление, называемое *полионимией*¹⁵).

Отметим, что *девятая универсалия* поэтонимосферы пьес Е. Греминой в большей степени – порождение театра абсурда нежели классической традиции драматургии, поскольку у действующего лица появляется другое имя или несколько имен, как правило, в ирреальных ситуациях (сценах перевоплощения, возникновения иллюзорных галлюцинаций, воспоминаний и под.), либо же при общении с людьми, находящимися в разных социальных статусах. В.М. Калинин замечает: «Разные способы именованья одного и того же референта могут отражать как различное представление об имени, о роли его формы для именуемого объекта, так и эволюцию отношения к самому именуемому объекту» [1, с. 10]. Антропоэтонимам ностальгических драм присуще такое явление, как *полионимия (многоименность)*: агент германской разведки под шрифтом «АШ-21» / *Женищина / Глаза Дня / Мата Хари / Гертруда Целле / Госпожа Маклеод; Клод Франс / Ханна Виттиг; Капитан / капитан Ричард Маклеод / капитан Леду; граф Рауль де Шайни / Слуга, Тапер / Вадим* – «Глаза дня», *Екатерина Вторая / Матушка / Зоренька / Ваше Величество / Великая княгиня; Петр III / Великий князь; графиня Брюс / Прасковья* – «За зеркалом»; *Александр О-в / Корнет; Лукерья / Луиза Кастелли* (кухарка) – «Дело корнета О-ва» и под. Герои драм предстают в разных ипостасях: перевоплощение персонажей на сцене или же смена социального статуса приводит к *полионимии*, последовательной смене имени. Так, *Слуга* из пьесы «Мата Хари» «*до-стает откуда-то из глубины шкафа щегольской фрак, облачается в него*» [3, с. 332] и прямо на сцене перевоплощается в *графа Рауля де Шайни*, мужа актрисы немого кино Клод Франс: «*КЛОД (кисло). Разве я не познакомила вас? Разрешите представить – граф Рауль де Шайни. Мой муж <...> ТАПЕР (поражен). Но ведь граф Рауль умер десять лет тому назад, сразу после своей женитьбы!*» [3, с. 332]. *Капитан Ричард Маклеод* перевоплощается в драме в *капитана Леду*. Гертруда, встретившись с *капитаном Леду* в Париже восклицает: «*Зачем ты вновь тревожишь меня? Ты мучил меня в той жизни. Но теперь я свободна, я свободна! КАПИТАН (удивленно). Ты, никак, больна? <...> Я – капитан Леду, милочка ... <...> ГЕРТРУДА. Вы ... похожи на моего мужа...*» [3, с. 339]. И когда капитан произносит знакомую фразу, Гертруда вновь вскрикивает: «*Ричард?! Ты не умер, Ричард? О да... Смерти не существует! Две жизни, три жизни ... <...> Простите, капитан Леду*» [3, с. 339–340] и подобной сцены. *Полионимия* текста в целом является многофункциональным средством языка художественной литературы, которое осуществляет огромную работу по созданию и раскрытию характеров персонажей, передаче авторского замысла, а также формированию художественно-образной модели произведения. Автор иногда демонстративно подчеркивает использование той либо иной номинации в ХК. Например, в пьесе «За зеркалом» встречаем множественность имен при обращении к Великой императрице *Екатерине II*. Придворные по-своему ласково называют её *Матушкой*: «*БРЮС. В Матушке все необыкновенно. Матушка в пять утра встает. У Матушки два уха – левое и правое – по отдельности слышат, от того Матушка никакой музыки не любит и не понимает, отчего другие увлекаются. Матушка сама себе опу привила*» [3, с. 219] и др. Причем самой императрице нравится, чтобы фавориты звали её *Зоренькой*: «*БРЮС (холодно, деловито). Матушку называть – Зоренька. САШЕНЬКА (шепчет). Зоренька. (С ужасом) Как это? БРЮС. Зоренька. Она так любит. Её все так называли. Так надо*» [3, с. 219]. Иностранцы посылы, дипломаты обращаются к Екатерине достаточно почтительно и официально: «*Ваше Величество*» [3, с. 235]. Использование многоименности, возможно, обусловлено ещё и тем, что в отличие от прозы в произведениях драматургии художественные средства для характеристики персонажей, передачи авторской концепции и отношения к действующим лицам значительно ограничены. Благодаря такой специфической особенности использования ИС, как многоименности, драматург акцентирует внимание на антропоэтониме, раскрытию его прагматического потенциала, выделяя имя из остальных элементов поэтонимосферы, стремясь с помощью полионимии осуществить перевоплощения на сцене персонажей драм, создать мир ирреальной действительности, охарактеризовать лицо и выразить свою индивидуально-авторскую концепцию.

Десятой ономапоэтической закономерностью, выступает *апеллятивно-онимное взаимодействие*. Е. Гремина новаторски использует лаконичное употребление адеквативов, искусственно созданных двойных фамилий, приложений рядом с именами-реалионимами известных персон (например, *горбатая принцесса Курляндская, рябая Лизка Воронцова, поручик Ланской / генерал Ланской* – «За зеркалом», *генерал-анишеф Кручина-Орлов* – «Дело корнета О-ва»), что свидетельствует о скрупулезной работе драматурга с историческими документами. Историзм – это воспроизведение в ХТ подлинных исторических событий, реальных фактов биографии известных людей, деятелей определенной эпохи. Факт биографии, даже незначительный, но отмеченный в сознании автора, является ономастическим импульсом при создании ХТ. ИС запускает механизмы разных видов памяти и способствует вербализации воспоминаний в тексте, расширяя границы человеческой памяти, позволяет развернуть пространство ХТ до безграничности. Полученная информация аккумулируется в предпочтенных автором адеквативах и апеллятивах. Так, ИС предопределяет использование других текстовых единиц с определенной семантикой.

¹⁴ Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. – М.: Наука, 1978. – С. 53.

¹⁵ Там же. – С. 112.

В результате подобного *апеллятивно-онимного взаимодействия* в концентрированном виде дается исчерпывающе значимая для автора информация о сюжетном или, чаще всего, внесюжетном (упоминаемом) персонаже драмы, который является известным историческим лицом. К примеру, в ХК называются не столь известные читателю/зрителю исторические лица: «*МАТУШКА. Муж готов любить всякую женщину, кроме тебя. Будь то горбатая принцесса Курляндская, будь то рябая Лизка Воронцова. Муж назло будет совершать неверности*» [3, с. 237]. *Елизавета Романовна Воронцова*, действительно, была фрейлиной при императорском дворе. Графиня, по описаниям современников, отличалась очень некрасивой внешностью. Лицо её после перенесённой оспы всё было покрыто рубцами. Однако *Воронцовой* увлекся сам великий князь Петр III и сделал *Елизавету* своей фавориткой и камер-фрейлиной при дворце. Именно этого не может простить графине законная жена Петра III, императрица Екатерина II, когда пренебрежительно называет её в ХК «*рябой Лизкой Воронцовой*» [3, с. 237]. *Принцесса Гедвига Елизавета Курляндская*, по словам современников, была некрасива, дурно сложена и горбата. Её отец Бирон был сделан в свое время герцогом Курляндским; следствием этого для Гедвиги Елизаветы был титул «*принцессы*». При дворе государыни она вела себя необыкновенно скромно и умела угождать всем, за что Гедвигу назначили на специально придуманную для неё же должность – второй надзирательницы над фрейлинами. Немецкое происхождение *принцессы Курляндской*, а также умение терпеливо выслушивать все проекты Великого князя завоевало девушке симпатии и благосклонность Петра III. Именно поэтому Екатерина также невзлюбила фрейлину, что нашло отражение в адъективе «*горбатая принцесса Курляндская*» [3, с. 237]. Выбор ёмкой в семантико-стилистическом отношении фамилии предка, а именно прадеда корнета О-ва, *генерала-аншефа Кручины-Орлова* ассоциируется с именем фаворита Екатерины II, графом *Григорием Орловым*, который в конце жизни из-за страданий, связанных со смертью своей любимой молодой жены Екатерины Зиновьевой, помешался рассудком и вскоре умер. Используя двойной антропоним, одна из частей которого отчетливо соотносится с апеллятивом *кручина* – «народно-поэт. грусть, печаль, тоска»¹⁶, драматург, скорее всего, имеет в виду вышеназванный автобиографический факт из жизни реального исторического лица генерала *Григория Орлова*. К тому же именно *Григорий Орлов* был произведён императрицей в *генерал-аншефы*, т.е. получил высший генеральский чин, который существовал в Российском государстве XVIII в. Ненавязчивое привлечение в ХК документальных фактов – та особенность автора, которая уже в начале XXI века приведет Е. Гремину к созданию нового художественного направления в современной драматургии «Театра.doc». Следовательно, *апеллятивно-онимные комбинации* в лаконичной форме исчерпывающе раскрывают взаимоотношения между героями, создают эмоциональный фон, характеризуют персонаж, указывают на его социальный статус, вскрывают определенный культурно-исторический контекст, воссоздают хронотоп художественного текста драм.

Заключение. Таким образом, в переходный период становления русской драматургии Е. Гремина обращается к использованию как *традиционных*, так и *новаторских* приемов создания и использования онамапоэтических средств, позволяющих четко соотнести основных героев драмы с известным классическим сюжетом или произошедшим историческим фактом. Эти онамапоэтические универсалии гармонично переплетаются между собой.

Так, к *классическим* методам подбора и создания проприальных единиц, как нам представляется, можно отнести следующие: *применение традиционных по форме и трактовке заголовков*, отражающих идейно-тематическое содержание пьес («*За зеркалом*», «*Сахалинская жена*», «*Глаза дня*»), воссоздающих, как правило, внутреннее (метафорическое) содержание или же уточняющие авторскую оценку (идею); *прием зашифровывания имен* (*Александр О-в, актриса Анна В-ская, Михил Ч-в, уездный город С*), демонстрирующий следование чеховской традиции при номинации персонажей, *применение узуальных ИС* для воссоздания историко-культурного фона, фактов биографии, а также коннотативных ПИ для исчерпывающей обрисовки героев драмы (*Колчак, Александр Николаевич, граф Толстой, Плевако, Шиллер, Диоген, Пирогов, Спенсер, Ницше, Вольтер, Гримм, Амур* и пр.), *взаимобусловленность «фоновых» номинаций и антропонимов, антропонимизация апеллятивов* (*Тапер, Капитан, Слуга, Доктор, Унтер, Матушка, Зоренька, Корнет*).

К *новаторским (постмодернистским)*, заимствованным из театра абсурда, на наш взгляд, принадлежат такие закономерности: *использование интригующих ремейковых заглавий* («*Дело корнета О-ва*»), заинтересовывающих читателя/зрителя и вызывающих спектр ассоциаций; *употребление по-разному переосмысленных, преобразованных интертекстуальных ИС «персонажей-симулякров»* (*Александр О-в* / буинский *Александр Михайлович Елагин* и под.), которые сохраняют в себе «копию» оригинала, *преобладание «фоновых» ИС* (57%) над *антропонимами* (43%), а также *доминирование прецедентных имен* (65%) над индивидуально-авторскими (45%), что подтверждает стремление Е. Греминой эмоционально воздействовать на свою аудиторию, создавать определенные ассоциативные ряды, отражать ретроспективное пространство и время изображаемых событий. Важная особенность в выборе ИС связана с построением хронотопа в художественном тексте, основанном на *принципе употребления бинарно оппозиционных ИС* (*Сахалин – Россия, Париж – Суматра, Сингапур – Франция* и т.д.). В своем творчестве драматург также прибегает к широким возможностям *полионимии* (*АШ-21* / *Женищина* / *Глаза Дня* / *Мата Хари* / *Гертруда Целле* / *Госпожа Маклеод*; *граф Рауль де Шайни* / *Слуга, Екатерина Вторая* / *Матушка* / *Зоренька* / *Ваше Величество* и др.) и *апеллятивно-онимного взаимодействия*

¹⁶ Словарь русского языка : в 4 т. / По ред. А.П. Евгеньевой ; АН СССР, Ин-т рус. яз. – 3-е изд. стереотип. – М.: Русский язык, 1986. – Т. 2. (К–О). – С. 140.

(*горбатая принцесса Курляндская, генерал-аншеф Кручина-Орлов*) в художественном тексте. Выявление ономапоэтических универсалий в творчестве Е. Греминой позволяет говорить об особом ономапоэтическом коде, с помощью которого может быть представлена драматургом и выявлена читателем знаковая для художественного текста комбинация смыслов, переданная через систему авторских имен собственных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Калинин, В.М. Знакомьтесь: поэтонимология / В.М. Калинин // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер. Филол. науки и культурология. – 2017. – Т. 3. – Вып. 1(9). – С. 10–17.
2. Деревяго, А.Н. Имя собственное в художественном тексте / А.Н. Деревяго. – Витебск : Изд-во Витеб. гос. ун-та им. П.М. Машерова, 2008. – 239 с.
3. Гремина, Е.А. Пьесы и тексты. В 2 т. / Е.А. Гремина, М.Ю. Угаров. – М. : ООО «Новое литературное обозрение», 2019. – Т. I. – 438 с.
4. Бунин, И.А. Дело корнета Елагина. [Электронный ресурс] / И.А. Бунин. – Режим доступа: <https://ilibrary.ru/>. – Дата доступа: 20.01.2022.
5. Петрачкова, И.М. «Фоновые» поэтонимы в драме Елены Греминой «Сахалинская жена»: парадигматический, полевый и прагматический аспекты / И.М. Петрачкова // Мова і культура. – 2021. – Вип. 23. – Т. I (203). – С. 192–199.

Поступила 13.02.2022

ONOMAPOETIC UNIVERSALITIES IN THE NOSTALGIC DRAMA
BY HELENA ANATOLYEVNA GREMINA

I. PETRACHKOVA

The article is devoted to the study of proper names in the context of such dramatic works by H. Gremina, as "Eyes of the Day", "Sakhalin Wife", "Behind the Mirror", "The Case of Cornet O-va". The novelty of the work lies in the fact that earlier the onomasticon of Russian drama in the second half of the XX century, including the plays by H. Gremina has not been studied, but meanwhile it occupies a special place and plays an important role both in understanding the theoretical foundations of literary onomastics and in their further development. The paper enumerates the traditional and innovative onomapoetic universals of modern drama on the example by H. Gremina. The materials of the article can be used for educational and educational purposes in higher and secondary educational institutions – in teaching university courses in lexicology, linguistic analysis of a literary text, modern Russian literature, as well as special courses and special seminars on onomastics. The results of the study will be of interest to a wide range of teachers and teachers of Russian literature, introducing modern achievements in the philological sciences into the educational process.

Keywords: *onomapoetic space, onym, drama, play, poetonym, interpretation, variant, polyonymy.*

УДК 81'373 (045)

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В ПАРЕМИЯХ АНГЛИЙСКОГО, НЕМЕЦКОГО, РУССКОГО И БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКОВ**Е.В. РОМАНАУСКАС, д-р филол. наук, доц. А.А. БАРКОВИЧ**
(Минский государственный лингвистический университет)

Статья посвящена выявлению и описанию особенностей употребления имен собственных в паремиях английского, немецкого, русского и белорусского языков. Данный анализ обладает лингвистической актуальностью как в контексте языков, которые являются типологически близкими, – например, при сопоставлении английских и немецких паремий, так и в контексте типологически далеких языков, – например, при сопоставлении белорусских и немецких паремий. Проведенное исследование показало, что употребление имен собственных в паремиях всех вышеупомянутых языков характеризуется использованием широкого ассортимента имен собственных. Во всех изучаемых языках наиболее востребованными оказались личные имена (в том числе репрезентативные имена, имена литературных героев и знаменитых людей), названия различных населенных пунктов, рек, праздников. Кроме того, наиболее востребованными в английском оказались имена персонажей мифов, легенд и религиозной литературы, названия графств; в немецком – имена как библейского и мифологического, так и собственно немецкого происхождения, астионимы; в русском и белорусском – личные имена в полной и уменьшительной формах, названия регионов, областей и поселений.

Ключевые слова: семантика, паремия, пословица, поговорка, имя собственное, топоним, антропоним.

Введение. Собственные имена – это единицы языка, служащие для конкретного названия отдельных предметов действительности и вследствие такой специализации выработавшие некоторые особенности в значении, грамматическом оформлении и в функционировании. Имя собственное, будучи единицей языка – словом или функционально сходным с ним словосочетанием, обладает следующими типами отношений: денотативным, сигнификативным и структурно-языковым [1, с. 32]. Однако семантический потенциал имен собственных в составе паремий характеризуется существенным развитием, что подтверждается практикой употребления паремий такого рода в разных языках. Показательна в данном аспекте речевая практика английского, немецкого, русского и белорусского языков, позволяющая оценить развитие семантики имен собственных в составе паремий, – как при сопоставлении близкородственных языков (русский и белорусский, английский и немецкий), так и при сопоставлении типологически далеких языков, например, белорусский и немецкий.

Основными видами имён собственных являются: имена живых существ и существ, воспринимаемых как живые (напр., *антропонимы, зоонимы, мифонимы*); наименования неодушевленных предметов (топонимы, космонимы, астронимы, фитонимы и т.д.); имена собственные комплексных объектов (напр., названия предприятий, учреждений; названия праздников, торжеств; названия мероприятий, войн; названия произведений литературы; документонимы; названия стихийных бедствий) [2, с. 66]. В составе паремий собственные имена способствуют выполнению ряда немаловажных языковых функций, например, коммуникативной, номинативной, апеллятивной, экспрессивной, идентифицирующей и др. [1]. В контексте паремий собственные имена целесообразно дифференцировать на *топонимы, антропонимы*, и, так называемые *иные имена собственные*. **Топонимы** – это разряд онимов, имя собственное, обозначающее собственное название природного объекта на Земле или объекта, созданного человеком на Земле [3]. В свою очередь в составе данных групп выделяют, например, хоронимы (названия областей, районов, государств), урбанонимы (названия внутригородских объектов), ойконимы (названия населенных мест), гидронимы (географические названия водных объектов) [4]. **Антропонимы** – это имена собственные, идентифицирующие человека, например, личное имя, фамилия, отчество, прозвище, псевдоним [5]. К группе **имён собственных других категорий** относятся, например, названия праздников, исторических событий, произведений литературы и искусства.

В функциональном аспекте паремии, содержащие имена собственные, являются востребованным ресурсом дискурсивного оформления текстов разговорного, публицистического и художественного стилей. Целью данного исследования является сопоставительная характеристика имен собственных в паремиях английского, немецкого, русского и белорусского языков.

Основная часть. Для проведения исследования такого характера необходима репрезентативная сплошная выборка. В результате сплошной выборки, в частности, из англоязычных словарей *Oxford Dictionary of Proverbs* [6] и *Little Oxford Dictionary of Proverbs* [7] и словаря *Английские пословицы и поговорки и их русские соответствия* В.С. Модестова [8] было отобрано 104 паремии с компонентом «имя собственное». **Антропонимы** представлены 9 фамилиями (*the Browns, Dr. Diet, Dr. Quiet, Dr. Merryman, Mr Nice Guy, Sir Hubert, Mrs Grundy, Shackleton, Lovell*), 3 сочетаниями имени и фамилии (*Jack Robinson, Tom Fool, John Long the carrier*), 19 именами персонажей мифов, легенд и религиозной литературы (например, *Bacchus, Neptune, Job, Saul, Mahomet, Agamemnon, Moses, Robin Hood*), 4 именами известных личностей (*Queen Anne, Caesar, Homer, Macgregor*) и репрезентативными именами *Jack* (8 паремий) и *Jill* (4 паремии). **Топонимы** представлены названиями городов (*Rome, Delhi, Paris, Athens*,

Halifax, Philadelphia, в том числе находящиеся на территории Великобритании: *Bristol, Newcastle, Glasgow, Kirton, Exon, London, Belfast, Aberdeen, Hull, York, Lincoln, Chester, Cupar, Peebles, Manchester*), стран (*Holland, England, Ireland, France*), графств (*Cornwall, Yorkshire, Sussex, Kent, Northamptonshire, Essex, Kent, Norfolk, Bedfordshire*), сторон света (*East, West*), рек (*Thames, Rubicon*), штата (*Maine*), континента (*Africa*), островов (*Bermudas, Hatteras*). Кроме того, среди отобранных паремий оказались **собственные имена других категорий**, которые представлены названиями произведений литературы (*Hamlet, Scripture*), праздников (*Christmas, Yule, Candlemas, Saint Paul's Day, Easter, Saint Thomas, Barnaby, Martinmas, Lammas, St. Leger's Day*), моста (*the Brooklyn Bridge*), суда (*Court of Session*), судебных иннов (*Gray's Inn, Lincoln's Inn, the Inner Temple, the Middle Temple*), универсального магазина (*Buckley's*). Паремия *by the street of "By-and-by" one arrives at the house of "Never"* включает в себя шуточные названия улицы и дома.

В результате сплошной выборки из немецкоязычных словарей серии *Duden (Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten)* [9], *Langenscheidt (4000 Sprichwörter und Zitate)* [10], а также из *Русско-немецкого словаря пословиц и поговорок* М. Цвиллинга [11] было отобрано 68 паремий с опорным словом «имя собственное». Основными группами имён собственных, входящих в состав данных паремий, являются антропонимы и топонимы. **Антропонимы** представлены именами (31 единица), среди которых 14 представлены именами немецкого происхождения, например: *als der Alte Fritz noch Gefreiter war; will Heinz nicht, so muss Kunz; jeder Hans findet seine Grete*; 14 представлены именами библейского или мифологического происхождения, например: *davon hat Paulus nichts geschrieben; Aus dem Saulus wird ein Paulus; Herkules am Scheidewege*; 3 представлены именами вымышленных персонажей (*Er gleicht einem Cerberus; wie ein Phoenix aus der Asche steigen, [(ach) du] heiliger Bimbam*). Кроме того, антропонимы представлены фамилиями (10 единиц, например, *das ist eine Idee von Schiller; keine Feier ohne Meier; wie Rothschild sein Hund*), сочетанием имени и фамилии (*Hans Dampf in allen Gassen sein*), и прозвищем (*bei jmdm./irgendwo ist Schmalhans Küchenmeister*). Самой многочисленной группой среди **топонимов** являются астионимы, т.е. названия городов (14 паремий), среди которых лидером по частотности является название *Rom*, которое упоминается в 7 единицах: *im Rom tu, was Rom tut; in Rom gewesen sein und den Papst nicht gesehen haben; lieber der Erste hier, als der Zweite in Rom; mit Fragen kommt man nach Rom; Rom ist [auch] nicht an einem Tag erbaut worden; viele Wege führen nach Rom; Zustände wie im alten Rom*. Обилие паремий с астионимом *Rom* объясняется тем, что с 962 по 1806 годы Германия входила в состав Священной Римской империи и долгое время являлась её ядром, а столицей этого межгосударственного образования был Рим. Кроме того, в отобранных паремиях представлены такие астионимы, как *Paris, Neapel, Athen, Davos, Peking, Philippi* и немецкий город *Kassel*. Следующая по объёму группа топонимов – названия стран (5 паремий: *da ist Holland in Not/in Nöten; noch ist Polen nicht verloren; ob/wenn in China ein Fahrrad/Sack Reis umfällt; wenn ... [dann] bin ich der Kaiser von China; sich nach den Fleischtopfen Ägyptens sehnen*). В одной паремии представлены названия рек (*da/bis dahin fließt noch viel Wasser den Rhein/die Elbe/die Spree o. Ä. hinunter*), итальянской коммуны (*den Gang nach Kanossa antreten*) и сторон света (*Nord, Süd, Ost und West, daheim ist das Best*). Кроме того, в отобранных паремиях представлены **собственные имена других категорий**: названия праздников (*Ostern, Pfingsten, Weihnachten, Fastnacht, Karfreitag, (Sankt-)Nimmerleinstag*) и название корабля (*Titanic*).

В результате сплошной выборки из русскоязычного *Словаря-тезауруса русских пословиц, поговорок и метких выражений: более 22 000 пословиц, поговорок, молвушек, присловий, приговорков, присказок, загадок, примет, дразнилок, считалок* В.И. Зимина [12] было отобрано 179 паремий с компонентом «имя собственное». Группа **антропонимов** включает в себя 119 паремий, группа **топонимов** – 45 паремий, а группа **иных имён собственных** – 15 паремий; в 1 паремии представлены имена собственные разных категорий: *Был Наполеон, а из Москвы бежал опалён. Антропонимы* представлены именами героев Библии и Корана (*Адам, Ева, Иуда Искарот, Ной, Петр, Павел, Магомед, Алах*), именами знаменитых людей (*Гоголь, Пушкин, Толстой, Щедрин, Минин, Сусанин, Наполеон, Гужон, Сократ, Крész*), именами героев литературных произведений (*Тарас Бульба*), личными именами (как в полной форме, например, *Селифан, Вавила, Еремей, Семен, Варвара*, так и в уменьшительной форме, например, *Машка, Митрошка, Лизка, Дунька*), фамилиями (*Капусткин, Кудрин, Пронькины*), а также сочетанием имени и отчества (*Иван Петрович*) и имени и фамилии (*Васька Васин, Васька Иванов*). **Топонимы** представлены названиями континентов (*Европа, Америка*), стран (*Русь*), полуостровов (*Крым*), регионов (*Кавказ, Кольма, Сибирь*), области (*Смоленская область*), губернии (*Могилевская губерния*), городов (*Киев, Москва* (лидер по употреблению – 18 паремий), *Питер, Моздок, Рязань, Тула, Уфа, Полтава, Южа*), сёл (*Коломенское, Нарым, Денисово, Борисово, Кадуй*), площади (*Ивановская*), скалы (*Голгофа*), выдуманной горы (*Кудыкина гора*), рек (*Волга, Москва-река*). Кроме того, в отобранных паремиях были выявлены такие разновидности **имён собственных других категорий**, как названия праздников (например, *Петров день/Петровки, Рождество, Масленица, Великий пост, Юрьев день*), название церкви (*колокольня Ивана Великого*), здания (*Дворец Советов*), название предмета (*шапка Мономаха*), а также произведения (*Библия*).

В результате сплошной выборки из словарей *Слоўнік беларускіх прыказак* И.Я. Лепешева [13] и *Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями* М.Ю. Котовой [14] было отобрано 75 белорусскоязычных паремий с компонентом «имя собственное», 38 из которых содержит антропонимы, 15 – топонимы (одна паремия включает в себя и антропоним, и топоним) и 23 – названия праздников. **Антропонимы** представлены именем верховного Бога у древних римлян (в паремии *што дазволена Юнітэру, <тое> не дазволена быку*)

и личными именами, которые используются как в полной форме (*Базыль, Иван, Пётр, Сцяпан, Платон*), так и в уменьшительной (например, *Васька, Таклюся, Гаўрыла, Панцялей, Саўка, Маруся, Хомка*). **Топонимы** представлены названиями городов (*язык Вільні дапыталеца; язык да Кіева даядзе; Масква слязам не верыць; не за дзень Вільня станавілася; не адразу Маскву бабудавалі; у агародзе (гародзе) бузіна, а ў Кіеве дзядзька; як бог у Адэсе, на цёплым месце; хоць у Арле, была б у дабрэ*; в том числе названиями белорусских городов и посёлков в паремиях *не адзін Гаўрыла <што> у Полацку; у Мазыры елі царскія сыры; як у Грыцках не абдзяруць, у Грыевічах не абкрадуць, а ў Грыцэвічах не заб'юць, то нідзе чэрці не вазьмуць*), названием страны (*на Беларусі пчолы як гусі <мёд кашамі носяць>; на Беларусі ўсе Марусі*) и рек (*чым за морам віно піць, лепш (лепей) з Нёмана (у Нёмане) вадзіць; добра на Дану, а лепш удаму*). Группа **иных имён собственных** представлена названиями праздников (например, *Падолле, Дзяды, Пакровы, Лья, Юр'я, Пятроўкі, Магдалена, Грамніцы* и др.).

Среди изученных паремий были выявлены единицы, в состав которых входит несколько разновидностей имён собственных, принадлежащих к одной группе, например, названия иннов в паремии *Gray's Inn for walks, Lincoln's Inn for a wall, The Inner Temple for a garden, And the Middle Temple for a hall*, названия города и страны в паремии *What Manchester says today, the rest of the England says tomorrow*, названия населенных пунктов в паремии *Як у Грыцках не абдзяруць, у Грыевічах не абкрадуць, а ў Грыцэвічах не заб'юць, то нідзе чэрці не вазьмуць* и т.д. Иные паремии содержат в себе имена собственные, которые принадлежат к разным группам, например, имя и название города в паремии *Не адзін Гаўрыла ў Полацку*, имя исторического деятеля и название города в паремии *Был Наполеон, а из Москвы бежал опалені* и т.д. Кроме того, в немецкоязычном словаре серии *Duden* в составе 5 паремий приводятся различные варианты имён собственных: *Ob/wenn in China/Peking ein Fahrrad/Sack Reis umfällt; Alles Scheiße, deine Emma/Elli!; Da/bis dahin fließt noch viel Wasser den Berg/den Rhein/die Elbe/die Spree o. Ä. hinunter; Das kannst du halten wie ein Dachdecker/ wie der Pfarrer Assmann/wie der Pfarrer Nolte; Wenn Ostern und Pfingsten/Weihnachten auf einen Tag fallen*. Некоторые паремии включают в себя имена собственные, которые были выдуманы носителями изучаемых языков: *The best doctors are Dr. Diet, Dr. Quiet, and Dr. Merryman, No more Mr Nice Guy, By the street of "By-and-by" one arrives at the house of "Never"; [(ach) du] heiliger Bimbam, Am (Sankt)-Nimmerleinstag, на Кудыкину гору и обратно*.

Заключение. Согласно проведенному исследованию употребление имен собственных в английском, немецком, русском и белорусском языках наряду с общими закономерностями характеризуется рядом особенностей, присущих отдельным языкам. Так, в паремиях английского, немецкого, русского и белорусского языков чаще всего встречаются такие виды имён собственных, как имена личные, названия городов, стран и рек, а также названия праздников и исторических событий. Действительно, паремии с компонентом «имя собственное» являются ценным источником информации об этнографии, культуре и мировоззрении народов. В то же время, например, наиболее востребованными в английском оказались имена персонажей мифов, легенд и религиозной литературы, названия графств; в немецком – имена как библейского и мифологического, так и собственно немецкого происхождения, астионимы; в русском и белорусском – личные имена в полной и уменьшительной формах, названия губерний, регионов, областей и поселений. Лингвистическое описание дискурсивной специфики употребления единиц такого типа в различных языках актуально в контексте динамичного развития современной речевой практики, её поликодовости и востребованности мультязыковой компетенции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондалетов, В.Д. Русская ономастика / В.Д. Бондалетов. – М. : Просвещение, 1983. – 224 с.
2. Суперанская, А.В. Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская. – М. : Наука, 1973. – 366 с.
3. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская, Отв. ред. А.В. Суперанская. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М. : Наука, 1988. – 192 с.
4. Топоним [Электронный ресурс] // Википедия. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A2%D0%BE%D0%BF%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D0%BC>. – Дата доступа: 21.06.2021.
5. Личные имена в прошлом, настоящем, будущем: Проблемы антропонимики : сб. ст. / Отв. ред. В.А. Никонов ; Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР. – М. : Наука, 1970. – 344 с.
6. Speake, J. Oxford Dictionary of Proverbs / J. Speake. – Oxford University Press Inc., 2008. – 625 p.
7. Knowles, E. Little Oxford Dictionary of Proverbs / E. Knowles. – Oxford University Press Inc., 2017. – 512 p.
8. Модестов, В.С. Английские пословицы и поговорки и их русские соответствия / В.С. Модестов. – М.: Рус. яз.–Медиа, 2003. – 467 с.
9. DUDEN. Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten / DUDEN. – Mannheim Leipzig Wien Zürich: Dudenverlag, 2012. – 928 S.
10. Langenscheidt. 4000 Sprichwörter und Zitate. – Berlin : Verlag Langenscheidt KG, 2001. – 320 S.
11. Цвиллинг, М. Русско-немецкий словарь пословиц и поговорок / М. Цвиллинг. – 3-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 2002. – 216 с.
12. Зимин, В.И. Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений : более 22 000 пословиц, поговорок, молвушек, присловий, приговорков, присказок, загадок, примет, дразнилок, считалок / В.И. Зимин. – М. : АСТ-ПРЕСС, 2016. – 729 с.
13. Лепешаў, І.Я. Слоўнік беларускіх прыказак / І.Я. Лепешаў, М.А. Якалцэвіч. – Мінск : Бел. навука, 2002. – 511 с.
14. Котова, М.Ю. Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями / М.Ю. Котова ; под ред. П.А. Дмитриева. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2000. – 360 с.

Поступила 07.07.2021

COMPARATIVE CHARACTERISTIC OF PROPER NAMES IN PAROEMIAS OF THE ENGLISH, GERMAN, RUSSIAN AND BELARUSIAN LANGUAGES***E. ROMANAUSKAS, A. BARKOVICH***

The article is dedicated to the identification and description of the peculiarities of the use of proper names in the paroemias of the English, German, Russian and Belarusian languages. This analysis has a linguistic relevance as in the context of languages that are typologically close, e.g. by comparing of the English and German paroemias, as in the context of languages that are typologically distant, e.g. by comparing of the German and Belarusian languages. The study has shown that the use of proper names in the paroemias of all the above-mentioned languages is characterized by the use of a wide range of proper names. The most popular groups of types of proper names in these paroemias are personal names (including representative names, names of literary heroes and famous people), names of towns, rivers, holidays. In addition, the most popular proper names in English paroemias are names of the characters of myths, legends and religious texts, names of counties; in German paroemias – names of biblical, mythological and proper German origin, names of towns; in Russian and Belarusian paroemias – personal names in full or diminutive forms, names of regions, oblasts and settlements.

Keywords: *semantics, paroemia, proverb, adage, proper name, toponym, anthroponym.*

УДК 378.147:004:001.817:811'42

АДРЕСАТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛЕКЦИЙ ФОРМАТА TED-TALK

А.С. СЕВДАЛЕВА

(Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины)

Данная статья посвящена определению прагматического статуса адресата в лекциях формата TED-talk различной тематики. В работе выявляются и систематизируются средства выражения адресации, а именно прямые средства адресации, такие как обращения (обращения, обозначающие ситуативную роль, эмоционально-оценочные обращения, этикетные обращения), специфические грамматические ресурсы (императивные глагольные формы и модальные глаголы, личные и притяжательные местоимения 2-го лица множественного числа), а также косвенные средства адресации, а именно личные и притяжательные местоимения 1-го лица множественного числа, вопросительные предложения, не прямое указание на адресата, апеллятивные адресации. Как показано в статье, частотное использование прямых и косвенных адресаций в лекциях TED-talk способствуют эффективному донесению авторской мысли до целевой аудитории, привлечению внимания адресата и созданию более понятного и интересного для слушателя текста, а следовательно, повышению его прагматической эффективности.

Ключевые слова: прагматика, диалог, адресация, адресат, лекции TED-talk.

Введение. Адресация является элементом любого вида дискурса. С ее помощью устанавливается контакт между говорящим и слушателем, обеспечивается диалогическая связь между ними, что способствует успешному осуществлению коммуникации. В последнее время адресатные характеристики различных типов дискурса привлекают всё большее внимание исследователей [1–15 и др.]. Актуальность изучения данного вопроса продиктована его практической значимостью, а именно заинтересованностью адресанта в успешном донесении своей мысли до адресата, в управлении восприятием и интерпретацией текста/речи собеседником.

В современной лингвистике термин «адресация» истолковывается двояко. В узкой трактовке он означает непосредственное обращение говорящего (адресанта) к потенциальному слушателю (адресату), а также любое указание на последнего. С другой же стороны, данный термин может истолковываться в лингвистической литературе более широко и фактически подразумевать учет говорящим или пишущим специфических особенностей аудитории, то есть предполагать ориентированность дискурса на целевую аудиторию. Именно такое (широкое) понимание принимается в рамках нашей статьи. В любом случае какой бы смысл ни вкладывался в понятие адресации текста/дискурса, очевидным становится то, что практически все авторы приписывают адресации статус функционально-прагматической категории, то есть неотъемлемого свойства, неизменного атрибута любого типа текста/дискурса.

Аспекты выражения категории адресации рассматриваются авторами на примере таких типов дискурса, как политический (на материалах речей Б. Обамы) [3], полемический (на материале дискурса СМИ) [4], административный [5], официально-деловой [6], а также в формулах приветствия и прощания [1]. Подобные исследования проводятся на материале английского [3; 7], немецкого [1; 4], французского [8] и русского [1; 7; 8] языков. Образ адресата и фактор адресата рассматривается в текстах массовой коммуникации [2], на материале диалогической речи [9; 10], в речевом воздействии [11] и т. д.

Исключительную важность сегодня приобретает изучение адресатных характеристик такого типа коммуникации, как дискурс СМИ (медийный дискурс, то есть радио-дискурс, интернет-дискурс, телевизионный дискурс, дискурс печатных СМИ), который считается самой реактивной разновидностью общения, то есть максимально восприимчивой к любым изменениям, происходящим в обществе. Особый интерес для исследователей представляют инновационные жанры дискурса СМИ, что обусловлено общей направленностью современной науки о языке на изучение новых форм и форматов общения, в том числе и с точки зрения реализации в них различных прагматических категорий, в частности категории адресации.

Одним из таких инновационных жанров медийного дискурса является лекция формата TED-talk, которая представляет собой сообщения докладчиков на небольшой сцене в США на важные социальные и научные темы, с целью привлечения внимания общественности к определенной проблеме и побуждения аудитории к выполнению определенных действий, например к участию в акциях по защите окружающей среды (видеозаписи докладов размещаются на соответствующем сайте американского частного некоммерческого фонда TED, являющегося инициатором и учредителем этих лекций, и находятся в свободном доступе). Несмотря на то, что в настоящий момент обнаруживается ряд источников, посвященных категории адресации и фактору адресата в медийном дискурсе, работ, описывающих роль категории адресации и статуса адресата в лекциях формата TED-talk, выявлено не было. В связи с этим целью данной статьи является определение видов и функций адресации в таком жанре медийного дискурса, как лекции формата TED-talk.

Основная часть. Для данного исследования нами были отобраны лекции формата TED-talk на разнообразные темы, в том числе следующие: “Secrets of success in 8 words, 3 minutes” – Richard St. John, “The power of introverts” – Susan Cain, “What I learned from 100 days of rejection” – Jia Jiang, “How craving attention makes you less creative” – Joseph Gordon-Levitt, “The Power of Fashion” – Maria Raveendran и др.

В ходе прагматического анализа лекций TED-talk был выявлен целый ряд средств адресации, которые целесообразно разделить на *прямые* и *косвенные*. К **прямым** адресациям целесообразно относить такие средства адресации, с помощью которых адресант непосредственно обращается к тому, кому предназначен текст. Соответственно, к **косвенным** средствам адресации следует причислять те, в которых обращение к адресату не выражено прямо. Таким образом, как удалось установить, прямые адресации, представленные в проанализированных нами лекциях TED-talk, имеют следующие разновидности: обращения (*ladies and gentlemen*), императивные глагольные формы и модальные глаголы (*you should do it right now*), личные и притяжательные местоимения 2-го лица множественного числа (*you must stop procrastinating*). К косвенным адресациям, выявленных в лекциях TED-talk, мы относим вопросительные предложения (*and you know what, folks?*), личные и притяжательные местоимения 1-го лица множественного числа (*we can make a difference!*), не прямые указания на адресата (*people, who have to farm*), апеллятивные адресации (*you see, there is a problem...*). Все вышеперечисленные средства адресации основательно рассматриваются ниже.

1. Прямые адресации.

1. *Обращения*. В проанализированных лекциях встречаются различные типы обращений. Остановимся на них подробнее.

В первую очередь внимание привлекают *обращения, обозначающие ситуативную роль*: “*so extroverts, maybe your suitcases are also full of books*”; “*but introverts, you being you, you probably have the impulse to guard very carefully what's inside your own suitcase*”. Данный тип обращений отличается видовым разнообразием и зависит от тематики лекции TED-talk. В основном такие обращения используются выступающими для того, чтобы выделить отдельную социальную группу и обратиться к ней как к единому целому. Автор привлекает внимание людей, которые идентифицируют себя с названной группой, что заставляет их задуматься о сказанном. Вместе с тем, использование обращений, обозначающих ситуативную роль, может трактоваться и как косвенное обращение к другой группе людей. Так, в использованном выше примере из лекции TED-talk “*The power of introverts*” (Susan Cain) автор прибегает к сравнению интровертов и экстравертов в пользу обеих групп. Лектор знает, что несмотря на то, что тема лекции посвящена только интровертам, в зале будут находиться представители обоих типов личности. Исходя из этого, докладчик обращается не только к интровертам, но и (косвенно) к экстравертам, таким образом привлекая внимание всей аудитории и вызывая у нее эмоциональный отклик.

Особый интерес представляют обращения “*TEDsters*” или “*TED speakers*”, периодически используемые выступающими для обозначения сообщества TED (“*Thank you TEDsters for all your interviews.*”). С помощью обращения “*TED speakers*” выступающий объединяет себя и других лекторов TED в одну группу и от лица всех обращается к аудитории, а также зачастую обозначает не только выступающих лекторов, но и тех, кто только готовится взять на себя эту роль в будущем. Обращение “*TEDsters*” употребляется лекторами для обозначения сообщества TED, включающее в себя лекторов, слушателей в зале и всех заинтересованных в лекциях TED-talk. Используя обращения “*TEDsters*” или “*TED speakers*”, лектор подчеркивает принадлежность автора лекции и его аудитории к одному сообществу.

Таким образом, обращения, обозначающие ситуативную роль, выполняют номинативную, контактоустанавливающую и контактоподдерживающую функцию. Мы считаем, что по отношению к лекциям TED-talk контактоподдерживающую функцию можно также приравнять к функции привлечения внимания, так как с помощью привлечения внимания всей аудитории или отдельной её части автор поддерживает контакт между ним и слушателями.

А. Эмоционально-оценочные обращения: “*if you guys do a burger refill, I will love you guys more*”; “*yeah, it's really weird, man*”; “*because that's not what acting's about, man, it's about the art*”; “*and they'd be like, “OK, OK, dude”*”; “*folks, today I want to show you why that's wrong*”.

Эмоционально-оценочные обращения, такие как *pal, kid, dude, man*, свидетельствуют об усилении неформальности общения [7, с. 23]. Использование эмоционально-оценочных обращений снижает степень официальности лекции и усиливает доверие слушателя к лектору и его словам. Обстановка становится менее формальной, благодаря чему лекция легче воспринимается аудиторией. В числе слушателей на конференции TED редко находятся люди, для которых употребление подобных обращений показалось бы неуважительным или не соответствующим ситуации. Напротив, аудитория состоит из представителей всех социальных слоев, для большинства которых использование эмоционально-оценочной лексики является нормой и, исходя из этого, слушатели не только легче воспринимают лекцию, но и эмоционально в нее вовлекаются. Другими словами, помимо выполнения номинативной, контактоустанавливающей и контактоподдерживающей функций, эмоционально-оценочные обращения выполняют также и эмоциональную функцию.

Б. Этикетные обращения: “*hey, sir, can I borrow 100 dollars from you?*”; “*ladies and gentlemen, let's talk about Adam and Eve*”.

Обращения этого типа, такие как *Sir, Madam, Mr, Mrs*, редко встречаются в лекциях TED-talk по причине своей официальности, однако используются выступающими для иллюстрации примеров из жизни и разыгрывания диалогов на сцене (“*and I got there and said: “hey, sir, can I borrow 100 dollars from you?” and he looked up, he's like, “no.”*”), что помогает слушателю лучше представить описываемую ситуацию и развлекает его. С другой стороны, этикетные обращения, объединяющие слушателей в группу или группы, например: “*Ladies and Gentlemen*”, используются чаще, в силу специфики публичной лекции, где необходимо обращение ко всей аудитории сразу. Таким образом, этикетные обращения выполняют не только номинативную, контактоустанавливающую и контактоподдерживающую, но и этикетную функцию.

В целом, для лекций TED-talk не характерно использование однореферентных средств адресации, таких как обращение по имени, фамилии, использование прозвищ [7, с. 17], так как автор практически во всех случаях обращается ко всей аудитории или её части, а не к отдельному человеку. Таким образом, группы обращений, присутствующие в проанализированных лекциях TED-talk (обращения, обозначающие ситуативную роль, эмоционально-оценочные обращения, этикетные обращения), являются многореферентными и выполняют следующие функции: номинативную, контактоустанавливающую, контактоподдерживающую, эмоциональную и этикетную.

2. Императивные глагольные формы и модальные глаголы: *“physically, mentally, you’ve got to push, push, push! You’ve got to push through shyness and self-doubt <...> you’ve got to persist through failure”*; *“when you are facing the next obstacle or next failure, consider the possibilities. Don’t run.”*

Одной из характерных черт лекций формата TED-talk является частотное использование лекторами императивных конструкций и модальных глаголов со значением долженствования. Это объясняется тем, что в каждой лекции поднимается определенная проблема, требующая решения, и/или актуальная общественная или научная тема, к которой необходимо привлечь как можно больше внимания. С помощью использования множества императивных конструкций и модальных глаголов в своей лекции автор эмоционально влияет на слушателей, побуждая их выполнить желаемые им действия.

Любое императивное высказывание включает в себя две стороны: адресанта, который выражает свое желание, чтобы какое-то действие было совершено, и адресата, на которого направлено это желание. Таким образом, любое императивное высказывание, произнесенное лектором, несет в себе прямую адресацию. Например, *“stop the madness for constant group work. Just stop it”* воспринимается аудиторией как призыв к действию, адресованный именно им (*you should stop the madness for constant group work*). Частое использование императивных предложений усиливает влияние лектора и общий перлокутивный эффект речи, создает видимость полной уверенности в своих словах. Кроме этого, слушатель чувствует, что выступающий не просто читает лекцию для общей осведомленности, а обращается именно к нему, что способствует поддержанию внимания аудитории, а также усиливает эмоциональный эффект лекции. Все вышеперечисленное помогает лектору успешно достичь одной из целей своей лекции, а именно побудить публику к совершению каких-либо действий, направленных на решение описанной проблемы.

Императивные глагольные формы, используемые в лекциях TED-talk, выполняют не только функцию побуждения к действию, но и эмоциональную, контактоподдерживающую (привлечение внимания) функции.

3. Личные и притяжательные местоимения 2-го лица множественного числа: *“I’m going to tell you what really leads to success”*; *“if your creativity is driven by a desire to get attention, you’re never going to be creatively fulfilled”*.

Общепризнано, что семантика глагольных форм 2-го лица связана с соотносительностью действия с собеседником, а местоимения 2-го лица употребляются при обозначении адресата речи [15, с. 118]. Так как мы рассматриваем англоязычные лекции TED-talk, то местоимением 2-го лица, выражающим адресацию, является личное местоимение *you*, а также его притяжательная форма *your*. Несмотря на то, что спикер использует местоимение 2-го лица множественного числа, в силу особенности системы местоимений английского языка, местоимение *you* воспринимается англоговорящими слушателями не только как «вы» (обращение ко всем слушателям), но и как «ты». Следовательно, используя данное местоимение, спикер обращается в одно время и ко всей аудитории в целом, и к каждому слушателю индивидуально. Выступающий может выразить свою мысль в виде дружеского совета (*“when you get rejected in life, when you are facing the next obstacle or next failure, consider the possibilities”*) или наставления (*“if you do it for love, the money comes anyway”*), адресованного каждому слушателю отдельно. Если же спикер подчеркивает, что обращается ко всем слушателям сразу, то обычно используются обращения, обозначающие ситуативную роль слушателей, такие как *group, friends* или *people*: *“what I see is an incredible group of people and you will achieve incredible things”*. Таким образом, широкая представленность местоимений *you* и *your* превращает публичную лекцию в диалог между спикером и каждым слушателем в зале, что способствует повышению эмоционального влияния лекции и созданию доверительных отношений между выступающим и его аудиторией.

Можно сказать, что функциями, выполняемыми таким средством адресации, как личные и притяжательные местоимения 2-го лица множественного числа, являются номинативная, контактоустанавливающая, контактоподдерживающая, а также эмоциональная.

II. Косвенные адресации.

1. Личные и притяжательные местоимения 1-го лица множественного числа: *“we need introverts doing what they do best”*; *“we all internalize it from a very young age”*; *“and it’s our loss for sure, but it is also our colleagues’ loss, and our communities’ loss”*; *“that’s the world we are living in today”*; *“we’re expected to be extremely productive”*.

В рассмотренных нами лекциях TED-talk было зафиксировано широкое использование личных и притяжательных местоимений 1-го лица множественного числа *we, us, our*, которые предполагают отнесенность действия к группе лиц, включая говорящего, и указывают на группу лиц, среди которых находится говорящий [15, с. 134]. Использование этого средства адресации позволяет спикеру акцентировать свою принадлежность к той же группе, в которую входят его слушатели, дает понять, что он и аудитория – одно целое. Частое употребление местоимений 1-го лица множественного числа *we, us, our* подчеркивает равноправные отношения между участниками коммуникации, так как эти местоимения не указывают на адресата напрямую, а делают это косвенно, объединяя адресата и адресанта, относя их к одной группе. С нашей точки зрения, функциями, выполняемыми этим средством адресации, являются номинативная, контактоподдерживающая, и, что наиболее важно, обобщающая.

2. Вопросительные предложения: *“the question is, how relevant is that to you and me?”; “If it’s all true, then why are we getting it so wrong?”; “why are we setting our schools this way, and our workplaces? And why are we making these introverts so guilty?”*

Известно, что семантика вопросительных предложений связана с их направленностью на получение информации, а следовательно, и с ориентацией на адресата [15, с. 129]. В лекциях TED-talk в подавляющем большинстве случаев используются именно риторические вопросы, которые не требуют озвученного прямого ответа от слушателя, но требуют того, чтобы ответ был обдуман. Обычно автор лекции задает риторический вопрос, связанный непосредственно с тематикой его лекции, таким образом привлекая к ней внимание. Он побуждает слушателей ответить на вопрос про себя, тем самым задумываясь, насколько действительно важно найти на него ответ. Во многих случаях ответ на вопрос дается самим выступающим в процессе лекции. Согласно О.Н. Морозовой, вопрос помогает оратору четко показать обращенность своей речи к аудитории, создать впечатление непосредственности беседы [3, с. 121].

Кроме этого, в проанализированных нами лекциях спикерами используются риторические вопросы-подтверждения (*“if we’re going to talk about the perils of creativity becoming a means to get attention, then we have to talk about the attention-driven business model of today’s biggest social companies, right?”; “if you want to be Bill Gates, you’ve got to start sooner or later, right?”*). В таких высказываниях вначале следует утверждение автора, а затем риторический вопрос, выраженный, например, словом *“right”*, которое требует мысленного ответа-подтверждения от слушателей.

Вопросительные предложения также часто используются лекторами в сочетании с ранее упомянутыми косвенными и прямыми средствами адресации – личными и притяжательными местоимениями 1-го и 2-го лица множественного числа. Используя местоимение *“we, us”* (*“why are we making these introverts so guilty?”*), автор обращается к аудитории и подчеркивает свое равенство с ней. Подразумевается, что, хотя вопрос и задан аудитории, ответ на него должен быть обдуман не только слушателями лекции, но и выступающим. Следовательно, возникает эффект вовлеченности автора в проблему, его принадлежности к ее решению. С другой стороны, вместе с использованием местоимения *“you, your”* (*“do you wish the situation would be different?”*) этот эффект пропадает, так как местоимение *“you”* не включает в себя выступающего лектора. Следовательно, вопрос становится обращенным только к слушателям, а ответ на него они должны дать для себя самостоятельно.

Использование в лекциях TED-talk вопросительных предложений, адресованных слушателям, подразумевает желание автора привлечь адресата к совместному участию в размышлении над тем или иным вопросом, и выполняет контактоподдерживающую функцию.

3. Непрямое указание на адресата: *“for the kids who prefer to go off by themselves or just to work alone”; “people, who are very good at exchanging ideas and advancing ideas”; “for anybody on the planet with an urge to be creative.”*

Использование непрямого указания на адресата подразумевает ссылку на адресата через его описание. Подобные ссылки были зафиксированы нами в лекциях TED-talk лишь несколько раз. С.В. Первухина также выделяет такой тип адресации, однако называет его *косвенной номинацией* [14, с. 159]. Используя не прямое указание на адресата, лектор обращается к определенной группе людей, которая не имеет названия, и привлекает к ней внимание слушателей, которые в нее не входят. Таким образом, это средство адресации выполняет номинативную и контактоподдерживающую функцию.

4. Апеллятивные адресации: *“you know, he wasn’t that menacing.”; “but I’ll tell you, what helps even more”; “and there you have it, those are my personal lab coats.”; “and you know what? The next day, no matter what happens, I’m not going to run.”*

Согласно О.Н. Морозовой, существуют адресации, используемые с целью побудить адресата к восприятию речи и вовлечь его в общение [3, с. 120]. Такие адресации называются *апеллятивными* и характеризуются отсутствием номинативной функции, несмотря на использование личных местоимений. О.Н. Морозова поясняет, что апеллятивный тип адресации используется для того, чтобы вызвать у адресата определенное эмоциональное сопереживание, привлечь внимание слушателей, а также стимулировать творческое восприятие речи [3, с. 121]. Этот вид адресации чаще всего представлен в речи вводными конструкциями, направленными на адресата (*“you know, the kind where people come together...”*). В этих вводных конструкциях присутствуют местоимения, указывающие на адресата, но не являющиеся обращением. Апеллятивные адресации выполняют, соответственно, апеллятивную функцию, а также контактоподдерживающую функцию, так как помогают привлечь внимание слушателей к определенным, наиболее важным отрезкам лекции, а также снижают официальность речи, создают впечатление наличия прямой связи с аудиторией.

Рассмотренные косвенные адресации, представленные в лекциях TED-talk (вопросительные предложения, личные и притяжательные местоимения 1-го лица множественного числа, не прямые указания на адресата и апеллятивные адресации), не указывают на адресата прямо, повышают диалогичность лекции, делают её менее официальной, а также, в случае с местоимениями *we* и *our*, выражают принадлежность автора и его аудитории к одной группе, что усиливает доверие слушателей к лектору. Все это позволяет автору успешно донести свою мысль до аудитории и убедить её в своей правоте.

Заключение. Таким образом, проведенный анализ лекций TED-talk показал, что в процессе выступления лекторы TED широко используют разнообразные средства адресации. Прямые адресации (обращения, императивные глагольные формы, личные и притяжательные местоимения 2-го лица множественного числа) употребляются более часто, нежели косвенные (вопросительные предложения, личные и притяжательные местоимения

1-го лица множественного числа, не прямые указания на адресата, апеллятивные адресации). Частое использование прямых и косвенных адресаций связано с такими особенностями формата лекций, как побудительный характер лекций, тесная связь выступающего и его слушателей, важность создания доверия аудитории к лектору. Адресации способствуют эффективному донесению авторской мысли до адресата, привлечению внимания адресата к затрагиваемой проблеме и созданию более понятного и интересного для читателя или слушателя текста. Исходя из вышесказанного можно заключить, что успешность выбора средств адресации увеличивает прагматическую эффективность текстов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блинова, Е.А. История средств адресации в немецком и русском языках (на материале формул приветствия и прощания) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Е.А. Блинова ; МПГУ. – М., 2014. – 19 с.
2. Каминская, Т.Л. Образ адресата в текстах массовой коммуникации. : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10 / Т.Л. Каминская. – СПб., 2009. – 284 л.
3. Морозова, О.Н. Языковые средства актуализации категории адресации в политических публичных выступлениях (на материале речей Б. Обамы) / О.Н. Морозова // ART LOGOS. – 2017. – № 2(2). – С. 116–124.
4. Уделькина, А.И. Категория адресованности в полемическом дискурсе (на материале немецкоязычных СМИ) / А.И. Уделькина // Вестник Самарского университета. История, педагогика, философия. – 2018. – № 1. – С. 119–124.
5. Карпова, Н.А. Средства обращенности речи в административных объявлениях / Н.А. Карпова // Вестн. Томск. гос. ун-та. – 2009. – № 324. – С. 29–32.
6. Лобашевская, И.С. Средства адресованности в официально-деловой речи / И.С. Лобашевская // Семантика и функционирование языковых единиц в разных типах речи : сб. ст. / Ярослав. гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского ; сост.: Е. Н. Лагузова. – Ярославль, 2008. – С. 80–86.
7. Погорелко, А.М. Система средств адресации русского и английского языков как разновидность лингвокультурологического поля : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / А.М. Погорелко ; Башкирский гос. ун-т. – Уфа, 2001. – 28 с.
8. Желудкова, Е.Г. Функционально-прагматический аспект категории адресации: на материале французского и русского языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Е.Г. Желудкова ; Кемеров. гос. ун-т. – Кемерово, 2004. – 20 с.
9. Палехова, О.В. Фактор адресата в диалогическом общении / О.В. Палехова // Проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков : сб. ст. / СПГЭУ. – СПб., 2021. – С. 37–40.
10. Чухно, А.А. Косвенные директивы и реакции на них. Фактор адресата (на материале английской диалогической речи) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / А.А. Чухно ; Южный фед. ун-т. – Ростов н/Д., 2007. – 19 с.
11. Стернин, И.А. Фактор адресата в речевом воздействии / И.А. Стернин // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. Журналистика. – 2004. – № 1. – С. 171–178.
12. Чалова, О.Н. Структурная и лингвопрагматическая организация устной научной дискуссии и (на материале английского и русского языков) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / О.Н. Чалова. – Минск, 2013. – 137 л.
13. Дускаева, Л.Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров / Л.Р. Дускаева. – Изд. 2-е. – СПб. : СПбГУ, 2012. – 274 с.
14. Первухина, С.В. Структурно-семантические и дискурсивно-прагматические характеристики адаптированного текста : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / С.В. Первухина. – Ростов н/Д., 2015. – 305 л.
15. Фотина, Н.Э. Функционирование категории диалогичности в прозе А. П. Чехова : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Н.Э. Фотина. – Волгоград, 2017. – 170 л.

Поступила 07.04.2022

ADDRESSING CHARACTERISTICS OF TED-TALK LECTURES

A. SEUDALEVA

This article is devoted to determining the pragmatic status of the addressee in TED-talk lectures on various topics. The work identifies and systematizes the means of expressing addressing, namely, direct means of addressing, such as appeals (appeals denoting a situational role, emotional-evaluative appeals, etiquette appeals), specific grammatical resources (imperative verb forms and modal verbs, personal and possessive pronouns of the 2nd person plural), as well as indirect means of addressing, namely personal and possessive pronouns of the 1st person plural, interrogative sentences, indirect indication of the addressee, appellative addressing. As shown in the article, the frequent use of direct and indirect addressing in TED-talk lectures contributes to the effective communication of the author's thoughts to the target audience, attracting the attention of the addressee and creating a text that is more understandable and interesting for the listener, and, consequently, increasing its pragmatic effectiveness.

Keywords: pragmatics, dialogue, addressing, addressee, TED-talk lectures.

УДК 821.112.2

КОНЦЕПЦИЯ ЛЮБВИ В НОВЕЛЛЕ И.В. ГЁТЕ «БЕЗУМНАЯ СКИТАЛИЦА»

Л.И. СЕМЧЁНОК

(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)

e-mail: L.siamchonak@psu.by

Представлено гётевское видение феномена любви на материале новеллы «Безумная скиталица» из романа «Годы странствий Вильгельма Мейстера». Авторская трактовка проблемы анализируется с опорой на систему художественных образов и мотив. Особое внимание уделено отличиям гётевского перевода от французского оригинала. Делается вывод о том, что любовь у Гёте выступает в роли катализатора для избавления героя от социальных условностей и обнаружения внутренней сети человека.

Ключевые слова: концепция, любовь, верность, разум, чувства, воля, личность.

Введение. Осмысление феномена любви – одна из центральных тем произведений И.В. Гёте (*Johann Wolfgang Goethe*, 1749–1832) первого десятилетия XIX века. В 1806 г. писатель возвращается к своей драме «Стелла» (*Stella*, 1775), созданной ещё в период «Бури и натиска», и превращает написанную когда-то «пьесу для любящих» в настоящую трагедию [1, стб. 507]. На смену утопической готовности героев 1775 г. выстроить гармоничные отношения втроем (жена, муж и его любовница) приходит неминуемая гибель виновников разрушения семьи: Фернандо стреляется, а Стелла принимает яд. В редакции 1806 г. история о любовном треугольнике не допускает возможности мирного разрешения конфликта между любовными чувствами и брачными обязательствами, а завершается в полном соответствии с общественными нормами и моральными устоями. Кроме того, в мае 1807 г. Гёте записывает свою версию сказки о прекрасной Мелузине (*Neue Melusine*). В ней в аллегорической форме автор рисует читателю весь трагизм притязаний влюбленных на безусловную любовь, требующую от партнера отказа от собственной идентичности и стирания внутренних границ. Вслед за этим (летом 1807 г.) Гёте работает над новеллой «Пятидесятилетний мужчина», в которой разрабатывает тему увлечения пожилого майора его молодой племянницей. Чуть позже (зимой 1807–1808 гг.) под впечатлением от общения с юной Минхен Херцлиб (*Wilhelmine Herzlieb*, 1789–1865) из-под пера Гёте выходит цикл сонетов, ставших своего рода сублимацией чувств шестидесятилетнего писателя к восемнадцатилетней девушке¹. Напомним, что лишь за год до этого (в октябре 1806 г.) Гёте сочетался законным браком с Кристианой Вульпиус (*Johanna Christiana Sophie Vulpius*, 1765–1816) и увлечение поэта юной Вильгельминой могло «обернуться бедой для многих» [2, с. 378]. О масштабах возможной трагедии можно судить по сюжету еще одного произведения Гёте этого периода. Речь идет о романе «Избирательное сродство» (*Die Wahlverwandtschaften*, 1809). Изначально роман задумывался как одна из вставных новелл повествования о Вильгельме Мейстере (апрель 1808 г), но уже через несколько месяцев он разросся до 18 глав и превратился в своего рода научную лабораторию, занятую исследованием вопроса «сомнительного союза втроем» [3, с. 320]. Волнующие отношения писателя с младшей дочерью барона фон Цигезара – Сильвией фон Цигезар (*Sylvie von Ziegesar*, 1785–1858), достигшие своего апогея во время их совместного отдыха в Карлсбаде летом 1808 г.², вносили в проблематику произведения особую остроту и глубину. В это же время параллельно с «Избирательным родством» Гёте работал над подготовкой к печати еще одной новеллы, герои которой становятся очередными жертвами любовных страстей и романтических мечтаний. Речь идет о рассказе «Безумная скиталица» (*Die pilgernde Törin*, 1808), ставшем объектом данного исследования.

Целью исследования является выявление специфики трактовки любви в рассказе Гёте о безумной страннице. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- выявить особенности гётевского представления феномена любви в исследуемом произведении и раскрыть особенности его трактовки в контексте общей проблематики романа «Годы странствий Вильгельма Мейстера» (*Wilhelm Meisters Wanderjahre oder die Entsagenden*, 1821–1829);
- рассмотреть художественные образы, использованные автором для раскрытия сути данного феномена.

Основная часть. В начале XIX века И.В. Гёте начинает работу над продолжением истории о Вильгельме Мейстере. Параллельно с разработкой основной сюжетной линии появляются рассказы «Безумная скиталица» (*Die pilgernde Törin*), «Пятидесятилетний мужчина» (*Der Mann von fünfzig Jahren*), «Смуглолицая девушка» (*Das nussbraune Mädchen*), ставшие впоследствии частью романа «Годы странствий Вильгельма Мейстера» и исследующие причины любовных терзаний и сердечных трагедий героев. Первые читатели познакомились с этими произведениями в отрыве от романного контекста, так как вначале они публиковались в отдельных выпусках брошюрных журналов для женщин (ежегоднике «*Taschenbuch für Damen*»).

Роман «Годы странствий Вильгельма Мейстера» относится к числу наиболее сложных произведений классика и до сих пор вызывает оживленные дискуссии по поводу своего идейного содержания³. Ситуацию не спасает

¹ См. сонеты «Потрясение» (*Mächtiges Überraschen*), «Встреча» (*Freundliches Begegnen*) и др.

² К этому периоду относится создание знаменитого стихотворения на случай «К двадцать первому июня, Карлсбад, 1808. Сильвии фон Цигезар» (*Zum ein und zwanzigsten Juni, Carlsbad, 1808. An Silvie von Ziegesar*).

³ Основные векторы этой полемики наметились уже в середине прошлого столетия. Ср. позиции Эриха Трунца [4, S. 527], рассматривавшего роман в качестве «книги мудрости» позднего Гёте, и полемизировавших с ним Манфреда Карника [5] и Фолькера Нойхауза [6], выступавших с идеей открытости гётевского текста и невозможности сведения представленных в нём позиций к одному знаменателю.

даже тот факт, что сам автор в подзаголовке «Отрекающиеся», казалось бы, дал читателям в руки ключ к его пониманию⁴. Сложность интерпретации гётевского видения путей развития современного европейского общества, вступающего в эпоху капиталистических отношений, связана с особенностями художественной формы этого произведения. Вместо обычного романного сюжета с чёткой композицией автор предлагает читателям историю, распадающуюся на отдельные эпизоды, часто не связанные друг с другом и внешне не имеющие отношения к судьбе главного героя. Вместе с тем, являясь составной частью единого художественного целого, именно эти фрагменты вносят коррективы в понимание проблематики всего произведения. Самоотречение и подчинение собственной воли и чувств интересам целого – таков идейный вектор странствий главного героя романа, в полемику с которым вступает художественный мир новеллы «Безумная скиталица». Экстравагантная выходка гостя, остановившейся в доме знатного семейства, обнаруживает истинную сущность странствующей красавицы, пытающейся всех убедить в том, что человек способен контролировать свои влечения и желания.

«Безумная скиталица» не пользуется такой популярностью у исследователей, как другие вставные рассказы из «Вильгельма Мейстера». В большинстве случаев авторы работ по истории немецкой новеллистики ограничиваются беглым указанием на то, что Гёте включил в свой последний роман собственный перевод истории о помешанной страннице⁵. Эта история была опубликована еще в 1789 г. в одном из номеров альманаха «*Cahiers de Lecture*». «Безумная скиталица» служит чаще свидетельством обращения Гёте к «классическим образцам романской новеллистики» [10, S. 31], но редко рассматривается в контексте осмысления гётевского понимания феномена любви. Причина сдержанного интереса к переводной новелле кроется, по всей вероятности, в высокой степени «соответствия гётевского текста французскому оригиналу» [11, S. 56]. Вместе с тем, проведенный исследователями сопоставительный анализ текстов обнаружил ряд отклонений гётевского варианта новеллы от французского первоисточника⁶. Часть изменений, внесенных Гёте, носила стилистический характер, другая часть привела к определенным семантическим сдвигам, что, в свою очередь, способствовало смещению смыслопорождающих акцентов всего рассказа. Не случайным является и тот факт, что, прежде чем «Безумная скиталица» заняла окончательное место во втором издании романа (1829), прошло долгих 30 лет.

Знакомя читателей с господином де Реванном, повествователь подчёркивает его умелую хозяйственную деятельность, позволяющую обеспечить пропитанием «*чуть ли не половину обитателей шестимильной округи*» [13, с. 45]. Богатый землевладелец выступает воплощением разумности и трезвого расчета: он выгодно сдаёт в аренду участки земли, развивает мануфактуру. Старший де Реванн – воплощение упорядоченной жизни с чёткой системой ценностных координат. Его знакомство с паломницей – событие исключительное, выпадающее из привычной модели поведения просвещенного барина. Отправляясь на охоту, он берёт с собой книгу и ружье, чётко очерчивающие систему жизненных ценностей героя, – его претензии на образованность и желание властвовать (оружие символизирует волю и мужественность). Встреча де Реванна с незнакомкой происходит в небольшой роще (*in einem Lustwäldchen*), отделенной от остального мира «*густым подростом*» [13, с. 45]. Гёте убирает из первоисточника описание благ, которые дарит путнику перелесок в любое время года, а концентрирует внимание на том, что место встречи героев осталось не подверженным упорядочивающему воздействию человека: рослые стволы деревьев, густой подросток, бьющий из-под земли родник, хоть и огороженный, но льющий свои воды «*далее по корням, камням и травам*» [13, с. 45]. В роще герой освобождается от регулирующего воздействия социальных норм и правил, здесь обнаруживаются его желания и порывы, табуируемые в обычной жизни. На лоне природы г-н де Реванн оказывается совершенно безоружным при встрече с прекрасной скиталицей. Беспомощность героя перед очарованием молодости, его неспособность контролировать ситуацию демонстрирует книга, выпавшая из его рук. Гёте не скупится на слова и описывает странницу в более выгодном свете, чем это делал автор французского текста. Так, имеющийся в первоисточнике намёк на усталость, едва промелькнувший на лице красавицы, Гёте опускает. Наоборот, длительная ходьба придаёт гётевской девушке живой румянец. Усилено в переводе и потрясение де Реванна от созерцания девицы: присутствующее во французском тексте восхищение дополнено у Гёте замечанием, что незнакомка обладала безупречной внешностью.

Подчеркивая невероятное впечатление, которое молодая особа произвела на пожилого мужчину, автор даёт читателю ключ к пониманию причин необычного поведения уважаемого господина в отношении красавицы. Водная стихия (знакомство героев проходит в непосредственной близости от струящегося ручья) и изолированность от внешнего мира пробуждают чувственные влечения героя. Выход де Реванна за рамки социальных условностей позволяет ему пригласить в дом незнакомую женщину, своим поведением нарушающую нормы этикета. Ведь сначала появление на дороге одинокой девушки «*с безупречностью сложения, осанки и манер*» обескураживает де Реванна «*явным нарушением правил хорошего тона и дворянского этикета*» [11, S. 58]. Заметив прекрасную путницу, почтенный господин невольно встает на ноги, чтобы взглянуть на дорогу, «*предполагая увидеть следующую за ней свиту*» [13, с. 45]. Герой настолько дезориентирован несоответствием внешнего

⁴ «Годы странствий Вильгельма Мейстера» – единственное произведение И.В. Гёте, имеющее двойное название, что, по мнению Э. Трунца, имеет особый смысл. Ведь первая часть заглавия даёт понять, что роман тематически продолжает историю жизни героя романа «Годы учения Вильгельма Мейстера». Вторая часть «указывает на его идейный стержень» [4, S. 555].

⁵ См. труды Иоганнеса Кляйна «История немецкой новеллы от Гёте до наших дней» [7, S. 72], Гельмута Химмеля «История немецкой новеллы» [8, S. 56–57], Бенно фон Визе «Немецкая новелла от Гёте до Кафки» [9].

⁶ Наиболее детальный анализ был представлен в диссертации Гертруды Гаупт-Фрёлих «Гётевские новеллы «Святой Иосиф Второй», «Безумная скиталица», «Кто предатель» [12].

вида странницы и ситуации, в которой происходит знакомство, что в первый момент не знает, как себя вести, «что сказать, что делать» и изучает внешность скиталицы, стараясь определить стратегию дальнейшего поведения. Свои наблюдения он резюмирует парадоксальным утверждением: «Ничто в ней не напоминало бродяжку, – и всё же она была бродяжкой» [13, с. 46]. Рассудок фиксирует все подозрительные моменты в поведении красавицы, в то время как природно-чувственное начало героя тонет в «широко открытых синих глазах» странницы, «незамутнённо-чистых и блистающих как небо» [13, с. 46].

Г-н де Реванн старается завязать с незнакомкой светскую беседу, чтобы выяснить происхождение девушки и причину её бродяжничества. Но делает он это неловко, так как посвященная в культурный код речевого этикета скиталица тут же чувствует укор, скрытый в комплементах. Её ответы не только не проясняют ситуации, они возбуждают у г-на де Реванна ещё больший интерес, так как обнаруживают двойственность натуры загадочной странницы. «Я одна на целом свете», – заявляет она де Реванну с первых минут знакомства. А затем добавляет: «Родители у меня есть и знакомых довольно, но друзей нет» [13, с. 46]. Сетуя на одиночество, девушка тут же проговаривает условия, предъявляемые ею к хозяевам того или иного благородного дома, выбранного в качестве временного пристанища. Никто «не имеет права» расспрашивать её «об имени и родине» [13, с. 46]. Свои отношения с новыми знакомыми, принявшими её, героиня выстраивает на принципах взаимовыгодного товарного обмена. Она «платит за содержание услугами, приличествующими её воспитанию» [13, с. 46], исключая доверительно-дружеское общение, и при этом жалуется де Реванну на своё духовное одиночество. Подозрительными выглядят и пространные рассуждения девицы о том, что «честь женщины даже среди разбойников с большой дороги подвергается опасности, лишь если она сама слаба сердцем и не имеет твердых правил». В устах девушки, «что ходит лишь в те часы и по таким дорогам, что бояться ей нечего», да и заговаривает «не со всяким», а останавливается на время только «в благородных домах», подобное заявление – не более чем софизм, приятный сознанию скиталицы, упивающейся своей идеей безусловной верности [13, с. 46].

В один из вечеров, чтобы отплатить хозяевам за гостеприимство, девушка исполняет романс о неверном возлюбленном, который обманул свою «прекрасную даму», изменил ей с дочкой мельника и за это был наказан [13, с. 50]. Своё благочестивое путешествие во имя верности она противопоставляет скитаниям по лесу полунагого героя романа, спасающегося бегством от родственников очаровательной мельничихи, которые требуют от молодого человека жениться на девице. Верность в любви, доведенная до абсолюта, возвышает героиню в собственных глазах. Она же превращает её в безумицу, смыслом жизни которой становится навязчивая идея доказать «дружку с мельницы», что «мужчины и женщины бывают неверны только по своей воле» [13, с. 56]. Безумная скиталица, настаивающая на возможности контролировать свои плотские влечения с помощью разума и воли, такая же заложница чувств, как и обманувший её «дружок с мельницы». Она не в состоянии позабыть о своей любви к бывшему другу и отпустить молодого человека. Напротив, вся её жизнь посвящена тому, чтобы заставить неверного увидеть в ней личность, достойную любви и уважения. Ревностно оберегая свою тайну, она болезненно реагирует на вопросы личного характера и засыпает присутствующих нравственными сентенциями, каждую из которых изобретательный ум Герсильи (героини рамочного повествования романа) мог бы с лёгкостью вывернуть наизнанку. Осознание собственной сопричастности законам жизненной мудрости, зафиксированным в афоризмах, возвышает героиню, превращает её в собственных глазах в мученицу, страдающую ради утверждения высшей истины. Нравоучительные сентенции необходимы скиталице для того, чтобы спрятаться за ними («sich verstecken» [14, S. 59]) от правды жизни, далекой от «моральной казуистики» [15, S. 83].

Неосторожный вопрос обитателей поместья о знакомстве героини с промёрзшим героем её романа задевает девушку за живое, обнажает несоответствие между реальной жизнью и моральными догмами, которые она проповедует. Героиня не просто бежит подобно беспомощной лани, спасаясь от преследования, (ср. её же афоризм: «Если лань бежит, в этом не её вина» [13, с. 52]), она надеется взять реванш за свои страдания, заставив дружка с мельницы «пожалеть об утраченном» [13, с. 56]. Упоминание адресата, ради которого девица и демонстрирует свою стоическую верность, – свидетельство того, что все жертвы скиталицы приносятся во имя неверного друга (und das wollte ich dem Freunde von der Mühle beweisen – это я и хотела доказать своему другу с мельницы [13, с. 64]), а вовсе не из желания нормализовать отношения с отцом и сыном де Реванн, которые потеряли от любви голову. Стоическая верность бывшей возлюбленной должна открыть юноше глаза на ошибку, которую он совершил, не сумев оценить нравственные качества прежней подруги.

Безумная выходка незнакомки, завершившая её знакомство с семейством де Реванн, – финальный аккорд в демонстрации скиталицей своего морального превосходства над окружающими. С челом ясным и безмятежным, подобно проповеднице, даёт она последние наставления сбитому с толку молодому де Реванну. Изливаемый на голову юноши поток нравоучительных сентенций⁷ выдержан в стилистике новозаветных наставлений⁸, что подчеркивает претензии незнакомки на признание её сопричастности высшим законам бытия.

Заключительная сцена объяснения героев – поворотный пункт в жизни семейства де Реванн и момент истины для самой скиталицы, обнаруживающий подлинные мотивы её странствия. Фанатичное стремление девицы воплотить в жизнь рыцарские идеалы верности и преданности превращают её в безумицу. Она воображает себя

⁷ См. у Гёте: «Кто презрит просьбу бедствующей невинности, сам когда-нибудь станет просить и не будет услышан. Кто без зазрения совести пренебрегает совестью беззащитной девушки, сам падёт жертвой бессовестных женщин. Кто не чувствует, что должна испытывать честная девушка, когда ее домогаются, тот теряет её по заслугам. Кто строит расчёты вопреки разуму, вопреки намерениям и планам своей семьи, но зато в угоду своей страсти, по заслугам не получает от своей страсти плодов и лишается уважения семейства» [13, с. 53–54].

⁸ См. Евангелие от Матфея 10:39.

мученицей и не желает признаться даже себе в чувствах к бывшему другу. Сознаться в неспособности сопротивляться любви, значит признать за бывшим возлюбленным право на такие же чувства в отношении дочки мельника. Это задевает самолюбие «прекрасной дамы», поэтому гораздо спокойнее спрятаться за клише о верности и измене и нести себя миру как жертву мужской неверности.

Испытание любовью оказывается не под силу ни одному из действующих лиц новеллы. Прекрасная незнакомка бежит от любви в иллюзорный мир рыцарских идеалов и добродетелей. Влюбленный г-н де Реванн вступает в соперничество с собственным сыном, прекрасно понимая, «что взять над ним верх, не прибегая к средствам, не подобающим человеку твердых правил», не получается [13, с. 53]. Молодой де Реванн, еще недавно угрожавший «лишить себя жизни ради неумолимой» [13, с. 54], бросается на защиту собственных материальных интересов, едва узнаёт об угрозах отца лишить его части наследства.

Экстравагантная выходка красавицы подобна лакмусовой бумажке, обнаруживающей истинную суть героев. В сцене объяснения с главой семейства девушка не упоминает о беременности, признания гостя сформулированы в обтекаемой форме. Выводы г-на де Реванна – плод его разыгравшегося воображения, питаемого страхом оказаться в роли проигравшего претендента на сердце возлюбленной. Он прекрасно понимает, что единственным его преимуществом является его богатство, поэтому он готов ради самоутверждения, пустить в ход свой главный козырь. Лишая сына части наследства, пожилой барин вновь ощущает себя хозяином положения.

Заключение. В новелле И.В. Гёте о безумной страннице необычное смещено во внутренний мир героев. Сердечные перипетии служат плодотворной почвой для раскрытия их индивидуальности, обнаружения истинных мотивов их поведения, способствуют «разгадке тайн человеческой личности» [10, S. 32]. Расширение и обновление утверждаемой в рамочном повествовании универсальной модели гармоничного сосуществования разума и чувства осуществляется в новелле через обнаружение различного рода уловок и ухищрений, с помощью которых человек пытается завуалировать свои желания и потребности. Любовь у Гёте выступает в роли катализатора, избавляющего человека от социальных условностей и обнаруживающего его внутреннюю сеть. Попытки героя подавить в себе любовные порывы при помощи волевого акта оказываются неудачными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пуришев, Б.И. Гёте / Б.И. Пуришев // Литературная энциклопедия : в 12 (10) т.; гл. ред. А. В. Луначарский, 1929–1939. – Т. 2 (Были – Гриб). – М. : Издательство коммунистической академии, 1929. – Стб.507–508.
2. Конради, К.О. Гёте: Жизнь и творчество : [пер. с нем.] : в 2 т. / К.О. Конради. – М. : Радуга, 1987. – Т. 2. : Итог жизни. – 648 с.
3. Конради, К.О. Гёте: Жизнь и творчество : [пер. с нем.] : в 2 т. / К.О. Конради. – М. : Радуга, 1987. – Т. 1. : Половина жизни. – 600 с.
4. Trunz, E. Nachwort zu Wilhelm Meisters Wanderjahre oder die Entsagenden // Goethe. Werke (Hamburger Ausgabe) : in 14 Bde. – München : Deutscher Taschenbuch Verlag, 1998. – В. 8 : Romane und Novellen III. – S. 527–707.
5. Karnik, M. Wilhelm Meisters Wanderjahre oder die Kunst des Mittelbaren. Studien zum Problem der Verständigung in Goethes Altersepoche / M. Karnik. – München : W. Fink, 1968. – 237 S.
6. Neuhaus, V. Die Archivfiktion in Wilhelm Meisters Wanderjahren / V. Neuhaus // Euphorion. Zeitschrift für Literaturgeschichte ; Hrsg. G. Rainer, A. Henkel. – Heidelberg : Winter, 1968. – № 62. – S. 13–27.
7. Klein, J. Geschichte der deutschen Novelle. Von Goethe bis zur Gegenwart / J. Klein. – Wiesbaden : Franz Steiner, 1960. – 674 S.
8. Himmel, H. Geschichte der deutschen Novelle / H. Himmel. – Bern : Francke, 1963. – 545 S.
9. Wiese, B. v. Die deutsche Novelle von Goethe bis Kafka. Interpretationen : 2 Bde. / B. v. Wiese. – Düsseldorf : Bagel, 1956–1962. – Bd. 1. – 350 S.
10. Kunz, J. Die deutsche Novelle zwischen Klassik und Romantik / J. Kunz. – Berlin : Erich Schmidt, 1966. – 164 S.
11. Herwig H. Das ewig Männliche zieht uns hinab: «Wilhelm Meisters Wanderjahre». Geschlechterdifferenz, sozialer Wandel, historische Anthropologie / H. Herwig. – Tübingen [u.a.] : Francke, 1997. – 467 S.
12. Haupt-Fröhlich, G. Goethes Novellen «Sankt Josef der Zweite», «Die pilgernde Törin», «Wer ist der Verräter» : Diss / G. Haupt-Fröhlich. – Greifswald, 1913. – S. 37–64.
13. Гёте, И.В. Годы странствий Вильгельма Мейстера, или Отрекающиеся : пер с нем. / И.В. Гёте // Собр. соч. : в 10-ти т. – Т. 8: Годы странствий Вильгельма Мейстера или Отрекающиеся ; под общ. ред. А. Аникета и Н. Вильмонта. – М. : Худож. лит., 1979. – 462 с.
14. Goethe, J. W. Wilhelm Meisters Wanderjahre oder die Entsagenden / J.W. Goethe // Goethe. Werke (Hamburger Ausgabe) : in 14 Bnd. – München : Deutscher Taschenbuchverlag, 1998. – В. 8 : Romane und Novellen III. – 711 S.
15. Henkel, A. Entsagung. Eine Studie zu Goethes Altersroman / A. Henkel. – Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 1964. – 171 S.

Поступила 07.06.2022

THE CONCEPT OF LOVE IN GOETHE'S NOVELLA "THE MADWOMAN ON A PILGRIMAGE"

L. SIAMCHONAK

The aim of this article is to present the Goethe's vision of the phenomenon of love on the material of the novella "The Madwoman on a Pilgrimage" from the novel "Wilhelm Meister's Years of Travel". The author's interpretation of the problem is analyzed on the basis of the system of literary images and motives. Particular attention is paid to the differences between Goethe's translation and the French original. It is concluded that love in Goethe's novella functions as a catalyst for the hero's deliverance from social conventions and the discovery of the person's essence.

Keywords: concept, love, faithfulness, mind, feelings, volition, personality.

УДК 81'373.611:811.112.2

ПОЛУПРЕФИКСАЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ С КОМПОНЕНТОМ AN- И ИХ НЕОДНОСЛОВНЫЕ СООТВЕТСТВИЯ

канд. филол. наук, доц. Т.И. СКОРОБОГАТАЯ
(Гродненский государственный университет имени Я. Купалы)

Данная статья посвящена проблеме выделения в немецком языке словосочетаний коммуникативно эквивалентных производным глаголам с полупрефиксом *an-*. Анализируются данные словосочетания сквозь призму теории номинативной деривации. Устанавливаются системные отношения между деривационными значениями производных глаголов и словосочетаниями. В составе словосочетаний выявлены лексические единицы, способные выступить в деривационной функции, о чем свидетельствует их регулярность и соответствие по семантике словообразовательному аффиксу. Наряду с деривационными словосочетаниями в составе номинативных рядов рассматриваются глагольно-именные словосочетания с функциональными глаголами и конструкции '*an etw. + производящий глагол*', так как они могут быть дискретными глаголами и являются средством выражения деривационной семантики. Внимание к аналитическим средствам выражения словообразовательных значений позволяет оценить потенциал собственно словообразовательных средств в языке.

Ключевые слова: немецкий язык, деривационное значение, деривационная лексема, деривационные словосочетания, деривационные конструкции.

Введение. Полуаффиксация является одним из деривационно активным способом словообразования в немецком языке. Проблемой полуаффиксации в лингвистике занимались В. Флейшер, М.Д. Степанова, Л.И. Минина, Е.С. Кубрякова, Н.М. Шанский, Г.Ю. Гримм и др. Полуаффиксы (аффиксоиды) являются важным средством удовлетворения номинации в тех языках, где ограничены деривационные возможности аффиксальных средств. Так, и в немецком языке данные элементы характеризуются частотностью функционирования. В грамматике современного немецкого языка *полуаффиксы (аффиксоиды)* рассматриваются как продуктивные элементы словообразования, занимающие промежуточное положение между самостоятельными частями речи и словообразовательными формантами. Например, в немецком языке относят к префиксам у производных глаголов, несмотря на различные трактовки, только следующие элементы: *be-, ge-, emp-, ent-, er-, miss-, ver-, zer-* [1–5], так как они находятся в центре словообразовательной системы [6, с. 14–15]. На современном этапе развития языка с производящими основами взаимодействуют только *be-, ent-, er-, ver-, zer-*. Таким образом, глагольные префиксы в немецком языке ограничены в своих деривационных возможностях, и для удовлетворения номинации активно используются полупрефиксы.

Вслед за авторами грамматики Дудена [7 с. 414], мы выделяем как глагольные *полупрефиксы* элементы, которые соотносятся с предлогами современного немецкого языка: *ab-, an-, nach-, auf-, aus-, ein-, vor-, zu-, bei-, mit-, durch-, über-, unter-, hinter-, um-, wider-*. Данные элементы в основном вносят в семантику глагола абстрактный характер значений [8, с. 243]. Исследование явления полуаффиксации не теряет своей актуальности. В первую очередь это связано с тем, что теория языковых уровней и их взаимодействия не позволяет оставить без внимания такой вопрос коммуникативного соответствия префиксальных и полупрефиксальных производных синтаксическим единицам.

Целью данной статьи является изучение словообразовательных значений полупрефикса *an-* с учетом основных положений теории номинативной деривации. При исследовании перед нами стояли следующие задачи: проанализировать словообразовательные значения, свойственные полупрефиксу *an-*, выявить единицы, способные регулярно выражать значения данного полупрефикса, определить эквивалентность полупрефиксальных производных различным типам словосочетаний. Такого рода эквивалентность нами рассматривается в следующих случаях: 1) тождественность семантики производного глагола лексическим словосочетаниям; 2) тождественность семантики производного глагола деривационным словосочетаниям; 3) тождественность семантики производного глагола деривационным конструкциям. С позиции теории номинативной деривации особый интерес представляют деривационные словосочетания, образующие совместно с производными глаголами деривационные парадигмы.

Основная часть. В рамках исследования нас интересуют непосредственно полупрефикс (префиксоид) *an-* в производных глаголах и его деривационные значения, которые наряду с полупрефиксом возможно реализовать аналитическими средствами. Так, у полупрефикса *an-* выделяются следующие деривационные значения [9, с. 52–54]:

1. Значение начала процесса: *brüten* 'сидеть на яйцах, высиживать птенцов' → *anbrüten* 'начать сидеть на яйцах, начать высиживать птенцов', *sprechen* 'говорить' → *ansprechen* 'заговорить, начать говорить', *bohren* 'бурить' → *anbohren* 'начинать бурить', *spielen* 'играть' → *anspielen* 'начинать играть'.

2. Значение приближения: *schleppen* 'тащить' → *anschleppen* 'притаскивать', *radeln* 'кататься на велосипеде' → *anradeln* 'приезжать на велосипеде', *reiten* 'скакать верхом' → *anreiten* 'подъезжать верхом', *marschieren* 'маршировать' → *anmarschieren* 'подходить, приближаться'.

3. Значение присоединения: *drehen* 'крутить' → *andrehen* 'прикручивать', *frieren* 'мерзнуть' → *afrieren* 'примерзнуть', *schrauben* 'винтить' → *anschrauben* 'соединять болтами', *nähen* 'шить' → *annähen* 'пришить'.

4. Значение приобретения: *betteln* 'просить милостыню' → *anbetteln* 'набрать, прося милостыню', *häufen* 'складывать в кучи' → *anhäufen* 'накапливать, нагромождать, валить в кучу', *kaufen* 'покупать, купить' → *ankaufen* 'закупать, скупать, приобретать', *heiraten* 'вступать в брак' → *anheiraten* 'приобретать посредством брака'.

5. Значение направленности действия на предмет: *bellen* 'ляять' → *anbellen* 'обляять кого-либо', *gähnen* 'зевать' → *angähnen* 'зевать в лицо кому-либо', *lächeln* 'улыбаться' → *anlächeln* 'улыбаться кому-либо', *strahlen* 'светить' → *anstrahlen* '1. озарять лучами 2. смотреть на кого-либо сияющими глазами'.

6. Значение неполноты действия: *beißen* 'кусать' → *anbeißen* 'надкусывать', *biegen* 'гнуть' → *anbiegen* 'пригибать', *braten* 'жарить' → *anbraten* 'поджарить', *heben* 'поднимать' → *anheben* '(слегка) приподнимать'.

7. Значение возрастания, увеличения, накопления: *pflanzen* 'сажать' → *anpflanzen* 'засаживать (сад), разводить', *rosten* 'ржаветь' → *anrosten* 'покрываться ржавчиной', *saufen* 'пить' → *ansaufen* 'напиться', *wachsen* 'расти' → *anwachsen* 'возрастать, нарастать'.

Многообразные значения полупрефикса *an-* могут быть реализованы от одного производящего глагола. Так, например, производный глагол *anfahren* имеет следующие значения: 1) подъезжать (значение приближения); 2) трогаться, отъезжать (значение начала процесса); 3) наезжать (значение направленности действия на предмет). Для производной лексемы *anlesen* '1) приобретать знания чтением; 2) начинать читать' характерны значение приобретения и значение начала действия. Очевидно, что в ряде случаев полупрефиксальным производным с *an-* свойственно одно деривационное значение: *ankippen* 'слегка наклонить', *anatmen* 'дышать в лицо', *anfeilen* 'подпиливать (напильником)', *anlöten* 'припаивать, соединять пайкой' и т.д. Таким образом, полупрефикс *an-* не способен зачастую одновременно реализовать в одном производном большинство деривационных значений, что обуславливает возникновение внутриязыковых лагун.

Как известно, деривационная семантика может выражаться разноуровневыми средствами, т.е. значения полупрефикса *an-* могут быть представлены либо на лексическом уровне, либо в составе словосочетаний с помощью деривационных лексем. Под деривационной лексемой следует понимать единицы, способные выступить в деривационной функции, о чем свидетельствует их регулярность и соответствие по семантике словообразовательным аффиксам и полуаффиксам, например: *poskrestiti* – *skrestiti* *некоторое время*, *podolbiti* – *dolbiti* *некоторое время*; *durchputzen* 'прочистить' – *gründlich putzen* 'основательно чистить', *durchschütteln* 'встряхивать' – *gründlich schütteln* 'тщательно трясти'. Деривационная лексема является частью деривационного словосочетания. Согласно теории номинативной деривации, сочетание может быть признано деривационным при наличии следующих признаков: 1) один из его компонентов выступает в значении словообразующего аффикса; 2) одно из его слов регулярно соотносимо с формантом словообразовательного ряда производных слов; 3) коммуникативная функция словосочетания; 4) эксплицитная связь – знаковое родство с мотивирующим словом [10, с. 59–62]. Деривационные компоненты являются одним из способов выражения деривационных значений и выступают в целостных номинативных единицах, являющихся эквивалентами производных глаголов (префиксальных и полупрефиксальных). Следует отметить, что в ряде случаев деривационные компоненты или лексемы могут быть единственным средством заполнения как внутриязыковых, так и межъязыковых лагун.

В немецком языке среди лексических средств выражения номинативных значений есть единицы, способные выступить в деривационной функции, что подтверждает их регулярность и соответствие по значению словообразовательным аффиксам, полуаффиксам и первым компонентам сложных слов. Аналитические средства могут употребляться наряду с синтетическими, и в некоторых случаях аналитическая форма является единственно возможной для выражения семантики, характерной словообразовательному элементу. Так, например, не все производящие глаголы могут иметь в глагольном блоке своей парадигмы производные с полупрефиксом *an-*, или данный полупрефикс не способен одновременно в производной лексеме реализовывать все свои значения.

На основе анализа 200 номинативных рядов с полупрефиксом *an-* нами выявлены в немецком языке лексемы, способные выступить в деривационной функции.

Дискретными соответствиями к производным с *an-* выступают словосочетания с различными деривационными компонентами. Так, глагольные лексемы *beginnen* 'начинать' и *anfangen* 'начать' в составе конструкций '*beginnen* 'начать' (*anfangen* 'начать') + *zu* + производящий глагол' выражают начинательность. Значение начинательности также свойственно и полупрефиксу *an-*. Однако полупрефикс *an-* присоединяется не к каждому производящему глаголу, а если присоединяется, то является показателем другого значения, в то время как аналитической конструкцией всегда можно представить начало действия. Конструкции с фазовыми глаголами *anfangen* 'начать', *beginnen* 'начать' в некоторых случаях являются единственной возможностью выразить значение начинательности: *anfangen zu schütteln* 'затрясти (начать трясти)'; *anfangen anzubeißen* 'начать кусать', *anfangen zu picken* 'заклевать', *anfangen zu kitzeln* 'защекотать'. Дискретными соответствиями к производным с *an-* выступают также словосочетания с деривационным компонентом (глаголом) *befestigen* 'крепить'. Данной деривационной лексемой выражается значение присоединения: *anklammern, mit Klammern befestigen* 'прикреплять к чему-либо скобой, зажимом', *anlöten, durch Löten befestigen* 'припаивать, прикрепить паянием'. Наряду с глаголами в дискретных соответствиях к производным с *an-* выступают словосочетания с деривационными компонентами *nicht ganz* 'не полностью', *ein wenig* 'немного' при выражении значения неполноты действия: *anbrechen, nicht ganz brechen* 'надламывать, ломать не полностью, отламывать', *anstechen, ein wenig hineinstechen* 'накалывать, поддевать (вилкой, ножом)'.

Полупрефикс *an-* выступает в немецком языке одним из маркеров значения направленности действия на предмет. Особенностью данного полупрефикса является то, что он выражает направление действия по вертикали, в то время как направленность действия по горизонтали выражается полупрефиксом *auf-*, т.е. одному глаголу русского языка соответствуют два глагола немецкого языка, например, *an die Wand ankleben* 'приклеить на стену' – *auf den Briefumschlag ankleben* 'приклеить на конверт'. В отличие от русского языка, немецкие производные глаголы коррелируют со словосочетаниями с омонимичными предлогами: *aufkleben* 'наклеить' – *auf etw. kleben* 'клеить на что-либо', *ankleben* 'наклеить' – *an etw. kleben* 'клеить на что-либо'. Именно так интерпретируются в словарях все глаголы с данными полупрефиксами, так как производные этого типа имеют «предложное значение» (*präpositionale Bedeutung*) [11, с. 9].

Закключение. Таким образом, полупрефиксальные производные с *an-* характеризуются многообразием деривационных значений. Кроме того, в качестве неоднословных эквивалентов производные глагольные лексемы с *an-* имеют деривационные словосочетания, которые обладают коммуникативной эквивалентностью однословным производным лексемам, например: *Russische Teilnehmer des Sale-Projekts wollen im kommenden Südsommer erstmals Lake Wostok anbohren* 'Русские участники проекта Sale хотят впервые будущим летом начать бурить озеро Восток' (Die Zeit, 05.07.2009). *Als wir hier draußen zu bohren anfangen, wußten wir noch gar nicht, auf was wir uns eingelassen hatten* 'Когда мы начали здесь бурить, мы понятия не имели, во что ввязываемся' (Die Zeit, 19.10.1984, Nr. 43). *Armida hat sie genäht, ich habe die batteriebetriebenen Lämpchen angelötet* 'Их сшила Армида, я спаял фонари на батарейках' (Berliner Zeitung, 13.05.2000). *Oft werden Chips mit hoher Verlustleistung durch Löten befestigt* 'Микросхемы с большим рассеиванием мощности часто припаиваются (крепятся пайкой)' (Völklein Fr., Zetterer Th. Praxiswissen Mikrosystemtechnik Grundlagen – Technologien – Anwendungen, Springer Vieweg (Verlag), 2006. – с. 359).

Некоторые производные глаголы с полупрефиксом *an-* в качестве коммуникативных эквивалентов имеют лексически конкретизированные словосочетания и устойчивые словосочетания с деривационно родственным компонентом к производящему глаголу: *anpressen, fest an etw. pressen* 'прижимать (к чему-либо)'; *anreißen, am Rande einreißen* 'надрывать'; *anreizen, den Anreiz geben* 'побуждать, подстрекать'; *anspitzen, spitz machen* 'точить, заострять', *angurten, mit einem Sicherheitsgurt am Sitz festschnallen* 'пристегивать ремень безопасности', *anstoßen, einen kleinen Stoß geben* 'подталкивать', *anstoßen, durch einen Stoss in Bewegung setzen* 'толчком привести в движение' и другие.

В ходе исследования установлено, что полупрефиксальным производным с *an-* могут быть коммуникативно эквивалентны следующие словосочетания: деривационные словосочетания, лексически конкретизированные и устойчивые словосочетания. Словообразовательные и несловообразовательные элементы (деривационные лексемы) способны выражать целый комплекс деривационных глагольных значений в немецком языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Раевский, М.В. Еще раз о составе глагольных префиксов в современном немецком языке / М.В. Раевский // Глагол в немецком языке : сб. науч. тр. / Тул. гос. пед. ин-т ; редкол.: М.В. Раевский (отв. ред.) [и др.]. – Тула, 1979. – С. 3–11.
2. Erben, J. Einführung in die deutsche Wortbildungslehre / J. Erben. – 4., aktual. und erg. Aufl. – Berlin : Schmidt, 2000. – 191 S.
3. Fleischer, W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache / W. Fleischer, I. Barz. – Tübingen : Niemeyer, 1992. – 376 S.
4. Olsen, S. Partikelverben im deutsch-englischen Vergleich / S. Olsen // Deutsch – typologisch / hrsg. von E. Lang , G. Zifonun. – Berlin ; New York : de Gruyter, 1996. – S. 261–288.
5. Stiebels, B. Morphology feeds syntax: the case of particle verbs/ B. Stiebels, D. Wunderlich // Linguistics. – 1994. – Vol. 32. – P. 913–968.
6. Каравай, И.У. Развитие полисемии префиксальных глаголов современного немецкого языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / И.У. Каравай ; Минск. гос. пед. ин-т иностр. яз. – Минск, 1989. – 22 с.
7. Duden. Das Standardwerk zur deutschen Sprache : in 12 Bd. / hrsg. von der Dudenred. – 6., neu bearb. Aufl. – Mannheim [etc.] : Dudenverl., 1998. – Bd. 4 : Grammatik der deutschen Gegenwartssprache / bearb. von P. Eisenberg. – 912 S.
8. Павлов, В.М. Понятие лексемы и проблема отношений синтаксиса и словообразования / В.М. Павлов ; Акад. наук СССР, Ин-т языкознания ; отв. ред. В.Г. Адмони. – Л. : Наука, 1985. – 299 с.
9. Словарь словообразовательных элементов немецкого языка / А.Н. Зуев [и др.] ; под рук. М.Д. Степановой. – 2-е изд., стер. – М. : Рус. яз., 2000. – 536 с.
10. Никитевич, В.М. Основы номинативной деривации / В.М. Никитевич. – Минск : Выш. шк., 1985. – 157 с.
11. Eichinger, L. M. Raum und Zeit im Verbwortschatz des Deutschen: eine valenzgrammatische Studie / L. M. Eichinger. – Tübingen : Niemeyer, 1989. – 436 S.

Поступила 01.04.2022

SEMI-PREFIXAL VERBS WITH THE AN- COMPONENT AND THEIR NON-SINGLE-WORD CORRELATIONS IN THE GERMAN LANGUAGE

T. SKOROBOGATAYA

This article is devoted to the problem of allocation of word combinations which are communicatively equivalent to derived verbs with the an-semi-prefix. The given combinations are analyzed through the "prism" of the theory of nominative derivation. The systemic relations are established between the derivational meanings of derived verbs and word combinations. Lexical units that can fulfill a derivational function as is evidenced from their regularity and semantic correspondence to the word-forming affix have been allocated in the structure of word combinations. Alongside with derivative word combinations in the nominative set verb-noun word combinations with functional verbs and structures 'an etw. + derivative verb' are examined, since they can be discrete verbs and are a means of expressing derivational semantics. Attention to the analytical means of expressing word-building meanings allows us to assess the potential of word-building means in the language.

Keywords: the German language, derivational meaning, derivational lexeme, derivational word combinations, derivational constructions.

УДК 81'373.611:811.161.1

**ДЕРИВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРЕФИКСАЦИИ
В РАЗЛИЧНЫХ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ФОРМАХ СУЩЕСТВОВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА****Ю.Р. ТРЕТЬЯКОВА***(Гродненский государственный университет имени Я. Купалы)*ORCID <https://orcid.org/0000-0003-1799-1608>

Исследование различных языковых страт как вариаций единой инвариантной структуры в сопоставительном аспекте позволяет выявить национальные специфические черты определенных социальных слоев общества в их максимальной детализации, что и обуславливает актуальность избранной темы. Статья посвящена описанию деривационного потенциала префиксации в литературной, профессиональной, сленговой и диалектной формах функционирования русского языка. Автор работы выделяет основные факторы, оказывающие влияние на активность словообразовательных процессов: отсутствие / наличие нормы, степень актуальности потенциальной единицы для носителя языка, характеристика коммуникативного пространства. Представлена диаграмма, основанная на сопоставительном анализе глагольных вершин префиксальных парадигм из различных языковых подсистем в их квантитативном и лексико-семантическом соответствии. В случае отсутствия лексического коррелята у исследуемой производящей лексемы автор статьи ориентировался на глаголы из одной лексико-семантической группы (ЛСГ). Результатом сопоставительного анализа стала перевернутая трапеция, отражающая положение каждого из исследуемых субкодов по возрастанию активности словообразовательных процессов: профессиональная лексика, диалекты, литературный язык, сленг.

Ключевые слова: префиксация, субкод, профессиональная лексика, сленг, диалект, литературный язык.

Введение. Социальная стратификация языка, реализующаяся в его неоднородности, обусловлена тем фактом, что комплекс языковых единиц, используемых субъектом коммуникации в качестве основного средства общения, зависит и зачастую формируется данным субъектом. В итоге крайне ощутимым становится влияние антропоцентрических факторов на формирование языковой системы: социальной, профессиональной, возрастной среды, локационных и личностных характеристик носителя языка, в связи с чем возникает множество языковых фактов, реализующих иллюкутивные намерения субъекта речетворчества и выходящих за пределы узальной языковой системы. Формирование неоднородности национального языка осуществляется за счет образования стратификационных переменных – единиц языка, включающих информацию о конкретном его носителе, впоследствии групповая индивидуализация языковых средств, основанная на некотором общем критерии, формирует различные варианты единой инвариантной структуры языка национального.

Стоит отметить, что наиболее чувствительной к социальной, возрастной, личностной и др. дифференциации людей представляется словообразовательная подсистема русского языка, что обусловлено первостепенной ролью механизмов словообразования в процессе номинации. Целью данного исследования станет сопоставительное описание деривационного потенциала глагольной префиксации в различных подсистемах русского языка: литературном, диалектном, профессиональном и сленговом субкодах.

Вопросам префиксального словообразования глагольной лексики посвящено большое количество научных трудов. Так, М.А. Кронгауз в монографии «Приставки и глаголы в русском языке. Семантическая грамматика» сосредоточивает внимание на исследовании семантических аспектов префиксального словопроизводства: семантики непосредственно префиксов, словообразовательного значения в его обособлении от значения деривационного форманта, взаимодействия семантики префикса и производящей глагольной единицы, а также детерминации семантики префикса контекстом коммуникативной ситуации [1]. Обзор научных источников, посвященных изучению префиксального словопроизводства, свидетельствует о доминировании исследований русского глагола в диахроническом аспекте¹. Относительным лингвистическим вниманием отличаются работы, направленные на анализ словообразовательных процессов в русских народных говорах [2; 3]². Так, А.В. Никитевич в монографии «Деривация и смысл» отмечает, что диалект, являясь неузальной формой функционирования общенационального языка, обнаруживает свои особенности абсолютно на всех его уровнях, включая словообразование: «диалектное словообразование восполняет нереализованные возможности, если не формальные, то семантические словообразовательные системы литературного языка» [4, с. 127].

¹ Горбань, О.А. Функционально-семантическая обусловленность сочетаемости морфем в процессе префиксации древнерусского глагола : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / О.А. Горбань. – Волгоград, 2004. – 489 л. Мешкова, Т.А. Словообразовательные типы префиксальных глаголов: функциональный аспект: на материале произведений Ф. Прокоповича : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Т.А. Мешкова. – Волгоград, 2013. – 194 с. Новиков, А.Н. Семантика и функционирование словообразовательного типа глаголов с приставкой под- в русском языке XI–XVII веков : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / А.Н. Новиков. – Майкоп, 2012. – 22 с.

² Закревская, В.А. Употребление приставочных глаголов совершенного и несовершенного видов в диалектной речи: На материале архангельских народных говоров : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / В.А. Закревская. – М., 2002. – 234 с.

Основная часть. Представляется возможным выделить два основных фактора, оказывающих влияние на активность словообразовательных процессов: отсутствие / наличие нормы как сдерживающего фактора, препятствующего осуществлению некоторых внутренних потенций словообразовательной системы русского языка, а также степень актуальности потенциальной единицы для носителя языка. В соответствии с указанными критериями абсолютно логичным становится выделение двух абсолютных лидеров в контексте степени активности словообразовательных процессов – литературного языка как языка «для всех», распространенного на достаточно обширную вертикально-горизонтальную ось, а также языка молодежного сленга, не скованного узусом и представляющего собой благоприятную почву для реализации творческого потенциала субъекта словопроизводства. Обратимся к префиксальным парадигмам разносистемных глагольных единиц. Однако отметим, что с целью получения максимально достоверной информации относительно вопроса деривационного потенциала префиксации ориентироваться будем в первую очередь на лексические корреляты. Представим обнаруженные эквивалентные разносистемные единицы как вершины словообразовательных парадигм с семантическими характеристиками их префиксальных дериватов: лит. *кричать, злиться* – проф. *авралить* – сленг. *агриться* – диалект. *горлать, варначиться*; лит. *идти, ходить* – проф. *чапать, чухать* – сленг. *чапать, топать* – диалект. *плесться*; лит. *умирать* – проф. *дулиться, склеивать ласты* – сленг. *рипнуться* – диалект. *мертвиться*³ (таблица 1).

Таблица 1. – Префиксальные дериваты лексических коррелятов из различных субкодов и их семантические характеристики

Тематическая категория	Семантика префикса	Префиксальная парадигма узуальной единицы	Префиксальная парадигма профессионализма	Префиксальная парадигма сленгизма	Префиксальная парадигма диалектизма
		<i>кричать</i> → <i>злиться</i> → <i>идти</i> → <i>умирать</i> →	<i>авралить</i> → <i>чапать</i> → <i>чухать</i> → <i>дулиться</i> → <i>склеивать ласты</i> →	<i>агриться</i> → <i>чапать</i> → <i>топать</i> → <i>рипнуть</i> →	<i>горлать</i> → <i>плесться</i> → <i>мертвиться</i> →
1	2	3	4	5	6
Временные модификации	а) ингрессивный семантический компонент	<i>вскричать</i> <i>закричать</i> <i>разозлиться</i> <i>озлиться</i> <i>обозлиться</i> <i>пойти</i>	<i>заавралить</i> <i>зачапать</i> <i>почапать</i> <i>отчапать</i> <i>зачухать</i> <i>почухать</i>	<i>заагриться</i> <i>взагриться</i> <i>разагриться</i> <i>сагриться</i> <i>зачапать</i> <i>затопать</i>	<i>загорлать</i> <i>заплесться</i> <i>поплесться</i>
	б) делимитативный семантический компонент	<i>покричать</i> <i>позлиться</i>	<i>поавралить</i> <i>почапать</i>	<i>поагриться</i> <i>потопать</i> <i>порипнуться</i>	<i>погорлать</i>
	в) пердуративный семантический компонент	–	–	<i>проагриться</i>	<i>прогорлать</i>
	г) финитивный семантический компонент	<i>откричать</i>	–	<i>отагриться</i> <i>отчапать</i> <i>оттопать</i>	–
Модификации по степени интенсивности	а) сатуративный семантический компонент;	<i>раскричать</i> <i>скричать</i> <i>изозлиться</i> <i>вымереть</i>	–	<i>наагриться</i> <i>переагриться</i> <i>начапать</i> <i>вытопать</i> <i>истопать</i> <i>натопать</i> <i>перетопать</i> <i>перерипнуть</i>	<i>нагорлать</i> <i>намертвиться</i>
	б) аттенуативный семантический компонент	<i>отмереть</i>	–	<i>подрипнуть</i>	–
Модификационное результиративное значение	а) семантика доведения до результата;	<i>выкричать</i> <i>накричать</i> <i>прокричать</i> <i>найти</i> <i>дойти</i> <i>замереть</i> <i>обмереть</i> <i>помереть</i> <i>умереть</i>	<i>дочухать</i>	<i>доагриться</i> <i>дочапать</i> <i>дотопать</i> <i>зарипнуть</i> <i>отрипнуть</i> <i>срипнуть</i>	<i>выгорлать</i> <i>сгорлать</i> <i>доплесться</i> <i>омертвиться</i> <i>помертвиться</i> <i>умертвиться</i> <i>смертвиться</i>
	б) семантика неполноты действия	–	–	<i>недоагриться</i> <i>недотопать</i>	–

³ Словарь русских народных говоров: 1965–2007. М. – СПб. : Изд-во Академии наук СССР; Институт лингв. исследований РАН. – Вып. 1–41. Тихонов, А.Н. Словообразовательный словарь русского языка : в 2 т. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : АСТ : Астрель, 2008. – 2 т.

Окончание таблицы 1.

1	2	3	4	5	6
Характер взаимоотношений объекта и субъекта действия	дистрибутивное значение	<i>изойти</i> <i>перемереть</i> <i>примереть</i>	–	–	–
	семантика превосходства перед другим исполнителя того же действия	<i>перекричать</i>	–	–	–
Пространственная семантика	значение помещения внутрь чего-либо, за что-либо	<i>войти</i> <i>зайти</i>	–	<i>втопать</i>	–
	пространственное перемещение вверх-вниз	<i>низойти</i> <i>взойти</i> <i>сойти</i>	–	–	–
	семантика удаления из чего-либо	<i>выйти</i> <i>изойти</i>	–	<i>вычпать</i>	<i>выплесться</i>
	пространственное отдаление-приближение	<i>уйти</i> <i>отойти</i> <i>подойти</i> <i>прийти</i>	<i>учапать</i> <i>подчпать</i> <i>причпать</i> <i>причухать</i>	<i>подчпать</i> <i>подтопать</i> <i>причпать</i> <i>отчпать</i> <i>оттопать</i> <i>учапать</i> <i>утопать</i>	<i>подплесться</i>
	пространственное передвижение вокруг, мимо, через, вперед	<i>обойти</i> <i>перейти</i> <i>пройти</i>	<i>прочпать</i>	<i>обтопать</i> <i>очпать</i> <i>обчпать</i> <i>перечпать</i> <i>протопать</i>	–
Значение вида	перфективация	–	–	<i>счпать</i>	–

Источник: [5; 6].

Один и тот же критерий – наличие / отсутствие нормы – является в одном случае сдерживающим фактором, в другом – благоприятным условием для осуществления словообразовательных процессов. Кодифицированная форма общенационального языка ввиду представления её как нормированной, образцовой становится приоритетной при выборе адресантом комплекса языковых средств, что обусловлено её использованием в качестве предпочтительного средства трансляции информации, обучения и т.д. Динамика деривационных процессов в среде молодежного сленга – горизонтальной языковой структуре, распространяющейся на достаточно обширную адресантно-адресатную ось, отличается активностью ввиду отсутствия регламентирующих механизмов, за счет чего не абсолютный охват языковой аудитории молодежным сленгом компенсируется репрезентацией нетиповых словотворческих моделей.

Таким образом, ориентируясь на приведенную выше информацию, возможно выстроить следующую перевернутую трапецию, отражающую положение каждого из исследуемых субкодов по возрастанию активности словообразовательных процессов, происходящих в каждом из них (рисунок 1).

Рисунок 1. – Трапеция интенсивности глагольной префиксации

Сопоставительный анализ разносистемных префиксальных единиц, осуществленный на большем объеме материала, подтверждает данные пирамиды. При этом количественные характеристики глагольных вершин префиксальных парадигм из различных языковых подсистем соответствуют друг другу. В случае отсутствия лексического коррелята у исследуемой производящей лексики мы ориентировались на глаголы из одной ЛСГ. Анализ производился в разрезе синхронного словообразования (рисунок 2).

Еще одним фактором, обеспечивающим активность словообразовательных процессов в литературном языке, становится наличие в качестве потенциальной производящей базы изначально большего количества лексических единиц. Однако, сравнивая литературную и сленговую словообразовательные подсистемы, отметим, что динамика словопроизводственных отношений превалирует в языковой среде молодежи, на что немаловажное

влияние оказывает характеристика коммуникативного пространства. Неофициальность – коренной признак ситуации молодежного акта общения, выступающего зачастую в своей виртуальной разновидности. Длительное нахождение внутри такого «нереального» и свободного коммуникативного континуума в совокупности с возможностью конспирации себя либо некоторых аспектов собственной личности способствует высокой продуктивности подобного общения, а основным механизмом воздействия на других участников коммуникативного акта, в свою очередь, становятся языковые средства. В подобной ситуации нестандартные, замысловатые формы являются орудием самореализации, что обуславливает обнаружение нетипичных производных единиц в среде молодежного сленга. Так, префикс *в-* в русском языке является высокопродуктивным в области образования глаголов с пространственными значениями ‘поместиться, проникнуть во что-нибудь, внутрь чего-нибудь с помощью действия, названного мотивирующим глаголом’ (*влететь, вползти*), ‘поместить в пространство, созданное с помощью этого действия’ (*вписать, вкатить*), ‘действие, направленное на предмет или под предмет и одновременно – внутрь пространства, смежного с данным предметом’ (*вбежать на лестницу*) [6, с. 355–356], однако его присутствие в структуре глаголов, относящихся к семантическим полям социального, эмоционального и функционального состояния со значением результативности является неузуальным и демонстрирует несоответствие словообразовательному типу: «А что так нельзя *вчить*?»; «250 для многих критично, тем более когда можно состряпать коллекцию и *вхалывать* 15% от 100»; «Целыми днями сидеть в кубиклах и *влайкать* гифки таких же гээмпэ». Любопытными представляются примеры префиксальных дериватов-сленгизмов, образованных посредством словообразовательных формантов с яркой книжной, официальной и торжественной стилистической окраской: *вскринжануть, встроллить, востроллить*.

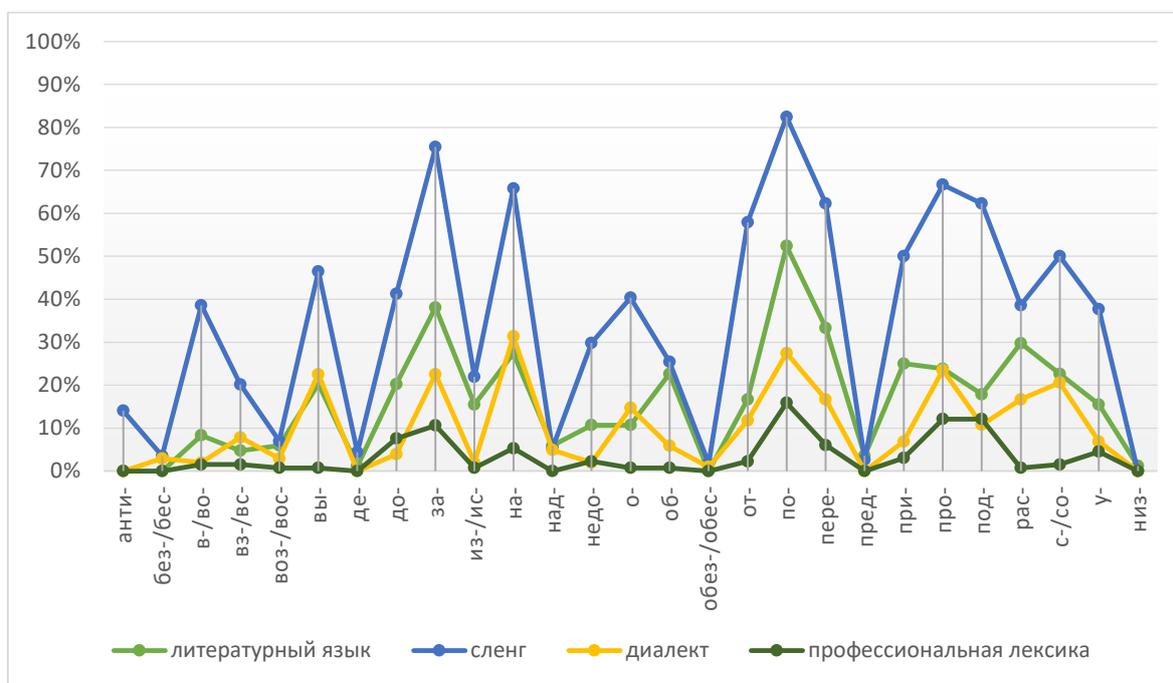

Рисунок 2. – Частотность присоединения префиксов к разносистемным глагольным единицам

Помимо нарушения структуры зафиксированных в академической литературе словообразовательных типов язык молодежного сленга репрезентует примеры, которые при условии регулярности формируют новые типовые модели: образование глагола посредством префикса *анти-* со значением ‘совершить действие, противоположное действию мотивирующего глагола, аннулирующее результат этого действия’ (*антихайпить, антилайкать, антидинамить*).

Согласно информации, представленной на диаграмме (см. рисунок 2), далее по степени интенсивности словообразовательных процессов следуют диалекты – территориально ограниченные языковые образования. Подобная относительно невысокая продуктивность объясняется локальной ограниченностью указанной языковой структуры, ориентированной соответственно на меньшее количество ее носителей в сравнении с двумя предыдущими стратами. Вертикальная ось потенциальных субъектов словотворчества очень разнообразна (возрастные характеристики, а также отнесенность к определенному социальному положению), однако территориальные ограничения, а точнее замкнутость языкового пространства, накладывают некоторый отпечаток на процессы словопроизводства. К тому же немаловажным фактором становится «конкуренция» потенциальных приставочных диалектных единиц с префиксальными глагольными дериватами литературного языка: достаточно сомнительной для носителя языка выглядит необходимость создания некоторой производной в условиях наличия лексического коррелята в кодифицированном варианте общенационального языка. Однако заметим, что ситуация «конкуренции» не касается словообразовательных лакун – диалектных префиксальных дериватов, синтетических аналогов

которым нет в литературном варианте общенационального языка: *выблуждаться* – ‘выходить из незнакомого места, находить правильный путь’, *окаблучивать* – ‘прибивать к сапогам, туфлям и т.п. каблучки’, *откаблучить* – ‘избить каблучками’; *прогордиться* – ‘потерять все или многое из-за гордости’⁴.

Данные сопоставительной характеристики репрезентуют некоторые прагматические тенденции. Наибольшей степенью интенсивности по сравнению с литературным, сленговым и профессиональным языковыми субкодами в диалектной словообразовательной системе обладает префикс *на-* – носитель семантики интенсивности и результативности: *набрехаться* – ‘полаять много, вдоволь’, ‘наврататься, налгаться’; *набрехаться* – ‘наестся, напиться досыта’; *надюжить* – ‘запасти, напасть’; *нааркаться* – ‘вдоволь, много поругаться’; *набавиться* – ‘наговориться’; *набаивать* – ‘много рассказать о чем-либо’; *набаламутить* – ‘навредить, испортить что-либо дурачеством, шалостью, незнанием дела’. Указанная особенность свидетельствует о различном темпоритме субъектов словотворчества: актуальности для носителей диалектной формы функционирования языка отношений градуальности и результативности и средоточии на темпоральных характеристиках некоторого действия носителей иных субкодов (графики рабочего времени, расписание транспорта и т.д.).

Диалектизмы как элементы относительно свободной языковой подсистемы сродни сленгизмам, однако в меньшей степени, демонстрируют нарушения словообразовательных типов. Так, глагольное префиксальное словообразование в рамках узуса не осуществляется посредством префикса *без-*, но русские народные говоры обнаруживают префиксальные диалектизмы со значением ‘противоположность тому, что названо мотивирующим глаголом’: *безгодить* – ‘делать несчастным’; ‘обижать’; *безголосить* – ‘лишать голоса, власти’.

Говоря о глагольной префиксации в диалектах, стоит обратить внимание еще на один языковой феномен – полипрефиксацию – последовательное присоединение нескольких префиксов к производящей глагольной базе [7]. Высокая степень продуктивности образования «сверхсинтетических» конструкций обусловлена стремлением участников коммуникации минимальными языковыми средствами выразить максимальное смысловое наполнение, для формулирования которого понадобились бы развернутые аналитические конструкции: *завдевать* – ‘надеть’; *занабирать* – ‘начать набирать кого-, что-либо’; *заоблетывать* – ‘летать кругом, кружиться’; *заобсыкивать* – ‘начать обсыкивать, искать что-либо’; *навыиграть* – ‘выиграть в большом количестве’; *наповаливать* – ‘поглядывать’; *наподпевать* – ‘подпеть’.

Явление полипрефиксации приобретает специфический характер внутри профессиональной и сленговой лексики. Внешнее обнаружение двух префиксов становится ирреальным в случае образования последней производящей единицы лексико-семантическим способом, заключающимся в переосмыслении всего префиксального глагола. Таким образом, словообразовательный формант перестает являться таковым в привычном его понимании, что подтверждается невозможностью замены либо исключения префикса ввиду возникшей у производной единицы идиоматичности [8]. В подобных случаях мы имеем дело с «псевдополипрефиксацией»: сленг. *уломать* → *доуломать*, *науломать*, *поуломать*, *подуломать*, *переуломать*, *приуломать*; *откисать* → *пооткисать*; *слинять* → *ослинять*, *послинять*, *расслинять*; проф. *зажать кнопку* → *позажать кнопку*, *дозажать звук*, *облетать* → *пооблетать*, *причесать фонд* → *попричесать фонд*, *завистнуть* → *позавистнуть*, *перезавистнуть*, *подзавистнуть*, *прозавистнуть*.

Однако следует признать существование редких глаголов в сленговой и профессиональной языковой подсистемах, отражающих процессы собственно полипрефиксации: лит. *снять* → проф. *подснять* → проф. *поподснять*, *подподснять*, *заподснять*. Осознание данного языкового феномена должно сопровождаться отсутствием зафиксированной в словообразовательном словаре и других лексикографических источниках литературной формы существования языка промежуточной префиксальной единицы (*подснять*).

Анализ деривационного потенциала префиксации как способа конструирования словообразовательной парадигмы отглагольных профессионализмов свидетельствует о её невысокой продуктивности в связи с узкой сферой употребления и редкой воспроизводимостью исходных профессиональных лексем. Группа потенциальных субъектов образования профессионализмов состоит из представителей определенной трудовой деятельности и зачастую средней возрастной категории, при этом в указанную совокупность носителей языка не входит большая часть представителей молодого поколения, – обладателей колоссального словотворческого потенциала. Также невысокие возможности профессиональной словообразовательной подсистемы обусловлены относительной активностью литературных префиксальных глаголов-аналогов: носитель языка при возникновении необходимости употребить глагольный дериват определенной семантики, отсутствующий в представленной неузуальной парадигме, либо прибегнет к одноразовому его образованию с достаточно сомнительной перспективой закрепления в профессиональной языковой системе, либо, что более вероятно, обратится к литературному корреляту.

Заключение. Таким образом, сопоставительный анализ степени интенсивности префиксации в различных подсистемах общенационального языка демонстрирует следующую последовательность в порядке возрастания активности процессов словотворчества: профессиональная лексика – диалект – литературный язык – сленг. Указанная градация обусловлена несколькими критериями: 1) степенью влияния нормы как фактора, препятствующего реализации всех внутренних потенциалов словообразовательной подсистемы русского языка; 2) уровнем актуальности потенциальной префиксальной единицы и, в соответствии с этим, ситуацией возможной «конкуренции» литературных и внеузуальных дериватов; 3) характеристикой коммуникативного пространства и активных носителей языка определенного субкода. Совокупность данных факторов оказывает непосредственное влияние

⁴ См. сноску № 3.

на уровень интенсивности деривационных процессов, создавая порой благоприятные условия для возникновения словообразовательных лакун, окказиональных типовых моделей, а также специфических языковых феноменов – полипрефиксации и псевдополипрефиксации.

Изучение словообразовательной составляющей отдельных субкодов в сопоставительном ключе способствует получению наиболее объективной информации о деривационных процессах внутри подсистемы национального языка без ориентации исключительно на литературную форму его существования, посредством чего становится доступным выявление национальных специфических признаков определенных социальных слоев общества в их максимальной детализации. Внимание исследователей к вопросам производности в рамках неcodифицированных языковых субкодов способствует реализации возможности прогнозирования направлений будущей динамики узуальной словообразовательной подсистемы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кронгауз, М.А. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика / М.А. Кронгауз. – М. : Языки русской культуры, 1998. – 290 с.
2. Галуза, О.Ю. Отглагольные дериваты в системе говоров Приамурья / О.Ю. Галуза // Слово: фолькл.-диалектолог. альм. : материалы науч. экспед. / Амур. гос. ун-т ; под ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. – Благовещенск, 2013. – С. 22–27.
3. Клепицкая, Н.А. Глагольные образования с приставкой *за-* (на материале русских говоров Приамурья) / Н.А. Клепицкая // Народные говоры Дальнего Востока : межвуз. сб. науч. тр. / Хабаров. гос. пед. ун-т ; под ред. Н.А. Клепицкой, Д.А. Ячинской. – Хабаровск, 1989. – С. 79–85.
4. Никитевич, А.В. Деривация и смысл / А.В. Никитевич. – Гродно : Гродн. гос. ун-т, 2014. – 233 с.
5. Зализняк, А.А. Введение в русскую аспектологию / А.А. Зализняк, А.Д. Шмелев. – М. : Языки русской культуры, 2000. – 226 с.
6. Русская грамматика : в 2 т. / Редкол.: Н.Ю. Шведова (гл. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1980. – Т. 1. – 789 с.
7. Татевосов, С.Г. Множественная префиксация и анатомия русского глагола / С.Г. Татевосов // Корпусные исследования по русской грамматике / ред.-сост. : К.Л. Киселева, В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина, С.Г. Татевосов. – М., 2009. – С. 92–156.
8. Савицкий, В.М. Основы общей теории идиоматики / В.М. Савицкий. – М. : Гнозис, 2006. – 208 с.

Поступила 08.04.2022

THE DERIVATIONAL POTENTIAL OF PREFIXATION IN VARIOUS FUNCTIONAL FORMS OF EXISTENCE OF THE RUSSIAN LANGUAGE

Yu. TRETSAKOVA

The study of various language strata as variations of a single invariant structure in a comparative aspect makes it possible to identify national-specific features of certain social strata of society in their full detail, which determines the relevance of the chosen topic. The article is devoted to describing the derivational potential of prefixation in the literary, professional, slang and dialect forms of the functioning of the Russian language. The work's author highlights the main factors influencing word-formation processes: the absence/presence of a norm, the degree of relevance of a potential unit for a native speaker, a characteristic of the communicative space. The article presents a diagram based on a comparative analysis of the verbal vertices of prefix paradigms from various language subsystems in their quantitative and lexico-semantic correspondence. In the absence of a linguistic correlate for the studied generating lexeme, the article's author focused on verbs from one LSG. The comparative analysis resulted in an inverted trapezoid reflecting the position of each of the studied subcodes in terms of increasing activity of word-formation processes: professional vocabulary, dialects, literary language, slang.

Keywords: *prefixation, subcode, professional vocabulary, slang, dialect, literary language.*

УДК 811'42:070:004.77:616-036.21

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В ДИСКУРСЕ COVID-19

канд. филол. наук, доц. **О.Н. ЧАЛОВА**
(Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины)
e-mail: oksana-chalova@mail.ru

В статье рассматривается лингвопрагматический потенциал медицинской терминологии, представленной в новостных интернет-статьях коронавирусной тематики. Выявляются основные речевые функции медицинских терминов, попадающих в «гравитационное» пространство медиа. Обосновывается способность медицинской терминологии приобретать дополнительные функции в условиях медийной коммуникации, а также неизбежная участь терминов утрачивать свои традиционные свойства под действием факторов медийной среды. В заключение делается вывод о возможности терминов кардинально менять свой прагматический вектор в зависимости от тех коммуникативных условий, в которых они оказываются.

Ключевые слова: дискурс, институциональный дискурс, медийный дискурс, терминология, медицинская терминология, неологизмы.

Введение. В условиях пристального внимания современной лингвистики к самым разным типам и видам общения, как институциональным, так и бытовым, особым объектом лингвистического анализа сегодня может стать *дискурс Covid-19*, под которым в рамках настоящей статьи понимается новостной интернет-дискурс коронавирусной тематики (в частности, интернет-публикации о статистике заражения вирусом SARS-CoV-2, о важности вакцинации, научно-популярные статьи о коронавирусе и его штаммах и т.д.). Необходимость всестороннего изучения дискурса Covid-19 очевидна: знание его лингвопрагматической организации, выявление представленных в нем способов и приемов воздействия на адресата (например, с целью убеждения последнего в использовании защитных масок) может помочь лучше понять принципы аргументативной коммуникации, внести определенный вклад в теорию персуазивного общения.

В фокусе настоящего исследования находится лексическая составляющая дискурса Covid-19, а именно такой пласт его лексики, как медицинская терминология, которая пронизывает всё языковое пространство коронавирусного дискурса (*T-лимфоциты, антиген, дендритная клетка, антиген-презентирующая клетка, нуклеотидные последовательности* и т.д.). Целью данной статьи является определение лингвопрагматического потенциала медицинской лексики, представленной в рассматриваемом типе коммуникации. Решение такой задачи предполагает выявление основных прагматических функций медицинских терминов и характеристику аспектов их реализации (в данной статье под медицинскими терминами понимаются не только существительные, но и любые знаменательные части речи, имеющие непосредственное отношение к медицине).

Конечно, вопросам терминологии, в том числе и медицинской, посвящено немало лингвистических трудов [1–5], в которых ведущей функцией термина признается номинативная (назывная, фиксирующая, идентифицирующая и т.д.), что предполагает способность термина быть средством четкого обозначения предмета/явления/процесса и обслуживать специальную сферу человеческой деятельности (науку, сферу информационных технологий, кулинарию и т.д.). Помимо этого, терминам зачастую приписывается выполнение информативных (когнитивных, коммуникативных, сигнификативных, объясняющая и проч.) и кодификационных (конспирирующих или компрессионных) задач. По сути, перечнем этих трех ролей (номинативная, информативная и кодификационная) функциональные резервы термина как особой лексической единицы и исчерпываются.

При полном согласии с таким подходом к описанию термина считаем необходимым отметить следующее: до тех пор пока термин используется в рамках той сферы общения, к которой он изначально относится, его ведущей функцией действительно является номинативная; однако как только термин попадает в «чуждую» для него среду (например, научный термин из области медицины мигрирует в художественный или политический дискурс, или термин из сферы моды и красоты обнаруживается в обыденно-разговорном дискурсе), он мгновенно приобретает дополнительные свойства. По крайней мере, так происходит с медицинской лексикой в пространстве медийного коронавирусного дискурса. Диапазон прагматических возможностей такой (медицинской) лексики заметно расширяется, поскольку под действием изменившихся «средовых» условий (медийных) она развивает новые качества, а ее традиционные функции приобретают специфические аспекты реализации.

Основная часть. С нашей точки зрения, к числу *основных функций* медицинской лексики в дискурсе Covid-19 относятся следующие: номинативная, информативная, акцентная, экспрессивная и некоторые другие. Безусловно, все функции тесно связаны между собой, и иногда сложно сказать, где терминология заканчивает играть свою информативную роль и начинает реализовывать свой оценочный потенциал. Тем не менее в эвристических целях все прагматические возможности нашего объекта анализа уместно представить в виде следующего набора функций.

Номинативная функция медицинских терминов в «коронавирусном» дискурсе. *Номинативная функция* – это естественная функция любого слова и словосочетания, в том числе и медицинского термина. Она заключается в способности лексической единицы называть процессы, явления, заполнять имеющиеся в языке лексические лакуны и т.д. В новостном дискурсе Covid-19 номинативность свойственна как уже устоявшимся медицинским терминам, так и терминам-неологизмам (*База содержит сведения о нуклеотидных последовательностях вирусов SARS-CoV-2 и их мутациях, распространенных в регионах России, а благодаря ПО специалисты*

смогут «определять вероятный штамм вируса»). Строго говоря, в «коронавирусном» дискурсе СМИ практически каждый медицинский термин целесообразно признать неологизмом: даже если термин и использовался ранее (например, в собственно медицинском дискурсе), в новостной интернет-дискурсе он попал недавно, в связи с чем может рассматриваться в нем как лексическое новообразование (относительный/условный неологизм).

Несмотря на то что в «коронавирусном» дискурсе обнаруживается достаточно много условных терминологических неологизмов, в нём полностью или почти полностью отсутствуют абсолютные неологизмы (то есть слова, которых раньше не было в языке вообще, даже в языке медицинского сообщества). Так, в масс-медийном дискурсе Covid-19 не встречаются термины, обозначающие штаммы и мутации вируса SARS-CoV-2, а также узкоспециальная медицинская лексика (зачастую это аббревиатуры, сочетающие буквы и цифры: *мутация N5001Y*, *делеция 69-70del*, *аспарагин*, *тирозин*), в то время как в медицинской среде (особенно научной) они легко обнаруживаются. Отказ от использования абсолютных терминов-неологизмов в изучаемом типе коммуникации, вероятно, объясняется сложностью подобной терминологии, низкой степенью мотивированности таких языковых знаков.

Информативная функция медицинских терминов. Медицинские термины в любом типе общения, в том числе и новостном – это исключительно высокоинформативные единицы. Информативный потенциал медицинской лексики в Covid-дискурсе заключается в способности этих терминов точно и конкретно транслировать актуальные сведения, факты, сообщать новое знание, четко передавать значения, избегать двусмысленности и т.д. (*У нас есть антиген – вирусный белок, который сначала попадает в так называемую антиген-презентирующую клетку, ее еще называют дендритной клеткой. Дальше эта клетка должна получить сигнал опасности – просто так она не будет реагировать. Антиген-презентирующая клетка запускает две части иммунитета. Клеточный иммунитет и его основное действующее звено – это так называемые Т-лимфоциты – убийцы. Они узнают клетку, внутри которой сидит вирус, и ее убивают вместе с вирусом, но клетку не жалко в данном случае*). Более того, терминология, представленная в дискурсе Covid-19, отражает наблюдения исследователей за коронавирусом, его действием на организм человека, эволюцией, видами (штаммами), то есть не только передает, но и аккумулирует информацию как о типичных, так и менее явных признаках коронавируса, накапливает и хранит знания о нем.

Создание эффекта объективности содержания. Использование терминов также способствует усилению впечатления объективной интерпретации информации в журналистской «коронавирусной» статье, придает сообщению сдержанный характер. Аппелляция к терминам, по сути, представляет собой ссылку на медицинскую традицию, авторитетный источник знания и воспринимается как нечто общепринятое и стабильное, сближает её с научной статьей, побуждает читателя воспринимать весь контент как научно доказанный. В связи с этим прием активного использования терминов может применяться автором, чтобы показать, что содержание коронавирусного текста не зависит от воли и настроений его автора, не является инструментом и продуктом его чувств и эмоций, не носит субъективный характер: *Ученые нашли у нового штамма SARS-CoV-2 три мутации в критически важных участках спайкового белка, который вирус использует для сцепки с ангиотензинпревращающим ферментом 2 (ACE2) на поверхности клетки*. Другими словами, термины используются, в том числе, и как средство борьбы с возможным празднословием авторов, которые в целях экспрессии могут использовать самые разные языковые средства, в то время как необходимость употребления терминов «дисциплинирует» журналистов, создают эффект сдержанности.

Акцентная функция (привлечение внимания к проблеме). Не только эмоционально-окрашенные слова призваны привлекать и удерживать внимание адресата, но и термины, которые в определенный момент способны активизировать как рациональную, так и эмоциональную сторону восприятия адресата. Так, интенсивное использование терминов на определенном участке текста может придавать сообщению напряженный характер. Целью такого приема (чрезмерного использования терминов на ограниченном текстовом отрезке) является устрашение читателя, убеждение последнего в исключительной опасности вируса, изменение модели поведения адресата (безусловно, с положительным эффектом для последнего), побуждение выбора адекватных средств защиты, социального дистанцирования, вакцинации и проч.: *«Серьезные неврологические нарушения как осложнения Covid-19 включают церебральные инсульты (геморрагические и ишемические), инфекционные поражения центральной нервной системы – менингоэнцефаломиелиты, острые рассеянные энцефаломиелиты, – а также поражения периферической нервной системы в виде аутоиммунных полиневропатий»*, – сказал он. На наш взгляд, подобную кумуляцию терминов в одном небольшом абзаце можно рассматривать как средство имплицитного воздействия на читателя: автор как бы непреднамеренно «накаляет атмосферу», внушает адресату мысль о неизбежности негативных последствий беспечного поведения людей. Понятно, что в приведенном речевом фрагменте прослеживаются элементы манипулятивного воздействия на читателя. Однако в данном случае манипуляция носит не агрессивный, а суггестивный характер, поскольку предполагает внедрение в сознание адресата определенных представлений и идей с пользой для читателя.

Следует подчеркнуть, что использование терминов как таковое не стоит рассматривать в качестве приема устрашения или создания стрессовой обстановки. Речь идет именно о высокой концентрации терминов в конкретном речевом сегменте, которая (концентрация) и усиливает психологическое напряжение и общую перлокуцию текста. Таким образом, анализ дискурса Covid-19 выявил возможность контекстуального переосмысления семантики терминов, при котором термин как ярчайший представитель стилистически нейтральной лексики может приобрести прагматическую маркированность.

Экспрессивная функция. С акцентной функцией тесно связана экспрессивная функция.

Любая статья, в том числе и новостная интернет-статья о коронавирусе – это не просто текст, транслирующий определенную информацию, но и возможность для автора проявить себя, реализовать свой журналистский талант в

полной мере, например, за счет использования стилистических средств. Парадоксальным образом таким стилистическим средством в новостной статье коронавирусной тематики может оказаться термин. Конечно, принято считать, что термин является стилистически и прагматически нейтральной лексической единицей. Однако, как мы выяснили в подразделе, посвященном акцентной функции медицинских терминов, в медийном дискурсе термины нельзя считать полностью свободными от элементов воздействия. Помимо прочего, они помогают автору выразиться ярко и броско, свидетельствуют о его профессионализме и компетентности в рассматриваемом вопросе, характеризуют его как специалиста: *Две другие мутации реконструировали часть N-концевого домена спайкового белка. Благодаря данным метаморфозам коронавируса «научился» нейтрализовать моноклональные антитела, вырабатываемые после прививки вакцинами Pfizer и Moderna.* Очевидно, что активное использование терминов в приведенном текстовом фрагменте свидетельствует не только о стремлении автора максимально точно и в сжатом виде донести информацию до реципиента, но и вызвать у него новые впечатления, интерес к поднимаемой проблеме, новизны и удивления. Свежие слова в тексте уже сами по себе способны вызывать эмоциональный отклик читателя.

Из сказанного можно заключить, что как только компоненты одного типа дискурса (в нашем случае – медицинского) попадают в силовое поле другого типа коммуникации (в данном случае – медийной), они приобретают определенную стилистическую окраску и переходят из разряда прагматически нейтральных единиц в разряд экспрессивных средств.

Оценочная (отношенческая) функция. Сами по себе термины в подавляющем большинстве случаев не наделены оценочной семантикой (ни денотативной, ни коннотативной). Тем не менее в научных наименованиях патологий можно проследить отношение медицинского сообщества к заболеванию. В данном случае речь идет, конечно же, не о положительном или отрицательном векторе отношения/оценки, то есть не об эмоциональной/субъективной оценке, а об отражении в названии инфекции того опыта, который накопился в медицинском мире (о рациональной/объективной оценке). Так, наименование вируса Sars-cov-2 (*Severe acute respiratory syndrome-related coronavirus 2*) является слишком громоздким, обобщенным и расплывчатым и слабо отражает суть инфекции. В этом и проявляется неоднозначное, не вполне сложившееся, пусть и безоговорочно негативное, отношение медиков к вирусу, отсутствие четкого представления о его природе в силу недостаточной изученности (по крайней мере, на этапе появления термина). Более того, такое длинное терминосочетание нарушает закон экономии языковых средств, подразумевающий минимизацию речевых усилий (А. Мартинет). С одной стороны, появление новых терминов способствует этой минимизации, с другой стороны, слишком длинные названия ей противоречат. Чтобы реализовать функцию экономии в языке, на смену громоздким терминам и их сочетаниям приходят аббревиатуры и сокращения, которые отражают суть инфекции еще хуже. Так, ставшее общепринятым сокращение Sars-cov-2 не демонстрирует открыто картины мира, сложившейся в медицинской среде, а создает эффект недосказанности и непрозрачности, который может вызывать самую разную эмоционально-оценочную реакцию со стороны обывателя – от обостренного чувства опасности до несерьезного отношения к коронавирусу.

Вероятно, громоздкость и непрозрачность терминов вкупе с их мнемонической бесполезностью и ассоциативной несостоятельностью (неспособностью облегчать запоминание информации), является еще одной причиной (наряду с их упомянутой выше семантической и фонетической усложненностью), по которой они почти не употребляются в медийном коронавирусном дискурсе, а заменяются более простыми аналогами или словами и сочетаниями слов с прозрачной семантикой (*коронавирус* вместо *Severe acute respiratory syndrome-related coronavirus 2*, *индийский штамм* вместо *B.1.617.2* или даже «Дельта» и т.д.).

Заключение. Конечно, функциональный потенциал медицинской терминологии в медийном дискурсе коронавирусной тематики не ограничивается пятью рассмотренными выше механизмами действия. Так, в числе других функций дискурса Covid-19 можно назвать и другие, например, функцию лаконизации (сокращения, компрессии), предполагающую способность термина избегать многословия и выражать идеи сжато. Однако о данной стороне термина в литературе сказано немало [1–5], а особых нюансов реализации данной функции в изучаемом типе дискурса обнаружено не было. Более того, несмотря на то, что медицинская терминология в структуре коронавирусного дискурса приобретает дополнительный функционал, при этом некоторые из ее исходных свойств утрачиваются. Так, на наш взгляд, медицинские термины в дискурсе Covid-19 лишены кодирующей и конспирирующей функции, поскольку в массовом дискурсе все смыслы и идеи должны быть максимально рассекречены и предельно понятны адресату (обывателю). То же касается и идентификационной (социокультурной) функции терминов, заключающейся в указании на принадлежность человека к определенному сообществу (в нашем случае – медицинскому). В случае с медийным коронавирусным дискурсом очевидна несовместимость терминов и социокультурных параметров речевых субъектов (как автора новостной статьи, так и массового адресата/широкой публики), которые могут иметь весьма отдаленное отношение к медицине.

Таким образом, наличие медицинской терминологии в нетипичном для нее коммуникативном пространстве, а именно в медийном дискурсе, позволяет приписывать ей дополнительные качества, констатировать ее способность не только объективно отражать, но и субъективно интерпретировать действительность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авербух, К.Я. Манифест современной терминологии / К.Я. Авербух // Коммуникация: теория и практика в различных социальных контекстах. "Коммуникация-2002": материалы междунар. науч.-практ. конф. – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2002. – Ч. 1. – С. 192–194.

2. Барсукова, Е.А. Научный термин в общем и терминологическом толковых словарях русского и английского языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.А. Барсукова. – М., 2004. – 24 с.
3. Лейчик, В.М. Терминоведение : предмет, методы, структура / В.М. Лейчик. – М. : Издательство ЛКИ, 2007. – 256 с.
4. Лейчик, В. М. Терминоведение : предмет, методы, структура / В.М. Лейчик. – 5-е изд., испр. и доп. – М. : ЛИБРОКОМ, 2012. – 264 с.
5. Рычкова, Л.В. Социально-ориентированная терминология в аксиологическом аспекте / Л.В. Рычкова // Русский язык: система и функционирование : сб. материалов V Междунар. науч. конф., 11–12 окт. 2011 г., БГУ. – Минск : Изд. центр БГУ, 2011. – С. 133–136.

Поступила 01.04.2022

PRAGMATIC FUNCTIONS OF MEDICINE TERMINOLOGY IN THE COVID-19 DISCOURSE

O. CHALOVA

The article examines the linguistic and pragmatic potential of medical terminology presented in Internet news articles about coronavirus. The main speech functions of medical terms getting into the "gravitational" space of media have been revealed. The article states the ability of medical terminology to acquire additional functions under the conditions of a media communication, as well as a tendency of terms to lose their traditional properties under the influence of media environment factors. Terms have been concluded to be able to radically change their pragmatic vector depending on the communicative conditions in which they find themselves.

Keywords: *discourse, institutional discourse, media discourse, terminology, medical terminology, neologisms.*

UDC 821.111

IMAGES OF FATHER AND MOTHER IN W. SHAKESPEARE'S PLAYS «ROMEO AND JULIET» AND «KING LEAR»: THE SPECIFICS OF INTERPRETATION

Ahmed Madlool Challab AL-BDAIRI
(Yanka Kupala State University of Grodno)

The article examines the specifics of the interpretation of the images of father and mother in the tragedies of W. Shakespeare «Romeo and Juliet» (1597) and «King Lear» (1604) in cultural-historical, psychological and psychoanalytic contexts, traces the features of the formation and development of these characters, identifies the factors that led to the author's concept of the categories of fatherhood and motherhood. In the plays of W. Shakespeare, there are many characters of father and mother, as in «Romeo and Juliet» and «King Lear», but the paradox is that none of them is the ideal of a good father / mother. Lord Capulet and King Lear are the decision makers who sacrifice true sense of fatherhood for their own arrogance and pride. This paradox is due to the disharmonious, «crisis» features of the late Renaissance, with its inherent tragic discord between the world and personality.

Keywords: literary image, interpretation, W. Shakespeare, father, mother, «Romeo and Juliet», «King Lear».

Introduction. Despite more than two hundred years history of the development of European Shakespeare studies, the importance of studying the literary heritage of W. Shakespeare is still very high. Modern foreign and Belarusian Shakespeare studies are developing very actively in various directions: from clarification of significant moments in Shakespeare's biography to the study of certain aspects of the poetics of Shakespeare's works (for example, system of characters, chronotope, features of artistic language, etc.). Close attention is paid to the characterization and rethinking of famous Shakespearean characters in the context of the most relevant areas of modern literary criticism (such as psychopoetics, gender studies, narratology, literary anthropology, etc.).

So, for example, in the monograph by A.C. Bradley [3] the specificity of the poetics of Shakespeare's tragedies is considered: the author emphasizes the integrity of Shakespeare's artistic world, and also reveals the playwright's innovation in relation to the previous literary tradition. The main features of the development of a dramatic plot in the plays of W. Shakespeare are analyzed in the works of E.A.J. Honigmann [5] and N. Grene [7] in a broad cultural-historical context. The patterns of character dynamics in Shakespeare's mature tragedies are revealed in the fundamental monograph by P. Sadowski [4]. The article by F. Bennett [1] presents the characteristics of Lord Capulet in the socio-ethical aspect. In the work of H. Bloom [6] the images of Shakespeare's tragic characters are considered from a psychological point of view.

Images of father and mother are relevant for almost all Shakespeare's plays. The relationship «father – mother» has not only a plot-forming significance, but it also reflects the author's philosophical and aesthetic position. However, in modern Belarusian and foreign literary studies there are no scientific works in which the «father – mother» relationship in Shakespeare's plays would be considered comprehensively, as well as from the point of view of various literary methods.

Meanwhile, the image of father / mother character plays a very significant role in Shakespearean drama and serves both as a means of characterization and as a literary technique with the help of which serious social problems are discussed. Moreover, the images of father and mother in Shakespeare's drama provide an audience with a universal insight into the deep nature of human being in general and family structure in particular.

At the same time, the images of father and mother in the plays of W. Shakespeare have a very high interpretive potential and can be considered from different points of view (in biographical, sociological, cultural, historical, psychological aspects). This will not only reveal the structure of these images, but will also provide an opportunity to clarify the author's concept of the world and man, reflected in the plays of W. Shakespeare. The combination of these factors determines the **relevance of our research**.

The main purpose of this article is to find out the peculiarities of the interpretation of the images of father and mother in W. Shakespeare's plays «Romeo and Juliet» and «King Lear».

The choice of the research material is due to the significance of the images of the father and mother in these plays of W. Shakespeare both in the plot-forming and in the problem-thematic aspect.

The novelty of the article is determined by a new approach to the study of father / mother images in these plays by William Shakespeare, which is based on a comprehensive, multidimensional study of literary images in cultural, historical, psychological and psychoanalytic contexts.

During the research, the following **methods** were used: cultural-historical and psychological method with elements of psychoanalysis.

Main part. The roles of a father and mother, regardless of culture, religion, class, age, race, type, or nationality, are to love and understand their children with all their hearts. They should be influential teachers in their child's school of life. One of the most significant and common roles played by father and mother is the role of educator and guardian, but these roles are rare in the dramatic world of Shakespeare.

«Romeo and Juliet». Lord Capulet: Father. Lord Capulet is the father of the young Juliet in Shakespeare's «Romeo and Juliet» that reflects the tragedy of «two star-crossed» lovers. He has a very charming nature as it is reflected

in the party scene at the beginning of the play when he stands as a great host in his warm welcomes of his guests: «My praise and welcome on their pleasure stay» (I, ii, 38). He really looks as a sociable person who gains the admiration and respect of the surrounding people.

It seems that Shakespeare did his best to portray Lord Capulet as the typical father of that period. He opens this play as a loving father who loves his only daughter Juliet so much: «Earth hath swallow'd all my hopes but she» (I, ii, 27). She is so precious, that he is not ready to lose her because of an inappropriate marriage.

But the caring father, «my child is yet a stranger in this world» (I, ii, 8) and a protector who is proud of his beautiful daughter, «the earth hath swallowed all my hopes but she» (I, ii, 27) is transformed into opposite nature. He is no longer a man of peace and virtue. Lord Capulet gradually loses his heart and soul and becomes «an object» without human sense and mercy [1].

Lord Capulet is a very complex character who contradicts his former soft nature with a completely new dissatisfied action in relation to Juliet's refusal to arrange a wedding with Paris. He is the manager who has to control the choice and preparations for his daughter's marriage. Actually, this is a common behavior in Shakespeare's patriarchal society. He is the «intended father» who fulfills his rights and duties and does only what he considers his main role, for which he was born. Now he rejects his daughter's opinion and imposes his intention as decision-maker [1]. Lord Capulet appears as a very cruel father who forgets his own previous peaceful nature and thoughtful decision, «I love my daughter so much, / she is intelligent enough to make her own decisions, / I just make sure they're good» (I, ii, 14–17).

In fact, Lord Capulet goes seriously mad and threatens to disown his daughter Juliet and throw her out into the street if she refuses to marry Paris:

...hang thee, young baggage! Disobedient wretch!

I tell thee what: get thee to church o' Thursday,

Or never after look me in the face.

Speak not. Reply not. Do not answer (III, v, 160–4).

These lines show how Lord Capulet does not stay as a lovely father for a long: he transforms into «a domineering» father. His response to Juliet's disobedience is so rigid and austere to the extent that she begins to see him as a «tyrant» and not a gentle father [1].

Lord Capulet can be described as a «monster parent» who shows an excessively protective style in his treatment with his children's lives [2, p. 38]. But in Shakespeare's time, parents are responsible for arranging their children's marriages at young ages and also plan their futures. Unfortunately, Lord Capulet fails to protect his family and his anger over Juliet's refusal of marriage triggers her expulsion from the family and further leads to her death, the only refuge she finds.

Thus, Lord Capulet, an endostatic character, ends the play mourning the death of his daughter:

Death, that hath ta'en her hence to make me wail,

Ties up my tongue, and will not let me speak (IV, v, 268–9).

Lady Capulet: Mother. Lady Capulet is the mother of young Juliet in Shakespeare's *Romeo and Juliet*. This is a static character that does not change in the play, but reveals itself in the course of the development of the action.

Lady Capulet does not love or treat her daughter the way a mother should. She has been estranged from Juliet since her infancy, as she asks her nurse to take care of her and breastfeed her. This behavior is typical of the wealthy families of Elizabethan times. Lady Capulet is rather timid and selfish in the sense that she is too careful not to ruin her relationship with her husband Lord Capulet, a smooth, good and safe relationship, because of her daughter. She does not pay attention to the grief of her daughter, who does not want to marry Paris.

Indeed, Lady Capulet never cares about Juliet's feelings and needs, and she treats her in a very cold formal manner, to the point that she knows nothing about her daily routine and how Juliet spends her free time. All she knows is her ownership of Juliet since she is her biological mother. «Nanny, where is my daughter? / Call her to me (I, iii, 4–5). A passive mother, Lady Capulet behaves unwisely because she does not bring up the subject of love for Juliet at the right time and in the right manner. She tries to pass on her past experience of being married at a young age to her daughter Juliet, and this is in keeping with the norms of the society of that time: «I was your mother much upon these years / that you are now a made» (I, iii, 72–73).

Lady Capulet believes that it is very good for Juliet to marry Paris at this age, even if there is no love relationship between them. Lady Capulet is a pragmatist, and she thinks that everything in this life is a matter of agreement and consent, and even the concepts of love and marriage are explained in connection with wealth and status. Such attitudes prove her materialistic nature and at the same time confirm her passivity, which in Shakespeare's age is described as a loyalty to her husband. She takes her husband's side and describes her daughter as a foolish girl if she thinks of turning down such a chance, and assures Lord Capulet that Juliet will thank him for such good news:

Ay, sir; but she will none, she gives you thanks.

I would the fool were married to her grave! (III, v, 139–140)

Hearing such words, Lord Capulet becomes furious and loses control of himself. So, Juliet is in great fear and she begs her mother to postpone the wedding:

O sweet my mother, cast me not away.

Delay this marriage for a month, a week,

Or, if you do not, make the bridal bed

In that dim monument where Tybalt lies (III, v, 198–201).

Juliet is very upset and informs her mother that she would rather die than marry Paris, but, unfortunately, the mother pays no attention to such warning and answers her with such cold and passive words that supposed not to be said by a loving mother:

Talk not to me, for'll not speak a word
Do as thou wilt, for I have done with thee (III, v, 203).

She leaves Juliet without any help and asks the nanny to help her pick up clothes and jewelry that she is going to wear to the wedding feast. It is noteworthy, that the Nurse is the opposite character of Lady Capulet. She is an active and complex character whose intervention in the action makes the play more interesting. She is ready to do anything for the satisfaction and happiness of Juliet, but this does not mean that she always does the right things. It is the Nurse who helps Juliet to make such a bold decision to marry Romeo and meet her tragic end. In fact, both the Lady and the Nurse are responsible for the deaths of Romeo and Juliet. The Nurse is busy only with how to secretly satisfy Juliet's needs. While the jealous Lady Capulet spends her time watching Lord Capulet, who may be stalking another woman.

Ay, you have been a mouse-hunt in your time;
But I will watch you from such watching now». (IV, iv, 11–12)

But she never looks after her daughter well. Lady Capulet is a static character whose ineffectual voice of motherhood is heard loudly at Juliet's death as she cries out:

O me, O me! My child, my only life
Revive, look up, or I will die with thee!
Help, help! Call help... (IV, v, 19–21)

«*King Lear*». *King Lear: Father*. King Lear is the protagonist of W. Shakespeare's tragedy «King Lear» and he is described by A. C. Bradley as «a man more sinned against than sinning, but almost wholly as a sufferer, hardly at all as an agent» [3, p. 231].

The first appearance of Lear indicates his being as an old man whose mind and rationality fail as his age falls. It is irrational behavior of making the division of the whole kingdom depending on the declarations of love from his three daughters. It is really a «dark purpose» that expresses unjustifiably folly act.

Meantime we shall express our darker purpose.
Give me the map there. Know that we have divided
In three our kingdom, and 'tis our fast intent
To shake all cares and business from our age,
Conferring them on younger strengths, while we
Unburdened crawl toward death (I, I, 33–38).

Lear acts like «a despot» and highly enjoys being flattered; he seems to be a blind man with no reasonable sight.

The absence of the plausible and rational account for the magnitude of this first fault that is committed in the opening scene, turns Lear to be described as «an almost godlike figure privileged to make arbitrary and consequential decisions affecting the future of the realm» [4, p. 221]. Linking the future of the whole kingdom with love test of his daughters diagnoses him as «the sinner who violates his responsibility towards God» [4, p. 222], since he is the god-like figure in his kingdom and his family as well. Moreover, it is unjust to dismiss the youngest and honest daughter, Cordelia since she fails to express her feelings to father in love competition. While the other daughters, Goneril and Regan who deceive the father by sentimental and too much words of love, get the largest share of the wealth.

GONERIL:
Sir, I love you more than word can wield the matter,
Dearer than eyesight, space, and liberty,
Beyond what can be valued, rich or rare,
No less than life, with grace, health, beauty, honor;
As much as child e'er loved, or father found;
A love that makes breath poor, and speech unable.
Beyond all manner of so much I love you.

.....
REGAN:
I am made of that self-mettle as my sister
And prize me at her worth. In my true heart
I find she names my very deed of love;
Only she comes too short, that I profess
Myself an enemy to all other joys
Which the most precious square of sense possesses,
And find I am alone felicitate
In your dear Highness' love (I, i, 60–67, 76–84).

The developed sequence of the dramatic action that follows the test of love completes the description of Lear's absurd personality. He is not just a sinner whose deliberate illogical decisions lead to horrible chaos, but he also becomes the most sadistic person [5, p. 104].

Dramatically, Shakespeare was a very successful artist who gives special flavor to his play by the significance of the age of the central character (Lear) or other ones. Actually, when the audience sees King Lear as an old man (about eighty) they expect to find a supremely wise and heroic action that matches his origin and position as an experienced man of an advanced age, but they have been shocked by the act of absurdity. Lear, as it is stated by Harold Bloom, shows «the universal image of the unwisdom and destructiveness of paternal love» [6, p. 510].

Lear, as a static character, believes in the ancient conventions of the patriarchal family. He thinks that when his daughters publicly demonstrate their affection and love for their father, they will be legally obliged to fulfill their filial obedience, loyalty and take care of him in old age. In other words, he thinks that by such an act he will preserve the authoritarian right and power of his reign.

Lear fails to realize that the children must love their father for his own being and not for certain gift or reward. So, Lear's test of love is not a real revelation of filial love, but «a public drama of [his] love-auction» [7, p. 152].

More about the reality of Lear's love test is stated by Piotr Sadowski: «Lear's love test is in fact a version of the old feudal custom of public oath of loyalty given by a vassal to the lord as an acknowledgment of mutual obligations, whose violation incurred public shame and disgrace» [4, p. 224].

In brief, Lear appears as an autocratic person who tries to treat his private issues as the political affairs that are run by a tyrannical ruler. The consequence of such static features and perceiving other people as too honest is a disaster that is followed by the translation of power. He decides to give Cordelia nothing, as she answers him with «nothing, my lord» (I, I, 87), and he is too cruel and unjust in his speech.

Lear misunderstand Cordelia's silence and interprets it as a lack of feeling, and the absence of words leads to the absence of reward: «nothing will come of nothing» (I, I, 90) So, the most beloved daughter, Cordelia has been dismissed, deprived and disinherited:

Here I disclaim all my paternal care,
Propinquity, and property of blood,
And as a stranger to my heart and me
Hold thee from this forever (I, I, 114–17).

After the end of this court scene, the action of the play takes a negative turn, so the actual power has been derived away from Lear's title of the king. But as he spent all his life in kingship and an extremely conservative static person, Lear does not have any psychological flexibility that would allow him to accept and bear any new role. He never finds himself other than a king (I, I, 295). So, the destruction of Lear's self-image as a king leads to his madness. The theft of his own power, wealth and authority causes a painful destruction of Lear's personal ego, which leads to a tragic fall in the perception of his personality both in the public world and in the private one. Mad Lear is described as «a very foolish, fool old man» (IV, vii, 60). Such an end is expected in any rival between a static character (Lear) and an endodynamic figure like Goneril, Regan and Cornwall.

Lear's anguish and dilemma are further intensified as he falls into an identity crisis. He begins to ask himself questions about his own being, because he is unable to define his present his current status. With great anger, he directed the following question to Oswald: «Who am I, sir?». Lear is now suffering from a big gap that has separated him from his own ego / identity: he no longer identifies with the royal persona in which he has spent his entire life:

Does any here know me? This is not Lear.
Does Lear walk thus, speak thus? Where are his eyes?
Either his notion weakens, his discernings
Are lethargied – Ha! Waking? «Tis not so.
Who is it that can tell me who I am?» (I, v, 216–21)

Lear becomes just a substance for his former persona. He becomes, as the Fool says «a shadow» (I, iv, 222). Lear himself realizes his own folly nature during the first act of humiliation by his daughter Goneril. He emphasizes his identity as a fool: «Beat at this gate that let thy folly in / And thy dear judgment out» (I, v, 263–64). He asks the help of heaven to save him from mental isolation (madness): «O let me not be mad, not mad, sweet heaven!» (I, v, 43). The destruction of Lear's personality developed until it led to the death of his social identity as a king.

As a character, Lear finds a new self-image that is based on a humble sense of being. He is no longer a king, but «a poor, infirm, weak and despised old man» (III, ii, 20). He becomes the same as «basest beggar» (II, ii, 453). Now Lear is aware of his own new being and enters a new stage of self-analysis and self-discovery. His great calamity grants him a therapeutic perspective and turns him to be «the pattern of all patience» (III, ii, 37). He cannot resist such calamity and the wickedness of his daughters deprives him of a human being and turns him into «the thing itself» (III, iv, 105). Lear goes on in such a heavy night's harsh sleep until he is woken up by his daughter's greeting:

CORDELIA:
How does my royal Lord?
How fares your majesty? (IV, vii, 44)

Cordelia with these questions, accompanied by kneeling down, brings her father back to life again. This meeting reestablishes the «father – daughter» bond and revives the former love between them. A new beginning is initiated between two static characters: Lear and Cordelia. Now, Lear, a powerless and weak old man asks for his daughter's help as well as her forgiveness, «pray you now, forget and / forgive; I am old and foolish» (IV, vii, 83–84).

After a long period of suffering, loss and grief, Lear who appears at the end of the play as an exostatic character, restores his lovely daughter, Cordelia, but it was too late. Shortly after the reconciliation, Lear has been shocked by the news of Cordelia's death. Unable to resist any other collapse, Lear welcomes his fatal end (death) out of a mental breakdown which is an unconventional tragic end in a Shakespearean drama.

Queen Lear: Mother. As for the evaluation of mother character in «King Lear», Queen Lear or Lady Lear is an **absent character**, whose absence is one of the main causes of the tragedy that occurred in the play. None of the characters in the play assesses her role in the birth of three girls. Her absence, in our opinion, is conceived by W. Shakespeare as C. Kahn perceives and explains it: «the role of the mother in childbirth is overshadowed by the paternal one, which is used to assert male prerogative and male power» [8, p. 245].

Nothing is mentioned about Lear's experiences as a husband, and even the daughters show no interest in their absent mother. She is completely erased from memory and is only the subject of unjust hatred on the part of her husband and daughters.

It is true that Queen Lear is absent from the play, but the effect of her absence is really present. The omission of her character has great dramatic significance. The physical absence of the mother, Queen Lear, makes the whole play covered with a patriarchal environment. The absence of a material figure in the family structure leads to the disappearance of a counterweight to the authority of the father figure. The absence of a sexual partner of Lear causes suffering to all the characters of «King Lear», called the «tragedy of masculinity». The daughters react in a high masculine style because of his powerful and dispassionate treatment, which proves that he was an authoritative ruler, but not a wonderful father. But the main one, who is strongly influenced by the absence of a mother (and in relation to himself, the spouse) – this is King Lear, who is fully aware of the threat of old age.

Actually, one of the well-known aspects of old age is the return to childhood. An old man is like a child who is looking for a mother to take care of him. And Lear's days are numbered, so he is looking for a mother figure to feed him. Lear himself admits that after he curses Cordelia, he needs her «childish kindness». He needs love, and his search for a daughter-mother was the main reason for his plan to test the extent of his daughters' love, as he hopes that publicly «destroying» their love will be a serious obligation to fulfill their filial duty. So, when Cordelia refuted his hopes of expressing his motherly love, his furious and painful reaction to the sense of loss is revealed. And his childhood need for a mother is again reflected when he wakes up and sees Cordelia. He cries about his shame in front of his daughter-mother. Even in his denial of Cordelia's death, there is a kind of revelation about his childhood attempts to accept the loss of his mother. He is not ready to lose a material figure that could satisfy all his needs. So, shortly after the loss of his daughter-mother, Lear loses his life. In fact, the absence of a mother in Shakespeare's play leads to a tragic end for both father and daughters.

Conclusion. So, Lord Capulet and King Lear are two father characters whose images are transformed into their opposites through dynamic development in the course of action. Both are driven by their materialistic nature to assume the role of a manager who has every right to design and control his daughter's future. Lord Capulet and King Lear are tyrannical fathers whose cruel fatherhood and irrational behavior are motivated by the inconclusive voice of the motherhood of their passive and static partners: a weak mother, Lady Capulet, and an absent one, Queen Lear.

«Romeo and Juliet» and «King Lear» are unique plays for the skillful dramatization of a non-standard tragic ending, showing the destructiveness of father's love by unreasonable decisions.

In the plays of W. Shakespeare, a wide variety of images of father and mother are presented, but almost all of these characters do not correspond to the ideas of true fatherhood and motherhood. This fact is due to the disharmonic, «crisis» features of the late Renaissance and reflects the tragedy of the human personality of the transitional era, the discord of man with the world, society and himself.

REFERENCES

1. Bennett, F. Was Lord Capulet a Good Father? [Electronic resource] / F. Bennett. – URL: <https://newyorkessays.com/essay-was-lord-capulet-a-good-father/>. – Date of access: 30.05.2022.
2. Guggenheim, M. What's Wrong With Children's Rights / M. Guggenheim. – London : Harvard University Press, 2005. – 320 p.
3. Bradley, A. C. Shakespearean Tragedy: Lectures on «Hamlet», «Othello», «King Lear», «Macbeth» / A. C. Bradley. – London : Penguin Books, 1991. – 480 p.
4. Sadowski, P. Dynamism of Character in Shakespeare's Mature Tragedies / P. Sadowski. – London : Rosemont Publishing, Printing Corp, 2003. – 327 p.
5. Honigmann, E. A. J. Shakespeare, Seven Tragedies: The Dramatist's Manipulation of Response / E. A. J. Honigmann. – London ; New York : The Macmillan Press ; Harper and Row, 1976. – 215 p.
6. Bloom, H. Shakespeare: The Invention of the Human / H. Bloom. – London : Fourth Estate, 1998. – 746 p.
7. Grene, N. Shakespeare's Tragic Imagination / N. Grene. – Dublin : Palgrave Macmillan, a division of Macmillan Publishers Limited, 1992. – 309 p.
8. Play & Culture Studies: Diversions and Divergences in Field of Play / ed.: S. Reifel. – Austin : Greenwood Publishing Group ; Ablex Publishing Cooperation, 1998. – Vol. 1. – 286 p.

THE SOURCE OF EXAMPLES

Shakespeare, W. The Complete Works of William Shakespeare / W. Shakespeare. – Oxford : Wordsworth Editions, 1996. – 1245 p.

Поступила 15.04.2022

**ОБРАЗЫ ОТЦА И МАТЕРИ В ПЬЕСАХ У. ШЕКСПИРА «РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА»
И «КОРОЛЬ ЛИР»: СПЕЦИФИКА ИНТЕРПРЕТАЦИИ**

Ахмед Мадлул Чаллаб АЛЬ-БДАЙРИ

В статье рассматривается специфика интерпретации образов отца и матери в трагедиях У. Шекспира «Ромео и Джульетта» (1597) и «Король Лир» (1604) в культурно-историческом, психологическом и психоаналитическом контекстах, прослеживаются особенности формирования и развития этих персонажей, выявляются факторы, обусловившие авторскую концепцию категорий отцовства и материнства. В пьесах У. Шекспира представлено множество образов отца и матери, как в «Ромео и Джульетте» и «Короле Лире», но парадокс состоит в том, что ни один из них не является идеалом хорошего отца / матери. Так, лорд Капулетти и король Лир – лица, принимающие решения, которые жертвуют истинным чувством отцовства ради собственного высокомерия и гордыни. Этот парадокс обусловлен дисгармоничными, «кризисными» чертами позднего Возрождения, с присущим ему трагическим разладом между миром и личностью.

Ключевые слова: *литературный образ, интерпретация, У. Шекспир, отец, мать, «Ромео и Джульетта», «Король Лир».*

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ**II МІЖНАРОДНАЯ НАВУКОВАЯ КАНФЕРЭНЦЫЯ
«НАЦЫЯНАЛЬНЫ ХАРАКТАР І СПАСАБЫ ЯГО ЎВАСАБЛЕННЯ Ў КУЛЬТУРЫ І МОВЕ
ВА ЎМОВАХ МУЛЬТЫКУЛЬТУРНАГА АСЯРОДДЗЯ»**

(24–25 сакавіка 2022 года)

Кафедра славянскай філологіі 24–25 сакавіка 2022 года правяла онлайн-канферэнцыю прысвечаную вывучэнню праяў нацыянальнага характару і нацыянальнай ідэнтычнасці ў мове, літаратуры і культуры. Да ўдзелу былі заяўлены больш за 90 дакладаў выступоўцаў з Беларусі, Расіі, Украіны, Узбекістана і Польшчы, таму два дні плённай працы размеркаваліся пасля пленарных пасяджэнняў па трох секцыях.

Кола пытанняў, якія абмяркоўваліся ў межах канферэнцыі, было даволі шырокім:

- Моўная карціна свету і праблемы міжкультурных зносін.
- Моўныя сродкі ўвасаблення нацыянальнага характару.
- Нацыянальная ідэнтычнасць, нацыянальная ідэя і нацыянальны характар у літаратуры і мастацтве.
- Культуралагічныя падыходы да разумення нацыянальнага характару.
- Праблема нацыянальнай самаідэнтыфікацыі ў мультыкультурным асяроддзі.
- Нацыянальная культура ў «чужым» успрыманні.
- Асаблівасці нацыянальнага гумару.
- Роля нацыянальных лінгвістычных карпусоў у даследаваннях і выкладанні моў.
- Нацыянальны корпус рускай мовы ў навучанні замежнікаў.

На пленарных пасяджэннях нацыянальны характар разглядаўся як даследчая праблема ўвогуле (А.Д. Крывалап, А.І. Лойка, А.С. Сідзельнікава), на прыкладзе розных літаратур: паўднёvasлавянскіх (А.Г. Шэшкен), сучаснай беларускай (Н.Б. Лысова, В.І. Караткевіч), украінскай (В.Б. Федарэнка), амерыканскай (Ю.В. Стулаў), у фальклорным матэрыяле (У.А. Лобач). Асвятляліся пытанні беларускай ідэнтычнасці ў кіно (Н.А. Агафонава), паняцці лінгвакультуралогіі (Ю.В. Ягорава, М.П. Таймур).

У першы дзень канферэнцыі тэматыка тэлемастоў была больш сарыентавана на літаратуру і міжкультурную камунікацыю: «Праблемы нацыянальнай ідэнтычнасці і нацыянальнага характару ў рускай і беларускай літаратуры і мастацтве», «Праблемы нацыянальнай ідэнтычнасці і нацыянальнага характару ў замежнай літаратуры і мастацтве»; «Нацыянальныя аспекты міжкультурнай камунікацыі».

У другі дзень тэлемасты прадстаўлялі ў большасці лінгвістычную і метадычную тэматыку: «Моўныя сродкі ўвасаблення нацыянальнага характару», «Метадычны патэнцыял нацыянальнага кампанента пры вучэнні рускай мовы як замежнай», «Моўная карціна свету і праблемы міжкультурных зносін».

Праведзеная навуковая імпрэза засведчыла, што тэма канферэнцыі не вычарпала сябе і ў кантэксце новых полікультурных і глабалізацыйных выклікаў, у кожны новы перыяд матэрыял для асэнсавання чакае свайго даследчыка.

*канд. філал. навук, дац. С.М. Лясовіч
(Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт імя Еўфрасінні Полацкай)*

**РЕСПУБЛИКАНСКИЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР
«SEAN: ИННОВАЦИОННЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКОВ
ДЛЯ АКАДЕМИЧЕСКОЙ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ
ПО НАПРАВЛЕНИЮ “АРХИТЕКТУРА И СТРОИТЕЛЬСТВО”»**

(21–23 апреля 2022 года)

Над проектом SEAN: «Совместное использование европейского архитектурного наследия: инновационные инструменты преподавания языков для академической и профессиональной мобильности по направлению “Архитектура и строительство”» кафедры славянской филологии работает с 2020 года.

21–23 апреля 2022 года был проведен Республиканский научно-практический семинар по проекту SEAN. За два года исследователи Полоцкого государственного университета:

1) создали корпус текстов по архитектуре и строительству, в который вошли в том числе научные и методические труды преподавателей инженерно-строительного факультета;

2) разработали учебные модули по изучению русского языка как иностранного на основе собранного корпуса текстов.

Семинар был организован с целью поделиться результатами проделанной работы, сделать их доступными для использования лингвистами из других университетов и учебных заведений. Целесообразным такое решение видится, т.к. лингвистические корпуса на разных языках уже сформированы и функционируют, учебные модули на сайт проекта загружены, и на примере даже одного модуля можно рассмотреть методические инструменты и принципы работы, построение учебных занятий, опираясь на лингвистический корпус.

В мероприятии приняли участие учёные из таких вузов, как Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, Белорусский государственный университет, Минский государственный лингвистический университет, Гродненский государственный университет им. Я. Купалы, Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины, Барановичский государственный университет, МИТСО, а также Высшая школа экономики (Москва). Участниками семинара стали и студенты, обучающиеся по специальности «Русский язык как иностранный» и «Архитектура».

21-го апреля работа проходила в рамках круглого стола «Возможности корпусной лингвистики в преподавании языка: методические инструменты». Светлана Михайловна Лясович и Наталья Васильевна Нестер рассказали о процессе создания корпуса русского языка профессиональной направленности «Архитектура и строительство». В продолжение коллеги из других вузов поделились своим опытом исследований в области корпусной лингвистики и методических инструментов работы с корпусами текстов. Состоялось и одно выступление онлайн – профессора Людмила Васильевна Рычковой, которая является ведущим исследователем в сфере корпусной лингвистики в Республике Беларусь. Людмила Васильевна была первой, кто на постсоветском пространстве включил дисциплину по корпусной лингвистике в учебный план подготовки специалистов, вместе с коллегами выступила инициатором создания модуля региональной и зарубежной прессы Национального корпуса русского языка и приняла непосредственное участие в его создании.

Коллеги констатировали, что созданный в проекте SEAN лингвистический корпус на сегодняшний день не имеет аналогов в Беларуси и является хорошим началом для развития направления корпусной лингвистики профессиональной направленности.

Второй день семинара 22-го апреля был насыщен интерактивом. Все участники разделились на команды, каждая из которых, используя архитектурную терминологию, созданный корпус SEAN, создавала новый несуществующий объект архитектурного наследия. Ближе познакомиться с архитектурой Полоцка и актуализировать методические инструменты, которые обсуждали в предыдущий день, команды смогли во время архитектурного квеста по Полоцку.

23 апреля участники семинара уже самостоятельно исследовали архитектурное наследие Полоцка.

Во время семинара появились планы по сотрудничеству с коллегами из разных вузов, которые, безусловно, воодушевили на будущие проекты и обозначили перспективные направления работы кафедры славянской филологии.

*канд. филол. наук, доц. С.М. Лясович
(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)*

УДК 4(476.4)“13/17”

АГУЛЬНЫ АГЛЯД ПОБЫТАВАЙ ШТОДЗЁННАСЦІ ЖЫХАРОЎ БЫХАВА Ў XIV – XVIII стст.**Р.Д. ГАЛЫНСКІ***(Аддзел ідэалагічнай работы, культуры і па справах моладзі Быхаўскага райвыканкама)*

Адзін з асноўных крытэрыяў гарадскога паселішча – спецыфіка заняткаў гараджан, а менавіта рамесніцтва і гандаль. Але да заняткаў гараджан адносяцца праца, адпачынак, баўленне вольнага часу, вайсковая справа; усё гэта – аснова штодзённага існавання жыхароў горада. Праз заняты людзі рэалізавалі сваю жыццяздзейнасць і фарміравалі ўласнае аблічча, адначасова ўплываючы на навакольны свет. Самая звыклая форма штодзённасці, якая суправаджала чалавека ад нараджэння да смерці, – побыт. Гэта рэчы, сярод якіх чалавек жыў, перш за ўсё, у прыватным жыцці, гэта тое, чым і дзеля чаго ён працаваў.

Ключавыя словы: *штодзённасць, побыт, сярэднявечны горад, Быхаў, посуд, адзенне, мэбля, харчаванне, жыллё.*

Уводзіны. Штодзённасць чалавека, ці паўсядзённае жыццё – гэта шматгранны свет чалавечага існавання. Гэты свет уплывае на чалавека і сам атрымлівае значны ўплыў на самога сябе з боку людзей. Пад тэрмінам “паўсядзённае жыццё” намі разумеюцца жыццёвая прастора, заняткі і навакольная рэчаіснасць, у якіх пражывалі быхаўчане. Вывучэнне гісторыі паўсядзённасці – гэта сродак дазнацца пра жыццё, як казаў Арон Гурэвіч “маўклівай большасці” і пабачыць тую гісторыю, якая стварала нас сённяшніх, менавіта яна ўплывала на вышэйшыя падзеі грамадства. Гэта не толькі вывучэнне рэчаў і іх класіфікацыя, як у археалогіі, а яшчэ і вызначэнне іх сацыяльнага кантэксту, як элемента культуры, маркера сацыяльнага статусу. Мы абапіраемся на ідэі заходне-еўрапейскіх гісторыкаў, прадстаўнікоў школы “Анналаў” і перш за ўсё Фернана Брэадэля – класіка французскай гістарыяграфіі, які і ўвёў гэты тэрмін у навуковы дыскурс заходне-еўрапейскай навукі.

Гарадская паўсядзённасць вызначаецца ўрбаністычным асяроддзем горада, яго гандлёвымі, эканамічнымі, культурнымі і мілітарнымі кантактамі, яго сацыяльнай тапаграфіяй. Сукупнасць пазначаных фактараў, у сваю чаргу, знаходзіць выразнае адлюстраванне ў комплексах артэфактаў, рэчаў, якія маркіравалі побытавую прастору гарадскога жыхара, у дадзеным выпадку – жыхара горада Быхава. Разглядаючы яе ў прапанаваным артыкуле, мы дэманструем агульны комплекс побытавай штодзённасці быхаўчан (посуд з побытавай керамікай, адзенне, мэбля і інш.) і жылую архітэктурную Быхава XIV – XVIII стст. на падставе пісьмовых, іканаграфічных і археалагічных крыніц.

Посуд і побытавая кераміка. Самым масавым матэрыялам, з якім сутыкаецца чалавек штодзённа, з’яўляецца адзенне і посуд. Гэтыя катэгорыі рэпрэзентаваны знаходкамі фрагментаў гаршкоў і місак, макотраў, глянцоў, збаноў, патэльняў/рынак, талерак, накрывак, кубкаў і чарак. Сярод усёй сталовай і кухоннай керамікі дамінуюць гаршкі. Яны сустракаюцца ва ўсіх храналагічных напластаваннях і на ўсёй археалагічна даследаванай тэрыторыі горада.

Больш за 70% вырабаў выканана на најым ганчарным крузе і адцягнута з аднаго кавалка гліны (тэхналогія распаўсюджвалася з канца XVI – пачатку XVII ст.). Каля 25% выраблена шляхам кальцавага ці спіральна-стужкавага налёпу на сфармаванае дно з пазнейшым падпраўленнем (тэхналогія характэрна для XV – XVI стст.). Прысутнічаюць вельмі рэдкія вырабы з фарфору і гэтак званы “каменны тавар” – спецыфічнае імпартавае начынне з Заходняй Еўропы (рэйнскія майстэрні), Прыбалтыкі, ці Асманскай імперіі (каля 1 – 1,5% ад агульнай масы знаходак). Астатнія фрагменты – рэшткі чырвонаглінянага посуду. Адзначым, што каля 8 – 10% фрагментаў гаршкоў маюць нагар (рэшткі харчовых прадуктаў, што згарэлі падчас гатавання ежы) і сажу з вонкавага боку. Увесь посуд с сажай і нагарам шэрага, ці чорнага колеру (дымлены, ці “мораны”). На Падняпроўі дымленая кераміка можа выступаць этнічна-рэлігійным маркерам: менавіта такія ганчарныя вырабы карысталіся найбольшай папулярнасцю сярод яўрэйскага насельніцтва рэгіёна. У канцы XIX ст. іх нават называлі “пейсачным” посудам – посудам для Пейсаха [22, с. 468].

Гаршкі прадстаўлены шматлікай разнастайнасцю як форм (прыземістыя акруглабокія, з высокімі і кароткімі шыйкамі, з рабром па плечуку і без яго, адагнутымі, скругленымі і простымі венцамі), так і спосабаў аздаблення (хвалістая і простая лініі, палцавыя і пазногцевыя ўцісканні, кропкі і карбоўка) і апрацоўкі (чырвона-гліняныя, дымленыя, лошчаныя і паліваныя). Сярод паліваў дамінуе зялёны колер, потым ідуць чырвоны, карычневы і жоўты. Асобна трэба адзначыць такую катэгорыю аздаблення, як карбоўка – спецыфічны арнамент з маленькіх кропак і прамавугольнікаў у разнастайных камбінацыях. Такі арнамент наносіўся з дапамогай спецыяльнага калёсіка з шыпамі.

Былі таксама знойдзены нешматлікія фрагменты збаноў з высокім простым горлам, макотры – начынні для расцірання рэчываў (яйкі, мак і г.д.) – нагадвалі ўсечаны конус або цыліндр з тоўстымі сценамі (калекцыя складаецца выключна з фрагментаваных венцаў). Былі выяўлены таксама фрагменты тэракотавых, дымленых, зялёна- і карычневапаліваных місак (начынні для спажывання ежы). Некаторыя – з усечана-канічным профілем. Былі з простымі сценамі з простым венцам, выгнутымі сценамі з адагнутым венцам і выразным плечуком і з венцам у выглядзе літары “Г” ці “Т”. Зафіксаваны фрагменты тэракотавых, дымленых, зялёна- і карычневапаліваных талерак (начынні для спажывання ежы), а таксама ручак ад начынняў. Ручкі, хутчэй за ўсё, належалі разнастайным збанам і куўшынам, часткова гаршкям невялікіх аб’ёмаў. Падзяляюцца на плоскія прамыя, плоскія з баразнай, вітыя (з двух-трох жгутоў), з аздобай – палцавыя ўцісканні [24, с. 26–27]. Быхаўчане выкарыстоўвалі рынкі

і патэльні (прыстасаванні для спражання і тушэння) знойдзены адзінкавыя фрагменты. У калекцыях маюцца звонападобныя накруўкі з аздобай і без аздобы.

Мяркуючы па шматлікіх аналагах, керамічнае начынне з такой прафіліроўкай бытвала ў шырокім храналагічным дыяпазоне – XVI – XVIII стст. (хоць і прысутнічаюць вельмі нешматлікія артэфакты старажытнарускага часу). Але найбольш правільна будзе датаваць керамічны матэрыял (зыходзячы з аналогій Заслаўя і папярэдніх матэрыялаў з Быхава) другой паловай XVI – XVIII ст. пры дамінаванні матэрыялаў XVII – пачатку XVIII ст¹.

Шклянны посуд падзяляецца на сталовы і тарны. Да тарнага посуду адносяцца разнародныя бутэлькі. У XVII ст. дамінавалі бутэлькі падквадратнага і падпрамавугольнага сячэння – кварталы і пляшкі. З канца XVII – XVIII ст. выраблялі бутэлькі круглага сячэння з донцамі. Чаркі мелі круглае сячэнне, розны памер і дыяметр. Памеры: дыяметр венца 2,5–5 см, дыяметр донца 2–4,7 см, вышыня – да 10 см. Шклянкі нагадвалі па сваіх абрысах чаркі, толькі былі большыя за іх па памеры і з больш тоўстымі сценамі. Шклянцы ўпрыгожваліся ажурнай каймой па донцы і жгутамі ў выглядзе раслін і змей. Келіхі нагадваюць сучасныя, у асноўнай сваёй масе маюць трохкутнае сячэнне, усталяваныя на высокую ножку. Са шкла таксама выраблялі і кувалі, ад якіх засталіся шклянныя ручкі прамавугольных абрысаў.

Прыстасаванні для ўжывання ежы ўключалі ў свой склад нажы, лыжкі, відэльцы. Калі пра наяўнасць у кожнай хаце першых двух рэчаў мы можам дасканала пагадзіцца, то відэльцы, нават у XVIII ст., хутчэй за ўсё, былі атрыбутам заможных мяшчан і шляхты. Шумоўкі, цэдлікі, рукамы і іншыя прыстасаванні для прыгатавання ежы, забеспячэння гігіены нам па пісьмовых, іканаграфічных і археалагічных крыніцах, пакуль што, невядомы. Аднаўляюцца ад іх бытвання ў горадзе ў той час наўрад ці магчыма.

Тарны і сталовы посуд мог вырабляцца і з дрэва (міскі, талеркі, кубкі, лыжкі), метала (лыжкі, нажы, відэльцы) і лазы (кашы і інш.). У інвентары Быхаўскага замка за 1692 г. прысутнічае “Rejestr Nieboszyka Holnta” (Рэестр нябожчыка Холнта) згадка прыстасаванняў для гатавання ежы на адкрытым агні: “Do kuchni zeleza to iest oblozyny 2, kotly 2, rozny dwa wielky” (Да кухні жалеза (спецыяльныя прылады), значыць абложыны (каркас да вогнішча/каміна) 2, катлы 2, фіксатары (падпоркі) два вялікіх), “Petelnia stara...” (Патэльна старая), “Kociolki trzy...” (Кацялкі тры), “Trzynogi dwa” (трыногі два). Вельмі цікавая згадка прыстасавання для вырабу алкаголю: “Alembik wielki z szapka z trybami u z przytraska, do ney zelazny trynog” (Алембік вялікі з шапкай з трубама і з перахадніком, да яго жалезны трыног) – гаворка ідзе пра медны перагонны куб з прыстасаваннямі².

У археалагічных матэрыялах з розных частак горада атрыманы разнастайныя вырабы з керамічнай пласцікі (люлькі для палення тытуно, дзіцячыя цацкі, шарыкі ад мурмельшпілю).

Неабходна адзначыць яшчэ адну катэгорыю вырабаў з гліны – керамічныя падсвечнікі і алейныя свяцільнікі. Археалагічныя матэрыялы дэманструюць нам іх дзвюх- і трохсекцыйную канструкцыю: стрыжань-ножка, на якім мацаваліся два – тры сподачкі для затрымання растопленага воску ці алею. Вырабы цалкам ці часткова пакрытыя палівай зялёнага колеру³.

Адзенне. Адзенне градуецца, па-першае, па сыравіне – жывёльнага (футра, скура, поўсць, шоўк) і расліннага (лён) паходжання. Па-другое – па полаўзроставым прызначэнні (мужчынскае, жаночае, дзіцячае і г.д.) і па прафесійна-сацыяльнай прыналежнасці ўладароў (жаўнеры, рамеснікі, мяшчане, шляхта і г.д.). Два асноўныя накірункі ў тагачаснай модзе, што мелі месца на землях Быхаўскага графства (як і рэгіёна ў цэлым) – агульнаеўрапейскі і сарматызм [21].

Адзначым факт адсутнасці згадак вырабу сыравіны, неабходнай для пашыву адзення і абутку. Між тым, у крыніцах маюцца згадкі пра саму гэтую сыравіну, вырабы адзення і яго відавую разнастайнасць. Адсутнічаюць пісьмовыя, іканаграфічныя і археалагічныя крыніцы па гісторыі адзення Быхаўшчыны ў дачыненні да часоў канца XIV – сярэдзіны XVI ст. З гэтай прычыны намі будзе разглядацца адзенне на падставе крыніц, якія маюць дачыненне непасрэдна да Быхава і закранаюць больш позні час.

Першая крыніца, у якой згадваецца адзенне, – “Наезд Нізовых казакоў на город Быхов” [2, с. 175]. Падчас гэтага ваеннага канфлікту ў 1590 г. сярод нарабаванага казакамі майна значыцца шмат элементаў адзення. Так, з дакумента можна даведацца пра назву адзення, яго колер, паходжанне і матэрыял: “армяк муравский серый”, “жупан шарый муравский”, “кожух бараний”, “пояс” [2, с. 176], “рукавицы медвежий”, “сукман люнский”, “ермяков 3 сермяжных”, “шапку и кошуль 2”, “убранье люнское”, “шубу крытую чорным фалюндушом лисью”,

¹ Галынскі, Р. Дз. Справаздача аб археалагічным наглядзе на аб’екце «Текущий ремонт водопроводной сети по адресу г. Быхов, ул. Советская, 2» ў г. Быхаве Магілёўскай вобласці : дамова Ін-та Гісторыі НАН Беларусі з Быхаўскім раённым спажывецкім таварыствам г. Быхава ад 19 чэрвеня 2015 г.) / Р. Дз. Галынскі // ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. – Арх. № 3755.

Галынскі, Р. Дз. Справаздача аб археалагічным наглядзе на аб’екце «Строительство сетей теплоснабжения к зданию прихода храма Святой Живоначальной Троицы г. Быхова» ў 2013 г. : дамова Ін-та гіст. НАН Беларусі з настояцелем храма Святой Жываначальнай Тройцы г. Быхава ад 26 снежня 2013 г. / Р. Дз. Галынскі // ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. – Арх. № 3156. Галынскі, Р. Дз. Справаздача аб археалагічных разведках і раскопках у гістарычным цэнтры г. Быхава Магілёўскай вобласці ў 2013 г. Магілёў, 2014 г. / Р. Дз. Галынскі // ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. – Арх. № 3155. Марзалюк, І. А. Справаздача аб археалагічных раскопках на тэрыторыі замка ў г. Быхаве Магілёўскай вобласці ў 2013 г. / І. А. Марзалюк. – 354 с. – [Рукапіс].

² Інвентар Быхаўскага замка // Рукапісны адзел бібліятэкі Віленскага Дзяржаўнага ўніверсітэта. – А–1538 Л. 1. – Быхаў : [б. в.], 1692. – 11 с.

³ Гл. зноску № 1.

“полотна 6 локтей”, “рантухи 4” (шаль, вялікая хустка з нямецкага сукна – Р.Г.), “кашулю”, “рукавицы”, “рукавицы двой махры”, “боты” [2, с. 177].

Зыходзячы з малюнка Л. Куўро (1640-я гг.), можна дапусціць, што быхаўчане маглі апранацца ў разнастайнае адзенне. На малюнку паказаны як прадстаўнікі шляхты (магчыма, і хтосьці з Сапегаў), так і радавыя мяшчане і жаўнеры. Сярод адзення вылучаюцца: дэліі, жупаны, скураныя, ці валяныя капялюшы, курткі-ментэ, штаны, пасы, спадніцы, хусткі. На адным з партрэтаў К. Л. Сапегі (гравюра В. Гондзіюса 1644 г.) магнат намаляваны ў дэліі, падбітай футрам, з ювелірнымі зашпількамі [5].

Адным з паказальнікаў статусу тагачаснага чалавека была наяўнасць пэўных аксесуараў. Да іх намі аднесены згаданыя пры “Наездзе...” сыгнеты і каліты. Сыгнеты – гэта спецыфічныя пярсцёнкі з пячаткамі ці стылізаваныя пад іх ювелірныя вырабы. Каліта – скураная торба-кашалёк, якая падвешвалася на пас і мела спецыфічны спосаб зачынення, а часам і запіралася на замок з ключом [2, с. 176–177]. Да гэтых прадметаў намі аднесены і гузікі з зашпількамі для вопраткі, бо яны былі паказчыкамі заможнасці мешчаніна і шляхціца.

Харчаванне. Пытанне харчавання ў дачыненні да жыхароў горада Быхава цалкам не раскрыта. Да нашых дзён дайшла не такая колькасць крыніц па гісторыі харчавання быхаўскіх мяшчан, як, напрыклад, магіляўчан. Таму, разглядаючы гастронамічную паўсядзённасць жыхароў Быхава, мы не будзем звяртаць увагу на іх этнічную і рэлігійную прыналежнасць. Асноўнымі крыніцамі па гісторыі харчавання Быхава з яго наваколлем выступаюць Баркулабаўскі летапіс і малюнак Л. Куўро, інвентары Быхаўскага графства і касцёла, інвентарныя і судовыя кнігі Магілёўскага магістрата⁴ [6; 8–19; 20; 1; 3].

На малюнку Л. Куўро намаляваны агароды, якія былі разбіты на месцы сучаснай вул. Валадарскага (у асноўным вырошчвалі рэпу, капусту, цыбулю, часнок, гуркі, буракі). Дамінанту харчовай бяспекі ў рэгіёне складалі злакавыя культуры. Яны ішлі на выраб хлеба, круп, напояў. Пераважала жыта. З Баркулабаўскага летапісу вядома, што ў рэгіёне вырошчвалі жыта, авёс, ярыцу, пшаніцу, ячмень, грэчку, каноплі, гарох, капусту (акрамя таго, гэтымі культурамі вялі інтэнсіўны гандаль) [3, с. 590–592]. З сярэдзіны XVI ст. Рэч Паспалітая стала асноўным пастаўшчыком збожжа ў Еўропу, узамен з Захаду да нас пайшла вялікая колькасць каланіяльных тавараў (марской рыбы, віна, тытуню і інш.). Адзначана, што падчас неўраджаяў хлеба, выжывалі за кошт грыбоў, якія прывозілі вазамі [3].

Свойская птушка была прадстаўлена курамі, качкамі, гусямі, а з сярэдзіны XVIII ст. разводзілі індыкаў. У дачыненні да мяса, аснову рацыёна складала свініна, бараніна і толькі потым ялавіччына (гэта характэрна для зямель усёй тагачаснай Беларусі)⁵ [3]. У пэўнай колькасці археалагічна зафіксавана ўжыванне быхаўчанамі дзічыны. У розных частках горада былі знойдзены іклы дзікоў. У арсеналах быхаўчан і гарадскім цэйхгаўзе захоўваліся вошчапы і шафаліны – дропкі і рагаціны (поліфункцыянальныя коп’і, якія выкарыстоўвалі і на вайне і на паляванні на буйных жывёл). На малюнку Л. Куўро маецца выява паляўнічага на качак, а ў інвентарах касцёла зафіксавана “жалеза бабровае” – пасткі на баброў.

Рыба ўжывалася штодзённа ў вялікай колькасці: шчупакі, ліны, ляшчы, акуні, асятровыя. На малюнку Л. Куўро прысутнічае рыбак з вудай. Цанілася і марская рыба, асабліва селядцы (“галяндэрская”, “шкоцкія”). Асобна закупаўся расол, у якім саліліся селядцы (ёк, ці лёк).

У Быхаве быў гарадскі бровар, бровар пры касцёле і ў маёнтку Белая Гара. Ужывалі моцны алкаголь – гарэлку (маецца згадка алембіка – перагоннага куба, самагоннага апарата)⁶.

Прыведзены спіс харчовай прадукцыі вельмі сціпла дэманструе гастронамічную паўсядзённасць жыхароў Быхава (прыведзены звесткі толькі тых рэчаў, аб’ектаў і страў, якія адлюстраваны ў крыніцах).

Мэбля, што згадваецца ў быхаўскіх пісьмовых крыніцах, прадэманстравана вельмі сціплым комплексам рэчаў. Археалагічна ж можна толькі ўскосна прывязаць жалезныя петлі і клямкі да нейкіх скрыняў ці куфраў. Іканаграфія ўвогуле не дае аніякай інфармацыі пра гэтыя артэфакты. Між тым, найчасцей згадваюцца сталы і лавы. Рабіліся яны з хваёвых дошак і падзяляліся на вялікія і малыя. Ёсць згадкі скураных “шкатулак” і такія рэчы, як “puzderko” (скрыня да выправы). Існавалі “Lichtarze супowe” (ліхтары слоікавыя) і “miedne” (медныя) – запраўляліся алеем (?)⁷.

Жылая архітэктур. Мяшчане як жыхары прыватнаўласніцкага горада маглі мець правы на ўласны зямельны надзел, як у межах горада, так і за яго тэрыторыяй. Але, на нашу думку, асноўная частка насельнікаў Быхава жыла ў ім на правах арэнды зямельных участкаў, ці памяшканняў. З гэтых надзелаў і фарміравалася мяшчанская забудова [7, с. 51]. У большасці гарадоў яна была шчыльнай, без разрываў (горад – абмежаваная тэрыторыя, таму вольнага месца не пакідалася), з жылымі дамамі ў тры акны ўздоўж плошчы і вуліц [25, с. 52].

⁴ Інвентар Быхаўскага графства // Бібліягэка Чартарыйскіх у Кракаве / Klucz bychowski (Bychów). – 9113 Pol. XVIII w. 39,5 x 24 cm. K. 86. Opr. sk.; Там жа. – 9118 Pol. 1785. 32,5 x 20 cm. K. 73. Opr. plsk.; Інвентар Быхаўскага замка // Рукапісны адзел бібліягэкі Віленскага Дзяржаўнага ўніверсітэта. – А–1538 Л. 1. – Быхаў : [б. в.], 1692. – 11 с.; Інвентар Быхаўскага касцёла // Нац. гіст. архіў Беларусі. – Ф. 2395. Воп. 1. Спр. 7.

⁵ Інвентар Быхаўскага графства // Бібліягэка Чартарыйскіх у Кракаве / Klucz bychowski (Bychów). – 9113 Pol. XVIII w. 39,5 x 24 cm. K. 86. Opr. sk.; Там жа. – 9115 Pol. 1758. 31 x 19,5 cm. K. 323. Opr. sk.; Там жа. – 9119 Pol. 1797. 42,5 x 33 cm. K. 82. Opr. sk.

⁶ Там жа. – 9119 Pol. 1797. 42,5 x 33 cm. K. 82. Opr. sk.

⁷ Там жа. – 9118 Pol. 1785. 32,5 x 20 cm. K. 73. Opr. plsk.

Але гэта не было характэрна для гарадоў Верхняга Прыдняпроўя [25, с. 61], таму жыллё, асабліва на пасадах, вельмі нагадвала архітэктурную сельскай мясцовасці з выключным дамінаваннем драўлянай забудовы. Згодна інвентароў Быхаўскага графства канца XVIII ст. ў горадзе прысутнічалі нежылыя гаспадарчыя дамы і, нават, гаспадаркі⁸. Аналізуючы сістэму размяшчэння жылых пабудоў у гарадской забудове, І.М. Слюнькова адзначыла, што для Верхняга Падняпроўя яна выразная толькі ў буйных гарадах [25, с. 61]. Мы можам меркаваць пра пэўнае заніраванне для Быхава як па рэлігійнай, так і па сацыяльнай прыналежнасці. Шчыльнасць забудовы магла роўнапрапарцыянальна залежаць ад колькасці жыхароў горада.

На плане горада 1781 г. на паўднёвым захадзе ад замка пазначаны будынак, які па сваіх абрысах нагадваў магілёўскую ратушу. Чым пабудова з'яўлялася, – дакладна гаварыць цяжка, бо Быхаў быў прыватнаўласніцкім горадам і магістрата ў ім не магло быць. У той жа час, у такім будынку магло размяшчацца гарадское кіраўніцтва (намеснік горада), маглі захоўвацца эталоны мер і вагаў, месціцца адміністрацыя. Верагодна, дадзены аб'ект у Інвентары Быхаўскага графства за 1797 г. апісаны як “Dom Skarbowy stary w ktorym rezydęcyа Namiestnika Miasta Starego Bychowa”. Да гэтай думкі падводзіць згадка будынка з “altienem” (альтанкай (?)). Прамаляваны будынак сапраўды сваімі абрысамі на плане нагадвае жылы дом з прыбудаванай альтанкай. Разглядаемы дом уваходзіў у комплекс пабудоў (разам са спіжарняй, кухняй, стайняй і іншымі гаспадарчымі аб'ектамі), выкананы з дрэва (бруса і кругляка), крыты дранкай, памяшканні забяспечаны пячамі з комінамі, аздобленымі зялёнай кафляй. Падлога і мэбля (перш за ўсё сталы) зроблены з хваёвых дошак⁹.

У XIV – XVI стст., па назіраннях Ю.М. Бохана і А.А. Трусава, у мястэчках, верагодна, і ў гарадах, асноўная частка пабудоў складалася з хваёвых бярвёнаў. Жылыя дамы на Верхнім замку ў Віцебску мелі плошчу да 42 м². Падлогі былі дошчатыя ці глінабітныя. Тэхналогія ўзвядзення драўляных зрубаў прадэманстравана ў археалогіі беларускіх гарадоў некалькімі відамі, якія існавалі адначасова. У XII – XVII стст. шырока была распаўсюджана рубка “ў чашку” з астаткам, “у шулу” і “ў храпку”. Да XVI ст. зрубы слупавой канструкцыі былі частымі ў гаспадарчых пабудовах. Між тым, гаспадарчыя пабудовы (хлявы, сенцы, гумны) маглі быць хварасцяннымі. Дахі крыліся саломай, дранкай, зрэдку дахоўкай (пашырылася з XVII ст.). Двары і гаспадаркі агароджваліся плотам з варотамі, “брамамі” – варотамі з пакрыццём (дахам) і з “форткамі” (каліткамі) [4, с.194; 26, с. 92–93]. З прычыны частых пажараў зрубы існавалі не больш за 20–30 год.

Найбольш яскрава выгляд забудовы сярэднявечнага беларускага горада прадэманстравана на гравюры Іагана Адэльгаўзера і Маціаса Цюндта 1568 г. з выявай горада Гародні [28, с. 102]. На нашу думку, у Быхаве шэраговая гарадская забудова павінна была мець выгляд, як у Гародне.

Частку гарадской забудовы ў XVIII ст. складалі пабудовы фахверкавай канструкцыі. Так, у крыніцах згадваецца “mur pruski” (мур прускі) – будынак з бруса з гонтавым дахам, моцна пацярпелы, з разбуранай печку ўнутры¹⁰. Пачынаючы з XVII ст. забудова змянялася ў бок павелічэння каменных пабудоў. Тады ж з'яўляюцца двухпавярховыя драўляныя жылыя дамы. Такія пабудовы забяспечваліся яшчэ і падклетамі, а ўваход у іх уяўляў рамачна-каркасную канструкцыю – галерэю. Аналагічныя пабудовы былі знойдзены ў Мінску і Віцебску [4, с.194; 26, с. 93]. Найстарэйшая выяўленчая крыніца, якая адлюстроўвае Быхаўскую забудову – малюнак Л. Куўро, сярэдзіны XVII ст. дэманструе Быхаў ва ўсходнім напрамку. “Карта Беларуска-Магілёўскай губерніі і віды Губернскага і Уездных Гарадоў з прысвоенымі ім гербамі” (першая палова XIX ст.) паказвае гарадскую забудову больш позняга часу ва ўсходнім напрамку. На малюнку Л. Куўро адлюстравана асноўная частка горада (была драўлянай), каменных пабудоў было каля 40%. Між тым, малюнак не дае нам магчымасці меркаваць аб відах забудовы да сярэдзіны XVII ст. Больш позні час адлюстраваны ў “Карце Беларуска-Магілёўскай губерніі...”. Археалагічна не выяўлена вялікая колькасць каменных падмуркаў.

Зыходзячы з прыродна-кліматыхных умоў і прыродных рэсурсаў, драўляная забудова на працягу ўсяго існавання Быхава рабілася з дамінаваннем сасны, зрэдку хвой і дуба (ніжнія вянцы, вокны, дзверы, гонта/дранка і г.д.). Да XVI ст. зрубы рубіліся “ў абло”, з канца XVI ст. – “у лапу” [23, с. 164–165].

Горад разрастаўся, у першую чаргу, па восі поўнач – поўдзень. Гэта абумоўлена тым, што так праходзіў стары Магілёўскі, ці Рагачоўскі шлях. На ўсходзе Быхаў быў абмежаваны рэкамі Макранка і Днепр, а на захад ішлі палеткі. Часткова такая сістэма забудовы захоўвалася і да канца XIX – пачатку XX ст.

Абапіраючыся на Інвентар касцёла і Інвентары замка і графства сярэдзіны – канца XVIII ст., можна меркаваць, што асноўная частка гарадской забудовы, нават палацава-замкавы комплекс, была крыта гонтай. Драўляныя пабудовы ўзводзіліся з бруса і кругляку. Падлогі рабілі “z descek”, ці “z targic” (з дошак (колатых), з дошак (пілаваных)). З вузкіх дошак выраблялі сталы і дзверы. Дзверы забяспечваліся петлямі, клямкамі і зашчэпкамі ў залежнасці ад прызначэння (уваходныя, міжпакаёвыя). На вокны ставілі жалезныя краты. Вылучаюцца вокны “wielky”, “maly” і “mienshy” (вялікія, малыя і меншыя). Шкло выкарыстоўвалі “biale”, “zielone” і “rozne” (белае (празрыстае), зялёнае) магчыма вітражы (?). Шкляныя шыбкі ўстаўлялі ў драўляныя або алавыя аправы, нават у палацава-замкавым комплексе суіснавалі ў розных пакоях усе згаданыя тыпы акон. Пакоі забяспечвалі пячамі

⁸ Інвентар Быхаўскага графства // Бібліятэка Чартарыйскіх у Кракаве / Klucz bychowski (Bychów). – 9113 Pol. XVIII w. 39,5 x 24 cm. K. 86. Opr. Sk; Там жа. – 9115 Pol. 1758. 31 x 19,5 cm. K. 323. Opr. sk.; Там жа. – 9118 Pol. 1785. 32,5 x 20 cm. K. 73. Opr. plsk.; Там жа. – 9119 Pol. 1797. 42,5 x 33 cm. K. 82. Opr. sk.

⁹ Там жа. – 9119 Pol. 1797. 42,5 x 33 cm. K. 82. Opr. sk.

¹⁰ Там жа. – 9119 Pol. 1797. 42,5 x 33 cm. K. 82. Opr. sk.

і “kominkamy” (камінамі) з комінамі, выведзенымі на дах. Печы маглi аздабляцца зялёнай або белай кафляй ці пакадацца проста атынкаванымі глінай. “Kominky” усе, без выключэння, пакрываліся кафляй. Сярод печак вылучаюцца “piekernka”, “pech do chleba”, “piechurca” і “kuchnia” (пекарня, хлебная печ, печачка і кухня). Апошні тэрмін – каменныя ці цагляныя, ставіліся па сярэдзіне ці каля сценкі памяшкання. Адметна, што ў адным памяшканні адначасова згадваюцца “... pech z kominkem...” (... печ з комінам) і “kuchnia z segiel” (кухня цагляная)¹¹. На нашу думку, гэта асобная пабудова кштальту галандскай/англійскай пліты – простакутная ў плане скрыня з цэгля (у цэнтры распальвалі агонь), верх – металічная пліта для гатавання ежы [28].

Заклучэнне. Падсумоўваючы атрыманыя звесткі, выпадае канстатаваць наступнае.

Побытавая штодзённасць жыхароў Быхава ў XIV – XVIII стст. была шмат у чым абумоўлена прыродна-кліматичнымі ўмовамі, што адлюстравана ў харчаванні, адзенні, жыллі і інш. Меліся заходнееўрапейскія ўплывы (мода на адзенне, элементы архітэктуры, харчавання і інш.). Гэта абумоўлівалі гандаль, культурныя і ваенныя стасункі і агульнаасветныя цывілізацыйныя працэсы. Кераміка амаль цалкам была мясцовага паходжання, але адзначаюцца рэлігійна-этнічныя маркеры і ўплывы моды. Архітэктура і побытавае абсталяванне (мэбля) ў асноўным вырабляліся з дрэва. Прасочваюцца розныя тыпы пабудоў (жылыя і гаспадарчыя збудаванні). На канец XVIII ст. для жыллаў характэрны шкляныя вокны, у гэты ж перыяд адсутнічаюць згадкі пабудоў без комінаў.

Такім чынам, побытавая штодзённасць жыхароў Быхава выразна адлюстроўвала штодзённасць, уласціваю для ўсіх прыватна-ўласніцкіх урбаністычных комплексаў Беларусі часоў Вялікага Княства Літоўскага і Рэчы Паспалітай.

ЛІТАРАТУРА

1. Акты, издаваемые Виленскою комиссиею для разбора древних актов : в 39 т. – Вильна : Тип. Губ. правл., 1865–1915. – Т. 39: Акты Могилевского магистрата XVI в. (1578–1580). – 1915. – 664 с.
2. Археографический сборник документов, относящийся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при Управлении Виленского учебного округа : в 14 т. – Вильна : Печатня Губ. правл., 1867–1904. – Т. 1. – 1867. – 409 с.
3. Баркулабаўскі летапіс / рэд. савет: Т.У. Бялова (гал. рэд.) [і інш.] ; апрац. і ўзнаўл. тэксту: І.У. Будзько [і інш.] ; аўт. уступ. арт. А.А. Суша ; Нац. б-ка Беларусі, Цэнтр даследаванняў беларус. культуры, мовы і літаратуры Нац. Акад. навук Беларусі. – Мінск : Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2013. – 616 с.
4. Бохан, Ю.М. Мясцічкі і працэсы ўрбанізацыі на землях Беларусі ў XV–XVIII стст. / Ю.М. Бохан. – Мінск : Беларус. навука, 2018. – 292 с.
5. Волкаў, М.А. Быхаў у першай палове XVII ст. / М.А. Волкаў // Сапегі: асобы, кар’еры, маенткі : зб. навук. арт. – Мінск : А.М. Янушкевіч, 2018. – С. 167–194.
6. Волкаў, М.А. Панарама Старога Быхава другой паловы XVII ст. / М.А. Волкаў // Беларус. гіст. часопіс. – 2013. – № 5. – С. 16–24.
7. Грицкевич, А.П. Частновладельческие города Белоруссии в XVI–XVIII вв. / А.П. Грицкевич. – Минск : Наука и техника, 1975. – 248 с.
8. Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в центральном архиве в Витебске / изданные под ред. архивариуса сего архива М. Веревкина. – Витебск : Тип. Губ. правл., 1888. – Вып. 17. – 454 с.
9. Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в центральном архиве в Витебске / изданные под ред. архивариуса сего архива Созонова. – Витебск : Тип. Губ. правл., 1871. – Вып. 1. – 377 с.
10. Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в центральном архиве в Витебске / изданные под ред. архивариуса сего архива Созонова. – Витебск : Тип. Губ. правл., 1871. – Вып. 2. – 376 с.
11. Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в центральном архиве в Витебске / изданные под ред. архивариуса сего архива Созонова. – Витебск : Тип. Губ. правл., 1872. – Вып. 3. – 444 с.
12. Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в центральном архиве в Витебске / изданные под ред. архивариуса сего архива Созонова. – Витебск : Тип. Губ. правл., 1873. – Вып. 4. – 432 с.
13. Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в центральном архиве в Витебске / изданные под ред. архивариуса сего архива Созонова. – Витебск : Тип. Губ. правл., 1874. – Вып. 5. – 416 с.
14. Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в центральном архиве в Витебске / изданные под ред. архивариуса сего архива Созонова. – Витебск : Тип. Губ. правл., 1874. – Вып. 6. – 411 с.
15. Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в центральном архиве в Витебске / изданные под ред. архивариуса сего архива Созонова. – Витебск : Тип. Губ. правл., 1876. – Вып. 7. – 511 с.
16. Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в центральном архиве в Витебске / изданные под ред. архивариуса сего архива Созонова. – Витебск : Тип. Губ. правл., 1877. – Вып. 8. – 530 с.

¹¹ Інвентар Быхаўскага графства // Бібліятэка Чартарыйскіх у Кракаве / Klucz bychowski (Bychów). – 9118 Pol. 1785. 32,5 x 20 cm. K. 73. Opr. Płsk; Там жа. – 9119 Pol. 1797. 42,5 x 33 cm. K. 82. Opr. sk.

17. Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в центральном архиве в Витебске / изданные под ред. архивариуса сего архива Созонова. – Витебск : Тип. Губ. правл., 1878. – Вып. 9. – 546 с.
18. Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в центральном архиве в Витебске / изданные под ред. архивариуса сего архива Созонова. – Витебск : Тип. Губ. правл., 1879. – Вып. 10. – 544 с.
19. Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в центральном архиве в Витебске / изданные под ред. архивариуса сего архива Созонова. – Витебск : Тип. Губ. правл., 1880. – Вып. 11. – 534 с.
20. Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в центральном архиве в Витебске / изданные под ред. архивариуса сего архива Довгяло. – Витебск : Тип. Губ. правл., 1906. – Вып. 32. – 461 с.
21. Клімуць, Л.Я. Сармацкая культура беларускай шляхты ў XVI–XVIII стст. / Л.Я. Клімуць. – Мінск : Беларусь, 2013. – 127 с.
22. Опыт описания Могилевской губернии в историческом, физико-географическом, этнографическом, промышленном, сельскохозяйственном, лесном, учебном, медицинском и статистическом отношениях : в 3 кн. / сост. [с предисл.] и под ред. А.С. Дембовецкого. – Могилев : Тип. Губ. правл., 1882. – Кн. 2. – 783 с.
23. Рабинович, М.Г. Русское жилище в XIII–XVII вв. / М.Г. Рабинович // Древнее жилище народов Восточной Европы. – М. : Наука, 1975. – С.164–165.
24. Синчук, И.И. Крученые ручки кувшинов 17 в. / И.И. Синчук // Магілёўшчына. – Магілёў : Магілёў. абл. краязн. музей імя Е.Р. Раманава, 1994. – Вып. V. – С. 26–27.
25. Слюнькова, И.Н. Архитектура городов Верхнего Приднепровья XVII – середины XIX в. / И.Н. Слюнькова. – Минск : Навука і тэхніка, 1992. – 144 с.
26. Трусаў, А.А. Кароткая гісторыя архітэктуры Беларусі / А.А. Трусаў. – Мінск : Харвест, 2015. – 464 с.
27. Якимович, Ю.А. Зодчество Белорусии XVI–XVII вв. : справ. пособие / Ю.А. Якимович. – Минск : Навука і тэхніка, 1991. – 368 с.

Паступіў 16.04.2022

THE DAILY OF RESIDENTS OF THE CITY OF BYCHOV IN XIV–XVIII CENTURY

R. GALUNSKY

One of the main criteria that usually allocate the city from among the other types of settlements, in addition to the availability of a system of defensive fortifications, the specifics of citizens' classes are speaking, namely craft and trade. Classes of citizens are labor, rest, free time, military business. All this is the basis of the everyday existence of residents of the city of Bychov. Through his classes, people provided their existence and formed their appearance, while at the same time influencing the world surrounding them. The most common form of everyday life, which accompanied the person from birth to death – life. That objects, among whom a person existed, first of all, in his private life. That, for what he worked.

Keywords: *everyday life, life, medieval city, Bychov, dishes, clothing, furniture, food, housing.*

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Генина Ю.А.</i> Оперативный штаб рейхслайтера Розенберга и его деятельность в отношении музейных, книжных и архивных фондов Беларуси (1941–1944 гг.)	2
<i>Грунтоў С.У.</i> Культура памяці беларусаў у пачатку ХХ ст.: мемарыяльны ландшафт	11
<i>Жук С.А.</i> Развитие организационных форм подготовки научных кадров в АН БССР (середина 1940-х – середина 1960-х гг.)	18
<i>Завацкі Я.І.</i> Экалагічныя праблемы лясной зоны асіповіцкага раёна БССР (1985 – 1991 гг.): на аснове матэрыялаў раённай газеты «Заветы Леніна»	27
<i>Зыль А.В.</i> Становление и современное состояние археозоологического изучения фаунистических остатков на территории Беларуси	31
<i>Карпекін К.Р.</i> Сацыяльна-побытавыя ўмовы дзейнасці рабінаў і рэзнікаў у Беларускай ССР У 1920-я – 1930-я гг.	37
<i>Кежа Ю.Н.</i> Политическая коммуникация между правителями в «Хронике Ливонии»	44
<i>Калбека Л.Р.</i> Свінцовыя пломбы XI – XIII стст. з выявамі святых (у зборы Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка)	50
<i>Корсак А.И.</i> Места захоронений советских военнопленных на территории Беларуси: к вопросу об увековечении памяти	55
<i>Коц А.Л.</i> Гісторыя вывучэння будаўнічых матэрыялаў мураваных помнікаў Полацка старажытнарускага перыяду	60
<i>Магалинскі І.У.</i> Элементны склад прадметаў хрысціянскага культу з каляровых металаў Х – XVIII стст. з тэрыторыі Паўночнай і Цэнтральнай Беларусі	67
<i>Огородников А.А.</i> Социальная сфера Полоцка в 1945–1991 гг.	71
<i>Сенько А.И.</i> Социальные аспекты демографического перехода в Беларуси во второй половине XIX – начале XX в.	75
<i>Старостенко Э.В.</i> Проблема участия в политической жизни России в решениях съездов военного и морского духовенства в 1917 году	79
<i>Терентьев В.В.</i> Некоторые аспекты национальной политики советской власти в БССР в 1960-е – 1980-е гг.	85
<i>Бусько С.И.</i> Алексей Полторацкий: у истоков физической культуры Беларуси	88

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Биюмена А.А.</i> Человек как объект макротекста в пространстве белорусской прессы	92
<i>Василенко Е.Н.</i> Стратегия положительной самопрезентации Мы-группы в интолерантном дискурсе	96
<i>Коваленя А.В.</i> Образ представителя фауны в риторических способах выражения степени качества	99
<i>Королев И.А.</i> Редакционный фактчекер и журналист-фактчекер: к определению задач и функций	103
<i>Масленікава С.С.</i> Супастаўляльны аналіз беларускіх і нямецкіх фразеалагізмаў і парэмій з біблейскімі антрапонімамі	108
<i>Нанос А.В.</i> «Операция “Шейлок”. Признание» Филипа Рота как метароман	111
<i>Нестер Н.В.</i> Жанровое своеобразие сборника Х. Уолпола «Иероглифические сказки»	118
<i>Папакуль Я.А.</i> Спецыфіка перадачы аманіміі ў “Празаічнай Эдзе” пры перакладзе на рускую, англійскую і беларускую мовы	123
<i>Петрачкова И.М.</i> Ономапотэтические универсалии в ностальгических драмах Елены Анатольевны Греминой	127
<i>Романаускас Е.В., Баркович А.А.</i> Сопоставительная характеристика имен собственных в паремиях английского, немецкого, русского и белорусского языков	136
<i>Севдалева А.С.</i> Адресатные характеристики лекций формата TED-talk	140
<i>Семчёнко Л.И.</i> Концепция любви в новелле И.В. Гёте «Безумная скиталица»	145
<i>Скоробогатая Т.И.</i> Полупрефиксальные глаголы в немецком языке с компонентом <i>an-</i> и их неоднословные соответствия	149
<i>Третьякова Ю.Р.</i> Деривационный потенциал префиксации в различных функциональных формах существования русского языка	152
<i>Чалова О.Н.</i> Прагматические функции медицинской терминологии в дискурсе Covid-19	158
<i>Al-Bdairi A. M. Ch.</i> Images of father and mother in W. Shakespeare’s plays «Romeo and Juliet» and «King Lear»: the specifics of interpretation	162

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

II Міжнародная навуковая канферэнцыя «Нацыянальны характар і спосабы яго ўвасаблення ў культуры і мовева ўмовах мультыкультурнага асяроддзя» (24–25 сакавіка 2022 года) (<i>С.М. Лясовіч</i>)	168
Рэспубліканскі навучна-практычны семінар «SEAN: інавацыйныя інструменты преподавання языков для академической и профессиональной мобильности по направлению “Архитектура и строительство”» (21–23 апреля 2022 года) (<i>С.М. Лясовіч</i>)	169
<i>Галынскі Р.Д.</i> Агульны агляд побытавай штотдзённасці жыхароў Быхава ў XIV – XVIII стст.	170